This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

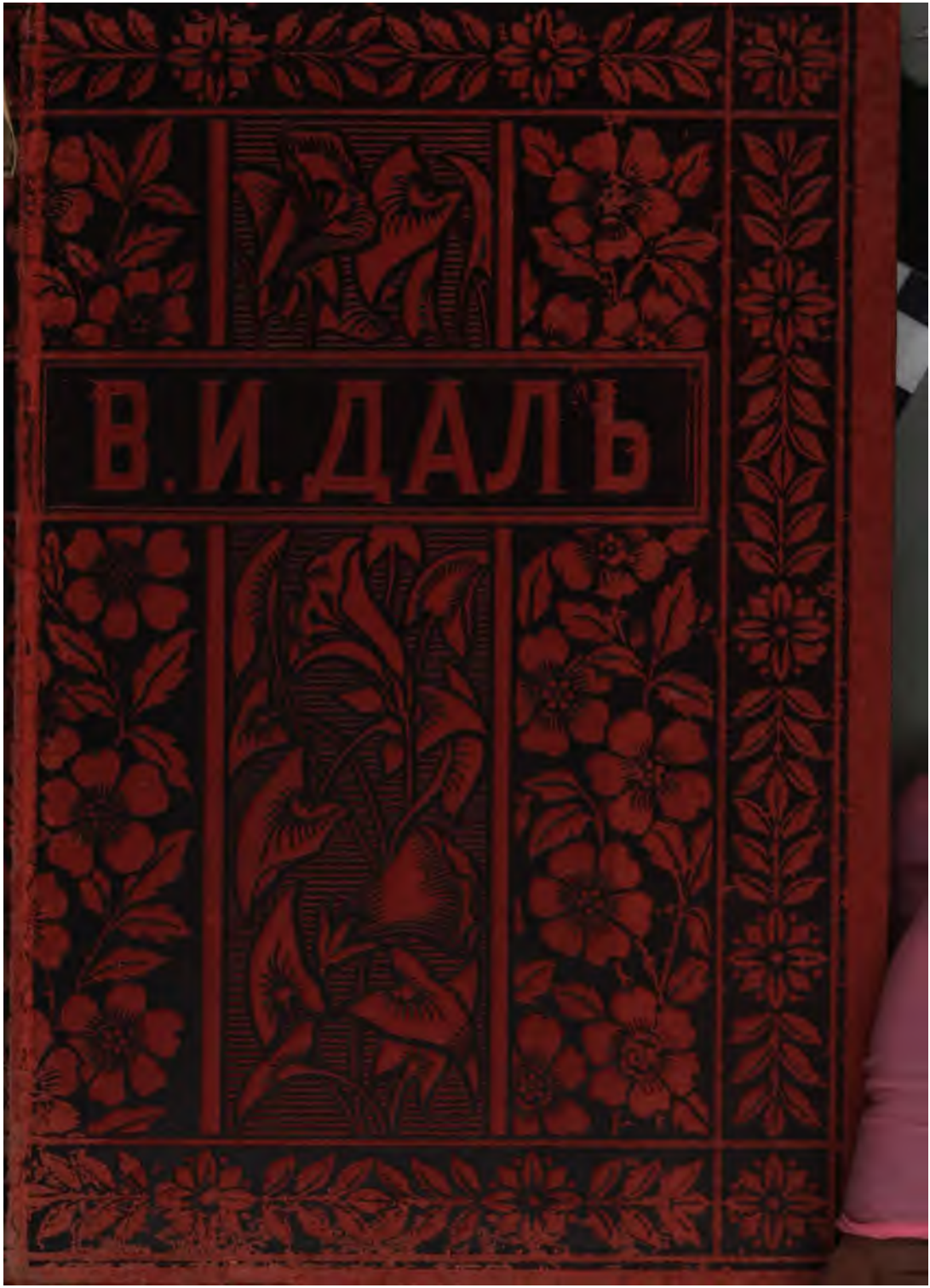
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

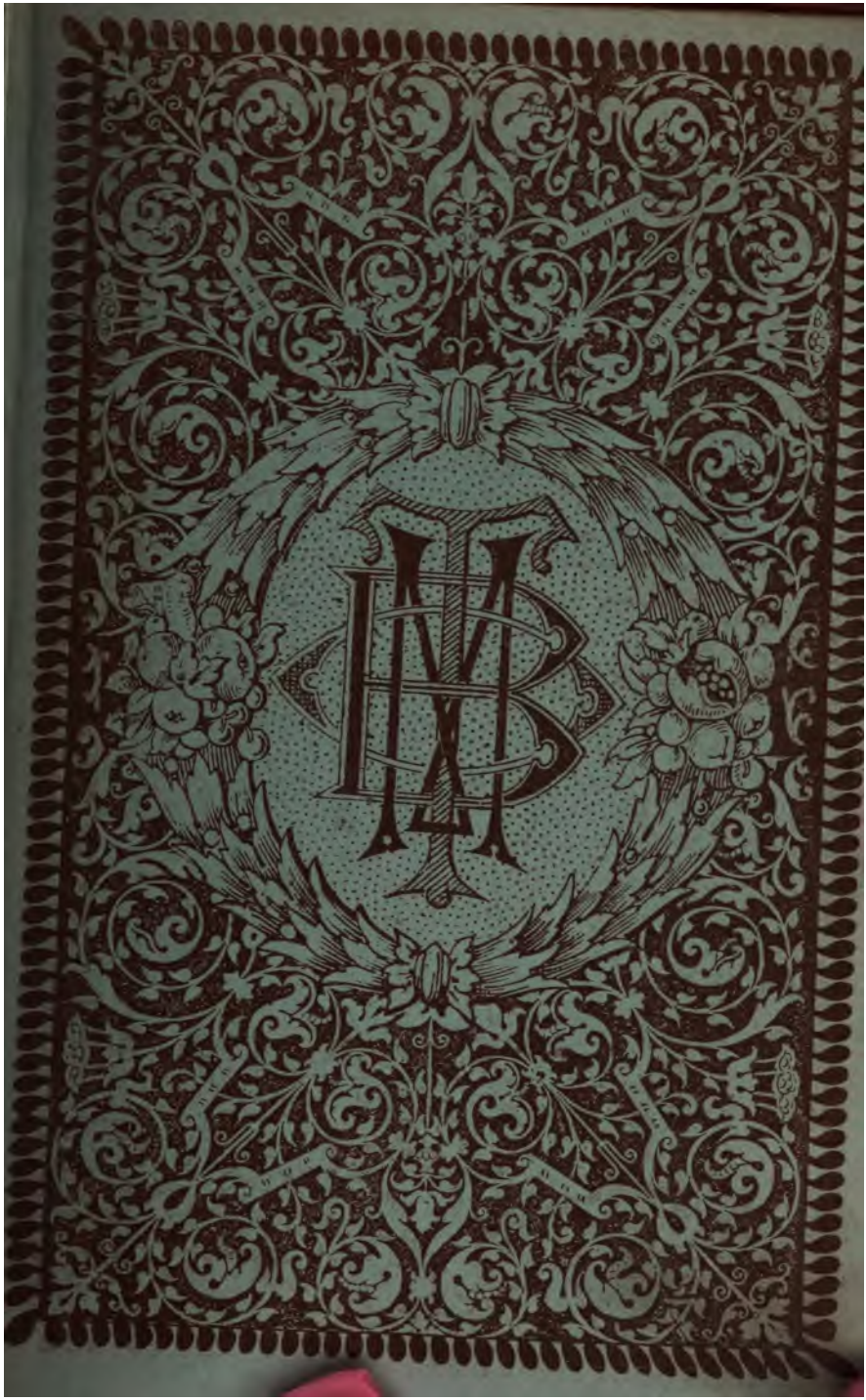
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


В.И.ДАЛЬ

A45216

STANFORD UNIVERSITY LIBRARY

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ.



ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

ВЛАДИМІРА ДАЛЯ

(КАЗАКА ЛУГАНСКАГО)

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

Dal', Vl. I.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
ВЛАДИМІРА ДАЛЯ
(КАЗАКА ЛУГАНСКАГО)

Первое посмертное полное изданіе, дополненное, свѣренное и вновь просмотрѣнное по рукописямъ

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

I. ПОХОЖДЕНІЯ ВІОЛЬДАМУРА И ЕГО АРШЕТА
II. ОЧЕРКИ И СТАТЬИ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ Гостиный дворъ, № 18
МОСКВА Кузнецкій мостъ, № 12
1898

891.73
D131
v.10

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.
Дозволено цензурою Спб, 21 сентября 1898 г. Редакторъ-издатель А. М. Вольфъ.

ПОХОЖДЕНІЯ

ХРИСТІАНА ХРИСТІАНОВИЧА

ВІОЛЬДАМУРА

И ЕГО АРШЕТА

В. И. Даль. Т V.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Если вы, почтенный читатель, подшучивали когда-нибудь надъ дѣвицей, которая хвалилась, какъ своей работой, турецкимъ всадникомъ, вышитымъ ею по готовымъ клѣточкамъ канвы и по готовому узору — то, конечно, позабавались бы при случаѣ и на мой счетъ, не напиши я только этого предисловія. Дѣло въ томъ, что художникъ передалъ мнѣ пятьдесятъ готовыхъ картинъ, съ предложеніемъ написать къ нимъ объясненіе. Вотъ какимъ образомъ составилась эта повѣсть. Я подбиралъ только тѣни, отсчитывалъ стежки и старался прятать узлы и концы подъ-исподъ.

В. Луганскій.

Похожденія Христіана Христіановича Віольдамура и его Аршета! А что̀ за похожденія, и что̀ за Віольдамуръ съ Аршетомъ? Кто таковъ этотъ знаменитый мужъ, и кто таковъ другъ его или товарищъ, осужденный на вѣчныя послуги и готовый, повидимому, вынести на покорномъ хребтѣ своемъ заглавіе повѣсти нашей изъ всѣхъ бѣдъ юдольныхъ, подъ гору и въ гору, хоть пожалуй прямо въ храмъ вѣчности и славы? Не утѣшительно ли это для насъ обоихъ, рыцарей пера и карандаша, что одинъ только огонь можетъ истребить заглавіе повѣсти нашей, ввѣренное попеченію Аршета, который безспорно выне-

сетъ его изъ воды, и можетъ быть даже изъ самыхъ опасныхъ для сочинителя топкихъ водъ пограничной рѣчки Леты? Но будемъ надѣяться въ этомъ случаѣ не на однихъ добрыхъ и разумныхъ собакъ, а на добрыхъ и умныхъ людей, и ожидать отъ нихъ участи не только заглавію, но и цѣлой повѣсти нашей.

Итакъ, что̀ за двойни передъ нами, и кому изъ нихъ по шерсти кличка дана? И тому и другому; одинъ Христіанъ Христіановичъ — стало быть полу-русскій нѣмецъ; онъ же Віольдамуръ—стало-быть отецъ или дѣдъ его былъ родомъ человѣкъ безпокойный, и если не французъ, то по крайней мѣрѣ близкій ему сосѣдъ, можетъ быть Альзасецъ, изъ Кёльна, Страсбурга или Ахена; стало-быть также прозваніе это — Віольдамуръ—дано было когда то родоначальнику аршеткинскаго барина, за искусство владѣть смычкомъ на почти забытой нынче віолѣ, среднемъ подросткѣ между двухъ, болѣе намъ знакомыхъ братьевъ: визгливымъ и упрямымъ ребенкомъ, котораго взялъ къ себѣ на воспитаніе причудливый Паганини, и разсудительнымъ, сутуловатымъ служкою Ромберга, отзывающимся на спросъ могучаго смычка чистымъ человѣческимъ голосомъ. Итакъ, дѣдъ и прадѣдъ героя нашего были музыканты; отецъ также; онъ прибылъ въ Питеръ по вызову, привезъ съ собою бѣлый тканьёвой халатъ, колпакъ, двѣ скрипки, да свою Катерину Карловну; былъ принятъ въ каммеръ-музыканты и день-за̀-день пилилъ нѣжно и страстно конскимъ бѣлымъ волосомъ по кишечкамъ многихъ тысячъ овецъ и ягнятъ. Никогда невинныя животныя эти за̀-живо и во снѣ не видали, что въ утробѣ ихъ заключается такой сладкозвучный голосъ, какой умѣлъ искусно вызывать изъ отжившихъ остатковъ ихъ нашъ Віольдамуръ, достойный потомокъ славнаго въ свое время на берегахъ Рейна Віольдамура. И дѣло, старичокъ, благую часть ты

избралъ: ты пустился въ такую игру, въ которую конечно никого и никогда не объигрывалъ, но между тѣмъ самъ всегда оставался въ выигрышѣ.

Другому герою похожденій нашихъ дана кличка Аршетъ; слѣпо и послушно онъ повинуется, какъ смычокъ, волѣ своего господина; такъ же понятливъ, такъ же искусенъ и расторопенъ, и молчаливъ, и разговорчивъ — все по волѣ хозяина, но онъ постояннѣе и благороднѣе своего тёзки, потому что не отсталъ отъ бѣднаго барина, когда всѣ смычки на свѣтѣ покинули его на произволъ судьбы. Зачѣмъ же дали ему кличку Аршетъ, а не смычокъ? Затѣмъ, что мы въ дѣло это не вмѣшивались, а баринъ его родился и выросъ въ Питерѣ; слѣдовательно, взглянувъ на какой-либо предметъ, ему всегда напередъ приходило въ голову заморское названіе, а потомъ уже русское. Впрочемъ, и самая скрипка Віольдамура была не роднымъ, а своднымъ братомъ нашей балалайкѣ.

У старика Христіана Готлиба Амедея Віольдамура, по сожительству его съ Катериною Каролиною, урожденною Лаутеншпиль, на пятый годъ по пріѣздѣ въ Россію, родился первенецъ, сынъ Христіанъ—и таки только Христіанъ, безъ Карла Фердинанда, безъ Готлиба и Амедея, словомъ, безъ всякихъ недовѣсковъ: старикъ успѣлъ уже столько приглядѣться къ русскимъ обычаямъ, что считалъ вовсе излишнимъ навязать сыну цѣлую плетеницу именъ: — онъ будетъ современемъ Христіановичъ,—утѣшалъ Готлибъ Амедей недовольную распоряженіемъ этимъ Катерину Каролину или Катерину Карловну,—и будетъ съ него. — Отъ перемѣны ли климата случилась неожиданная прибыль въ домъ Христіана Готлиба Амедея, или просто отъ непостижимости Промысла, но радость стариковъ была обоюдная, относя слово это къ брачной четѣ; что же собственно до много обѣщавшаго младенца, то онъ былъ,

кажется, рожденіемъ своимъ недоволенъ; по крайней мѣрѣ онъ кричалъ фистулой въ теченіе цѣлыхъ первыхъ сутокъ. Старикъ протверживалъ тогда новую увертюру и только во время паузъ или молчковъ второй скрипки, представителемъ которой былъ Віольдамуръ, раздавался непрерывный второй голосъ новорожденнаго сына его. Голосъ этотъ обѣщалъ уже со дня рожденія огромный объемъ и силу. Обстоятельство это убѣдило старика вполнѣ, что изъ мальчика выйдетъ прокъ, будетъ современемъ славный музыкантъ, и первый дуэтъ между отцомъ и сыномъ былъ такимъ образомъ разыгранъ въ самый день рожденія послѣдняго. Старикъ положилъ скрипку, подошелъ къ крикуну, ощупалъ указательнымъ перстомъ мягкій черепъ младенца, остановился пальцемъ надъ бровью, неподалеку виска, и сладостно улыбнулся.—Изъ него выйдетъ славный музыкантъ,—сказалъ Готлибъ, подавая своей Катеринѣ Каролинѣ руку:—шишка музыки, которую землякъ нашъ, флейтистъ, называетъ органомъ, шишка музыки развита у него необычайно.

На другой день, когда малютка поуспокоился немного, сошлись ближайшія пріятельницы Катерины Карловны, няньчили, цѣловали наперерывъ нашего рачонка и спорили: на кого онъ похожъ, на отца, или на мать? Примѣтъ, въ пользу того и другого мнѣнія, нашлась бездна, такъ, что одна сторона увѣряла: это вылитая мать, а другая божилась и клялась за отца, и не понимала, какъ можно быть слѣпымъ до такой степени, чтобы не узнать въ ребенкѣ до единой всѣ черты папеньки. Шагнемъ для рѣшенія этого спора при открытыхъ дверяхъ, то есть въ вашемъ присутствіи, почтенные читатели, недѣли на три впередъ: вотъ вамъ на лицо вся семья (рис. 2): старый Христіанъ, молодой Христіанъ, оправившаяся и принарядившаяся по домашнему маменька, и кухарка Акулина, которая

между прочимъ путалась всегда, когда спрашивали ее: откуда она родомъ, и припоминала, изъ Пскова ли

рис. 2

она или изъ Гдова. Акулина, по случаю повышенія своего въ чинъ няньки, получила въ подарокъ новый бумажный платокъ; перемѣнивъ верхнее платье, она преобразовалась какъ личинка бабочки, вышла еще цвѣтистѣе и пестрѣе прежняго и съ самодовольствіемъ вступила въ новую свою должность. А чтобы вы не сомнѣвались въ доброхотствѣ ея и заботливости о народившемся на свѣтъ художникѣ, то она и является въ люди съ огромной деревянной ложкой, приспособленною едва ли не къ собственнымъ ея устамъ, распоротымъ, какъ изволите видѣть, по самыя уши, — съ миской лапши или каши на цѣлую артель—и, наконецъ, съ добродушною улыбкою, которая говоритъ

ясно, что ей не жаль ни лапши, ни каши, ни молока, ни своей большой деревянной ложки. Папенька протвердилъ на вечеръ «Багдадскаго Калифа», положилъ скрипку и надрывается въ нѣжностяхъ; маменька зоветъ Христиньку, который лежитъ телёночкомъ, между тѣмъ какъ няня увѣряетъ, что онъ не пойдетъ ни къ кому, а любитъ няню свою и хочетъ у нея остаться. У отца, кажется, должно быть не больше волосъ на головѣ, какъ видимъ у сынка; но за то отецъ едва ли не богаче сына однимъ зубомъ. Рѣшайте сами, послѣ этого, на кого похожъ сынъ?

Катерина Карловна рубила пелёнки, когда Христіанъ Адамовичъ возвратился рано вечеромъ домой съ какой то пробы, и привелъ съ собою вторую флейту, стараго товарища своего, съ которымъ иногда забавлялся въ пикетъ. Пикетъ пикетомъ, но былъ тутъ и другой еще умыселъ: вторая флейта — съ которымъ сдружился Христіанъ Адамовичъ какъ вторая скрипка— хотя злые языки и увѣряли, что онъ играетъ третью скрипку—вторая флейта знала много толку въ краніологіи, краноскопіи, физіогномикѣ, занимался также мистикой, симбалистикой, кабалистикой, хиромантіей, алхиміею, астрологіею, и составлялъ гороскопы; а Христіанъ Готлибъ думалъ, что уже время позаботиться о воспитаніи первенца своего и узнать по крайней мѣрѣ склонности его, дарованія и предназначеніе. Старикъ лѣтъ двадцать ждалъ рожденія сына и въ это время на досугѣ часто размышлялъ о воспитаніи: онъ все передумалъ, все рѣшилъ, былъ увѣренъ, что никто въ мірѣ не сумѣетъ воспитать сына такъ, какъ онъ, и собирался заблаговременно сдѣлать свои распоряженія.

— Пойдемте, другъ мой,—говорилъ Христіанъ, подводя вторую флейту за руку къ своему Христинькѣ:— взгляните на моего мальчишку, да порадуйте меня добромъ. Голова, кажется, многозначительная: заты-

локъ круглый, лобъ крутой, носъ будетъ орлиный, глаза умные, большіе—а уши—посмотрите-ка, уши—что бы это значило? а?

— Нидерландская кровь,—отвѣчалъ тотъ,—всюду скажется; родъ вашъ, любезный землякъ, искони славится своимъ художественнымъ образованіемъ относительно музыкальныхъ инструментовъ, то есть относительно инструментовъ струнныхъ, хочу я сказать, потому что всякому дано свое: смычокъ — вашъ скипетръ; не сбыточное дѣло, чтобы сыну вашему быть въ своей семьѣ уродомъ, и Богъ благословитъ васъ радостію; да, уши настоящіе тимпаны... только заботьтесь, Катерина Карловна, приглаживать ихъ подъ шапочку; уши даровитыя, что и говорить, но топыриться имъ не для чего; выставлять на показъ дарованій своихъ не должно; углубись въ себя, сказалъ одинъ знакомый мнѣ мудрецъ, потому что скромность есть мать всѣхъ пороковъ... то есть доблестей, добродѣтелей, — хотѣлъ я сказать—и это истина.

— Вотъ онъ передъ вами, куманёкъ,—продолжалъ старикъ: надѣюсь, — вы позволите мнѣ называть васъ кумомъ и не откажетесь крестить у меня сына — жена, проси стараго друга нашего: крестины въ будущую среду. Акулина, размотай свивальникъ, раскинь пелёнки, дай намъ поглядѣть на малютку въ первобытномъ видѣ его, какъ Богъ его сотворилъ намъ на радость, а себѣ на славу; а, ну, покажи!

Мальчкшку развернули, и вторая флейта стала щупать его кругомъ, перебирать по немъ пальцами, какъ по флейтѣ.—А!—сказалъ онъ, наконецъ, когда ребенокъ началъ покрякивать и повертываться:—а! да; животнодушевный человѣкъ въ мальчикѣ этомъ сказывается только посредствомъ пяти чувствъ, острыхъ, тонкихъ, чуткихъ; умственно-душевный человѣкъ рѣшительно преобладаетъ; онъ рѣдко будетъ увлекаться внѣшними

впечатлѣніями, а будетъ творить самобытно. Воля ваша, это будетъ геній!

Между тѣмъ генію надоѣло лежать нагишомъ или ему досадилъ вторая флейта, которой мѣсилъ и щупалъ его со всѣхъ концовъ, безпощадно, словомъ, Христіанъ Христіановичъ прогнѣвался, началъ блажить и заревѣлъ такимъ страшнымъ голосомъ, какой иногда только вырывается, можетъ быть, и то невзначай и цѣлою октавою ниже, изъ какого-нибудь серпана (рис. 3). Вы видите сами: каша полетѣла, ложки и плошки полетѣли, чепецъ со старой Акулины полетѣлъ, няня приговариваетъ во все горло:—утки летѣли, гуси летѣли, козы летѣли, бараны летѣли,—топаетъ ногой и трезвонитъ во всю силу въ валдайскій колокольчикъ; больше дѣйствовать ей нечѣмъ, не взыщите; маменька, желая утѣшить своего Хрѝстиньку, схватила арфу, ударила въ струны и переливается во всѣ лады: тра-ла-ла, тра-ла-ла; папенька деретъ на скрипкѣ немилосердо второе, веселенькое колѣно гросфатера, не давъ себѣ даже времени настроить скрипку—и кричитъ, поплясывая съ ноги на ногу: оло-ло, оло-ло! Для посторонняго слушателя музыка эта, видно, тяжела; алхимика и черепослова нашего по крайней мѣрѣ она осилила и одолѣла. Онъ, конечно, и самъ былъ музыкантъ и надувалъ вторую флейту не хуже того, какъ новый кумъ его пилилъ знаменитую вторую скрипку, но отъ такого разногласнаго концерта убрался на другой край комнаты, заткнулъ уши и спѣшитъ высунуть хотя одну голову съ ушами на свѣжій воздухъ, предавая остальную часть грѣшнаго тѣла своего на истязаніе.

Премудро устроено все на свѣтѣ: вѣчнаго нѣтъ, и всякая бѣда и горе, все временно. И Хрѝстинька блажилъ не болѣе какъ часа два или три, а затѣмъ успокоился, и всѣ находили, что онъ преумный ребенокъ. Когда же случалось и послѣ, что подобная хандра на

него находила, то мѣры успокоенія были всегда почти однѣ и тѣ же: всѣ наличные музыкальные инструменты,

рис. 3.

всѣ пѣвчіе и не пѣвчіе голоса, валдайскій колокольчикъ, кулакъ, которымъ няня барабанила до-ўстали по столу, тра-ла-ла, оло-ло, и прочее. Если этимъ не удавалось унять крикуна, то по крайней мѣрѣ можно было заглушить самый крикъ и воображать при томъ, что ребенокъ забавляется.

Хрѝстинька росъ не по-днямъ, по-часамъ, подросталъ, по мѣрѣ того, какъ его кормили лапшей и смѣняли пелёнки, но не умѣлъ никогда попросить того, чего ему хотѣлось, а изъявлялъ всякое желаніе свое крикомъ, который соразмѣрялся со степенью прихоти или настойчивостью желанія; такимъ образомъ, Хрѝстинька смолоду безсознательно еще посвящался во

всѣ таинства обаятельной мусикіи; переливаясь деньденьской голосомъ своимъ изъ pianissimo и piano, черезъ crescendo въ forte и оглушительное fortissimo, начиная напѣвъ свой иногда largo, larghetto, adagio, adagio con espressione, онъ, по мѣрѣ того, какъ няня старалась отвлечь вниманіе его отъ приглянувшейся ему вещи, билъ мѣру ногами и руками, переходилъ внезапно въ allegro vivace, presto, prestissimo и оканчивалъ нерѣдко свою импровизацію такой запутанной хроматической фугой, отъ которой у слушателей волосъ подымался дыбомъ, фугой, которую и самъ знаменитый Себастіанъ Бахъ не сумѣлъ бы развязать и заключить иначе, какъ подавъ упрямому мальчишкѣ вещь, за которою онъ потянулся. То же самое дѣлала и старуха Акулина и маменька, и папенька, наперерывъ одинъ передъ другимъ. Исподоволь это вошло въ привычку ребенка, и крикъ замѣнялъ у Христиньки всякое словесное изъясненіе. Скоро въ спокойномъ и тихомъ домикѣ Віольдамуровъ все пошло вверхъ дномъ: стаканамъ, чашкамъ—съ вензелями и безъ вензелей — оставалось одно только убѣжище и спасеніе отъ новорожденнаго музыканта: старинный стекольчатый шкапъ, на который Катерина Карловна по этому поводу отпустила въ ремонтъ для постройки занавѣски одну изъ поношенныхъ цвѣтныхъ исподницъ своихъ. Это сдѣлалось необходимымъ, потому что острый глазъ Христиньки проникалъ сквозь стекольчатыя двери шкапа, и ребенокъ не принималъ никакихъ отговорокъ няни, что «чашка-де за стекломъ въ шкапу, а шкапъ запертъ, а вотъ постой, папенька придетъ домой, принесетъ яблочко—и прочее»,—но требуя музыкальнымъ способомъ своимъ чашку, миску или кружку, достигалъ-таки, наконецъ, цѣли, неслыханною обширностію голоса и возрастающею настойчивостію разнообразной хроматической своей фуги.

По всему этому видно, что изъ Хрйстиньки долженъ былъ выйти современемъ замѣчательный музыкантъ. Въ этомъ по крайней мѣрѣ были увѣрены отецъ и мать; но они довольствовались этою увѣренностію, ждали спокойно, скоро ли благодатная природа разовьетъ самобытныя дарованія любимца своего, а потому, о воспитаніи, образованіи сына на дѣлѣ мало заботились. Куда дѣвались мудрыя и благія намѣренія Готлиба Амедея, который разсуждалъ бывало по цѣлымъ часамъ о томъ, какъ должно воспитывать дѣтей; что̀ сталось со всѣми затѣями, которыя онъ мысленно готовилъ для примѣрнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, образованія своего будущаго ненагляднаго дѣтища? Вышелъ, кажется, одинъ изъ тѣхъ нерѣдкихъ случаевъ, гдѣ слово осталось само по себѣ, а дѣло само по себѣ, какъ единорогъ и пушка въ извѣстномъ отвѣтѣ нашего солдата. Хрйстинька не видалъ въ домѣ отцовскомъ ничего, кромѣ струнъ, смычковъ, скрипокъ, арфы и фортепіанъ, не слышалъ ни о чемъ болѣе, какъ о такой то оперѣ, балетѣ, увертюрѣ, концертѣ; имена Моцарта, Гайдена, Тица и другихъ не сходили съ языка бесѣдующихъ; однообразіе это прерывалось только обѣдомъ, ужиномъ, чаемъ, завтракомъ, хозяйственными заботами Катерины Карловны, да предвѣщаніями второй флейты, въ которыхъ и отецъ и мать понимали только одно: что Хрйстинька родился на свѣтъ геніемъ и будетъ геній. Не мудрено, если и сынъ понималъ не больше: геній означало въ его понятіяхъ добрый мальчикъ; онъ охотно присвоилъ себѣ это названіе, и когда не умѣлъ еще сказать: я хочу пить или ѣсть, говаривалъ: *жени* хочетъ пить—чѣмъ премного утѣшалъ родителей и посѣтителей, которые обнимали, цѣловали его и всячески старались упрочить за нимъ увѣренность, что онъ, дѣйствительно, геній. Готлибъ Амедей, съ своей стороны, какъ мы

видѣли, много заботился объ изслѣдованіи всѣхъ природныхъ дарованій первенца своего, надоѣдалъ всему оркестру, всѣмъ собратамъ своимъ разсказами объ удивительныхъ способностяхъ сына, о неимовѣрныхъ дарованіяхъ, которыми тароватая судьба его надѣлила, и этимъ почти ограничивались родительскія заботы о воспитаніи сына. Онъ плохо выучился грамотѣ, едва зналъ таблицу умноженія, но за то съ утра до вечера скрипѣлъ на скрипкѣ, надувалъ кларнетъ, стучалъ безъ умолку по клавишамъ; и эту наклонность къ музыкѣ отецъ въ особенности старался поощрять и поддерживать.

Взглянемъ теперь на праздничную семейную картину (рис. 4), гдѣ ребенокъ отличается на скрипкѣ—это первая великоторжественная попытка его въ тѣсномъ домашнемъ кругу—отличается передъ знатоками, и въ томъ числѣ передъ глухимъ дядей съ матерней стороны. Старательно водитъ геній нашъ смычкомъ и перебираетъ пальцами, на которые съ торжествомъ глядитъ предсказатель, вторая флейта, увѣряя, что рука Хрйстиньки и по сложенію своему настоящій долгоногій паукъ и сотворена для скрипки. Дядя, оглохшая отставная валторна, слушаетъ въ рожокъ и принялъ, прозапасъ, еще другую мѣру: оставилъ продушину, растворивъ ротъ; это онъ дѣлаетъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, съ тѣмъ, вѣроятно, что если-де ничего не попадетъ въ уши, то авось попадетъ хоть въ ротъ. Вторая флейта вооружился очками и не спускаетъ глазъ съ паучка своего, стараясь небольшимъ кривляньемъ пособить крестнику при затруднительной переборкѣ пальцами,—между тѣмъ, однакоже, у этого крестника сводитъ ротъ подъ самое ухо. За стуломъ флейты стоитъ кларнетъ, у котораго благообразныя губки, видно, нарочно устроены такимъ образомъ, чтобы плотно обхватить мундштучокъ кларнета и не

пропуститъ мимо косточки ни одной струйки воздуха. За другимъ стуломъ видите человѣка, котораго, судя

рис. 4.

по губамъ, можно бы причислить къ трубачамъ или тромбонистамъ, а судя по рѣшительности пріемовъ и плечистымъ рукамъ, едва ли онъ будетъ не литаврщикъ. Отецъ и мать говорятъ за себя сами, объ нихъ говорить нечего; она обливается и умывается слезами радости, не постигая милости Создателя, который даровалъ ей дожить до такого благополучія; а старикъ-отецъ, разодѣвшись для этого чрезвычайнаго случая празднично—въ коричневый сюртукъ со свѣтлыми пуговицами — и накрывъ голову вмѣсто колпака парикомъ, впился нѣжнымъ отчимъ взоромъ своимъ въ генія, легонько постукиваетъ ногою въ мѣру, между тѣмъ какъ руки, пальцы и манжеты окостенѣли, кажется, отъ удивленія и невыразимаго удовольствія.

Такимъ образомъ, Христинька подросталъ и смѣнилъ уже цвѣтную рубашонку и тканый поясокъ на сюртучокъ, при которомъ только бѣлый откидной воротникъ напоминалъ еще возрастъ молодого виртуоза.

Отецъ бралъ его нерѣдко въ оркестръ театра, который былъ для мальчика новымъ міромъ; оркестръ въ особенности привлекалъ все вниманіе и любопытство его, и онъ непремѣнно самъ хотѣлъ выучиться играть на всѣхъ инструментахъ, въ чемъ успѣвалъ съ удивительною легкостію. Старика это тѣшило до крайности, и онъ не могъ нарадоваться на свое милое дѣтище. Кранологъ часто ссорился съ Готлибомъ Амедеемъ за духовые инструменты, требуя, чтобы Віольдамуры разъ навсегда отъ нихъ отказались и оставались при своемъ смычкѣ; утверждалъ, что молодому Віольдамуру не дадутся ни кларнетъ, ни флейта, и что это значитъ только заѣдать чужой хлѣбъ; но Готлибъ увѣрялъ, что у сына его ко всѣмъ музыкальнымъ инструментамъ одинаковая способность, и что геній этого мальчика ни въ чемъ не можетъ встрѣтить затрудненія:—Тутъ надобно дать полную свободу природѣ,—говорилъ онъ,—и болѣе ничего. Пожиная лавры въ кругу снисходительныхъ къ ребенку музыкантовъ, Христинька стяжалъ успѣхами своими почетное имя Христіана Христіановича; отцу такая вѣжливость собратовъ его чрезвычайно польстила, а Катерина Каролина, вспомнивъ предсказаніе мужа своего, что придетъ-де время и Христинька будетъ Христіанъ Христіановичъ — съ того самаго дня, въ который услышала, до какого почета дожило единственное дѣтище ея—не называла его никогда иначе, какъ по отчеству,—хотя даже говорила съ нимъ по-нѣмецки, напримѣръ:—«Либеръ Христіанъ Христіановичъ, выпусти кошку на дворъ, она царапается въ двери».

Что шагнетъ человѣкъ, что перекачнется неугомонный маятникъ, то невольно вспоминаешь о суетности мірской, о непостоянствѣ, измѣнчивости счастія. На немногихъ страницахъ нашего разсказа мы уже вторично возвращаемся къ этому роковому предмету

и по необходимости еще не разъ будемъ къ нему возвращаться. Счастливая невѣста идетъ въ вѣнцу, подавъ вождѣленному жениху своему съ любовію руку—блаженству, кажется, не предвидишь конца, столько его впереди; но черезъ двѣ недѣли какой-нибудь оборотень пробѣжитъ между молодыми—и гдѣ тамъ ангелъ кротости, гдѣ невѣста? Нѣтъ ея; она и сама уже оборотилась, противъ воли и сознанія своего, въ злую бабу. Докучливая, пронырливая муха сѣла честному, трудолюбивому и довольному судьбой своей чиновнику на високъ; занятый спѣшными дѣлами, прилежный писецъ чинилъ въ это время перо, хотѣлъ, вышедши изъ терпѣнія, второпяхъ обмахнуться отъ мухи, поразилъ ее на мѣстѣ и выкололъ себѣ перочиннымъ ножичкомъ послѣдній и единственный глазъ свой, потому что другой былъ уже утраченъ въ младенчествѣ: и человѣкъ этотъ, со всей семьей своей, пошелъ по-міру. Утомленный дневными заботами артельщикъ заснулъ надъ коварною свѣчей, хозяинъ дома сидитъ въ дружеской бесѣдѣ на другомъ краю города—бьетъ полночь, пора домой, онъ прощается и ѣдетъ—но дому нѣтъ; стоятъ однѣ обгорѣлыя стѣны, и въ стѣнахъ этихъ тлѣютъ еще остатки всего наживного добра зажиточнаго хозяина, и двѣ безобразныя головни, два трупа родныхъ и милыхъ сердцу счастливаго семьянина. Намъ хорошо объ этомъ разсуждать, мы пообжились и пообтерлись на свѣтѣ и, можетъ быть, познали уже на горькомъ опытѣ, во что вѣрить, во что не вѣрить, чего ожидать отъ самихъ себя, отъ другихъ и отъ самой судьбы—чѣмъ оканчиваются всѣ залетныя грезы наши—мы давно уже прочли и постигли сердцемъ приговоръ человѣчеству: «На величественномъ кораблѣ подъ всѣми парусами несется юноша въ открытое море, на утлой тесницѣ спасается послѣ крушенія старикъ;» но бѣдному Христіану Христіановичу было

еще много горькаго опыта впереди, и Богу одному извѣстно, достанетъ ли у него силъ перемочься и устоять противъ этой вѣчной вражды стихій, судьбы и людей, которая застаетъ насъ, едва ли не въ колыбели, всегда врасплохъ, встрѣчаетъ и провожаетъ по всѣмъ переходамъ и путямъ юдольной жизни.

Хрёстинькѣ минуло пятнадцать лѣтъ, и онъ не зналъ еще никакого горя; зналъ только, по-наслышкѣ, что онъ геній, то есть очень умный и разумный мальчикъ, которому всѣ удивляются, и твердо этому вѣрилъ; готовился, безъ большихъ усилій, въ виртуозы, и болѣе ни о чемъ не тужилъ. Была у него иногда забота о томъ, чтобы за чаемъ кормили его не вчерашними черствыми сухарями, а выборгскими кренделями; были иногда небольшія домашнія усобицы за то, что ему шили кафтанчики изъ выношеннаго отцовскаго платья, тогда какъ ему хотѣлось щеголять въ модномъ сюртучкѣ на шелковой подкладкѣ; но этимъ тѣснымъ міромъ ограничивался кругъ заботъ и всѣ стремленія юноши, который видѣлъ и впереди только одно довольство, веселье и потѣхи, — не постигая, чтобы дѣло могло когда-нибудь и статься иначе..

Проспавши однажды сномъ праведника всю ночь напролетъ, Христинька проснулся часу въ восьмомъ и услышалъ отъ старой няни, которая говорила шопотомъ, что мать его крѣпко ночью занемогла, что докторъ былъ два раза, были и цырюльники съ піявками; что самъ папенька всю ночь не спалъ и бѣгалъ раза три въ аптеку; что на зарѣ стало маменькѣ полегче, и всѣ заснули. Все это было справедливо; не сомнѣваемся также въ искренности надежды старой Акулины, что «авось вотъ завтра полегшаетъ маменькѣ, и она встанетъ»; но между тѣмъ докторъ на другой день засталъ Катерину Карловну не на постели, а на

столѣ; воротился изъ передней, вынулъ бумажникъ и карандашъ, вымаралъ № 17-й и поѣхалъ дальше. У него было дѣла много, и, кончивъ одно, докторъ спѣшилъ приняться за другое. Старушку схоронили; половина оркестра проводила ее съ печалью на Волково, а вечеромъ всѣ опять пилили и надували шумную увертюру въ Большомъ театрѣ; одинъ только Христіанъ Амедей съ сыномъ сидѣли дома. Сынъ не могъ еще опомниться, не могъ понять и вмѣстить въ душѣ внезапную утрату эту, и плакалъ неутѣшно; отецъ ходилъ молча изъ угла въ уголъ, садился, вставалъ, всхлипывалъ, подходилъ къ окну, плакалъ втихомолку, поглядывалъ на сына, но не умѣлъ вымолвить на утѣшеніе его ни одного слова. Старикъ ходилъ будто вдругъ поглупѣлъ, и разсѣянный взоръ его, странные, медленные пріемы и молчаливость навели бы тоску на всякаго зрителя.

Шли дни за днями, недѣли за недѣлями—старику нѣтъ легче; все то же. «Нѣтъ», сказалъ онъ однажды про себя, оглядываясь съ какимъ то безпокойствомъ, «такъ мнѣ жить нельзя».—И въ самомъ дѣлѣ, что могло теперь заставить Христіана Готлиба жить долѣе на свѣтѣ? Прежде—другое дѣло; онъ былъ дома, какъ солдатъ на притинѣ: ни уйти, ни отлучиться, ни покинуть мѣста нельзя; день шелъ за днемъ, всякому дню забота своя, и Христіанъ Амедей жилъ и дожилъ, самъ того не замѣчая, до старости. Съ утра, бывало, Катерина Карловна несетъ ему кофе, потомъ передаетъ чистую манишку на тотъ день и требуетъ въ сдачу вчерашнюю; тамъ надобно подумать о вечернемъ концертѣ, балетѣ, оперѣ, протвердить что-нибудь; между тѣмъ, Каролина Карловна пойдетъ бывало въ Круглый рынокъ, иногда и на Сѣнную, насуетъ старику полныя руки и карманы ключей и велитъ беречь ихъ пуще глазу; тамъ зоветъ къ завтраку, тамъ поса-

дитъ и велитъ слушать, гдѣ и на какомъ рынкѣ, въ какихъ рядахъ и лавкахъ она была, что именно закупала и чего не купила, какъ плутуютъ купцы, какъ вздорожали съѣстные припасы, какъ мясникъ не согласился рѣзать хорошаго куска, а она не рѣшилась взять цѣлую четверть; тамъ обѣщаетъ старику на завтра любимое блюдо его и не даетъ ему завтракать, чтобы онъ покушалъ съ досужествомъ и въ охотку; между тѣмъ, подастъ бывало счетную книжку свою, гдѣ каждая строчка начинается словомъ «куплено», и проситъ провѣрить и подвести итоги; а тутъ время идти въ театръ, да надо перетянуть еще напередъ квинту, изладить подставку или даже переставить душу въ скрипкѣ; тутъ сойдутся пріятели, покурить, поиграть въ пикетъ, потолковать о всеобщей войнѣ, которая грозитъ Европѣ, о старой и новой музыкѣ; иногда соберется квартетъ,—словомъ, въ то время и подумать нельзя было Христіану Готлибу слечь и умереть, за однимъ недосугомъ: часъ гналъ часъ, минута минуту; дѣло на срокъ всегда было у него впереди; въ тихомъ, укромномъ жилищѣ господствовала такая однообразная, по часамъ заведенная дѣятельность, всѣ занятія, забавы, отдыхъ, домашнія и стороннія заботы слѣдовали столь опредѣлительно одно за другимъ, что если старику и случалось иногда просидѣть цѣлый день въ колпакѣ и халатѣ на кожаномъ старомъ диванѣ со свѣтлыми мѣдными гвоздочками, то ему всѣ-таки казалось, будто онъ дѣлаетъ дѣло; все въ домѣ шло своимъ порядкомъ. Христіанъ Готлибъ былъ какъ-будто глава своего дому, слѣдовательно, ему и казалось, что домъ держится отчасти и имъ. Но какъ онъ горько ошибался! Не только домъ и хозяйство, самъ Христіанъ Амедей держался одною только суетливою, все одушевляющею заботливостью Катерины Карловны. Если, напримѣръ, она сунетъ бывало ста-

рику ключи въ руки, отправляясь въ мясные ряды, то онъ бодрился, не выпуская связку изъ рукъ, или, положивъ ее передъ собою на столъ, раскладывалъ карты, ходилъ взадъ и впередъ, но всё возвращался опять къ своему притину, стерегъ и караулилъ ключи и сдавалъ ихъ во всей исправности, когда смѣна возвращалась изъ мясныхъ рядовъ. Онъ видѣлъ, что онъ нуженъ дома, гдѣ Каролина Карловна безпрестанно звала его и о томъ или о другомъ спрашивала; думалъ иногда также, что въ немъ нуждались и въ оркестрѣ, гдѣ онъ занималъ двадцать лѣтъ сряду одно и то же опредѣленное мѣсто: вотъ почему онъ жилъ. Теперь же—со дня на день убѣждался старикъ все болѣе, что ему не только незачѣмъ жить на свѣтѣ, но и жить нельзя; что онъ дома лишній, въ оркестрѣ, гдѣ дѣло шло безъ него не хуже прежняго, лишній, на свѣтѣ лишній;—а потому онъ, три мѣсяца спустя послѣ кончины Катерины Карловны, слегъ, отвѣчалъ доктору, котораго привелъ сынъ, что спалъ безпокойно, разметался ночью, а какъ некому было прикрыть его, то и прозябъ немного, а можетъ быть и простудился; давалъ щупать пульсъ, выпивалъ послушно одну снадобицу за другою, покуда, наконецъ, докторъ не догадался, что болѣзнь эта называется просто marasmus senilis, старческая дряхлость и прописалъ лепешечки съ ипекакуаной для возбужденія позыва на ѣду. Но старика позвало вскорѣ на противную отъ ѣды сторону—въ могилу. Такъ же спокойно и покорно повиновался онъ и этой необходимости и скончался съ тою же улыбкою разсѣянности на устахъ, съ какою расхаживалъ бывало онъ изъ угла въ уголъ, самъ не зная, куда ему дѣваться. Насилу догадался старичокъ! На то родятся молодые, чтобы старые умирали; ты сына поставилъ на свое мѣсто — и выходи вонъ, и ложись. А сынъ твой пусть поплачетъ надъ общею

родительскою могилою, (рис. 5) и это въ порядкѣ вещей. Затѣмъ—прощай, добрый Христіанъ Амедей, лежи смирно, да слушай, какъ надъ тобой трава растетъ.

А ты, вступившій на поприще мірское на смѣну отца, прислонись сиротскою головою къ холодной оградѣ, которую разступился сдѣлать глухой дядя твой, простой камень со знаменіемъ спасенія: нужна еще головѣ твоей опора, не снесутъ ее молодыя плеча, усталыя руки не поддержатъ, онѣ опустились на подломившіяся колѣни. Сажень земли раздѣляетъ тебя отъ отца и матери—сажень земли, это болѣе чѣмъ десять верстъ чего-нибудь другого, напримѣръ, воздуха; оттого, говорятъ ученые, что земля плотна, а воздухъ жидокъ. Крутъ переходъ изъ такого жидкаго воздуха въ такую плотную землю—а дѣлать нечего: середины нѣтъ.

Но между тѣмъ, другъ мой, Христинька, какъ ты, убитый горемъ, глядишь на плотную и тяжелую землю, отъ которой иногда безразсудно требуютъ, чтобы она легкимъ пухомъ лежала на груди покойника—между тѣмъ есть еще на свѣтѣ люди живые, которые думаютъ и гадаютъ о живомъ. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, то возьмемъ хоть добраго дядю твоего, давно уже смѣнившаго валторну свою на слуховой рожекъ. Добрый дядя твой, хоть онъ и глухъ, хоть онъ и отставная волторна, заботится, однакожъ, болѣе о житейскомъ и нажитомъ твоемъ добрѣ, нежели ты самъ. Между тѣмъ какъ ты сиднемъ сидѣлъ на холодной плитѣ и доспрашивался у безотвѣтнаго камня: что теперь изъ тебя будетъ, не заботясь о томъ, что у тебя есть, дядя твой позаботился уже и о томъ, и о другомъ: онъ, какъ человѣкъ старый и немощный, на кладбище ѣхать не могъ; но онъ распорядился въ это время забрать все, что только было въ живомъ

жильё отца твоего и свезъ все къ себѣ на домъ; онъ отпустилъ милостиво старую Акулину твою съ чис-

рис. 5.

тымъ аттестатомъ; сдалъ своему дворецкому чашки, кастрюли, ложки и плошки изъ родительскаго дома твоего—а дворецкій этотъ была старая Тіо, сердобольная баба среднихъ лѣтъ, которая называла себя, *'ведкою, и съ Фиборгъ*, то есть Шведкою изъ Выборга—и крестила метлой и кочергой всякаго безъ разбору, кто называлъ ее чухонкой. Вы могли выбранить Тіо какъ угодно, и она, не оставаясь въ долгу, правда, расплачивалась тою же монетой, однакоже, подобная сшибка всё еще ограничивалась словесными преніями; но вамъ только стоило назвать ее чухонкой и—не прогнѣвайтесь: она отвѣчаетъ въ тотъ же мигъ помеломъ или метлой. Видно, она была уже такого щекотливаго сложенія. Итакъ, Христинька, дядя твой очистилъ наслѣдственное жилье твое, разсчитавшись

собой, мести ли опорожненныя комнаты, или бросить такъ, или же испросить на это особенную волю и разрѣшеніе хозяина, слышавъ-де отъ старыхъ людей, что если вслѣдъ за сошедшимъ постояльцемъ вымести комнаты, то не скоро наживешь новаго, и что поэтому мести надобно не прежде, какъ когда явится кто-нибудь смотрѣть квартиру.—Дуракъ ты,—говорила судомойка, поставивъ лахань на полъ и засучивая рукава:—да вѣдь онъ не сошелъ, а померъ.—Коли померъ, такъ стало-быть и сошелъ—замѣтилъ замысловато кучеръ; повѣсилъ голову, подбоченился и прогулялся по комнатѣ въ какомъ то недоумѣніи шага три взадъ и впередъ, какъ будто размышляя, такъ ли это будетъ, что онъ сказалъ, или нѣтъ.—Одинъ померъ,—молвилъ надумавшись дворникъ со вздохомъ:—а другой сошелъ; старикъ померъ, а молодого вишь глухой къ себѣ беретъ.

На это ни у кого въ совѣтѣ *трехъ* отвѣту не пригодилось: кучеръ подошелъ къ окну и сталъ насвистывать сквозь зубы заунывную; дворникъ, прислонившись задомъ къ стѣнѣ, оборотилъ щетку на себя, уперъ конецъ рукоятки въ полъ и легъ обоими локтями и бородой въ густую щетину, такъ что изъ нея пыль столбомъ встала; судомойка же осталась съ засученными рукавами и лаханью вовсе безъ дѣла и, обращаясь то къ одному, то къ другому, тараторила, не переводя духу, какъ будто кто барабанилъ по лубочному лукошку, и глухой отголосокъ вторилъ ей со всѣхъ четырехъ угловъ опустѣвшей комнаты.

(Рис. 6) Вотъ почему мы и видимъ Христіана Христіановича у сиропитательнаго дяди, куда пришелъ онъ поневолѣ, вслѣдъ за всѣмъ добромъ своимъ, нашедши въ квартирѣ отцовской однѣ только голыя стѣны и недоумѣвающихъ въ важномъ дѣлѣ слугъ господскихъ. У дяди, какъ вы видите, свои понятія о

геніяхъ и объ изученіи свободныхъ искусствъ; приявъ на хлѣбы племянника, онъ взялъ его и въ науку,

рис. 6.

и началъ тѣмъ, что растеребилъ цѣлый голикъ на превзрядные пучки розогъ, которыя, безспорно, были уже и въ работѣ; это ясно по обломаннымъ и разсыпаннымъ на полу прутьямъ. Прическа бѣднаго Христіана является въ такомъ разстроенномъ состояніи, что едва ли его не причесалъ за наукою самъ глухой дядя; а взглянувъ на пучокъ розогъ, который этотъ держитъ на овѣ, позволено предположить, что Христинька не случайно стоитъ во время уроковъ на распашку и безъ подтяжекъ, а что это должно быть одно изъ вспомогательныхъ для науки распоряженій, для бо сподручности и для выигрыша времени.

Видно, усилившаяся въ теченіе послѣднихъ лѣтъ глухота дяди служитъ ему большой помѣхой въ музы-

дитъ и велитъ слушать, гдѣ и на какомъ рынкѣ, въ какихъ рядахъ и лавкахъ она была, что именно закупала и чего не купила, какъ плутуютъ купцы, какъ вздорожали съѣстные припасы, какъ мясникъ не согласился рѣзать хорошаго куска, а она не рѣшилась взять цѣлую четверть; тамъ обѣщаетъ старику на завтра любимое блюдо его и не даетъ ему завтракать, чтобы онъ покушалъ съ досужествомъ и въ охотку; между тѣмъ, подастъ бывало счетную книжку свою, гдѣ каждая строчка начинается словомъ «куплено», и проситъ провѣрить и подвести итоги; а тутъ время идти въ театръ, да надо перетянуть еще напередъ квинту, изладить подставку или даже переставить душу въ скрипкѣ; тутъ сойдутся пріятели, покурить, поиграть въ пикетъ, потолковать о всеобщей войнѣ, которая грозитъ Европѣ, о старой и новой музыкѣ; иногда соберется квартетъ,—словомъ, въ то время и подумать нельзя было Христіану Готлибу слечь и умереть, за однимъ недосугомъ: часъ гналъ часъ, минута минуту; дѣло на срокъ всегда было у него впереди; въ тихомъ, укромномъ жилищѣ господствовала такая однообразная, по часамъ заведенная дѣятельность, всѣ занятія, забавы, отдыхъ, домашнія и сторонніе заботы слѣдовали столь опредѣлительно одно за другимъ, что если старику и случалось иногда просидѣть цѣлый день въ колпакѣ и халатѣ на кожаномъ старомъ диванѣ со свѣтлыми мѣдными гвоздочками, то ему всѣтаки казалось, будто онъ дѣлаетъ дѣло; все въ домѣ шло своимъ порядкомъ. Христіанъ Готлибъ былъ какъ-будто глава своего дому, слѣдовательно, ему и казалось, что домъ держится отчасти и имъ. Но какъ онъ горько ошибался! Не только домъ и хозяйство, самъ Христіанъ Амедей держался одною только суетливою, все одушевляющею заботливостью Катерины Карловны. Если, напримѣръ, она сунетъ бывало ста-

рику ключи въ руки, отправляясь въ мясные ряды, то онъ бодрился, не выпуская связку изъ рукъ, или, положивъ ее передъ собою на столъ, раскладывалъ карты, ходилъ взадъ и впередъ, но всё возвращался опять къ своему притину, стерегъ и караулилъ ключи и сдавалъ ихъ во всей исправности, когда смѣна возвращалась изъ мясныхъ рядовъ. Онъ видѣлъ, что онъ нуженъ дома, гдѣ Каролина Карловна безпрестанно звала его и о томъ или о другомъ спрашивала; думалъ иногда также, что въ немъ нуждались и въ оркестрѣ, гдѣ онъ занималъ двадцать лѣтъ сряду одно и то же опредѣленное мѣсто: вотъ почему онъ жилъ. Теперь же—со дня на день убѣждался старикъ все болѣе, что ему не только незачѣмъ жить на свѣтѣ, но и жить нельзя; что онъ дома лишній, въ оркестрѣ, гдѣ дѣло шло безъ него не хуже прежняго, лишній, на свѣтѣ лишній;—а потому онъ, три мѣсяца спустя послѣ кончины Катерины Карловны, слегъ, отвѣчалъ доктору, котораго привелъ сынъ, что спалъ безпокойно, разметался ночью, а какъ некому было прикрыть его, то и прозябъ немного, а можетъ быть и простудился; давалъ щупать пульсъ, выпивалъ послушно одну снадобицу за другою, покуда, наконецъ, докторъ не догадался, что болѣзнь эта называется просто marasmus senilis, старческая дряхлость и прописалъ лепешечки съ ипекакуаной для возбужденія позыва на ѣду. Но старика позвало вскорѣ на противную отъ ѣды сторону—въ могилу. Такъ же спокойно и покорно повиновался онъ и этой необходимости и скончался съ тою же улыбкою разсѣянности на устахъ, съ какою расхаживалъ бывало онъ изъ угла въ уголъ, самъ не зная, куда ему дѣваться. Насилу догадался старичокъ! На то родятся молодые, чтобы старые умирали; ты сына поставилъ на свое мѣсто — и выходи вонъ, и ложись. А сынъ твой пусть поплачетъ надъ общею

родительскою могилою, (рис. 5) и это въ порядкѣ вещей. Затѣмъ—прощай, добрый Христіанъ Амедей, лежи смирно, да слушай, какъ надъ тобой трава растетъ.

А ты, вступившій на поприще мірское на смѣну отца, прислонись сиротскою головою къ холодной оградѣ, которую разступился сдѣлать глухой дядя твой, простой камень со знаменіемъ спасенія: нужна еще головѣ твоей опора, не снесутъ ее молодыя плеча, усталыя руки не поддержатъ, онѣ опустились на подломившіяся колѣни. Сажень земли раздѣляетъ тебя отъ отца и матери—сажень земли, это болѣе чѣмъ десять верстъ чего-нибудь другого, напримѣръ, воздуха; оттого, говорятъ ученые, что земля плотна, а воздухъ жидокъ. Крутъ переходъ изъ такого жидкаго воздуха въ такую плотную землю—а дѣлать нечего: середины нѣтъ.

Но между тѣмъ, другъ мой, Христинька, какъ ты, убитый горемъ, глядишь на плотную и тяжелую землю, отъ которой иногда безразсудно требуютъ, чтобы она легкимъ пухомъ лежала на груди покойника—между тѣмъ есть еще на свѣтѣ люди живые, которые думаютъ и гадаютъ о живомъ. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, то возьмемъ хоть добраго дядю твоего, давно уже смѣнившаго валторну свою на слуховой рожекъ. Добрый дядя твой, хоть онъ и глухъ, хоть онъ и отставная волторна, заботится, однакожъ, болѣе о житейскомъ и нажитомъ твоемъ добрѣ, нежели ты самъ. Между тѣмъ какъ ты сиднемъ сидѣлъ на холодной плитѣ и доспрашивался у безотвѣтнаго камня: что теперь изъ тебя будетъ, не заботясь о томъ, что у тебя есть, дядя твой позаботился уже и о томъ, и о другомъ: онъ, какъ человѣкъ старый и немощный, на кладбище ѣхать не могъ; но онъ распорядился въ это время забрать все, что только было въ живомъ

жильё отца твоего и свезъ все къ себѣ на домъ; онъ отпустилъ милостиво старую Акулину твою съ чис-

рис. 5.

тымъ аттестатомъ; сдалъ своему дворецкому чашки, кастрюли, ложки и плошки изъ родительскаго дома твоего—а дворецкій этотъ была старая Тіо, сердобольная баба среднихъ лѣтъ, которая называла себя, *'ведкою, и съ Фиборгъ*, то есть Шведкою изъ Выборга—и крестила метлой и кочергой всякаго безъ разбору, кто называлъ ее чухонкой. Вы могли выбранить Тіо какъ угодно, и она, не оставаясь въ долгу, правда, расплачивалась тою же монетой, однакоже, подобная ошибка всё еще ограничивалась словесными преніями; но вамъ только стоило назвать ее чухонкой и—не прогнѣвайтесь: она отвѣчаетъ въ тотъ же мигъ помеломъ или метлой. Видно, она была уже такого щекотливаго сложенія. Итакъ, Христинька, дядя твой очистилъ наслѣдственное жилье твое, разсчитавшись

честно съ хозяиномъ; перетащилъ все къ себѣ и сказалъ своей Тіо, что долгъ родства велитъ ему принять тебя, сироту, къ себѣ въ домъ на пропитаніе. Отставная валторна и «'ведка и съ Фиборгъ», хотя и были оба иностранцы, однакожъ, объяснялись между собою по-русски—потому что *онъ* не зналъ шведско-выборгскаго языка, а *она* не знала нѣмецкаго. Если къ этому присовокупимъ еще, что обоюдные успѣхи ихъ въ русскомъ языкѣ сохранили всѣ оттѣнки и особенности финскаго и нѣмецкаго словосочиненія—что *онъ* былъ тугъ на́ ухо какъ барабанная шкура, а *она* нѣсколько туга на понятія и, при томъ, какъ мы сейчасъ видѣли, нетерпѣливаго сложенія—то читатели поймутъ, что всякое отвлеченное объясненіе между этою четою представляло нѣкоторыя, иногда довольно упорныя, затрудненія. При всемъ томъ, однакожъ, кроткая Тіо поняла, наконецъ, въ чемъ дѣло, была нововведеніемъ этимъ крайне недовольна и выразилась даже на твой счетъ, любезный Христинька, нѣсколько рѣзко; она сказаля: «На стò ему эта дòрты кормить, пусть истохнитъ она»; дядя, однако, противъ обыкновенія, одержалъ въ этомъ случаѣ побѣду, сумѣлъ задобрить, успокоить и убѣдить разгнѣванную хозяйку. Видно, у него нашлись въ запасѣ доводы, очень ясные, яснѣе такъ называемыхъ математическихъ; я полагаю, такъ во-первыхъ, потому, что Тіо жила у дяди въ домѣ уже лѣтъ двадцать, и повелѣвала жезломъ своимъ, метлой, безусловно и неограниченно, и дядю твоего только что не заставляла служить по-собачьему, во-вторыхъ, потому, что она не сильна была въ математикѣ и доказательствъ математическихъ нисколько не уважала. Такъ, напримѣръ, когда дядя, еще въ первые годы своего холостого хозяйства, вздумалъ было усчитывать домашніе расходы своей Тіо и повѣрять ее, требуя, чтобы она отдавала отчетъ во вся-

кой копѣйкѣ, то стряпуха Тіо бывало являлась преспокойно каждое утро съ огромнымъ березовымъ полѣномъ, на которомъ насѣчено было косаремъ случайное количество зарубокъ; это была счетная ея книга; перебирая ногтемъ зарубки одну за другою, она говорила: «масла десять копекъ, 'лѣба двадцать копекъ, тридцать копека сабула на стò; соли осемъ копекъ,—исцо 'лѣба двѣнадцать копекъ,—другой масла двадцать копекъ, тридцать копекъ сабула на стò»;—и такъ далѣе; если же за всѣмъ тѣмъ, и несмотря на частое введеніе въ расходъ особой статьи подъ названіемъ *сабула на стò*, то есть забыла, на чтò, всё-таки чего нибудь до взятаго ею на расходы цѣлковаго не хватало, и дядя старался доказать ей эту математическую истину и простымъ сложеніемъ, то наша Тіо, покачавъ головой и поняньчивъ полѣно, отвѣчала: «Какъ вамъ не стидно, ви такой вещи говорите; 'се здоръ эта; когда я говору усъ сто я снаю, сто тутъ 'се есть—ну?» а затѣмъ отворачивалась преспокойно и, плюнувъ, уходила на кухню и принималась за стряпню, будто кончила дѣло свое какъ нельзя лучше. Времена эти уже, впрочемъ, прошли и прошли давно; вы сами знаете, какъ время скоротечно и времена измѣнчивы—нынче уже давно, давно дядя не смѣлъ и подумать объ учетѣ домоуправительницы своей, и былъ очень доволенъ, если, смѣтивъ рѣшительную слабость ея въ математическихъ выкладкахъ, могъ наоборотъ исплошить ее, обсчитавъ и утаивъ частицу коротко извѣстныхъ ей доходовъ своихъ.

Когда Христіанъ Христіановичъ въ крайнемъ изнеможеніи духа и плоти возвратился съ кладбища домой, то вмѣсто обычныхъ, коротко знакомыхъ ему предметовъ, засталъ онъ тамъ только дворника со щеткой, судомойку съ лаханью и тряпицей, да хозяйскаго кучера; они совѣтовались самъ-третей между

собой, мести ли опорожненныя комнаты, или бросить такъ, или же испросить на это особенную волю и разрѣшеніе хозяина, слышавъ-де отъ старыхъ людей, что если вслѣдъ за сошедшимъ постояльцемъ вымести комнаты, то не скоро наживешь новаго, и что поэтому мести надобно не прежде, какъ когда явится кто-нибудь смотрѣть квартиру.—Дуракъ ты,—говорила судомойка, поставивъ лахань на полъ и засучивая рукава:—да вѣдь онъ не сошелъ, а померъ.—Коли померъ, такъ стало-быть и сошелъ—замѣтилъ замысловато кучеръ; повѣсилъ голову, подбоченился и прогулялся по комнатѣ въ какомъ то недоумѣніи шага три взадъ и впередъ, какъ будто размышляя, такъ ли это будетъ, что онъ сказалъ, или нѣтъ.—Одинъ померъ,—молвилъ надумавшись дворникъ со вздохомъ:—а другой сошелъ; старикъ померъ, а молодого вишь глухой къ себѣ беретъ.

На это ни у кого въ совѣтѣ *трехъ* отвѣту не пригодилось: кучеръ подошелъ къ окну и сталъ насвистывать сквозь зубы заунывную; дворникъ, прислонившись задомъ къ стѣнѣ, оборотилъ щетку на себя, уперъ конецъ рукоятки въ полъ и легъ обоими локтями и бородой въ густую щетину, такъ что изъ нея пыль столбомъ встала; судомойка же осталась съ засученными рукавами и лаханью вовсе безъ дѣла и, обращаясь то къ одному, то къ другому, тараторила, не переводя духу, какъ будто кто барабанилъ по лубочному лукошку, и глухой отголосокъ вторилъ ей со всѣхъ четырехъ угловъ опустѣвшей комнаты.

(Рис. 6) Вотъ почему мы и видимъ Христіана Христіановича у сиропитательнаго дяди, куда пришелъ онъ поневолѣ, вслѣдъ за всѣмъ добромъ своимъ, нашедши въ квартирѣ отцовской однѣ только голыя стѣны и недоумѣвающихъ въ важномъ дѣлѣ слугъ господскихъ. У дяди, какъ вы видите, свои понятія о

геніяхъ и объ изученіи свободныхъ искусствъ; принявъ на хлѣбы племянника, онъ взялъ его и въ науку,

рис. 6.

и началъ тѣмъ, что растеребилъ цѣлый голикъ на превзрядные пучки розогъ, которыя, безспорно, были уже и въ работѣ; это ясно по обломаннымъ и разсыпаннымъ на полу прутьямъ. Прическа бѣднаго Христіана является въ такомъ разстроенномъ состояніи, что едва ли его не причесалъ за наукою самъ глухой дядя; а взглянувъ на пучокъ розогъ, который этотъ держитъ на овѣ, позволено предположить, что Христинька не случайно стоитъ во время уроковъ на распашку и безъ подтяжекъ, а что это должно быть одно изъ вспомогательныхъ для науки распоряженій, для бо сподручности и для выигрыша времени.

Видно, усилившаяся въ теченіе послѣднихъ лѣтъ глухота дяди служитъ ему большой помѣхой въ музы-

кальныхъ урокахъ, и онъ поневолѣ прибѣгаетъ къ вспомогательнымъ учебнымъ средствамъ. Самъ онъ наводитъ валторну прямо на-ухо себѣ, мальчика заставилъ еще поддерживать мудрую учительскую голову и нажимать на раструбъ; но и тутъ, кажется, не много музыки этой попадетъ, куда слѣдуетъ, или она не доходитъ до мѣста—и дядя не ясно слышитъ, вѣрно ли трубитъ его племянникъ. Недоумѣніе это написано у дяди на лицѣ, Христинька дудитъ по заказу едва ли не всѣ одну и ту же ноту. Тіо неразлучнѣе съ метлой своей, чѣмъ суворовскій солдатъ съ ружьемъ; но если валторна служила только вступленіемъ къ уроку, и лежащіе на стулѣ кларнетъ и флейта ожидаютъ своей очереди, то едва ли потребуется еще и другой голикъ домоправительницы на подмогу первому.

Дядя учитъ старательно, хочетъ сдѣлать изъ племянника человѣка, — это видно по всему: онъ не довольствуется тѣмъ, что звукъ попадаетъ ему въ ротъ, онъ настоятельно хочетъ залучить его въ ухо, и потому настораживаетъ валторну и колотитъ ученика, если въ окостенѣвшее ухо его, при всемъ стараніи ученика и учителя, ничего не попадаетъ.

Жизнь раздольная для мальчика, что́ и говорить! Родной дядя, конечно, лучше посторонняго знаетъ, какъ обходиться съ племянникомъ своимъ; но не будь дядя этотъ глухъ, мы бы замолвили словцо за своего бѣднаго Христіана. Христіанъ попалъ, впрочемъ, въ такое воспитательное заведеніе, гдѣ не былъ ни минуты безъ надзора и переходилъ весь день изъ рукъ въ руки: коли дядя разсердится на упрямую Тіо свою, которая дѣлаетъ всѣ по своему, не удостаивая глухого хозяина ни отвѣту, ни привѣту, то онъ принимается за племянника и суетъ ему, не говоря ни слова, валторну въ ротъ: хозяйкѣ своей дядя не смѣлъ сказать лишняго, а надъ кѣмъ-нибудь выместить все это на-

добно, такъ не проглотишь; если же Тіо въ свою очередь злилась на дядю, то у нея за всё, про всё отвѣчалъ племянникъ. Синяки не сходили съ плечъ, рукъ и другихъ частей тѣла Христіана Віольдамура;— время летѣло своимъ чередомъ, не дожидаясь живительныхъ усилій природы, а синяки эти были всегда подновляемы заблаговременно. Тіо, не обинуясь, попрекала питомца своего каждымъ ломтемъ хлѣба, каждымъ глоткомъ воды; этого мало, она до того злилась на него безъ всякой причины, до того ненавидѣла мальчика, что принимала его всеоружіемъ своимъ, метлой, въ штыки, гдѣ только представлялся ей малѣйшій къ тому поводъ. Христіану не было житья, потому что жалобы его или не доходили вовсе до свинцовыхъ ушей дяди, или же, если Христіану и удавалось иногда плачемъ и указаніемъ на синевицы объяснить дѣло, то дядя, для скорѣйшаго окончанія докучливаго разбирательства, давалъ племяннику заушину и сажалъ его за науку, приказывая трубить и надувать себѣ въ ухо. Это было у него признанное и испытанное средство, чтобы внезапно заставить мальчика перемѣнить плаксивое выраженіе въ лицѣ, принудить его расправить губы, поднять носъ и надуть щеки. Такъ шло время; Христинька жилъ со дня на день истиннымъ мученикомъ, не зная, что́ начать; изрѣдка только могъ онъ отпроситься на могилу родительскую и оттуда возвращался, облегчивъ сердце плачемъ и молитвою. Раза три-четыре видался онъ на этомъ перепутьѣ со старой няней своей, съ Акулиной, которую Тіо спровадила со двора штыкомъ и прикладомъ всеоружія своего—метлы, когда Акулина вздумала было разъ навѣстить бывшаго своего питомца. Тіо бранилась еще цѣлыя сутки съ Христинькой и придиралась, чтобы надавать ему порядочныхъ тычковъ, увѣряя, что Акулина приходила воровать, и что окатитъ ее

помоями, если та только осмѣлится показать носъ въ двери.

Дядя жилъ за тридевять земель, на Выборгской сторонѣ, въ гниломъ и полуразрушенномъ домишкѣ. Когда то былъ тутъ и садъ, и огородъ, а остался одинъ пустырь съ болотнымъ озеромъ, самородною принадлежностью всѣхъ дачъ и домовъ въ окружности Петербурга. Хлѣбъ иногда дорогъ у насъ, въ Питерѣ, а вода, слава Богу, ни по чемъ. Озеро это состояло, посредствомъ Тіо, въ самой тѣсной связи и сообщеніи съ цѣлымъ домомъ и хозяйствомъ дяди: Тіо полоскала въ озерѣ этомъ бѣлье, обмывала лѣтомъ посуду и кормила и поила изъ того же озера дядю и племянника. На этомъ же озерѣ и Хрйстинька мылъ свои рубашки, и Тіо таскала его тутъ же, на плоту, за вихоръ, способствуя съ своей стороны воспитанію мальчика и поясняя ему всѣ прачешные пріемы. Когда же онъ оказалъ къ работѣ этой нѣкоторую способность, то Тіо старалась, чтобы онъ не забывалъ пріобрѣтенныхъ познаній и навыка, а потому и посылала его уже постоянно на озеро споласкивать, какъ дядино, такъ и свое женское бѣлье, кухонныя полотенца и даже половики, потому что наша Тіо была очень чистоплотна.

Разъ какъ то Хрйстинька нашелъ у забора закинутаго щеночка, который визжалъ и плакалъ жалобно въ безпомощномъ положеніи своемъ. Вы знаете, что русскій народъ сердоболенъ: у него рука не подымется перебить полдюжины котятъ или щенятъ, которыхъ домашнее животное принесло не кстати и не подъ нужду; но закинуть ихъ—это ни по чемъ, потому что они предаются этимъ волѣ Божіей. Хрйстинька поднялъ украдкой щенка, выкопалъ ему на пустырѣ или огородѣ печурку, устлалъ ее травкой и съ этого часу заботился болѣе о благоденствіи щенка своего, которому далъ кличку Аршетъ, чѣмъ кто-ни-

будь заботился о собственной его, Христіана, жизни и пищѣ. Дѣло шло нѣсколько дней хорошо; Аршетъ составлялъ всю отраду Хрйстиньки, который, глядя на безпомощное положеніе визгливаго воспитанника, забывалъ собственное свое горе; но вскорѣ Тіо подмѣтила новыя проказы племянника, выслѣдила логовище Аршета и въ ту же минуту, не говоря ни слова, взяла его по пути съ собою, закинула въ озеро и, зачерпнувъ въ ведро воды, отправилась обычной тропинкой своей домой. И на этихъ походахъ своихъ, съ ведромъ по-воду, Тіо никогда не забывала вооружиться любимой своей метлой; это былъ маршальскій жезлъ ея, ликторскій атрибутъ, бунчугъ паши—игрушка, забава, оружіе; представитель порядка, опрятности и неограниченной власти; важнѣйшій и главнѣйшій снарядъ при всѣхъ домашнихъ занятіяхъ; только отправляясь куда-нибудь съ двора, Тіо разставалась не надолго съ завѣтнымъ другомъ своимъ, ставила метлу въ уголъ и оставляла ее тутъ, какъ представительницу свою на все время своего отсутствія. И точно, кто только входилъ на кухню и взглядывалъ невзначай на иносказательное изображеніе нашей Тіо, тотъ невольно смирялся и, робко оглядываясь, искалъ украдкой, нѣтъ ли по близости подлинника.

Итакъ, Аршетку закинули въ воду, утопили. Но геній избавитель его не дремалъ въ это время: Христіанъ съ своей стороны слѣдилъ за всѣми движеніями непріятеля, который привлекъ вниманіе передовыхъ постовъ тѣмъ, что, захвативъ щенка врасплохъ на ночлегѣ, не утерпѣлъ, чтобы не ударить и не пхнуть его ногою до преданія казни. Аршетка жалобно взвизгнулъ,—Хрйстинька вздрогнулъ, прислушался, выскочилъ въ калиточку на пустырь, увидѣлъ и распозналъ тотчасъ же всѣ козни отъявленнаго непріятеля своего, слѣдилъ украдкой, согнувшись подъ

тыномъ, за всѣми движеніями его и, смекнувъ вскорѣ, въ чемъ дѣло, принялъ свои мѣры: онъ сбросилъ куртку, разулся, засучилъ брюки выше колѣнъ и, ухватившись одною рукой за шестъ тына, пригнулся и вытянулся весь впередъ, не спуская съ глазъ своего противника, какъ человѣкъ, который готовится по первому знаку пуститься бѣгомъ взапуски или кинуться, очертя голову, изъ засады на оплошнаго непріятеля. Лишь только Тіо, закинувъ щенка и почерпнувъ рядомъ съ нимъ водицы на супъ дяди, поднялась обратнымъ путемъ на пригорокъ, какъ Хри́стинька стрѣлой пустился къ озеру, (рис. 7) вскочилъ въ болото, гдѣ едва не увязъ, но успѣлъ ухватиться за колъ и благополучно спасъ своего Аршета. Хри́стинька оглядывался со страхомъ и негодованіемъ, не обратитъ ли непріятель испытующіе взоры свои назадъ; но въ этомъ, кажется, не предстоитъ никакой опасности; Тіо удаляется съ увѣренностію и душевнымъ спокойствіемъ человѣка, сдѣлавшаго доброе дѣло и отбывшаго окончательно лежавшую на немъ обязанность.

Тѣмъ не менѣе, однакоже, Христіанъ Христіановичъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе: куда дѣваться съ Аршеткой, какимъ образомъ скрыть его отъ василисковыхъ глазъ и сатанинскихъ рукъ старой Тіо? Задача довольно замысловатая; Хри́стинька, обнимая и поглаживая своего утопленника, жалѣлъ, что Аршетка дался ему собачей, а не бобровой породы: тогда бы можно ему выстроить клѣтку подъ водой, куда ни взоръ, ни даже метла Тіо не проникали; метла эта, отправляясь по́-воду съ хозя́йкой своей, служила для расчистки поверхности воды, гдѣ плавала тина, всякій соръ и дрянь, и вслѣдъ за метлой ведро погружалось въ воду. Но подобныя невинныя желанія Хри́стиньки не спори́ли дѣла: щенокъ

визжалъ и дрожалъ. Добродушный отъ природы Христіанъ, въ жалкомъ положеніи своемъ, покинутый

рис. 7.

всѣми, не зная съ давняго времени ни своей радости, ни участія и состраданія другихъ, въ такой степени привязался къ спасенной имъ отъ гибели живой твари, что готовъ былъ плакать взапуски съ Аршетомъ; Хрѣстинька готовъ былъ сдѣлать для него что-нибудь съ геройскимъ самоотверженіемъ человѣка, жертвующаго собою для блага другихъ. Въ эту минуту, когда бѣдный мальчикъ стоялъ по колѣна въ грязи, крѣпко держалъ своего Аршета и съ отчаяніемъ глядѣлъ на роковую тропинку, опустѣвшую вслѣдъ за удалившеюся домоправительницей, онъ въ первый разъ почувствовалъ въ себѣ какую то силу и самостоятельность, въ первый разъ постигъ возможность покинуть само-

вольно негостепріимный домъ, въ который попалъ вопреки своего жаланія, словомъ, въ эту минуту Хрѝстинька, для спасенія своего любимца, готовъ былъ рѣшиться на всё. Стороною только къ этимъ мыслямъ приплеталось и собственное его бѣдственное положеніе, которому онъ не видѣлъ конца. Стоя подлѣ озера, Христіанъ сажалъ мокраго Аршета къ себѣ за пазуху, отогрѣвалъ его и, наконецъ, заплакалъ съ отчаянія, не зная, что́ дѣлать и куда дѣваться. Босой, полу-ногой и грязный, въ изорванной рубахѣ и съ горькими слезами на глазахъ, онъ представлялъ собою въ эту минуту разительную картину нынѣшней бѣдственной жизни своей.

Дядя между тѣмъ сидѣлъ съ безпокойствомъ въ креслахъ, оборачиваясь по временамъ къ двери и прислушиваясь съ возрастающимъ вниманіемъ, не собирается ли, наконецъ, Тіо накрывать столъ. Спросить обѣда онъ не смѣлъ: отъ этого домоправительница давно уже его отвадила; а между тѣмъ и стѣнные часы съ кукушкою и самый желудокъ отставного валторниста докладывали, что часъ обѣда насталъ. Такимъ образомъ, и Христинька и глухой дядя его стремились въ эту минуту мысленно къ одному предмету, хотя и въ противномъ смыслѣ: одинъ желалъ съ нетерпѣніемъ появленія грозной Тіо, другой страшился встрѣчи съ нею, и оба были въ тревожной нерѣшимости, какъ быть и что́ дѣлать. Внезапно одинъ изъ нихъ услышалъ — надѣюсь, не спросите, который — услышалъ на улицѣ, за деревяннымъ тыномъ пустыря, очень знакомые ему шаги, полновѣсные, но сопровождаемые какимъ то шарканьемъ, да ктому еще знакомый голосъ помянулъ, по всегдашней привычкѣ своей, духа тьмы. Мигомъ Хрѝстинька стоялъ уже подлѣ забора, зажавъ воспитаннику своему морду, и глядѣлъ украдкой въ продольную щелку между двухъ

досокъ: Тіо, съ бутылкою въ рукѣ, отправлялась въ лавочку за квасомъ—а какъ до лавочки было не близко, то сердобольный воспитатель, желая воспользоваться отсутствіемъ метлы, опрометью бросился со щенкомъ на кухню, усѣлся проворно на березовомъ полѣнѣ передъ топкой голландской плиты и сталъ обсушивать Аршета, поворачивая его во всѣ стороны. Аршетъ вскорѣ успокоился, пріютился и сталъ засыпать на колѣняхъ своего барина, который сидѣлъ въ задумчивости передъ челомъ плиты, почесывая пальцами загривокъ своего любимца. Но чреватая бѣдою туча въ коварной тишинѣ уже домчалась до деревяннаго крылечка, и вотъ ударитъ громъ, и молнія поразитъ стрѣлой своей неосторожнаго. Внезапно входитъ Тіо и, ступивъ ногою въ домъ, принимаетъ у самыхъ дверей бразды своего правленія, котораго представительницей служитъ столь знакомая намъ побѣдоносная метла. Трехбунчужнымъ пашей переступаетъ полномочная правительница завѣтный порогъ приспѣшной—и не вѣритъ глазамъ своимъ: Христинька сидитъ на полу передъ плитой, а на колѣняхъ у него покоится мнимый утопленникъ. Тіо поперхнулась первымъ ругательнымъ словомъ, которымъ хотѣла было проложить свободный путь цѣлому потоку доброжелательныхъ привѣтствій, замахнулась было на питомца своею метлой, но разсудивъ, что въ этомъ чрезвычайномъ случаѣ нужно дѣйствовать поосновательнѣе, что Христинька, отдѣлавшись двумя-тремя ударами метлы, успѣетъ, чего добраго, выскочить въ двери,—Тіо сунула всеоружіе свое про запасъ подъ мышку, надѣясь еще употребить его съ успѣхомъ въ свое время, то есть при окончательномъ бѣгствѣ непріятеля и погонѣ за нимъ (рис. 8); вцѣпилась клешнями въ самородный парикъ своего питомца и начала его возить систематически въ равностороннемъ треугольникѣ: отъ плиты

къ окну, отъ окна къ дверямъ, отъ дверей опять къ печи и такъ далѣе. Можетъ быть, читателямъ нашимъ покажется страннымъ, что Тіо соблюдала въ такую тревожную минуту внутренняго волненія особыя правила, будто бы не всё равно, какъ и куда повозить за чубъ дерзкаго ослушника, лишь бы потѣшиться надъ нимъ вдоволь; но Тіо во всемъ любила порядокъ; она даже собственно для очистки дороги оттолкнула проѣздомъ ногой стоявшее на пути корыто. Въ эту минуту Христіанъ Христіановичъ отправляется гужомъ къ окну, а отъ окна поѣдетъ въ одну упряжку къ дверямъ и опять, не кормя далѣе, къ плитѣ. На выѣздахъ онъ уже закусилъ, а теперь поѣздъ не остановится, безъ особенной нужды или помѣхи.

Пришла пора Хрйстинькѣ вспомнить старину и воспользоваться поневолѣ музыкальнымъ голосомъ своимъ: пришлось дать полную свободу голосистой груди своей! Онъ проревѣлъ одну изъ тѣхъ знаменитыхъ волшебныхъ фугъ, которыя въ былые годы приносили ему столько помощи и выручали изъ всякой бѣды и горя и напасти! Но часъ на часъ не приходится, говаривала Акулина, и она права. Христіанъ Христіановичъ старается, какъ видите, сколько силъ въ немъ есть, и дядя, который не дослышитъ звука валторны, когда ему трубятъ вплоть подъ самое ухо, дядя услышалъ изъ третьей комнаты эту пѣснь лебедя, подумалъ-было, что подъ окнами его явилась шарманка, но, взглянувъ въ окно, обратился, руководимый счастливою догадкой, къ дверямъ сосѣдней кухни, и будучи пріятно изумленъ неожиданною картиной, наслаждается спокойнымъ созерцаніемъ ея, улыбаясь отъ удовольствія, что, наконецъ, хоть какой-нибудь живой отголосокъ достигъ до окостенѣвшихъ его ушей! Дядя забылъ про обѣдъ; онъ съ удовольствіемъ вслушивается въ эти

пріятные звуки; онъ отходилъ и подступалъ нѣсколько разъ къ дверямъ и всѣ прислушивался. Испытуя та-

рис. 8.

кимъ образомъ слухъ свой, онъ, наконецъ, убѣдился, что началъ слышать лучше прежняго, и когда Тіо подвозила племянника вплоть къ дверямъ, то дядя, отступая на самый конецъ сосѣдней комнаты, оживалъ вдругъ и бодро оглядывался, измѣряя глазами разстояніе черезъ всю длину комнаты и чрезвычайно утѣшаясь тѣмъ, что слышитъ довольно внятно всѣ перекаты отчаяннаго крика племянника. Поковырявъ мизинцемъ въ обоихъ ушахъ, дядя сѣлъ опять спокойно на свое мѣсто и, во ожиданіи будущихъ благъ, принялся за старыя нѣмецкія вѣдомости. Онъ взглянулъ только еще разъ на часы, вздохнулъ, надѣлъ очки и сталъ читать.

Между тѣмъ утомленная ломовою ѣздой и неподручной упряжкой Тіо, которая по необходимости должна была во все время пятиться задомъ и усильно тащить за собою заторможенный на всѣ четыре колеса экипажъ,—потому что Хрйстинька упирался ногами изо всей силы и хватался по пути руками за все, что̀ ни попадалось ему подъ руки, — утомленная Тіо покинула, наконецъ, своего воспитанника, отпустивъ ему въ догонку метлой три-четыре лизуна; потомъ взяла щенка и швырнула его могучей рукой изъ окна кухни прямо черезъ заборъ. Очистивъ такимъ образомъ свои владѣнія отъ самовольныхъ вторженій, вымыла она руки и принялась обыкновеннымъ порядкомъ за стряпню. Она, правда, немножко запыхалась, разгорѣлась въ лицѣ и даже ушибла локоть, но была такъ довольна полною побѣдой надъ неосторожнымъ непріятелемъ, который, такъ-сказать, самъ напросился на потасовку эту,—такъ довольна, что молчала и не произнесла ни одного ругательства съ той минуты, какъ выпроводила одного въ дверь, а другого въ окно. Доброе дѣло спокоитъ и утѣшаетъ: работа кипѣла у нея подъ руками, глаза горѣли, и только рѣшительные пріемы ея, громкій стукъ и брякотня на кухнѣ изобличали волненіе, въ которомъ была все утро добрая Тіо. Проголодавшійся дядя со страхомъ и трепетомъ заглянулъ, наконецъ, въ дверь кухни; Тіо привѣтливо кивнула головой, указавъ на кипящій супъ, и вскорѣ обѣдъ былъ поданъ.

Но на всѣхъ не угодишь, это уже судьба наша. Тіо нынѣшнимъ утромъ осталась довольна, и дядя остался доволенъ; напротивъ того, Аршетка съ бариномъ своимъ, изъ которыхъ первый вылетѣлъ, противъ воли своей, въ окно, а послѣдній черезъ великую силу нашелъ дверь и въ нее выскочилъ,—Аршетка съ бариномъ были въ такомъ отчаянномъ неудовольствіи,

въ какомъ оба еще отъ роду не бывали. Негодованіе Хрйстиньки возросло до высшей степени, мысль бѣжать навсегда изъ дому овладѣла имъ съ неодолимою силой и онъ, самъ не зная, что̀ дѣлаетъ, накинулъ на себя ветхую дѣтскую шинелишку свою, поднялъ щенка, который на-диво былъ еще живъ, и бросился безъ оглядки со двора сиропитательнаго дяди (рис. 9).

рис. 9.

Христіанъ не успѣлъ даже надѣть истасканной куртки своей, ни взять на-дорогу куска хлѣба: онъ все покинулъ и бѣжалъ со двора, куда глаза глядятъ. Пу́гало, поставленное у дверей, знаменитое всеоружіе домоправительницы, не испугало на этотъ разъ бѣглеца;

убитый горестію и отчаяньемъ, онъ даже не видалъ этого представителя трехбунчужной владычицы, а остановился и перевелъ духъ, добрые полчаса спустя послѣ того, какъ перешагнулъ поспѣшно черезъ подворотню отставной валторны.

Когда Христіанушка опомнился немного, отдохнулъ, присѣлъ бо̀язно на какое то вычурное крылечко, гдѣ поперемѣнно гладилъ и щупалъ то своего Аршетку, то рѣзного деревяннаго льва съ косматою гривой, заглядывая въ глаза то одному, то другому и почесывая голову свою и спину, — тогда онъ началъ думать и о томъ, куда ему теперь дѣваться. Растрепанная снутри и снаружи голова его освѣжилась немного на воздухѣ, глаза провѣтрились, гроза на первый случай миновалась; Віольдамуръ былъ уже подъ другимъ небомъ. Тогда, наконецъ, разсудокъ взялъ верхъ и требовалъ отчета, куда идешь и что̀ хочешь дѣлать? Подумавъ немного, Христіанушка отвѣчалъ: пойду отыскивать старую няню, Акулину свою: больше мнѣ дѣваться некуда.

Весь день до вечера плуталъ и шатался Христіанъ Христіановичъ натощакъ по людныхъ улицамъ Петербурга, отъискивая свою старую няню. Пышно мчались мимо его коляски и кареты новомодныхъ покроевъ и названій—перья, цвѣты, шляпки и пестрыя женскія убранства неисчислимыхъ наименованій мелькали въ глазахъ бѣдняка, который, среди всей нескончаемой суматохи этой, искалъ одного только: своей старой няни. Всѣ проѣзжіе и прохожіе эти торопились; обгоняли другъ друга и, видно, спѣшили каждый по важному дѣлу; всѣ были одѣты, обуты—всѣ были сыты. Христинька походилъ въ это время на ощипанную какимъ-нибудь забіякою-воробьемъ козявку, которая, спасаясь, ползетъ въ пыли поперекъ дороги, между тѣмъ какъ сотни каретъ и колясокъ мчатся

туда и сюда по дрожащей подъ колесами мостовой, и козявка наша, припадая за-мертво каждый разъ, когда съ грохотомъ набѣжитъ на нее ухарская четверня, не ждетъ иной милости не только отъ людей, но и отъ Бога, какъ чтобы ея не размозжили. Хрѝстинька послѣ долгихъ поисковъ допросился, наконецъ, того дома, гдѣ жила Акулина, и отыскалъ ее, въ изнеможеніи отъ голоду и усталости. Здѣсь только онъ очнулся вполнѣ, поплакалъ, вздохнулъ легко и свободно, какъ не вздыхалъ давно, разсказалъ похожденія свои, и няня плакала и вздыхала съ нимъ и не могла наслушаться его, нарадоваться, наплакаться и наговориться.

— А знаешь ли, няня,—сказалъ Хрѝстинька, опорожнивши порядочный горшокъ со щами,—когда я стоялъ на одной большой улицѣ, не зная, куда идти, и оглядывался во всѣ стороны, то ко мнѣ подошли двѣ барыни, посмотрѣли на моего Аршета, полюбовались имъ и спросили, много ли я за него прошу? Я былъ, правда, очень голоденъ и не зналъ, куда дѣваться: боялся, что не найду тебя вовсе, однако, Аршетку своего прохарчить не хотѣлъ ни за что́; я отвернулся и покрылъ его полою: барыни посмотрѣли на меня и прошли. — Акулина подала Аршету еще подачки, погладила его и похвалила своего питомца, а потомъ, заботясь объ участи его, стала разспрашивать, куда дѣвалось все отцовское добро?—Не знаю ничего,—отвѣчалъ Хрѝстинька, и не знаю, что́ было, чего не было; должно быть, коли осталось что́-нибудь, такъ теперь все у дяди; кое-какія вещи видѣлъ я у него, другія прибрала въ кладовую его стару́ха. — Постой же, голубчикъ,—продолжала заботливая няня:—какъ же такъ? вѣдь у твоего, у батюшки, было много добра всякаго, водились и деньжонки; я, живучи у нихъ, царство имъ небесное, годовъ съ пятнадцать, самъ ты знаешь, родимый, другое пятое слово ихняго разговора стала по-

нимать; бывало, воротится домой старикъ изъ ломбарда, либо какъ станутъ считать по пальцамъ промежъ себя вдвоемъ, сердечные, когда счеты повѣряютъ, то и говорятъ по своему, сколько тамъ положено у нихъ денегъ.—Что же я стану дѣлать,—сказалъ вздохнувши Христіанъ:—не пойду я къ этому... и нога моя у него не будетъ, хоть пропаду съ голоду; да и не зачѣмъ, не отдастъ онъ мнѣ ничего, зачтетъ все за харчи, за уроки, что трубилъ я ему въ ухо, да за розги. Ужъ сколько разъ онъ мнѣ этимъ глаза кололъ, сколько попрекалъ; такъ надоѣла пѣсня эта, что не знаешь бывало куда дѣваться! Кричитъ, ровно я глухой, а не онъ, что я нищій, что нечѣмъ мнѣ отплатить ему за всѣ труды, за хлѣбъ, за постель, за науку; что однѣ розги на меня разорятъ его; а какъ бывало растеребитъ на меня голикъ у кухарки, то та послѣ меня же за это и колотитъ. — Сердечный ты мой, Хрѝстинка! — стала опять причитывать Акулина: —да неужто Господь милосердый эдако беззаконіе попуститъ?—И стала креститься и положила передъ образомъ земной поклонъ:—Вотъ что, родимый мой, я вѣдь смолоду свѣтъ видѣла, всё въ людяхъ жила; было тоже всякое время: натерпѣлась и наплакалась; мнѣ уже и не въ диковинку — постой же, не плачь ты, глаза занапастишь даромъ: я ужъ за тебя поплачу, не бойсь, и въ молитвахъ помяну въ грѣшныхъ своихъ, вотъ какъ всегда, видитъ Богъ, перстовъ не занесу, чтобъ за тебя не помолиться, вотъ что. А у меня, дитятко, тутъ кумъ есть, Иванъ Ивановичъ, а прозывается какъ — забыла; памяти то уже у меня вишь не стало — Орѣшниковъ ли, Салтановъ ли, что ли — эдакъ какъ-то — а Иванъ Ивановичъ; такъ пойдемъ къ нему; онъ, вишь, про всѣ дѣла эти знаетъ и такой человѣкъ книжный, вотъ таки добрая душа; у него сенатскіе писаря есть знакомые и липартамин-

скіе; они хлѣбъ-соль съ нимъ водятъ; такъ пойдемъ, не заступится ли онъ за тебя: буду кланяться ему въ поясъ; ужъ коли онъ не разсудитъ тебя съ глухимъ, ну, такъ, видно, Богу такъ угодно; а опричь его некому и таки по цѣлому свѣту некому, и кромѣ его никто тебѣ, дитятко, ничего не сдѣлаетъ. Я стану кланяться, и ты кланяйся, да проси: — Не покиньте, Иванъ Ивановичъ, батюшка, заступитесь за сиротское убожество мое, прикажите глухому чорту — прости, Господи, согрѣшеніе мое:—прикажите воротить отцовское добро; вашего милосердія не будетъ, такъ не станетъ на меня на свѣтѣ никакого порядку, ни милости, ни чести; одна ваша воля, ваша власть, батюшка!— Такъ, смотри, говори.

Испросивъ у нынѣшнихъ господъ своихъ позволенія пріютить у себя на однѣ сутки прежняго барина своего, котораго выняньчила на рукахъ, Акулина облачилась на другой день празднично, будто собиралась опять съ кумомъ на крестины, и отправилась съ питомцемъ своимъ на судъ и рядъ Ивана Ивановича. Дорóгой она купила еще двѣ коврижки, завернула ихъ въ клѣтчатый платокъ и всё учила Хрúстинку, какъ ему надо просить Ивана Ивановича и какъ отъ него только чаять ему спасенія.

Иванъ Ивановичъ только что выходилъ въ это время со двора по дѣламъ и повстрѣчался на углу съ нашими посѣтителями (рис. 10). И вотъ Акулина кланяется ему въ поясъ, отвѣшиваетъ поклонъ за поклономъ, а Христіанъ Христіановичъ снялъ почтительно фуражку и глядитъ на будущаго заступника своего въ какомъ то недоумѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не казистъ на видъ и не похожъ на такого человѣка, который бы могъ волею и вліяніемъ своимъ измѣнить чью-нибудь судьбу. Наружность самая не министерская, въ этомъ должно сознаться. Но Иванъ Ивановичъ, не-

смотря на разительное сходство свое съ обезьяной, представлялъ собою животное это въ самой добродуш-

рис. 10.

ной карикатурѣ, и имѣлъ сердце и душу чисто человѣческія. Вы видите плутовскіе глаза его, и чѣмъ болѣе всматриваетесь въ это лицо, тѣмъ болѣе убѣждаетесь, что личина иногда обманчива; что человѣкъ волею и неволею ходитъ въ шкурѣ своей, и что Иванъ Ивановичъ, можетъ быть, не такъ простъ, какимъ онъ намъ съ перваго взгляда показался. Выпуклый лобъ, крутое переносье, подвижная, угловатая бровь, сѣрые остойчивые глаза и круглый затылокъ довольно замысловаты; носъ устроенъ коромысломъ, кажется, только для собственной пользы и удобства страстнаго нюхальщика, и обстоятельство это нисколько общества

не касается; носъ же этотъ выпятилъ за собою и верхнюю губу, да сверхъ того и золотушное расположеніе въ молодости могло также участвовать въ этомъ образованіи губы, оставивъ такой памятникъ до старости лѣтъ. Вотъ почему и добродушная улыбка Ивана Ивановича походитъ на какое то кривлянье, а между тѣмъ въ ней есть и жизнь и чувство. Шляпа на немъ—дѣльцà извѣстнаго разряда: помятая, съ перехватомъ, надѣтая колпакомъ; платокъ не угрожаетъ задушить хозяина, котораго шея нуждается въ извѣстномъ просторѣ, подвигается во время разговора выразительно взадъ и впередъ, тонетъ въ плечахъ и высовывается внезапно, какъ у черепахи изъ кожуры; шея эта ходитъ свободно въ платьѣ, какъ въ хомутикѣ. Сюртукъ темно-зеленый, заплаченный на Щукиномъ дворѣ, новый, съ иголки, рублей тридцать; сапоги, подбитые гвоздями сплошь, потому что у Ивана Ивановича ходьбы по мостовой много, и щегольскихъ сапоговъ не напасешься. Свертокъ бумажный показываетъ вамъ, что Иванъ Ивановичъ вышелъ со двора не безъ надобности; табакерка въ рукахъ и платокъ, перекинутый черезъ локоть — что добродушный Иванъ Ивановичъ принимаетъ большое участіе въ разсказѣ законнаго наслѣдника, обиженнаго самоуправствомъ дяди, и собирается дослушать разсказъ до конца; Иванъ Ивановичъ добирается до самой сущности или, по собственному его выраженію, до самаго *суть*. «Суть», это былъ вообще у Ивана Ивановича любимый и вспомогательный видъ вспомогательнаго глагола, словцо, которое онъ вставлялъ вездѣ, гдѣ не зналъ, что̀ сказать или написать; такъ, онъ говорилъ напримѣръ: ты не суть еще баринъ; мы не суть великіе люди, — замѣняя этимъ неупотребительное *еси* и *есьмы*, и былъ увѣренъ, что выразился весьма искусно. Но какимъ же образомъ Иванъ Ивановичъ полагаетъ

пособить горю нашего безпріютнаго сироты, покровительствуемаго Акулиной? Посмотримъ.

Каждому изъ насъ даны свои способности, достоинства и недостатки— или каждый усваиваетъ себѣ различныя качества по наклонностямъ своимъ, случайнымъ обстоятельствамъ и вліяніямъ; безспорно, по крайней мѣрѣ, что овому талантъ, овому два, и что одинъ и два эти бываютъ не одинаковы. Не стану припоминать вамъ знаменитыхъ людей всѣхъ родовъ и геніевъ такой или иной руки: на что намъ лѣзть такъ высоко! лучше оглянемся вокругъ себя, гдѣ стоимъ. Кому не случалось видѣть людей весьма ограниченныхъ способностей, отличавшихся дарованіемъ на числительныя выкладки и счетоводство; весьма изряднаго живописца, котораго природа обнесла всѣми другими дарами своими? Я зналъ человѣка, который исключенъ былъ изъ учебнаго заведенія за «непонятіемъ наукъ», который, доживъ до шестнадцати-лѣтняго возраста, при всемъ стараніи своемъ не могъ вытвердить таблицы умноженія и не умѣлъ примѣнить ее къ дѣлу; а между тѣмъ работалъ превосходно модели разнаго рода, изъ дерева, воска, проволоки, хлѣбнаго мякиша и клееной бумаги — и въ этомъ дѣлѣ показывалъ смѣтливость, разсчетъ и соображеніе. Я зналъ также чиновника, который не умѣлъ написать по-русски трехъ строкъ, хотя онъ русскій, и другого языка не понималъ; но онъ необходимъ на своемъ мѣстѣ, и ни одно маломальски важное дѣло рукъ его не минуетъ: у него въ головѣ всѣ мелочныя подробности разныхъ узаконеній и постановленій, весь Сводъ законовъ съ продолженіемъ своимъ и всѣ указы, вошедшіе и не вошедшіе въ полное собраніе законовъ. Прочитавъ записку, предположеніе, ходъ тяжбы, онъ вамъ не призадумавшись скажетъ, что согласно, а что несогласно съ узаконеніями, на чемъ должно основать то или дру-

гое, гдѣ правая, а гдѣ виноватая сторона, и какимъ образомъ должно повести дѣло, чтобы оно было правое.

Иванъ Ивановичъ просидѣлъ, какъ вы видите по благопріобрѣтенному складу хребта и по всей посадкѣ его, лѣтъ двадцать за зеленымъ сукномъ, какъ бывало въ старину выражались. Онъ не сочинитель, не славился никогда тѣмъ, чтобы писалъ складно и красно, а между тѣмъ былъ дѣлецъ перваго разряда. Каждое дѣло разберетъ онъ вамъ по косточкамъ, по суставчикамъ, и, несмотря на приказный языкъ, которымъ излагалъ *сущность*, *справки*, *узаконенія* и *заключеніе*, онъ давалъ вамъ вѣрный, прямой и ясный взглядъ на дѣло, и никакіе крючки, плутни и путаницы не могли его сбить съ прямого тракта. Ничтò не развлекало при подобной работѣ вниманія его, ничтò не могло заставить его потерять изъ виду самую *суть*; словомъ, ясное и вѣрное понятіе, изложенное самымъ дикимъ, приказнымъ языкомъ, было неминуемымъ послѣдствіемъ всякаго подобнаго труда Ивана Ивановича. Вотъ, кажется, главная причина, почему онъ и былъ въ душѣ своей честный человѣкъ. Неодолимое природное побужденіе влекло его къ истинѣ, къ прямой цѣли, и онъ просто не умѣлъ обсудить дѣла криво, ни за деньги, ни изъ дружбы, не могъ и не умѣлъ, если бы даже и захотѣлъ. Онъ бралъ подарки отъ просителей, отъ людей, которыхъ дѣла переходили черезъ его руки, даже иногда самъ напрашивался на гостинецъ, но былъ доволенъ небольшимъ и принималъ его всегда только отъ людей, которымъ честный трудъ его послужилъ въ пользу; словомъ, онъ былъ человѣкъ неподкупной. Если бывало хотѣли его напередъ задобрить, если предлагали ему деньги за неправое дѣло, то онъ, покачавъ головой и взявъ съ особенною ужимкою напойку табаку, говорилъ преспокойно: «Постойте,

милостивецъ мой, мы не добрались еще до самаго суть; вотъ какъ, дастъ Богъ, покончимъ все, да довольны останетесь, такъ изъ чести, по мѣрѣ силъ своихъ и удовольствія, отблагодарить можете». Если же дѣло подходило къ концу и рѣшалось не къ удовольствію докучливаго просителя, то Иванъ Ивановичъ объяснялся съ нимъ откровенно: «Не извольте у насъ хлопотать понапрасну,—говорилъ онъ:—это не такое дѣло; мы съ своей стороны покончили, обработали самую *суть* и ниже ни одной лазейки вамъ не оставили; а коли угодно, идите вотъ къ такому то, дѣло теперь у него въ рукахъ; онъ человѣкъ смѣлый; коли возьметъ на себя отвѣтъ предъ Богомъ и великимъ государемъ, такъ вамъ тамъ счесться съ нимъ будетъ домашнее дѣло, а не наше». Если дѣло рѣшалось, по мнѣнію Ивана Ивановича, не право, и въ особенности безъ соблюденія даже и наружной законности, то Иванъ Ивановичъ, осадивъ лопатки и подавъ шею свою въ хомутѣ назадъ, встряхивалъ табакерку и говаривалъ: «Экіе, подумаешь, смѣлые на свѣтѣ люди *суть*—даже не то, что̀ Бога, а никого не боятся!» А если такое рѣшеніе было слѣдствіемъ искусной поддѣлки и обстановлено было круго̀мъ надлежащимъ образомъ ссылками и доводами, то Иванъ Ивановичъ любовался дѣломъ этимъ, улыбался, разбиралъ его внимательно, прокладывалъ себѣ мысленно прямой путь къ самому *суть* и заключалъ: «вотъ тебѣ и наука нашему брату: не городи такого заплоту, чтобы на любомъ мѣстѣ доску поднять, да пролѣзть можно было, а клади круго̀мъ каменну стѣну, чтобъ ни ходу, ни лазу не было; пусть тогда лѣзетъ, кому охота, черезъ конёкъ; коли не выломитъ шеи, такъ стало быть правъ: ну, да и мы правы, дѣлать нечего». Въ этомъ смыслѣ онъ и говорилъ часто о дѣлѣ, которое поведено было плохо, безъ умѣнья и осторожности: «это изба не мшеная»;

или, въ другихъ случаяхъ: «дѣльце это надо ухитить кругомъ основательно, чтобъ углы не промерзали» — «тутъ рубка требуется опасливая, въ зубъ, да сковородничкомъ, чтобъ избу нашу не расперло».

Иванъ Ивановичъ давно уже былъ въ отставкѣ, сколотилъ себѣ кое-какъ деревянный домишко и огородишко на Петербургской сторонѣ у Крестовскаго перевозу; этимъ онъ и жилъ, да занимался еще хожденіемъ по дѣламъ. Важныхъ большихъ дѣлъ, конечно, у него не случалось, и онъ за нихъ не брался; но по дѣламъ мелкимъ и средней руки, онъ былъ удивительный мастеръ и такой искусный стряпчій, какихъ не много. Пути Ивана Ивановича, какъ пути судьбы, были неисповѣдимы; взявшись за дѣло, которое считалъ онъ правымъ—а за другое онъ самъ и не брался, но охотно указывалъ на искусныхъ людей, которые-де возьмутъ—взявшись за него, Иванъ Ивановичъ въ кованыхъ выростковыхъ сапогахъ своихъ и затасканномъ сюртучишкѣ отправляется бывало съ утра шнырять по всѣмъ частямъ города; всюду у него есть свои, кумовья, сваты, крестники, кумушки, и такимъ образомъ онъ дойдетъ черными лѣстницами до какого угодно этажа. Есть, говорятъ, приступъ ко всякому человѣку съ трехъ сторонъ: сверху, снизу и сбоку. Пролазъ Иванъ Ивановичъ равно пользовался всѣми тремя путями и такъ искусно соразмѣрялъ ударъ, что, осадивъ человѣка со всѣхъ трехъ сторонъ вдругъ, принуждалъ его нерѣдко къ безусловной сдачѣ, несмотря на то, что осажденный не зналъ вовсе, есть ли на свѣтѣ такой то Иванъ Ивановичъ Салтановъ или Орѣшниковъ, и что первый сидѣлъ въ это время въ осадѣ на Фонтанкѣ, въ Морской, въ Милліонной, а послѣдній, осаждающій, за тридевять земель, на Крестовскомъ перевозѣ, и посадивъ очки верхомъ на носъ, преспокойно занимался въ это время другими дѣлами.

Швейцары, камердинеры, кучера и жены ихъ, лакеи, дворецкіе, курьеры, повара и форейторы, прачки, горничныя, швеи—все это въ случаѣ нужды служило подъ осадными знаменами Ивана Ивановича; тьма лазутчиковъ доставляла во всякое время самое вѣрное и точное свѣдѣніе о состояніи непріятеля, о слабыхъ мѣстахъ крѣпости: Иванъ Ивановичъ подводилъ втихомолку съ Крестовскаго перевозу свои мины и фугасы, и непріятель сдавался на капитуляцію. Забавнѣе всего при этомъ то, что какъ Иванъ Ивановичъ былъ полководецъ темный, никому неизвѣстный, то дѣло и оканчивалось безъ всякой огласки и какъ будто устраивалось такъ или иначе само собою.

Второй разрядъ вольныхъ и невольныхъ сподвижниковъ Ивана Ивановича были: учители, гувернёры и гувернантки, доктора, откупщики, поставщики, мелкіе чиновники, компаніонки, актрисы, художники и проч.; эта сила дѣйствовала сбоку, между тѣмъ какъ первая подпирала снизу; а для поданія помощи сверху, Иванъ Ивановичъ прибѣгалъ къ содѣйствію тѣхъ же вѣрныхъ дружинъ, направляя ударъ свой, по законамъ тяготѣнія, параболическаго полета снарядовъ и теоріи рикошетовъ — окольными, круговыми путями очень искусно поверхъ головы осажденнаго, такимъ образомъ, чтобы рикошетъ, контузія или отдача орудія или отскокъ снаряда отозвались тамъ, гдѣ слѣдовало. Въ этомъ искусствѣ Иванъ Ивановичъ достигъ высокой степени совершенства, и глазъ его былъ такъ вѣренъ, что, окинувъ мѣстоположеніе взоромъ, сообразивъ средства свои и взвѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ каждый разъ объявлялъ напередъ степень успѣха и всѣ его послѣдствія. Удивительно и непостижимо, какъ Иванъ Ивановичъ успѣвалъ въ покушеніяхъ своихъ съ такими ограниченными средствами; но онъ каждый разъ съ такимъ знаніемъ дѣла опознавалъ напередъ

мѣстность, измѣрялъ черезъ лазутчиковъ глубину рва и добывалъ самый чертежъ крѣпости, что непріятель былъ всегда у него въ рукахъ, и проломъ, подкопъ или ночное нападеніе врасплохъ — всегда удавались. Съ одной стороны онъ подъѣдетъ кумовствомъ; съ другой, подползетъ усердной просьбой и болтовней; съ третьей, подвернется черезъ третьи руки умѣстнымъ гостинцемъ и, восходя такимъ образомъ до самого его превосходительства, *суть*, не минуя ни одной степени или ступени, версталъ дѣло и, отпировавъ побѣду, ложился спать. Если голова на утро немного болѣла, то у Ивана Ивановича и на это были разныя снадобья: огуречный разсолъ, лимонная корка, морковный сокъ, и все это оканчивалось въ такомъ тѣсномъ и безызвѣстномъ кругу, что Петербургъ никогда и ничего о ходѣ этого дѣла или, по крайней мѣрѣ, о скрытныхъ пружинахъ его, не узнавалъ. Знали только иногда, что въ такомъ то дѣлѣ приняли вдругъ, и Богъ вѣсть отчего, участіе такія то великія лица; что такой то сильный человѣкъ и съ голосомъ обратилъ вниманіе на дѣло, которое считалось пропащимъ, а теперь, говорятъ, правда всплываетъ наружу; но какъ и отчего все это дѣлалось, никто не зналъ и не подозрѣвалъ.

Вотъ видите ли, какой именно талантъ былъ у Ивана Ивановича, и чѣмъ его провидѣніе надѣлило; изъ остальныхъ же талантовъ людскихъ у него не было за то почти ни одного: онъ былъ одаренъ въ высшей степени способностію входить во всѣ подробности чужихъ нуждъ и заботъ, смекать ощупью, по первому пріему, самую *суть* дѣла, распознавать путь, по которому можно слѣдовать съ надеждой на успѣхъ, пользоваться всѣми случайными встрѣчами въ свою выгоду, и, избравъ однажды цѣль, признанную имъ доступною, стремиться къ ней, не унывая и не утом-

ляясь, настраивая искусно цѣлое поколѣніе въ свою пользу. Иванъ Ивановичъ зналъ, что однимъ канцелярскимъ и суднымъ порядкомъ не всегда достигнешь вѣрно, скоро и пріятно цѣли своей; для того то онъ и опуталъ себя кругомъ невидимой паутиной разныхъ связей, куда только могъ достать своею или чужою рукою, а сидѣлъ невидимкой въ темномъ углу и, отправляясь, по мѣрѣ надобности, по той или другой ниточкѣ во всѣ стороны, добирался до человѣка, котораго посылалъ, куда слѣдовало, далѣе, а самъ спокойно возвращался въ уголокъ свой и наслушивалъ паутину, не принесетъ ли она ему отвѣта. Но за то на все другое у Ивана Ивановича не добьетесь ни ума, ни толку; и если бы вы его не испытали на дѣлѣ, то могли бы подумать, что это человѣкъ, неспособный ни къ чему на свѣтѣ. Заговорите съ нимъ о чемъ угодно, для него постороннемъ, и онъ отвѣчаетъ вамъ Богъ вѣсть что̀ такое—и смѣшно и глупо. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ началъ объясняться съ кумой своей, съ Акулиной, наговорившись вдоволь съ Христинькой: «Акулина Петровна! случай былъ у насъ, матушка, вотъ таки сущая *суть*: иду я, то есть отъ перевозу, такъ вотъ, подъ заборомъ: хотѣлъ по дѣлишкамъ провѣдать: а ужъ маленько смеркалось, признаться; вдругъ, матушка, фыркъ изъ-подъ ногъ собака; таки вотъ собака, да и полно. Я гляжу; что̀ за притча! откуда ей взяться тутъ—собака не *суть* важность, да взяться ей неоткуда, таки ей Богу неоткуда—гляжу вотъ—шмыгъ только изъ-подъ ногъ, и нѣтъ ея. Я перекрестился, думаю:—Ахъ ты, Господи! — тутъ еще человѣкъ случился, прохожій какой то: видно, изъ ливрейныхъ долженъ быть,—и онъ тоже смотритъ на меня, глядитъ, я и говорю ему: вѣдь оборотень? Оборотень, говоритъ. Ахъ ты, Создатель, подумаешь... оборотень и есть, ей Богу, матушка, оборотень; вотъ что̀!»

— Всяко бываетъ, Иванъ Ивановичъ,—отповѣдала Акулина:—всякой народъ на свѣтѣ есть, про это что̀ и говорить. Возьми же, куманёкъ, пріими на милость гостинце нашѐ, да не взыщи, не прогнѣвайся: одну коврижку себѣ возьми, кушай на здоровье, другую крестнику нашему отдашь; да вотъ, родимаго то моего не покинь; заступись, Иванъ Ивановичъ, за сироту круглаго, безроднаго: Господь помилуетъ и тебя; а не будетъ твоего милосердія, такъ обидятъ его, все пропадетъ; я ужъ такъ ему и говорила—кланяйся-жъ, дитятко,—что опричь васъ некому надъ нимъ милости Господней оказать; на все есть ваша власть, что̀ на свѣтѣ дѣлается, за вами можно поспать ему, коли по сиротству не оставите его, Иванъ Ивановичъ, — вѣдь и головушку то приклонить некуда. Вотъ пустили по міру, какъ видишь; ну куда ему, горемычному, дѣваться?

— Не спохватившись, матушка, Акулина Петровна, самую то *суть* не разгадаешь; сперва прикинемъ да примѣряемъ, а тамъ ужъ отрубить не долго. Для васъ, матушка, да ради обиженнаго, вотъ, можно по сущности постараться, что̀ Богъ ни дастъ. Жительство ему открывается: пусть онъ у меня на хлѣбахъ до самой *суть* побудетъ; сперва надобно поразобрать дѣло, да коли наша возметъ, ну, тогда онъ хлѣбъ-соль мою попомнитъ: отъ силъ своихъ наградитъ меня жертвіемъ, а не возьметъ наша,—ну, пиши пропала. Постараться можно.

Затѣмъ Иванъ Ивановичъ воротился съ кумой и новымъ нахлѣбникомъ къ своему двору, отворилъ калиточку, просилъ ихъ напередъ черезъ порогъ, посидѣлъ, попотчевалъ куму наливочкой; а когда она раскланялась, повторивъ еще на прощаніе предстательство свое за Христиньку, то Иванъ Ивановичъ снялъ съ гвоздя измятую шляпу свою и отправился по пути

съ кумою. Дорóгою онъ еще выспросилъ, какъ по другимъ дѣламъ, такъ и собственно по настоящему дѣлу, и ужъ на этомъ первомъ поискѣ, учинилъ онъ, по указаніямъ безтолковой до-нéльзя Акулины, развѣдку, собралъ нѣкоторыя справки и, отдохнувъ послѣ обѣда часокъ, сидитъ теперь передъ вами за какими то бумагами или письмами, относящимися къ наслѣдству Віольдамура (рис. 11). Вторая флейта, землякъ покойнаго Готлиба Амедея, доставилъ черезъ Акулину Ивану Ивановичу кое-какія свѣдѣнія о наслѣдствѣ своего крестника, о которомъ, мимоходомъ сказать, не заботился съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалъ свое дѣло, признавъ его геніемъ.

Но замѣчаете ли, что Иванъ Ивановичъ за письменнымъ столомъ своимъ какъ-будто поумнѣлъ съ лица? Ужимка обезьяны уступила мѣсто какому то неглупому выраженію, несмотря на носъ коромысломъ и на хоботъ подъ носомъ. Платочекъ положенъ, для сподручности, на колѣни, табакерочка подъ рукой, и ничтó не развлекаетъ вниманія старичка; штофъ и бутылочка съ наливочкой и съ горькимъ грѣются на солнышкѣ и смирно ожидаютъ очереди принять участіе въ бесѣдѣ; очередь эта полагается имъ, впрочемъ, только по два раза въ день: утромъ на тощакъ, да передъ самымъ обѣдомъ. Помадная банка обращена въ чернильницу, разбитое окно заклеено бумажкой и стянуто ниткой и заверткой; плащи хозяина и гостя, шляпа съ фуражкой и полотенце виситъ на стѣнѣ; а Хрúстинька, точно въ томъ же видѣ, какъ ушелъ изъ дому глухого дяди, сидитъ на скамеечкѣ, учитъ своего Аршета разнымъ собачьимъ наукамъ, грозитъ ему и приговариваетъ: не смѣй, не смѣй—и Аршетка служитъ, да при томъ и растетъ помаленьку и хорошѣетъ. Хвостъ у него уже довольно благовидный, мохнатый. Бандуру Хрúстинька нашелъ у новаго хо-

зяина своего на стѣнкѣ и очень ей обрадовался; кончивъ урокъ съ Аршетомъ, онъ вѣрно сыграетъ вамъ

рис. 11.

что́ нибудь и споетъ. Иванъ Ивановичъ держитъ бандуру эту такъ, на всякій случай; все, говоритъ, веселѣе: думается, что живой человѣкъ съ тобою, а играть онъ на ней теперь не играетъ, говоритъ, позабылъ.

Иванъ Ивановичъ занимался мѣсяца два-три тѣмъ, чтобы привести въ полную извѣстность все имущество или наслѣдство Христіана: безъ этого, говоритъ, намъ нельзя ступить ни шагу. Онъ бралъ въ допросъ по очередно то самого Христіана, то Акулину, вторую флейту и многихъ постороннихъ людей, и вносилъ въ особый списокъ каждую вещь, какую кто зналъ, помнилъ или видѣлъ у Віольдамуровъ въ домѣ; такимъ

образомъ, у него оставалась довольно вѣрная опись всей движимой собственности покойнаго. Въ то же время онъ разсказывалъ еще обстоятельнѣе о деньгахъ его и принималъ къ свѣдѣнію и соображенію всякій намекъ, не только всякое извѣстіе. По такимъ то слѣдамъ онъ пустился далѣе, проложилъ себѣ тихомолкомъ путь къ канцелярскимъ чиновникамъ кредитныхъ установленій и добылъ оттуда выписочки: сколько, куда и когда именно Готлибъ Амедей внесъ денегъ, сколько, когда и кѣмъ изъ этого числа вынуто—и между прочимъ вывелъ этими путями наружу, что нѣкто отставной камеръ-музыкантъ бралъ по передаточнымъ бланковымъ надписямъ, отъ имени старика Віольдамура, деньги по билетамъ изъ одного мѣста, относилъ ихъ въ другое, и получалъ билетъ на свое имя. Словомъ, Иванъ Ивановичъ вывѣдалъ подъ рукой всю подноготную и усчиталъ на Крестовскомъ перевозѣ глухого дядю лучше, неужели тотъ самого себя когда-нибудь усчитывалъ, сидя за своей счетной книгой и за билетами. Точность и опредѣлительность всѣхъ свѣдѣній этихъ была поразительна, и сводъ имъ сдѣланъ мастерски.

Окончивъ про себя учетъ этотъ, Иванъ Ивановичъ сталъ обдумывать дѣло, и нашелъ, что суднымъ и тяжебнымъ порядкомъ чрезвычайно трудно будетъ достигнуть цѣли, потому что дѣло было запутанное, давнее, и законныхъ доказательствъ едва ли достатачно. Во всякомъ случаѣ оно потянулось бы на нескончаемыя времена. Разсудивъ это и припомнивъ къ тому еще всегдашнюю поговорку свою: «худой миръ лучше доброй драки,»—Иванъ Ивановичъ окружилъ понемногу противника своего осадными работами и, пользуясь всѣми преимуществами своего положенія, короткимъ знаніемъ мѣстности и обстоятельства, тѣснилъ глухую валторну неотступно, день и ночь, подготовляя ему

ударъ за ударомъ, непрерывною цѣпью. Такимъ образомъ, Иванъ Ивановичъ трогательнымъ описаніемъ несчастій Хрѝстиньки успѣлъ поднять на ноги весь оркестръ, при которомъ служилъ покойникъ; скромный кларнетъ, самоувѣренная вторая флейта, твердая и непоколебимая въ счетѣ паузъ литавра, всѐ давнишніе знакомцы наши, и еще многіе другіе, отправлялись, подстрекаемые Иваномъ Ивановичемъ, то вмѣстѣ, то порознь къ отставной валторнѣ; и убѣжденіями, усовѣщеваніемъ и угрозами старались склонить глухого не брать на душу такого грѣха, а отдать мальчику законное его достояніе.

Первымъ слѣдствіемъ докучливыхъ настояній этихъ была смертная ссора глухого дяди со своей Тіо; а раздоръ въ станѣ непріятеля есть вѣрный предвѣстникъ побѣды. Глухой попрекнулъ ее, что она, неосторожнымъ обращеніемъ своимъ, раздражила и вывела изъ терпѣнія Хрѝстиньку, почему-де онъ и вздумалъ бѣжать къ чужимъ людямъ, которые теперь мѣшаются не въ свое дѣло. Добродушная Тіо разразилась въ отвѣтъ на это потокомъ ругательствъ; желая во что̀ бы то ни стало довести до слуха друга своего эти сладкія рѣчи, она, подбоченясь, нагнулась и кричала ему изо всей мочи на́-ухо: ты такой, ты сякой; а дядя между тѣмъ подставлялъ ухо и съ жадностію ловилъ рѣчи подруги своей, надѣясь услышать что́-нибудь утѣшительное. Онъ, однакоже, горько обманулся: Тіо, которой надоѣло кричать истукану безъ всякой пользы на́-ухо, перебравъ всякую подручную брань, сунула ему, наконецъ, со злости кукишъ въ ротъ, а ротъ, какъ вы знаете, у дяди всегда стоялъ на́стежь, особенно когда онъ прислушивался. По нечаянности такого вовсе неожиданнаго оборота разговора, дядя нашъ, который чуть не подавился сытымъ пальцемъ своей Тіо, невольнымъ образомъ отдернулъ го-

лову и въ то же мгновеніе сильно стиснулъ челюсти свои. Дядя былъ уже нѣмолодъ, но зубы оказались у него очень здоровые; Тіо взревѣла и зарыкала, выдернула палецъ свой изъ тисковъ и оттолкнула другою рукой кусаку съ такою яростію, что онъ, съ легкой руки, полетѣлъ затылкомъ въ косякъ, и на этотъ разъ самъ *слышалъ*, какъ у него голова по швамъ затрещала.

Такимъ образомъ, въ одинъ этотъ пріемъ осада значительно подвинулась впередъ; а между тѣмъ второе полчище выступило уже изъ разныхъ концовъ города на поприще, безпокоило и тревожило непріятеля со всѣхъ сторонъ. Второе полчище его состояло изъ двухъ самыхъ неуклюжихъ писаришекъ, трехъ канцелярскихъ служителей и одного чиновника; народъ, по выраженію Ивана Ивановича, мелкой, не дорогóй, но полезный: ихъ приводилъ къ глухому сосѣдъ его, подъ видомъ дружбы, для объясненія обстоятельствъ и положенія дѣла. Сосѣдъ этотъ былъ человѣкъ неподкупной и не продалъ бы своего сосѣда, не сталъ бы его обманывать, но Иванъ Ивановичъ поднесъ ему ученаго снигиря и пару золотыхъ рыбокъ. У одного изъ гостей былъ на готовѣ списочекъ всему имуществу, которое дядя пріобрѣлъ отъ Віольдамура—и глухой едва не одурѣлъ отъ удивленія, увидѣвъ своими глазами, что все открыто, все извѣстно, все, что́ онъ считалъ доселѣ шитымъ и крытымъ, и не понималъ, кто и какими способами могъ ему такимъ образомъ удружить? У другого случилась черновая просьба, подаваемая будто бы на-дняхъ отъ имени племянника со страшнымъ начетомъ за провладѣніе и съ жалобами на захватъ имущества, растрату его и жестокое обращеніе съ законнымъ наслѣдникомъ, дабы уморить его безгласнымъ образомъ и сжить со свѣту; у третьяго нашлась выписочка изъ

уголовныхъ законовъ, по которымъ приходилось весьма лишить живота нашего преступника, и при томъ еще не разъ, а за каждую проказу его особо. Нашелся и такой пріятель, который будто зналъ уже напередъ мнѣніе по этому дѣлу разныхъ значительныхъ лицъ, такихъ, которыхъ вліяніе было несомнѣнно. Глухой передвигалъ только колпакъ съ уха на́-ухо, поворачивая слуховой рожокъ то въ ту, то въ другую сторону, и не зналъ, что́ отвѣчать. Двѣ кухарки, землячки нашей Тіо, посѣтили около того же времени пріятельницу свою, разсказывали ей о страстяхъ, которыя онѣ въ такомъ то мѣстѣ слышали по этому дѣлу, и что видно-де глухой твой крѣпко виноватъ; говорятъ, ему будетъ очень худо. Наконецъ, Иванъ Ивановичъ заложилъ и третью параллель, какъ говорятъ приступныхъ и подкопныхъ дѣлъ мастера и хитрые городоимцы, то есть подступилъ ближе и нанесъ рѣшительный ударъ. Для этого Иванъ Ивановичъ не утруждалъ себя личнымъ свиданіемъ съ дядей, а сидѣлъ преспокойно въ избушкѣ на Крестовскомъ перевозѣ и игралъ съ постояльцемъ своимъ въ шашки; но Иванъ Ивановичъ пустилъ въ ходъ западну́ю силу свою обыкновеннымъ косвеннымъ вліяніемъ: истомивъ противника, какъ мы видѣли, непрерывной тревогой, посредствомъ дѣйствія снизу и сбоку, Иванъ Ивановичъ пустилъ ядро для острастки черезъ голову ему, сверху, и поневолѣ заставилъ его оглянуться. Это сдѣлалось такимъ образомъ: къ отставной валторнѣ входитъ въ одно утро самъ капельмейстеръ, старикъ почтенный, но суровый, заводитъ рѣчь по этому дѣлу и говоритъ сильно и настойчиво. Капельмейстеръ—это всё-таки родъ какого то начальства; глядя на него, валторна невольно вспомнилъ былыя времена, какъ бывало одинъ взмахъ руки этого начальства безусловно повелѣвалъ сонмомъ покорныхъ рабовъ; невольное чувство

уваженія и страха напоминало дядѣ послѣдніе годы службы его, когда у него уши постепенно залегали, и онъ съ бо́льшимъ безпокойствомъ слѣдилъ за движеніемъ руки капельмейстера, и при всемъ этомъ встрѣчалъ иногда внезапно грозный взглядъ его, который обращался мгновенно въ тотъ уголъ, гдѣ валторна, прихрамывая на одну осьмушку, догоняла согласный хоръ товарищей. По всѣмъ этимъ уваженіямъ, по впечатлѣнію, которое произвело на глухого появленіе капельмейстера, необходимо надо причислить его къ дѣйствію сверху.

Когда же, наконецъ, послѣ всего этого, еще и самъ частный приставъ потребовалъ къ себѣ глухого и принялъ его въ допросъ,—то нашъ князь Тугоуховскій самъ прослезился отъ жалости къ племяннику, согласился на всѣ предложенныя ему мировыя условія для полюбовной сдѣлки; а желая извлечь изъ этого дѣла хотя какую-нибудь пользу для себя, онъ свалилъ весь грѣхъ на домоправительницу свою и выговорилъ себѣ одну только льготу, непосредственную и немедленную помощь частнаго пристава для изгнанія изъ безспорныхъ владѣній своихъ столь знакомаго намъ трехбунчужнаго паши финскаго поколѣнія, который, завладѣвъ самоуправно съ давнихъ временъ и коломъ и дворомъ, стѣснялъ со дня на́-день болѣе законныя права глухого калифа. Послѣ первой удачной попытки, которой мы были свидѣтели, мощная Тіо сдѣлалась смѣлѣе и свирѣпѣе прежняго: она нѣсколько разъ уже прибѣгала къ одной и той же развязкѣ, при возникавшемъ домашнемъ разногласіи, а именно: отправляла глухого лбомъ или затылкомъ въ косякъ, какъ сподручнѣе приходилось, а сама дѣлала, что́ хотѣла. Такой однообразный, хотя и сильный, аргументъ крайне прискучилъ глухому; домашнихъ средствъ на обузданіе домашняго звѣря не хватало; *'ведка ись Фиборъ* не

только отбилась вовсе отъ рукъ, не только сама прибрала къ рукамъ хозяина, не только подымала на него руку,—но грозила уже, не шутя, выгнать глухого чорта на улицу, не дать ему ни куска хлѣба и не пустить даже заглянуть въ подворотню собственнаго его дома. Условіе дяди было немедленно принято. Частный нашелъ средства освободить владѣнія его отъ этого внутренняго врага, и миръ снова водворился, потому что глухой остался одинъ въ четырехъ стѣнахъ. Христіанушка получилъ по мировой значительную часть отцовскаго достоянія, составлявшую, по скромнымъ понятіямъ его, необъятную сумму, — и щедро надѣлилъ своего благодѣтеля.

Иванъ Ивановичъ хохоталъ отъ души, утѣшаясь этой дешевой побѣдой, хохоталъ, потряхиваясь всѣмъ тѣломъ, подергивая плечами и покачивая головой своей въ хомутикѣ. Онъ всѣмъ сотрудникамъ своимъ, всей дружинѣ обѣщалъ задать пирушку на-славу, если выиграетъ дѣло, и сдержалъ слово.

Въ назначенный день все въ домѣ Ивана Ивановича ожило, и пошла суматоха. Балъ предполагался не такой замысловатый, чтобы заботиться объ немъ наканунѣ, — а съ утра было-таки хлопотъ довольно. Θекла—это камердинеръ, поваръ, дворецкій, офиціантъ и развѣ потому только не кучеръ Ивана Ивановича, что онъ не держалъ лошади—Θекла вытирала окна и подоконники, мела, перетирала и чистила запасную посуду, скребла сѣни и крыльцо; Иванъ Ивановичъ отправился въ лавочку, въ погребокъ, зашелъ къ булочнику, а потомъ взялъ у пріятеля на вечеръ скрипку, да изъ сосѣдней табачной лавочки на прокатъ гитару. Вы знаете, я полагаю, что во всякой табачной лавочкѣ торгуютъ также гитарами, балалайками и римскими, какъ увѣряютъ, струнами. Отчего балалайка и гитара сходятся здѣсь по принятому по-

рядку съ табакомъ—этого я не знаю. Иванъ Ивановичъ взялъ инструменты эти про запасъ на всякій случай, неравно развеселятся гости. Кромѣ разныхъ съѣстныхъ и питейныхъ закуповъ, приглашена была на балъ также вся стеклянная посуда съ окна въ кабинетъ, посуда, которая давно уже грѣлась на солнышкѣ и ждала такого праздника.

И вотъ онъ передъ вами, праздникъ этотъ, пиръ, вечеринка, или балъ, какъ честилъ его самъ радушный хозяинъ (№ 12). Изъ числа женскаго пола приглашены были только двѣ особы: виновница праздника, Акулина Петровна, которая разливала чай, да еще Θекла, собственно для разноса стакановъ. Впрочемъ, было общество холостое, но почетное, дружина средней руки, посредствомъ которой Иванъ Ивановичъ дѣйствовалъ сбоку и подпруживалъ снизу. Напередъ всего, удостойте благосклоннаго вниманія своего самого хозяина, который, какъ отъ собственнаго удовольствія, такъ и по обязанности потѣшить гостей своихъ, открываетъ балъ. На лицѣ написано пріятное, веселое расположеніе; а по губамъ видно, что Иванъ Ивановичъ приговариваетъ подъ музыку: «оступилася, промолвилася;» или что̀-нибудь подобное. Хомутишка на-слабѣ и су́понъ не подтянута; плечи сжаты и поддернуты, потому что Иванъ Ивановичъ собирается присѣсть; это видно по ногамъ и по колѣнямъ его; на лѣвой онъ стоитъ довольно твердо, хоть и покачнулся немного въ сторону, а правая выразительно не отлетѣ, только что выскочила изъ подъ него, ударивъ каблучкомъ въ полъ. Отъ этого собственно сапогъ ноги этой принялъ такое же положеніе, какъ носъ Ивана Ивановича; эту же ногу Иванъ Ивановичъ выкинетъ вотъ сейчасъ, какъ только присядетъ да присвиснетъ. Но локти и руки плясуна,—это заглядѣнье; особенно же клѣтчатый платокъ, который придерживается на щипокъ съ та-

кою же аккуратностію, какъ гильдейская купчиха держитъ чайное блюдечко, когда пьетъ въ прикуску.

рис. 12.

Безотвѣтный сюртучишко работаетъ и пируетъ вмѣстѣ съ хозяиномъ; мы видѣли сюртукъ этотъ на улицѣ, видѣли дома за работой и видимъ теперь на пирушкѣ. Взглянемъ же и на прочихъ собственниковъ, которые раздѣлились на четыре отдѣльныя кучки: Аршетъ, Хрйстинька со скрипкой, исключенный изъ службы прапорщикъ съ гитарой и какой то учитель—составляютъ незатѣйливый оркестръ. Учитель настроилъ въ пользу выиграннаго дѣла одного изъ чиновниковъ управы, товарища своего по школѣ, и теперь наслаждается плодами своихъ трудовъ: заблаговременно напился пьянъ, растянулся во всю длину свою на стулѣ и оретъ во всю глотку самъ по себѣ, не заботясь о томъ, что другіе сами по себѣ играютъ. Исключен-

ный служивый коротко знакомъ со многими швейцарами, сторожами, счетчиками и присяжными, а потому и не лишній человѣкъ для Ивана Ивановича; при томъ же онъ и удалой парень, на всѣ руки, и малую толику пропитанія своего получаетъ нерѣдко отъ нашего стряпчаго. Исключенный прапорщикъ этотъ занимается бо́льшею частію тѣмъ, что сидитъ въ переднихъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, заглядываетъ иногда и на почту и предлагаетъ всюду просителямъ и неграмотнымъ подателямъ и получателямъ денегъ и посылокъ расписаться за нихъ, подписаться свидѣтелемъ при совершеніи разныхъ актовъ и сдѣлокъ, добыть гербовой бумаги, размѣнять деньги и прочее. Это скромное ремесло достаточно утоляло сильную отъ природы жажду его,—а другихъ житейскихъ потребностей онъ не зналъ.

Вторую кучку составляетъ удалая тройка, хотя она и походитъ съ виду на тройку разбитыхъ почтовыхъ клячъ. Это могущественныя чернильныя души, повитыя въ гербовой бумагѣ, вскормленныя остріемъ пера; они ребята стараго закона, принадлежащіе къ неизслѣдованному еще доселѣ поколѣнію человѣчества; они, даже по складу лица, не принадлежатъ ни къ кавказскому, ни къ монгольскому или малайскому, ниже къ какому либо иному, учеными физіологами признанному племени; но составляютъ свое, отдѣльное подъячее поколѣніе, свойственное исключительно нашей почвѣ и климату. Они смотрятъ между прочимъ на постановленія и узаконенія, какъ на пріятную рощу, въ которой можно прогуливаться по всѣмъ направленіямъ, поддерживая чистоту дорожекъ только для виду и отправляясь всюду въ перевалъ прямымъ путемъ, гдѣ нужно въ обходъ и околицей, лишь бы знать хорошо всѣ лазы, пути, просѣки, трущобы, чащи и рѣжи, входы и выходы, лишь бы не запу-

таться и не наткнуться по неосторожности лбомъ въ пень, а обойти въ опасномъ мѣстѣ, пролѣзть на карачкахъ или проползти ползкомъ. Прическа у этихъ трехъ господъ, какъ изволите видѣть, разнородная: у одного волоса свисли въ лицо, какъ нечесаная пакля; у другого поднялись дыбомъ какъ на дикобразѣ; на третьемъ только виски обозначаются небольшими клочками поношенной шерсти, а, впрочемъ, голова какъ ладонь. Всѣ троя на-веселѣ; но состояніе это обнаруживается въ нихъ не одинаково: тотъ, у котораго голова въ паклѣ, натянулся, надулся, насупился—да чуть ли у него еще и душа не просится наружу, по крайней мѣрѣ, рожа у него кислая. Дикобразъ, напротивъ, показываетъ извѣстную степень лютости, сильно косится на носъ свой, а черезъ него и на плясуна-хозяина; дикобразъ не можетъ толкомъ сообразиться, что онъ и гдѣ онъ, а понимаетъ только, что дѣло какъ то не въ порядкѣ, что тутъ ни на себя, ни другъ на друга полагаться нельзя, а потому и старается удержать собрата своего, который, совлекшись всѣхъ суѣтъ мірскихъ, блаженствуетъ среди этого раздолья и, присѣдая понемногу, уже расправилъ, крылья чтобы пуститься вслѣдъ за хозяиномъ въ присядку. Онъ слѣдитъ за каждымъ движеніемъ, за каждой ужимкой Ивана Ивановича и до того удовольствованъ, что не слышитъ подъ собою земли и не обращаетъ никакого вниманія на дикобраза, который затормозилъ его на оба плеча и мямлетъ суконнымъ языкомъ своимъ:—Не ходи, братъ, плясать; полно, не ходи, ей Богу.

Въ третьей и четвертой кучкѣ видимъ только по парѣ людей; тутъ чиновникъ какого то департамента, оглядываясь черезъ плечо, удостаиваетъ снисходительнаго вниманія своего весьма благовиднаго канцелярскаго писаку, который знаетъ по опыту, что всего удобнѣе оканчивать дѣла на вечерахъ, балахъ и за

обѣдами, и потому, улучивъ удобную минуту, проситъ сосѣда своего, чиновника, принять подъ свое милостивое покровительство. Эта чета до того занята дѣловымъ разговоромъ и пуншемъ, что не обращаетъ никакого вниманія на увеселительныя выходки хозяина. Послѣдняя пара — это Ѳекла и магистратскій писарь, лицо въ своемъ кругу самостоятельное, одно изъ тѣхъ, на которыхъ иногда указывалъ Иванъ Ивановичъ, приговаривая: «онъ человѣкъ смѣлый, въ плечахъ широкій и сладитъ дѣло это какъ угодно; а счесться съ нимъ вамъ уже домашнее дѣло будетъ, не мое». Магистратскій чиновникъ, который привыкъ ничего не упускать изъ виду, однимъ глазомъ глядитъ на стаканъ и бутылку, другимъ старается принять участіе въ общемъ веселѣ, не желая выпустить изъ рукъ стаканъ, ни проглядѣть какой-нибудь ужимки Ивана Ивановича и опасаясь, чтобы хозяинъ не вздумалъ пуститься въ присядку въ ту самую минуту, когда гость займется сочиненіемъ пунша. Ѳекла захватила подносъ со стаканами въ два кулака, уперла край его довольно твердо себѣ на животъ и, поставивъ такимъ образомъ въ твердое равновѣсіе бутылки со стаканами, предалась вполнѣ наслажденію, созерцая внимательно барина своего въ веселомъ его расположеніи.

Въ одиночествѣ и на особицу стоитъ кума Акулина Петровна, въ сосѣдствѣ сомовара, исправляетъ у Ивана Ивановича должность заботливой хозяйки и любуется поочередно кумомъ своимъ и молодымъ бариномъ, побѣда котораго празднуется надъ враги и супостаты. Она нисколько не удивлялась счастливому обороту дѣлъ своего Христиньки, убѣждена будучи, что для Ивана Ивановича все на свѣтѣ возможно, а кромѣ его никто ничего не можетъ сдѣлать.

Вотъ какая пирушка расходилась въ этотъ день на Крестовскомъ перевозѣ — скрипка, гитара, голосъ

прапорщика и голосище учителя словесности и другихъ наукъ раздавалось за-полночь; двѣ бутылочки мадеры, три бутылки рому и штофчикъ фруктовой были опорожнены; Иванъ Ивановичъ обнялся и поцѣловался на прощанье со всѣми гостьми, выпроводивъ почетнѣйшаго изъ нихъ на середину улицы и раскланявшись съ нимъ въ поясъ; уложилъ учителя въ углу на полу, потому что учитель этотъ былъ не въ силахъ встать самъ собою со стула, на которомъ растянулся, а Иванъ Ивановичъ не рѣшался положить дорогого гостя на диванъ, неравно-де свалится, да убьется; затѣмъ радушный хозяинъ, покачиваясь слегка, обошелъ и погасилъ свѣчи, простился съ Христіаномъ, подавая руку въ противную отъ него сторону и самъ не замѣчая своей ошибки; снялъ съ себя, вздыхая и зѣвая вслухъ, обиходный, безотвѣтный сюртучишко, легъ на кровать не разувшись и укрылся тѣмъ же сюртукомъ. Все смолкло на Крестовскомъ перевозѣ, тишина воцарилась, музыка, пѣсни, крики и клики смѣнились четверогласнымъ храпѣніемъ Ивана Ивановича, Θеклы, учителя и Христіана Христіановича. Балъ конченъ, побѣда отпразднована, и глухому, говорятъ, въ этотъ вечеръ много и часто икалось, а въ ушахъ шумѣло, визжало и звенѣло пуще прежняго.

Если вы, можетъ быть, желаете узнать что̀-нибудь о дальнѣйшей судьбѣ нашей *вѣдки исъ Фиборгъ*, то могу вамъ доложить, что и ей не повезло прежнее счастье: при сложеніи съ себя званія намѣстницы дома, двора, пустыря, озера и вообще водъ, земель, угодій и самой усадьбы глухого дяди, и при сдачѣ знаменитаго своего бунчуга, она была очень опечалена, а печаль и горесть свою изъявляла Тіо всегда бранью и дракой. Что̀ дѣлать; она была такого сложенія и въ минуту горести сама не была вольна надъ собою.

Въ такомъ расположеніи засталъ ее городовой, пришедшій навѣдаться, по приказанію крѣпкаго въ словѣ своемъ частнаго пристава, сложила ли она съ себя званіе, отъ котораго была уволена, и очистила ли къ сроку половину замка, которую занимала? Городовой нашелъ, что Тіо наша не сдѣлала еще къ отступленію своему никакихъ пріуготовленій, что настоящій хозяинъ заперся въ одной комнаткѣ, не желая раздѣлить печаль и горе со своей хозяйкой; заключенный такимъ образомъ въ самыхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ хозяинъ дома, увидѣвъ городового, растворилъ окно и упрашивалъ его убѣдительно и слезно, принять рѣшительныя мѣры къ приведенію въ дѣйствительное исполненіе распоряженій высшей власти—о своей власти онъ даже не упомянулъ—и выкурить чѣмъ-нибудь не признающую никакихъ властей отставную комендантшу изъ непринадлежащихъ ей владѣній. Къ этому глухой еще присовокупилъ, что онъ просидѣлъ сегодня безъ кофе и безъ завтрака и, по всей вѣроятности, останется также безъ обѣда: Тіо объявила ему, сквозь запертыя двери, что она готовитъ кушанье только для себя. Прибавимъ къ этому еще слѣдующее: объявлая это, Тіо до того возвысила голосъ свой, что глухой услышалъ и понялъ, о чемъ идетъ рѣчь, и, несмотря на непріятную вѣсть, былъ доволенъ, что иногда слышитъ довольно порядочно. За кратковременную радость эту онъ, однакоже, поплатился порядочнымъ желвакомъ на лбу: отставная комендантша, смѣтивъ, что глухой подался на переговоры и приложилъ ухо къ мѣдному замкѣ, ударила кулакомъ изо всей силы снаружи въ дверь, надѣливъ такимъ образомъ глухого, по всѣмъ правиламъ динамики, толчкомъ угла мѣднаго замка въ голову. Изъ этого между прочимъ слѣдуетъ, что, вопреки обыкновенныхъ понятій, даже и закрытыя двери не всегда обезпечиваютъ отъ наружныхъ кулаковъ.

Собравъ такія положительныя свѣдѣнія, городовой вошелъ въ приспѣшную убитой горемъ домоправительницы и приглашалъ ее оставить немедленно заповѣданное ей жилище, употребивъ при этомъ, между прочими ласковыми выраженіями, также слово *чухна*, и еще вдобавокъ *нечесаная*. Тіо, и безъ того уже растревоженная, оскорблена будучи въ глубинѣ души своей такимъ поклёпомъ, кинулась отстаивать съ великодушнымъ самоотверженіемъ шведскую выборгскую кровь свою и атаковала немедленно всеоружіемъ своимъ, которое случилось на бѣду подъ рукою, служителя порядковъ. Если бы она еще попотчевала его сухой баней, то можетъ быть онъ, какъ человѣкъ бывалый, рѣшился бы и самъ идти въ атаку, не ожидая удара непріятеля, стоя на мѣстѣ, а встрѣчая его, какъ велитъ добрая тактика, на ходу; но обезчещенная домоправительница, кроткая Тіо, хотѣла, изъ сроднаго ей состраданія, влѣпить непріятелю своему ударъ помягче, пожиже и поплотнѣе, а потому и обмакнула напередъ метлу свою въ какую то нечистую посуду. Опытный въ подобныхъ дѣлахъ непріятель въ ту же минуту ударилъ отбой; но героиня наша, неизъяснимою быстротой движеній своихъ, поразила его, не давъ ему даже времени обратить тылъ; а когда онъ вслѣдъ затѣмъ обернулся, то она сдвоила ударъ и облѣпила такимъ образомъ незваного посла этого кругомъ, спереди и сзади. Послѣдствія отчаянной выходки этой были для бѣдной Тіо самыя плачевныя; не говоря уже о другихъ продолжительныхъ непріятностяхъ съ нею, за мокрую баню поплатились сухою; да кромѣ, того, заботливое начальство, охотно пользующееся дарованіями и поощряющее способности частныхъ лицъ, употребляло нашу Тіо цѣлый мѣсяцъ на очистку улицъ, давъ ей такимъ образомъ случай употребить съ пользою для себя и для ближ-

нихъ ловкость и опытность свою въ обращеніи съ метлою.

Между тѣмъ, Христіанъ Христіановичъ блаженствовалъ на волѣ, съ полными карманами, какъ обладатель несмѣтныхъ богатствъ, и не послушался добрыхъ совѣтовъ Ивана Ивановича положить небольшой достатокъ свой въ банкъ, довольствоваться процентами и подумать основательно о какой-либо службѣ. Въ головѣ Віольдамура теперь взыграла снова мысль, что онъ геній музыки, и что онъ созданъ только для этого искусства. Тяжба его тянулась годъ, и онъ въ это время довольно успѣлъ на скрипкѣ, начитался также сужденій вкривь и вкось о музыкѣ кое въ какихъ журналахъ: страсть къ музыкѣ въ немъ опять пробудилась, и онъ рѣшился жить для одного искусства. Расписавъ себѣ великолѣпную, громкую и славную будущность, онъ простился съ благодѣтелемъ своимъ и перебрался на другой конецъ города. Иванъ Ивановичъ, добродушно улыбаясь, нагнулся и подставилъ шею свою въ хомутикѣ подъ благодарныя объятія Хрѝстиньки и, почувствовавъ въ эту минуту, что у него лѣвый глазъ внезапно заплылъ слезою, достаетъ клѣтчатый платокъ изъ задняго кармана (рис. 13). Хрѝстинька, какъ предпрiимчивый юноша, стоитъ твердо и самоувѣренно на широко разставленныхъ ногахъ: Иванъ Ивановичъ, напротивъ, робко выставилъ одну ногу впередъ, какъ будто не довѣрялъ силамъ своимъ и боялся покачнуться. Аршетъ, который привыкъ служить почти во все время, когда онъ не спалъ и не ѣлъ, присѣлъ на корточки и вглядывается съ безпокойствомъ въ трогательное явленіе. Ѳекла таскаетъ на телѣгу узелки, подушки и скрипки бывшаго постояльца и также готова, за компанію, прослезиться. Иные увѣряютъ, что въ лицѣ русской крестьянской дѣвушки нельзя найти ни одной общей народной черты, какъ

мы находимъ, напримѣръ, въ дѣвушкахъ Германіи, Франціи, Италіи. Общей черты, можетъ быть, и нѣтъ;

рис. 13.

но у дѣвушекъ нашихъ одно общее лицо: оно печется блиномъ—круглое, пухлое, мягкое, пригорѣлое, масляное, горячее; всѣ принадлежности этого лица выпечены не совсѣмъ явственно, сливаются и заплываютъ. Добродушная Θекла, по крайней мѣрѣ, принадлежала къ этому разряду красавицъ, и когда она плакала, то это замѣтно было потому только, что по щекамъ струились капли воды. Ломовой извозчикъ, подхватившій чемоданчикъ молодого барина, не раздѣляетъ этого общаго трогательнаго чувства. Взглянувъ ему въ лицо — если это позволительно назвать лицомъ — мы должны убѣдиться, что его можетъ трогать только то, что подпираетъ бока, снутри или снаружи, то есть хлѣбъ, щи, гречневая каша и дубина. Все осталь-

ное не касается его, а слѣдовательно, и никакимъ образомъ не можетъ его трогать; истина математическая. Самъ Хрйстинька является здѣсь опрятно одѣтымъ и успѣлъ уже кое-чѣмъ обзавестись.

Но что́ же такое выдумалъ Христіанъ Христіановичъ, и куда и зачѣмъ онъ перебрался? Да онъ, оперившись теперь, вышедши изъ-подъ опеки метлы и голика, торопился выпорхнуть на бѣлый свѣтъ, порыскать на свободѣ, пожить на свою руку; Христіану казалось, что весь свѣтъ ожидаетъ съ нетерпѣніемъ, скоро ли выступитъ на поприще жизни Віольдамуръ; что весь свѣтъ готовъ встрѣтить его—руки, сердце и двери нàстежь. Счастливее, независимое положеніе, къ которому Хрйстинька еще не привыкъ, родило тысячу блестящихъ надеждъ въ головѣ генія, который, чувствуя несовершенство свое, созерцалъ въ себѣ, однакоже, способности и творческое могущество знаменитѣйшихъ художниковъ всѣхъ временъ. Все, что́ онъ слышалъ, видѣлъ и чувствовалъ въ родительскомъ домѣ своемъ, все, что́ читалъ урывками, пробудилось въ немъ теперь, послѣ тяжкой неволи, съ новою силой; увѣренность въ свою моготу и способности, надежды на славу и знаменитость — все это взроилось въ головѣ его и бродило хаосомъ вмѣстѣ съ недозрѣлыми мнѣніями, сужденіями и оцѣнкой всѣхъ живыхъ и отжившихъ однороднымъ ему художниковъ. У старика Віольдамура собирались бывало пріятели, судили и рядили о музыкѣ, о Гайднѣ, Бахѣ, Моцартѣ: все это перебилось въ головѣ доморощеннаго генія и оставило тамъ какой то мутный, неопредѣленный осадокъ; а нѣсколько журналовъ нашихъ, съ рѣзкими, рѣшительными сужденіями, прочитанныхъ отъ нечего дѣлать въ продолженіе жительства у Ивана Ивановича, сбили Христіана вовсе съ толку, и дали ему ту же самую рѣзкость въ сужденіяхъ, ту же самонадѣян-

ность всезнайки, которая тѣмъ опаснѣе и разительнѣе, чѣмъ она поверхностнѣе.

— Переберусь куда-нибудь въ самую глушь столицы, — говорилъ про себя Христіанъ, — запрусь на цѣлый годъ, ни души къ себѣ не пущу, и самъ ни на кого глядѣть не стану: буду жить съ однимъ Аршетомъ и полнымъ оркестромъ музыкальныхъ инструментовъ. Тамъ я, расписавъ дни и часы, утону въ цѣломъ морѣ звуковъ, буду изучать всѣ инструменты, начиная отъ фортепіанъ, скрипки и флейты и до тарелокъ и треугольника; изучу всѣхъ великихъ музыкальныхъ писателей и сочинителей. всѣ школы, изучу основательно генералбасъ, контрапунктъ, всѣ знаменитыя творенія итальянскихъ и нѣмецкихъ художниковъ, и выйду изъ конурки своей и покажусь на свѣтъ не прежде, какъ когда свѣтъ что-нибудь обо мнѣ услышитъ: о, тогда найдутъ Христіана Христіановича и на Пескахъ, отыщутъ его и въ Малой Болотной и на Калашниковой пристани! Въ своей землѣ никто пророкомъ не бывалъ; пусть услышатъ обо мнѣ прежде на чужбинѣ.

Подъ этой чужбиной, какъ видно, Хрѝстинька разумѣлъ Рождественскую часть сѣверной столицы нашей, потому что тамъ, въ глуши, отыскалъ онъ себѣ вышку въ двѣ комнатки, въ которыхъ предполагалъ развить и обработать даръ свой, на удивленье цѣлому свѣту. Впрочемъ, у него было также какое то темное намѣреніе поискать современемъ счастья за границей и тамъ прославиться. Нѣсколько дней сряду Христіанъ бѣгалъ въ Ниренбергскія лавки, выбралъ инструментовъ на цѣлый оркестръ, истратилъ много денегъ и, наконецъ, отправился въ путь.

Ломовой извозчикъ ѣхалъ ослинымъ шагомъ съ Крестовскаго перевозу до новой квартиры Віольдамура почти цѣлыя сутки, и ужъ поэтому Хрѝстинка,

провожая добро свое пѣшкомъ, въ правѣ былъ полагать, что онъ перебирается на чужбину.

Отъ Крестовскаго перевозу до конца Малой Болотной цѣлое путешествіе, и Хрѝстинька, успѣлъ во время похода своего на чужбину передумать и перемечтать о многомъ. Отъ мѣста жительства своего шелъ онъ, заложивъ руки назадъ, приклонивъ голову и разсчитывая всѣ затрудненія, которыя его ожидаютъ. «Трудно—думалъ онъ,»—достигнуть до художественнаго мастерства, особенно въ наше время, гдѣ требованія довольно велики, трудно изучить и одинъ инструментъ — а меня ждутъ ихъ двадцать, потому что тотъ только артистъ великъ въ моихъ глазахъ, который одинаково коротко знакòмъ съ цѣлымъ оркестромъ. Трудно — это правда; но какъ же знать, сколько дано мнѣ силъ и способностей? Если я чувствую назначеніе свое, то и долженъ за него взяться, скрѣпя сердце, съ надеждой и увѣренностію. Годъ времени — это много, нѣтъ, это мало; въ годъ не много успѣешь сдѣлать; учатся и по пяти-шести лѣтъ и успѣваютъ плохо. Но это опять-таки зависитъ отъ способностей, отъ охоты и старанья; начало сдѣлано, многіе уже удивлялись успѣхамъ моимъ и нынѣ, а я еще молодъ. — Аршетъ, иси! куда занесся. Но еще труднѣе сдѣлаться извѣстнымъ, прославиться въ своемъ художествѣ—если нѣтъ ни друзей, ни покровителей. Старые парики, которые сидятъ и пилятъ за хлѣбъ насущный день-деньской отъ семи до одиннацати, не понимаютъ, не смыслятъ истинной музыки, — они не въ состояніи ни постичь, ни оцѣнить самобытное дарованіе; это такъ, — но всѐ-таки дѣло въ моихъ рукахъ; я отдамся на судъ общества; толпу надобно изумить; если заахаютъ всѣ, тогда оцѣнятъ меня поневолѣ, и зависть умолкнетъ. Но вѣдь и отецъ мой былъ камеръ-музыкантомъ, и онъ всю

жизнь свою игралъ въ оркестрѣ и былъ сытъ и доволенъ судьбой, да еще и мнѣ оставилъ довольно... все такъ, конечно, да что же изъ этого слѣдуетъ? Онъ былъ уже старъ, человѣкъ прошлаго вѣку, не подвигался впередъ; я, напротивъ, молодъ и свѣжъ, способностей у меня бездна, я усвою себѣ все, чѣмъ гордится нашъ вѣкъ... и... и превзойду можетъ быть всѣхъ современниковъ, шагну еще за полвѣка впередъ. Какъ знать, чего не знаешь? каждый геній великъ посвоему; Гайднъ и Бахъ велики, но они вѣдь такіе же люди, какъ и я!»

Ломовой извозчикъ выѣхалъ въ это время на петербургскую крѣпостную площадь. Христинька оглянулся, ободрился, заложилъ руки въ карманы и приподнялъ голову. «На свѣтѣ простору много», подумалъ онъ:—«умѣй только проложить себѣ дорогу. И деревянная рыхлая лачужка эта и золотая игла на крѣпости—все дѣло рукъ человѣческихъ: и то зданіе, и это зданіе. И Шпоръ и Родде скрипачи, и Иванъ Ивановичъ мой говоритъ, что игралъ когда то на скрипкѣ, да забылъ. Шести часовъ сна довольно; два часа отдыху, на обѣдъ, на чай — остается шестнадцать рабочихъ часовъ въ сутки; по два часа на инструментъ—восемь инструментовъ въ день перебываетъ въ рукахъ — набьешь пальцы поневолѣ; это дастъ игрѣ моей бѣглость, вѣрность, твердость; а жизнь этому всему даетъ душа—и она то и есть во мнѣ, — это я чувствую, знаю! Аршетъ! назадъ! Чего заглядываешь въ подворотни!»

Ломовой своротилъ на Троицкій мостъ, и доски дрожали подъ ногами Христіана. «Какъ человѣкъ, однакожъ, легкомысленъ», подумалъ онъ; «почти во всякую минуту мы на два пальца отъ гибели — и продолжаемъ спокойно путь свой, ничего не замѣчая. Вотъ проломись одна только доска,—и... Аршетъ! назадъ!...

и Віольдамуръ не угрожаетъ никому болѣе соперничествомъ—развѣ природа, въ которую должны возвратиться всѣ способности и дарованія, вся душа человѣка, когда трупъ его предается тлѣнію—развѣ природа соберетъ опять снова дары эти и сосредоточитъ ихъ въ новомъ существѣ? А почему-жъ не такъ? Можетъ быть, и во мнѣ скрывается теперь духовная часть Гайдна, Баха, Моцарта? Посмотримъ... Аршетъ, иси! чего въ воду глядишь? Свалишься, дуракъ, такъ потонешь... Выборгскую сторону я не люблю,» сказалъ Христіанъ, взглянувъ налѣво, черезъ Неву, на огромныя желтыя строенія: «она вся застроена госпиталями».

Выѣхали на середину моста: широкая, раздольная Нева, великолѣпный противоположный берегъ, уставленный огромными каменными зданіями, и общая жизнь, движеніе пробудили мечтателя; онъ забылъ, куда и зачѣмъ идетъ, забылъ, что пошелъ въ конвой за чемоданомъ своимъ, нѣмымъ, до времени, оркестромъ, и сталъ летать мыслями по поднебесью. То ему казалось тѣсно въ Питерѣ, то широко и свободно, и простору на всѣ четыре стороны въ волю. Прогулка эта, однакожъ, заставила желудокъ Христіана Христіановича доложить о себѣ; купивъ на мосту свѣжую сайку, онъ подѣлился братски съ Аршетомъ и, оглядываясь кругомъ, продолжалъ, закусывая сайкой, мечтать. «Заговорятъ и въ этихъ каменныхъ зданіяхъ», подумалъ онъ,—«и можетъ быть далѣе, туда, по Дворцовой, по Англійской набережной: заговорятъ можетъ быть современемъ о русскомъ художникѣ, который родился и выросъ въ Питерѣ, а прославился въ Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ. Въ Питерѣ объ немъ никто ничего не зналъ и не слыхалъ: вышелъ онъ изъ потемковъ, да вышелъ на свѣтъ. Тогда станутъ припоминать, что былъ-де когда то камеръ-музыкантъ Віольдамуръ,

такъ ужъ не сынъ ли это его? да, сынъ; и сынъ прославитъ и себя и отца, и отечество свое — и два государства будутъ спорить о томъ, чей этотъ Віольдамуръ? Отецъ его родомъ изъ Страсбурга, гдѣ дѣдъ и прадѣдъ были извѣстными музыкантами, а Христіанъ Віольдамуръ родился и выросъ въ Россіи—въ самомъ дѣлѣ, это вопросъ сомнительный: кто же буду я тогда, русскій или иной какой... нѣтъ, русскій; пусть страсбургцы гнѣваются, а я напечатаю тогда во всѣхъ газетахъ, что я русскій».

Выѣхали на Царицынъ лугъ, и Аршетъ пустился кружить во весь духъ. «Широко, просторно», думалъ Христіанъ: «даже страшно. Умаешься еще, Аршетъ, дорога не близкая. Жилъ я въ одиночествѣ, въ захолустьи, стою теперь середи столицы, а всё какъ то одинокъ, все вокругъ меня чужіе. Судьба, судьба! надо выбиться изъ этихъ бурныхъ волнъ — и много, много борьбы предстоитъ нашему брату. Аршетъ! не тронь чужой собаки».

Между тѣмъ проѣхали Конюшенный мостъ, поворотили направо и выѣхали на Невскій проспектъ, къ Ниренбергскимъ лавкамъ. Здѣсь все уже было приготовлено; укладка и установка оркестра на дроги заняла Христіана и разсѣяла всѣ сомнѣнія, недоумѣнія и мечты его. Онъ пустился далѣе по Невскому, зашелъ къ фортепіанному мастеру у Знаменья, откуда четверо рабочихъ понесли за нимъ подержаный инструментъ; весь поѣздъ или шествіе это дошло до Лиговки, потомъ мимо фуражнаго двора и, наконецъ, въ Большую Болотную. Тутъ поворотъ налѣво, въ искривленную, дугою согнутую, Малую Болотную, едва ли не единственную въ цѣломъ Питерѣ змѣйкой перегнутую улицу. Христинькѣ вдругъ что то подступило подъ-сердце, когда онъ увидѣлъ свою вышку, цѣль долгаго путешествія. Смѣсь радости и страха

овладѣла имъ, какая то недовѣрчивость къ себѣ самому, родъ какого то безотчетнаго отчаянія; но все это промелькнуло только молніей и сказалось легкою дрожью по всему тѣлу, безпокойствомъ въ груди и маленькою слабостію въ локтяхъ и колѣняхъ, какъ будто развязались суставы. Извозчикъ остановился у подъѣзда, и Христинькѣ некогда было слѣдить за новымъ полетомъ или упадкомъ духа и заносчиваго воображенія своего, а надо было хлопотать, бѣгать вверхъ и внизъ по деревянной лѣсенкѣ, таскать осторожно рояль, басы, стулъ, скрипки, столъ, трубы, кушетку и распоряжаться въ комнатѣ, что куда класть и ставить.

Новая обитель геніальнаго художника передъ вами (рис. 14). Вы видите, что я васъ не обманулъ: басы, скрипки, гитары, барабаны, одинъ столъ, одинъ стулъ, кушетка, нотный налойчикъ: ноты на столѣ, ноты на полу, ноты на стѣнѣ. Самъ Віольдамуръ, середи разгара суѣтъ и заботъ, для приведенія всего этого въ стройный порядокъ, ухватилъ валторну и кларнетъ, чтобы пріискать имъ приличное мѣсто; но въ то же время попался ему въ руки еще и третій духовой инструментъ: любимая фарфоровая трубка его, и онъ подумалъ: «постой, отдохнемъ, выкуримъ трубку»; кларнетъ подъ мышку, валторну кольцомъ на руку, остановился середи комнаты и въ самомъ походномъ положеніи раскуриваетъ свою трубку. Аршетъ стоитъ передъ своимъ бариномъ вопросительнымъ знакомъ. О чемъ спрашиваетъ онъ? для чего глядитъ съ видомъ какого то сомнѣнія на своего господина, какъ будто хочетъ сказать: «прикажите только, сударь, что угодно: все сдѣлаю, на что меня станетъ; да благонадежны ли всѣ затѣи ваши, и чѣмъ онѣ кончатся?» — Молчи, Аршетъ; не твое дѣло. Въ качествѣ служителя низкаго разряда, ты разсуждать не долженъ; а въ ка

чествѣ друга, не приходится тебѣ говорить уже и потому, что ты принятъ на вакансію друга безсловес-

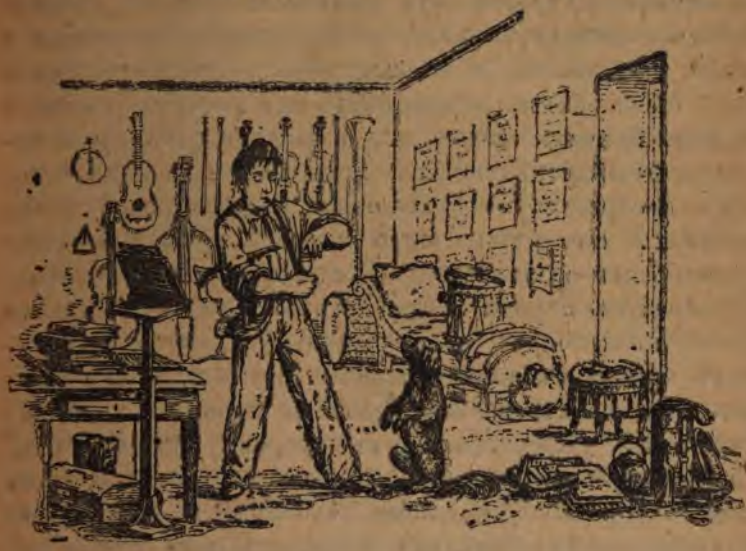


рис. 14.

наго. Нерѣшимость и какой то дѣтскій страхъ нашего Христіана исчезали по мѣрѣ того, какъ онъ устраивался въ двухъ комнатахъ своихъ и чувствовалъ себя полнымъ и независимымъ хозяиномъ. Отпуская извозчика, ему казалось, однако, что онъ разрываетъ послѣднюю связь съ людьми и предоставленъ отнынѣ себѣ, зависитъ отъ себя, и самъ долженъ заботиться о своей участи. Чувство это его не обмануло.

Хозяйка дома, вдова купца, торговавшаго на Калашниковой пристани хлѣбомъ, явилась, незваная, непрошеная, съ вѣжливымъ вопросомъ: не потребуется ли чего? Но истинная цѣль этого посѣщенія состояла въ томъ, чтобы убѣдиться, не испортилъ ли новый постоялецъ стѣнъ гвоздями, потому что въ цѣломъ де-

ревянномъ домишкѣ раздавались удары молотка, когда Христіанъ развѣшивалъ многосложный оркестръ свой по стѣнамъ. Увидавъ, что дѣло было кончено, она потужила, сдѣлала уговоръ, чтобы впередъ не колотить болѣе гвоздей, но и не выдергивать тѣхъ, которые уже были вбиты, выговоривъ ихъ счетомъ въ свою пользу. Кончивъ сдѣлку эту и выпроводивъ разговорчивую хозяйку, Христіанъ взялъ было въ руки смычокъ и скрипку но тутъ опять явилось новое лицо, дворникъ. Ему нужно было оглянуться въ комнатахъ и допросить во всей подробности новаго постояльца о привычкахъ и родѣ жизни его: когда онъ ложится спать, въ которомъ часу уходить со двора, въ которомъ приходитъ домой и прочее. Въ Малой Болотной, изволите видѣть, на все обычай и правило; это родъ какого то уѣзда, далеко въ сторонѣ отъ столицы. Віольдамуръ не былъ расположенъ сердиться и успокоилъ дворника увѣреніемъ, что будетъ сидѣть дома круглыя сутки. Дворникъ выпросилъ себѣ, однакожъ, на всякій случай, гривенникъ за труды и безпокойство, предупредивъ новаго постояльца мимоходомъ, что предшественникъ его, какой то чиновникъ, путешествовавшій ежедневно пѣшкомъ къ Чернышеву мосту, давалъ ему, дворнику, къ каждымъ праздникамъ синенькую. Оно, если хотите, и не совсѣмъ вѣроятно; да тутъ дѣло шло только объ искусномъ намекѣ. Віольдамуръ раскланялся съ дворникомъ, сталъ настраивать скрипку—а въ дверь глядитъ борода другого покроя, поваженная сюда, какъ видно, прежнимъ постояльцемъ, и потчуетъ чаемъ и баранками. Христинька готовъ былъ разсердиться, но, узнавъ, въ чемъ дѣло, обрадовался сбитню, велѣлъ налить себѣ большую чашку на двѣ гривны, взялъ вязанку баранокъ и принялся за кларнетъ: охоту къ скрипкѣ у него уже отбили. Тутъ является еще новое лицо, бабища съ

засученными выше локтя рукавами, съ заткнутымъ за поясъ подоломъ юбки; хозяйка прислала спросить, который часъ. Это вывело Христиньку изъ терпѣнія; во-первыхъ, кроткая Тіо поселила въ немъ какую то безотчетную ненависть ко всѣмъ бабамъ на свѣтѣ; во-вторыхъ, ему весь день не давали покоя, за которымъ онъ собственно и ушелъ съ Крестовскаго перевозу на Болотную. Отвѣтивъ коротко, онъ хотѣлъ было запереть дверь за незваною гостьею, но увидѣлъ, что дверь эта запирается только снаружи висячимъ замкомъ, а изнутри не было никакихъ на это припасовъ. Не долго думавъ, онъ взялъ пару гвоздей, которыми запасся для подвѣшиванія инструментовъ своихъ, и сталъ вколачивать одинъ въ дверь, другой въ косякъ, чтобы придѣлать веревочную завязку. Не успѣлъ онъ еще кончить самодѣльнаго замка этого, какъ хозяйка дома, услышавъ зловѣщій стукъ, опять поднялась по лѣстницѣ и явилась съ сильными возраженіями противъ такого нарушенія мирнаго договора. Завязался довольно жаркій споръ; съ одной стороны объявлялось настойчивое требованіе, чтобы къ двери придѣланъ былъ нутреной замокъ или допущено двумъ гвоздямъ и веревочкѣ исправлять должность его; съ другой, на требованія эти не подавались, а настаивали, чтобы дверь оставалась безъ замка и безъ веревочки или чтобы замокъ былъ купленъ и врѣзанъ на счетъ постояльца. На крикъ хозяйки дворникъ и стряпуха явились на помощь и, какъ искусные посредники, заключили между ссорившимися новое перемиріе на такомъ основаніи, чтобы вбитый въ дверь гвоздикъ оставить въ этомъ положеніи на вѣчныя времена, съ исправленіемъ должности ручки, причисливъ его къ недвижимой собственности хозяйки; если же понадобится запирать двери снутри, то подпирать ихъ березовымъ полѣномъ. Дворникъ устроилъ все это къ обоюдному

удовольствію хозяйки и постояльца и счелъ послѣ этого долгомъ заявить требованіе на гривенку, для покупки дратвы; изъ чего неопытный Христіанъ Христіановичъ и заключилъ весьма ошибочно, что дворникъ чеботаритъ; гривна эта просто пошла въ казенный питейный домъ, и дворникъ строчилъ, тачалъ и прошивалъ этой казенной дратвой собственный свой нутровой товаръ.

Усталый Христіанъ бросился на кушетку и уснулъ. Вставъ на другое утро, онъ позабылъ отчасти всѣ вечернія непріятности и сѣлъ весело для обработки голоса за фортепіано (рис. 15). Для бо́льшей свободы и простору, онъ сбросилъ верхнее платье, и сидитъ передъ вами въ положеніи такого человѣка, котораго всѣ умственныя и тѣлесныя силы сосродоточились въ одной глоткѣ. Ноги протянуты, туловище далеко подалось назадъ, голова закинута, словомъ, пѣвецъ почти легъ на́взничь, прищурился и кричитъ изо всей силы, подымаясь всё выше и выше. Судя по этому положенію, онъ поднялся высоко и едва ли не до головного голоса. Если бы онъ спустился голосомъ пониже, подался бы можетъ быть всѣмъ тѣломъ впередъ, приклонилъ голову и нажималъ бы на грудь подбородокъ. Если вы любитель или знатокъ музыки, въ чемъ не смѣемъ сомнѣваться, то вамъ, конечно, извѣстно, что́ такое называется *вырабатывать* голосъ; это значитъ кричать во все горло: до, ре, ми, фа, соль, ля, си, — переливаясь во всѣ лады и удерживая протяжно каждый звукъ столько времени, насколько хватитъ силъ и духу. Вотъ что́ дѣлаетъ теперь Хри́стинька и вотъ что́ дѣлаетъ безсмѣнный товарищъ и сподвижникъ его Аршетъ; онъ служитъ, желая этимъ угодить барину и склонить его на взаимную услугу: Аршетъ умоляетъ барина своего не выть такимъ страшнымъ голосомъ, будто съ него живого лыки деру́тъ; а когда

служба или служеніе это не обратило на себя вниманіе занятаго своимъ дѣломъ барина, то Аршетъ не на-

рис. 15.

шелъ другого способа облегчить сколько-нибудь обидчивый слухъ свой, какъ затянуть, по собачьему обычаю, такую же плачевную пѣсню. Такъ трубочники увѣряютъ, что въ комнатѣ, гдѣ усердные курильщики пускаютъ дымъ въ пять-шесть чубуковъ, нельзя усидѣть не задохнувшись, если не закурить своей трубки.

Между тѣмъ на Малой Болотной улицѣ произошла тревога. Новый жилецъ ея занялъ вышку, сколоченную изъ барочнаго лѣсу, обшитую снаружи тесомъ и обклеенную снутри зелеными шпалерами; каждое слово его было слышно не только въ цѣломъ домѣ, но и на улицѣ, особенно лѣтомъ, при одинакихъ рамахъ. Въ Болотной не случалось какъ то доселѣ жильца, который бы жилъ такъ громко; прохожіе и сосѣди останавливались на улицѣ и глядѣли съ состраданіемъ въ

полукруглое окно вышки, освѣдомляясь, кто и кого сѣчетъ или колотитъ. «Должно быть,—замѣтилъ мѣщанинъ въ сибиркѣ:—какой-нибудь хозяинъ хозяйку свою учитъ».

— Какой хозяинъ, — возразилъ другой, тутъ вдова живетъ, а тамъ у нея самъ по себѣ одинъ постоялецъ.

— Нѣтъ, отцы мои,—отозвалась работница приходской просвирни:—это, воля ваша, кто-нибудь по покойникѣ голоситъ.

— Какой покойникъ тутъ, коли, тебѣ говорятъ, одинъ-однимъ постоялецъ стоитъ, такъ изъ себя, черноватый и молодой парень.

— Что вы это, господа, — сказала баба, которая вышла изъ воротъ насупротивъ, съ засученными рукавами рубашки и съ руками по локоть въ тѣстѣ, потому что она покинула квашню:—что вы это, будто не слышите, вѣдь въ два голоса плачутъ, коли не въ три, а вы говорите—одинъ по себѣ постоялецъ: слышь, вотъ — ровно сестра съ братомъ: одинъ большинькой, одинъ меньшинькой: да вѣдь какъ жалобно заливаются! Господи, Боже мой, помилуй насъ, грѣшныхъ!

— Что за притча,—сказалъ солдатъ, остановившись въ полъ-оборота противъ кучки:—чего тутъ народъ сбился? Эт-то ровно волки что ли какіе воютъ, а люди, видно, слушаютъ...

Между тѣмъ Христіанъ Христіановичъ, взглянувъ изъ-за фортепіанъ въ окно, не безъ удовольствія замѣтилъ собравшуюся подъ окномъ публику и старался по силамъ своимъ ее утѣшить.

Надобно замѣтить, что хозяйки не случилось въ эту пору дома; поэтому никто музыканта нашего не тревожилъ; но народу православнаго собралась толпа непроѣзжаемая и запрудила всю улицу. Первые три-четыре человѣка остановились, чтобы прислушаться; къ нимъ пристали другіе, больше и больше, и, нако-

нецъ, народъ сбѣга́лся, глядя издали на толпу, со всѣхъ концовъ; каждый пялился, тянулся, пробивался, и многіе спрашивали: пожаръ ли, или вора поймали, или самъ частный какое-нибудь учиняетъ разбирательство?

Хри́стинька между тѣмъ окончилъ преспокойно урокъ свой и, поглядывая украдкой на слушателей, принялся за скрипку. Лишь только вой замолкъ, и раздался всѣмъ знакомый звукъ веселой скрипки, какъ въ толпѣ со всѣхъ сторонъ раздался хохотъ; каждый поумнѣлъ на полголовы и, указывая на прочихъ, говорилъ: «эки дураки, какого дива не видали; человѣкъ на скрипки играетъ, а они толкутся, ровно на пожаръ!» Шумная толпа зашевелилась, начала расходиться, всѣ толковали объ этомъ случаѣ, а новые прохожіе, не зная, въ чемъ дѣло, останавливались и допытывались, какая тутъ была сходка. Въ это самое время хозяйка возвращалась домой, испугалась толпы передъ домомъ своимъ, полагая, что у нея пожаръ, и колѣни у нея на́-чисто подкосились (рис. 16). Хри́стинька стоялъ передъ нотами своими, закинувъ ножку за ножку, и выводилъ чистенько смычкомъ двойныя нотки, улыбаясь отъ удовольствія: ему казалось, что онъ играетъ весьма порядочно, а бѣдная хозяйка его лежала между тѣмъ на углу Большой и Малой Болотной; припавъ на колѣни, перебирала поочередно всѣхъ святыхъ и причитывала: «охъ, бѣдная ты моя головушка! хоть съ плечъ снять, да въ землю положить!»

Наконецъ, дѣло объяснилось, хотя и не безъ труда, потому что перепуганная на́-смерть хозяйка и въ своемъ умѣ не могла похвалиться большою понятливостію, а теперь ей и подавно тяжело было разобрать этотъ запутанный случай. Дѣло женское: не трудно расплакаться, а уняться трудно. Ей что́ ни говори,

она слушаетъ, будто слушаетъ; а тамъ оптять и зальется и пойдетъ причитывать, да приговаривать. На-

рис. 16.

конецъ, хозяйка перекрестилась, поднялась на ноги и отправилась трактомъ къ постояльцу своему, пересказать ему, какъ онъ ее напугалъ, спросить, не потребуется ли чего, и допросить, для чего онъ надѣлалъ такого страшнаго крику, не обижалъ ли кто его, и прочее. Собравъ всѣ нужныя свѣдѣнія отъ словоохотливыхъ зрителей и слушателей, отъ сосѣдей, отъ дворника и стряпухи, хозяйка, прихвативъ правою рукою платье спереди, чтобы на него не наступить, и хватаясь лѣвою за крутыя перила, пошла отсчитывать деревянныя ступени, и подъ ногами ея раздавался глухой звукъ, подобный тому, коли кто слышалъ, какъ когда верблюдъ пройдется по мосту. Христіанъ

Христіановичъ сидѣлъ уже въ это время за віолончелью, спустившись низехонько на апликатуру; струна иногда присвистывала, смычокъ срывался, пальцы переплетались, не слушались хозяина; особенно тяжелую службу несъ большой палецъ, лежа поперекъ струнъ: онъ уже дрожалъ и повертывался, выбившись изъ силъ; Віольдамуръ былъ не совсѣмъ доволенъ; апликатура его затрудняла, онъ хотѣлъ добиться чистоты и упорно повторялъ, сто разъ сряду, одну и ту же переборку. Громкое арпеджіо увлекало все вниманіе его: стукъ, стукъ въ двери — Христіанъ не слышитъ. Тукъ, тукъ, тукъ! — не слышитъ ничего, и одинъ только Аршетъ приподнялъ немного уши и обратилъ вниманіе на дверь. Хозяйка, полагая, что она въ собственномъ домѣ своемъ вольна распоряжаться, и надѣясь на силу и дородство свое, налегла немного, и березовое полѣно выскочило; оно полетѣло въ средину комнаты и заставило углубившагося въ апликатуру артиста опомниться и оглянуться.

— Не прикажете ли чего, батюшка? (рис. 17). Я ходила вотъ, признаться, на Конную, такъ зашла къ вамъ понавѣдаться....

— Помилуйте, хозяйка, вѣдь у васъ житья нѣтъ; вы постояльцамъ покою не даете: какъ же можно этакъ въ двери ломаться! Это ужъ ни на что́ не похоже, воля ваша!

— Батюшка, честь ваша передъ вами, это что́ и говорить, а только что извините безобидному слову: всякъ въ своемъ добрѣ воленъ; я и сама не хотѣла было безпокоиться, батюшка, да вы на-смерть меня напугали, а то я бы и не изволила васъ потревожить.

— Чѣмъ я васъ напугалъ?

— Да, Богу извѣстно, какъ это сталось, батюшка, что́ тамъ у васъ было такое, а громко больно, гово-

рятъ, промежъ собою забавляться изволили, инно народъ подъ окнами сбѣжался, а у меня ноги-те и подкосись; вѣдь опричь домишка покойникъ ничего мнѣ не оставилъ почитай; ну, сохрани Богъ, бѣда какая....

рис. 17.

— Отвяжитесь вы отъ меня, пожалуйста, хозяйка; и я въ своемъ добрѣ воленъ: и въ голосѣ своемъ, и въ скрипкѣ, и словомъ во всемъ, и въ квартирѣ своей, потому что я плачу́ за нея деньги по уговору и за мѣсяцъ уплатилъ впередъ.

— Для безопасности только, батюшка, для безопасности; вѣдь всякіе на свѣтѣ люди есть, а въ хозяйскомъ добрѣ безъ хозяйскаго глазу проку не живетъ; сами изволите знать. Вѣдь не одни вы на свѣтѣ постояльцы есть и сказывали, что одни жить будете, спокойно, а вотъ съ собакою вдвоемъ перебраться из-

волили, да и голосокъ-отъ больно безпокойный, сказываютъ, да вотъ и собаку свою какъ громко обучать изволите, и скрипокъ то много больно навезли съ собою: и что вамъ въ нихъ, батюшка, только что одно безпокойство; и стѣну всю гвоздями исколотили, такъ я и зашла только понавѣдаться, изъ чести, не потребуется ли чего нибудь?

— Ничего мнѣ больше не требуется, какъ чтобы вы съ Богомъ убирались отсюда и оставили меня въ покоѣ; только.

— Не извольте безчестно бесѣдовать, батюшка, не за что; мужъ мой, конечно, простой человѣкъ былъ, покойникъ, да вѣдь передъ Богомъ всѣ мы дворяне, батюшка, али, бишь, всѣ мы люди простые; только что вотъ, изволите видѣть, у меня былъ здѣсь въ третьемъ году постоялецъ, тоже человѣкъ холостой, а въ тѣ поры и дочка была у меня: пристроила ее, благодаря Бога, и хорошохонько таки замужъ отдала— а полъ-отъ у насъ безъ накату насланъ былъ, ужъ я послѣ того, для осторожности, польскій потолокъ подшила: полъ одинакій, изволите видѣть, да изъ барочнаго лѣсу; извѣстное дѣло, покойникъ хлѣбомъ торговалъ, ну и барки свои приходили: такъ онъ, постояльцъ-отъ, всѣ въ щелочки пола и посматривалъ, что у насъ дѣется.

Можетъ быть иному покажется, что хозяйка приплела анекдотъ о дочери своей ни къ селу ни къ городу; но, право, это случилось очень кстати и послужило самымъ лучшимъ громовымъ отводомъ для загоравшагося гнѣва Христіана Христіановича. Отношенія между хозяйкой и постояльцемъ, какъ вы изволите видѣть, начинали путаться; придирчивая хозяйка сама не знала, чего она хотѣла, а у постояльца терпѣніе истощилось окончательно. Послѣдняя выходка ея, однакоже, разсмѣшила Христиньку; а за-

тѣмъ придала и ей самой болѣе веселое расположеніе, и посѣщеніе это кончилось миролюбиво.

Но когда виртуозъ нашъ остался опять одинъ, и взглянулъ, вслѣдъ за раскланявшеюся хозяйкой, на эту свободную для всякаго посѣтителя дверь, на лежащее среди комнаты полѣно, то сердце въ немъ опять закипѣло, и онъ началъ придумывать, какъ бы оградить владѣнія свои отъ подобныхъ нашествій. Гвоздь въ дверяхъ, съ готовой на немъ завязкой, едва не соблазнилъ его вколотить другой гвоздь въ косякъ—и замо́къ былъ бы готовъ; но Хри́стинька предчувствовалъ, что, вслѣдъ за первымъ ударомъ молотка, разсудительная хозяйка явится въ дверяхъ; да при томъ и гвоздь съ завязкой противъ мясистыхъ плечъ ея не устоитъ: это Христіанъ испыталъ уже на дѣлѣ. Рѣшившись, наконецъ, придѣлать на другой же день на свой счетъ замо́къ къ дверямъ, Христіанъ успокоился, поставилъ среди комнаты налойчикъ, раскрылъ на немъ одну изъ фугъ Себастіана Баха и принялся разыгрывать ее на контрабасѣ. Какъ будто нехотя великанъ началъ издавать сонные, низкіе звуки свои, ворчалъ и ревѣлъ медвѣжьимъ голосомъ, но, повинуясь Себастіану Баху и Христіану Віольдамуру, испускалъ поневолѣ звуки эти въ разумной послѣдовательности, заставляя связывать ихъ умомъ и чувствомъ и увлекаться безсознательно смысломъ, который выражался этимъ сочетаніемъ звуковъ. Вотъ почему контрабасистъ нашъ, воспламеняясь всё болѣе и болѣе, возвышался постепенно мыслію и чувствомъ надъ плотскимъ и житейскимъ, и, давъ полную волю страстямъ и воображенію, предавшись вполнѣ впечатлѣнію творческой фуги, забылся, оглушилъ самъ себя всепотрясающими, величественными звуками контрабаса, и царствовалъ въ ту минуту одинъ въ подсолнечной, не признавая живого, мыслящаго и чувствующаго существа, кромѣ себя са-

мого и Себастіана Баха (рис. 18). Вотъ онъ, герой нашъ, воспламененный самобытностію безсмертнаго творенія, вотъ какъ онъ царствуетъ смычкомъ своимъ середи окружающихъ его обаятельныхъ, могучихъ звуковъ! Онъ въ такомъ же изступленіи, какъ сибирскій шаманъ, оглушившій себя крикомъ и стукомъ въ бубны;

рис. 18.

онъ неистово пожираетъ огромными глазами завѣтныя полновѣсныя точки на бумагѣ: туда устремлены всѣ чувства и вся душа его—*весь человѣкъ*, какъ выражаются нынѣшніе русскіе писатели наши — а что́ дѣлаютъ въ это время руки — того Христіанъ Христіановичъ не знаетъ: онѣ, такъ сказать, отрѣшены отъ духа и дѣйствуютъ какъ мертвое маховое колесо, по данному имъ однажды направленію. Онѣ перепилили

уже струну, которая съ трескомъ лопнула и взвилась змѣйкой кверху и книзу, между тѣмъ какъ самъ художникъ продолжаетъ пилить по двумъ остальнымъ струнамъ, воображая, вѣроятно, будто всё еще внемлетъ тѣмъ звукамъ, которые видитъ передъ собою на бумагѣ. Такое торжество духа надъ плотью, какъ справедливо увѣряютъ мудрецы наши, не можетъ быть продолжительно; неразрывная связь земли съ землею ненарушима, вериги плоти неумолимы, и послѣ восхитительнаго сна слѣдуетъ горькое пробужденіе и головная боль, какъ съ похмелья. Чѣмъ выше залетишь, тѣмъ ниже придется упасть. Аршетъ, какъ представитель животной жизни, первый опомнился, вышелъ изъ терпѣнія и докладываетъ барину, что пора ему перестать бѣсноваться; Аршету надоѣлъ этотъ дикій, изступленный видъ барина, къ которому вѣрный слуга не привыкъ, а глухой ревъ контрабаса его смущаетъ. За Аршетомъ вскорѣ послѣдовалъ другой представитель животной жизни—верблюдъ нашъ, или пшенная толчея, хозяйка. Долго она сидѣла внизу, разводя и складывая поочередно руки и обращая оловянные глаза въ потолокъ; вся избушка, выстроенная изъ барочнаго лѣсу, дрожала отъ страшной музыки неугомоннаго постояльца; посовѣтовавшись съ дворникомъ и со стряпухой, какая бы это была такая флейта или скрипка, что медвѣдемъ ревётъ и отъ нея весь домъ дрожитъ, хозяйка поднялась, наконецъ, съ мѣста и отправилась на вышку узнать, не потребуется ли чего нибудь постояльцу.

Такимъ образомъ, Христинька опять уже принужденъ былъ вступить въ докучливый разговоръ, отстаивать права постояльцевъ вообще и свои въ особенности; но какъ онъ на этотъ разъ немного разгорячился, а хозяйка, съ своей стороны, также ни въ чемъ не хотѣла уступить, то бесѣда и была *гораздо* шумная.

Дворникъ и стряпуха явились въ дверяхъ на подмогу и привели контрабасиста въ отчаянное положеніе; хозяйка требовала, чтобы онъ, какъ слишкомъ неугомонный гость, оставилъ честь и мѣсто, и искалъ бы себѣ другой квартиры; онъ же, отдавъ деньги за мѣсяцъ впередъ, объявилъ положительно, что выживетъ, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ свой и ни въ какомъ случаѣ не выберется прежде срока. Хозяйка уставила руки въ боки, глаза въ потолокъ и принялась кричать; а Христіанъ, не будучи въ состояніи перекричать устнымъ голосомъ противниковъ своихъ, прибѣгнулъ къ помощи своего искусства; вооружившись терпѣніемъ и турецкимъ барабаномъ, Віольдамуръ пошелъ тузить по немъ, не обращая никакого вниманія на надсѣдавшуюся хозяйку и двухъ ея адъютантовъ.

Сколько ни стояла хозяйка съ конвоемъ своимъ, сколько ни кричала, а надобно было, наконецъ, уйти и замолчать—послѣднее хоть, по крайней мѣрѣ, на столько времени, чтобы перевести духъ и отдохнуть. Крайне встревоженная, спустилась она съ лѣстницы, присѣла было немного, но ей показалось въ комнатѣ что то душно; она растворила окна на улицу и становилась поочередно, то передъ одно, то передъ другое окно и кричала вслухъ, заставляя всѣхъ прохожихъ оглядываться, что пойдетъ жаловаться къ надзирателю, что она хозяйка въ домѣ, что ей нѣтъ указчика, и что она, хоть и *сирота* безпріютная, найдетъ защиту отъ такого буяна и выживетъ его, увѣряя при томъ, что для этого ничего не пожалѣетъ. Такимъ образомъ прошелъ день.

На утро, проснувшись и напившись ранёхонько чаю, Віольдамуръ хотѣлъ было идти за замкóмъ и плотникомъ, но раздумалъ.—Это поспѣетъ,—сказалъ онъ,—и не стóитъ того, чтобы тратить золотое время—и принялся за выработку голоса, за скрипки, басы, вал-

торны и фаготы. Долго терпѣла бѣдная хозяйка и ходила по комнатѣ всплескивая руками и повторяя: «ну, что̀ я буду дѣлать! что̀ я стану дѣлать: ума не приложу!» Наконецъ, однакоже, когда Хрйстинька, воспламеняясь болѣе и болѣе, принялся опять за контрабасъ, за тромбонъ, и два другихъ постояльца пришли объявить хозяйкѣ, что сегодня же съѣдутъ съ квартиры, если она не угомонитъ этого сосѣда, то она рѣшилась опять подняться на вышку, собравъ весь наличный конвой свой,—дворника, стряпуху, и пригласивъ еще одного изъ недовольныхъ постояльцевъ. Христіанъ Христіановичъ принялъ ихъ какъ бѣснующійся: онъ потѣшался, гоняя незваныхъ гостей своихъ по комнатѣ и выпроваживая ихъ поочередно турецкимъ барабаномъ. Подымая это оружіе мести къ самымъ ушамъ хозяйки, сосѣда и стряпухи и напѣвая галлопадъ, онъ колотилъ изо всей силы, заглушалъ всѣ вопли и крики посѣтителей и заставилъ ихъ поспѣшно отступить. Выпроводивъ ихъ до самой лѣстницы, онъ притворилъ за ними двери и принялся, для перемѣны, за раздвижную трубу.

За исключеніемъ особенныхъ любителей тромбона, которые утѣшаются и звуками и даже движеніями этого инструмента, онъ не всякому нравится, тѣмъ болѣе въ одиночку и въ комнатѣ. Всѣ ближайшіе къ дому вдовы нашей жители Малой Болотной улицы держались послѣдняго мнѣнія, не говоря уже о несчастныхъ жильцахъ того же дома, и всѣ напали на хозяйку съ просьбами и упреками за безпокойнаго постояльца. Она рѣшилась принять дѣйствительныя мѣры: отправилась собственною особою своею къ квартальному надзирателю и, не заставъ его дома, начала жалобу свою писарю его тѣмъ, что положила четвертакъ на столъ. Въ комнатѣ писаря, который служилъ безъ жалованья, *изъ чести*, кромѣ дѣлового

стола и бумагъ, стояла кровать, диванчикъ, четыре стула, на окнѣ та же посуда, какъ у Ивана Ивановича; а на стѣнѣ висѣла гитара и скрипка. Взглянувъ нечаянно на музыкальную утварь эту, хозяйка наша опѣшила было совсѣмъ, опасаясь, не попала ли она изъ огня да въ полымя: не пришла ли съ жалобой на музыку къ такому же страстному музыканту, каковъ постоялецъ ея; но писарь былъ, при извѣстныхъ читателю обстоятельствахъ, вѣжливый молодой человѣкъ; онъ попросилъ присѣсть старушку на плетеный стулъ и разспрашивалъ ее обо всемъ съ такимъ участіемъ, что она забыла о напавшей на нее робости и съ жаромъ изложила дѣло. Писарь вошелъ во всѣ подробности, во всю подноготную, и предложилъ ей разные пути, для достиженія цѣли.—Можно,—сказалъ онъ важно:—можно просьбу подать и прописать всю обиду вашу, съ исчисленіемъ азартныхъ грубостей и съ учиненіемъ намѣренности къ побоямъ; да только на гербовую бумагу потратиться вамъ придется. —Да гдѣ же мнѣ, батюшка,—возразила хозяйка,—тутъ убытокъ убыткомъ, а кромѣ того вѣдь съ гербовой то у васъ дѣло пойдетъ затѣйливое, а я, сирота, помру, до рѣшенья не доживу!—Все единственно,—перебилъ писарь, на двухъ рублевую полтинничекъ съ гривенникомъ оставить извольте, будетъ все сдѣлано, будьте благонадежны, и потрудиться не изволите, всѣ до единой хлопоты наши будутъ.—Благодаримъ, батюшка, отъ вдовьяго сиротства своего, да только все это думчиво какъ то; кабы надзиратель такъ, просто, пожаловалъ, да порѣшилъ бы насъ рѣшеньемъ своимъ, такъ бы и дѣлу конецъ.—Оно, конечно, съ откровенностью доложить,—подхватилъ писарь:—у Ивана Яковлевича все возможно, только что обременительно; да для васъ и ради притѣснительства и безпорядковъ, для добраго человѣка сбыточно, очень возможно; а для порядку

вотъ у насъ въ книгу вносится по формѣ и соблюдается, и бываетъ взыскиваемо съ насъ строго отъ начальства, поэтому и слѣдуетъ намъ хоть такъ, для примѣру, приложить оную просьбу, и на гербовой; а до васъ безпокойства не допустимъ: сами напишемъ, и руку, гдѣ слѣдуетъ по закону, приложимъ; вашего безпокойства только и будетъ, что на двухрублевую гербовую оставить.—Хозяйка согласилась, наконецъ, и обѣщала принести *на гербовую*, да просила только покончить сперва дѣло и выслать неугомоннаго постояльца; но писарь находилъ это невозможнымъ; говорилъ, что оно бы, конечно, и можно, очень можно, да никакъ нельзя-съ; увѣрялъ, что съ гербовой всякое дѣло начинается, что и законъ повелѣваетъ взыскивать за всякое дѣлопроизводство, коли оно на простой, цѣну гербовой и прочее. Хозяйкѣ нечего дѣлать: достала она цѣлковый и хотѣла взять сдачи свой четвертачокъ; но монетку эту давно уже подобралъ со стола, самымъ незамѣтнымъ образомъ, тотъ, кто заботился о немъ не менѣе самой хозяйки. Свели кое-какъ счеты, и она отправилась домой, взявъ съ собою одно только удостовѣреніе, что не допустятъ ее ни до убытковъ, ни до безпокойства.

Но подходя къ углу Малой Болотной, хозяйка наша уже всплеснула руками отъ ужаса, такой содомъ послышала въ наслѣдственномъ гнѣздѣ своемъ, въ сухопутной баркѣ. Христіанъ Христіановичъ, которому между тѣмъ надоѣли и жильцы, и дворникъ, и стряпуха требованіемъ отъ имени хозяйки, чтобы онъ оставилъ музыку свою, Христіанъ, на зло всѣмъ, не покидалъ раздвижной трубы и работалъ на ней уже нѣсколько часовъ сряду. Хозяйка въ ту же минуту воротилась къ надзирателю и, заставъ его, къ счастію, на этотъ разъ дома, улестила и упросила его подать немедленную помощь.

— Вотъ, батюшка, Иванъ Яковлевичъ,—говорила она, вводя надзирателя въ вышку свою, къ постояльцу (рис. 19):—вотъ, какъ изволите видѣть, такъ вотъ съ утра до ночи, всё одно; ни жить, ни умереть не даетъ никому, и самъ не ѣстъ и не пьетъ, а всё только трубитъ, да стучитъ въ барабанъ, да вотъ въ эту проклятую большую скрипку играетъ: рёвмя—ревётъ, мой батюшка, что̀ твой медвѣдь!

рис. 19.

Надзиратель взмахнулъ шляпой отъ ужаса и удивленія, и раскинулъ руки; волосъ сталъ дыбомъ у него, и бакенбарды ощетинились. — Какъ изба не распадется,—сказалъ онъ:—сущее землетрясеніе, Содомъ и Гомора!

Писарь, который охотно ввязался въ дѣло это, считалъ обязанностію проводить надзирателя и показать всевозможное участіе въ настоящемъ дѣлѣ; по-

этому онъ и счелъ приличнымъ, подходя къ дверямъ музыканта, наморщить лобъ, наклонить голову и накрыть ладонями уши.

Аршетъ докладываетъ, какъ видите, барину своему о посѣтителяхъ, а баринъ ничего не видитъ и не слышитъ и не хочетъ видѣть и слышать ничего, а трубитъ, съ ужасающимъ трескомъ, какъ паровая труба на нынѣшнихъ паровозахъ. Оборотившись съ тромбономъ своимъ внезапно и продолжая играть, Віольдамуръ разодвинулъ его въ эту минуту во всю длину, и покрылъ грудь писаря широкимъ раструбомъ, какъ бляхой, и ретивымъ ударомъ осадилъ и чуть не сбилъ его съ ногъ, подавъ на цѣлый аршинъ назадъ.

Этотъ несчастный случай, болѣе всѣхъ просьбъ и жалобъ хозяйки, убѣдилъ надзирателя въ необходимости настоять на томъ, чтобы неосторожный трубачъ очистилъ квартиру; Христіанъ самъ испугался своего промаха, который заставилъ его смириться и дать немедленно подписку, что онъ черезъ двадцать четыре часа выберется и въ продолженіе того времени будетъ вести себя благопристойно, не употребляя неблагопристойныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Подъ послѣдними разумѣлъ квартальный, какъ пояснилъ онъ на словахъ, контрабасъ, барабанъ, а въ особенности раздвижную трубу. Кончивъ дѣло, квартальный надѣлъ перчатки, хотѣлъ передъ зеркаломъ поправить прическу и осмотрѣть, въ порядкѣ ли крючки на воротникѣ, но, оглянувшись кругомъ, не нашелъ зеркала, а потому ощупалъ крючки руками, обтянулъ кругомъ мундиръ, взялъ со стола подписку, взглянулъ грозно на нарушителя спокойствія и, прокашлявшись, широкими и громкими шагами вышелъ изъ комнаты. Писарь толкнулъ хозяйку, чтобы она шла проводить Ивана Яковлевича, а самъ началъ стряхивать перо и придвигать чернильницу,—хотя ему, казалось, ни до

того, ни до другого не было никакого дѣла—косился вслѣдъ за начальствомъ своимъ, а когда оно скрылось окончательно, то писарь вдругъ принялъ осторожное, таинственное положеніе и обратился къ жильцу: —А который, то есть, вамъ годъ: позвольте узнать лѣта ваши, равно и примѣты.—Что вы погонную писать хотите? я не уйду никуда.—Слѣдуетъ необходимо, по требованію начальства, за предписанія взыскивается и соблюдается; а я къ тому только говорю, что можетъ статься притѣснительно для васъ перебраться съ квартиры, такъ если бы, напримѣръ, въ разсужденіи несовершеннолѣтія вашего ввергнуть оговорочку; оно бы можно еще и растянуть.

— Такъ вы думаете, что можно и не выбираться еще?—спросилъ онъ писаря.—Оно, изволите видѣть опасливо,—отвѣчалъ тотъ вполголоса: и безъ поддержки будетъ сомнительно; а еслибъ вотъ, то есть, угодно было, не говоря худого слова, благопріобрѣсти кого-нибудь въ свою пользу, то есть, хоть и не то, чтобы изъ начальственныхъ лицъ, а такъ, не изъ большихъ кого-нибудь—и самъ поклонился — такъ отстояли бы васъ: нашего брата удовольствовать можно изъ небольшого: оно для васъ будетъ какъ то пообходительнѣе, а выходитъ все единственно.

Хрѝстинька досталъ изъ кармана полтинникъ и, показывая его на ладони писарю, сказалъ:—Да вѣдь это дѣло такое, что оно бо́льшаго не сто́итъ. Собесѣдникъ его не далъ ему договорить и подставилъ услужливо руку, и, сказавъ: будьте благонадежны, отправился. Онъ сходилъ съ лѣсенки не съ такимъ стукомъ и шумомъ, какъ самъ надзиратель, а потихонечку и придерживаясь рукою за перила; спустившись же внизъ, навѣдался къ хозяйкѣ потолковать еще объ этомъ дѣлѣ, напросился на чашку чая, распросилъ, кого изъ другихъ жильцовъ музыкантъ болѣе всего безпокоитъ:

зашелъ и къ нему, изложивъ начало, подъ, справки, узаконенія и заключеніе свое по настоящему случаю; обѣщалъ покровительство свое, получивъ благодарность и тогда уже отправился домой.

Посѣщеніе это удовольствовало всѣхъ: и хозяйку, и сосѣдей, и писаря, и подъ конецъ даже самого Христіана, который, дѣйствительно, недоумѣвалъ, куда ему дѣваться въ однѣ сутки, а кромѣ того не хотѣлъ сходить уже по одному упрямству. Но всякое земное благополучіе непостоянно, и не болѣе, какъ черезъ сутки, возникли снова почти всеобщія неудовольствія. Хозяйка, замѣтивъ, что жилецъ ея не думаетъ выбираться, подняла опять прежній крикъ и жалобы; сосѣди и жильцы ея также были озабочены, потому что музыка, хотя и не столь оглушительная, не умолкала; Віольдамура продолжали безпокоить и дѣлать ему разныя прижимки и непріятности, а, наконецъ, и самый писарь, забывъ о томъ, что пріобрѣлъ онъ вчера, желалъ повторить сегодня пріемъ и продлить по возможности дѣло, полагая, что всякому дню подобаетъ забота своя, и что въ хлѣбѣ насущномъ нельзя не нуждаться ежедневно. Если разсудимъ еще, что хозяйка, получивъ деньги по найму вышки своей за мѣсяцъ впередъ, разсчитывала оставить ихъ за собою, въ видѣ вознагражденія за убытки и безпокойство; что Віольдамуръ, напротивъ, считалъ деньги эти своей собственностію, а писаръ надѣялся рѣшить недоумѣніе это, принявъ спорную сумму подъ сохраненіе свое; если вспомнимъ, что хозяйка полагала избавиться отъ безпокойнаго жильца въ теченіе сутокъ, а жильцу, обнадеженному писаремъ, казалось, что дѣло еще терпитъ; если разсудимъ все это, то не мудрено, конечно, что дѣло черезъ двѣ недѣли подвинулось только тѣмъ развѣ впередъ, что позапуталось со всѣхъ сторонъ старыми и новыми взаимными разсчетами и начетами.

Но какъ всему на свѣтѣ долженъ быть какой-нибудь конецъ, то и эта ссора, надоѣвъ всѣмъ соучастникамъ до-нельзя, порѣшилась по добросердечному совѣту писаря—мировою. Писарь сказалъ наединѣ и той и другой сторонѣ:—Охота вамъ, господа, вдаваться въ такое отчаянное сложеніе безъ реваншу—и это ихъ убѣдило. Віольдамуръ пріискалъ себѣ комнату въ каменномъ домѣ, на Пескахъ,—онъ узналъ по несчастному опыту, что истинному художнику и музыканту въ деревянномъ домишкѣ не житье—отправился туда со всѣмъ скарбомъ своимъ и утварью.

Разсчитавшись хорошенько, обѣ стороны увидѣли, что при этомъ дѣлѣ остались въ барышахъ—конечно, не онѣ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Угодно вамъ взглянуть на поѣздъ, обозъ или караванъ Христіана Христіановича, который тянется изъ Малой Болотной на Пески? Ломового извозчика вблизи не случилось, и художникъ изворотился легковымъ, то есть дрожечками. Не знаемъ, какимъ путемъ выпроводилъ онъ фортепіано и три стула, столъ и кушетку свою, но все остальное передъ вами, и все уложилось на обыкновенныя рессорныя дрожки, включая въ кладь эту и самого хозяина и выключивъ одного только Аршета, гитару и контрабасъ. Гитара, сама по себѣ, вѣроятно, не дошла бы до новой квартиры; но съ помощію Аршета, на котораго навьючили ее, она придетъ туда несомнѣнно, хотя Аршету очень совѣстно заниматься, съ непривычки, извознымъ промысломъ, и онъ опустилъ хвостъ, понурилъ голову, крадется какъ кошка за дрожками, ступая стыдливо и бережно по мостовой. Контрабасъ пріютился на хребтѣ пѣшаго извозчика, который подставилъ спину

свою съ большою самонадѣянностью подъ незнакомаго ему доселѣ великанища, сказавъ: «вали, небойсь, баринъ, мы таскивали бывало и не такіе тюки, какъ на биржѣ въ крючникахъ живали; иной, я чай, не этому деревянному чета будетъ»—а потомъ изумился, когда, тряхнувъ плечами, не послышалъ ожидаемой тяжести на плечахъ. Замѣтьте, однакожъ, что музыкальные снаряды рѣшительно вытѣсняютъ бѣднаго Віольдамура съ дрожекъ; непонятно, какъ онъ могъ еще пріютиться. Глядя на всѣ затѣи эти, мы не безъ причины опасаемся, чтобы онѣ не сжили когда-нибудь Христіана со свѣту, какъ теперь выживаютъ съ дрожекъ. Ноты занимаютъ мѣсто кучера и, такъ сказать, управляютъ путями жизни Христіана Христіановича; за ними слѣдуютъ громозвучные барабаны, какъ иносказательное изображеніе тѣхъ громкихъ, славныхъ и блестящихъ надеждъ, которыя заигрывали съ Христинькой на избранномъ имъ пути. Прочіе инструменты окружаютъ и наполняютъ собою, въ видѣ недовѣсковъ, представителей будущей славы героя нашего, а слава эта, основанная на барабанахъ, невольно срываетъ у насъ улыбку сомнѣнія и состраданія. Всѣ жильцы сколоченнаго изъ барочнаго лѣса дома вышли за ворота, чтобы проводить потѣшный поѣздъ; по веселому расположенію ихъ замѣтно, что они довольны проводами и напутствуютъ музыканта посильными насмѣшками и остротами.

Эта первая непріязненная встрѣча художника нашего при самомъ вступленіи его въ свѣтъ, ссора, тяжба и невольное отступленіе—крѣпко его огорчили и разстроили сладкія мечты, увѣренность, что искусство его всюду встрѣтитъ однихъ покровителей. Въ новомъ жилищѣ продолжалъ онъ, конечно, довольно спокойно вседневную школу свою, потому что глухія каменныя стѣны обезпечивали уши сосѣдей, и наобо-

ротъ, его самого отъ вліяній и помѣхъ со стороны жильцовъ и хозяевъ, но одиночество стало надоѣдать Віольдамуру, который самъ не зналъ, чего ему хотѣлось. Многостороннія дарованія геніальнаго художника совершенствовались—по собственному мнѣнію его—не по днямъ, по часамъ, и если бы у него были подъ рукой достойные цѣнители, которые сумѣли бы во время утѣшить его и ободрить, то у него, вѣроятно, стало бы терпѣнья еще надолго. Но въ этомъ одинокомъ, покинутомъ положеніи, Віольдамуръ сравнивалъ себя съ отломкомъ скалы среди взволнованнаго моря, съ парящимъ орломъ, которому нѣтъ подъ облаками ни друга, ни товарища; часто приходило генію нашему въ голову явиться внезапно и нечаянно среди прежнихъ знакомцевъ своихъ или, лучше сказать, отца своего, записныхъ и цеховыхъ скрипачей, и удивить ихъ геніальностію своихъ успѣховъ—но каждый разъ онъ опять передумывалъ и оставался дома. Зависть или невѣжество заградятъ ему путь—это онъ предвидѣлъ: въ этомъ кругу музыкантъ надувалъ духовой инструментъ свой, такъ же точно, какъ серебряникъ паяльную трубку, а смычокъ ходилъ въ рукахъ скрипача, какъ орудіе того же названія въ рукахъ шерстобита. Такъ думалъ, по крайней мѣрѣ, Віольдамуръ, отличая въ недозрѣлыхъ понятіяхъ своихъ художника отъ ремесленника, и причисляя самого себя къ первому, а иныхъ прочихъ ко второму разряду. «Пусть они услышатъ обо мнѣ напередъ со стороны, тогда они протрутъ клѣтчатыми платками очки свои и взглянутъ на меня безъ цеховыхъ предубѣжденій. Пусть меня напередъ признаетъ свѣтъ, тогда и записные шерстобиты и свирѣльщики наши оглянутся и приподымутъ брови».

Среди такого раздумья, Христіанъ Христіановичъ пустился однажды погулять въ Лѣтній садъ. Онъ рас-

хаживалъ медленно, то одинъ, повѣсивъ голову, разгадывая будущность свою, то среди пестрой и важной толпы и, оглядывая всѣхъ мимоходомъ нàискось, разсчитывалъ, скоро ли придетъ то время, что появленіе его среди толпы праздныхъ зѣвакъ и гулякъ, среди озабоченныхъ службой или нуждой дѣловыхъ и суетливыхъ скороходовъ возбудитъ нѣсколько болѣе вниманія, чѣмъ теперь? Скоро ли всѣ эти маменьки и гувернёры указывать будутъ взоромъ и боковымъ наклоненіемъ на прохожаго артиста, шепнувъ дѣтямъ и подросткамъ своимъ: вотъ видите, это Віольдамуръ! И всѣ будутъ оглядываться на него съ чувствомъ глубокаго уваженія; никто не станетъ спрашивать:—какой Віольдамуръ?—имя это будетъ знакомо всѣмъ, и много будетъ ему тогда и славы и чести и богатства. Одно только будетъ безпокойно: всегдашнія со всѣхъ сторонъ просьбы участвовать въ концертахъ людей посторонникъ и даже весьма посредственныхъ по дарованію. Какъ быть, подумалъ онъ, «надобно скрѣпить сердце, быть снисходительнымъ: и имъ нуженъ кусокъ хлѣба, а мнѣ это будетъ стóить небольшого. Впрочемъ, и это также зависитъ отъ того, какъ будешь себя держать, на какую ногу себя поставишь.

Но какъ достигнуть извѣстности этой? Вотъ задача! Положимъ, во мнѣ бы сидѣли теперь воплощенные всѣ первѣйшіе виртоузы въ мірѣ и положимъ даже, что чувство, душа игры моей — которая нисходитъ свыше и не можетъ быть пріобрѣтена никакой наукой, положимъ, что эта душа... что въ игрѣ моей, хочу я сказать, было бы даже болѣе души, чѣмъ въ игрѣ самыхъ знаменитыхъ художниковъ; какимъ же образомъ я прославлю себя и заставлю всѣхъ узнать меня и оцѣнить?

— Вы ли это, Христіанъ Христіановичъ, — сказалъ немолодой уже человѣкъ, который нѣсколько

минутъ разсматривалъ издали нашего мечтателя со всѣхъ сторонъ. — Вы ли это? И гдѣ вы столько времени пропадали безъ вѣсти? Да какъ подросли, да какой молодецъ сталъ, ей-ей, насилу узнаешь!

Віольдамуръ взглянулъ на него, узналъ тотчасъ стараго знакомца, обрадовался, и подалъ ему руку. Это былъ—кто бы вы думали? это былъ и намъ нѣсколько знакомый человѣкъ, хотя мы и видѣли его только мимоходомъ, когда присутствовали на первомъ концертѣ Христиньки, гдѣ старичекъ Амедей Готлибъ не дышалъ отъ восхищенія, Катерина Карловна всхлипывала отъ удовольствія, а остальные слушатели также изъявляли, всякій по своему, участіе свое. Помните ли, что тогда, за стуломъ старика, стоялъ, скрестивъ руки, добродушный губанъ, о которомъ мы не рѣшились сказать положительно, литавра ли это или тромбонъ? Онъ то стоялъ теперь передъ Віольдамуромъ въ любимомъ положеніи своемъ, твердо, увѣренно, осанисто, скрестивъ руки, и послѣ двухъ-трехъ словъ представилъ ему тутъ же сына своего, похваливъ музыкальные успѣхи его и похвалившись еще тѣмъ, что сынъ этотъ отправляется вскорѣ въ недальнюю губернію, къ богатому помѣщику, капельмейстеромъ. Литаврщикъ былъ не слишкомъ словоохотливъ, говорилъ отрывисто, грубымъ голосомъ, сжимая послѣ каждаго слова губы; но неожиданная встрѣча расшевелила его, а отъ радости, что сынъ былъ сегодня хорошо пристроенъ, молчаливый литаврщикъ сталъ разговорчивѣе обыкновеннаго.

— Какъ вамъ везетъ,—сказалъ онъ:—каково поживаете? Вотъ сынишка мой — однолѣтокъ вашъ — слава Богу, отца радуетъ; играетъ хорошо, и смыслитъ, и толкъ знаетъ, хоть и не годится въ глаза хвалить; только что молодъ еще, всё вѣтеръ ходитъ въ головѣ. Нашлось и мѣстечко, тысяча рублей на всемъ готовомъ: жить можно; и навѣщать будетъ отца по разу въ годъ,

это выговорили мы для своего удовольствія. А вы же какъ?

— Да я также занимался въ послѣднее время, — отвѣчалъ Віольдамуръ, — не знаю только, что̀ сказать вамъ о своихъ успѣхахъ. Много лѣтъ мы съ вами не видались—я давно уже освободился отъ опеки дяди и вотъ живу на своихъ хлѣбахъ...

— Что̀ же вы, стало быть уроками занимаетесь,— перебилъ его тотъ;—а то не слыхать было объ васъ?

Это *не слыхать* подстрекнуло Віольдамура, и самолюбіе его немножко зашевелилось: «дай», подумалъ онъ, «попытаюсь, что̀ скажутъ люди объ искусствѣ моемъ: подведу къ тому, чтобы они меня послушали». Подвести къ этому было не мудрено; Віольдамуръ сталъ звать отца съ сыномъ къ себѣ, а первый очень основательно замѣтилъ, что чѣмъ идти теперь на Пески, такъ лучше же остаться на перепутьи въ Моховой и выпить чашку чая у вашего покорнаго слуги. Віольдамуръ былъ сговорчивъ и на это; они прошли до Моховой, и черезъ четверть часа онъ разыгрывалъ уже на память концертъ Віотти, а литаврщикъ и молодой капельмейстеръ пристально слушали. Сыграно было довольно чистенько, бѣгло; и тотъ и другой, не ожидавъ такой мастерской игры отъ Христіана Христіановича, изъявили полное свое удовольствіе и удивленіе; малословный литаврщикъ, поматывая значительно головой, повторялъ отрывисто: хорошо, хорошо, браво, славно;—молодой восхищенный капельмейстеръ обнималъ Віольдамура и просилъ у него ненарушимаго братства и дружбы. Съ этой минуты родилась тѣсная связь между обоими молодыми людьми, и если не глубокая, то, по крайней мѣрѣ, горячая и тѣсная дружба. Первая требуетъ для свободнаго плаванія глубокаго фарватера, который, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, не вездѣ встрѣчается; вторая не такъ грузна, ходитъ

свободно по мелководью и вообще не такъ прихотлива.

Молодой капельмейстеръ походилъ немного носомъ и губами на отца; пріемы его были также иногда крутеньки, но вообще это былъ довольно благородный курчавый юноша, который видѣлъ впереди много славы, богатства, красавицъ, радости, веселья, удачъ, — словомъ, много хорошаго. Изъ всѣхъ свойствъ, приписываемыхъ вообще курчавымъ, горячность, запальчивость и порывистое, живое, восхищенное воображеніе принадлежитъ ему въ довольно значительной степени; онъ увлекался всѣмъ, покуда воображеніе его разжигало, но скоро остывалъ, если некому было подливать по временамъ масла, или же воспламенялся чѣмъ-нибудь новымъ. Въ этомъ отношеніи онъ составлялъ рѣдкую противоположность съ отцомъ своимъ, знаменитымъ по хладнокровію литаврщикомъ, и наслѣдовалъ нравъ матери, у которой и въ головѣ и подъ руками вѣчно все кипѣло. Я часто недоумѣваю, глядя на такое, вовсе не русское, сложеніе, гдѣ сверхъ того не замѣтно ни чудской, ни норманнской, ни татарской, ниже монгольской крови. Богъ вѣсть, откуда у насъ берутся такіе выродки, но только, воля ваша, это что̀-то не русское.

Віольдамуръ съ виду былъ нѣсколько спокойнѣе новаго друга своего, но этотъ въ сущности былъ разсудительнѣе и поумнѣе. Въ первомъ не замѣтно было этой вѣчной горячки, нетерпѣнія, непосѣдности; но и онъ, какъ мы не разъ видѣли, умѣлъ увлекаться первымъ движеніемъ, а званіе художника давало ему право носиться грезами и мечтами своими въ какомъ то непостоянномъ и не совсѣмъ надежномъ мірѣ, который такъ легко убаюкиваетъ насъ баснословными надеждами, потому что всѣ мы живемъ охотнѣе въ будущемъ, нежели въ настоящемъ. Дружба загорѣлась между Христіаномъ Віольдамуромъ и Харитономъ Вол-

ковымъ—имя капельмейстера—неразрывная, неразлучная; они съ этого дня одинъ безъ другого не могли жить. Оба художники, оба люди геніальные, оба музыканты—или, бишь, виртоузы-артисты: взаимное сочувствіе безконечно сильно, будто одинъ родился и созданъ для другого, а наконецъ, даже общій вензель—Х. В! это, просто, удивительно; такая случайность соединяетъ въ себѣ что то роковое и поневолѣ заставитъ вѣровать въ предназначеніе судьбы! Друзья обмѣнялись перстнями и печатями своими.

Волкову - сыну оставалось не долго пробыть въ Питерѣ, и потому Віольдамуръ жилъ у него почти безвыходно, и старикъ всегда встрѣчалъ его радушно. Если же Христіанъ не являлся еще въ полдень, то Харитонъ отправлялся въ нетерпѣніи на Пески, рыскалъ за нимъ по цѣлой столицѣ и не могъ съ нимъ разстаться до поздней ночи. Отъ сотворенія міра и до нашихъ временъ, не пронеслось столько облаковъ по поднебесью, сколько новые друзья наши пустили въ это короткое время на воздухъ плановъ и предположеній относительно будущности своей, руководствуясь при этомъ едва ли не разсказами Тысячи и одной ночи. Но чѣмъ болѣе сближался срокъ отъѣзда одного изъ нихъ и день разлуки, тѣмъ горестнѣе глядѣли они другъ на друга; наконецъ, Харитонъ объявилъ задушевному другу своему, въ припадкѣ какого то изступленія, что ни жить, ни умереть безъ него не можетъ, и что на это должна быть воля судьбы; Харитонъ задушилъ было новаго друга своего въ объятіяхъ, схватилъ его подъ руку и сталъ скорыми шагами прохаживаться по комнатѣ. Христіанъ, казалось, также былъ тронутъ. — Знаешь ли что, — вскричалъ первый, остановившись и схвативъ друга за оба плеча:— знаешь ли что? поѣдемъ вмѣстѣ! Ѣдемъ, и не говори ни слова: что тебѣ здѣсь дѣлать? Столица—омутъ, море необъятное—тутъ все утонетъ,

кромѣ одной только моды—все, все; здѣсь цѣнятъ не художника, а цѣнятъ моду на того или другого человѣка; скажи самъ, кого же оцѣнилъ, прославилъ и пустилъ на свѣтъ готовымъ художникомъ нашъ Петербургъ? Назови какія хочешь громкія и славныя имена: всѣ они добыли имя это не здѣсь, а сюда пріѣзжали только пожинать готовые лавры, дань удивленія, начитаннаго въ заморскихъ газетахъ и журналахъ; тебя сто разъ замѣтятъ въ губерніи, гдѣ ты будешь одинъ; и если потомъ, усвоивъ себѣ всю механику игры, вздумаешь, для возвышенія и окончательнаго изощренія вкуса, отправиться за границу показаться тамъ, и, наконецъ, воротиться, когда наши газеты и журналы станутъ перепечатывать безграмотныя переводныя статейки свои, подъ видомъ собственныхъ, когда заревутъ, что русскій-де художникъ удивляетъ Парижъ, Лондонъ, Вѣну—тогда, братъ, пора твоя настанетъ, и смѣло можно явиться на родину: вѣрь мнѣ, тогда старыя перчатки и тросточки твои будутъ храниться знатоками-любителями подъ стекломъ; тогда руки твои станутъ отливать въ гипсѣ; тогда необъятная любезность твоя будетъ восхищать княгинь и графинь, и ты будешь какъ въ маслѣ сыръ кататься; а теперь—посуди самъ, что̀ ты теперь сдѣлаешь здѣсь? кого удивишь? какого ты толку добьешься? Развѣ Петербургъ повѣритъ когда-нибудь своимъ глазамъ и ушамъ; развѣ повѣритъ онъ самъ себѣ, что геніальный художникъ, артистъ, родился и выросъ въ стѣнахъ его, когда внѣ Петербурга его не знаютъ и ни въ одной французской газетѣ не было сказано объ немъ ни слова? Что̀, не правда?

— Правда,—сказалъ со вздохомъ Віольдамуръ:—это справедливо.

— Ну, чего̀ же еще думать?—ѣдемъ вмѣстѣ; мой помѣщикъ человѣкъ богатый, человѣкъ образованный,

знаетъ и цѣнить искусство: ты видишь, онъ мнѣ далъ тысячу рублей жалованья; онъ приметъ и тебя, это я знаю, ручаюсь тебѣ въ этомъ, дастъ тебѣ хорошее содержаніе — уроками и концертами ты добудешь столько же, и, присоединивъ это къ своему наслѣдству, поѣдешь года на три, на четыре за границу—и туда, другъ, поѣдемъ вмѣстѣ; вѣрь, и у меня такое же намѣреніе, и я добиваюсь того же; поѣдешь, прославишься—а! тогда то заговорятъ объ насъ и здѣсь, тогда оглянутся и спросятъ: да неужели они выросли тутъ, подлѣ насъ, на Пескахъ, на Моховой? Какъ же мы ничего объ нихъ тогда не слыхали? Какъ не слыхали? да такъ, глухъ, мой отецъ, а глухота, — говоритъ Грибоѣдовъ, — большой порокъ. Душа моя, уѣдемъ! — И началъ душить его въ мощныхъ своихъ объятіяхъ.

Віольдамуръ, не долго думавъ, согласился. Харитонъ отъ радости сѣлъ ему въ одинъ прыжокъ на шею, а другъ его, не ожидавъ такихъ конскихъ объятій, подломился подъ нимъ, и новый капельмейстеръ полетѣлъ носомъ на полъ. Это, впрочемъ, нисколько не разстроило его удивительно веселаго и счастливаго расположенія; онъ увѣрялъ, напротивъ, что маленькое кровопусканіе изъ носу иногда чрезвычайно полезно, особенно въ такую минуту, когда кровь бываетъ въ такомъ волненіи.

Съ этой же минуты начались сборы Христіана, потому что оставалось не много дней до отъѣзда; помѣщикъ накупилъ въ Питерѣ всякой всячины и отправлялъ обозъ въ деревню, а съ обозомъ слѣдовало ѣхать и гувернёру и капельмейстеру, которые принадлежали къ вновь заводимому хозяйству. Наслѣдство, необыкновенный прошлогодній урожай и выгодный сбытъ хлѣба поставили помѣщика этого въ возможность развернуться вдругъ пошире; разсчитывая, что при по-

добныхъ доходахъ можно проживать ежегодно тысячъ тридцать, онъ и забылъ уже, что недалѣе, какъ третьяго года былъ въ жестокихъ тискахъ и едва не лишился всего имѣнія. Кто прошлое помянетъ, тому глазъ вонъ; русскій человѣкъ не мечтатель, не любитъ жить въ будущемъ, а охотнѣе распоряжается настоящимъ. Когда Господь послалъ нечаянно благодать, то помѣщикъ нашъ и думалъ было уплатить сперва долги, особенно тѣ, за которые отвѣчало имѣніе его, и съ которыми шутить было плохо; но какъ гора и крута, да забывчива и помнятъ ее, когда уже миновали, развѣ однѣ только лошади, а не люди, которые на нихъ выѣхали — то помѣщикъ нашъ, повторяя при всѣхъ новыхъ затѣяхъ своихъ:—чтожъ мнѣ жить рохлей, прибауткой, ни на себя, ни на людей? вѣдь какъ помрешь, такъ закопаютъ дурака, только и будетъ! Живъ, покуда живъ, а раскланяешься, такъ не разживешься.—Повторяя, говорю, подобные, чисто русскіе отрывки изъ опытной премудрости Соломоновой, помѣщикъ нашъ задумалъ вдругъ жить великолѣпно и въ одно и то же время отдѣлалъ домъ и въ городѣ и въ деревнѣ, купилъ въ Питерѣ великолѣпную мебель, началъ устраивать разсохшійся отцовскій оркестръ, выписалъ гувернёра, повара и капельмейстера. Повара и капельмейстера приказано было отыскать самыхъ что ни есть лучшихъ, гувернёра средней руки, почему и жалованья положено ему было поменьше, а первымъ двумъ поровну. Помѣщикъ этотъ любилъ приговаривать къ каждому слову: *прибаутка*, и разсказывалъ друзьямъ своимъ, что у него изъ Питера, кромѣ того и сего, скоро будетъ-де еще новая прибаутка; а на вопросъ, какая? — отвѣчалъ преспокойно—капельмейстеръ.

Всѣ сборы Христіана состояли въ укладкѣ оркестра своего, который занялъ самъ по себѣ большую

подводу; самъ же онъ сѣлъ къ другу въ зимнюю повозку. Волковъ-отецъ напутствовалъ ихъ обоихъ своимъ благословеніемъ, проводилъ до *Трехъ рукъ* и распростился.

Потянулся обозъ нашъ шагъ за шагомъ ухабами, по знаменитой, не знаю за что, на поминѣ, русской зимней дорогѣ. Огромные бубенчики на щекахъ у коней мѣрно покачивались и брянчали, лошади пофыркивали, извозчики, приговаривая: ну, будь здоровъ, то шли рядомъ, поколачивая рукавицами, то садились на облучокъ, то, безъ всякихъ приговорокъ, завалившись на возъ кверху ногами, будто лапти просушивать, засыпали непробуднымъ сномъ. Тутъ же тянулась гусемъ не казистая на видъ кибитка, скрывавшая въ себѣ, подъ запономъ изъ новой цыновки, сокровище наше, Христіана Христіановича, и не менѣе геніальнаго въ своемъ родѣ друга его, Харитона Волкова. Короткіе дни текли однообразно, а безконечныя ночи еще однообразнѣе; всѣ тѣ же постоялые дворы, гдѣ встрѣчаютъ вѣжливо, а провожаютъ, послѣ непомѣрныхъ запросовъ, съ крикомъ, шумомъ и бранью; тѣ же вѣчные чаи, да пустыя, въ постное время, щи; тѣ же дворники, или хозяева постоялыхъ дворовъ, съ огромными окладистыми бородами, въ красныхъ рубахахъ, со счетами въ рукахъ, и тотъ же банный паръ валилъ съ хозяевъ этихъ, когда они, выскочивъ въ одной рубахѣ изъ избы, растворяли и затворяли по скрипучему снѣгу широкія ворота; та же дебелая хозяйка, которая произносила названія всѣхъ монетъ нашихъ не иначе, какъ въ уменьшительномъ видѣ: четвертачокъ, полтинничекъ, цѣлковенькой; которая увѣряла, что все есть, а на повѣрку выходило, что нѣтъ ничего, ни даже съѣдомаго хлѣба. Только и было во всю дорогу перемѣны, что въ одномъ мѣстѣ комиссіонеръ, разсвирѣпѣвъ на извозчиковъ за то, что

они не дали почтовой тройкѣ его дорòги, выскочилъ изъ зимней повозки и остановилъ обозъ холоднымъ оружіемъ, при чемъ артистовъ нашихъ въ суетахъ вывалили въ канаву и засыпали снѣгомъ; да еще извозчики приставали къ нимъ по временамъ, требуя въ счетъ извоза денегъ, для расплаты за овесъ и сѣно, хотя оба путника, Христіанъ и Харитонъ, каждый разъ отвѣчали, что имъ до этого нѣтъ никакого дѣла, что они сами пошли въ счетъ клади, а извозчикамъ должно вѣдаться съ тѣмъ, съ кѣмъ рядились. Все это парни наши, казалось, очень хорошо понимали, но, почесавъ затылокъ и плеча, съ неутомимымъ постоянствомъ возвращались опять таки къ своему требованію; если же художники наши, послѣ долгихъ объясненій, полагали, что теперь покончено и перетолковано все, и что извозчики поняли, наконецъ, въ чемъ дѣло, то одинъ изъ нихъ, какая-нибудь долговязая оглобля, подламываясь и перегибаясь въ колѣняхъ, выступалъ впередъ и, почесывая голову, говорилъ: «Ну, хоть красненькую, баринъ, пожалуйте: такъ ужъ и быть».

Сколько ни ѣхали, а, наконецъ пріѣхали; и едва ли не единственное утѣшеніе для насъ, пускаясь въ подобный путь съ извозчиками, на протяжныхъ, что всѣму на свѣтѣ бываетъ конецъ и всякой ѣздѣ или дорогѣ также. Прибаутка радостно встрѣтилъ обозъ свой, но изумился нѣсколько, увидѣвъ двухъ капельмейстеровъ вмѣсто одного. Онъ объявилъ, что обоихъ держать не можетъ; но обѣщалъ Віольдамуру съ своей стороны всякое пособіе и содѣйствіе.

Віольдамуръ осмотрѣлъ городъ, отыскалъ себѣ жилье, условившись напередъ, что можетъ трубить и гудѣть, сколько ему угодно, и устроился такимъ же точно образомъ, какъ на вышкѣ въ Болотной. Волковъ, который въ открытомъ домѣ Прибаутки познакомился съ цѣлымъ городомъ, успѣлъ вскорѣ, съ рѣдкимъ

самоотверженіемъ, распустить слухъ о необычайномъ виртуозѣ, который осчастливилъ пріѣздомъ своимъ городъ. Тутъ же, въ домѣ Прибаутки, и самъ Віольдамуръ познакомился со многими, былъ усердно приглашаемъ всюду, перепробовалъ въ теченіе двухъ недѣль въ цѣломъ городѣ всѣ рояли, флигели, фортепіаны и клавикорды, показывалъ всюду образчикъ голоса своего, съ хазоваго конца, и не успѣлъ оглянуться, какъ его уже и пригласили тутъ и тамъ давать уроки, и между прочимъ, напередъ всего, одной изъ первыхъ въ городѣ красавицъ, извѣстной подъ названіемъ Царьдѣвицы.

Вы видите первый урокъ Христіана Христіановича (рис. 21)—урокъ, какъ мы узнаемъ послѣ, обоюдный, не только для ученицы, но и для учителя. Учитель нашъ, видно, запасся въ Питерѣ не однимъ контрабасомъ: онъ будто сейчасъ только сорвался съ иголочки какого-нибудь Руча, съ гребенки Грильона, съ шильца Аренса и такъ далѣе. Онъ чувствовалъ, что ему надобно будетъ показаться въ губерніи порядочнымъ человѣкомъ, а не какимъ-нибудь отставнымъ констапелемъ, который перешилъ фракъ изъ флотскаго вицмундира. Такъ Віольдамуръ и сдѣлалъ, и стоитъ теперь передъ вами въ видѣ благоприличномъ. Сверхъ того, видите ли, какъ онъ тонко, вѣжливо и пріятно улыбается? какъ скромно и прилично закинулъ одну руку со шляпой за спину, а другою, не снимая перчатки, образующей на концѣ пальцевъ какія то отчаянныя когти, указываетъ слегка только издали на погрѣшность милой ученицы своей? какъ снисходительно и уступчиво потупляетъ глаза, желая смягчить, сколько можно, замѣчаніе свое, какъ одобрительно и привѣтливо поворачиваетъ носомъ туда, гдѣ, по мнѣнію его, сдѣлана была небольшая ошибка?

Віольдамуръ возвратился домой счастливый и, блаженствуя, до поздней ночи распѣвалъ самые нѣжные,

рис. 21.

страстные романсы, выдѣлывая голосомъ: о-о-о-о!— закатывая глазки подъ лобъ и заканчивая риторнель сладкой и сочной улыбкой. Наконецъ, кларнетъ успокоилъ нѣсколько это неестественное волненіе, и виртуозъ заснулъ и лежалъ во снѣ, какъ наяву, съ тою же миловидною и пріятною улыбкою на устахъ, которую вы видѣли на немъ, когда стоялъ онъ, при первомъ урокѣ, за стуломъ первой—во всякомъ смыслѣ—ученицы своей.

Легко отгадать, что при такомъ блистательномъ началѣ, дѣла Віольдамура пошли со дня на день лучше. Безкорыстный, горячій другъ его, надобно отдать ему

справедливость, не думалъ завидовать успѣхамъ собрата, а старался, напротивъ, всѣми средствами поддерживать его въ общемъ мнѣніи. Они видѣлись ежедневно, и Христіанъ сдѣлался даже въ домѣ Прибаутки своимъ человѣкомъ. Учениковъ и учениць у него было довольно, но онъ всѣхъ ихъ ставилъ ни во что, въ сравненіи съ первой, несравненной ученицей своей.

Городъ, куда попалъ художникъ нашъ, былъ довольно многолюденъ, благовиденъ, славился берестовыми табакерками, былъ извѣстенъ въ географіи судоходной рѣкой — но только въ географіи, потому что стоялъ на лужѣ — былъ извѣстенъ въ исторіи проѣздомъ черезъ него многихъ знаменитыхъ особъ, а въ статистикѣ, кромѣ табакерокъ, кожевенными, мыловаренными, салотопенными и свѣчными заводами, хотя и тутъ опять городъ и самое отечество наше обязаны были всѣми заводами этими собственно статистикѣ, какъ наукѣ, потому что на дѣлѣ, вмѣсто заводовъ этихъ, оказывалось только три-четыре избы, въ Московской слободкѣ, заваленныхъ кругомъ мусоромъ, навозомъ, корьёмъ и окруженныхъ непроходимою грязью и непроницаемою вонью. Оспаривайте, послѣ этого, пользу статистики!

Въ городѣ—положимъ, его называли Сумбуромъ—въ городѣ было гульбище, или садъ, а въ саду этомъ былъ когда то прудъ; но какъ однажды, на Святой недѣлѣ, пьяный мужикъ, увидѣвъ въ свѣтлой водѣ подобень свой и хотѣвши съ нимъ поцѣловаться, свалился въ воду и утонулъ, то, во избѣжаніе такихъ непріятныхъ случаевъ, распорядились засыпать прудъ и поставить на мѣстѣ его безопасный для жителей храмъ славы. Храмъ этотъ сооруженъ былъ изъ тесанаго камня и стоилъ городу довольно много; польза его не была доселѣ еще никѣмъ отгадана; не менѣе того, однакоже, сумбурскіе жители всегда водили за-

ѣзжихъ гостей на гульбище и показывали имъ каменный храмъ славы, какъ вещь замѣчательную, достойную вниманія, и называли при этомъ всегда троихъ строителей храма. Втроемъ, скажете вы, не мудрено выдумать такую хитрую штуку—оно такъ, но за то, по пословицѣ: одинъ какой то камень въ воду закинетъ, а сотня другихъ его не вытащатъ — никакой ареопагъ, конечно, не добился бы ни цѣли, ни пользы этого зданія. Еще славился Сумбуръ гостинымъ дворомъ своимъ, который составлялъ собственность одного частнаго человѣка, купца Босомыгина. Мѣсто, гдѣ стоялъ гостиный дворъ, принадлежало когда то какому то подворью; Босомыгинъ заключилъ договоръ, чтобы ему дозволено было выстроить на свой счетъ каменныя лавки, съ оброкомъ по пятисотъ рублей въ годъ, на шестьдесятъ лѣтъ, послѣ чего лавки поступаютъ въ собственность подворья. Дума впослѣдствіи объявила споръ на мѣсто это и завела тяжбу съ подворьемъ; тяжба тянулась четырнадцать лѣтъ — а между тѣмъ Босомыгинъ давно уже отстроилъ лавки, бралъ съ нихъ доходъ и никому оброка не платилъ. А какъ обѣ стороны тяжущихся спорили только между собой, а объ немъ и позабыли, то онъ, соскучившись дожидаться конца тяжбы этой, подалъ объявленіе, что мѣсто безспорно принадлежитъ ему, потому что городъ спорилъ съ подворьемъ, съ нимъ же, Босомыгинымъ, никто спору не заводилъ, и онъ владѣетъ мѣстомъ безъ малаго полторы земскія или десятилѣтнія давности. За нимъ мѣсто и осталось. Вотъ какому счастливому обстоятельству городъ обязанъ былъ постройкою гостинаго двора. Еще славился Сумбуръ такъ называемыми *подвижными* деревянными лавками, которыя никогда и никуда не подвигались, а между тѣмъ, неизвѣстно для какихъ причинъ, выстроены были на колесахъ; можетъ быть на случай войны съ тур-

ками или перемѣщенія города на другое мѣсто; нынѣ, по крайней мѣрѣ, стóяли онѣ со дня сотворенія своего чинно въ одинъ рядъ, на одномъ мѣстѣ, а по мѣрѣ того, какъ оси въ колесахъ подъ ними подгнивали, онѣ замѣнялись новыми. Еще славился Сумбуръ конскимъ заводомъ, который содержался съ давняго времени отставнымъ регистраторомъ Рюховкинымъ. Рюховкинъ торговалъ еще, кромѣ того, ломомъ, старымъ желѣзомъ. Табунъ его пасся обыкновенно во всю зиму на Собачьемъ оврагѣ, куда со всего города сваливали навозъ и заводчикъ увѣрялъ, что тамъ кормъ сытный, бóльшею частію хлѣбный. Не знаю, вѣрили ли ему лошади нá слово, но жалобъ отъ нихъ никуда не поступало. Вотъ и все, кажется, всѣ знаменитости города; если къ этому присовокупить предположеніе, впрочемъ, еще не утвержденное, объ украшеніи города надолбами новаго изобрѣтенія, отдѣланными на оба конца въ видѣ боченковъ, на одномъ концѣ подъ дубовое дерево, съ черными обручами подъ желѣзо, на другомъ-подъ карельскую березу, съ обручами бѣлыми—то, кажется, достопамятности всѣ, и больше говорить не о чемъ .Замѣтимъ только, что надолбы эти предполагалось зарывать въ землю, по буднямъ, дубовыми боченками кверху, а въ торжественные дни оборачивать, обновивъ и украсивъ такимъ образомъ вдругъ весь городъ надолбами изъ карельской березы. На замѣчаніе недогадливыхъ людей, что концы, выкрашенные подъ карельскую березу, сгніютъ, до праздника не доживутъ—отвѣчалъ изобрѣтатель, что ихъ можно завертывать въ сахарную бумагу, которая, какъ извѣстно, всѣми силами противится гнилости, и полагалъ вмѣнить дѣло это въ обязанность домохозяевъ.

Если, однакоже, читатели изъ этого предположенія заключатъ, что домохозяевамъ Сумбура нечего было больше дѣлать, какъ завертывать надолбы противъ

дому своего въ сахарную бумагу и оборачивать ихъ то туда, то сюда концами, то это будетъ заключеніе несправедливое. Кромѣ службы, дружбы, визитовъ, торговли, хозяйства, жители Сумбура занимались очень усидчиво человѣколюбивыми подвигами и болѣе всего работали и жертвовали въ пользу карточной фабрики воспитательнаго дома. На такое благотворительное дѣло не жалѣли они ни трудовъ, ни издержекъ, ни времени. Босомыгинъ подвозилъ цѣлыми обозами товару для работы этой и не могъ напастись его и наготовиться. Для этой благой цѣли, собирались въ Сумбурѣ ежедневно и во многихъ мѣстахъ утренніе, полуденные и вечерніе роберы и пульки, и если полуденная пулька прерывалась иногда послѣобѣденнымъ отдыхомъ, то за то всѣми силами старались поправить и наверстать грѣхъ этотъ за вечерней пулькой, растянувъ ее вплоть до утренней. Можете себѣ вообразить, какого это труда стоило благодѣтельнымъ сумбурцамъ, и въ какомъ изнеможеніи они иногда вставали изъ за зеленаго стола; даже, повѣрите ли, мѣлокъ иногда двоился въ глазахъ, не только то, что́ написано мѣломъ! Служба лежитъ, дѣла почиваютъ; да за службой не угоняться, господской работы не переработать: въ домѣ нерѣдко нужда такая, что семейство, до новой трети, почти не ѣвши сидитъ, а дѣлать нечего, на завтра опять принимаются за то же; безъ самоотверженія нѣтъ и доблести и никогда добраго дѣла не совершишь.

Слабый полъ города Сумбура занимался, какъ обыкновенно, взаимными визитами, поздравленіями, современными въ городѣ событіями и лѣтописью настоящаго; былъ, впрочемъ, склоненъ также къ благотворенію и нерѣдко жертвовалъ всѣмъ, по доброму примѣру сожителей, для посильной человѣколюбивой дани. Но чтобы читателей убѣдить не шутя въ благотвори-

тельности сумбурцевъ, то истина требуетъ замѣтить, что было недавно дано въ городѣ любителями театральное представленіе въ пользу бѣдныхъ и послано объ этомъ во всѣ вѣдомости и газеты подробное объявленіе. Разсчитано положительно, что наряды и другія издержки на комедію эту стали втрое дороже самой выручки, изъ чего и можно бы заключить, что было бы гораздо проще сложиться для бѣдныхъ, безъ всякой предварительной комедіи; но такое сужденіе едва ли не опрометчиво, потому что около всякаго дѣла, какъ около продажнаго коня, надобно обойти кругомъ и осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ; бѣдные много ли, мало ли отъ сумбурцевъ таки получили; а тутъ, главное, показаться въ люди съ новымъ пером, токомъ, кокомъ или клёкомъ, и подсидѣть супруга случаемъ этимъ, чтобы некуда ему было увернуться, а хочешь, не хочешь, доставай деньжонки, да подавай къ наряду. Если мы разсудимъ вслѣдствіе всего этого, какъ благодушные сумбурцы круглый годъ, тѣмъ или другимъ путемъ, посвящали себя на жертву страждущему человѣчеству, то нисколько не покажется намъ удивительнымъ, что они, во первыхъ, не выходили изъ круговыхъ долговъ между собою, — почему чрезвычайно опасно было замѣшаться между ними постороннему человѣку; главное правило ихъ состояло въ томъ, чтобы взять, о возвратѣ же, по ихъ мнѣнію, долженъ заботиться тотъ, кто далъ, а не тотъ, кто взялъ; во вторыхъ, что въ Сумбурѣ лѣтомъ продавались въ каждомъ домѣ возки и сани, а зимою дрожки, кареты и коляски. Кромѣ того, передъ каждымъ сколько-нибудь значительнымъ баломъ или пиршествомъ, сумбурцы привѣтствовали другъ друга словами:—а не купите ли вы у меня часовъ? Часы очень хорошіе, я думаю, знакомые вамъ: вотъ, что въ прошломъ году купилъ я, передъ губернаторскимъ баломъ, у Ивана Федоровича.

Былъ, однакоже, въ Сумбурѣ и вкусъ на ученость, на искусства и художества, на словесность. Ученымъ, напримѣръ, считался одинъ учитель семинаріи, который въ теченіе двадцати лѣтъ странствія изъ губерніи въ губернію обучалъ почти всѣмъ наукамъ, не щадя живота своего, ни жизни. Въ Костромѣ преподавалъ онъ россійскую грамматику, въ Ярославлѣ латинскій языкъ, въ Вологдѣ риторику, въ Перми логику, въ Харьковѣ философію, и, наконецъ, въ Сумбуръ пріѣхалъ на вакансію учителя исторіи и географіи. Кто разъ кончилъ науки, тотъ на все способенъ. Былъ и еще ученый, и, говорятъ, очень ученый человѣкъ въ Сумбурѣ, и зналъ наизусть всѣ науки — да вотъ уже третій годъ какъ съ ума сошелъ; и какъ занесетъ, такъ ужъ и сами сумбурцы не понимаютъ, изъ какой науки. А какъ у этого ученаго была искони привычка поматывать головой, то сумбурцы и полагаютъ, что онъ какъ-нибудь неосторожно встряхнулъ и взболтнулъ все, что́ было у него въ головѣ, и все это переболталось, и вышелъ сумбуръ. Впрочемъ, человѣкъ этотъ даже и въ нынѣшнемъ положеніи своемъ былъ полезенъ сумбурцамъ въ двоякомъ отношеніи: во первыхъ, онъ служилъ для многихъ богобоязливыхъ гражданъ примѣромъ, каковы бываютъ послѣдствія глубокой учености, и какъ у ученыхъ людей умъ заходитъ за разумъ; а во вторыхъ, какъ нѣкоторые, несмотря на страшный примѣръ этотъ, считали необходимымъ учить дѣтей своихъ всѣмъ наукамъ, то его иногда — въ прохладные дни лѣтомъ, и не слишкомъ морозные зимою, когда онъ бываетъ посмирнѣе, — заставляли учить дѣтей. Сумбурцы, вѣроятно, полагали, что если белиберда эта изъ головы его перейдетъ въ здоровую голову, то ребенокъ самъ уже сумѣетъ разобрать, что́ куда слѣдуетъ и отдѣлить — какъ выражаются сумбурцы — одну науку отъ другой. Учитель семи-

наріи увѣрялъ неоднократно, что ему и самому извѣстны всѣ науки, и что онъ, по крайней мѣрѣ, могъ бы преподавать ихъ основательнѣе и въ лучшемъ порядкѣ; но что́-жъ вы прикажете дѣлать! сумбурцы не слушались его, не довѣряли ему дѣтей своихъ и бо́льшею частію отдавали преимущество бѣдному бакалавру. Поэтому ученики и твердили вслухъ, передъ папенькой и маменькой: — Грамматика есть наука о числахъ.—Прилагательное есть такая дробь, коей числитель меньше знаменателя — и прочее. Словесность раздѣляли сумбурцы на писаную и на печатаную; первая появилась въ Сумбурѣ во всѣхъ дѣловыхъ бумагахъ, дружескихъ запискахъ и, наконецъ, въ сочиненіяхъ, которыя писались учителемъ россійскаго краснорѣчія къ публичному испытанію, для своихъ учениковъ. Вторая, печатная то есть, сосредоточивалась въ почтмейстерѣ и въ знакомомъ намъ уже нѣсколько Прибауткѣ; не то, чтобы господа эти были писателями, но они, каждый по особымъ обстоятельствамъ, считались прикосновенными къ печатной словесности: одинъ изъ нихъ, почтмейстеръ, распечатывалъ всѣ приходящіе газеты и журналы. Прибаутка считалъ долгомъ подписываться, одинъ за всѣхъ, на всѣ книги, о которыхъ объявленія присылаются изъ разныхъ вѣдомствъ въ губерніи при такихъ письмахъ, которыя просятъ: «о послѣдующемъ не оставить своимъ увѣдомленіемъ». Прибаутка, зная по многократному опыту, что съ жителей уѣзда въ этомъ отношеніи взятки гладки, и принимая при томъ весьма разсудительно во уваженіе, что стало быть-де книга эта нашла покровительство, подписывался одинъ, иногда даже на два экземпляра. Вотъ источникъ библіотеки нашего Прибаутки.

Свободныя искусства и художества процвѣтали также въ Сумбурѣ до извѣстной степени: не говоримъ о

томъ, что туземная молодежь обоего пола плясала самоучкой и, во время ярмарки, брала танцовальные уроки у француза, который торговалъ сыромъ, виномъ и помадой; что учитель рисованія расписывалъ прехитрыми затѣями альбомы всѣхъ барышень,—о, золотое время альбомовъ!—оттушевывая очень аккуратно амурчиковъ своихъ справа и слѣва, закругляя лепестки розы безъ единой складочки и выводя перышкамъ, какъ въ трафаретку, мелкіе зубчики листковъ, оборо-ченныхъ одинъ въ одинъ лицомъ къ зрителю; не говоря объ этомъ, дѣвицы сумбурскія бесѣдовали съ кавалерами всего охотнѣе за фортопіанами, и были, слѣдовательно, большія любительницы музыки. И вотъ какъ мы, наконецъ, послѣ долгаго отступленія, совершивъ опознательный поискъ свой для разузнанія быта сумбурцевъ, благополучно возвратились къ завѣтному предмету своему, къ музыкѣ.

Если Віольдамуръ, предчувствуя назначеніе и даръ свой, видѣлъ въ столицѣ необходимость выработать самобытныя способности свои, изучать искусство, которому себя посвятилъ, если при томъ уѣхалъ отчасти для этой же цѣли въ губернію, надѣясь возникнуть оттуда современемъ неожиданной кометой, которой теченіе не было доселѣ еще никѣмъ предугадано и разсчитано, то мѣстность сумбурская повидимому необычайно быстро способствовала развитію геніальныхъ дарованій; по крайней мѣрѣ, Христіанъ Христіановичъ въ нѣсколько недѣль убѣдился, что онъ въ своемъ родѣ неподражаемый человѣкъ; что онъ достигъ уже высшей степени совершенства и можетъ не только ѣхать за границу, для того чтобы послушать другихъ, но даже и самъ въ своемъ родѣ никому не уступитъ, а опасны для него только развѣ зависть и невѣжество. Онъ блаженствовалъ въ Сумбурѣ; въ немъ разыгралось, сверхъ музыкальнаго, еще какое то восхититель-

ное чувство, для котораго онъ былъ бы даже готовъ закинуть всѣ на свѣтѣ тромбоны и скрипки —хотя ему и казалось, что это было бы неблагодарно, потому что и этимъ новымъ блаженнымъ чувствомъ былъ онъ обязанъ, какъ самъ передъ собой охотно сознавался, одной музыкѣ. Какъ бы то ни было, а Христіанъ Христіановичъ, блаженствуя въ Сумбурѣ, не сидѣлъ болѣе часовъ по шестнадцати въ день за оркестромъ своимъ, перебирая поочередно все, отъ рояля до турецкаго барабана; не робѣлъ уже болѣе при скромной недовѣрчивости къ собственнымъ силамъ своимъ, а жилъ самонадѣянно, выставляя себя всюду на показъ. Всякое искусство можетъ быть оцѣнено только сравнительно, а какъ въ Сумбурѣ не было соперниковъ Віольдамуру, то онъ и успѣлъ въ короткое время забыть, что Сумбуръ не составляетъ еще цѣлаго свѣта, и смотрѣлъ самъ на себя какъ на высшее, недосягаемое для простыхъ смертныхъ существо. Онъ принялъ на себя въ обществѣ должность какого то несноснаго повѣсы: важничалъ пошло, а любезничалъ приторно; заставлялъ себя упрашивать и умаливать, когда хотѣли, чтобы онъ спѣлъ или сыгралъ что-нибудь, иногда увѣрялъ, что онъ не въ духѣ, не расположенъ, и развалившись небрежно на кушеткѣ, съ самодовольствіемъ поводилъ вокругъ головою, какъ спѣсивый куличокъ, и одарялъ поочередно благосклонной улыбкой своей окружавшихъ его неутомимыхъ просителей, поклонницъ и поклонниковъ. Онъ выписывалъ духи изъ Петербурга; батистовые платочки его обшивались кружевами; перстеньки, булавочки, супирчики и сувенирчики занимали его не менѣе скрипки и кларнета; онъ сдѣлался чувствительнымъ къ веснѣ, къ цвѣтамъ и жаворонкамъ, давно уже бросилъ фарфоровую трубку и курилъ только гаванскія сигары.

Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла Христіана Христіановича, когда весна вспомнила, наконецъ, что есть на свѣтѣ земля Русская, а на Русской землѣ городъ Сумбуръ. Вспомнивъ же это, она налетѣла вдругъ, какъ съ неба канула. Весна была дружная, теплая, все зазеленѣлось, воробьи зачирикали, глядя съ краишка кровли на послѣднія капли, падающія со стрѣхи; конскій заводъ Рюховкина перекочевалъ уже съ Собачьяго оврага на лѣтнее становище свое, на городской выгонъ; храмъ славы, служившій памятникомъ утонувшему на этомъ мѣстѣ пьяному мужику и покойному пруду,—храмъ славы бѣлѣлся величественно между новою, свѣжею зеленью; молодые гусята щипали травку подъ любымъ тыномъ, и сиплымъ пискомъ, послѣ каждаго глотка, убѣждали родителей своихъ не покидать ихъ, не торопится еще къ лабазному ряду, потому-де, что весною зеленый кормъ лучше хлѣбнаго. Въ первый разъ отъ роду увидѣлъ Віольдамуръ весну за стѣнами Петерурга и какъ нарочно въ этотъ первый разъ встрѣтилъ ее упоенный любовью. Была ли также и знаменитая ученица влюблена въ него, и сколько и надолго ли, не рѣшимся сказать положительно, хотя намъ и извѣстна вся подноготная нашего разсказа; для этого надо бы написать, въ видѣ вступленія, цѣлое разсужденіе о любви, которая бываетъ бо́льшею частію столько же скучна на бумагѣ, сколько занимательна на дѣлѣ. Вѣдь барышни наши—Богъ ихъ суди—и въ столицахъ, и въ губерніяхъ, по невинности и неопытности своей, и сами не знаютъ, когда любятъ, когда не любятъ, когда любятъ по своей волѣ, когда по какому то темному чувству предусмотрительности или по распоряженію маменьки, когда шалятъ только и тѣшатся страданіями нашими для забавы—все это такъ шатко и валко, такъ ненадежно, такъ темно, сомнительно и сокровенно, такъ

измѣнчиво, быстролетно, непостоянно, непостижимо, неуловимо, необъяснимо, что трудно рѣшить дѣло, не дождавшись конца. Если повѣрить современной лѣтописи Сумбура, то была тутъ страстная и даже отчаянная любовь съ той и съ другой стороны; если послушать завистниковъ и соревнователей Віольдамура на скользкомъ поприщѣ любви, то всему онъ одинъ былъ причиной, потому что былъ самъ влюбленъ за двоихъ и любилъ ее за себя и себя за нее, чѣмъ и ограничивалась взаимность этой страсти; а если хотите непремѣнно и нашей догадки, то мы попросимъ васъ продолжать терпѣливо разсказъ нашъ, съ полною надеждою, что дѣло должно современемъ объясниться. Барышни наши иногда влюбляются сильно, хотя и не надолго, если игрушка и забава эта льститъ ихъ самолюбію, если она заманчива новизною предмета, который теперь въ модѣ, въ ходу,—иногда онѣ воображаютъ сами, что страстно влюблены, иногда считаютъ только полезнымъ зачислиться влюбленными — какъ зачисляютъ въ кандидаты—иногда влюбляются по приказанію и распоряженію своего ближайшаго начальства, и такая покорная любовь нерѣдко съ такимъ же безотвѣтнымъ повиновеніемъ обращается въ равнодушіе, даже въ ненависть, если обстоятельства измѣняются; иногда онѣ только что не противорѣчатъ слухамъ по этому тонкому и щекотливому предмету; иногда же напротивъ, противорѣчатъ вездѣ, ищутъ случая, вызываютъ на споръ и бой, чтобы доказать невинность свою, и тѣмъ еще болѣе возбуждаютъ общее вниманіе, укрѣпляютъ общее мнѣніе; иногда, въ младенческомъ невѣдѣніи своемъ, разсказываютъ по секрету подругамъ небывалыя объясненія—и опытные судьи увѣряютъ, что и эта тактика бываетъ не безуспѣшна; словомъ, тутъ причудъ и оттѣнковъ столько, столько разнообразныхъ изворотовъ, что выслѣдить ихъ было

бы не только затруднительно, но, можетъ быть, и скучно. Будетъ съ насъ на первый случай и того, что́ мы знаемъ не менѣе самихъ сумбурцевъ, которые знаютъ положительно, что Христіанъ Христіановичъ и Настенька Травянкина другъ въ друга влюблены.

Между тѣмъ, едва сумбурцы наши, какъ и другіе люди, дождались въ свое время весны, какъ уже дошла до нихъ и очередь залѣтовать: дождались они и лѣта. Пришло время междужарья, гдѣ иному сельскому хозяину дѣлать нечего, гдѣ онъ, покончивъ свое, ждетъ, сложа руки, чтобы и природа сдѣлала свое, а гдѣ, по словамъ другого, не оберешься заботъ и хлопотъ, а работы бываетъ больше, чѣмъ во всякое иное время. Не беремся рѣшить это разногласіе, а скажемъ только, что сумбурцы наши едва ли не держались перваго мнѣнія, по крайней мѣрѣ, у нихъ ежегодно объ эту пору была довольно людная ярмарка, на которую съѣзжалась вся губернія. Но, оставивъ на время ярмарку, мы должны напередъ возвратиться вспять и сказать нѣсколько словъ о бывшихъ зимою дворянскихъ выборахъ.

При съѣздѣ дворянъ на выборы любопытно было подслушать задушевный разговоръ каждаго изъ нихъ, допросить его по совѣсти, зачѣмъ и для чего онъ пріѣхалъ? Дворянскіе выборы—это дѣло общее и великое; но въ продолженіе цѣлаго съѣзда ни одинъ сумбурецъ не сказалъ ни одного слова, которое бы могло относиться, хотя косвенно, къ общему благу губерніи; ни слова, которое показывало бы, что онъ постигаетъ умомъ и чувствуетъ сердцемъ всю важность правъ ихъ и обязанностей по настоящему дѣлу. Вотъ какой скрытный народъ были сумбурцы наши; всякій безъ сомнѣнія понималъ и чувствовалъ все это, но молчалъ про себя, или можетъ быть и разсуждалъ объ этомъ

самъ съ собою; вслухъ же каждый заботился только о личныхъ надобностяхъ своихъ, о видахъ и намѣреніяхъ. Одинъ грозилъ сосѣду, что нога-де моя не будетъ на твоемъ порогѣ, если не положишь бѣлаго шара такому то; другой собиралъ свой кружокъ, для черныхъ шаровъ, такому то; какой-нибудь шутникъ подговаривалъ всѣхъ выбрать, для одной потѣхи, такого то чудака на такое то мѣсто; тотъ хлопоталъ за себя, тотъ за кума, за свата, за сосѣда: всякій соображалъ голосъ свой, силу, вліяніе и происки съ насущными нуждами своими, и это навывалось у сумбурцевъ нашихъ выборами. Да какъ же, впрочемъ, и не назвать имъ это выборами? Вѣдь такъ ли, иначе ли, такъ называемые люди, даже чиновники, избирались во всѣ должности: въ исправники, въ засѣдатели, въ судьи, въ члены, предводители: стало быть это, точно, были выборы.

Но какъ сумбурцы наши вообще ни надъ чѣмъ не надрывали силъ своихъ, то дворяне на выборы съѣхались поздно, бо́льшею частію наканунѣ срока, а потому и не успѣли повѣрить суммъ дворянскихъ по отчетамъ, а подписали какую то перечневую выписку изъ книгъ, съ плеча, и не заглядывая въ нее выше того мѣста, гдѣ каждому слѣдовало подписать имя и прозваніе свое; точно какъ будто рѣчь шла не о своемъ, а о чужомъ добрѣ. Откуда, скажите, берется у насъ беззаботность эта? Къ обѣднѣ и молебствію опоздали, а потому и ограничились подписью присяжнаго листа; потомъ устранили кое-кого, подъ разными предлогами, отъ собранія, чтобы не было спорщиковъ; тамъ не дали шаровъ нѣкоторымъ уполномоченнымъ, предпочитая дѣйствовать своей семьей, гдѣ каждый другъ друга понимаетъ; за губернскимъ столомъ не стѣсняли себя балотировкой однихъ избранныхъ уже въ кандидаты за столами уѣздными, а избрали тѣхъ,

кто кому былъ посподручнѣе; предводитель, знакомый нашъ Прибаутка, распоряжался на выборахъ какъ въ своемъ домашнемъ оркестрѣ, гдѣ заставляетъ бывало проиграть снова любую штучку: онъ спорилъ и уговаривалъ каждый разъ, когда какой-нибудь выборъ не соотвѣтствовалъ его желанію или заключенному напередъ условію, и заставлялъ перебалотировать того или другого вновь, противъ чего одни спорили и горячились, между тѣмъ какъ другіе хохотали и разбирали снова шары. Въ предводители былъ избранъ опять онъ же, Прибаутка.

Все это было хорошо; но надо было выбрать въ предводители еще другого кандидата, ожидая отъ правительства утвержденія того или другого. Такъ какъ въ Сумбурѣ нашемъ все дѣлалось иначе, чѣмъ во всѣхъ губерніяхъ, которыхъ названія находятся въ географіяхъ Россіи, то и въ этомъ случаѣ встрѣтилось такое чрезвычайное обстоятельство, что не знаешь, какъ его и разсказать.

При выборѣ второго кандидата въ предводители, бѣлые шары посыпались на голову какого то отставного корнета. Дальнѣйшія послѣдствія всего этого окажутся ниже; а теперь перейдемъ къ непосредственнымъ послѣдствіямъ дворянскихъ съѣздовъ, по случаю открывшейся ярмарки.

Давно уже Харитонъ уговаривалъ Христіана самымъ радушнымъ образомъ дать концертъ. Ярмарка представила для этого безподобный случай. Прибаутка горячо принялся за это дѣло: обѣщалъ артисту покровительство свое, залу Дворянскаго собранія, и сверхъ того бралъ на себя расходы на освѣщеніе и другіе предметы по концерту. Странно было бы Віольдамару колебаться или ожидать, чтобы его еще болѣе упрашивали; онъ согласился, и отъ рѣшимости этой, ожиданія и нетерпѣнія, лицо у него вытянулось пальца

на три, и приняло какое то вдохновенное выраженіе. Такъ онъ и ходилъ по городу, цѣлую недѣлю, съ продолговатымъ, вдохновеннымъ лицомъ. Вотъ онъ сидитъ (рис. 22), по домашнему, среди сумбурскихъ пріятелей и доброжелателей своихъ, и слушаетъ направо и налѣво, не успѣвая поворачивать голову, на призывные голоса совѣтниковъ, во всѣ четыре стороны вдругъ. Концерту быть, это рѣшено; нѣсколько дней и ночей прошло въ толкахъ объ устройствѣ и распорядкѣ его; корректурный листъ афишки у артиста въ рукахъ, но совѣтники не перестаютъ надѣлять его со всѣхъ сторонъ совѣтами, неисчерпаемы въ эффектныхъ изобрѣтеніяхъ, и суетолками своими въ конецъ оглушили Віольдамура, у котораго отъ томительнаго ожиданія губы сжались, словно онѣ зашиты и припечатаны. Рядомъ съ нимъ сидитъ курчавый другъ его, товарищъ на жизнь и смерть, Харитонъ Волковъ, и горячо, усердно совѣтуетъ обмѣнить взаимно и переставить 1-й и 5-й номера, то есть открыть и начать концертъ вокальнымъ вступленіемъ, которымъ предполагалось заключить 1-е отдѣленіе, а увертюру перенести изъ начала въ конецъ. Причинъ на это Волковъ поставлялъ много, очень много, но главное заключалось въ томъ, что соловьиный голосъ Віольдамура долженъ былъ плѣнить и восхитить всѣхъ, а затѣмъ уже мастерская игра на пяти или на шести инструментахъ, не на всѣхъ вдругъ, однакоже, а послѣдовательно и поочередно, довершитъ окончательно вѣрную побѣду. Съ Волковымъ, котораго лицо и пріемы напоминаютъ намъ нѣсколько отца его, неподражаемаго въ счетѣ молчковъ или паузъ литавръ — съ Волковымъ соглашается повидимому и гувернёръ, выписанный Прибауткою для дѣтей его, monsieur Tricot-de-Coton; онъ положилъ руку на плечо артиста, встряхиваетъ его по временамъ, чтобы заставить глядѣть въ эту сторону и тычетъ

пальцемъ чуть не въ зубы, истощая въ мимикѣ этой все краснорѣчіе свое, всю силу убѣжденія. По другую сторону, въ оппозиціонной партіи, стоитъ, одинъ какъ перстъ—одинъ какъ маковъ цвѣтъ — одинъ какъ синь порохъ въ глазу—одинъ какъ солнце на небѣ — одинъ какъ лѣшій въ болотѣ — стоитъ новый благопріобрѣтенный въ Сумбурѣ другъ Віольдамура, господинъ Мокріевичъ-Хламко-Нагольный, котораго мать

рис. 22.

была урожденная княжна Трухина-Соломкина и даже крестный отецъ прозывался Пазухинъ-Гулючка; господинъ Мокріевичъ-Хламко-Нагольный, увлекаясь дружбой и доброжелательствомъ, и руководствуясь перевѣсомъ познанія мѣстности, отстаиваетъ прежній порядокъ концерта, увѣряя, что предлагаемая перемѣна сочтена будетъ умышленнымъ подлогомъ и произведетъ всеобщій ропотъ. Есть еще два человѣка въ этомъ засѣданіи, и хотя они занимаютъ крайнія око-

нечности правой и лѣвой стороны, но не могутъ, по мыслямъ своимъ, причесться ни къ оппозиціи, ни къ радикаламъ, ни къ легитимистамъ, а составляютъ, кажется, безмолвствующую середку на половинѣ; это Аршетъ и неизвѣстный. Послѣдній, облокотившись довольно ловко на спинку стула одного изъ отчаянныхъ радикаловъ, Волкова, доволенъ, кажется, положеніемъ своимъ и сигарой, которую отыскалъ молча въ скрипичномъ футлярѣ, куда благоразумный хозяинъ съ нѣкотораго времени сталъ прятать сигары отъ подобныхъ посѣтителей — доволенъ и собой, и концертомъ, какъ бы онъ ни учредился, доволенъ и преніями и гладенькимъ сюртукомъ своимъ, словомъ, доволенъ всѣмъ на свѣтѣ, и согласенъ со всѣми, кто бы что̀ ни говорилъ, и никогда не сердится, ничему не удивляется, ничему не радуется, ни о чемъ не скучаетъ, ни о чемъ не тужитъ и вообще, не приневоливая себя ни къ чему, отъ природы одаренъ непоколебимымъ терпѣніемъ, совершеннымъ равнодушіемъ и преблагою молчаливостію. Случалось ли вамъ видѣть этихъ людей? Высокій лобъ какъ будто заключаетъ въ себѣ что̀-нибудь такое,—даже морщиночки играютъ иногда на лбу этомъ и перебѣгаютъ какъ на тонкой пѣнкѣ согрѣтаго молока—но здѣсь мнимый законъ природы, открытый недогадливымъ Торичелли, будто бы природа не терпитъ пустоты, встрѣчаетъ самое убѣдительное противорѣчіе. Если бы Торичелли сходился на вѣку своемъ съ подобными людьми, то онъ бы и самъ не удовольствовался объясненіемъ своимъ, а поневолѣ сталъ бы искать другого. Эти то счастливцы, въ родѣ нашего неизвѣстнаго, живутъ спокойно, спятъ прекрасно, всегда здоровы, съ виду моложавы, и доживаютъ до глубокой старости.

Гувернёръ, monsieur Tricot-de-Coton, былъ одинъ изъ тѣхъ гувернёровъ, которые пріѣзжаютъ моремъ

изъ Гавра въ Питеръ, освѣдомляясь дорогою у другихъ пассажировъ о томъ, правда ли, будто въ Петербургѣ солнышко таки грѣетъ и свѣтитъ понемножку, а во всей остальной Россіи круглый годъ зима и круглыя сутки ночь, и люди не знаютъ ни тепла, ни свѣту, кромѣ отъ огня? Рѣшивши подобныя сомнѣнія, monsieur Tricot-de-Coton вышелъ изъ парохода Англійской набережной, взявъ гарусный дорожный мѣшокъ свой съ замочкомъ подъ-мышки, и долго оглядывался во всѣ стороны, не зная, куда теперь идти, что начать и гдѣ бы сегодня пообѣдать? Не удивляйтесь тому, что Трико-де Котонъ въ девять часовъ утра заботится уже объ обѣдѣ; это не малодушіе; онъ не робѣетъ и чувствуетъ съ достоинствомъ всѣ способности свои; у него надежды впереди много; онъ готовъ хоть обучить и поставить собачью комедію и пройти съ нею съ конца въ конецъ темную Русскую землю, хоть идти въ учители и гувернёры, смотря по тому, на что будетъ больше требованія; но сами посудите: духъ бодръ, да плоть немощна, и кто не обѣдалъ вчера, тотъ поневолѣ сегодня заблаговременно заботится удовлетворить свой злопамятный желудокъ. Постоявши немного и убѣдившись, что жареные гуси сами не летаютъ по нашимъ улицамъ, Трико-де-Котонъ вздохнулъ, и сказалъ улыбнувшись:—Точно какъ у насъ: вездѣ самому надо промышлять!—Затѣмъ обратился къ первому прохожему съ вопросомъ: Нѣтъ ли гдѣ вблизи французскаго магазина?—Прохожій этотъ отвѣчалъ вѣжливо и на прекрасномъ французскомъ языкѣ—и черезъ полчаса Трико сидѣлъ уже у одного изъ земляковъ своихъ, обѣщаясь расплатиться съ нимъ зонтиками въ тросточкахъ, которые онъ успѣлъ провезти тайно и ожидалъ со дня на день какими то темными путями. Впрочемъ, онъ предлагалъ также и женскіе часы, золотую булавочку и два перстенька. Надобно думать,

что дѣло такъ или иначе сладилось: Трико̀ остался на двѣ недѣли въ магазинѣ, пріобрѣлъ вскорѣ огромное покровительство и отправился, по первому вызову, съ обозомъ Прибаутки въ Сумбуръ, озарилъ вѣчныя потемки привознымъ свѣтомъ своимъ, училъ дѣтей, ѣздилъ на охоту, былъ веселый собесѣдникъ и умѣлъ всѣмъ угодить и со всякимъ сойтись.

Мокріевичъ-Хламко-Нагольный во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть представителемъ оппозиціонной партіи и заключаетъ въ себѣ полную противоположность неизвѣстнаго: Нагольный въ вѣчной суетѣ, тревогѣ, всегда говоритъ, всегда споритъ, вѣчно противорѣчитъ, всѣмъ на свѣтѣ недоволенъ, обо всемъ ему забота, за всѣхъ онъ тоскуетъ, словомъ, все, что̀ только какимъ-нибудь образомъ достигало пяти чувствъ его, все это дурно, гадко, все это не такъ и не то, и всегда изо всего предвидитъ онъ преопасныя слѣдствія и боится еще сверхъ того, чтобы ему не пришлось за все это отвѣчать. Такъ, онъ, напримѣръ, каждый разъ, когда молодые люди собираются на охоту или на катанье въ лодкѣ, оговаривается торжественно: чуръ меня; съ тѣмъ, что если бы одинъ другого невзначай застрѣлилъ или кто-нибудь по неосторожности утонулъ, то ему, Нагольному, не отвѣчать бы за это и не понести поклепу или упреку, что онъ, какъ благоразумный человѣкъ, не старался удержать молодежь отъ такихъ безполезныхъ и опасныхъ затѣй.

Наконецъ, обратившись къ дверямъ комнаты, въ которой происходитъ настоящія пренія, видимъ фактора губернской типографіи, съ новымъ корректурнымъ листомъ афишки, изъ чего и заключаемъ, что Волковъ не даромъ отстаиваетъ съ такою рѣшимостію предлагаемую перемѣну въ порядкѣ концерта: Волковъ распорядился уже напередъ самовластно, измѣнилъ на свой страхъ, что̀ и какъ ему хотѣлось, а потомъ при-

шелъ убѣждать друга своего въ необходимости такой перемѣны. За факторомъ является еще какой то любитель музыки, который, повидимому, также намѣренъ принять участіе въ заботахъ виртоуза нашего, или можетъ быть только заглянуть въ келью его, посмотрѣть, что тамъ дѣлается, и потомъ отправиться со свѣжими вѣстями къ Ирынѣ Титовнѣ и Татьянѣ Юрьевнѣ.

рис. 23.

Между тѣмъ насталъ роковой день, и празднично взошло солнце надъ полнымъ ожиданія Сумбуромъ. Утро передъ концертомъ застало Христіана Христіановича въ непривычныхъ и новыхъ для него хлопотахъ, при которыхъ улыбка удовольствія не сходила съ устъ его (рис. 23). Онъ сидитъ передъ вами среди домашней холи и раздолья, но со всѣми признаками приближающагося для него и для цѣлаго города празд-

ника—и кроитъ огромными портняжными ножницами билеты. Афишки на полу, афишки на столѣ — билеты на полу и въ рукахъ и на столѣ; свѣча приготовлена для прикладыванія печатей; Аршетъ, принимая душевное участіе во всерадостнѣйшемъ событіи, также суетится, и полагая, можетъ быть, что билеты валятся изъ-подъ ножницъ невзначай, подбираетъ ихъ и подаетъ своему барину, и, сидя на корточкахъ, привѣтливо разметаетъ пыль на полу мохнатымъ своимъ хвостомъ. Что роковой день насталъ, это показываютъ вамъ всѣ приготовленія: завитая голова хозяина, отъ бровей до затылка; шелковые чулки, галстукъ, шляпа и перчатки; вычищенный новый фракъ, задремавшій въ самомъ лѣнивомъ положеніи на стулѣ, свѣсивъ по бокамъ рукава; еще какая то принадлежность и лаковые, чуть не дамскіе, варшавскіе башмачки. Взглянувъ на-скоро, вамъ даже покажется, что и рожица Христіана Христіановича съ завитками своими поставлена бережно, какъ неприкосновенная до времени вещь, на тотъ же комодъ, образуя такимъ образомъ приличный прòтивень щегольской шляпѣ съ перчатками, между тѣмъ какъ распущенный галстукъ служитъ какъ будто бы соединительнымъ звеномъ для цѣлой картины. Ожиданіе, надежда, сомнѣніе, а по временамъ и увѣренность въ блистательномъ успѣхѣ одушевляютъ въ эту роковую годину торжественное лицо Христіана, а снисходительная улыбка радушнаго прислужника придаетъ лицу этому пріятную мягкость и миловидность.

Да, много надеждъ, какъ видно, роится въ головѣ нашего генія на сегодняшній вечеръ; не знаемъ, сколько билетовъ—объ афишкахъ и говорить нечего: онѣ стòятъ денегъ, но за нихъ не платятъ;—не знаемъ, сколько билетовъ пошло уже въ раздачу, но видимъ усердное стараніе закройщика и огромные запасы въ кипахъ.

Если Віольдамуръ все это обратитъ въ окрошку, то ее, конечно, станетъ на пресыщеніе цѣлаго Сумбура; остается только пожелать ему, чтобы не все это было роздано любителямъ и покровителямъ, друзьямъ и пріятелямъ, чтобы благодушные сумбурцы, столько радѣющіе, какъ мы говорили, о сиротахъ и бѣдныхъ, оказали и заѣзжему сиротѣ существенное покровительство и пособіе покупкой билетовъ за наличныя деньги. Это тѣмъ болѣе желательно и необходимо, что сирота нашъ сильно потерпѣлъ въ послѣднее время отъ пожару: у него деньги горѣли въ карманѣ и въ бумажникѣ какимъ то невидимымъ огнемъ, вѣроятно, воспламеняясь на основаніи законовъ самосгаранія. По крайней мѣрѣ, онъ самъ не понималъ, какимъ образомъ завѣтное наслѣдіе его, стоившее Ивану Ивановичу столькихъ хлопотъ, приходило къ концу, а между тѣмъ Христіанъ Христіановичъ только что собирался еще пожить, развернуться и прославиться за границей. Концертъ его выручитъ; это первый концертъ: никто не слышалъ еще нашего геніальнаго артиста въ огромной залѣ, гдѣ все, и великолѣпная мѣстность, убранство, освѣщеніе и готовность слушателей восхищаться, и блестящіе наряды, и торжественность собранія, и даже наружность художника, участвуютъ въ общемъ и несомнѣнномъ успѣхѣ; а если ко всему этому еще присоединятся обаятельные звуки... о, тогда жребій выпадетъ; тогда узнаютъ Христіана Христіановича и услышатъ объ немъ не въ одномъ Сумбурѣ.—Я очень, очень благодаренъ другу моему Харитону,—подумалъ Христіанъ,—за то, что онъ принялъ такое живое участіе въ этомъ дѣлѣ, что склонилъ Прибаутку на всякую помощь и содѣйствіе, и самъ, какъ благородный художникъ, взялся участвовать въ моемъ концертѣ; пусть услышатъ насъ вмѣстѣ и увидятъ, какая между нами разница. Хари-

тонъ играетъ очень порядочно, ни слова, но въ смычкѣ его нѣтъ этой души, этой жизни—въ ударѣ руки нѣтъ этой геніальной свободы, силы и мягкости, потому что ни того ни другого нельзя пріобрѣсти, а надобно родиться въ сорочкѣ.—Христіанъ съ внутреннимъ удовольствіемъ посмотрѣлъ на длинные, бѣлые, гибкіе пальцы свои, на благообразные ногти, сжалъ и распустилъ раза три кулакъ лѣвой руки, сдѣлалъ на колѣнѣ продолжительную трель и принялся опять за дѣло.

Между тѣмъ какъ Христіанъ Христіановичъ кроилъ, сидя въ завиткахъ, билеты свои и мечталъ уже напередъ о вечернихъ успѣхахъ, сумбурцы готовились съ своей стороны къ торжественному вечеру, всякъ по своему. Напримѣръ, покровитель концерта, Прибаутка, въ упоеніи отъ удачи своей на выборахъ, разослалъ по городу съ десятокъ мелкой шляхты, чуть не однодворцевъ, избранныхъ по представительству его въ засѣдатели, депутаты, судьи, поручивъ каждому изъ нихъ по полусотнѣ билетовъ и приказавъ стараться всѣми силами о раздачѣ ихъ. Кто не желаетъ угодить своему начальству? Слѣдствія старательной угодливости подчиненныхъ, или, по крайней мѣрѣ, людей облагодѣтельсвованныхъ Прибауткой и чающихъ отъ него многихъ и разныхъ благъ, изображены передъ вами въ лицахъ (рис. 24). Великодушнаго помѣщика, который не попалъ въ уѣздные предводители и поклялся цѣлому собранію въ глаза, что впередъ ноги его не будетъ на выборахъ—этого помѣщика остановили на перепутьи разсыльные Прибаутки, предлагая ему съ одной стороны афишку, съ другой—цѣлую охапку билетовъ на выборъ. Тотъ, кому поручена раздача объявленій, сколько можно судить по лицу его, долженъ быть чиновникъ, не совсѣмъ благонадежный; и вотъ, вѣроятно, причина, по которой ему билетовъ

не повѣрили, а пустили на пристяжку къ другому, собственно съ афишками. Не желающій впредь балотироваться дворянинъ, кажется, не въ духѣ, и посылаетъ къ чорту всѣ билеты, концерты и самихъ разносчиковъ. Услужливый депутатъ не оскорбляется такою посылкою и вѣжливо упрашиваетъ взять хоть одну парочку билетовъ, ну, хоть въ долгъ, до предстоящей жатвы; неблагонадежный чиновникъ считалъ въ это

рис. 24.

время наизусть по пальцамъ, сколько штукъ будетъ разыграно, прибавляя изъ усердія отъ себя за каждымъ номеромъ одну арію и одну увертюру.

Самый длинный изъ всѣхъ вновь избранныхъ засѣдателей, принарядившись по случаю такого лестнаго порученія и довѣренности Прибаутки, сталъ на перекресткѣ, разведя руки крестомъ, остановилъ почтенную мать семейства съ двумя дочерьми, и, сказавъ:

«Смѣю ли, сударыня, прислужиться—отличный концертъ, и билетовъ не много осталось, всѣ разобраны», предлагаетъ по пачкѣ въ той и другой рукѣ. Мать, повидимому, находитъ этотъ способъ предложенія услугъ не совсѣмъ пріятнымъ, глядитъ довольно сурово и занесла уже руку свою, чтобы отодвинуть безъ околичностей руку навязчиваго щеголя и очистить себѣ и семейству своему такимъ образомъ дорогу. Впрочемъ, можетъ быть она ловкимъ движеніемъ руки надѣется повернуть крестъ на этой надолбѣ и пройти свободно, какъ привыкла дѣлать на прогулкахъ въ городскомъ саду, по дорожкѣ къ знаменитому храму славы. Дочери не смѣютъ, кажется, обнаружить вслухъ своихъ надеждъ и желаній; но одна обратила томный, умоляющій взоръ на грозное лицо матери, другая съ пріятной улыбкой удовольствія разсматриваетъ поднесенные билеты: «тамъ будутъ *всѣ*— какъ же намъ не быть?»

Если въ разсмотрѣнныхъ нами двухъ купахъ удачи и поживы разносчикамъ билетовъ будетъ не много, то въ третьей, поодаль отъ первыхъ, успѣхъ, кажется, вѣрнѣе: тамъ какой то усердный зубоскалъ взялся за дѣло очень просто и суетъ билеты прохожимъ въ карманы. Конечно, при этомъ еще политико-экономическій вопросъ о сборѣ недоимокъ — не разрѣшается; но, по крайней мѣрѣ, одна половина задачи рѣшена: билеты будутъ розданы. Не удивляйтесь, доброхотные читатели, такому свободному, короткому, пріятельскому обращенію сумбурцевъ между собою: въ Сумбурѣ процвѣтаютъ еще патріархальные обычаи, всѣ жители его свыклись между собою и пообтерли другъ о друга локти; тутъ всѣ свои.

Между тѣмъ, улица передъ домомъ Дворянскаго собранія была выметена, нарядъ двухъ конныхъ жандармовъ сдѣланъ и *для порядку* назначенъ самый благо-

видный изъ трехъ сумбурскихъ частныхъ приставовъ, а при немъ, собственно для *наружнаго* порядку—какъ выражался полиціймейстеръ—еще одинъ квартальный. Послѣдній явился за приказаніями къ распорядителю празднества, дворянскому предводителю, объяснилъ разныя предположенія свои насчетъ этого наружнаго порядку, увѣрялъ его въ усердіи своемъ и исправности, божился,, что пришелъ на тощакъ и до окончанія концерта ничего въ ротъ не возьметъ, и жаловался только на конныхъ помощниковъ своихъ, которые-де, кромѣ своего начальства, никого знать не хотятъ и даже не уважаютъ приказанія квартальнаго, притворяясь обыкновенно, будто сидятъ такъ высоко на лошадяхъ своихъ, что и не слышатъ, о чемъ ему толкуешь, а подбоченятся и, отворотивъ носъ, глядятъ спокойно въ другую сторону.

Домъ собранія былъ вычищенъ и вылощенъ, стулья запяты въ цѣломъ городѣ у обывателей, а передъ такъ называемыми хорами, для музыкантовъ, устроено особое возвышеніе для концертиста. Оркестръ принадлежалъ Прибауткѣ, и хотя, какъ поговаривали въ Сумбурѣ, нѣсколько разсохся въ продолженіе прошедшихъ неурожаевъ, но вмѣстѣ съ прошлогоднею обильною жатвою, вслѣдствіе которой и выписанъ былъ, какъ мы видѣли, капельмейстеръ Харитонъ Волковъ, оркестръ этотъ сталъ поправляться. Когда Волковъ собралъ подчиненныхъ своихъ въ первый разъ въ помѣстьяхъ Прибаутки, который самъ вздумалъ сдѣлать инспекторскій смотръ своей музыкѣ, то, говорятъ, будто изъ контрбаса, по первому удару смычка, выпорхнулъ воробей, а потомъ и другой—и стали летать по комнатѣ и чирикать; остальные-жъ шесть воробушковъ не могли вылетѣть, потому что еще не оперились. Контрбасъ, видите, пролежалъ на чердакѣ, во все время неурожаевъ, и воробьи въ немъ свили

гнѣздо. Увѣряютъ также, что въ одномъ изъ духовыхъ инструментовъ отыскано было мышиное гнѣздо; а самъ Харитонъ Волковъ разсказывалъ втихомолку другу своему, что духовая музыка Прибаутки: флейты, кларнеты, рожки, валторны и фаготы осыпали присутствовавшихъ на первомъ опытѣ перьями, пухомъ, пылью и паутиной, и что этою постороннею принадлежностію заволокло Божій свѣтъ, а затѣмъ послѣдовало всеобщее чиханіе и взаимное пожеланіе здравія. Но Харитонъ принялся очень усердно за устройство новой команды своей, забрилъ затылки всѣмъ тѣмъ, у коихъ отъ какого то природнаго недостатка каждая нота на духовыхъ инструментахъ выходила полутономъ выше или ниже, исключилъ также отличнаго нѣкогда скрипача, у котораго отъ чего то руки дрожали до того, что онъ не могъ болѣе попадать смычкомъ, куда ему хотѣлось—замѣнилъ бракъ этотъ молодыми парнями, на выборъ, и какъ русскій человѣкъ безотговорочно сдѣлается флейтщикомъ, коли ему велятъ играть на флейтѣ, скрипачемъ, коли велятъ быть скрипачемъ, плотникомъ, столяромъ, портнымъ, стекольщикомъ—если прикажутъ быть мастеровымъ, то Харитонъ Волковъ и набралъ въ самое короткое время полный числомъ оркестръ, приказалъ вытрясти изъ инструментовъ пухъ, перья, паутину, воробьиныя и мышиныя гнѣзда, и дѣло было въ порядкѣ.

Но время въ Сумбурѣ бѣжитъ скоро, особенно въ такую годину, когда всѣ въ хлопотахъ, въ заботахъ; оно тогда только тянулось медленно и лѣниво, когда на сумбурцевъ находила холера, скука, то есть когда въ городѣ внезапно недоставало картъ, а почталіонъ, которому со стороны мѣстнаго начальства было поручено привезти нѣсколько дюжинъ колодъ изъ Москвы, ожидался по ходу почты не прежде четверга, къ тремъ часамъ пополудни. Въ такое отчаянное время припо-

минали сумбурцы необыкновенные случаи виста, преферанса и бостона, случаи, встрѣчавшіеся тогда, когда сумбурцы жили въ изобиліи, и среди исполненія благотворительныхъ обязанностей своихъ не встрѣчали никакихъ препятствій; стоило только закричать:—человѣкъ, столъ и карты!—и все было готово. Въ глухую пору описаннаго выше недостатка, жили они воспоминаніями и, утѣшая другъ друга теплой надеждой на будущее, говаривали: «Что, братъ, плохо? струменту нѣтъ? Погоди, вотъ въ четвергъ сядемъ за аматёрскую, удвоимъ кушъ, и ужъ натѣшимся! А помнишь ли ты, злодѣй, королемъ срѣзалъ дамочку мою, а? о, злокозненный, злокачественный, подвелъ, какъ пить далъ, подвелъ»!

Но я хотѣлъ было только сказать, что время обыкновенно летѣло скоро въ Сумбурѣ, и роковой день насталъ прежде, чѣмъ разсыльные наши успѣли раздать довѣренные каждому изъ нихъ билеты. Какъ быть? Прибаутка взялся разъ быть покровителемъ концерта, жертвуетъ съ своей стороны сумму на освѣщеніе и другіе расходы: надобно постоять за себя и показать выручку, достойную такого высокаго покровительства. Для этого немедленно приняты были въ составъ ходебщиковъ или разносчиковъ *любители*, народъ ретивый и готовый на все, лишь бы только показать, до какой степени жертвуютъ они собою для славы и чести одушевляющаго ихъ искусства (рис. 25). Къ числу этой западной силы принадлежалъ и грозный мужъ, который въ изступленіи своемъ лѣвою рукою предлагаетъ билеты, а правою приставилъ пистолетъ въ упоръ къ груди отставного маіора. Бѣдный старикъ, покинувъ часть своего остова подъ Бородинымъ или Малымъ-Ярославцемъ, сколько ни пялитъ глазъ своихъ отъ изумленія и страха, не замѣчаетъ, однакоже, повидимому, въ какомъ безнадежномъ положеніи грозъ-

ное орудіе изступленнаго любителя музыки. А если бы отчаянный поборникъ концерта всадилъ бѣдному

рис. 25.

старику, ни съ того ни съ сего, пулю въ лобъ, то этотъ могъ бы разсказать на томъ свѣтѣ, что битва на улицахъ Сумбура за билеты была очень жарка. Но кто же любитель этотъ, рѣшившійся на такое крайнее средство, противное всѣмъ правамъ человѣчества, полицейскому уложенію и даже здравому смыслу? Это, почтенные читатели, человѣкъ, у котораго послѣдняго то и недостаетъ вовсе: это сумбурскій поборникъ наукъ, искусствъ и художествъ, который только въ прохладные дни позволяетъ шутить надъ собой, и преподаетъ, какъ мы сказывали, въ это время всѣ науки комкомъ, предоставляя понятливымъ ученикамъ своимъ разматывать клубокъ этотъ, подбирать

обрывки нитокъ и связывать, что́ куда слѣдуетъ; въ жаркій іюльскій день, какъ сегодня, напримѣръ, жена обыкновенно запираетъ его въ чуланъ и ставитъ ему ѣсть, когда онъ засыпаетъ. Это сумасшедшій бакалавръ. Итакъ, не мудрено, что онъ, ушедши какъ то изъ подъ опеки бѣдной хозяйки своей и попавши въ шайку любителей, взялся за дѣло съ такимъ усердіемъ, что, закусивъ губу, грозитъ положить на мѣстѣ отставного маіора, если этотъ не возьметъ билета. Обстоятельство это по себѣ не важно и послѣдствій никакихъ не имѣло; но мы не хотѣли упустить случая познакомить читателя лицомъ къ лицу съ сумбурскимъ ученымъ и учителемъ (въ прохладные дни) всѣхъ наукъ.

Но между тѣмъ какъ мы съ вами взглянули на то, что́ дѣлается въ улицахъ Сумбура, какъ идутъ концертные билеты и какъ за нихъ страждетъ человѣчество, вечеръ насталъ, и съѣздъ начался. Въ такую торжественную минуту Сумбуръ нашъ почти походилъ на столицу, а крику, шуму и стуку было едва ли не больше, чѣмъ на съѣздѣ къ Александринскому театру. Въ столицѣ при подобныхъ съѣздахъ всѣ равны, очередь даетъ порядокъ; я не знаю, чья карета ѣдетъ впереди меня, чья позади, да и знать не хочу; въ Сумбурѣ, напротивъ, кучера и выносные были пріучены смолоду къ должному чинопочитанію; пріучены не пускать впередъ того, кто меньше по чину или мѣсту, и не дожидаться у подъѣзда, покуда одно семейство выйдетъ изъ кареты — если только сзади наѣзжалъ старшій,—а гнать и давить всѣхъ безъ остановки. Вотъ почему и раздавались у подъѣзда безпрерывные крики и ругательства: «пошелъ прочь, ты, чего стоишь! Проѣзжай, ты, проѣзжай! не видишь что ли, чья коляска?» и прочее. Нерѣдко, коли голосъ кучера и лакея не помогалъ, сами господа вмѣшива-

лись въ этотъ разговоръ, что̀ еще больше разнообразило бесѣду у подъѣзда.

Зала освѣщена, слушатели собираются; блескъ, наряды, шали, прически, шляпки, блонды, серьги, подвѣски, чепцы,—все снесено было на этотъ вечеръ въ одно мѣсто, въ залу Благороднаго собранія, которой нѣмыя стѣны уже столько разъ на вѣку своемъ были нѣмыми свидѣтелями безконечнаго блеска, щегольства и роскоши въ нарядахъ сумбурскихъ барынь. Помѣщики всей губерніи, по случаю ярмарки, съѣхались въ Сумбуръ, и волею-неволею явились на концертъ, съ фамиліею и семействомъ. Фамилія означаетъ тамъ собственно супругу, и вотъ почему одинъ заѣзжій на чужбину сумбурецъ, на лаконическій вопросъ генералъ-губернатора: «Фамилія ваша?», отвѣчалъ простодушно: «осталась въ Сумбурѣ, ваше сіятельство.» Чиновники бо̀льшею частію брали билеты въ долгъ, а купцы за наличныя деньги. Зала наполнилась, служитель порядка стоялъ на своемъ мѣстѣ, у боковыхъ дверей, впереди слушателей, а концертиста нѣтъ: видно, немного замѣшкался; вотъ, вотъ идетъ.—Начинайте съ Богомъ,—сказалъ Прибаутка,—играйте что̀ нибудь: вѣдь и моихъ музыкантовъ можно послушать.—Волковъ подумалъ — и скомандовалъ сверхштатную увертюру, чтобы занять слушателей до пріѣзда Віольдамура. Оркестръ Прибаутки настроилъ скрипки, потеръ смычки канифолью; Харитонъ Волковъ вышелъ, подалъ знакъ—увертюра шумно раздалась; Харитонъ зачастилъ рукою, удары волшебнаго жезла посыпались чаще и чаще, голова кивала, носокъ лѣвой ноги слегка слѣдовалъ этому движенію, пальцы свободной руки также; отрывисто черкнули смычки въ послѣдній разъ по всѣмъ струнамъ, и увертюра кончена. Віольдамуру давно пора выходить на свой амвонъ, пора запѣвать на удивленіе людей чудесную арію, ко-

торая поставлена была, настояніемъ Волкова, во главу концерта.

Но бѣдный Віольдамуръ былъ въ эту минуту въ самомъ жалкомъ положеніи. Разодѣвшись въ пухъ, какъ слѣдуетъ свѣтскому артисту, знающему долгъ свой, онъ сидѣлъ еще дома, въ шелковыхъ чулочкахъ и дамскихъ башмачкахъ, и ждалъ, чтобы покровитель его, Прибаутка, прислалъ за нимъ свою карету. Такъ обѣщалъ Прибаутка, и думалъ сдержать слово; но вышло иначе: онъ захлопотался, забылъ, что концертистъ ждетъ кареты его и, сидя какъ на жаровнѣ, вертѣлся и безпокоился о томъ, что Христіана еще нѣтъ.

Между тѣмъ Христіанъ, прождавъ до послѣдней возможности и взглянувъ съ отчаяньемъ на часы, долженъ былъ отправиться на концертъ пѣшкомъ, и еще бѣгомъ, да въ припрыжку, чтобы не опоздать. Вечеръ былъ прохладный, воздухъ сыроватъ, а виртоузъ, одѣтый щегольски нараспашку, въ короткихъ панталонахъ, выскочилъ и побѣжалъ впопыхахъ безъ плаща. Ноги, по самыя колѣни, ему такъ и обдало холодомъ и сыростью; но онъ не обращалъ на это вниманія, а спѣшилъ въ концертъ.

Прибѣжавъ съ разгорѣвшимся лицомъ и съ холодными ногами, Віольдамуръ, какъ только вошелъ въ теплую, ярко освѣщенную залу, чихнулъ—ступилъ шагъ и чихнулъ снова; утеръ лицо платкомъ и сталъ искать глазами Волкова—и опять чихнулъ трижды сряду и не могъ ни шагнуть, ни ступить, ни оглянуться, чтобы не чихнуть; глаза заплыли слезой, носъ залегъ, горло зудѣло—словомъ, шелковые чулочки въ прохладный вечерокъ дорого стали бѣдному Христіану; онъ хотѣлъ что то сказать и чихнулъ снова; тутъ на бѣду еще поднесли ему понюхать какого то губернскаго косметикъ, отъ котораго и здоровый носъ

можетъ быть зачихался бы до обморока; а вслѣдъ затѣмъ кто то, думая пособить горю, поднесъ концертисту табаку, увѣряя, что насморкъ отъ этого пройдетъ. Віольдамуръ, вошедши въ это время на помостъ музыкантовъ, между тѣмъ какъ Волковъ стоялъ въ томительномъ напряженіи впереди и ожидалъ знака, чтобы ударить смычкомъ—бѣдный Віольдамуръ чихнулъ такъ, что едва устоялъ на ногахъ и махнулъ рукой, въ которой держалъ платокъ, выше головы своей; Харитонъ Волковъ принялъ это за условный знакъ начать увертюру, ударилъ жезломъ своимъ по партитурѣ—и шумный оркестръ ударилъ въ смычки; заревѣли басы, залились скрипки, флейты и кларнеты—и не успѣлъ еще Віольдамуръ нашъ опомниться, какъ увертюра кончилась, а ему пора, и крайне пора запѣвать свою арію.

Если десятка два или три различныхъ музыкальныхъ снарядовъ на разладѣ заглушали доселѣ многократное: а-чхи! несчастнаго виртуоза, то онъ, напротивъ, лишась внезапно этой защиты и покровительства, вслѣдъ за окончаніемъ увертюры, при всеобщей тишинѣ и ожиданіи, разразился снова въ глубинѣ оркестра исполинскимъ а-а-чхи! въ полное всеуслышаніе. Зрители и слушатели на этотъ разъ привѣтствовали такое неожиданное заключеніе увертюры громкимъ хохотомъ; губернаторъ поморщился, а Прибаутка въ какихъ то суетахъ, глупо улыбаясь, пялилъ глаза, стараясь проникнуть сквозь густую толпу музыкантовъ своихъ до самого чихателя, стоявшаго еще позади оркестра.

Но Христіану дѣваться некуда, люди съѣхались и ждутъ; надо выходить и запѣвать бравурную арію (Рис. 26). Скрѣпивъ сердце, онъ вышелъ, поклонился и вмѣстѣ съ поклономъ опять грянулъ, какъ изъ карманнаго пистолета: чхи! такъ что, по близости пуб-

лики, этимъ ударомъ нагналъ страхъ на первые ряды креселъ. Харитонъ Волковъ, желая заглушить эти

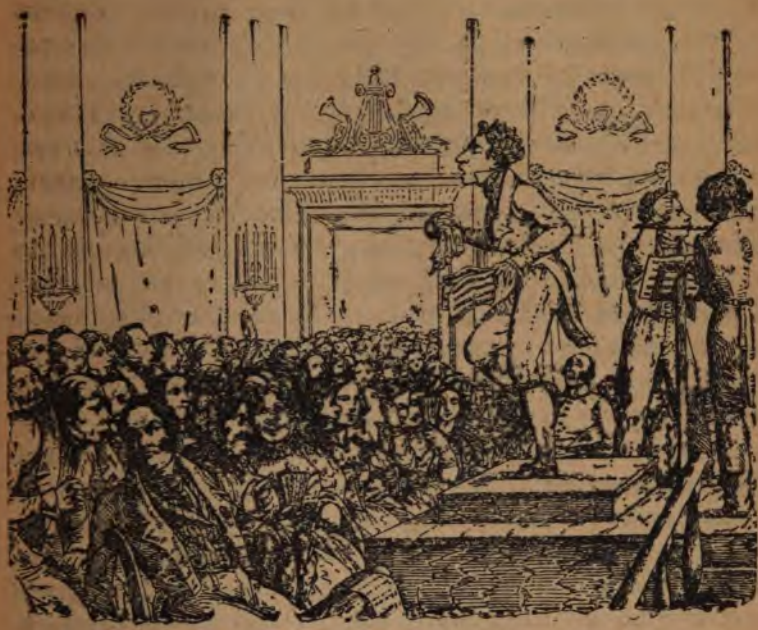


рис. 26.

неумѣстныя междометія и вывести артиста изъ томительнаго положенія, поднялъ волшебный жезлъ свой, оркестръ опять ударилъ въ смычки, и коротенькое вступленіе въ арію было кончено прежде, чѣмъ пѣвецъ успѣлъ выхватить снова платокъ изъ кармана. Чхи—и—чхи,—чхи—только и слышало собравшееся общество, какъ будто въ этихъ носовыхъ и гортанныхъ звукахъ заключалась вся арія несчастнаго пѣвца, и будто городъ собрался только послушать, какъ онъ мастерски чихаетъ.

«Это, однакоже, ни на что не похоже», — сказалъ губернаторъ сидѣвшему за нимъ Прибауткѣ; а Прибаутка, ни живъ и ни мертвъ, и самъ не зналъ, какое прибрать извиненіе и оправданіе, и проклиналъ всю затѣю, которую ни за что ни про что взялъ на свою лысую голову. Прокурорская теща, сидѣвшая подлѣ губернатора, въ первомъ ряду, моргала усиками, и забавно шевелила бородкой, которою судьба ее надѣлила; нѣкоторыя дамы, сидѣвшія въ самой срединѣ, въ первомъ ряду, считали не излишнимъ прибѣгнуть, для бо́льшей безопасности, къ защитѣ вѣеровъ своихъ и платочковъ. Господинъ неизвѣстный стоялъ преспокойно среди суматохи этой и, казалось, не принималъ въ ней никакого участія; онъ ожидалъ только конца, чтобы распить, по обѣту, дюжину шампанскаго у Віольдамура—и того же мнѣнія, кажется, самый длинный изъ всѣхъ засѣдателей, раздававшій съ такимъ усердіемъ билеты; онъ стоитъ за неизвѣстнымъ и не безъ удовольствія улыбается. Тутъ же видите француза, неблагонадежнаго чиновника и товарища его—а если угодно взглянуть подъ Харитона Волкова, то также узнаете того, который разсовывалъ билеты по карманамъ. Но между тѣмъ короткая пѣснь эта—чихъ да чихъ показалась многимъ слишкомъ долгою; раздался по залѣ шопотъ и жужжаніе, потомъ го́воръ, наконецъ, и хохотъ—толпа тутъ и тамъ зашевелилась, въ дверяхъ показалось движеніе, одинъ за другимъ выходили, и въ передней, при растворенныхъ въ залу дверяхъ, раздавался уже громкій хохотъ, крикъ, шумъ, насмѣшки и весьма не лестные для виртоуза возгласы. Бѣдный Віольдамуръ потерялся, выбился изъ силъ и изъ ума, быстро обратился назадъ и, чихнувъ снова, полетѣлъ было кубаремъ со ступенекъ своего помоста, безъ памяти очутился позади оркестра, объявилъ отчаяннымъ голосомъ, что не можетъ ни пѣть, ни

играть—и Харитонъ Волковъ принужденъ былъ выйти впередъ и объявить томнымъ голосомъ, что другъ его внезапно захворалъ и продолжать концерта не въ состояніи. Слушатели зашумѣли, прохлопали одобрительно въ ладоши, кричали: фора, и двинулись изъ залы; одинъ только безстрастный служитель порядка выстоялъ до конца въ безсмѣнномъ должностномъ положеніи своемъ у выхода — и на сотни вопросовъ: что̀ это значитъ? что̀ такое? что̀ съ нимъ сдѣлалось? на вопросы эти, которые сыпались на всякаго и со всѣхъ сторонъ — былъ только одинъ, короткій, но выразительный отвѣтъ, раздавшійся изъ отдаленнаго угла залы, позади оркестра, а именно: отчаянное а-а-чхи! несчастнаго концертиста, на котораго напала неодолимая чихалка.

— Въ какое положеніе поставилъ меня сорванецъ твой, — напустился Прибаутка на Харитона Волкова, своего капельмейстера:—въ какое положеніе поставилъ онъ меня передъ обществомъ; но что̀ мнѣ общество, свѣтилъ бы мнѣ ясенъ мѣсяцъ: я по звѣздамъ коломъ бью; въ какое положеніе, говорю, поставилъ онъ меня, сударь, передъ *самимъ* его превосходительствомъ, передъ многоуважаемымъ нами губернаторомъ! Это, тово, это просто ни на что не похоже, это изъ рукъ вонъ, то есть эта прибаутка ни куда не годится... Съ моимъ удовольствіемъ проигралъ бы я двѣнадцать роберовъ сряду: по крайней мѣрѣ, это бы никому не было обидно, это не предосудительное дѣло, — а это что̀? это какова прибаутка? а?

— Да вы вѣдь сами этому виноваты,—началъ Волковъ, заступаясь великодушно за товарища своего:— помилуйте, вы обѣщались прислать за нимъ карету: я ничего объ этомъ не зналъ, и спокойно занялся оркестромъ; вы позабыли, покинули его, и онъ долженъ былъ бѣжать почти босикомъ, съ другого конца города; вы

знаете, Степанъ Степановичъ, что онъ живетъ у Кляневыхъ; тутъ не мудрено простудиться и прибѣжать съ насморкомъ...

— Непростительно, сударь, говорю я вамъ: непростительно, и нѣтъ никакихъ отговорокъ; должно имѣть уваженіе къ такой высокой особѣ... А вы, вы что? Вы за него же заступаетесь, вы—а? это что за прибаутка? Вы, сударь, мой хлѣбъ ѣдите, безъ попреку вамъ будь сказано; да, мой хлѣбъ ѣдите, а гнете на чужую сторону; продать что ли вы меня хотите?

Харитонъ вспыхнулъ, разгорячился и наговорилъ покровителю своему то, чего и самъ послѣ не помнилъ и чего тотъ, къ счастью, на половину не разслышалъ и не разобралъ, потому что самъ былъ внѣ себя, старался перекричать его, и, наконецъ, хлопнувъ за собою дверью, ушелъ. Харитонъ остался на чужомъ пиру съ похмелья, самъ не понимая, что съ нимъ сталось, и что ему теперь дѣлать.

Надобно знать, что губернаторъ, при отъѣздѣ изъ собранія, когда Прибаутка провожалъ его будто изъ своего дома, сказалъ ему шутя, но при сторонникъ людяхъ: «Должно, однакоже, признаться, Степанъ Степановичъ, что вы мастерски умѣете устроить все, за что ни возьметесь!» Прибаутка былъ въ совершенномъ отчаяніи; этого онъ проглотить не могъ—такъ вотъ и стало поперекъ горла. Прибаутка былъ суетливъ только отъ желанія услужить всякому, сдѣлать всѣмъ угодное; а неосторожное выраженіе относительно мѣсяца и звѣздъ могло сорваться у него съ языка развѣ только въ такую отчаянную минуту. Онъ былъ крикливъ и очень храбръ—какъ истинно доблестный мужъ—только въ чистомъ полѣ, то есть на заячьей травлѣ; впрочемъ же, хотя языкъ у него и разгуливалъ не на привязи, а на свободѣ, но онъ говорилъ всегда только пріятное другимъ, особенно начальству,

и даже нерѣдко, въ присутствіи очень уважительныхъ особъ, изъяснялся не иначе, какъ шопотомъ. Такая была у него счастливая натура, какъ онъ выражался, и поэтому легко можно себѣ представить, сколько безпокоила его неудача концерта, въ какомъ разладѣ несчастіе это было со счастливою его натурой!

Сумбурцы и сами по себѣ, по тѣлосложенію своему, были довольно склонны къ негодованію, и, уподобляясь нѣкоторымъ образомъ знаменитой породѣ птицъ, которая, если вѣрить народному преданію, удостоилась чести попадать иногда во французскіе супы 1812 года—сумбурцы наши, говорю, охотнѣе всего заклевывали лежачаго, кого судьба или бѣда уже свалила съ ногъ; поэтому не мудрено, что они ужасались съ большимъ усердіемъ, и на перехватъ разсказывали въ этотъ же вечеръ и на другой день тьму предосудительныхъ подробностей о житьѣ-бытьѣ бѣднаго Христіана. Откуда-жъ эти вѣсти явились въ такой скорости, и какимъ образомъ разразились онѣ надъ человѣкомъ, о которомъ до этого говорили одно только добро, которымъ не могли натѣшиться, нарадоваться и надивиться? Откуда вѣсти эти, спрóсите вы? Мудрено, доброхотные читатели, показать вамъ все это документально и фундаментально; позорный временникъ Сумбура составлялся какъ то самъ собою, изрѣдка только замѣтны были чьи-нибудь особенные труды—и сочинители, изъ скромности, не выставляли подъ статьями своихъ именъ. Изустный листокъ этотъ леталъ скорѣе голубиной почты, изъ двери въ дверь, изъ окна въ окно—возвращался по нѣскольку разъ къ хозяину своему съ приписью, отмѣтками и поясненіями—и горе смертному, надъ которымъ эта стая знаменитой породы пернатыхъ единогласно прокаркаетъ столь пріятный и всѣмъ знакомый припѣвъ свой—тутъ хоть смѣйся, хоть плачь, хоть сердись,

хоть оправдывайся, хоть, пожалуй, по носу ударь щелчкомъ наянливую вѣщунью,—всё одно; будь благонадеженъ, ты у нихъ въ дуракахъ. Тутъ рѣчь не о томъ, виноватъ ли ты, не виноватъ; что́ имъ до твоей вины!—Вотъ, напримѣръ, подвижная копна, Клячевъ, хозяинъ дома, гдѣ живетъ Віольдамуръ: просто воръ и мошенникъ, если не разбойникъ; вы услышите иногда даже въ Сумбурѣ, что это постыдное дѣло, за которое-де Богъ и государь когда-нибудь накажутъ; но этимъ все оканчивается, и Клячеву отворены всѣ ворота и двери, его встрѣчаютъ съ улыбкою, подаютъ ему руку, ожидаютъ въ одинъ и тотъ же вечеръ въ трехъ домахъ на вистъ. Заглазно скажутъ иногда словцо, другое не въ пользу его; кто нибудь замѣтитъ, что это уже дѣло *извѣстное* и объ этомъ толковать нечего, это не *новость*; но житью-бытью Клячева это не вредитъ, онъ всё тотъ же, и шумныхъ разговоровъ, жаркихъ преній объ немъ въ городѣ не бываетъ. А если, Боже упаси, молодой человѣкъ не пойдетъ прямо и безъ оглядки въ брачныя тенета, обнюхаетъ ихъ сперва и выйдетъ лицомъ къ лицу на загонщиковъ; или въ крайности пойдетъ на проломъ и изорветъ снасти если затронетъ, въ случаѣ, смѣшную и слабую сторону сумбурцевъ, назоветъ глупость, пошлость и подлость такъ, какъ она тутъ напечатана; если по винѣ или безъ вины своей оступится на скользкомъ, лощеномъ паркетѣ условныхъ свѣтскихъ приличій и сумбурскихъ обычаевъ—тогда кончено все; за ауканьемъ и гагаканьемъ голосу не услышишь ни чужого ни своего—и Клячевъ, въ сравненіи съ вами, выйдетъ праведникъ.

Въ отчаянномъ расположеніи Христіанъ прибѣжалъ домой; онъ привѣтствовалъ на этомъ перепутьи объѣзжающія его дрожки и коляски рѣзкимъ и звучнымъ: а-чхи! и этимъ же самымъ восклицаніемъ вызвалъ

испитого, соннаго Сеньку своего изъ-за перегородки, куда этотъ забрался было всхрапнутъ заблаговременно, надѣясь на продолжительное отсутствіе своего барина. Не удивляйтесь, мимоходомъ сказать, питейнымъ качествамъ наемнаго наперстника Віольдамура: въ губерніяхъ у насъ нѣтъ другихъ; все барскіе отпущенники, либо оброчники, и все это радѣетъ свыше средствъ и способовъ своихъ болѣе о питіи, чѣмъ о яствахъ. Послѣднее не уйдетъ; извѣстно, что у насъ въ Россіи никто не просиживалъ и одного дня безъ хлѣба; объ немъ стало быть и заботиться нечего, а все стараніе, всѣ заботы обращаются на питейное.

Віольдамуръ прогналъ ненавистнаго ему—особенно въ эту минуту—домочадца; Сенька спокойно удалился въ переднюю за перегородку и, не говоря ни слова, началъ тамъ сопѣть, вздыхать, зѣвать и сморкаться болѣе, чѣмъ вслухъ (рис. 27). Віольдамуръ сорвалъ съ себя шинель, фракъ, галстукъ—все, все, и разбросалъ по всему полу; ноты, попавшіяся ему подъ руку, изорвалъ, и сѣлъ въ самомъ жалкомъ, несчастномъ видѣ, съ причесанной головой своей и въ глазетовыхъ перчаткахъ. Аршетъ его не утѣшалъ, а нечаянный взглядъ на корзину съ шампанскимъ, приготовленнымъ еще въ счастливые часы надеждъ на блистательный успѣхъ концерта, который предполагалось запить въ шумномъ, дружескомъ кругу—одинъ взглядъ на корзину эту обдавалъ его варомъ и разливалъ горячую желчь по всѣмъ жиламъ.

Между тѣмъ, однакоже, добрые пріятели, принимавшіе столько участія въ устройствѣ этого вечера и въ раздачѣ билетовъ, никакъ не думали, чтобы приглашеніе выпить стаканъ шампанскаго послѣ концерта могло быть отмѣнено; они знали, что вино уже приготовлено, и полагали, что распить бутылки съ горя

будетъ не менѣе основательно, какъ сдѣлать это съ радости Они явились, подлинно провѣдать, какъ объ-

рис. 27.

яснялись, больного. Не пришелъ одинъ только Волковъ; онъ былъ сердитъ на неудачу, на сомнительное положеніе, въ которое поставилъ себя относительно Прибаутки, и подумалъ, наконецъ, сдѣлавшись хладнокровнѣе: — Чортъ мнѣ навязалъ этого сумасброднаго нѣмца и съ чи́халкой его! Я давно уже замѣчаю, что онъ зазнаётся; вотъ ему подѣломъ и наука; да я то за что́ попался?

Вошелъ къ нашему концертисту французъ—и разсы́пался въ сожалѣніяхъ, въ пожеланіяхъ, соболѣзнованіяхъ, и то и дѣло суесловилъ на этомъ лощеномъ языкѣ; хлопалъ отъ участія руками и утѣшалъ нѣмого артиста кучей анекдотовъ, подобранныхъ къ этому слу-

чаю. Христіанъ молчалъ и ничего не слышалъ. Вошелъ Мокріевичъ-Хламко-Нагольный и истощалъ все краснорѣчіе свое въ неукротимомъ порывѣ души и потокѣ словъ, желая только доказать, что онъ все это предвидѣлъ, предугадывалъ, предчувствовалъ. Больше онъ не заботился ни о чемъ; онъ пришелъ только, чтобы воспѣть самымъ вдохновеннымъ образомъ прозорливость свою, вѣрное чувство, которое предвкушаетъ всякую бѣду. Вошелъ господинъ неизвѣстный и обратилъ молча вниманіе свое на безпорядокъ въ комнатѣ; онъ поднялъ шинель Христіана, встряхнулъ ее и повѣсилъ; поднялъ фракъ и спросилъ: «у кого вы брали пуговицы?» а не получивъ никакого отвѣту, положилъ его на стулъ и принялся, не торопясь, прибирать все остальное. Полагая, что онъ за такую услугу можетъ наградить себя чѣмъ-нибудь, неизвѣстный отправился молча къ знакомому ему скрипичному футляру, нашелъ, чего искалъ, и, закуривъ сигарку, сѣлъ преспокойно въ уголъ; поднялъ носъ, уставилъ глаза въ потолокъ и сдѣлался весьма доволенъ своимъ положеніемъ. Для перемѣны обращалъ онъ безмятежные, не скорбящіе и не желающіе взоры свои довольно хладнокровно на корзину съ шампанскимъ. Вошли, наконецъ, и другіе пріятели а Христіанъ глядѣлъ и не видѣлъ, сидѣлъ полураздѣтый, со спущенными чулками, уставивъ дикій взоръ свой на колѣни.

Между тѣмъ разговоръ гостей становился постепенно громче и шумнѣе, утѣшенія въ родѣ слѣдующаго: «э, что́, братецъ, плюнь; дери ихъ горой!» сыпались со всѣхъ сторонъ; требованія забыть прошлое и повеселиться — дѣлались настоятельнѣе; наконецъ, французъ рѣшился принять на себя должность хозяина и выручить его изъ дураковъ: французъ принялся раскупоривать шампанское. Неизвѣстный, каза-

лось, только этого и ждалъ; въ ту минуту явился онъ на помощь и, не говоря ни слова, принялся привычною рукой обивать смолу и снимать проволоку со всѣхъ бутылокъ. Выпили за здоровье хозяина, принудили его, хотя и не безъ труда, отвѣчать тѣмъ же, и если Христіанъ не скоро рѣшился выпить первый стаканъ, то тѣмъ скорѣе и охотнѣе приступалъ къ слѣдующимъ. Наконецъ, онъ пропѣлъ и разыгралъ пріятелямъ весь концертъ свой, потомъ уже самъ не помнилъ, какимъ образомъ проводилъ ихъ и какъ улегся на кровать; а когда Сенька, проснувшись за перегородкой своей отъ внезапной тишины, сталъ перебирать и прикидывать на свѣтъ поочередно всѣ бутылки, сколько ихъ было на столѣ и подъ столомъ — то плюнулъ, наконецъ, и сказалъ сиплымъ, соннымъ басомъ: «экіе водопьяницы: хоть бы каплю гдѣ оставили!»

Пріятели Христіана всѣ дошли домой на своихъ ногахъ, но въ различномъ расположеніи духа: французъ вошелъ припѣваючи во флигелёкъ свой, гдѣ жилъ вмѣстѣ съ Волковымъ, разбудилъ его и убаюкалъ своими пошлыми разсказами; Хламко-Нагольный долго оборонялся на улицѣ отъ собакъ, раздразнилъ ихъ до того, что онѣ, заливаясь отчаяннымъ лаемъ, вызвали къ себѣ на подмогу всѣхъ собратовъ своихъ изъ цѣлаго города; Мокріевичъ началъ стучать изо всѣхъ силъ въ ближайшія зеленыя ставеньки и звать на помощь, напугалъ хозяевъ, разбранился съ кучеромъ, который вышелъ изъ воротъ; а потомъ онъ долго еще бушевалъ подъ окнами, разсуждая про себя вслухъ. Неизвѣстный остался вѣренъ себѣ, непоколебимъ, въ самодовольномъ молчаніи своемъ, и дышалъ только тяжеле обыкновеннаго; изъ прочихъ же собесѣдниковъ, одинъ, пришедши домой, прибилъ своего человѣка; другой сдѣлался чрезвычайно недоволенъ

квартирой своей, непремѣнно хотѣлъ лѣзть разсчитываться съ хозяиномъ—не забудьте, что время было далеко за-полночь — и настойчиво посылалъ Ваську отыскивать другое жильё.

Христіанъ видѣлъ какой то тяжелый сонъ; огромная освѣщенная зала, тьма слушателей; онъ старательно и съ какимъ то необыкновеннымъ усиліемъ играетъ на скрипкѣ—а между тѣмъ его тѣснитъ сбоку несносный турецкій барабанъ, въ который колотитъ отецъ Волкова; стукъ подъ самое ухо нестерпимый, да сверхъ того барабанъ нажимаетъ Віольдамура всё ближе да сильнѣе, не даетъ ему свободы для праваго локтя и, наконецъ, Волковъ, стуча съ какимъ то шаманскимъ остервенѣніемъ безъ ладу и мѣры, промахнулся кистенемъ и ударилъ Віольдамура со всего размаху прямо въ животъ.. Весь въ поту просыпается бѣднякъ, насилу перевелъ духъ и видитъ, что у него на животѣ лежитъ довольно толстая нотная книга, а передъ нимъ, съ протянутыми къ полочкѣ надъ кроватью руками и съ какой то пошлой рожей, стоитъ Семенъ. Семену понадобился очень кстати, и при томъ среди бѣлаго дня, подсвѣчникъ, стоявшій въ числѣ разныхъ принадлежностей на этой полкѣ; Семенъ полѣзъ за нимъ, началъ рыться и уронилъ, наконецъ, твореніе Моцарта, въ толстомъ кожаномъ переплетѣ, на спящаго барина своего.

Позвольте, любознательные читатели, по этому поводу маленькое отступленіе. Какимъ образомъ случается такъ часто, что какой-нибудь шумъ, стукъ, отъ котораго мы внезапно просыпаемся, до такой степени вяжется съ длиннымъ и обстоятельнымъ сномъ, будто стукъ этотъ былъ подготовленъ и приноровленъ именно къ тому мгновенію, когда грезы ваши дошли до самой развязки? Какъ объяснить, напримѣръ, цѣлый сонъ Віольдамура, будто составленный только для

того, чтобы приноровить къ нему во снѣ то, что Сенькѣ заблагоразсудилось сдѣлать наяву, хоть и съ похмелья, и какимъ образомъ ударъ палкою во снѣ пришелся въ одно и то же мгновеніе съ ударомъ наяву?

Христіанъ едва могъ опомниться и глядѣлъ на Семена во всѣ глаза въ какомъ то недоумѣніи, а Семенъ принялъ книгу и глядѣлъ очень глупо исподлобья на барина.—Который часъ?—спросилъ этотъ.—Одиннадцатый, сударь.

Віольдамуръ всталъ, началъ припоминать вчерашнее—рѣшительно не зналъ, куда отъ тоски дѣваться, и, наконецъ, вспомнилъ, что у него сегодня урокъ, и еще какой урокъ! одѣлся и пошелъ, съ тѣмъ, чтобы зайти также къ Волкову, съ которымъ разстался вчера вечеромъ на подмосткахъ оркестра.

Пошелъ, и со стѣсненнымъ сердцемъ взялся за ручку той самой двери, къ которой никогда не могъ подойти безъ особеннаго бою сердца, безъ страху или надежды, сомнѣнія или увѣренности. Отворяетъ дверь—говорятъ, нѣтъ дома.—Какъ?—подумалъ онъ—Настеньки Травянкиной нѣтъ дома, когда я прихожу въ урочный часъ, когда, бывало, меня не дождутся, и въ окнѣ уже встрѣчаетъ художника, кивая, кругленькая головка? Отчего же это случается именно сегодня — въ первый разъ со времени начала уроковъ — сегодня, когда мнѣ дружеское участіе ея такъ необходимо, когда одинъ взглядъ, одно словечко могло бы.... — Можетъ быть скоро будутъ? — спросилъ онъ огромнаго верзилу, который стоялъ передъ нимъ заставой, ухватившись одной рукой за полурастворенную дверь, а другою за косякъ. — Не могу знать, — отвѣчалъ тотъ:—ничего не сказали.

Віольдамуръ пошелъ, повѣсивъ носъ, то нѣжно задумываясь, то вспыхивая негодованіемъ.... смотритъ

впередъ—такъ, это она: она идетъ съ матерью, точно, она, вотъ и казачокъ за нею! (рис. 28) Прибавивъ шагу, Христіанъ въ одну минуту нагоняетъ предметъ своихъ мученій и, кланяясь вѣжливо, не въ силахъ скрыть недоумѣнія своего и безпокойства. Но посмотрѣли-бъ вы на него въ ту минуту, когда онъ, надѣясь встрѣтить веселенькое и благосклонное привѣт-

рис. 28.

ствіе, котораго онъ ждалъ какъ глотка воды, остановился въ испугѣ, какъ истуканъ, противъ столь знакомаго и милаго ему личика, которое приняло невиданное доселѣ выраженіе! Настенька или не узнаетъ его, или съ трудомъ припоминаетъ, что гдѣ то и когда то видѣла, или, наконецъ, это вовсе не она; глаза прищурились, губки вздернулись — она взглянула въ полоборота и сдѣлала какое то движеніе рукой, будто

опасалась навязчивой близости своего прежняго друга: маменька улыбается на все это одобрительно и продолжаетъ путь, принявъ нѣсколько въ сторону отъ другого, не менѣе навязчиваго прохожаго, который забѣжалъ навстрѣчу и, вспоминая, какъ его, бывало, кормили за чаемъ кренделями, присѣлъ на плитнякъ служить, и сидитъ смирно, какъ надолба. Бѣдный Христіанъ сталъ втупикъ и одурѣлъ окончательно; онъ не сумѣлъ надѣть шляпы своей на голову, а, простоявъ нѣсколько минутъ неподвижно въ такомъ положеніи, какъ захватилъ его врасплохъ ледяной взглядъ Настеньки, ударилъ себя раза два пренеловко шляпой по головѣ, посмотрѣлъ на нея какъ на странную и непонятную для него вещь—и, наконецъ, воротился домой. Ни къ Волкову, ни куда не хотѣлъ онъ идти, никого не хотѣлъ онъ видѣть; Аршетъ ему надоѣдалъ, Сенька надоѣдалъ, Волковъ былъ несносенъ, и всему бы Сумбуру провалиться въ таръ-тарары и вѣкъ не бывать въ поминѣ!

Новость о рѣшительномъ паденіи Віольдамура, объ угрызеніи совѣсти, которая мучитъ его теперь и, вѣроятно, вскорѣ броситъ на одръ болѣзни, новость эта, съ различною приправой, была въ ходу цѣлую недѣлю. Онъ былъ уже лишній человѣкъ въ Сумбурѣ; въ немъ никто не нуждался, онъ былъ даже въ тягость городу, и всѣ удивлялись, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, зачѣмъ его сюда некстати принесло? Но въ теченіе недѣли всѣ разговоры объ этомъ предметѣ пріѣлись сумбурцамъ; души этихъ мыслящихъ людей искали другой и новой пищи — словомъ, начинали поспрашивать другъ у друга, нѣтъ ли новыхъ новостей? Есть онѣ, есть; когда же, добрые сумбурцы, вы проживали двѣ недѣли сряду безъ новостей; тутъ надо бы пропасть со скуки. Да, съ первой почтой послѣ несчастнаго концерта, привезены были въ благостынный

Сумбуръ новости важныя, которыя въ одну минуту вытѣснили прежній пустой разговоръ о какомъ то заѣзжемъ скоморохѣ. Богъ съ нимъ, чтобы не сказать хуже: теперь не до него!

Мы объяснили уже читателю, какимъ образомъ дворянство, съѣхавшись зимою на выборы, признало Степана Степановича достойнѣйшимъ дворяниномъ во всей губерніи, и вслѣдствіе этого, опредѣлило продлить благіе дни существованія его главою всего сумбурскаго дворянства; упомянули также, что частію причиной, а частію слѣдствіемъ этого обстоятельства были хозяйственныя распоряженія Прибаутки, который выписалъ и вина и капельмейстера и повара; сказали также, что во вторые кандидаты избранъ былъ, нечаянно, отставной корнетъ, человѣкъ весьма угодливый, который уже привыкъ служить средствомъ для чужой цѣли, а самъ не любилъ ничего выдумывать: это его обременяло. Между тѣмъ, однакоже, выборъ этотъ многимъ казался очень смѣшнымъ.

И вотъ какое извѣстіе привезла субботняя почта въ Сумбуръ: утвержденъ предводителемъ дворянства не Степанъ Степановичъ, а жертвовавшій собою для общаго блага. Многіе любопытствовали узнать, что́ же-де теперь станетъ дѣлать Степанъ Степановичъ?

А вотъ что́: если бы у него были волоса на темени, то онъ бы ихъ, я полагаю, выдралъ; теперь же онъ ограничился тѣмъ, что нахлопалъ и нашлёпалъ лысину свою ладонью до́-красна. Человѣкъ этотъ, по какой то внутренней побудкѣ, въ изъявленіи печали, горя, отчаянія, — слѣдовалъ всегда примѣру бо́льшей части дикихъ островитянъ, вымещающихъ все это кровавымъ зна́комъ на тѣлѣ своемъ. Потерявъ сына, Прибаутка исцарапалъ щеки свои до́-крови: такъ скорбѣлъ онъ о потерѣ; когда у него сгорѣлъ овинъ и нѣсколько кладей хлѣба, то онъ искалѣчилъ было себя,

ударившись головою въ стѣну; къ счастію, однакоже, онъ далъ ѳскользня, расплющилъ только объ стѣну носъ, и докторъ говорилъ тогда, что кровопусканіе это чрезвычайно ему было полезно, даже необходимо, и что это-де натура сама себѣ пособила. Докторъ часто ставилъ случай этотъ въ примѣръ, какимъ образомъ природа сама иногда лучше врача знаетъ, что́ ей нужно.

Итакъ, Прибаутка нахлопалъ лысину свою, и, убѣдившись, что горю пособить на этотъ разъ нельзя, рѣшился уничтожить немедленно всѣ роскошныя затѣи свои, въ которыхъ не видѣлъ теперь ни малѣйшей пользы. Онъ будетъ отнынѣ жить тихо, уединенно, въ семейномъ кругу, среди сельскихъ занятій, и увѣрялъ, что теперь только почувствовалъ вполнѣ, сколько онъ ненавидитъ *коварный свѣтъ* и всѣ мишурныя *прибаутки* его, и какъ онъ склоненъ, напротивъ, къ тихой сельской жизни. Итакъ, погреба́ и подвалы на замо́къ; домъ въ городѣ отданъ внаймы откупщику; музыка отправилась опять на чердакъ, гдѣ воробьи и мыши крайне обрадовались старымъ пріятелямъ своимъ а выписной поваръ, капельмейстеръ и французъ уволены на подножный кормъ. А гувернёръ то за что̀, спросите вы: какимъ образомъ онъ, или, лучше сказать, дѣти, могли попасть подъ общую статью опалы? Да чтобъ глаза не мозолилъ; «дѣтей же», говоритъ Степанъ Степановичъ, «я буду готовить *не туда*». А куда же?

Харитона Емельяновича Волкова какъ громомъ оглушило; побылъ на мѣстѣ безъ году недѣлю — и ни съ того, ни съ сего въ отставку. Что́ онъ скажетъ старику своему?—А всему виноватъ Віольдамуръ,—подумалъ Харитонъ:—его несчастный концертъ все перевернулъ вверхъ дномъ, и я со Степаномъ Степановичемъ повздорилъ. Вотъ каковы нынѣ пріятели-друзья,

за которыхъ не щадишь себя, жертвуешь собой.... они же тебя и губятъ! Кто бы могъ подумать, что Віольдамуръ будетъ причиною моего бѣдствія!!

Между тѣмъ какъ все это происходило въ городѣ, Христіанъ сидѣлъ въ стѣнахъ своихъ, ничего не зналъ и знать не хотѣлъ, и не былъ въ состояніи сообразить что-нибудь или подумать. У него сердце щемило какъ въ лещедкѣ; онъ сидѣлъ нѣсколько дней, выпучивъ глаза какъ безумный, и даже Семенъ догадался, наконецъ, что «видно-де баринъ нездоровъ». — А чѣмъ нездоровъ?—спросилъ хозяйскій кучеръ.—Господь его знаетъ; видно, самъ собой, нутромъ нездоровъ, либо всѣмъ корпусомъ.—А ты бы велѣлъ ему вотъ то и то сдѣлать.—А нѣшто польза будетъ?—Какъ же, такъ вотъ рукой и сыметъ тебѣ; вотъ у сосѣда нашего, и прочее.

Семенъ отправился къ барину и прописалъ ему слѣдующій рецептъ:—Возьмите вы, сударь, соку изъ простой трубки, вотъ хоть отъ нашего брата, да прикажите потереть себѣ въ банѣ грудь, хорошенько распарившись; а на ночь подъ ложку, супротивъ сердца, припарку положите, творогу съ мѣломъ, да еще...

Христіанъ видѣлъ только передъ собою ненавистную пьяную образину Сенькину и слышалъ, будто онъ что́ то вретъ. Вставши съ дивана, Христіанъ отошелъ молча къ окну—какъ вдругъ бѣдное, исхудавшее лицо его загорѣлось, глаза налились живымъ блескомъ.... во снѣ ли, наяву ли, увидалъ онъ на улицѣ свою жестокую Плѣниру, злодѣйку свою, Настю Травянкину. Такъ, это она, она, и прохаживается подъ ручку съ такъ называемымъ двоюроднымъ братомъ своимъ....—Ложь, обманъ, это не братъ, это.... я знаю, кто онъ.... вотъ настоящій виновникъ моихъбѣдствій, и я давно этоподозрѣвалъ.... я застрѣлю его, убью....

Какъ сумасшедшій кидается изступленный Віольдамуръ къ окну, въ ту самую минуту, когда чета наша стала огибать уголъ дома его (рис. 29). Два горшка съ цвѣтами, стоявшіе на окнѣ, полетѣли кубаремъ на улицу; пѣгій хозяйскій котъ, который грѣлся на солнышкѣ и сладко дремалъ на рѣшетчатой отдушинѣ подвала, испуганный разсыпавшимися передъ нимъ на плитнякѣ черепками, вскочилъ и спасся бѣгствомъ; казачокъ Настенькинъ оглянулся на суматоху эту и захохоталъ вслухъ, когда Аршетъ, принимавшій судьбу барина своего близко къ сердцу, кинулся вслѣдъ за нимъ также въ окно, и съ такимъ же усиліемъ поворачивалъ голову свою за уголъ, куда уже скрылись гуляющіе. А неблагодарная, равнодушная Настя не взглянула даже, не удостоила знакомый ей домикъ и окна своего взгляда: прошла равнодушно, какъ чужая.... Христіанъ, высунувшись изъ окна и глядя на пустую улицу, на противоположный заборъ, окрашенный веселенькою, то есть дикою краской, рвалъ на себѣ волосы, между тѣмъ какъ Аршетъ скребъ его отъ нетерпѣнія передними лапами по спинѣ. Для довершенія печальной картины, подъ дверьми Віольдамура представляется намъ презамысловатая вывѣска гробовщика, у котораго, въ домѣ Клячева, герой нашъ нанималъ двѣ комнатки.

— Дома Христіанъ Христіановичъ?—спросилъ вошедшій со двора курчавый молодой человѣкъ, и Семенъ отвѣчалъ, почесывая затылокъ: — Дома, сударь, Харитонъ Емельяновичъ, да вотъ неможется ему чтото: не здоровъ. — Не здоровъ? чѣмъ? — А Господь знаетъ, мы не лѣкари, такъ и не можемъ знать этого; ходятъ, будто сами не свои; только что я говорилъ было барину творогу съ мѣломъ да соку табачнаго....

Волковъ вошелъ уже въ комнату, и Сенька договорилъ остальное самъ для себя и для платяной вѣ-

шалки, на которую привыкъ онъ смотрѣть всегда очень пристально, когда самъ съ собою разговари-

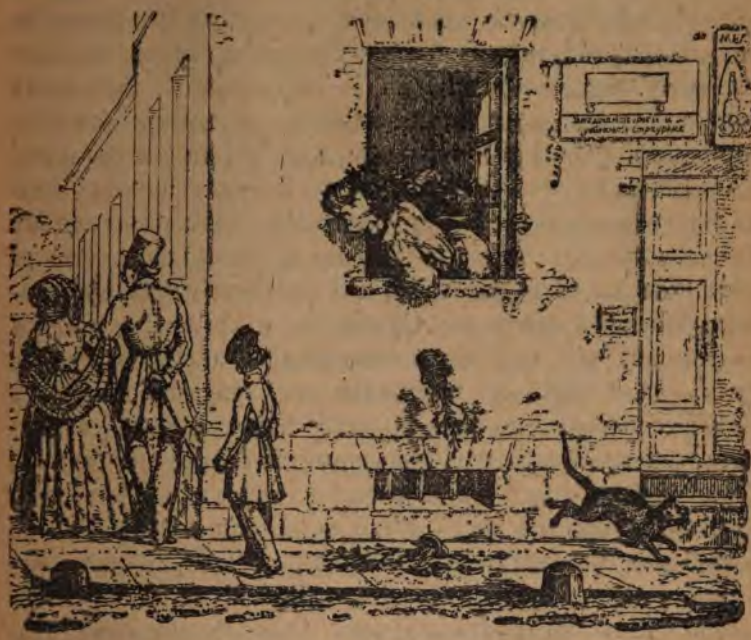


рис. 29.

валъ. Харитонъ прошелся немного по городскому саду; изящный храмъ славы напомнилъ ему первое время пріѣзда въ Сумбуръ, когда все было такъ весело и хорошо, когда столько прекрасныхъ надеждъ было впереди, когда жили они съ Христіаномъ душа въ душу....—А вѣдь онь добрый малый,—подумалъ Волковъ,—и съ дарованіемъ; за что́ же я сердитъ на него? что́ онъ мнѣ сдѣлалъ? онъ не виноватъ своему несчастію, всему причиной мой лысый дуракъ. Пропади онъ съ мышиными и воробьиными гнѣздами своими! И за что́ я около этихъ скотовъ, псарей да конюховъ

его, старался? Что́ же станетъ дѣлать теперь безъ меня Христіанъ — а мнѣ надо же ѣхать въ Питеръ, больше некуда дѣваться — что́ онъ станетъ дѣлать, бѣднякъ? Въ самомъ дѣлѣ, онъ жалокъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, взбалмошный мой Прибаутка уплатилъ, по договору, годовое жалованье и обратные прогоны — а какъ папенька, право, неосторожно поступилъ, не оговоривъ въ условіи, на сколько лошадей прогоны: какъ я парою поѣду? меньше тройки нельзя; а жидъ мой не даетъ, говоритъ, будь доволенъ и этимъ, а не то на одну лошадь выдамъ—ну, по крайней мѣрѣ, у меня хоть есть съ чѣмъ доѣхать; а Христіанъ давалъ уроки, какъ заведено здѣсь въ Сумбурѣ, въ долгъ; слышно въ городѣ, что ему вездѣ отказали, а нигдѣ не заплатили, да и рѣчи на прощанье объ уплатѣ не было. Всѣ въ долгахъ по́-уши, никто платить не думаетъ: Богъ знаетъ, какъ это они живутъ. И моихъ, видно, сотни двѣ на нихъ пропадетъ, за уроки же — только то и возьмешь съ нихъ, что выиграешь въ карты — остальные разсчеты всѣ на водѣ. Чудный обычай, равно и кто имъ вѣритъ и за чѣмъ? а спросишь должокъ, такъ поглядятъ на тебя, словно ты помянулъ что-нибудь недоброе, о чемъ порядочные люди въ благородномъ домѣ не говорятъ. Что же Христіанъ мой теперь дѣлаетъ? Стыдно, въ самомъ дѣлѣ, что я не видалъ его о сю пору.... А за что на него сердиться? пойду къ нему, размыкаемъ вмѣстѣ горе свое.

Вотъ что́ привело Волкова къ Віольдамуру; добрый отъ природы, хоть и горяченекъ и скоръ и легокъ—и онъ хотѣлъ подать другу своему дружескую руку, и пришелъ невпопадъ, какъ незваный татаринъ.

Мы видѣли, въ какомъ разстройствѣ былъ Віольдамуръ: онъ кинулся отъ окна опять къ дивану, упалъ ничкомъ, закрывъ лицо руками: потомъ вдругъ вско-

чилъ и сталъ поспѣшно одѣваться. Въ это время вошелъ Волковъ. Онъ не добился ни одного толковаго слова, ни отвѣту, ни привѣту. Блѣдное, разстроенное лицо, дикій взглядъ, отрывистые отвѣты или упорное молчаніе, отчаянная суета и торопливость во время одѣванія—вотъ все, что̀ видѣлъ и слышалъ Волковъ. Онъ остановился, наконецъ, среди комнаты, сложилъ руки на груди и глядѣлъ молча на Віольдамура, думая про себя: онъ помѣшался. Христіанъ выбѣжалъ изъ комнаты, не удостоивъ друга своего даже взгляда. Ему было не до него.

Харитонъ вызвалъ Семена и сталъ его разспрашивать; но, кромѣ разсказа о вечерней попойкѣ, о творогѣ съ мѣломъ и о табачномъ сокѣ, не могъ вывѣдать ничего. Семенъ занесъ было еще кое какую дичь, но Харитонъ вышелъ, не дослушавъ Семена, и пошелъ за другомъ своимъ,—узнать, что̀ съ нимъ и куда онъ идетъ.

Віольдамуръ побѣжалъ, какъ безумный, вслѣдъ за увлекавшимъ его магнитомъ, закутавшись въ плащъ и воображая, какъ двухлѣтній ребенокъ, что его никто не узнаетъ. Эта была одна изъ тѣхъ минутъ въ жизни человѣка, гдѣ онъ выше или ниже—не знаемъ, какъ сказать—всякаго вліянія разсудка и здраваго смысла; онъ увлекается однимъ безотчетнымъ чувствомъ, какъ рокомъ, и нѣтъ безразсудства, нѣтъ дурачества, котораго бы онъ не сдѣлалъ; нѣтъ жертвы, которой бы онъ не принесъ для достиженія самой ничтожной и часто безсмысленной цѣли.

Віольдамуръ остановился передъ тѣмъ же крыльцомъ, куда, судя по послѣднему отказу, входъ ему былъ запрещенъ; съ отчаяннымъ чувствомъ глядѣлъ онъ на крыльцо и на запертую дверь, на ручку колокольчика, которая была тутъ придѣлана для всякаго, только не для него. Ему нѣтъ входу въ эти заповѣд-

ные покои, подъ эту угрюмую кровлю, которая казалась ему прежде веселою, привѣтливою, отличаясь для глазъ его издали между другими кровлями какимъ то магическимъ свѣтомъ. Віольдамуръ подумалъ еще съ минуту—взоръ его упалъ на окно передней, гдѣ стояла шляпа провожатаго Настеньки, въ родство котораго съ нею Христіанъ такъ плохо вѣрилъ —Аршетъ первый взбѣжалъ на знакомое ему крыльцо, поглядывалъ лукаво на барина своего, махая хвостомъ, потомъ сѣлъ на корточки у самыхъ дверей, въ ожиданіи, что ихъ отворятъ.... и Віольдамуръ послѣдовалъ за нимъ, самъ не зная, для чего (рис. 30); сердце у него начало стучать вслухъ, дыханіе занялось: онъ пригнулся, опустилъ бережно шляпу свою на полъ, съ жадностію приложилъ ухо къ дверямъ, сталъ приглядываться въ замочную скважину и, досадуя на ключъ, который воткнутъ былъ снутри, въ забытьи шевелилъ и перебиралъ пальцами по воздуху, желая устранить досаждавшее ему препятствіе...

Между тѣмъ, двоюродный братъ, котораго родословную разбирать не станемъ, бесѣдовалъ, развалившись на креслахъ, съ хлыстомъ въ рукахъ, такимъ образомъ:

— Нѣтъ, сестрица, вы, пожалуйста, не слушайтесь моего любезнаго дидюшки, а вашего батюшки: онъ человѣкъ служебный, дѣловой, принимаетъ для висту всякихъ людей въ домѣ, и думаетъ, что такъ можно поступать и въ другихъ отношеніяхъ; нѣтъ, бросьте окончательно этого булочника, Христіаныча: неловко съ нимъ возиться. Онъ теперь такъ упалъ въ общемъ мнѣніи...—Не безпокойтесь, братецъ, уговаривать меня: я его ненавижу. Приторный, ахъ какой приторный, и какой дерзкій, вы не повѣрите! При томъ онъ себя уронилъ въ общемъ мнѣніи, его разоблачили, и всѣ разочарованы; вся игра его одно шар-

латанство: онъ пыль въ глаза пускаетъ, больше ничего; пріѣхалъ изъ столицы и вообразилъ, что можетъ дурачить всѣхъ, сколько ему угодно. Вотъ, напримѣръ, посмотрите этотъ пассажъ....—она подошла къ фортепіано, стала объяснять братцу, въ чемъ именно состояло шарлатанство Віольдамура; братецъ старался

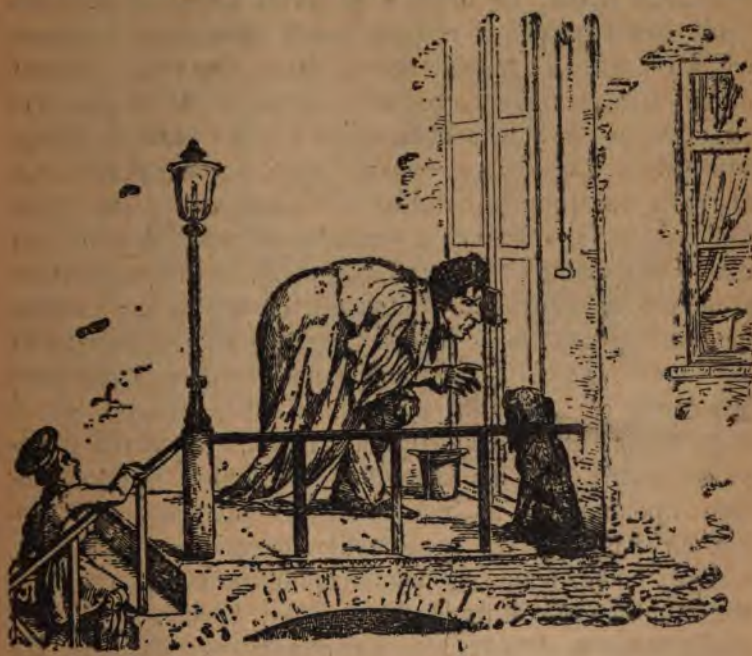


рис. 30.

пособить ей выпутаться изъ этого непосильнаго предпріятія: вышла мать, которая одѣвалась всегда, по заведенному порядку, двумя часами позже дочери, вмѣшалась также въ разговоръ, подтвердила положительное приказаніе не знаться больше съ этимъ скоморохомъ и не слушаться Ивана Онуфріевича, который полагалъ, что нѣтъ еще достаточныхъ причинъ

для преданія Віольдамура анаѳемѣ. Братецъ просилъ сестрицу спѣть прелестный романсъ: «О поколику мнѣ кручина»—и сталъ ей вторить не своимъ голосомъ, то подымаясь выше лѣсу стоячаго—для чего, въ помощь, упирался обѣими руками на спинку стула и становился на дыбы; то ниже облака ходячаго, пригибая голову на бокъ и стараясь всѣми силами выжать изъ беззвучной глотки своей что-нибудь похожее на басъ. Если усилія его и были тщетны въ отношеніи музыкальномъ, то, по крайней мѣрѣ, въ другомъ смыслѣ не остались безъ послѣдствій: бѣдный Віольдамуръ и такъ уже стоялъ какъ на жаровнѣ—ревность и нетерпѣніе снѣдали его—вдругъ слышитъ онъ два голоса, крикливый и фальшивый мужской, и нѣжный, ему давно знакомый, женскій, отъ котораго задрожали въ немъ всѣ жилки.... Черезъ минуту общая тишина—невнятный говоръ едва только доходилъ до слуха его. Тутъ какая то небольшая ссора лакеевъ въ передней за картами заглушила вовсе долетавшіе до него звуки. Съ отчаяньемъ приложилъ Христіанъ еще разъ глазъ свой къ замочной скважинѣ, надѣясь всё еще проникнуть въ какую-нибудь щелочку подъ бородкой ключа—какъ положеніе внезапно измѣнилось, самымъ жестокимъ и неожиданнымъ образомъ. Братецъ, поцѣловавши ручку сестрицы, раскланялся, скорыми шагами отправился въ переднюю, на ходу всё еще прощался и повторялъ обѣщанія свои навѣдаться опять утромъ, и въ ту минуту, какъ Христіанъ жадно вслушивался въ громкій разговоръ этотъ и въ романсъ, который братецъ снова затянулъ, рѣшительная рука пѣвчаго съ такою силою толкнула и растворила дверь, что мѣдная ручка замка расплющила и, такъ сказать, уничтожила носъ несчастнаго соглядатая (рис. 31). Онъ перекувырнулся задомъ и даже въ этомъ отчаянномъ положеніи удержался съ

трудомъ только, упершись рукою о верхнюю ступень крыльца.

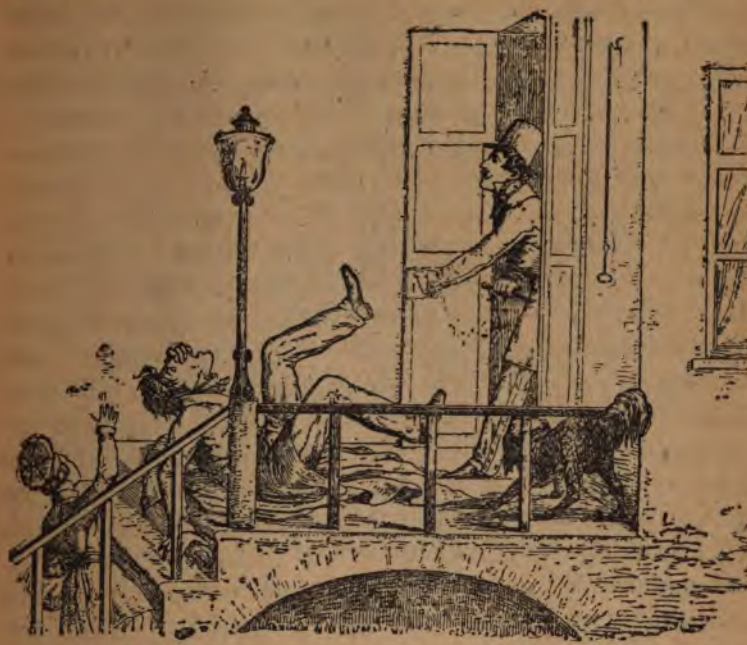


рис. 31.

Въ первую минуту братецъ испугался было немного, увидѣвъ передъ собою человѣка, лежащаго навзничь, съ окровавленнымъ лицомъ,—потомъ ему сдѣлалось очень смѣшно, и только Аршетъ, который ворчалъ, лаялъ и кидался на обидчика своего барина, заставилъ братца пріосаниться нѣсколько и, отсрочивъ смѣхъ свой, начать перебранку съ собакой.—Извините, Бога ради, Христіанъ Христіановичъ,—началъ онъ, и потомъ продолжалъ:—кушъ, Аршетъ—Аршетъ! Тубо, тубо!—Извините, ради Бога, я никакъ не могъ полагать, что вы здѣсь, и въ самую эту минуту.... Ар-

шетъ! иси! о, добрый мой Аршетъ, что ты: не узналъ меня?—Христіанъ Христіановичъ! встаньте, позвольте, я помогу вамъ.... Васька, поставь корзину съ сухарями, дуракъ: помоги Христіану Христіановичу—сказалъ онъ казачку Настеньки, который подошелъ и глядѣлъ, разинувъ ротъ. Полно, Аршетъ, что ты: взбѣсился, что ли? Воля ваша, онъ укуситъ меня, не даетъ мнѣ приступиться къ вамъ....

Между тѣмъ люди Травянкиныхъ сошлись, Віольдамуръ опомнился и всталъ. Настенька, услышавъ какую то суматоху, взглянула было въ дверь и въ ту же минуту съ ужасомъ отступила. Опомнившись, Христіанъ принужденъ былъ идти въ людскую Травянкиныхъ, на дворѣ, и омыться тамъ, а потомъ, зажавъ носъ платкомъ кое какъ, пошелъ домой. Ударъ пришелся такъ ловко, что кровь долго еще нельзя было остановить, и все лицо раздуло. Сенька предлагалъ барину своему нѣсколько прекрасныхъ средствъ, и между прочимъ приложить жеваной травы деревей или кашка; разсказывалъ также о знахарѣ, который сразу заговаривалъ всякую кровь, и жильную, и черную.

Провозившись весь день съ носомъ, Христіанъ къ ужасу своему видѣлъ, что онъ пухъ всё болѣе, увлекая за собою въ одинъ огромный волдырь почти все лицо. Не столько боль, сколько досада и стыдъ сдѣлаться отнынѣ посмѣшищемъ цѣлаго Сумбура—отъ котораго подобный случай никакъ не могъ утаиться—приводили Христіана въ отчаяніе. Онъ послалъ за другомъ своимъ, и Волковъ пришелъ; взаимныя отношенія ихъ, какъ мы видѣли, начинали путаться, и во всякомъ случаѣ первое объясненіе было бы томительно, вѣроятно, для обоихъ—и потому, если во всякомъ худѣ искать добро, то разбитый носъ Христіана не остался безъ полезныхъ послѣдствій; жалкое положеніе, въ

какомъ Волковъ нашелъ друга своего, устранило всякое объясненіе о прошедшемъ, и добродушный Харитонъ сейчасъ же послалъ за докторомъ. Этотъ прописалъ рецептъ на полулистѣ, велѣлъ послать за піявками, обѣщалъ быть черезъ часъ и сдержалъ слово.

Вотъ онъ—(рис. 32) сумбурскій эскулапъ и строгій діэтетикъ, какъ показываетъ самая наружность его:

рис. 32.

ни спины, ни груди, ни живота—только фракъ на мѣшковатыхъ панталонахъ, костлявыя руки, маленькая плѣшивая головка, шляпа съ низенькою тульей и суковатая палка;—вотъ вамъ весь сумбурскій докторъ. «Безъ строгой діэты ни шагу»—была любимая поговорка его—«заливай огонь, сколько хочешь, но подливай въ то же время масла, всё будетъ горѣть». Только черное кофе и хорошее венгерское вино позволялъ онъ пить во всѣхъ болѣзняхъ, потому что самъ до того и другого былъ большой охотникъ.—Сюда,—говоритъ онъ:—на переносье, да на самый кончикъ носу, еще по піявочкѣ....—и двое мальчишекъ изъ цырюльной стараются усердно, привѣшиваютъ Христіану вза-

пуски миловидныя серёжки свои къ новорожденному набалдашнику; между тѣмъ какъ бѣдный Христіанъ морщится и щурится, Аршетъ съ недовѣрчивостью обнюхиваетъ банку съ піявками, а огромный запасъ лѣкарствъ въ склянкахъ всѣхъ размѣровъ ожидаетъ смиренно очереди своей, которая наступитъ, какъ полагать должно, послѣ піявокъ.

Положимъ, что докторъ спасъ жизнь рененому; не менѣе того, однакоже, Христіанъ просидѣлъ дома недѣли двѣ. Въ продолженіе этого времени, Волковъ не покидалъ его, и, раздѣлавшись окончательно съ Прибауткой, котораго громкія затѣи лопнули вмѣстѣ съ надеждой быть предводителемъ, Харитонъ проводилъ бо́льшую часть дня у друга своего, и тутъ они судили, рядили, горевали и придумывали, что́ дѣлать,—вмѣстѣ. Волковъ намѣренъ былъ ѣхать домой, въ Петербургъ, а Віольдамуръ удерживалъ его, всѣми силами уговаривалъ, потому что не зналъ, куда дѣваться, и безъ Волкова остался бы въ самомъ жалкомъ одиночествѣ. Волковъ рѣшился остаться еще на время и оглянуться, не найдетъ ли сподручное мѣсто, а между тѣмъ ожидать отвѣта отъ отца.

Какъ Волковъ, такъ и Віольдамуръ похожденіями своими были невольно наведены на болѣе дѣльное размышленіе о себѣ и о будущности своей. Волкову, впрочемъ, нечѣмъ было себя упрекнуть; отставку свою приписывалъ онъ, по справедливости, случаю и причудамъ вздорнаго человѣка; но онъ усердно старался направить друга своего на путь истины, представляя ему со всею откровенностію картину безпутной его жизни. Христіанъ, правда, морщился при этомъ немного, какъ отъ піявокъ, но слушалъ, сидя съ распухшимъ и перевязаннымъ лицомъ, и съ трудомъ только давая малословные отвѣты. Онъ опомнился при нынѣшнемъ несчастномъ положеніи своемъ, повинился въ дурачe-

ствахъ своихъ, извинялся молодостію, пылкостію, неограниченною любовью къ своему искусству; обѣщалъ посвятить себя ему еще исключительнѣе прежняго, искать въ немъ единственное утѣшеніе, но быть умнѣе, не связываться съ людьми. И потому, когда строжайшій діэтетикъ предписалъ ему, наконецъ, уединенныя прогулки, для окончательнаго исцѣленія контузіи, то

рис. 33.

Христіанъ, какъ послушный больной, отправлялся ежедневно въ назначенный часъ, ходилъ по часамъ, надвинувъ шляпу на глаза, и не смотрѣлъ ни на кого (рис. 33), потомъ садился въ лѣсокъ, на оврагѣ, который въ воображеніи своемъ пересоздавалъ въ хрустальный ручей, и уносился мысленно за звуками гитары или

кларнета; но чудакъ вздумалъ во время прогулокъ этихъ навьючивать инструментъ на своего Аршета, обращая тѣмъ еще болѣе вниманія на себя по улицамъ Сумбура, и становясь такимъ образомъ потѣшникомъ цѣлаго города. Я сравнилъ уже общество этого города со стаей благородныхъ птицъ, которая, какъ извѣстно, по природѣ своей, грѣха на душу не беретъ, на живность не кидается; но за то если кто свалится, то охотно выклевываетъ глаза и насыщается плотію погибшаго. Вотъ какая участь угрожала бѣдному Христіану.

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе его было жалкое. Низринутый внезапно горькою существенностію съ созданнаго воображеніемъ седьмого неба, Христіанъ очутился въ преисподней, самъ не понимая, какимъ образомъ. Всѣ сладкія грезы его улетѣли, осталась одна насмѣшка, презрѣніе и нужда; наслѣдіе все было прожито, а нажито вновь ничего, кромѣ того, что̀ всякій наживалъ въ Сумбурѣ: взаимныхъ долговъ и начетовъ. Разница была только та, что Христіанъ долженъ былъ портному, лавочникамъ и хозяину квартиры, а, слѣдовательно, едва ли могъ отдѣлаться безъ уплаты — тогда какъ ему задолжали ученики и ученицы, которыхъ папеньки и маменьки кончили всѣ разсчеты отказомъ учителю, на котораго внезапно прошла мода. Ни въ чемъ не зная мѣры, Христіанъ показалъ въ Сумбурѣ сверхъ того расположеніе къ музыкѣ особеннаго рода, извѣстной подъ названіемъ стеклянной; съ вечеровъ и пріятельскихъ пирушекъ его нерѣдко привозилъ домой чужой кучеръ, стучалъ, по сумбурскому обычаю, кнутовищемъ въ ставень и кричалъ: «Семенъ! а Семенъ! поди, возьми барина своего...» или же его укладывали тамъ, гдѣ у него отнимались языкъ и ноги; въ Сумбурѣ это не только прощалось многимъ, если они умѣли заслужить имя *добраго малаго*, но даже нѣкоторымъ

служило если не въ похвалу, то въ похвальбу и особенную славу; Христіану же это поставлено было въ большой порокъ, и между множествомъ почетныхъ прозваній, которыя въ короткое время сумбурцы успѣли надавать Віольдамуру, числилось также прозваніе *сусла*. Словомъ, бѣдный Христіанъ внезапно увидѣлъ себя отчужденнымъ отъ общества, вообразилъ, что и не нуждается въ немъ, а можетъ отплатить ему презрѣніемъ, включивъ въ общество это также невѣрную свою Настеньку Травянкину и затѣмъ посвятить себя исключительно своему искусству. Чувствуя, однакоже, что въ благомъ намѣреніи этомъ какъ то мало смыслу, Христіанъ утѣшалъ себя тѣмъ, что этимъ же путемъ, то есть музыкой, которой никто не услышитъ, онъ пріобрѣтетъ что-нибудь, и, получивъ плату за прежніе уроки, раздѣлается съ должниками, и тогда уже распростится съ Сумбуромъ. Волковъ соболѣзновалъ о другѣ своемъ, но почти не видѣлъ средства помочь ему; при всей пылкости Харитона, въ немъ было нѣсколько болѣе благоразумія, и онъ понималъ, что Христіанъ ведетъ себя ужасно безсмысленно — и понять это было, конечно, не мудрено.

Въ этомъ безтолковомъ поведеніи героя нашего между прочимъ убѣждаетъ насъ и взглядъ на то, что онъ теперь дѣлаетъ. Механическія затрудненія игры его одолѣли; терпѣніе лопнуло, отчаянье овладѣло художникомъ. Давно уже Христіанъ утверждалъ, что музыка умышленно затруднена цеховыми и присяжными музыкантами; что генералъ-басъ, контра-пунктъ, различные ключи и вся теорія музыки — нелѣпая выдумка; что все это ни къ чему не ведетъ, изобрѣтено съ лукавою цѣлію запутать и затруднить изученіе искусства для непосвященныхъ, служитъ, такъ сказать, однимъ только масонскимъ условнымъ знакомъ между цеховыми мастерами, котолые и сами тутъ ничего не

понимаютъ, кромѣ ханжеской, своекорыстной цѣли— сдѣлать цехъ свой недоступнымъ для другихъ. Разсуждая тѣмъ же путемъ, Христіанъ утверждалъ также, что наружная форма музыкальныхъ инструментовъ слишкомъ затѣйлива, перехитрена, и что по этой причинѣ инструменты съ хорошимъ тономъ такъ дóроги и рѣдки. Двѣ скрипки, которыя по наружности почти не отличаются другъ отъ друга, стóятъ — одна сто, другая тысячу рублей; отчего? оттого что одна вышла на-удачу, отличною, другая напротивъ, по той же причинѣ, весьма плохою (рис. 34). Въ припадкѣ такой ненависти и въ духѣ преобразователя, Христіанъ, разсвирѣпѣвъ, разбилъ вдребезги віолончель свою, съ которою не могъ сладить; вознамѣрился сдѣлать віолончель и скрипку своего изобрѣтенія и между прочимъ прибавить на нихъ и пятую струну, чтобы не мучиться безполезной апликатурой. Бѣдный Аршетъ, глядя со страхомъ на разъяреннаго барина своего, который безжалостно молотилъ віолончелью въ печь — какъ тараномъ въ стѣну—Аршетка спрятался за ящикъ, и продолжалъ съ безпокойствомъ и недовѣрчивостію коситься на барина, въ которомъ онъ уже не узнавалъ болѣе прежняго Хрйстиньки.

Несмотря на дружбу свою съ Волковымъ, Христіанъ, однакоже, въ подобныхъ предпріятіяхъ таился нѣсколько отъ него, и, не отпуская его изъ Сумбура, искалъ и чуждался его въ одно и то же время. Съ другой стороны, безусловное уваженіе Волкова къ другу своему исчезло: онъ видѣлъ въ немъ уже весьма обыкновеннаго человѣка съ большими недостатками, любилъ его, но сомнѣвался, выйдетъ ли изъ него когда-нибудь путное. Онъ давно уже пересталъ поддакивать ему слѣпо, и часто спорилъ, доказывая, что другъ его несетъ чепуху. Поэтому бакалавръ сумбурскій, сумасшедшій профессоръ нѣсколькихъ семинарій, былъ

иногда гораздо сподручнѣе для Христіана, и они нерѣдко просиживали вмѣстѣ цѣлыя ночи за весьма уче-

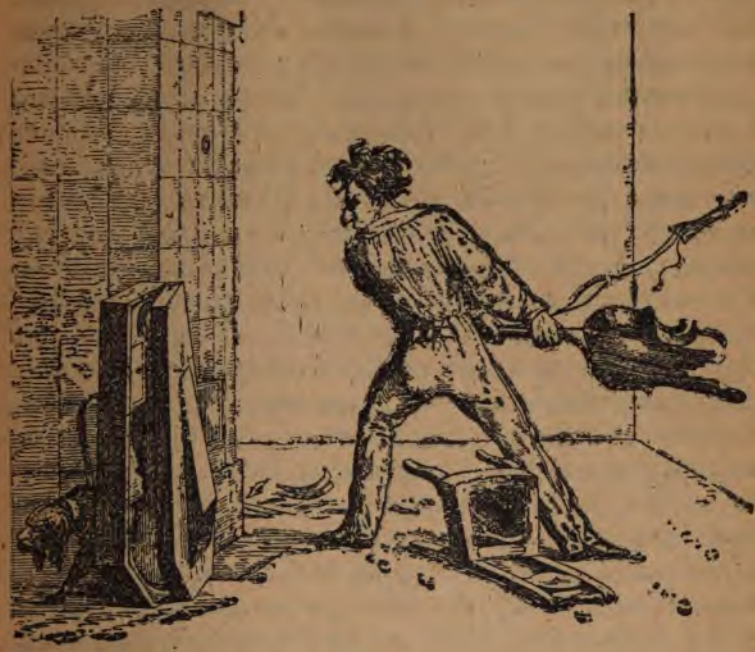


рис. 34.

ными бесѣдами. Христіанъ изложилъ ему однажды убѣдительно и краснорѣчиво мысли свои о теоріи музыки и о постройкѣ музыкальныхъ орудій, пускаясь въ нелѣпыя сужденія объ акустикѣ; и бакалавръ поддержалъ новаго друга своего съ большимъ жаромъ, заговорилъ такъ красно, съ такою необъятною ученостію, что Христіанъ сидѣлъ, развѣсивъ уши, разинувъ ротъ, и только кивалъ головою, въ знакъ своего согласія.

— Одни только древніе греки и римляне понимали истинную силу музыки,—сказалъ бакалавръ:—они при-

писывали изобрѣтеніе ея богамъ. Горацій говоритъ въ тридцать первой одѣ, посвященной лирѣ: O, decus Phoebi,... o laborum dulce lenimen mihi cunque salve, rite vocanti... И крины сельскіе воспѣваютъ нелицемѣрно благость Создателя; почему, если подлежащее двойственнаго числа, то и сказуемое должно быть въ томъ же числѣ. Гдѣ музыка? музыка всюду: одиночная, двойственная, тройственная, множественная. Quid est logica? Ratio quid—mens sana? Участь всякаго изъ насъ привязана къ глыбѣ земли — душа восхищается, ликуетъ, поетъ и рукоплещетъ; смиряйся въ вожделѣніяхъ своихъ, углубись въ себя и пой, пой сердцемъ, какъ поетъ пѣтухъ; исторія древняя, исторія средняя, исторія новая, исторія новѣйшая — а потомъ что? опять сначала, опять древняя, времена баснословныя, доисторическія; возьмите скрипку, развѣ она не говоритъ? право, говоритъ, и чисто, что хочешь, то тебѣ и скажетъ—только тихонько веди смычкомъ, чуть-чуть, а то и закричитъ: ты дуракъ, ты дуракъ, и всѣ мы дураки. Географія безумствуетъ, это очевидно; Катулъ вторую пѣснь свою сочинилъ на воробья и его выхваляетъ; ясное доказательство, что встарину и воробьи пѣвали по-соловьиному; а Цинтія, о которой Проперцій говоритъ въ первой элегіи своей: она явнымъ образомъ чирикала хуже воробья. Ювеналъ когда жилъ? а вѣдь онъ уже смѣялся надъ нами; онъ первую сатиру свою начинаетъ словами: «Semper ego auditor tantum?—вѣчно-ль я буду аудиторомъ, то есть безъ производства въ чины или званія;—Ювеналъ тоже безумствуетъ, онъ музыкантъ созерцательный, какъ ассиріяне, мидяне, вавилоняне, халдеи, іудеи, евреи—все злодѣи!

Рѣчь бакалавра, сказанная съ такою твердостію, самоувѣренностію и съ такимъ жаромъ, убѣдила Христіана еще болѣе въ необходимости преобразовать всю

теорію и практику музыки, примѣнивъ къ тому новые законы акустики, которые Віольдамуръ только что собирался открыть. Относительно знаній вообще, наукъ, Віольдамуръ никогда не выходилъ изъ ребячества. Не получивъ надлежащаго образованія, не поучившись хорошенько тому, что̀ люди знали до него, онъ считалъ все то, что̀ самъ видѣлъ или слышалъ впервые, новостью, и потому изобрѣтеніямъ его на этомъ поприщѣ не было конца. Вамъ, можетъ быть, случалось слышать, что у насъ одинъ почтенный мужъ посадилъ какое то зерно въ землю, наблюдалъ съ любопытствомъ, какимъ образомъ оно раздвояется и пускаетъ ростокъ, и, считая это новымъ открытіемъ, напечаталъ описаніе, ничтожное, по недостатку научныхъ познаній въ ботаникѣ, и приложилъ рисунокъ, невѣрный, по той же причинѣ.

Столы и полъ въ комнатахъ Христіана покрылись чертежами новаго рода скрипокъ, віолончелей и смычковъ; нѣтъ той безсмыслицы, которую бы Христіанъ не придумывалъ для усовершенствованія инструментовъ и облегченія игры, а между тѣмъ, когда порой любовишка и отчаянье били ему въ голову, какъ смѣсь шипучаго шампанскаго и пригорѣлой сивухи, то онъ, для успокоенія души своей и примиренія двухъ враждебныхъ началъ, прибѣгалъ къ бутылкѣ сумбурской мадеры, въ которую сливались поддонки и остатки всѣхъ возможныхъ винъ, и разнородная смѣсь эта доставляла Христіану хотя то утѣшеніе, что онъ на время забывался.

Въ Сумбурѣ жилъ какой то злополучный фортепіанный настройщикъ, обратившійся исподволь въ такъ называемаго фортепіаннаго мастера. Это былъ нѣмецъ, сосланный, по одному несчастному случаю, на поселеніе, возвращенный, наконецъ, какимъ то ходатайствомъ изъ ссылки, но съ запрещеніемъ въѣзда въ столицы,

почему и поселился въ Самбурѣ. Краусмагенъ никому не хвалился похожденіями своими, которыя разсказывались другими различнымъ образомъ, но сущность состояла въ томъ, что онъ дозволилъ себѣ недозволенную, самохранную защиту противъ своевольнаго, хотя и чиновнаго служителя порядковъ, какъ увѣряли, закоренѣлаго ненавистника нѣмцевъ. Краусмагенъ о сю пору, а тому прошло уже много времени, полагалъ, что онъ былъ правъ, и утѣшался этимъ, посѣдѣвъ на чужбинѣ, гдѣ настраивалъ и чинилъ фортепіано и давалъ иногда уроки въ музыкѣ. Христіанъ уговорилъ Краусмагена сдѣлать какую то улговатую скрипку, своего изобрѣтенія, другую кузовкомъ, съ широкой пяткой, смычокъ съ крючковатымъ носкомъ на пружинѣ; но, не довольствуясь этимъ, требовалъ теперь, чтобы Краусмагенъ передѣлалъ старый рояль, по указанію Христіана, на десяти-октавный. Десять октавъ! вообразите, какая роскошь! Глухіе звуки крайнихъ октавъ, конечно, не могли быть отличены одинъ отъ другого, и Краусмагенъ предсказывалъ и доказывалъ все это Христіану напередъ; но тотъ, помѣшавшись разъ на такомъ изобрѣтеніи, отъ котораго ожидалъ переворота во всей музыкѣ, не давалъ Краусмагену покоя, сидѣлъ у него день и ночь на шеѣ и настоялъ, наконецъ, на своемъ.

Вы видите одинъ изъ первыхъ опытовъ Христіана на знаменитомъ роялѣ (рис. 35). Художникъ нашъ катается передъ инструментомъ на рельсахъ, какъ-будто отправляется въ Царское Село, а ноты, само собой разумѣется, возитъ съ собою, иначе не по чемъ было бы играть; для этого привѣсилъ онъ ихъ на дугѣ къ головѣ своей. Упряжка эта очень замысловата, и зрители или слушатели ей удивляются, разинувъ ротъ, развѣсивъ уши. Харитонъ Волковъ, какъ видите, принадлежитъ къ первому разряду, то есть

слушаетъ и удивляется, разинувъ ротъ; самоучитель французъ, напротивъ, и Аршетъ—ко второму: они слушаютъ, развѣсивъ уши. Господинъ Неизвѣстный, по благообразію маленькихъ ушей своихъ, не въ состояніи измѣнить ихъ положенія, а, заткнувъ ротъ, по обыкновенію своему, сигаркой, поневолѣ подтянулъ и губы; четвертый слушатель, знакомый намъ уже по лицу, если и не по прозванію, развѣсилъ, напротивъ, вмѣсто ушей, губы свои, и, надивившись вдоволь, никакъ собирается вздремнуть.

рис. 35.

Христіанъ Христіановичъ не забылъ вырѣзать на бляхѣ, прибитой къ передней доскѣ рояля, имя свое. Не знаю, къ чему предосторожность эта могла служить въ Сумбурѣ, гдѣ и безъ того всякій зналъ, что Краусмагенъ работаетъ для *Суслы* рояль вдвое шире обыкновеннаго—и этимъ свѣдѣніемъ добрые мои сумбурцы удовольствовались; они напередъ знали, какъ люди прозорливые, что изо всего этого выйдетъ одна только потѣха, и узнали не потому, чтобы понимали дѣло, а потому, что Христіанъ попалъ разъ къ нимъ

на зубокъ, а соскочить ему въ Самбурѣ не дадутъ. Сумбурцы мои не измѣняли никогда мнѣнія своего о человѣкѣ, если только мнѣніе это было дурное; въ противномъ случаѣ, оно мѣнялось при первомъ случаѣ, какъ Христіанъ испыталъ это самъ надъ собою. Сумбурцы всѣ, отъ мала до велика, знали, впрочемъ, еще болѣе подробностей объ этомъ изобрѣтеніи, болѣе, чѣмъ можно было вычитать на вывѣскной бляхѣ его или по какимъ-либо другимъ примѣтамъ: они знали уже и то, что Христіанъ кутитъ не въ свою голову, что за угловатыя скрипки отдалъ нѣмцу три кларнета и сюртукъ, что улестилъ бѣднаго Краусмагена передѣлать рояль въ долгъ, увѣривъ его разными доводами, что непремѣнно вскорѣ получитъ деньги и расплатится. Итакъ, вотъ чему, по крайней мѣрѣ, Христіанъ научился въ Сумбурѣ: надувать людей; ему оборотъ этотъ такъ понравился, что онъ, по примѣру достойнѣйшихъ лицъ этого города, метался туда и сюда къ бывшимъ пріятелямъ своимъ, желая занять сколько-нибудь наличными деньгами; но сумбурцамъ показалось это смѣшнымъ, въ чемъ и мы на этотъ разъ должны съ ними согласиться; а тѣмъ, которые сами задолжали Христіану по дружбѣ и по службѣ, то есть брали у него въ бывалыя времена по пяти и по десяти рублей взаймы, или же проиграли ему сотенку въ карты и задолжали за уроки, эти люди, говорю, находили напоминаніе Христіана раздѣлаться съ нимъ просто неприличнымъ и разсказывали объ этомъ другъ другу смѣючись, какъ о новомъ доказательствѣ, что Христіанъ всё еще въ бѣлой горячкѣ. Такимъ образомъ, Христіанъ поставленъ былъ частію самъ собою, частію людьми, въ довольно непріятное положеніе; несостоятельность его, огласившаяся довольно скоро, привлекла цѣлый рой заимодавцевъ всякаго разбору (рис. 36), а Христіану не оставалось ничего, какъ

стоять передъ ними, пожимая плечами ,разводя руками и приговаривая разныя несвязныя рѣчи. Новоизобрѣтенная скрипка подъ мышкой и смычокъ, переходившій во время разговора изъ руки въ руку, показывали сильное смущеніе, въ которое бѣдный и безтолковый геній поставленъ былъ нахальными требованіями разночинцевъ. Впереди всѣхъ довольно смѣло насту-

рис. 36.

палъ человѣкъ, надъ лавкой котораго была явственная надпись: «овошенная, мыльная и фруктовая лавка, бакалейный товаръ и свѣчи». Этотъ человѣкъ, какъ видите, держитъ покуда еще тѣло свое въ довольно почтительномъ положеніи, но бородой потрясаетъ самымъ непріятнымъ образомъ, и рѣчи испускаетъ довольно грубыя: спина, по привычкѣ, кланяется, но борода грубіянитъ. Увѣряя, что въ убытокъ

нельзя, и ссылаясь въ этомъ на плотнаго Ѳедулова, у котораго Христіанъ забиралъ сукно и другой аршинный товаръ, передовой бородачъ едва ли не даетъ бѣдному Христіану острастку, обнадеживая его, что-де «на вашего брата можно еще найти судъ, не больно ужъ вы-де большой человѣкъ; коли такіе станутъ обижать нашего брата, такъ это хоть въ землю ложись», изъ чего вы и можете заключить, что хозяинъ бакалейной и свѣчной лавки есть коренной сумбурецъ, который полагаетъ, что большому человѣку можно и не платить долговъ своихъ, тогда какъ это есть непремѣнная обязанность маленькаго человѣка. Ѳедуловъ поддакиваетъ,—но самъ мало пускается въ обстоятельный разговоръ, изъ опасенія прикусить себѣ языкъ, потому что Ѳедуловъ нашъ заика. Онъ въ разговорѣ особеннымъ образомъ прищелкивалъ языкомъ, почему въ Сумбурѣ и была постоянно въ оборотѣ острота, что Ѳедуловъ жалѣетъ товаръ, отдававаемый покупателю, и съ трудомъ только съ добромъ своимъ разстается. Если Ѳедуловъ, по обычаю своему, щелкалъ языкомъ, отпуская товаръ на Христіана, то вѣщее его не обмануло; было о чемъ жалѣть; едва ли Ѳедулову не придется, также по давнишнему обычаю его, разложить товаръ этотъ на другихъ, болѣе исправныхъ плательщиковъ, потому что опять таки въ убытокъ торговать нельзя, и если одинъ не платитъ, то надо выручить деньги съ другого. О салопницѣ, которая выходитъ въ дверь, потерявъ, видно, всякую надежду на удовлетвореніе, вѣроятно, довольно скромныхъ требованій своихъ, говорить не станемъ; не понимаемъ, какіе у нея могутъ быть съ нимъ счеты, если это не швея или не прачка; одна изъ нихъ рябая, другая курносая, а какъ тутъ лица не видать, то и нельзя рѣшить сомнѣнія. Но четвертый пѣтухъ-наступникъ или левъ-обидчикъ заслуживаетъ болѣе вниманія, по-

тому что безнадежная молчаливость его и горькое отчаяніе, выражающееся въ стиснутыхъ зубахъ, вызываетъ наше состраданіе, хотя, глядя на него, беретъ смѣхъ и горе. Это Краусмагенъ, знаменитый настройщикъ, работавшій столько времени въ потѣ лица своего даромъ и лишенный надежды получить бѣдную плату за десяти-октавный рояль. Краусмагенъ, повидимому, припоминалъ въ эту минуту всѣ несчастія юдольной жизни своей, начиная отъ самохранной обороны противу знаменитаго ненавистника нѣмцевъ, и до настоящаго приключенія; смиряясь передъ судьбой, онъ уставилъ остойчивые, оловянные глаза въ свободный промежутокъ между заикой и краснобаемъ, и, покоряясь участи своей, ожидаетъ только, когда тотъ и другой выйдутъ съ пустыми руками, чтобы и самому въ грустномъ молчаніи за ними послѣдовать. Не знаю, былъ ли Краусмагенъ когда нибудь забіякой и заслужилъ ли этимъ участь свою — но, теперь по крайней мѣрѣ, онъ, по наружности, болѣе походитъ на мокрую курицу, чѣмъ на драчливаго пѣтуха.

Вотъ въ какомъ тревожномъ положеніи былъ Христіанъ нашъ, когда, наконецъ, Волковъ получилъ положительное письмо отъ отца, который призывалъ его немедленно въ Петербургъ. Больно задумался Христіанъ, когда другъ его пришелъ съ этою вѣстью, и не зналъ, какъ быть и что̀ дѣлать. Сумбуръ приводилъ его въ отчаяніе: онъ бы радъ ѣхать съ другомъ своимъ куда угодно, и уговорилъ было его взять сироту опять съ собою, но должники обложили его путями и веригами, не отпускали изъ города, грозили тюрьмой; и если угроза эта въ сущности не была слишкомъ опасна, потому что едва ли кто-нибудь изъ нихъ рѣшился бы внести ни за что̀, ни про что̀ кормовыя деньги, не менѣе того, однакоже, Віольдамуръ былъ уже обязанъ подпиской не выѣзжать изъ города

до уплаты своихъ долговъ. Дрожащею рукою подписывалъ Христіанушка жестокій приговоръ свой жить въ Сумбурѣ посмѣшищемъ для празднаго общества, котораго уваженіе утратилъ онъ невозвратно, и глядѣть не смигивая голодной смерти въ глаза. Пламенная дружба Волкова нѣсколько остыла, это правда; но онъ душевно соболѣзновалъ объ участи товарища, и теперь, когда насталъ часъ бѣдственной ралуки, подумалъ: «ну что, однакоже, если тутъ дѣйствительно гибнетъ непризнанное, неоцѣненное слѣпою толпой дарованіе—что, если будущій историкъ Віольдамура упрекнетъ Харитона Волкова, въ глазахъ многихъ безчувственныхъ, въ томъ, что онъ съ разсчетливою холодностью покинулъ друга и собрата своего въ нуждѣ и въ бѣдѣ, и спокойно уѣхалъ въ столицу?» — Воспламенившись этимъ, Волковъ едва было не предложилъ бумажникъ свой къ услугамъ друга, который и прежде неоднократно прибѣгалъ къ этой помощи, но, разсчитавъ на-скоро свою наличную казну, увидѣлъ, что это было бы слишкомъ безразсудно, и что они могли бы сѣсть, вслѣдствіе этого, оба въ Сумбурѣ, а старикъ-отецъ не сказалъ бы сыну своему спасиба за такое распоряженіи. Обдумавъ все это и объяснивъ по возможности Христіану, который, однакоже, очень худо понималъ это дѣло—Волковъ сдѣлалъ вотъ что: онъ успокоилъ, сколько могъ, самыхъ назойливымъ заимодавцевъ Віольдамура: хозяина дома, Ѳедулова и бакалейщика, обѣщавъ имъ скорую помощь; оставилъ втихомолку Христіану немножко деньжонокъ, посовѣтовалъ убѣдительно держать ихъ втайнѣ и расходовать только въ самой крайности; и, наконецъ, обѣщалъ упросить отца, чтобы онъ выкупилъ Христіана изъ петли и вызвалъ его въ столицу. Затѣмъ Харитонъ обнялъ друга, со слезой на глазахъ сѣлъ въ телѣжку, которая мѣрно прихра-

мывала за каждымъ оборотомъ кривого задняго колеса, и поплелся опять разсчитываться съ рыжими содержателями постоялыхъ дворовъ, съ дюжими сожительницами ихъ, съ извозчикомъ, который на каждомъ роздыхѣ приходилъ просить то на овесъ, то на сѣно— и отстаивить пожитки свои отъ немилосердныхъ, острыхъ щуповъ винныхъ досмотрщиковъ, которые безъ всякихъ околичностей прошиваютъ щупами этими каждую телѣгу насквозь, и прошили мнѣ такимъ образомъ толстый французскій словарь. Точно будто бы у нихъ въ рукахъ не простой заостренный желѣзный прутъ, который протыкаетъ все, что ни встрѣтитъ на пути, а какой-нибудь магическій жезлъ, дѣйствующій на одно только корчемное вино!

Христіанъ до того былъ огорченъ отъѣздомъ единственнаго въ Сумбурѣ человѣка, съ которымъ могъ еще вымолвить задушевное слово, человѣка, въ которомъ онъ всё-таки еще находилъ какую нибудь подпору, что плакалъ горько. Онъ хотѣлъ было проводить его, но ему совѣстно было дойти съ Волковымъ до покинутой заставы, гдѣ обыкновенно бѣлый козелъ занималъ въ осиротѣвшей будкѣ мѣсто часового, и не смѣть перешагнуть съ другомъ этотъ завѣтный порогъ, чтобы непріятелямъ его, или блюстителямъ порядка, не вздумалось его остановить, изъ опасенія, чтобы онъ не уѣхалъ изъ Сумбура. Въ нерѣшимости этой Христіанъ вышелъ было на крыльцо, но, увидѣвъ, что и тутъ уже борода окаяннаго бакалейщика торчитъ изъ за угла по одну сторону, а брюхо Ѳедулова по другую, онъ простился съ Волковымъ въ комнатѣ, проводилъ его до повозки, пожалъ ему руку, посмотрѣлъ на него умоляющимъ окомъ — и воротился домой.

Дома Христіанъ Христіановичъ походилъ скорыми шагами по комнатѣ, взглянулъ на рояль и отвер-

нулся — легъ врастяжку на диванъ, закинувъ обѣ руки за голову; потомъ вскочилъ и опять сталъ ходить, взялъ было кларнетъ, и опять положилъ; взялъ скрипку свою и смычокъ, побрянчалъ пальцами немножко, опять повѣсилъ скрипку, опять походилъ и, наконецъ, позвалъ заспаннаго Сеньку. Сенька вошелъ и глядѣлъ, приподнявъ усильно губы и брови, похлопывая вѣками, какъ человѣкъ, которому пришлось стоять и смотрѣть, Богъ вѣсть куда и къ чему, которому все на свѣтѣ надоѣло, кромѣ своего запечья. Христіанъ велѣлъ ему подать сахаръ, чайникъ, принести бутылку рому изъ погреба, за наличныя деньги, и повторилъ приказаніе свое громкимъ голосомъ дважды, потому что Семенъ, будучи нечаянно потревоженъ, худо понималъ съ перваго разу то, что̀ ему говорили. Семенъ пошелъ, пробормотавъ: «вотъ это такъ; что̀ дѣло, то дѣло». Когда приказаніе было исполнено, то Христіанъ разсчитался съ Семеномъ, заплативъ ему, что̀ слѣдовало, и немедленно отпустилъ. Получивъ наличныя денежки, Сенька нисколько не удивлялся отказу, не заботился о томъ, гдѣ пристроится и куда пойдетъ: онъ сообразилъ только, на первый случай, что погулять можно ухарски, и вышелъ. Христіанъ отпустилъ Семена для необходимаго сокращенія расходовъ; а прочее было сдѣлано, какъ для того, чтобы на прощанье воспользоваться еще разъ услугами его, такъ и для того, чтобы забыть на время горе.

И вотъ онъ сидитъ передъ вами (рис. 37), въ живописномъ положеніи, съ геройскою рѣшимостію позабыть горе свое и кручину во что̀ бы ни стало. Прелюдія гитары навела его, правда, на какую то не утѣшительную по наружности задумчивость, но за то другая подруга, подъ правымъ локтемъ, если еще и не утѣшила, то по крайней мѣрѣ согрѣла, и платокъ съ шеи сорванъ. Видно, грустная мысль какимъ то

оборотнемъ перебѣжала бѣдному Христіану дорогу, когда онъ, спустивъ гитару свою, съ такимъ отчаяніемъ сорвалъ съ себя платокъ, протянулъ лѣвую ногу и кинулся локтемъ на столикъ, на которомъ салфетка сбилась въ комокъ, а стаканъ, судя по бутылкѣ, много разъ уже опорожненный, полетѣлъ на полъ и напугалъ покоившагося подъ столомъ Аршета.

рис. 37.

Аршетъ вскочилъ и нюхаетъ, что̀ Богъ послалъ, но, обманутый въ надеждѣ, пятится задомъ, не зная, лечь ли опять или вскочить на окно и посмотрѣть на прохожихъ. Христіанъ ничего не видитъ, не слышитъ; по крайней мѣрѣ, все это не сто́итъ для него никакого вниманія; онъ думаетъ думу крѣпкую, а между тѣмъ, я полагаю, мальчики ходятъ у него въ глазахъ;

хмель, сонъ и явь путаются въ разстроенной головѣ, какъ кинутыя въ груду бумажныя вырѣзки для китайскихъ тѣней, гдѣ нитка цѣпляется за нитку, проволока за проволоку, носъ за косу, рука за ногу. Великолѣпная будущность, громкая слава на весь крещеный міръ—и нищенская сума; честный отъѣзъ изъ Сумбура, отверзтыя объятія въ Петербургѣ—и городской острогъ сумбурскій,—куча прославляемыхъ въ цѣлой Европѣ музыкальныхъ твореній, новыхъ, небывалыхъ, геніальныхъ; цѣлый рядъ улучшенныхъ тѣмъ же художникомъ инструментовъ; раскрытыя тайны истинной мусикіи, искажаемой доселѣ лжепророками своими—и немощная ничтожность, богадѣльня, сумасшедшій домъ, безвременная смерть;—все это являлось и смѣнялось поочередно въ головѣ Христіана быстрѣе молніи, и лицо его то рдѣло, глаза сверкали огнемъ предпріимчивой рѣшимости, то потухли внезапно, щеки остывали, и холодъ бѣгло пробирался изъ глубины груди до самыхъ ногтей, не только до перстовъ, и шевелилъ всклоченные на головѣ волосы, перебирая ихъ по одному, въ самомъ корнѣ ихъ, и подергивая всю поверхность тѣла гусиной шкуркой. Наконецъ, огонь, купленный изъ мыльной и бакалейной лавки за наличныя деньги, взялъ верхъ, низложилъ всѣхъ супостатовъ, и торжествующій Христіанъ, обнимаясь съ вѣрнымъ Аршетомъ, отъ умиленія и радости едва дотащился ползкомъ до кровати своей, въ которой видѣлъ какой то великолѣпный помостъ, и чуть только не тронъ королевскій; свалившись головою въ ноги, а ногами къ изголовью, онъ блаженствовалъ въ какомъ то баснословномъ царствѣ; высоко лежащія передъ нимъ на подушкахъ ноги придавали тѣлу его необычайную легкость, летучесть. Христіанъ забылся и уснулъ въ ту самую минуту, когда милліоны людей его окружали и возносили на рукахъ

своихъ къ небесамъ, между тѣмъ какъ оглушительные клики, говоръ и шумное торжество лишали его самого всякой возможности объясниться съ поклонниками своими, отблагодарить ихъ, хоть однимъ словомъ, показать свою признательность; поэтому Христіанъ Христіановичъ засыпая кивалъ только слегка головой и пошевеливалъ пальцами, желая хотя этимъ движеніемъ обнаружить свои признательныя чувства.

Съ этого рокового дня Христіанъ, оставшись одинъ въ лѣсу людей, ему чуждыхъ, одинокимъ, даже въ двухъ покойчикахъ своихъ, потому что уволилъ Сеньку,—за преобразованіемъ своего домашняго управленія, Христіанъ началъ дичить всё болѣе—и пить, во ожиданіи помощи Волкова, съ отчаянною рѣшимостію. Между тѣмъ, однакоже, самоувѣренность не упадала, и мысль, на которой онъ почти помѣшался, то есть нанести всей нынѣшней музыкѣ рѣшительный ударъ однимъ геніальнымъ твореніемъ и, такимъ образомъ, исхитить лавровый вѣнецъ изъ рукъ завистливыхъ враговъ и безсмысленныхъ толковниковъ,—мысль эта развивалась со дня на день съ бо́льшею силою, овладѣла, наконецъ, художникомъ нашимъ вовсе, и подъ наитіемъ вдохновенія ея приступилъ онъ, какъ изступленный, къ исполненію своего намѣренія. Христіанъ видѣлъ во снѣ и наяву могучіе звуки, которые должны были въ дивномъ и неслыханномъ доселѣ сочетаніи своемъ изумить весь міръ: звуки эти отзывались въ душѣ его поминальной симфоніей, передъ которою Моцартовъ *Реквіемъ* долженъ было разрушиться въ своемъ ничтожествѣ.

Надобно теперь припомнить, что Христіанъ былъ постояльцъ гробовщика, русскаго, но женатаго на доброй нѣмкѣ; она то заступалась за постояльца и земляка своего, сколько могла, передъ мужемъ, и ея покровительству Христіанъ обязанъ былъ, что его

доселѣ еще не выгнали на улицу, что даже потихоньку кормили—особенно въ послѣднее время, когда бѣдняку ничего не оставалось, какъ жить Христаради. Въ самое это время, когда онъ собирался разродиться своимъ «заупокоемъ», скончался въ Сумбурѣ прокуроръ, съ знаменитой тёщей котораго мы имѣли честь познакомиться на бѣдственной памяти концертѣ Христіана Христіановича. Кончина прокурора—дѣло довольно важное; готовились приличныя похороны; тёща проклинала, при растворенныхъ окнахъ, покойника, за то, что онъ оставилъ послѣ себя вдову и пятерыхъ сиротъ; называла его извергомъ, злостно скончавшимся, нечувствительнымъ варваромъ. Народъ отаптывалъ пороги, глядѣлъ, крестился, вздыхалъ, уходилъ—и толпа смѣнялась толпой. Пятеро взятыхъ на прокатъ поваровъ возились круглыя сутки на кухнѣ; услужливыя поминальщицы-женщины, которыя ни за что на свѣтѣ не упускаютъ ни однихъ похоронъ, суетились по дому въ черныхъ платьяхъ и платкахъ, которыми онѣ разъ навсегда обзавелись, въ надеждѣ проводить сорокъ покойниковъ и заслужить этимъ царство небесное; учитель, или бакалавръ всѣхъ на свѣтѣ наукъ, пользуясь свободнымъ доступомъ въ домъ покойника черни, нищихъ, калѣкъ, юродивыхъ—расхаживалъ по комнатамъ, какъ по кафедрѣ, и несъ, не запинаясь, страшную чепуху, которую народъ слушалъ съ умиленіемъ; словомъ, въ домѣ покойника все было въ своемъ порядкѣ, а гробовщикъ, хозяинъ Христіана, выставилъ уже оконченный гробъ въ сѣни и побѣжалъ нанять пару солдатъ, чтобы отнесли его, куда слѣдуетъ.

Въ этотъ промежутокъ времени, Христіанъ возвращался съ уединенной прогулки, на которой не видалъ ни красотъ сумбурской природы, ни встрѣчныхъ людей, а былъ занятъ однимъ только—созданіемъ сво-

имъ. *Заупокой* бродило у него въ головѣ и до того овладѣло воображеніемъ его, что онъ шатался какъ неистовый, какъ изступленный, и только собирался приступить съ вечера къ работѣ и просидѣть всю ночь. Прокурорскій гробъ съ принадлежностью попадается ему на глаза при входѣ въ сѣни: Христіанъ внезапно

рис. 38.

схватываетъ его и уноситъ въ свою комнату, въ которую дверь шла изъ этихъ же сѣней. Полу-помѣшанный другъ нашъ обрадовался находкѣ этой, какъ кладу, и былъ не въ состояніи размыслить, что́ онъ дѣлаетъ. Дверь снутри немедленно заперта была на ключъ и на задвижку, окна завѣшаны, гробъ поставленъ среди комнаты на два стула (рис. 38), свѣча приткнута на гвоздь, вбитый въ стѣну, старинныя, маленькія кла-

викорды, взятыя не задолго передъ тѣмъ у доброй хозяйки-гробовщицы и заступившія мѣсто пышнаго десяти-октавнаго рояля,—поставлены верхомъ поперекъ прокурорскаго гроба, затѣмъ Христіанъ сѣлъ въ него, и работа закипѣла. Къ довершенію картины, самъ Христіанъ Христіановичъ надѣлъ на себя взятый вмѣстѣ съ гробомъ погребальный плащъ и широкополую шляпу; бутылка явилась на клавикордахъ, и какъ тутъ некогда было думать о пуншѣ, то неприхотливый сочинитель удовольствовался и голымъ ямайскимъ ромомъ. Ямайскимъ говорю я потому, что всякую вещь надобно назвать своимъ именемъ: а на ярлыкѣ напечатано было такъ; хотя этотъ *ямайскій* былъ природный русакъ и путешествовалъ, какъ многіе странники, не перешагнувъ родного порога. Бѣдный Аршетъ, понимая трезвой головой своей лучше барина своего, какъ мало во всемъ этомъ толку, предчувствуя можетъ быть бѣду, которую, какъ многіе увѣряютъ, собаки предчувствовать умѣютъ—въ первый разъ исчезъ съ картины нашей и, вѣроятно, заползъ куда-нибудь въ темный уголокъ. Излишнимъ считаемъ объяснять, что Христіанъ сдѣлалъ всѣ пріуготовленія эти, надѣясь болѣе настроить свое воображеніе. Онъ сидѣлъ или лежалъ въ гробу, чувствовалъ все, что долженъ бы чувствовать покойникъ, если бы онъ былъ живъ, и потому съ бо́льшею силою могъ передать въ звукахъ и созвучіяхъ эти чувства. Здѣсь остается замѣтить только два обстоятельства: во первыхъ, что Христіанъ, укладываясь въ домовину, не забылъ запастись фаготомъ, какъ инструментомъ, господствующимъ въ знаменитомъ твореніи Моцарта, хотя отнюдь не хотѣлъ подражать ему; во-вторыхъ, что небо надъ Христіаномъ заволакиваетъ уже молніеносными тучами: огромная занавѣсъ, которая должна содержать втайнѣ геніальное предпріятіе Христіана, уже

дымится отъ неосторожно подставленной свѣчи; но самобытный сочинитель *заупокоя* ничего не замѣчаетъ, и, оглушенный внутреннею музыкой души своей, вдохновенно дописываетъ четвертую строчку вступленія. Не думайте, чтобы Христіанъ достигъ теперь высшей степени сумасбродства: вы, къ сожалѣнію, видѣли только цвѣточки, а ягодки будутъ впереди. Христіанъ пошелъ такимъ путемъ, гдѣ люди съ половины дороги не возвращаются.

Но оставимъ восторженнаго, изступленнаго сочинителя и обратимся къ покойному прокурору, котораго любимый анекдотъ, затверженный сумбурцами давно наизусть, былъ тотъ, какъ ему однажды досталось переночевать на полу, по поводу того, что кровать среди бѣлаго дня пропала безъ вѣсти; ее вынесли для очистки, на дворъ, а со двора какой то промышленникъ снесъ ее прямо на рынокъ. Итакъ, вотъ участь бѣднаго прокурора: за-живо у него украли кровать, и онъ принужденъ былъ переночевать на полу; но какъ быть теперь, когда у него украли гробъ, а пора пришла такая, что ему безъ гроба жить нельзя?... Гробовщикъ, приведши людей, крайне изумился, когда гроба не оказалось въ сѣняхъ, куда онъ его поставилъ; вошедши въ комнату, онъ сталъ съ неудовольствіемъ выговаривать Катеринѣ своей, что она произвела такой безпорядокъ, и спрашивалъ, куда она дѣвала гробъ. Недоумѣнія и объясненія кончились тѣмъ, что гроба нѣтъ; и необычайное приключеніе это было причиною большой тревоги. Городничій, игравшій въ бостонъ у одного изъ совѣтниковъ, конечно, не потревожился по этому поводу, и не пошелъ разыскивать такую странную покражу; не менѣе того, однакоже, какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ домахъ, много было разговору и смѣху о томъ, что у прокурора украли гробъ. — Вотъ что́ называется отомстить

чувствительно—сказалъ со вздохомъ одинъ изъ гостей,—украсть гробъ у покойника—это еще хуже, чѣмъ отнять у нищаго суму!—Бѣдная Акулина Ивановна,—сказала другая, — какъ это должно быть ей прискорбно!—Отчего же такъ?—спросилъ третій:—вѣдь она же не за два гроба заплатила, а за одинъ; сдѣлаютъ другой, а этотъ мастеръ ищи себѣ на томъ, за кѣмъ пропалъ.—Да онъ какимъ бархатомъ былъ обитъ?—спросилъ острякъ.—Малиновымъ,—отвѣчалъ кто-то.—Ну, такъ по малиновой дорожкѣ побѣжалъ!»—и громкій хохотъ привѣтствовалъ эту сумбурскую остроту.

Если пропажа прокурорскаго гроба не подняла городничаго на ноги и не отозвала его отъ зеленаго сукна, то вслѣдъ затѣмъ, черезъ запыхавшагося сосѣда, вбѣжавшаго опрометью въ домъ, передъ которымъ стояли городническія дрожки, получено было другое извѣстіе, которое заставило городничаго бросить изъ рукъ мѣлокъ, съ восклицаніемъ: «ни днемъ ни ночью не дадутъ покою: чтобы имъ всѣмъ погорѣть»—и нехотя отправился на мѣсто происшествія (рис. 39). Домъ гробовщика, или вѣрнѣе Клячева, горѣлъ. Если угодно взглянуть на пожаръ этотъ и на все, что тутъ дѣлается, то загадка будетъ вамъ разгадана; Христіанъ Христіановичъ, котораго задушилъ было дымъ въ комнатѣ, отъ подожженой занавѣски, и который насилу выломалъ дверь, мечется въ погребальномъ нарядѣ своемъ на улицу, и жадно дышитъ свѣжимъ воздухомъ; испуганный Аршетъ, упавшая навзничъ гробовая крышка и скатившійся съ нея черепъ—все это уже по себѣ достаточно объясняетъ дѣло. Тутъ же вы видите гробового мастера, спасающаго остальные, запасные гробы свои; такъ всякій думаетъ о своемъ добрѣ—и если никто изъ обитателей Сумбура не далъ бы гробовщику за весь запасъ этотъ ни одного ломанаго гроша, то гробовщикъ не менѣе того былъ

увѣренъ, что каждый въ свою очередь заплатитъ сполна что слѣдуетъ за свою будку, которую мастеръ нашъ, чтобы не пугать людей, называлъ обыкновенно въ разговорѣ «деревяннымъ тулупомъ».

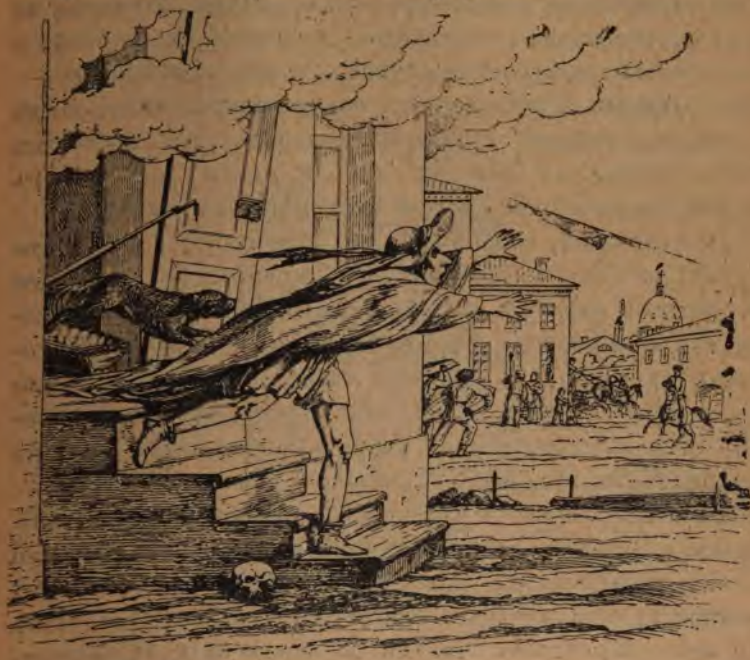


рис. 39.

Въ отдаленіи видите вы и пожарную команду, которая на этотъ разъ является съ чрезвычайною исправностію, и каланчу съ пожарнымъ знакомъ, и сосѣда, вышедшаго съ помеломъ отстаивать свой уголъ, и бабу съ грудянымъ ребенкомъ, которая вышла посмотрѣть, «какъ горитъ гробовщикъ» — и, наконецъ, пару уличныхъ мальчишекъ, которые любуются, зѣвая на пожарную команду, и жмутся къ углу, чтобы ихъ не раздавили.

Но Христіанъ нашъ, бѣдный, въ какомъ онъ положеніи? Босой, полунагой, въ погребальномъ плащѣ и шляпѣ, растерзанный бѣдствіемъ, восторженный до неистовства будущимъ созданіемъ своимъ, пробужденный внезапнымъ испугомъ, когда пламя объяло уже весь потолокъ, и, наконецъ, разгоряченный и разстроенный ямайскою подругой; все это вмѣстѣ обратило бѣднаго Христіана въ совершенное подобіе бакалавра, лишило временно человѣческаго разсудка; сбѣжавшійся на пожаръ народъ, видя человѣка въ такой необычайной одеждѣ, который всё еще метался какъ угорѣлый, воображая, что онъ горитъ, счелъ его антихристомъ и злобнымъ поджигателемъ; а когда Христіанъ вдругъ, въ порывѣ отчаянія, кинулся въ объятый пламенемъ домъ, умоляя всѣхъ о спасеніи его партитуры, то, не зная такой женщины въ Сумбурѣ и не понимая, чего онъ хочетъ, его выхватили изъ огня за полы черной хламиды и передали въ руки охранительной власти. Христіанъ упалъ въ совершенномъ изнеможеніи, и городовой, которому онъ отданъ былъ на руки, стерегъ его въ продолженіе пожара, точно какъ земскій караулъ стережетъ неприкосновенное до полицейскаго свидѣтельства мертвое тѣло, то есть Христіанъ лежалъ на землѣ безъ чувства, а городовой сидѣлъ подлѣ и зѣвалъ по сторонамъ, покрикивая: — Пошли прочь! чего не видали? Не подходить!

Вслѣдъ за концомъ пожара, который вскорѣ былъ потушенъ и большой бѣды не надѣлалъ, городничій сталъ отдавать частному приказаніе о «произведеніи слѣдствія», какъ вдругъ несчастный гробовщикъ повалился ему въ ноги, съ горькой жалобой на своего постояльца, который денегъ не платитъ, ночной музыкой всѣхъ выживаетъ изъ дому, воруетъ заказанные къ сроку гробы, какъ доказываетъ уцѣлѣвшая еще

крышка прокурорскаго тулупа, и, наконецъ, поджигаетъ дома! Доводовъ этихъ было бы, конечно, достаточно, чтобы взять Христіана, до времени, подъ стражу, но одинъ взглядъ на положеніе его и подавно показывалъ необходимость подобной мѣры. Пришедши нѣсколько въ себя, онъ сидѣлъ на землѣ съ дикимъ, разстроеннымъ лицомъ, ревѣлъ по временамъ и завывалъ, а потомъ писалъ на пескѣ пальцемъ крючки и хвостики съ круглыми головками. На всѣ вопросы и

рис. 40.

допросы, онъ твѣчалъ отрывками изъ своего *заупокою*, утѣшалъ предстоящихъ тѣмъ, что помнитъ все вступленіе наизусть и напишетъ его снова, а между тѣмъ отмахивался руками отъ какихъ то докучливыхъ видѣній.

— А, чортики показались — сказалъ городничій, знакомый уже съ подобными случаями:—ну, такъ ведите его въ больницу Приказа.

Городовой и пожарный взяли Христіана подъ руки и повели его (рис. 40). Онъ переставлялъ ноги, какъ

послушное, но глупое дитя, обнялъ одной рукой городового и повисъ на немъ всею тяжестію своею; хламида волочилась сзади по землѣ, вѣрный Аршетъ не отставалъ; встрѣчные уличные мальчишки съ любопытствомъ забѣгáли впередъ и заглядывали арестанту въ глазá, а двое изъ нихъ проводили Христіана до самыхъ воротъ больницы, лежавшей зà городомъ: это были именно какой то найденышъ, знаменитый игрокъ въ кòзны, котораго мѣщанство содержало, какъ богоугодное дѣло, на свой счетъ, чтобы потомъ отдать въ зачетъ въ рекруты, и кантонистъ, состоящій на пропитаніи родителей и представляющійся намъ въ выслуженной амуниціи своего отставного отца. Затѣмъ, не взыщите за неказистый обликъ пожарнаго служителя; онъ, какъ и всѣ товарищи его, выбранъ изъ числа *неспособныхъ* баталіона внутренней стражи; поэтому и рожа у него самая *неспособная*.

Итакъ, между тѣмъ какъ Харитонъ Волковъ, вѣроятно, давно уже прибылъ благополучно въ отчій домъ и наслаждался всѣми удобствами домашней и столичной жизни, вотъ какая участь постигла друга его, Христіана Віольдамура!

Съ вечера не безпокоили Христіана въ больницѣ, а оставили въ пріемной до утра, но за то утромъ обмыли, одѣли и сдали на руки фельдшеру горячечной палаты, а вскорѣ собрались и господа ординаторы. Больница, вновь устроенная на счетъ завѣщанной однимъ богатымъ купцомъ суммы, была, какъ новенькая, въ весьма хорошемъ положеніи, въ чемъ читатели наши могутъ наглядно убѣдиться (рис. 41). Воспользовавшись рѣдкимъ, но тѣмъ болѣе пріятнымъ явленіемъ этимъ, сочинитель картины не хотѣлъ представить читателю печальный видъ обыкновенной городской больницы, а выставилъ ту, о которой мы теперь говоримъ, въ настоящемъ ея видѣ. Христіанъ, кото-

рый лежитъ передъ нами зажмурившись, отвернулся отъ фельдшера, и явнымъ образомъ несетъ безсвязную чепуху, бредитъ; а какого рода бредъ и горячка его одолѣли—это также ясно обозначено на доскѣ, у изголовья Христіана, хотя фельдшеръ нашъ, не природный латынянинъ, привѣсилъ какой то крючокъ къ послѣднему слову; вмѣсто обыкновеннаго латинскаго s. Delirium tremens—называется по-русски бѣлая горячка,

рис. 41.

или, еще яснѣе, горячка съ перепою. Въ Сумбурѣ говаривали въ такихъ случаяхъ просто: «онъ допился до чортиковъ»—выраженіе вполнѣ основательное, потому что больной въ болѣзни этой всегда почти видитъ безобразныхъ звѣрьковъ и чертенятъ, которые отовсюду его окружаютъ, преслѣдуютъ, лѣзутъ подъ одѣяло, прыгаютъ по полу и садятся ему на носъ. Вотъ до какихъ свѣтлыхъ видѣній дожилъ Христіанъ Христіановичъ,—вотъ какія невинныя мечты его теперь занимаютъ!

Окружающіе его врачи, какъ видно, принадлежатъ къ тремъ различнымъ школамъ, и не заботясь другъ о другѣ, занимаются каждый своимъ предметомъ. Въ срединѣ плотный аллопатъ, который разсматриваетъ и обнюхиваетъ снадобицу довольно приличныхъ такому важному случаю размѣровъ; надобно полагать, что если выпьешь ее, то средство не останется безъ какого-нибудь дѣйствія; кастрюля, въ которой варили мѣшаницу эту, почернѣла, а цѣдилка сгорѣла, потому что туда положено было, на всякій случай, для бо̀льшей увѣренности въ дѣйствіи, всякой всячины. Докторъ надѣялся сдѣлать этимъ вредное безвреднымъ и усилить дѣйствіе полезнаго. При всемъ томъ маленькое сомнѣніе смущаетъ почтеннаго доктора: онъ нюхаетъ и ему кажется, что микстура какъ то слаба, ревенемъ пахнетъ, и нашатыремъ также, и горькими травами, и сладкими, и кислыми, и солеными—но всё какъ будто еще чего то недостаетъ. Насупротивъ его сидитъ человѣкъ, болѣе довѣрчивый къ силамъ природы, человѣкъ, который полагаетъ, что великанскою бутылкою товарища его можно исцѣлить или уморить цѣлую армію; человѣкъ, однимъ словомъ, поставившій четыре скляночки на ладонь, и разсматривающій ихъ въ микроскопъ. Кажется, они выставили снаряды свои на зло другъ другу и во всякомъ случаѣ менѣе занимаются больнымъ, чѣмъ этими плохими игрушками. Но чтобы спасти Христіана отъ такихъ крайностей, отъ безконечно малаго и безконечно великаго, явился самъ старшій врачъ больницы и прописываетъ величину соизмѣримую: два ушата воды и полпуда льду. Старшій врачъ отчаянный гидропатъ; у него вода отвѣчаетъ за все, дай Богъ только, чтобы онъ самъ за нее могъ въ свое время дать отвѣтъ. А если справедливо, что господа эти, всякій своимъ путемъ, дѣйствительно достигаютъ до одной и той же цѣли—то на-

добно признаться, что природа или безконечно услужлива, или же непоколебима на пути своемъ, и, вопреки всѣхъ противодѣйствій, достигаетъ потребности своей, всюду, гдѣ это по законамъ ея возможно.

Ледъ, кровопусканія и мушки съ принадлежностію, а затѣмъ опій—сдѣлали свое дѣло, какъ по крайней мѣрѣ врачи наши полагали—и Христіанъ началъ оправляться. Не станемъ спорить о томъ, сколько средства эти принесли вреда или пользы и лучше ли, хуже ли было бы теперь больному, если бы его просто оставили въ покоѣ, но скажемъ только, что продолжительное пользованіе въ больницѣ Приказа, строгая діэта, и, наконецъ, сотоварищество двухъ сосѣдей по кроватямъ, допившихся также до чортиковъ, привело выздоравливающаго въ совершенное отчаяніе. Вышедши утромъ на зарѣ изъ палаты своей въ коридоръ, Христіанъ вдругъ услышалъ знакомый ему лай и визгъ—вся душа въ немъ запрыгала, и опрометью бросился онъ къ круглому оконцу, сдѣланному для очистки воздуха. Аршетъ, тощій, голодный, взвивался на дыбы передъ окномъ, вертѣлъ хвостомъ, выл и лаялъ отъ радости и умиленія. У Христиньки слезы навернулись на глазахъ—онъ вспомнилъ въ одну минуту все прошлое—родину, отчій домъ, благополучные дни въ Малой Болотной—тоска по родинѣ одолѣла его въ высшей степени, и онъ, ни о чемъ болѣе не размышляя (рис. 42), кинулъ въ окно чубарое байковое одѣяло, которое было у него въ походѣ этомъ на плечахъ—и самъ вслѣдъ за нимъ осторожно спустился изъ окна. Вылазка эта требовала нѣкоторой ловкости и смѣлости, потому что тѣсное окно было довольно высоко отъ земли, и Христіану пришлось спускаться изъ него задомъ безъ оглядки,—но все это совершилось благополучно, и только послѣ долгихъ объятій съ единственнымъ другомъ своимъ, Христіанъ, осмотрѣвшись хоро-

шенько, увидѣлъ, что онъ попалъ не на улицу, а на дворъ, обнесенный превысокимъ заборомъ, и что у калитки сидѣлъ сторожъ. Сердце Христіана замерло: сидя на корточкахъ, онъ сталъ жаться въ уголъ отъ страху, но понемногу разсмотрѣлъ, что добрый сторожъ также сидитъ, прижавшись къ углу, обнявъ свою

рис. 42.

сторожевую дубинку и уткнувъ носъ въ колѣни. Положеніе это Христіану показалось подозрительнымъ, онъ сталъ всматриваться посмѣлѣе и убѣдился, что сторожъ спалъ богатырскимъ сномъ. Такъ то смирныхъ и спокойныхъ сумбурцевъ снаружи города оберегали козлы, поселившіеся въ упраздненныхъ будкахъ, снутри сонные сторожа,—и городъ, благодаря

Бога, всё еще благополучно стоялъ на своемъ мѣстѣ. Христіанъ съ Аршетомъ спокойно прошли мимо караула: чистое поле и свобода показались имъ раемъ. Аршетъ, по обычаю своему, пошелъ ходить на кругахъ около своего барина, а этотъ, вышедъ изъ душной больницы, послѣ тяжкой болѣзни, на свѣжій воздухъ, гонялся какъ школьникъ за Аршетомъ, не заботясь о томъ, что былъ безъ обуви, что потерялъ туфли свои во время вылазки, что у него на головѣ колпакъ, а на плечахъ чубарое шерстяное одѣяло. Въ этомъ нарядѣ готтентотовъ Христіанъ прошелъ по всему городу; но какъ было еще очень рано, то онъ и не встрѣтилъ никого, кромѣ артели плотниковъ, шедшихъ на работу.

Христіанъ нашелъ жилье свое въ жалкомъ положеніи: окна выбиты, дверь выломана, все обгорѣло, и разные обломки на полу. Съ отчаяніемъ смотрѣлъ онъ на разстройство этого послѣдняго убѣжища своего и, трагически сложивъ руки, выставивъ ногу, оглядывалъ нагія стѣны; потомъ схватилъ съ головы колпакъ, бросилъ его на полъ, окинулъ мантію свою дикимъ взглядомъ, между тѣмъ какъ услужливый Аршетъ, желая показать, что онъ не позабылъ еще всѣхъ штукъ своихъ, кинулся опрометью, подхватилъ колпакъ въ зубы и, кобенясь какъ пристяжная, подскочилъ къ своему господину, всталъ на дыбы и подалъ ему поноску. Христіанъ опять кинулъ колпакъ, сказавъ: тубо—и Аршетъ, поджавъ хвостъ, прилегъ. Въ эту минуту шорохъ послышался въ сѣняхъ. Христіанъ взглянулъ и увидѣлъ добрую свою хозяйку. Она обрадовалась ему почти какъ сыну и, узнавъ послѣ многихъ восклицаній, что Христіанушка голодалъ три недѣли, побѣжала и въ самомъ скоромъ времени поставила ему на столъ прекрасный завтракъ. (рис. 43). Христіанъ принялся ѣсть, какъ работникъ на хозяйскихъ харчахъ,

пригласивъ съ собою за столъ Аршета, и очищалъ все съ такою поспѣшностію, что добрая Катерина едва поспѣвала поставкой новаго продовольствія.

рис. 43.

Но минуты наслажденія вообще коротки на свѣтѣ, а тѣмъ болѣе если спѣшишь вкусить ихъ съ такою жадностію, какъ теперь Христіанъ. Въ полчаса онъ наѣлся и напился до-сыта, и сталъ поневолѣ размышлять о томъ, что́ же, наконецъ, теперь начать и куда дѣваться. Хозяйка обрадовала его вѣстію, что часть достоянія его была спасена отъ пожара, и Христіанъ могъ на первый случай какъ-нибудь одѣться. Сидѣть нагимъ, въ погорѣлой каморкѣ, обернувшись въ боль-

ничное одѣяло, и не знать, чѣмъ прикрыть наготу свою и гдѣ взять кусокъ черстваго хлѣба для утоленія голода, предвидѣть, что вскорѣ тебя, вѣроятно, выгонятъ даже изъ этой погорѣлой каморки—это плохо, очень плохо; въ такомъ положеніи какой-нибудь сюртукъ и пара сапоговъ вещи драгоцѣнныя,—не менѣе того, однакоже, онѣ не спасаютъ ни отъ голоду, ни отъ долговъ, ни отъ скитальческой жизни подъ заборами, ни даже отъ тюрьмы. Тюрьма, впрочемъ, которая всегда казалась такою страшною Христіану, сдѣлалась теперь, послѣ здраваго размышленія, почти цѣлію его желаній; онъ не видѣлъ никакаго пристанища, ни средства избавиться отъ положенія, которое было для него нестерпимо.

Бѣдный и безтолковый Христіанъ! сколько еще суждено тебѣ испытать переворотовъ, сколько надѣлать глупостей,—и между прочимъ, сколько на слѣдующій же день внезапныхъ ощущеній радости, боязни и отчаянія!

Во первыхъ, Христіана посадили было въ Каменный Мѣшокъ, какъ бѣглеца изъ больницы, который унесъ сверхъ того на себѣ бѣлье и одѣяло. Но гидропатъ, довольный своимъ успѣшнымъ лѣченіемъ, простилъ повинившагося передъ нимъ бродягу. Возвращаясь съ этой проходки, Христіанъ встрѣтилъ въ домѣ гробовщика такую радостную вѣсть, отъ которой чуть снова не кинуло его въ бѣлую горячку, къ которой Христіанъ, по сложенію своему, имѣлъ большую наклонность: почталіонъ принесъ повѣстку!—О, это безъ сомнѣнія добрый, благородный другъ, Харитонъ Волковъ, который поставляетъ предѣлъ страданіемъ бѣдняка, выкупаетъ его и даетъ ему средства немедленно возвратиться въ столицу! Не станемъ, однакоже, говорить о золотыхъ, восхищенныхъ грезахъ Христіана, который воображалъ, что скачетъ уже по почтовому

тракту, когда пустился бѣжать съ такою поспѣшностію на почту, что хозяинъ его, гробовщикъ, едва могъ за нимъ угоняться. Осторожный гробовщикъ не хотѣлъ упустить вѣрнаго случая получить должокъ съ постояльца, и потому, поздравивъ его такимъ вѣжливымъ образомъ, какъ давно съ нимъ не говорилъ, схватилъ въ ту же минуту шляпу и просилъ позволенія проводить милостивца на почту. Но увы! повѣстку Христіану прислали, а денегъ ему не выдавали: уже Ѳедулъ и заика, которые оба въ убытокъ торговать не намѣрены, предупредили гробовщика и самого Христіана, успѣли исходатайствовать запрещеніе на присланное движимое имущество Христіана. Посылку раздѣлили на заимодавцевъ, и бѣдному Христіану по усамъ текло, а въ ротъ не попало, и даже долги не всѣ еще были уплачены. Харитонъ писалъ, что отецъ его, какъ человѣкъ небогатый, при всемъ желаніи своемъ не можетъ выслать болѣе; не упоминалъ о старомъ долгѣ Христіана, извинялся, надѣялся, что Христіанъ приметъ и этотъ малый даръ дружбы и распорядится хозяйственнымъ образомъ, обрадуетъ ихъ скорымъ пріѣздомъ, и прочее. Когда бѣдный Христіанъ сидѣлъ, повѣсивъ носъ надъ этимъ письмомъ, и горько плакалъ, то передъ нимъ внезапно предсталъ, ухмыляясь, человѣкъ, высокій, сухой, и, кивая привѣтливо головой, поздравлялъ съ пріятными новостями, надѣясь теперь на уплату должка... это былъ Краусмагенъ, до котораго теперь только дошла вѣсть о прибывшихъ изъ столицы богатствахъ Христіана, и который былъ горько разочарованъ въ своей тщетной надеждѣ. Видно, Ѳедулъ и заика жили съ почтмейстеромъ въ болѣе тѣсныхъ связяхъ, чѣмъ фортепіанный настройщикъ!

Христіанъ скорбѣлъ о новомъ ударѣ; при всемъ томъ, однакоже, онъ выигралъ черезъ посылку эту не мало, и обязанъ былъ Волкову за временное свое

спасеніе: полученіе изъ столицы депегъ придавало въ Сумбурѣ много вѣсу получителю; довѣріе къ нему въ такихъ случаяхъ всегда подымалось на нѣсколько процентовъ; а какъ гробовщикъ получилъ часть долгу, то согласился оставить еще у себя въ домѣ Христіана, до полученія имъ вторичной подмоги, а прочіе заимодавцы стали менѣе тѣснить бѣдняка, полагая, что онъ еще не вовсе несостоятеленъ.

Увидѣвъ, что дѣлать тутъ больше нечего, Христіанъ, пожавъ плечами, принужденъ былъ удовольствоваться и этою временною льготою, хотя не зналъ, какъ выпутаться изъ мотни, въ которую влѣзъ. Со скуки и отчаянья онъ пошелъ пройтись въ сумбурскій знаменитый садъ и долго ходилъ тамъ по гладенькимъ дорожкамъ, придумывая, какъ бы найти такой же ровный и гладкій путь изъ бездны, въ которую, какъ онъ полагалъ, судьба его повергла. Но пути жизни, даже самой счастливой и безмятежной, не говоря уже о жизни нашего героя, далеко не такъ убиты и усыпаны, какъ дорожки сумбурскаго сада, которымъ щеголялъ городъ, и на который голова, въ угоду публики, отпускалъ значительныя городскія деньги. На пути жизни безпрестанно встрѣчаются пни и кочки, безконечно разнородныя, но всё-таки это кочки. Одну изъ такихъ кочекъ встрѣтилъ и Христіанъ во время прогулки своей, встрѣтилъ не только на пути жизни, но и на гладенькой дорожкѣ сумбурскаго сада, вѣроятно, именно на той точкѣ, гдѣ путь жизни его и дорожки этого сада сходились. Объяснимся.

Я упомянулъ уже о сумбурскихъ поминальщицахъ, или могильщицахъ, которыя держатъ у себя постоянно черное платье и накалываютъ черный чепецъ каждый разъ, когда ожидаютъ чьей либо въ городѣ кончины, которыя не упускаютъ ни однихъ похоронъ и услужливо являются распоряжаться въ это время хозяй-

ствомъ, едва только человѣкъ испуститъ дыханіе свое, и въ домѣ, по сумбурскому обычаю, начнется плачъ при открытыхъ дверяхъ и окнахъ: я бы могъ вамъ разсказать также кое-что о всеобщихъ распорядительницахъ на свадьбахъ, и замѣтить, что бо́льшая часть зловѣщихъ этихъ воро́нъ держали веселый подборъ платья, снаряжаясь то въ черное, то въ цвѣтное, смотря по тому, смерть ли съ кѣмъ въ городѣ приключилась, или свадьба, и каркали то на тотъ, но на другой ладъ; но, оставивъ все это, обратимся теперь къ третьему разряду сумбурокъ, разряду, который, впрочемъ, нерѣдко перемѣшивался съ однимъ изъ первыхъ, и состоялъ изъ свахъ. Вдовы, называвшія себя сиротами, преимущественно служили вольноопредѣляющимися въ этомъ полку, который дѣйствовалъ всегда только разсыпнымъ строемъ,—а нѣкоторыя почтенныя замужнія женщины приписывались къ нему по долгу и обязанности службы своей, постоянно отыскивая невѣстъ и жениховъ для своихъ подчиненныхъ или для начальства. И вотъ какую кочку встрѣтилъ Христіанъ нашъ въ саду: Степаниду Павловну, которую вы, конечно, знаете, или, по крайней мѣрѣ слышали объ ней, потому что ее знаютъ всѣ, и не только въ Сумбурѣ, а гораздо далѣе; спросите хоть въ Нижнемъ, такъ услышите, что и тамъ ее знаютъ. Въ Нижній она ѣздитъ постоянно на ярмарку, потому что тамъ, какъ говоритъ, схоронила мужа своего; и тамъ она, отслуживъ по немъ память, успѣваетъ каждогодно угождать многимъ господамъ, устроивъ будущую ихъ судьбу. Она такъ знаетъ свое дѣло, что, пріѣхавъ въ чужой городъ, къ чужимъ людямъ, не менѣе того тотчасъ же пускается въ свое ремесло и бо́льшею частію довольно успѣшно. Въ сутки узнаетъ она все, что́ ей о комъ знать нужно; пото́мъ смѣло, хотя и очень осторожно и таинственно, при-

ступаетъ къ избранному ею предмету, обольщаетъ его намеками на страстную любовь дѣвицы, которой онъ, можетъ быть, доселѣ и не видалъ или не замѣтилъ— и если не встрѣтитъ положительнаго отпора со стороны жениха, то является подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ въ домъ невѣсты, выставляетъ какъ улитка щупальцы свои и вертитъ дѣломъ, смотря по обстоятельствамъ. Послѣ этого объясненія, немудрено вамъ покажется, что она въ цѣломъ Сумбурѣ управляла подобными дѣлами совершенно какъ дома, въ своей семьѣ, и что поэтому тамъ привыкли говорить:—Степанида Павловна выдаетъ такую то за такого то, не упоминая вовсе о родителяхъ жениха или невѣсты, а называя прямо главнѣйшее дѣйствующее при этомъ лицо.

Степанида Павловна перешла сперва Христіану Христіановичу дорогу; на это было у нея свои причины, а потомъ, какъ будто вдругъ узнала его, очень ему обрадовалась, много разспрашивала о здоровьи и обстоятельствахъ его, а онъ спроста не могъ надивиться, нарадоваться этому небывалому участію женщины, которую встрѣчалъ когда то въ нѣкоторыхъ домахъ, и самъ пустился въ откровенныя объясненія.

— А есть одна особа,— такъ продолжала она (рис. 44),—есть одна особа, Христіанъ Христіановичъ, которая очень вами интересуется; очень и много объ васъ разспрашиваетъ, право; особа почтенная, молодая, павой ходитъ, очами поводитъ, а ни на кого кромѣ васъ и глядѣть не хочетъ. Что за красавица, что за разумница, скопидомка, хозяйка, распорядокъ знаетъ, и таки не безъ позолоты, стало бы и на двоихъ, не только на одну! И ужъ мало ли за нею ухаживаютъ, мало ли вотъ хотя и меня упрашиваютъ:— Матушка Степанида Павловна, ручки, ножки, говоритъ, расцѣлую тебѣ—вотъ ей Богу, не дай, Господи, съ

мѣста сойти, говорятъ—только покриви, говорятъ, за насъ душой—а я: нѣтъ, сударики мои, ужъ скажетъ ли нѣтъ мнѣ вотъ Христіанъ Христіановичъ привѣтъ да отвѣтъ, такъ это кавалеръ отборный, пригожій, для него, говорю, постараться можно—а вы что, съ вами что мнѣ? много васъ тутъ!....

Все это проговорила Степанида Павловна такимъ осторожнымъ, двуязычнымъ голосомъ, что могла, по обстоятельствамъ, сдѣлать изъ словъ своихъ все, что угодно; приступъ былъ повидимому рѣшительный и велъ прямо къ дѣлу; но если бы Христіанъ не подался нисколько, то она поворотила бы слова свои въ шутку и увѣрила бы его, что ему-де такихъ невѣстъ и во снѣ не видать; но какъ Громобой нашъ, подпершы бороду локтемъ отъ изумленія, призадумался, то Степанида, не медля ни минуты, напустила на него всю стаю гончихъ своихъ, пріударивъ языкомъ во всѣ лады и на всѣ напѣвы. Зная слабѣйшую сторону Христіана, послѣ неограниченнаго самолюбія его, то есть крайность, въ которой онъ теперь находился, она прямо перешла къ тому, что особа, въ которой столько добродѣтей, завтра же выручитъ своего возлюбленнаго изъ бѣды, уплатитъ всѣ долги его и одѣнетъ кругомъ ровно куколку выпускную; и будете вы съ моей сударушкой жить да поживать, добра наживать а ты, красавецъ, тогда и меня, сироту безпріютную, не забудешь, вѣкъ станешь помнить и благодарить, Бога за меня молить.

Христіанъ, скорчивъ такую рожу, будто ему пришлось лѣзть въ петлю, еще таки призадумался, не зная, что дѣлать при такомъ неожиданномъ приключеніи. Они остановились подъ деревомъ; умный Аршетъ присѣлъ подлѣ, прислушиваясь, и, въ ожиданіи отвѣта, вытянулъ хвостъ по землѣ и вытянулъ впередъ шею, не сводя глазъ со своего барина; Аршетъ

не обращалъ никакого вниманія на выставленную у дороги позади него черную доску и грозную надпись ея, которая строго запрещала ему входъ въ эти Елисейскія Поля, устроенныя заботливымъ начальствомъ собственно для людей; плотная барыня, прохаживавшаяся въ отдаленіи съ мѣшкомъ и съ огромнымъ зон-

рис. 44.

тикомъ, повидимому, одного мнѣнія съ Аршетомъ, и привела съ собою цѣлую тройку подружекъ, родственныхъ Аршету племенъ; одинъ у нея пудель стриженый, другой нестриженый, а третій какой то голованъ, въ родѣ бульдога. Еще подальше видите вы знаменитый храмъ, выстроенный на мѣстѣ пруда, гдѣ потонулъ пьяный мужикъ. Сумбурскій помѣщикъ, не

часто пріѣзжающій въ городъ, обошелъ садъ—посмотрѣть, все ли еще стоитъ на своемъ мѣстѣ; остановившись передъ храмомъ, надъ которымъ высится солнце съ расписаннымъ человѣческимъ лицомъ, помѣщикъ нашъ любуется крылатымъ трубачомъ, для котораго повидимому собственно храмъ этотъ построенъ, потому что трубачъ со стояломъ своимъ занимаетъ все мѣсто внутри храма, такъ что тутъ живому человѣку некуда приступиться. Но обратимся къ нашему Христіану; онъ всё еще стоитъ въ раздумьи, Степанида продолжаетъ нашептывать ему сладкія рѣчи, а онъ слушаетъ, и, наконецъ, увлеченный новостію своего положенія и неожиданною помощію, ударилъ по рукамъ.

Кто же такова невѣста его, и откуда она вдругъ взялась? какимъ образомъ влюбилась въ несчастнаго Христіана?

Невѣста эта молодая вдова Ахтимнева, которую называли обыкновенно въ Сумбурѣ просто ахти-мнѣ! Она помѣщица не совсѣмъ дурного имѣнья; но слухи насчетъ смерти мужа ея носились самые зазорные. Дѣло было темное. Мужа схоронила она лѣтъ тому шесть, и въ продолженіе этого времени вдовушка наша вела себя не такъ, чтобы заставить сумбурцевъ, этихъ строгихъ цѣнителей нравственности, позабыть прошлое, а, напротивъ, напоминала о себѣ почти ежедневно въ позорномъ временникѣ Сумбура. Христіанъ, правда, и самъ слыхивалъ прежде кое-что̀ про эту ахти-мнѣ, но, конечно, и во снѣ не видалъ, чтобы она сдѣлалась ему столь близкою. Какъ утопленникъ, Христіанъ ухватился нынче въ отчаяньи за соломинку—и читатель, конечно, предвидитъ, что это послѣднее усиліе его не спасетъ. Голова, разстроенная бѣлой горячкой, сердце, измученное неудачами и бѣдствіемъ *всякаго рода*, отчаянное положеніе, изъ котораго не

было никакихъ средствъ выпутаться—все это вмѣстѣ заставило Христіана проглотить пилюлю, которая сверхъ того еще было вызолочена грубою, но удачною лестью.

На другой же день Христіану назначено было свиданіе съ невѣстой, потому что дѣло было спѣшное съ

рис. 45.

обѣихъ сторонъ: ему грозили тюрьмой, а у ней—былъ свой домашній спѣхъ. Христіанъ, рѣшившись на такое спасительное дѣло, повидимому ожилъ, повеселѣлъ, старался расписать будущность свою по возможности веселыми красками, и, явившись къ невѣстѣ (рис. 45), отъ нетерпѣнія и любопытства, получасомъ ранѣе назначеннаго, надѣлалъ было большой

тревоги. Ахтимнева, какъ пріѣзжая, занимала въ Сумбурѣ одну только небольшую комнату, и по тѣснотѣ помѣщенія нелюбила принимать посѣтителей иначе, какъ по одиночкѣ. Вотъ почему Христіанъ внезапнымъ и преждевременнымъ приходомъ озадачилъ такъ невѣсту свою, которая спѣшитъ ударить по рукамъ, чтобы его скорѣе ослѣпить и задобрить; бѣдный Христіанъ пренеловко принимаетъ руку ея, глядитъ какимъ то дурачкомъ, улыбается съ какою то неловкой ужимкой. Степанида Павловна также пришла заблаговременно, принарядившись очень моложаво, но никому не помѣшала, а, напротивъ, много способствовала къ тому, чтобы скрыть замѣшательство хозяйки и не показать расплоха; вотъ почему она и стоитъ съ прелукавымъ взглядомъ за стуломъ невѣсты, какъ будто прикрывая или загораживая собою что̀ нибудь, хотя, кажется, за нею нѣтъ никого—а Христіанъ уставилъ неподвижные глаза̀ свои, какъ щука, зря, прямо передъ себя, и ничего не видитъ, не замѣчаетъ. Будьте благонадежны, въ свое время замѣтитъ.

Віольдамуръ истинно не успѣлъ опомниться, полагалъ, что онъ всё еще думаетъ, рѣшиться ли ему или нѣтъ, размышлялъ, что̀ начать, если отказаться—какъ былъ уже обвѣнчанъ и внезапно сдѣлался отцомъ большого семейства. Пышной свадьбы Христіанъ не ждалъ и не желалъ, а потому и былъ доволенъ предложеніемъ невѣсты, чтобы уѣхать, не говоря никому ни слова̀, изъ Сумбура, обвѣнчаться въ сосѣднемъ селѣ на половинѣ пути и проѣхать прямо въ Марушкино, въ помѣстье невѣсты. Долги Христіана были уплачены, разрѣшеніе на выѣздъ получено; итакъ, чета наша собралась не медля въ дорогу и поѣхала. При укладкѣ и другихъ распоряженіяхъ много помогалъ какой то близкій родственникъ невѣсты, отставной штабсъ-ротмистръ. Онъ же, какъ родной, ѣхалъ

въ одномъ экипажѣ съ невѣстой, а Христіанъ, для приличія, особо, со свахой. Степанида Павловна во всю дорогу утѣшала его будущимъ благополучіемъ. Черезъ нѣсколько часовъ пріѣхали въ село, гдѣ, къ удивленію жениха, все уже было готово, и чету нашу обвѣнчали. Христіанъ самъ не могъ постигнуть, какъ это сдѣлалось и что съ нимъ сталось—и правду сказать, не къ лицу какъ то ему было званіе женатаго человѣка и не пристало, какъ коровѣ сѣдло. Къ вечеру пріѣхали въ Марушкино—и Христіанъ увидѣлъ нѣсколько запущенный господскій домикъ и другія хозяйственныя пристройки, которыхъ хозяиномъ называться было ему довольно пріятно. Въ первый разъ, послѣ бѣдствій, музыка пришла ему опять въ голову, и онъ вообразилъ, что теперь исполнятся всѣ золотыя грезы его, осуществятся всѣ мечты, теперь, когда онъ будетъ жить беззаботнымъ помѣщикомъ, посвящая себя вполнѣ своему искусству. Христіанъ зналъ, что у супруги его есть дѣти отъ перваго мужа, съ которымъ она, впрочемъ, жила очень короткое время; но не позаботился даже или, лучше сказать, не умѣлъ спросить, сколько ихъ, а слышалъ только, что они остались въ деревнѣ. Вошедши подъ руку съ супругой въ комнаты, между тѣмъ какъ братецъ несъ шаль ея и шляпку—бѣдный Христіанъ собственными глазами своими убѣдился, что и то и другое было въ точности справедливо; шестеро ребятъ обоего пола, всѣхъ возрастовъ, начиная отъ девяти лѣтъ до девяти мѣсяцевъ—разсчитывайте тутъ какъ хотите—встрѣтили маменьку, которая не успѣла еще перецѣловать ихъ, представляя поочередно папенькѣ, какъ Христіаномъ внезапно овладѣло какое то ужасное чувство. Онъ остолбенѣлъ отъ ужаса, и въ страшномъ волненіи спросилъ: «Какъ, всѣ, это всѣ ваши? (рис 46).—Да, всѣ—отвѣчала она и морщины начали сбѣгаться

на ясномъ челѣ ея—всѣ; что̀ же, вы что́ ли ихъ кормить будете? о чемъ вы безпокоитесь?».... Бѣдный Христіанъ всё еще не могъ опомниться; онъ схватилъ себя въ отчаяньи за голову и, вытаращивъ глаза, началъ спрашивать, указывая на всѣхъ поочередно: «и этотъ, и эта, и этотъ..... всѣ ваши?» Кормилица показалась въ дверяхъ, и вынесла послѣдняго, шестого; больше видно не было. Аршетъ смотрѣлъ какимъ то дуракомъ на полную избу ребятъ и, мотая ушами, будто хотѣлъ стряхнуть муху, прятался за своего господина. Явленіе это кончилось тѣмъ, что супруга скрылась въ свои комнаты, хлопнула за собою дверью, а Христіанъ остался въ залѣ. Можете себѣ представить, какимъ онъ дуракомъ расхаживаетъ изъ угла въ уголъ, между тѣмъ какъ дворня суетилась около него, пробѣгая взадъ и впередъ, то къ барынѣ, то отъ барыни, не обращая никакого вниманія на новаго хозяина; по временамъ только, когда бѣготня утихала, такъ называемый *человѣкъ* высовывалъ осторожно голову свою изъ передней и разсматривалъ пріѣзжаго.

Прошло часа полтора; хозяйка не показывается, братца не видать, Степаниды Павловны даже и не слышно. Смерклось; въ покои барыни давно пронесли самоваръ съ принадлежностію—а наконецъ, и свѣчи, при чемъ Христіанъ былъ простымъ зрителемъ, и видѣлъ только, какъ мальчикъ пролетѣлъ мимо него иноходью и, съѣхавшись въ дверяхъ нечаянно съ дѣвкой, которая высунулась изъ-за угла, ударилъ ее огромнымъ мѣднымъ шандаломъ въ лобъ, такъ что подсвѣчникъ покатился, а сальная свѣча свайкой уткнулась въ полъ; дѣвка посчиталась съ мальчикомъ за это, вовсе не стѣсняясь присутствіемъ хозяина-гостя, двери опять затворились, и все стихло. Віольдамуръ рѣшительно не зналъ, что дѣлать и какъ къ чему нибудь присту-

пить. Положеніе его было такъ странно, такъ ново для него, что онъ не умѣлъ въ немъ найтись. «Нельзя же мнѣ вѣкъ сидѣть въ такомъ глупомъ положеніи,— думаетъ онъ невѣроятно даже, чтобы мнѣ пришлось ночевать здѣсь какъ на почтовой станціи»—а между тѣмъ онъ и не понималъ, какая тутъ можетъ быть

рис. 46.

развязка, и чѣмъ все это можетъ читься. Не хотѣлъ онъ идти къ дражайшей половинѣ своей: онъ не привыкъ еще къ мысли, что онъ, дѣйствительно, женатый человѣкъ и что жена его тутъ, черезъ двѣ комнаты отъ него; онъ, по чувству, смотрѣлъ на все, что́ его окружало, какъ на чужбину; сватовство и

женитьба казались ему какимъ то несвязнымъ, безсмысленнымъ сномъ—онъ упалъ въ изнеможеніи на диванъ, закрылъ глаза, въ ушахъ у него зазвенѣло, и несвязные образы летали вокругъ него впотьмахъ. Вдругъ въ глазахъ его посыпались искры, его обдало свѣтомъ, и знакомые чертенята потянулись передъ нимъ вереницей, одинъ гаже и страшнѣе другого. Бѣдняку показалось, что онъ въ бѣлой горячкѣ и сидитъ еще въ больницѣ, подъ чубарымъ одѣяломъ, гдѣ каждая картина рисовалась въ глазахъ его исковерканнымъ чортикомъ новаго склада и строю—Христіанъ вскочилъ въ бѣшенствѣ, срывая платокъ съ шеи и передъ нимъ стояла, сладко улыбаясь, Степанида Павловна, со свѣчою въ рукахъ.—Что́ же вы это, Христіанъ Христіановичъ; видно, устали съ дороги, присѣли себѣ въ уголокъ,—развѣ такъ молодые дѣлаютъ на новосельи? Пойдемте, батюшка, да положите съ супругой то по поклону передъ образомъ, помолитесь Господу Богу, да и милости просимъ: не чужой же вы тутъ человѣкъ, слава Богу, домой, чай, пріѣхали, а не въ гости.... смотрите-ка, вѣдь домикъ хоть куда, не обманула я васъ, батюшка, не бойтесь, а завтра и ухожи посмо́трите, полюбуетесь, и деревеньку обойдете, и поля объѣдете.... Что́ же вы такъ не.... не весело смотрите?

Віольдамуръ ничего не слышалъ, а видѣлъ только, глядя прямо въ глаза Стопаниды Павловны, старыхъ враговъ своихъ, чертей разнаго покроя, которые дразнили его страшными и омерзительными ужимками. Отъ этого лицо его приняло такое страшное выраженіе, что Степанида, хоть она была и не робкаго десятка, перекрестилась, наконецъ, и, отступая задомъ, вышла тою же доро́гою, которой вошла, и унесла съ собою свѣчу. Хозяинъ остался опять въ потемкахъ, но всѣ-еще стоялъ, какъ на сторо́жѣ противъ непріятеля,

вытянувшись, стиснувъ кулаки, протянувъ шею и поворачивая голову медленно то въ ту, то въ дугую сторону. Немного погодя, двери въ залу притворились изъ гостиной плотно, и замóкъ щелкнулъ, а изъ передней вскорѣ затѣмъ вошелъ человѣкъ со свѣчой, потомъ другой съ чаемъ, тамъ третій съ однимъ приборомъ; накрыли въ залѣ столикъ и подали ужинать; между тѣмъ дѣвка едва не увязла въ дверяхъ съ огромной периной, какъ съ возомъ сѣна, протащила ее, однакоже, и понесла въ кабинетъ, гдѣ принялась взбивать ее и стлать постель. Долгое время все это ходило вокругъ Христіана какъ китайскія тѣни, наконецъ, вопросъ человѣка:—кушать будете-съ?—пробудилъ его нѣсколько; онъ прошелся по комнатѣ, вышелъ освѣжиться на воздухъ, услышалъ тамъ отрывокъ разговора между дворовыми людьми, въ положеніи его вовсе не утѣшительный, воротился въ комнаты, заперся въ кабинетѣ и кинулся, накрывъ лицо руками, на одинокую постель.

Утромъ Віольдамуръ проснулся отъ стука у дверей кабинета; онъ вскочилъ и сталъ оглядываться, чтобы опознаться, гдѣ и что́ онъ—передъ нимъ диванъ, на которомъ постдана постель; подъ окномъ столъ, пара старыхъ стульевъ, цѣлая стѣна уставлена книгами на полкахъ, надъ диваномъ мужской портретъ, изображавшій, какъ казалось, покойнаго хозяина; и все это покрыто густою пылью и паутиной. Между тѣмъ кто то нетерпѣливо ломится въ запертую дверь; Христіанъ отпираетъ—входитъ довольно ощипанный малый, и на вопросъ:—что́ нужно?—отвѣчаетъ спокойно, проходя въ уголъ къ окну;—«да баринъ трубку спрашиваетъ, гнѣвается, что́ долго не подаешь, а тутъ вы изволили запереться». — Лакей взялъ трубку и ушелъ. Вскорѣ пришелъ другой и подалъ Христіану чашку чаю.

Слово «баринъ» ошеломило Віольдамура какъ обухомъ.—Баринъ,—подумалъ онъ, и простофиля нашъ теперь только сталъ догадываться, что самому ему, конечно, въ домѣ этомъ бариномъ не бывать, и что нынѣшнее похожденіе его, не иное, что́ какъ подготовленная самаго дурного разбору шутка. Христіанъ разсвирѣпѣлъ; онъ былъ въ состояніи снести въ эту минуту съ лица земли весь домъ и всю деревню супруги своей и, не помня себя, съ проклятіями кинулся въ другіе покои. Двери въ гостиную разлетѣлись вдребезги; пробѣжавъ въ одну секунду еще одну комнату, Віольдамуръ засталъ все новое семейство свое за утреннимъ чаемъ. Супруга ахнула, взглянувъ на изступленнаго мужа своего и кинулась подъ защиту братца; дѣти съ визгомъ разсыпались во всѣ концы, а ротмистръ всталъ; а какъ лютый Христіанъ самъ первый пошелъ на него въ отчаянную атаку, то приземистый, широкоплечій братецъ вышвырнулъ жиденькаго нѣмца въ одинъ толчокъ изъ комнаты, приперъ дверь и заступилъ ее ногою. Между тѣмъ люди сбѣжались, и штабсъ-ротмистръ ухвативъ трость покойнаго перваго супруга сестрицы своей, вышелъ разочесться со вторымъ супругомъ ея, позвавъ еще съ собою двухъ человѣкъ. Христіана выпроводили, или вытолкали на крыльцо, велѣли въ ту же минуту закладывать бричку, а штабсъ-ротмистръ остался съ дубиной на часахъ при изгнанникѣ (рис. 47); между тѣмъ пасынки его показывали ему изъ за *дядюшки* языки, а успокоенная супруга съ удовольствіемъ поглядывала на сцену эту въ окно. Вскорѣ выкинули Віольдамуру узелъ вещей его и шляпу, которую Аршетъ немедленно подхватилъ въ зубы, упросили гостя-хозяина сѣсть въ бричку и повезли. Бѣшеная минута прошла для Христіана, онъ остылъ и дрожалъ только всѣмъ тѣломъ. Растянувшись въ изнеможеніи

на мягкомъ сѣнѣ, покрытомъ ковромъ, пролежалъ онъ нѣсколько часовъ почти безъ чувствъ.

Наконецъ, бричка остановилась, кучеръ слѣзъ съ козелъ и остался караулить Христіана, а дворовый человѣкъ, сидѣвшій также на козлахъ, хлопоталъ о наемкѣ смѣнныхъ лошадей: распоряженіе чрезвычай-

рис. 47.

ное, которое показывало, что Віольдамура хотѣли доставить куда то, не теряя времени, не кормя лошадей. Христіанъ приподнялъ голову, глядѣлъ, припоминалъ,—церковь какъ-будто знакомая, а гдѣ и когда видѣлъ ее, не упомнитъ. Въ это время крестьяне, подошедшіе къ бричкѣ, глядѣли съ любопытствомъ на проѣзжаго, и также, повидимому, его узнавали.—Вѣдь

это молодой,—сказалъ одинъ кучеру,—что́ вчера у насъ съ барыней вашей вѣнчался?—Онъ.—Что́жъ такъ онъ не успѣлъ пріѣхать домой, опять ѣдетъ?—У насъ, братъ, такъ,—отвѣчалъ кучеръ, собирая возжи и ударивъ лошадь ни за что́ ни про что́ кулакомъ по зубамъ:—у насъ все такъ, привеземъ, да и отвеземъ. Лихъ больно, не годится намъ такой, буянить сталъ, съ бариномъ въ драку полѣзъ было—вотъ и прокатимъ его домой, коли домъ есть свой, да и свалимъ, а не то высадимъ гдѣ у забора...

Христіанъ опять уже лежалъ спокойно на́взничь и отъ солнца накрылъ глаза чернымъ шейнымъ платкомъ. Онъ слышалъ все это, глядѣлъ сквозь платокъ, какъ сквозь сито, на яркое солнце, и между свѣтлыми искорками опять стали плясать у него передъ глазами чертенята. Кучеръ супруги его, держа лошадей своихъ въ поводу, подошелъ сбоку къ бричкѣ и спросилъ:—Что́жъ, баринъ, на водку будетъ, что ли? Вишь,—продолжалъ онъ отходя въ сторону,—спитъ небойсь...—Потомъ закричалъ на лошадь, которая шла очень спокойно, ткнулъ ее дугой въ морду, спросилъ, когда та отшатнулась:—но, чего испужалась, не видала что́ ли дуги?—и отправился дальше; ямщикъ съ другимъ провожатымъ сѣли на козлы, и бричка покатилась.

Прошло еще нѣсколько часовъ, и бричка опять остановилась; лакей обернулся и спросилъ:—А куда прикажете ѣхать?—Віольдамуръ привсталъ, чтобы осмотрѣться и узнать, о чемъ его спрашиваютъ—видитъ вокругъ себя чистое поле, выгонъ, передъ собою какъ будто знакомыя кровли, а подлѣ, сбоку одинокую будку и въ ней бѣлаго козла, съ которымъ ямщи здоровался, снимая шляпу и называя его Василіемъ Васильевичемъ. Віольдамуръ догадался, что его привезли въ Сумбуръ, вышелъ изъ брички, не говоря ни

слова, и поплелся пѣшкомъ, не зная и не думая о томъ, куда онъ идетъ.

Слѣдить ли намъ теперь, на этомъ послѣднемъ пути отчаянія, за невозвратно погибшимъ Віольдамуромъ? Томительное однообразіе этого пути, нисходящаго прямою дорогою къ пропасти, въ которой мы должны увидѣть бѣднаго Христіана, заставляетъ насъ

рис. 48.

уклониться отъ этой тяжкой обязанности. Подъ предлогомъ, что не желаемъ утомить читателя рядомъ печальныхъ и возмущающихъ душу картинъ, мы бросимъ только сострадательный взглядъ на ту, которая представляетъ намъ жалкаго героя повѣсти нашей на послѣдней и низшей степени человѣчества (рис. 48). Все убито въ немъ, кромѣ однихъ только остатковъ

животной жизни и самая душа, безъ вѣдома хозяина, подвигаетъ еще кое-какъ ржавыя колеса разрушающагося снаряда. Каждый членъ и каждая мышца тяготѣетъ долу, утративъ самостоятельную жизнь и жизненное напряженіе; одна только лѣвая нога удерживается въ своемъ положеніи своей силой и показываетъ, что передъ нами сидитъ, вѣроятно, еще живой человѣкъ; правая вся отвалилась и лежитъ на землѣ; одна рука покоится на Аршетѣ, другая уперлась на колѣно и въ свою очередъ слабо поддерживаетъ голову, которую плеча не могутъ уже снести, и потому предоставили законамъ тяготѣнія неодушевленныхъ тѣлъ. Печальная картина поздней осени окружаетъ помѣшаннаго; развалившійся тынъ—послѣдній его пріютъ; лохмотья покрываютъ наготу, омерзительное утѣшеніе многихъ несчастныхъ земляковъ нашихъ лежитъ подлѣ боку; но и это утѣшеніе пришло уже къ концу; словомъ, все кончено. Одинъ Аршетъ можетъ еще возбудить въ насъ какое нибудь благородное чувство; неразумная тварь, которая съ участіемъ положила лапу на своего господина и глядитъ ему въ глаза, въ эту минуту, конечно, гораздо выше того, кому она служила десять лѣтъ съ такою неизмѣнною вѣрностію, стараясь отблагодарить за каждый кусокъ хлѣба посильными услугами.

Итакъ, вотъ, въ какомъ положеніи теперь передъ нами Христіанъ Віольдамуръ, за которымъ мы слѣдили со дня рожденія его, познакомившись съ добрыми старичками, родителями его, съ Акулиной и большой ея ложкой, съ глухимъ дядей, кухаркой его, съ Иваномъ Ивановичемъ—и мимоходомъ еще со многими другими людьми. Кто ожидалъ прочитать романъ, тотъ ошибся, и будетъ сѣтовать; это рядъ готовыхъ картинъ, по которымъ провели мы зрителей, съ объяснительной статьей въ рукахъ. Можетъ быть иные, до-

шедши до той картины, о которой мы сейчасъ говорили, усомнятся, стоилъ ли предметъ этотъ рѣзца и карандаша и стоитъ ли онъ вниманія такихъ образованныхъ и благовоспитанныхъ читателей... отвѣтъ на это могъ бы быть очень обширенъ; но мы постараемся сократить его въ нѣсколько строкъ. Строгіе цѣнители и судьи наши, которые боятся мозолей, и потому никогда почти сами не берутъ въ руки топоръ или рубанокъ, а прогуливаются только съ складнымъ аршинчикомъ—присяжные судьи наши говорятъ, что между изящнымъ и нравственнымъ нѣтъ ничего общаго; что цѣль изящнаго стоитъ сама по себѣ, а нравственнаго—сама по себѣ. И потому, если бо́льшая часть французскихъ романовъ новой школы безнравственны, то есть оставляютъ на душѣ такое впечатлѣніе, отъ котораго читатель старается какъ-нибудь отдѣлаться, забыть его, потому что оно оскорбляетъ въ сокровенной глубинѣ нравственное чувство, выставляя его ничтожной химерой, тогда какъ развратъ и порокъ—какъ у Ренепгилова водевиль—у романистовъ этихъ есть вещь, а прочее все гиль, если, говорю, это такъ, и цѣнители наши сами иногда вынуждены бываютъ въ томъ сознаться, то они отвѣчаютъ:—Какая нужда, произведеніе всё-таки изящно, и его должно читать, удивляться ему и вѣнчать лаврами творца его.

Съ этой точки зрѣнія мы, однакоже, не любимъ смотрѣть на предметы; лучше станемъ туда, гдѣ можно собрать около себя все, что́ есть въ душѣ святого, нравственно-изящнаго и истиннаго: тогда мы сдѣлаемся также поснисходительнѣе къ человѣчеству, не столь брезгливыми по баловству и прихоти—тогда, при взглядѣ на Христіана Віольдамура, даже и въ настоящемъ его положеніи, онъ возбудитъ въ насъ не одно только отвращеніе, но и нѣкоторыя другія, болѣе христіанскія чувства. Есть народы, гдѣ цѣлыя поко-

лѣнія увядаютъ прежде времени отъ непостижимой для насъ страсти—отъ куренія или поглащенія опія; есть народы, охотно бушующіе въ шумныхъ сборищахъ, опившись хмелемъ винограда—и еще такіе, которые увлекаются судьбой, опоенные виномъ хлѣбнымъ; пьютъ съ горя, съ радости, пьютъ просто потому, что есть, на что́ выпить—пьютъ, коли не на что́ выпить—и, наконецъ, пьютъ запоемъ и пьютъ до бѣлой горячки. Вы видите, что мы не выставляемъ вамъ на показъ какого-нибудь изверга, созданнаго природой не въ примѣръ другимъ; напротивъ, это человѣкъ самый обиходный, и пороки его принадлежатъ не лицу, а человѣчеству, или по крайней мѣрѣ народу.

Но насъ ждетъ картина еще грустнѣе этой, и, кажется, изящнѣе по смыслу (рис. 49). Чистое поле,

рис. 49.

все пусто: тычинка, камень, сосенка, столбовая дорога—и Аршетъ несется во весь духъ. Куда, за чѣмъ, и гдѣ же баринъ его? *Аршетъ ищетъ барина своего*—вотъ все, что́ должно подписать подъ этой картиной: другихъ толкованій не нужно. Аршетъ въ чистомъ оплѣ ищетъ своего господина, и чутье ведетъ вѣрную

собаку всё прямо, по печальной дорогѣ, на поворотѣ которой видѣнъ издали указательный столбъ. Кто заботится о пропавшемъ безъ вѣсти Христіанѣ, кто его ищетъ, кто сочувствуетъ ему или праху его? Кто изъ жителей Сумбура, вспомнивъ, что былъ въ городѣ человѣкъ, котораго въ былое время на пере-

рис. 50.

хватъ зазывали въ гостиныя—кто спроситъ теперь: гдѣ онъ и что съ нимъ, и кто пойдетъ его искать? Аршетъ, одинъ Аршетъ, и болѣе никто, и тотъ дѣлаетъ это, какъ надобно полагать, только по глупости и безсмысленности своей, какъ неразумная тварь; иначе и ему бы до Христіана не было теперь никакой нужды.

Была поздняя осень—настала зима; повалилъ снѣгъ хлопьями, а у жителей Сумбура дымъ изъ трубъ: въ городѣ стали топить печи, готовить сани и забирать въ долгъ шубы, кто у бакалейщика, кто у заики. Готовилось нѣсколько баловъ; новый предводитель, который ходилъ съ непривычки въ званіи своемъ какъ въ чужомъ кафтанѣ, также разсудилъ попировать и пригласить дворянство и чиновниковъ; у кого были псари и псы, тотъ сѣдлалъ коней и выѣзжалъ на порѝшу. Между тѣмъ этотъ же снѣгъ засы́палъ на поворотѣ большой дорóги, неподалеку столба, свѣжую могилу и подлѣ нея мертвую собаку. Когда морозный сѣверякъ со свистомъ налегалъ на окружныя поляны, и вѣковая сосна, по сю сторону дорóги, противъ могилы, кряхтѣла, то ни Аршетъ, ни баринъ его уже не зябли, а вѣтеръ вздымалъ только по временамъ темно-бурую шерсть вѣрной собаки.

Изъ умныхъ людей, которые то есть были въ своемъ умѣ, никто въ Сумбурѣ не вспоминалъ Христіана: это мы уже сказали; но сумасшедшій бакалавръ поставилъ на могилѣ самодѣльный крестъ. Віольдамура нашли уже остывшаго, подъ тыномъ, и потому, по обычаю, закопали просто на дорогѣ—да сверхъ того безумный приходилъ иногда, когда ему чудилось, что былъ понедѣльникъ, среда или пятница, читать надъ одинокой могилой псалтырь.

Харитонъ Волковъ, написавъ послѣ долгаго молчанія другу своему письмо, со многими вопросами о жизни его и со столичными новостями, получилъ его обратно, съ надписью, на немъ: *за смертью получателя*. Акулина долго перемогалась отъ старости своей, но, наконецъ, уѣхала въ деревню на родину умирать, потому, какъ она объяснялась, что тамъ *жить* дешевле. Иванъ Ивановичъ здравствуетъ еще, обзавелся новой пуховой шляпой, и охотно разсказываетъ выигранное

дѣло Віольдамура, со всѣми происками своими и хитростями, а потомъ прибавляетъ:—Онъ малый былъ хоть куда, и на скрипкѣ игралъ славно и на чемъ угодно; не знаю теперь, что̀ дѣлаетъ, а ему ужъ годовъ двадцать пять, видно, будетъ.

В. Луганскій.

НАПУТНОЕ СЛОВО.

(Читано въ Обществѣ Любителей Русской словесности въ Москвѣ, 21 апрѣля 1862 г.).

Во всякомъ научномъ и общественномъ дѣлѣ, во всемъ, что касается всѣхъ и требуетъ общихъ убѣжденій и усилій, порою проявляется ложь, ложное, кривое направленіе, которое не только временно держится, но и беретъ верхъ, пригнетая истину, а съ нею и всякое свободное выраженіе мнѣній и убѣжденій. Дѣло обращается въ привычку, въ обычай, толпа торитъ безсознательно пробитую дорожку, а коноводы только покрикиваютъ и понукаютъ. Это длится иногда довольно долго; но, вглядываясь въ направленіе пути и осматриваясь кругомъ, общество видитъ, наконецъ, что его ведутъ вовсе не туда, куда оно надѣялось попасть; начинается ропотъ, сперва вполголоса, потомъ и вслухъ, наконецъ, подымается общій голосъ негодованія, и бывшіе коноводы исчезаютъ, подавленные и уничтоженные тѣмъ же большинствомъ, которое до сего сами держали подъ своимъ гнетомъ. Общее стремленіе беретъ иное направленіе, и съ жаромъ подвизается на новой стезѣ.

Кажется, будто бы такой переворотъ предстоитъ нынѣ нашему родному языку. Мы начинаемъ догадываться, что насъ завели въ трущобу, что надо выбраться изъ нея поздоровому и проложить себѣ иной путь. Все, что сдѣлано было доселѣ, со временъ петровскихъ, въ духѣ искаженія языка, все это, какъ неудачная прививка, какъ прищепа разнороднаго сѣмени, должно усохнуть и отвалиться, давъ просторъ дичку, коему надо вырасти на своемъ корню, на своихъ сокахъ, сдобриться холей и уходомъ, а не насадкой сверху. Если и говорится, что голова хвоста не ждетъ, то наша голова или наши головы умчались такъ далеко куда то въ бокъ, что едва ли не оторвались отъ туловища; а коли худо плечамъ безъ головы, то некорыстно же и головѣ безъ туловища. Примѣняя это къ нашему языку, сдается, будто головѣ этой приходится либо оторваться вовсе и отвалиться, либо опомниться и воротиться. Говоря просто, мы увѣрены, что русской речи предстоитъ одно изъ двухъ: либо испошлѣть до-нельзя, либо, образумясь, своротить на иной путь, захвативъ при томъ съ собою всѣ покинутые второпяхъ запасы.

Взгляните на Державина, на Карамзина, Крылова, на Жуковскаго, Пушкина и на нѣкоторыхъ нынѣшнихъ даровитыхъ писателей; не ясно ли, что они избѣгали чужеречій, что старались, каждый по своему, писать чистымъ рускимъ языкомъ? А какъ Пушкинъ цѣнилъ народную речь нашу, съ какимъ жаромъ и усладою онъ къ ней прислушивался, какъ одно только кипучее нетерпѣніе заставляло его въ то же время прерывать созерцанія свои шумнымъ взрывомъ одобреній и острыхъ замѣчаній и сравненій — я не разъ бывалъ свидѣтелемъ.

Вотъ въ какомъ отношеніи пишущій строки эти полагаетъ, что пришла пора подорожить народнымъ

отъ мороки дѣлателей; истина устояла, а ложь погибла. Передъ нами же и другой, обратный примѣръ: у сосѣдей нашихъ, братьевъ одного корня, славянскій языкъ слился съ западными языками и образовалъ новый языкъ, обильный принятыми въ себя источниками; но отъ этого насилія его обдало мертвизною, и онъ окоснѣлъ, что ярко выразилось утратою имъ своего слогоударенія, которое разъ навсегда замерло на предпослѣдней гласной.

Не знаю, насколько мнѣ надсѣдаясь удастся убѣдить въ истинахъ этихъ читателя, но знаю, что онѣ укрѣпились во мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я началъ сознательно жить; иначе, конечно, не стало бы меня на то, чтобы отдать полжизни некорыстному труду, коего конца я никогда не чаялъ увидѣть...

И вотъ съ какою цѣлью, въ какомъ духѣ составленъ мой словарь: писалъ его не учитель, не наставникъ, не тотъ, кто знаетъ дѣло лучше другихъ, а кто болѣе многихъ надъ нимъ трудился; ученикъ, собиравшій весь вѣкъ свой по крупицѣ то, что слышалъ отъ учителя своего, *живого рускаго языка*. Много еще надо работать, чтобы раскрыть сокровища нашего родного слова, привести ихъ въ стройный порядокъ и составить полный, хорошій словарь; но безъ подносчиковъ палаты не строятся; надо приложить много рукъ, а работа черна, невидна, некорыстна...

Съ той поры, какъ составитель этого словаря себя помнитъ, его тревожила и смущала несообразность письменнаго языка нашего съ устною речью простого рускаго человѣка, не сбитаго съ толку грамотействомъ, а стало быть и съ самимъ духомъ рускаго слова. Не разсудокъ, а какое то темное чувство строптиво упиралось, отказываясь признать этотъ нестройный лепетъ, съ отголоскомъ чужбины, за рускую речь. Для меня сдѣлалось задачей выводить на справку

и повѣрку, какъ говоритъ книжникъ, и какъ выскажетъ въ бесѣдѣ ту же доступную ему мысль человѣкъ умный, но простой, неученый,—и нечего и говорить о томъ, что перевѣсъ, по всѣмъ прилагаемымъ къ сему дѣлу мѣриламъ, всегда оставался на сторонѣ послѣдняго. Не будучи въ силахъ уклониться ни на волосъ отъ духа языка, онъ поневолѣ выражается ясно, прямо, коротко и изящно.

Жадно хватая на лету родныя речи, слова и обороты, когда они срывались съ языка въ простой бесѣдѣ, гдѣ никто не чаялъ соглядатая и лазутчика, собиратель этотъ записывалъ ихъ, безъ всякой иной цѣли и намѣренія, какъ для памяти, для изученія языка, потому что они ему нравились. Сколько разъ случалось ему, среди жаркой бесѣды, выхвативъ записную книжку, записать въ ней оборотъ речи или слово, которое у кого-нибудь сорвалось съ языка—а его никто и не слышалъ! Всѣ спрашивали, никто не могъ припомнить чѣмъ либо замѣчательное слово—а слóва этого не было ни въ одномъ словарѣ, и оно было чисто-руское! Прошло много лѣтъ, и записки эти выросли до такого объема, что, при бродячей жизни, стали угрожать требованіемъ особой для себя подводы [1]). Пришлось призадуматься надъ ними, и рѣшить, хламъ ли это, съ которымъ надо развязаться, сваливъ его въ первую сорную яму, или хламъ этотъ рядъ-дѣлу и съ доб-

---

[1]) Живо припоминаю продажу моего вьючнаго верблюда, еще въ походѣ 1829 года, въ военной суматохѣ, перехода за два до Адріанополя: товарищъ мой горевалъ по любимомъ кларнетѣ своемъ, доставшемся, какъ мы полагали, туркамъ, а я осиротѣлъ, съ утратою своихъ записокъ: о чемоданахъ съ одежей мы мало заботились. Бесѣда съ солдатами всѣхъ мѣстностей широкой Руси доставила мнѣ обильные запасы для изученія языка, и все это погибло. Къ счастью, казаки подхватили гдѣ то верблюда, съ кларнетомъ и съ записками, и черезъ недѣлю привели его въ Адріанополь. Бывшій при немъ денщикъ мой пропалъ безъ вѣсти.

рымъ притворомъ пойдетъ въ квашню, и дастъ хлѣбы, и насытитъ?

Просмотрѣвъ запасы свои, собиратель убѣдился, что въ громадѣ сору накопилось много крупицъ, которыя, по рускому повѣрію, бросать грѣшно.

Началась разборка въ азбучномъ порядкѣ [2]), и, за отдѣленіемъ небольшого числа пѣсенъ (переданныхъ П. В. Кирѣевскому) и нѣсколькихъ стопъ сказокъ (отданныхъ Г. Аѳанасьеву), выбралось на очистку десятка два кипъ въ листъ, относящихся до языка, пословицъ, словъ и оборотовъ речи. Что съ ними дѣлать? обработать и издать въ видѣ запасовъ или прибавленія къ словарямъ—работы много, а толку мало; выйдетъ ни то ни се, да и пригодно развѣ тому только, кто бы самъ сталъ работать словарь; покинуть, не обрабатывая—жаль, сердце не къ тому лежитъ; передать кому нибудь, кто бы смогъ и захотѣлъ заняться этимъ дѣломъ—такъ нѣтъ въ виду такихъ людей, да и половины краткихъ замѣтокъ моихъ никто безъ меня не пойметъ; хорошо бы пріискать товарища, къ которому, вмѣстѣ съ запасами своими, можно было бы примкнуть помощникомъ, и работать вмѣстѣ — но, сколько ни думалъ, и такого человѣка не знаю.

Одинъ изъ бывшихъ министровъ просвѣщенія (кн Шихматовъ), по дошедшимъ до него слухамъ, предложилъ мнѣ передать академіи запасы свои, по принятой въ то время расцѣнкѣ: по 15 коп. за каждое

---

[1]) Сдѣлаю при семъ пустую, но важную въ пріемахъ такого дѣла замѣтку: всѣ подобные сборники должны писаться вчернѣ, въ запискахъ, на одной только страницѣ, покидая другую пробѣломъ; тогда можно въ свое время разстричь ихъ и подобрать въ какомъ угодно порядкѣ, нанизывая или приклеивая столбцами. Если объ этомъ не подумать во время, то придется переписывать снова по крайней мѣрѣ цѣлую половину запасовъ, что отыметъ много времени и можетъ прибавить нѣсколько ошибокъ и описокъ.

слово, пропущенное въ словарѣ академіи, и по 7 ½ коп. за дополненіе и поправку. Я предложилъ, взамѣнъ этой сдѣлки, другую: отдаться совсѣмъ, и съ запасами, и съ посильными трудами своими, въ полное распоряженіе академіи, не требуя и даже не желая ничего, кромѣ необходимаго содержанія; но на это не согласились, а повторили первое предложеніе. Я отправилъ 1000 прибавочныхъ словъ и 1000 дополненій, съ надписью: *тысяча первая*. Меня спросили, много ли ихъ еще въ запасѣ? Я отвѣчалъ, что вѣрно не знаю, но во всякомъ случаѣ десятки тысячъ. Покупка такого склада товара сомнительной доброты, повидимому, не входила въ разсчетъ, и сдѣлка оборвалась на первой тысячѣ.

Что же дальше дѣлать? очевидно, надѣяться на Бога да на себя, и самому приняться за дѣло; я зашелъ слишкомъ далеко и дѣваться некуда, бросать всѣхъ запасовъ этихъ нельзя.

Собиратель не пугался того, что на дѣло это едва ли станетъ всего остатка жизни его, предоставивъ разъ навсегда заботу о жизни и смерти Провидѣнію; но онъ робѣлъ передъ трудностію задачи, считая ее непосильною для себя, и потому счелъ нужнымъ обсудить и взвѣсить напередъ безпристрастно силы и средства свои, то есть познанія и способности. Оказалось на повѣрку, что первыхъ, для глубокаго, ученаго труда, было недостаточно, и именно недоставало общихъ познаній языковѣдѣнія и основательнаго знанія прочихъ славянскихъ языковъ и наречій; недоставало даже и того, что у насъ называютъ основательнымъ знаніемъ своего языка, то есть научнаго знанія грамматики, съ которою составитель словаря искони былъ въ какомъ то разладѣ, не умѣя примѣнить ее къ нашему языку и чуждаясь ея, не столько по разсудку, сколько по какому то темному чувству опасенія, чтобы

она не сбила его съ толку, не ошколярила, не стѣснила свободы пониманья, не обузила бы взгляда. Недовѣрчивость эта основана была на томъ, что онъ всюду встрѣчалъ въ русской граматикѣ латинскую и нѣмецкую, а руской не находилъ.

Вотъ чего, по обсужденію его самого, ему недоставало; а нашлось за то: во первыхъ, большой складъ запасовъ, не вошедшихъ доселѣ въ наши словари; во-вторыхъ, сильное сочувствіе къ живому рускому языку, какъ ходитъ онъ устно изъ конца въ конецъ по всей нашей родинѣ, и нѣкоторое пониманіе его, близкое съ нимъ знакомство, могущее, хотя въ одномъ этомъ направленіи, замѣнить ученость; нашлась, наконецъ, и любовь къ нему, ручавшаяся за одолѣніе труда, за стойкую, усидчивую работу надъ этимъ дѣломъ, по конецъ жизни. Кромѣ сего, разнородность занятій и службы: морской, военной, врачебной, гражданской, въ различныхъ частяхъ низшаго управленія, наклонность къ наукамъ естественнымъ и ко всѣмъ ремесловымъ работамъ, ознакомили его, по языку и по понятіямъ, съ бытомъ разныхъ сословій и состояній, наукъ и знаній.

Сведя итоги всѣхъ данныхъ, собиратель приободрился. Всего одному не дано, да и не обнять, а дана всякому своя часть, свой талантъ, который онъ и обязанъ пускать въ оборотъ, а не зарывать вмѣстѣ съ собою въ землю. Кому много дано, съ того много и взыщется. Найдутся болѣе даровитые и ученые труженики, которымъ уже легче будетъ дополнить, чего недостаетъ, найдя одну часть дѣла готовою. Можетъ быть именно тотъ, кто успѣшно введетъ въ рускій словарь сравненіе со всѣми славянскими наречіями, кто вставитъ и нашъ древній языкъ, и указанія на начальные корни, можетъ быть онъ то именно и затруднился бы составленіемъ той части, которая обра-

зуетъ основу и сущность моего словаря; во всякомъ же случаѣ, дополнять и исправлять полегче, чѣмъ составлять вновь. Передній заднему мостъ.

Итакъ, ограничась тѣми средствами и силами, какія нашлись, и положивъ живой, устный языкъ русскій, а паче народный, въ основу своего труда, собиратель рѣшился приступить къ дѣлу.

Но, полагая народный языкъ въ основу словаря—потому что языкъ этотъ силенъ, свѣжъ, богатъ, кратокъ и ясенъ, тогда какъ письменный языкъ нашъ, видимо, пошлѣетъ, превращаясь въ какую то прѣсную размазню,—должно было напередъ разсудить, какъ смотрѣть на всѣ мѣстныя нарѣчія или говоры, изъ которыхъ языкъ народный слагается?

По нашему мнѣнію, дѣло это просто и ясно: за исключеніемъ, на югѣ и западѣ, ближайшаго сосѣдства Малой и Бѣлой Руси, у насъ, на всю ширь Великой Руси, нѣтъ *наречій*, а есть развѣ одни только *говоры*. Говоръ отличается отъ языка и наречія однимъ только оттѣнкомъ произношенія, съ сохраненіемъ нѣсколькихъ словъ старины и съ прибавкою весьма немногихъ, образованныхъ на мѣстѣ, реченій, всегда вѣрныхъ общему духу языка. У насъ вовсе нѣтъ того, что другіе народы зовутъ *жаргономъ*, чему у насъ и нѣтъ даже названія, то есть наречія искаженнаго, картаваго, порожденія племени, принявшаго, по обстоятельствамъ, чужой языкъ и обработавшаго его по своему; у насъ есть нѣчто подобное только у полуобрусѣвшихъ инородцевъ, да и тѣ, особенно чудскія племена, удивительно быстро русѣютъ, и тогда вполнѣ усваиваютъ себѣ духъ нашего языка. Наши мѣстные говоры—законныя дѣти рускаго языка и образовоны правильнѣе, вѣрнѣе и краше, чѣмъ нашъ письменный *жаргонъ*. Въ семъ отношеніи мы поставлены въ болѣе счастливое положеніе, чѣмъ западные европейцы, но

доселѣ, обойденные лѣшимъ пристрастія, подражанія и тщеславія, избалованные привозомъ всего готоваго изъ-за моря, мы небрегли своимъ, въ чаяніи, что и готовый, обработанный, развитый языкъ, безъ котораго образованному обществу и жить и быть нельзя, подвезутъ намъ оттуда же, заодно съ винами и чепцами.

Напишите слово, называемое вами областнымъ, какъ мы вообще пишемъ, не поддѣлываясь подъ говоръ, а какъ оно, по образованію своему, должно писаться, и смѣло ставьте его на свое мѣсто, въ общій великорускій словарь. Изъятій найдется не много и тамъ только, гдѣ какая либо чуждая, побочная стихія внесла искаженія, чему примѣромъ могутъ служить губерніи Псковская и отчасти Тверская; тамъ попадаются передѣлки на польскій или бѣлорусскій ладъ и слышна понынѣ *Литва*, какъ въ Новоросійскомъ краѣ всюду отзывается наречіе малоруское. Но и это относится только до нѣсколькихъ словъ, а оборотамъ руской рѣчи можемъ поучиться во всякой мѣстности Руси, во всякой деревушкѣ, во всякой лачугѣ.

Предвидя, что слова эти будутъ перетолкованы, повторю, для людей добронамѣренныхъ, что вовсе не утверждаю, будто вся народная речь, ни даже всѣ слова речи этой должны быть внесены въ образованный рускій языкъ; я утверждаю только, что мы должны изучить простую и прямую рускую речь народа и усвоить ее себѣ, какъ все живое усвояетъ себѣ добрую пищу и претворяетъ ее въ свою кровь и плоть.

Вотъ почему такъ называемыя областныя слова, нерѣдко общія весьма различнымъ и отдаленнымъ другъ отъ друга говорамъ и мѣстностямъ, вошли въ этотъ словарь, и при томъ, какъ замѣчено было кѣмъ

то съ крайнимъ изумленіемъ, нерѣдко рядкомъ съ самыми крутыми французскими словами, кои въ азбучномъ порядкѣ, пришлись бокъ-о-бокъ съ вятскими и рязанскими. Но не я вводилъ первыя въ печатный языкъ, и не моя воля изгнать ихъ; а куда же я ихъ дѣну, коли не на свое мѣсто, по азбукѣ?

Итакъ, этотъ вопросъ не заставилъ дѣлателя призадуматься: слова, речи и обороты всѣхъ концовъ Великой Руси, для изученія живого языка, должны войти въ словарь, но не для безусловнаго включенія ихъ въ письменную речь, а для изученія, для знанія и обсужденія ихъ, для изученія самаго духа языка и усвоенія его себѣ, для выработки изъ него постепенно своего, образованнаго языка. Читатель, а тѣмъ паче писатель, сами разберутъ, что и въ какомъ случаѣ можно принять и включить въ образованный языкъ. Но нашлись другія заботы, другое раздумье, которое рѣшить было не такъ легко и просто: какой видъ придать словарю, какъ его обработать, въ какомъ, изъ принятыхъ для словарей, порядкѣ?

Одноязычные словари доселѣ составлялись двояко: либо всѣ, безъ изъятія, слова подбирались сподрядъ въ азбучномъ порядкѣ, и каждое слово объяснялось по себѣ, будто иныхъ прочихъ и не бывало, либо слова́ подбирались цѣлыми ватагами подъ одинъ общій корень.

Первый способъ крайне тупъ и сухъ. Самыя близкія и сродныя реченія, при законномъ измѣненіи своемъ на второй и третьей буквѣ, разносятся далеко врозь и томятся тутъ и тамъ въ одиночествѣ; всякая живая связь речи разорвана и утрачена; слово, въ которомъ не менѣе жизни, какъ и въ самомъ человѣкѣ, терпнетъ и коснѣетъ; одни и тѣ же толкованія должны повторяться нѣсколько разъ; читать такой словарь нѣтъ силъ, на десятомъ словѣ умъ притупѣетъ и голова

вскружится, потому что умъ нашъ требуетъ во всемъ какой-нибудь разумной связи, постепенности и послѣдовательности. При томъ, на какую потребу идетъ такой словарь? Мертвый списокъ словъ не помощь и не утѣха; одноязычный словарь пишется не для школьниковъ и не для иноземцевъ, и потому развѣ изрѣдка только рускому человѣку могло бы случиться отыскивать встрѣченное гдѣ либо, неизвѣстное ему, руское слово, и одинъ этотъ, довольно рѣдкій случай, не вознаградилъ бы ни трудовъ составителя, ни даже самой покупки словаря.

Второй способъ, корнесловный, очень труденъ на дѣлѣ, потому что знаніе корней образуетъ уже по себѣ цѣлую науку и требуетъ изученія всѣхъ сродныхъ языковъ, не исключая и отжившихъ, и при всемъ томъ основанъ на началахъ шаткихъ и темныхъ, гдѣ безъ натяжекъ и произвола не обойдешься; сверхъ сего, порядокъ корнесловный, при отысканіи словъ, предполагаетъ въ писателѣ и въ читателѣ не только равныя познанія, но и одинаковый взглядъ и убѣжденія насчетъ отнесенія слова къ тому либо другому корню. Въ такомъ словарѣ, не только *брать*, *бранье*, *бирка и бирюлька* войдутъ въ одну общую статью, но тутъ же будетъ и *беремя*, и *собирать*, *выбирать*, *переборъ*, *разборчивый*, *отборный*, и однимъ словомъ, въ каждую статью, подъ общій корень, войдетъ чуть ли не вся азбука. Это требуетъ особаго, объемистаго указателя, и заставляетъ отыскивать каждое слово по дважды, а потому и докучаетъ, и утомляетъ. Корнесловный словарь можетъ только повершить рядъ словарей вполнѣ обработаннаго розысками языка, какъ особый ученый трудъ, по заготовленнымъ запасамъ; но, какъ противоположная азбучному словарю крайность, онъ для обихода также не удобенъ.

Обсудивъ все это и сдѣлавъ нѣсколько неудачныхъ

попытокъ въ томъ и другомъ родѣ, составитель снова обратился къ азбучному порядку, не видя иного исхода изъ этой раздорожицы. Вѣдь словари на всѣхъ языкахъ составлены же этимъ порядкомъ, стало быть, это находятъ удобнымъ... беру опять такой словарь въ руки, перелистываю его день и другой—но, наконецъ, съ тревожнымъ чувствомъ, откладываю его въ сторону. Нѣтъ, такой словарь мнѣ не рука. Какъ я его пущу въ дѣло, какъ вызову изъ него и отрою всѣ сокровища, сокрытыя въ двухъ доскахъ? Найти сло́во, котораго у меня не хватаетъ, я не могу; просмотрѣть сряду слова́, самыя близкія и сродныя, чтобы освоиться съ основнымъ значеніемъ словъ этого корня, отыскать подъ общимъ, родовымъ понятіемъ нужныя мнѣ выраженія, оглянуть законъ и порядокъ словопроизводства, чтобы осмыслить рѣчь свою,—не могу, все раскинуто врозь; однимъ словомъ, это не словарь, а то, что называютъ *вокабулами*, это списокъ, сборникъ словъ, для затверженія наизусть, поднизка словъ, безъ связи и смысла, для крайне ограниченнаго употребленія, и болѣе для иностранца, чѣмъ для рускаго.

Но, вглядываясь въ эти безконечные столбцы словъ, видишь, наконецъ, что съ небольшою перетасовкой и за исключеніемъ малаго числа реченій, примѣшавшихся со стороны и забившихся, по азбучному праву, промежъ чужой имъ семьи, всѣ остальныя, цѣлыми купами, показываютъ очевидную семейную связь и самое близкое родство; устранивъ понятіе о кориѣхъ, въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ ученые его понимаютъ, никто, напримѣръ, не усомнится, что *стоять*, *стойка* и *стояло*,—одного гнѣзда птенцы; да сверхъ того, у нихъ и первыя три начальныя буквы однѣ и тѣ же; а между тѣмъ они, по четвертой буквѣ своей, разнесены врозь (Слов. Акад.) на семь печатныхъ столбцовъ! Разсматривая эти родственныя отно-

шенія ближе, мы находимъ, что такая связь представляетъ въ нашемъ языкѣ особый и общій законъ, который даетъ намъ неизмѣнныя правила образованія словъ звеньями, цѣпью, гроздами, такъ же точно, какъ мы по общему правилу образуемъ отъ глагола причастія, а отъ нихъ наречія.

Въ самой вещи, не вдаваясь ни въ розыски о корняхъ, ни въ умствованія о томъ, какая часть речи родилась прежде, а какая послѣ, мы видимъ въ языкѣ своемъ слѣдующую, не подлежащую сомнѣнію, связь и сродство словъ.

Глаголъ, въ одномъ, въ двухъ или трехъ, а иногда и четырехъ видахъ, съ причастіями своими (прилагательными), наречіями отъ нихъ и существительными на *ость;* тотъ же глаголъ, съ окончаніемъ на *ся;* тотъ же глаголъ, съ замѣною въ концѣ буквы *и* буквою *ъ*; четыре имени (иногда менѣе, изрѣдка болѣе), выражающія дѣйствіе по глаголу, а два изъ нихъ также самый предметъ; отъ одного до пяти прилагательныхъ, удерживающихъ все то же понятіе глагола, но разнообразящихъ приложеніе окончаніями своими; наречія отъ сихъ прилагательныхъ; существительныя отъ нихъ, означающія свойство, состояніе по нимъ; еще имена, выражающія не дѣйствіе, а предметъ, какъ слѣдствіе дѣйствія, и самого дѣятеля, лицо; еще прилагательныя, отъ этихъ именъ, и, наконецъ, иногда, еще глаголъ, съ какимъ либо особымъ оттѣнкомъ отъ значенія глагола начальнаго, чѣмъ и повершается весь кругооборотъ словъ одной семьи.

Здѣсь означены только главные члены цѣлаго поколѣнія, а въ иной семьѣ попадается еще много промежуточныхъ, какъ видно изъ любой статьи нашего словаря. Сюда относятся имена второго колѣна, на *акъ, ецъ, ышъ, рокъ, áнка, úнка*, также наречія (кромѣ произведенныхъ отъ прилагательныхъ) двухъ видовъ:

своеобразныя *(творимя)* и творительнымъ падежомъ *(творимъ)* и пр.; и затѣмъ, наконецъ, слова сложныя, составныя. Замѣчательна легкая подвижность этихъ построеній и жизненая связь ихъ со смысломъ. Гдѣ только дозволяетъ смыслъ, тамъ отъ глагола можетъ быть образовано требуемое слово, по неизмѣнному правилу; гдѣ такое образованіе противно духу языка или самому смыслу, тамъ языкъ нашъ упорно отъ сего отказывается, а будучи изнасилованъ, даетъ слова тяжелыя, противныя слуху и чувству, безъ всякой силы и значенья. Вотъ почему мы, заглушивъ въ себѣ природное, безсознательное чутье къ своему языку, лишаемся и силы и способности владѣть имъ и впадаемъ въ оскорбительныя для духа языка, мертвящія ошибки. Слово *мертвящія* напомнило мнѣ именно одинъ изъ такихъ примѣровъ: думая не на своемъ языкѣ и передавая мысли свои въ переводѣ, мы невольно ищемъ словъ, подходящихъ складомъ къ реченіямъ иноязычнымъ; намъ, напримѣръ, понадобилось образовать изъ прилагательнаго *мертвый* имя, придавъ ему еще особый оттѣнокъ значенія, не умершаго, а окованнаго мертвящею силой, оцѣпенѣлаго; по примѣру: *спертость*, *черствость*, надо бы сказать *мертвость;* но мы на грѣхъ на этотъ примѣръ не напали, а взяли за образецъ: *бренность*, *откровенность*, и пустили въ ходъ словцо *мертвенность*. Неправильное образованіе этого слова деретъ ухо, да сверхъ того, окончаніе *ость* почему то противится требованію выразить состояніе обмершаго, а выражаетъ исконное состояніе; вотъ почему и *мертвость*, образованное правильно, не совсѣмъ отвѣчаетъ дѣлу; для выраженія этого понятія, надо было бы взять слово иного образованія и окончанія и сказать: *мертвѝзна*, и оно бы высказало ясно то, что было на умѣ писателя. Не сдѣлаются ли отношенія эти яснѣе, не усвоимъ ли мы себѣ легче утра-

ченный нами духъ языка, при томъ гнѣздовомъ или семейномъ порядкѣ составленія словаря, какой читатели видятъ нынѣ передъ собою?

При расположеніи словъ гнѣздами, я обычно начинаю съ глагола, но иногда имя взяло въ гнѣздѣ своемъ такой перевѣсъ, что пущено впередъ. Есть много случаевъ, гдѣ глаголъ устарѣлъ или даже вовсе утраченъ, а производныя слова полнымъ чередомъ сохранились. Это, впрочемъ, все равно; законъ языка таковъ, что одно вовсе не можетъ быть безъ другого, и не только глаголъ или имя, но и все гнѣздо словъ, такъ сказать, появляется заразъ. Коли есть глаголы: *ходить*, *сидѣть*, *лежать*, то есть и *ходъ*, *хожденье*, и *сидка*, *сидѣнье*, и *лежка*, *лежанье* и пр. Поставлю ли я напередъ: *основывать*, *основать*, и уже затѣмъ: *основываньe*, *основанье*, *основъ*, *основа*, или начну съ *основъ*, все послѣ глагола должны слѣдовать имена, выражающія дѣйствіе его, а частію и предметъ, и выпустить здѣсь одно изъ нихъ, принятое за родоначальника семьи, неудобно, а оно должно бы повториться; затѣмъ слѣдуетъ и вся ватага прочихъ частей речи, какъ показано было выше. Въ одиночествѣ стоятъ только слова чужія или захожія, если они не усвоены и не передѣланы со всѣмъ потомствомъ своимъ на рускій ладъ, также иныя наречія, предложныя слова, да числительныя имена и частицы. Изъ тѣхъ и другихъ, впрочемъ, нерѣдко также образуются глаголы, рождающіе, по общему закону языка, цѣлый ридъ словъ производныхъ. Изъ *три* выходитъ *троить*, изъ гл. *троить*: *троеніе*, *тройной*, *тройка*, и пр.; изъ *ахъ* или *охъ*, дѣлается *ахать*, *охать*, а затѣмъ: *аханье*, *ахальный*, *ахала*, *ахальщикъ* и пр. Эта семья или гнѣздо словъ полнѣе у предложныхъ глаголовъ, которые вообще выражаютъ понятіе точнѣе, опредѣлительнѣе, прикладнѣе, а потому и болѣе слышны въ речи.

Кажется, будущая граматика наша должна будетъ пойти симъ путемъ, то есть развить напередъ законы этого словопроизводства, разумно обнявъ духъ языка, а затѣмъ уже обратиться къ разсмотрѣнію каждой изъ частей речи. Въ дѣлѣ этомъ такая жизненная связь, что брать для изученія и толковать отрывочно части стройнаго цѣлаго, не усвоивъ себѣ напередъ общаго взгляда, то же самое, что изучать строеніе тѣла и самую жизнь человѣка по раскинутымъ въ пространствѣ волокнамъ растерзанныхъ членовъ человѣческаго трупа. Какъ вѣрно схвачена была К. С. Аксаковымъ, при разсмотрѣніи имъ глаголовъ, эта жизненная, живая сила нашего языка! глаголы наши никакъ не поддаются мертвящему духу такой граматики, которая хочетъ силою подчинить ихъ однимъ внѣшнимъ признакамъ; они требуютъ признанія въ нихъ силы самостоятельной, духовной, и, покоряясь только ей, подчиняются разгаданнымъ внѣшнимъ признакамъ этой духовной силы, своего значенія и смысла. Такъ и самый человѣкъ никакъ не покорялся вещественному взгляду ученыхъ, отводившихъ ему мѣсто въ животной природѣ по зубамъ и ногтямъ, а сталъ послушно на свое мѣсто, когда положили въ основу бытія и различія его: разумъ, волю и безсмертную душу!

Итакъ, вотъ тотъ порядокъ, то устройство словаря, на которое составитель рѣшился: собрать по семьямъ или гнѣздамъ всѣ, очевидно сродственныя слова, устранивъ, однакоже, предложныя и тѣ производныя, въ которыхъ измѣняются начальныя буквы; это попытка на способъ средній между *голословнымъ* и *корнесловнымъ* словарями. Въ азбучномъ порядкѣ, для отыскивающихъ извѣстное слово, есть указанія, гдѣ его искать, и кажется, съ небольшимъ соображеніемъ и навыкомъ, это никого не затруднитъ.

Причастія и дѣепричастія пропущены въ словарѣ, для сокращенія объема, какъ извѣстныя, по грамматикѣ, части глаголовъ; но, въ сущности, *окруженный* и *округленный*, конечно, не ближе въ родствѣ съ глаголомъ своимъ, чѣмъ *округленіе* или *окружный;* и если причаст. *округляемый* также подразумѣвается въ глаголѣ *округлять*, то *округляемость*, какъ свойство, способность быть округляему, требуетъ въ словарѣ своего мѣста. Увеличительныя, умалительныя и пр. показаны иногда въ примѣрахъ, а краснымъ словомъ тогда только, когда за ними есть особое значенье, или когда они обратились въ самостоятельныя слова, утративъ производный смыслъ, какъ напр., *рука* и *ручка*, *клять* и *клятка* и пр.

Многіе глаголы пополнены видами и, кажется, приведены въ болѣе ясный, отчетливый порядокъ, а спутываемые доселѣ въ словаряхъ, по сходству въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, отдѣлены и объяснены, какъ напр.: *выкатывать, выкатать бѣлье; выкатывать, выкатить бочку; выкачивать, выкачать воду*; *выкачивать, выкатить гривку*, выкроить, вырѣзать; вообще, гл. *катать* и *качать*, *мѣшать* и *мѣсить* и другіе, особенно съ предлогами, смѣшивались, и потому значеніе ихъ объяснялось темно и запутанно. Показано также замѣчательное превращеніе глаголовъ, не измѣняющихъ при семъ ни одной буквы, а по одному только смыслу, изъ одного вида въ другой, напр.: *я сроду не выхаживалъ за городъ:* это грамматики зовутъ видомъ многократнымъ; *я выхаживаю въ недѣлю весь городъ; выхаживаю, въ разсыльныхъ, по рублю въ день*, это видъ неокончательный или неопредѣленный.

Предложные глаголы нельзя было, по корнесловному порядку, присоединять къ простымъ или кореннымъ: это бы слишкомъ затруднило отысканіе ихъ, да при томъ многіе изъ нихъ сами наплодили такое

обильное потомство, что требуютъ отдѣльнаго мѣста; но при каждомъ коренномъ глаголѣ показаны примѣры сочетанія его со всѣми подходящими къ нему предлогами.

При словахъ, гдѣ казалось полезнымъ указать на происхожденіе или родство ихъ, хотя такіе родичи нерѣдко, въ силу азбучнаго порядка, разнесены другъ отъ друга, указаніе это сдѣлано въ скобкахъ, иногда въ видѣ намека и однимъ словомъ, а нерѣдко и съ вопросительнымъ знакомъ, какъ дѣло нерѣшенное. Но это не значитъ, чтобы такое слово признавалось корнемъ, ни даже ближайшимъ сродникомъ объясняемаго слова, а оба они сведены только рядомъ, въ чаяніи однородства ихъ, и указаніемъ этимъ два разрозненныя гнѣзда связываются промежнымъ звеномъ. При семъ составитель словаря старательно избѣгалъ ошибочнаго производства (чему множество примѣровъ у Рейфа) и боялся приговоровъ въ такомъ темномъ дѣлѣ. Ошибочная натяжка словъ къ чужому корню, по одному созвучію, много вредитъ изученію языка, лишая слово природной связи и жизни. Корнесловъ Шимкевича вообще составленъ гораздо основательнѣе Рейфа и съ рускимъ чувствомъ, но у него почти голый списокъ корней, безъ показанія относимыхъ къ нему словъ, что нерѣдко ставитъ читателя въ недоумѣнье; такъ напримѣръ, я не могу узнать, къ какому корню относитъ онъ *бирка* и *бирюлька:* подходящаго корня нѣтъ, а подъ *брать* показано одно только производное слово *бремя*. Корня *бас* у него нѣтъ вовсе; куда же онъ относитъ *басый*, *баской*, *басить*, *басловка* и пр.,— это неизвѣстно.

Указанія на отечество чужихъ словъ у меня вообще не полны и поверхностны; не пускаясь глубоко въ корнесловіе своего, а тѣмъ менѣе чужихъ языковъ, составитель указываетъ только на ближайшій источ-

никъ, на греческій, латинскій, французскій, нѣмецкій языкъ, откуда слово перешло къ намъ, хотя бы оно и было испанскимъ, арабскимъ, еврейскимъ или санскритскимъ. Если бы пускаться въ такіе розыски, то всѣ почти французскія слова должны бы называться латинскими, готскими, кельтическими, а болѣе половины чисто рускихъ словъ пришлось бы отнести къ санскритскимъ. Я также, въ реченіяхъ науки или ремесла, бо́льшею частью не означалъ, съ какого языка взято слово; морскія выраженія голландскія и англійскія, горныя—нѣмецкія, военныя — нѣмецкія и французскія, врачебныя—латинскія и греческія и пр. Думаю, что это всякому извѣстно, и что подобныя указанія, въ такомъ словарѣ, какъ мой, не важны.

Граматическія указанія въ словарѣ вообще скудны, потому что оказываются то ничтожными и безполезными, то сбивчивыми и даже ложными; языкъ нашъ нынѣшней граматикѣ не поддается. Приложеніе сло́ва къ дѣлу, отношенія его въ построеніи речи, управленіе или зависимость всюду объяснены примѣрами, и въ нихъ должно искать объясненія всѣхъ подобныхъ вопросовъ.

При объясненіи и толкованіи сло́ва вообще избѣгались сухія, безплодныя опредѣленія, порожденія школярства, потѣха зазнавшейся учености, не придающая дѣлу никакого смысла, а, напротивъ, отрѣшающая отъ него высокопарною отвлеченностію. Передача и объясненіе одного слова другимъ, а тѣмъ паче десяткомъ другихъ, конечно, вразумительнѣе всякаго опредѣленія, а примѣры еще болѣе поясняютъ дѣло. Само собою, что переводъ одного слова другимъ очень рѣдко можетъ быть вполнѣ точенъ и вѣренъ; всегда есть оттѣнокъ значенія, и объяснительное слово содержитъ либо болѣе общее, либо болѣе частное и тѣсное понятіе; но это неизбѣжно, и отчасти исправляется боль-

шимъ числомъ тождесловъ, на выборъ читателя. Каждое изъ объяснительныхъ словъ найдется опять на своемъ мѣстѣ, и тамъ, въ свою очередь, объяснено подробнѣе. Набирая однословы эти, собиратель, не призадумываясь включалъ туда же и такъ называемыя областныя выраженія, которыя, бо́льшею частію, могутъ войти въ общій расхожій запасъ, какъ это объяснено было выше. Не мѣшаетъ, впрочемъ, замѣтить, что, зная языкъ свой въ крайне ограниченномъ объемѣ, въ предѣлахъ нынѣшней письменности, мы весьма часто считаемъ областными выраженія, общія почти всей руской землѣ, потому что мы ихъ не знаемъ, и что они доселѣ были чужды письменному языку.

Въ числѣ примѣровъ, пословицы и поговорки, какъ коренныя рускія изреченія, занимаютъ первое мѣсто; ихъ болѣе 30 тысячъ, и онѣ напечатаны тою же йскосью, какъ и всѣ примѣры. Для простого словаря или словотолковника, ихъ мѣстами нанизано слишкомъ много; ради примѣра, было бы достаточно двухъ или трехъ, а десятки можно бы выкинуть. Но я смотрѣлъ на это дѣло иначе: при бѣдности примѣровъ хорошей руской речи, рѣшено было включить въ словарь *народнаго языка* всѣ пословицы и поговорки, сколько ихъ можно было добыть и собрать; кому онѣ не любы, тотъ легко можетъ перескочить черезъ нихъ, такъ какъ онѣ напечатаны косымъ наборомъ, а иной, можетъ быть, вникнувъ въ этотъ дюжій складъ речи, увидитъ, что тутъ есть чему поучиться. Примѣровъ книжныхъ у меня почти нѣтъ, не потому, чтобы я ими небрегъ — нѣтъ, я признаю это за недостатокъ словаря, — а потому, что у меня не достало времени рыться за ними и отыскивать ихъ; для этого также нужны не дни, а годы.

Друзья совѣтовали было мнѣ отмѣчать ходячія реченія какимъ нибудь знáкомъ, для отличія ихъ, по

первому взгляду, отъ прочихъ, сочиненныхъ примѣровъ; но, не говоря о томъ, что дѣло было уже опоздано, что часть словаря вышла уже безъ такихъ отмѣтокъ, онѣ бы меня и весьма затруднили. Такой порядокъ или правило потребовало бы самаго рѣзкаго разграниченія, не только пословицъ, но и поговорокъ, отъ обычныхъ оборотовъ речи, которые между тѣмъ, въ живомъ языкѣ, незамѣтно взаимно сливаются, какъ и самыя пословицы переходятъ въ поговорки (см. *Напутное слово* къ «Пословицамъ рускаго народа»); провести между ними грани нельзя, ни же означить каждую изъ тѣхъ и другихъ особымъ знáкомъ; такъ же точно и простые обороты речи, приводимые всюду въ словарѣ въ видѣ примѣровъ, нельзя разграничить съ поговорками, переходящими исподволь въ одинъ только простой, условный оборотъ рѣчи.

Почти тоже должно сказать объ отмѣткѣ особымъ знакомъ словъ, вновь вносимыхъ въ словарь, не бывшихъ до сего въ обиходѣ. Въ красную строку, въ число реченій, напечатанныхъ крупнымъ наборомъ, отъ строки, собиратель ставилъ только слова́, читанныя или слышанныя имъ; да и по самому устройству словаря, гдѣ въ голову каждаго гнѣзда поставленъ глаголъ или другое починное слово, нельзя было начинать статью словомъ сомнительнымъ или неизвѣстнымъ и къ нему поднизывать слова́ обиходныя. Но, при толкованіяхъ, а иногда и въ числѣ производныхъ словъ, могли попадаться и такія, которыя доселѣ не писались, а можетъ быть даже и не говорились. Я не могу провести такой строгой черты между словами, читанными или слышанными когда и гдѣ нибудь, и между сложившимися подъ перомъ, при истолкованіи другихъ словъ; это особенно трудно при словахъ производныхъ, раждающихся по самому простому, общему закону, и при словахъ предложныхъ, кото-

рыхъ никто не перечтетъ, и не составитъ списка бывшимъ и небывшимъ доселѣ гдѣ либо въ ходу. Кто выкуетъ какое нибудь словечко—какъ это водилось у насъ — приваривая одно слово къ другому, по греческому или церковно-славянскому образцу, тотъ, конечно, сознательно можетъ поставить при немъ въ скобкахъ ученое mihi; но кто, не занимаясь такимъ сочиненіемъ, а принимая всякое имя или глаголъ за начало, объясняетъ при нихъ и отродившіеся, по неизмѣнному закону, отростки или одногнѣздки, тотъ этого не можетъ. Онъ неминуемо иногда присвоилъ бы себѣ общее достояніе, или, наоборотъ, оставивъ слово, не бывшее въ ходу, безъ отмѣтки, былъ бы обвиненъ въ подлогѣ. Вообще, очевидно, что если письменный языкъ такъ мало развитъ и обработанъ, что на него ссылаться нѣтъ возможности, то нѣтъ и ручательства, кромѣ добросовѣстности словарника, который лишенъ возможности указать, откуда имъ взято слово, не бывшее до того въ печати. Вотъ причины, по которымъ надо было отступиться отъ такихъ указаній.

Желаніе собирателя было составить словарь, о которомъ бы можно было сказать: «Реченія письменныя, бесѣдныя, простонародныя; общія, мѣстныя и областныя; обиходныя, научныя, промысловыя и ремесленныя; иноязычныя, усвоенныя и вновь захожія, съ переводомъ; объясненіе и описаніе предметовъ, толкованіе понятій общихъ и частныхъ, подчиненныхъ и сродныхъ, равносильныхъ и противоположныхъ съ одно (тожде) словами и выраженіями окольными; съ показаніемъ различныхъ значеній, въ смыслѣ прямомъ и переносномъ или иноречіями; указанія на словопроизводство; примѣры, съ показаніемъ условныхъ оборотовъ речи, значенія видовъ глаголовъ и управленія падежами; пословицы, поговорки, присловья, загадки, скороговорки и пр.» На сколько сочинитель отсталъ

отъ такой, вовсе непосильной, задачи, это самому ему извѣстно ближе и короче, чѣмъ кому либо иному; ему удалось только, въ предѣлахъ рамки этой, собрать кой-что и пополнить собранное разными отрывочными свѣденіями. Подготовки для такого труда нашлось маловато, а жизнь коротка, досугу и не хватитъ. Работая не лѣнясь, насколько отъ дѣлъ насущныхъ оставалось часу, этотъ собиратель сдѣлалъ, что смогъ; а если бы еще хоть десять человѣкъ сдѣлали столько же, то сводъ десятка такихъ словарей, конечно, далъ бы въ итогѣ не то, что одинъ!

Можетъ быть словарю не слѣдовало давать громкаго названія «Толковаго Словаря», а приличнѣе, и во всякомъ случаѣ скромнѣе, было бы назвать его: «Запасы для толковаго словаря»; но это показалось неудобнымъ: во-первыхъ, заглавіе *опытъ* и *запасы* слишкомъ часто были придаваемы сочиненіямъ именно изъ одного только приличія, а вовсе не по убѣжденію; посему оцѣнщики наши извѣрились и судятъ съ одинаковою взыскательностью и по одной мѣркѣ о книгахъ, названныхъ опытомъ или запасомъ, и о тѣхъ, которыя озаглавлены просто по содержанію, безъ такой скромной оговорки. Во-вторыхъ, названія *опытъ* и *запасы* не идутъ къ сочиненію цѣльному и полному, не по содержанію, конечно, а по объему; если словари, какіе были у насъ доселѣ, назывались не запасами, а словарями, то какъ же общій сводъ ихъ, съ прибавкою десятковъ тысячъ словъ, съ объясненіями и примѣрами, гораздо болѣе полными и подробными, не назвать словаремъ?

Второй вопросъ: *толковый*. Стараясь принять значеніе каждаго слова сперва въ самомъ обширномъ смыслѣ его, объяснять затѣмъ значенія частныя, потомъ понятія подчиненныя, сродныя, противоположныя, сводить въ одну статью, семью или гнѣздо ре-

ченія одного начала или корня, поколику это согласуется съ азбучнымъ порядкомъ; указывая мѣстами на родство, связь и образованіе словъ, и стараясь придать всему этому взаимный смыслъ и толкъ человѣческой речи—составитель словаря полагалъ, что долженъ, хотя однимъ словомъ, намекнуть на эти особенности. Вѣдь заглавіе должно же выражать, на сколько можно, смыслъ и духъ сочиненія, а самое слово *толковый*, въ весьма недавнюю старину, означало именно то, что здѣсь хотѣлось высказать. По нынѣшнему, надо бы обойти слово это наборомъ речей въ двѣ строки, что для заглавія не совсѣмъ удобно. Сверхъ сего полагаю, что самое расположеніе словъ по гнѣздамъ, придающее цѣлому болѣе связи и смысла, даетъ и составителю право указать на особенность эту, и что *толковый* и въ семъ отношеніи прилично выражаетъ дѣло. Мнѣ было замѣчено, что-де стало быть всѣ прочіе словари безтолковы? Въ шутку, это замѣтить можно, но на дѣлѣ, *толковому человѣку, речи, книгѣ* противополагается *безтолковый*, а *толковому словарю—нетолковый*.

Вмѣсто *рускаго*, сказано *великорускаго* языка: кажется, это будетъ точнѣе и правильнѣе; этимъ обозначена ширина объема; малоруское и бѣлоруское наречія, не говоря уже о прочихъ славянскихъ языкахъ, а также церковный и нашъ же. рускій, обветшавшій, исключены, по крайности стали не обязательны для словаря, а могли войти въ него кой-гдѣ, по неразрывной связи своей съ цѣлымъ, для поясненій и толкованій. Объемъ этотъ еще яснѣе означился словомъ *живаго*, которое и указываетъ на желаніе захватить все то, что среди нынѣшняго великорускаго народа можно услышать или прочитать.

Такой объемъ, очевидно, включаетъ и выраженія мѣстныя, областныя, и чужія, принятыя изъ другихъ

языковъ; первыя принадлежатъ народу, выросли на рускомъ корнѣ, много способствуютъ уразумѣнію и обогащенію языка, и приложены на обсужденіе и выборъ читателя, въ коемъ предполагается, какъ уже было сказано, не школьникъ и не нѣмецъ, а любящій языкъ свой землякъ. О словахъ же иноземныхъ замѣчу, что если нынѣ и никакому словарнику не угоняться за прыткими набирателями и усвоителями всѣхъ языковъ запада, то по крайности въ словарѣ семъ, съ намѣреньемъ, не были опускаемы чужесловы, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, словарникъ не законникъ, не уставщикъ, а сборщикъ; онъ обязанъ собрать и дать все то, что есть, позволяя себѣ развѣ только указанія на неправильность, уклоненія и примѣры для замѣны дурного лучшимъ; во-вторыхъ, долгъ его перевести каждое изъ принятыхъ словъ на свой языкъ, и выставить тутъ же всѣ равносильныя, отвѣчающія или близкія ему выраженія рускаго языка, чтобы показать, есть ли у насъ слово это, или его нѣтъ. Отъ исключенія изъ словаря чужихъ словъ, ихъ въ обиходѣ, конечно, не убудетъ; а помѣщеніе ихъ, съ удачнымъ переводомъ, могло бы иногда пробудить чувство, вкусъ и любовь къ чистотѣ языка.

Переводы эти многихъ соблазняютъ и вызываютъ на глумленье; признаёмся, что на это пенять нельзя: гдѣ только, въ примѣненіи малоизвѣстнаго слова, видна натяжка, а тѣмъ болѣе во вновь образованномъ погрѣшность противъ духа языка, тамъ оно глядитъ рожномъ. Мы не совсѣмъ еще отстали отъ ошибочныхъ убѣжденій шишковскихъ временъ, что чужія выраженія должны проводиться дословно и заключать въ переводѣ именно всѣ тѣ понятія, какія находимъ въ первыхъ; обычай этотъ крайне затрудняетъ пріисканіе равносильныхъ чужихъ рускихъ словъ; ухо, привычное къ *эмансипаціи*, *цивилизаціи*, *гуманности*, не находитъ этихъ

знакомыхъ звуковъ ни въ одномъ рускомъ словѣ, и потому, какъ ни переводи ихъ, все многіе будутъ отвѣчать: нѣтъ, это не то. Но стóитъ только, принявъ, обусловить выраженіе, и оно будетъ именно то! Переводы буквальные, требующіе сварки двухъ-трехъ словъ, всегда почти бываютъ неудачны, потому что это противно духу нашего языка и что способъ этотъ даетъ слова́ неуклюжія, нерѣдко еще болѣе дикія, чѣмъ чужое слово, которое хотятъ имъ замѣнить; но коли народъ, не надрываясь умничаньемъ, безъ натуги, дастъ чему свою кличку, вѣрно произведенную отъ одного, главнаго понятія, то, воля ваша, одна только причуда и утрата вкуса и чувства къ своему языку могутъ чуждаться такихъ словъ. Весьма трудно установить въ дѣлѣ семъ правую средину, не вдаваясь въ крайности: одни пытаются вводить слова́, не совсѣмъ удачно выбранныя (нынѣ, впрочемъ, и это рѣдкость), другіе встрѣчаютъ ихъ разъ навсегда съ предубѣжденьемъ, весьма часто основаннымъ на отчужденіи отъ некнижнаго языка. Но ради сего нельзя же, махнувъ рукой, покинуть дѣло; казалось бы, сознавая весь вредъ и все зло отъ наводненія и искаженія языка чужими реченіями, всякъ долженъ противиться этому по своимъ силамъ. Если предполагаемыя слова не сыщутъ одобренія и пріема у писателей, то можетъ быть дадутъ поводъ къ толкамъ и къ отысканію другихъ и лучшихъ словъ, и тогда цѣль наша очевидно будетъ достигнута. Замѣчу здѣсь, однакоже, вторично, по поводу намека, которымъ старались заподóзрить добросовѣстность собирателя, что въ переводахъ чужихъ словъ могутъ попадаться въ словарѣ изрѣдка вновь сочиненныя слова́, отдаваемыя на общій судъ, но въ красной строкѣ или въ числѣ объясняемыхъ словъ, *сочиненныхъ мною словъ нѣтъ*. Но даже и первыя, большею частію, не сочинены вновь, а они

есть, но имъ можетъ быть доселѣ не было придаваемо именно этого частнаго значенія, или они вообще читателю не были извѣстны. Если я, напримѣръ, предложилъ, вмѣсто *автоматъ*, болѣе понятное рускому слово *живуля*, то оно не выдумано мною, хотя и не употреблялось въ семъ значеніи; оно есть, напр., въ загадкѣ: Сидитъ живая живулечка на живомъ стулечкѣ, теребитъ живое мясцо (младенецъ сосетъ грудь).

Послѣ сего понятно, для чего выраженія рускія, при объясненіи ихъ, между прочимъ, толкуются также и наоборотъ болѣе или менѣе принятыми чужесловами: не для того, конечно, чтобы свое слово замѣнить чужимъ, а, напротивъ, чтобы указать или напомнить, какимъ рускимъ словомъ можетъ быть замѣнено иноземное, нерѣдко читателю болѣе знакомое, чѣмъ свое, родное. Первое найдется, впрочемъ, и на своемъ мѣстѣ, гдѣ должно быть объяснено подробнѣе.

Надо также сказать нѣсколько словъ о правописи, принятой въ словарѣ. Это дѣло у насъ задача трудная; покуда пишешь сплеча (вотъ и спотычка: иной пишетъ *съ плеча*, хотя наречію *сплеча* усвоено вовсе иное значенье, чѣмъ речи *съ плеча;* наприм., *сними мѣшокъ съ плеча*), такъ сходитъ съ рукъ на всякій ладъ, а какъ приходится отдать отчетъ себѣ и людямъ въ каждой буквѣ, да постановить общія и частныя правила, то, нисколько не желая быть ни новщикомъ, ни отщепенцемъ, вынужденъ, однакоже, рѣшиться, въ сомнительныхъ случаяхъ, на то, либо на другое, по крайнему разумѣнію, и можетъ быть иногда невольно впадешь въ крайности. Вотъ главнѣйшія, принятыя въ словарѣ правила:

1. Писать какъ можно ближе къ общепринятому произношенью, насколько это дозвсляютъ прочія, не менѣе важныя правила, а самый обычай.

2. Стараться сохранять, безъ натяжки, намекъ на производство, чтобы нагляднѣе осмыслить слово.

3. Не сдваивить буквъ, безъ прямой нужды, т. е. гдѣ говоръ этои не требуетъ настоятельно, и потому писать: *вяленый, соленость;* также *алапатія, грамматика, абатъ, коректура;* буквы *р, с* никогда не сдваиваются, какъ довольно твердыя по себѣ, почему и пишу: *касиръ*, и даже *рускій и Росія*. Но *непремѣнный, благосклонный* и пр. требуютъ сдвоенія буквы *н*.

4. Въ слитныхъ предлогахъ *воз, из, раз*, буква *з* иногда переходитъ въ *с*, какъ объяснено въ словарѣ, см. *воз*.

5. Букву *ѣ*, въ коей былъ нѣкогда смыслъ и значенье, какъ и въ *юсъ*, а нынѣ отживающую вѣкъ свой, нельзя выкинуть, по привычкѣ къ ней, но можно ее исподволь выжимать. Пишутъ *лѣкарь* и *лекарь, лѣчить* и *лечить*, и я беру второе, хотя другіе славянскіе языки и указываютъ, что, по старинному, *лѣкарь* и *лѣчить* правильнѣе. Если мы пишемъ *одежда и надежда* (и наоборотъ: *сѣдла, звѣзды*—сёдла, звёзды), то къ чему писать *свѣдѣніе*, ссылаясь на церковное *вѣдѣти*, когда въ церковномъ же находимъ *рещи* и *речь*, и не вѣдомо къ чему, пишемъ *рѣчь, нарѣчіе?* Словомъ, гдѣ нѣтъ настойчиваго требованія на *ѣ*, тамъ пишу *е*.

6. Предложныя наречія, кажется, лучше соединять въ одно слово: *насквозь, подладъ, наподхватъ* и пр. Это тѣмъ нужнѣе, что нерѣдко ударенье переходитъ на предлогъ, и чтобы показать это, надо бы связать его соединительной черточко (удареньей на односложномъ словѣ безъ смысла), которой у насъ не любятъ. Тамъ, однако, гдѣ ударенье переходитъ на предлогъ, гдѣ указательная частица привѣшивается или гдѣ два слова соединяются и получаютъ новое, особое значенье, тамъ лучше ставить эту черточку, какъ напр.

идти по́-воду, за́-рѣку, по́-хорошему милъ; а также: *лошадь-та, ребята-тъ, мужикъ-этъ;* или названья: *земляной-ладанъ, калмыцкій-чай, мышій-горохъ.*

7. Въ чужихъ словахъ мы не должны принимать правописанія иноземнаго, а должны писать слово, какъ оно произносится рускимъ, незнающимъ чужихъ языковъ; и если слово переиначено въ говорѣ на рускій ладъ, то тѣмъ и лучше, тѣмъ легче оно можетъ быть усвоено. Требованье—знать и соблюдать въ рускомъ языкѣ правописаніе испанское, итальянское, англійское, нѣмецкое, французкое, турецкое—очевидно нелѣпо. Тамъ и самыя буквы произносятся иначе, и въ такомъ видѣ слово не можетъ войти въ обиходъ.

При обработкѣ словаря своего, составитель его слѣдовалъ такому порядку: идучи по самому полному изъ словарей нашихъ, по академическому, онъ пополнялъ его своими запасами; эта же работа пополнялась еще словарями: областнымъ академическимъ, Бурнашева, Анненкова и другими, все это сводилось вмѣстѣ, на очную ставку, иногда, по словопроизводству, дѣлались справки у Рейфа и Шимкевича, и затѣмъ, собравъ слова по гнѣздамъ, составитель пополнялъ и объяснялъ ихъ по запискамъ своимъ и по крайнему своему разумѣнію, ставя вопросительные знаки, гдѣ находилъ что либо сомнительное.

Въ академическомъ словарѣ показано 114,749 словъ; за исключеніемъ изъ этого причастій, именъ умалительныхъ, увеличительныхъ, да словъ вовсе неупотребительныхъ и, по неуклюжему, нерускому складу, вовсе непригодныхъ, полагаю примѣрно въ остаткѣ 100 т. словъ; изъ прочихъ словарей добавлено, какъ полагаю примѣрно же, поболѣе того, что было откинуто, можетъ быть до 20 т.; сколько словъ затѣмъ пополнено вновь изъ записокъ моихъ, я смогу сказать только по окончаніи всего труда, но знаю, что ихъ

будетъ никакъ не менѣе 70-ти и до 80-ти т. [1]). Не воображайте, однако, чтобы прибавка эта состояла вся изъ словъ коренныхъ или неслыханныхъ доселѣ областныхъ выраженій; напротивъ, девять десятыхъ изъ нихъ простыя, обиходныя слова, не попавшія только доселѣ въ наши словари именно по простотѣ, по безвычурности и обиходности своей: словари набирались изъ книгъ, а книги пишутъ, взбираясь на ходули и подмости. Мы съ неба звѣзды хватаемъ, а подъ ногами ничего не видимъ.

Независимо отъ пополненнаго, противу прочихъ словарей, числа словъ, много прибавлено объясненій, по различнымъ ихъ значеніямъ. Казалось неудобнымъ показывать число этихъ значеній рѣзкимъ ихъ раздѣленіемъ, цифрами, а потому они отдѣлены одно отъ другаго знàкомъ (||), такъ что слѣдующее за такимъ знàкомъ толкованіе всегда относится къ ближайшему *красному* слову.

Первое признательное слово мое, по сему дѣлу, должно быть обращено къ словарямъ Академіи, общему, на коемъ весь трудъ основанъ, и областнымъ, коими запасы мои пополнены; затѣмъ я долженъ сказать искреннее спасибо и всѣмъ прочимъ рускимъ словарямъ, служившимъ для справокъ и повѣрокъ.

Я обязанъ также благодарить всѣхъ, сообщавшихъ мнѣ въ теченіе послѣднихъ 25-ти лѣтъ, по разнымъ вызовамъ и частнымъ просьбамъ моимъ, сборники словъ, замѣтки, объясненія и запасы: вызвать я могъ бы только немногихъ, упустивъ въ свое время записывать, для памяти, что и отъ кого получено. Изъ сотни именъ, я теперь не могъ бы вспомнить и де-

---

[1]) На букву А дополнено 500 словъ, на Б, 2000; на В, 4500; на Г, 1200; на Д, 3330; на Е, 200; на Ж, 370; на З, 7230; на И, 3440; на К, 4200; на Л, 1220; на М, 2300; на Н, 9280; прочія несочтены.

сятка. Всѣ подачки это разстрижены на рубезки и разобраны по своимъ полосамъ, безъ всякихъ отмѣтокъ. Надѣюсь, что такое упущеніе съ моей стороны никого не заставитъ пожалѣть о сдѣланномъ добромъ дѣлѣ.

Помощниковъ въ отдѣлкѣ словаря найти очень трудно, и, правду сказать, этого нельзя и требовать: надо отдать безмездно цѣлые годы жизни своей, работая не на себя, какъ батракъ. Такихъ помощниковъ или сотрудниковъ у меня не было; мало того, по службѣ и жизни вдали отъ столицъ, даже почти не было людей, съ которыми бы можно было отвести душу и посовѣтоваться въ этомъ дѣлѣ. Въ семъ отношеніи нельзя не помянуть мнѣ, однако, двухъ дружески ко мнѣ расположенныхъ людей, въ которыхъ я находилъ умное и дѣльное сочувствіе къ своему труду: А. Н. Дьяконова, уже покойника, бывшаго инспектора корпуса въ Оренбургѣ, и П. И. Мельникова, въ Нижнемъ. Но когда я первый правочный листъ словаря выслалъ Н. И. Гречу, чтобы онъ сообща со мною порадовался началу успѣха завѣтнаго труда, то этотъ 75-ти лѣтній дѣлатель, несмотря на вражду мою съ граматикой, настоялъ на высылкѣ къ нему по почтѣ каждаго правочнаго листа, возвращая его съ поправками и замѣтками своими ко мнѣ, въ Москву; а когда я отговаривался, совѣстясь затруднять его такимъ нескончаемымъ трудомъ, то онъ отвѣчалъ: «Дайте мнѣ умереть за этой работой!» Замѣтки этого заслуженнаго уставщика грамоты были мнѣ крайне полезны, охранивъ меня отъ многихъ промаховъ; и если онѣ не всѣ безусловно мною приняты, то это уже сдѣлано сознательно или по необходимости, чтобы не нарушить цѣлости принятыхъ однажды, право или неправо, основаній.

Оканчивая симъ напутное слово свое, составитель

обязанъ объявить, по какому случаю словарь его, вовсе неожиданно, поступилъ въ печать.

По прибытіи его въ Москву, зимою на 1860-й годъ, Общество Любителей Руской Словесности, почтившее его уже до сего званіемъ члена своего, пожелало узнать ближе, въ какомъ видѣ обработывается словарь, и что именно уже сдѣлано. Отчетъ въ этомъ отдалъ онъ запискою, читанною въ засѣданіи Общества 25-го Февраля (за симъ прилагаемой) и напечатанной въ первой книжкѣ «Руской Бесѣды» за тотъ же годъ.

Горячо и настойчиво отозвалось на это Общество, подъ предсѣдательствомъ покойнаго А. С. Хомякова, и тотчасъ же предложено было, не откладывая дѣла, найти средства для изданія словаря.

Дѣло составителя было при семъ заявить о всѣхъ затрудненіяхъ и неудобствахъ, какія онъ могъ предвидѣть, давно уже самъ обсуждая это дѣло. Словарь доведенъ только еще до половины, и едва ли прежде десяти или восьми лѣтъ можетъ быть оконченъ; собирателю подъ 60 лѣтъ; изданіе станетъ дорого, а между тѣмъ, вѣроятно, не окупится: кому нуженъ неоконченный словарь?

Но нашлось нѣсколько сильныхъ и горячихъ голосовъ—и первымъ изъ нихъ былъ голосъ М. П. Погодина — устранившихъ всѣ возраженія эти тѣмъ, что если видѣть всюду однѣ помѣхи и препоны, то ничего сдѣлать нельзя; ихъ найдется еще много впереди, несмотря ни на какую предусмотрительность нашу; а печатать словарь надо, не дожидаясь конца его и при томъ не упуская времени. Самая печать неминуемо должна продлиться нѣсколько лѣтъ, а потому будетъ еще время подумать объ остальномъ, лишь бы дѣло пущено было въ ходъ.

Тогда поднялся еще одинъ голосъ, А. И. Кошелева, съ другимъ вопросомъ: чего станетъ изданіе го-

товой половины словаря? И по отвѣту, что безъ трехъ тысячъ нельзя приступить къ изданію, даже разсчитывая на нѣкоторую помощь отъ выручки, деньги эти были, такъ сказать, положены на столъ.

Оставалось заняться частностями дѣла и приступить къ печати. Выборъ, а затѣмъ, частью, и отливка шести разныхъ наборовъ, и другія пріуготовленія печатни, скрали почти полгода; правка такой книги, какъ словарь, тяжела и мѣшкотна, тѣмъ болѣе для одной пары старыхъ глазъ; вотъ причины медленности выхода словаря; но, что зависитъ отъ составителя, то, конечно одна только смерть или болѣзненное одряхленіе его могли бы остановить начатое.

Англійскимъ наборомъ набраны слова́ въ красную строку, во главѣ гнѣзда́ или семьи своей; ***косымъ окирнымъ***—всѣ прочія красныя слова́ каждаго гнѣзда, толкуемыя, но поставленныя въ строку; боргесомъ—самое толкованіе словъ, прямой переводъ и значеніе красныхъ словъ; *косымъ боргесомъ,*—всѣ примѣры, въ томъ числѣ и пословицы, и поговорки и пр.; петитомъ — всѣ объясненія граматическія, замѣтки о языкѣ, о словопроизводствѣ, указанія на чужіе языки, на ремёсла, науки, искуства, сословія, также поясненія пословицъ и оборотовъ речи, если объясненія эти не относятся до толкуемаго слова; замѣтки объ обычаяхъ, для уразумѣнія примѣровъ или самыхъ толкованій и пр. Частица или, напечатанная сплошнымъ наборомъ, боргесомъ, означаетъ все равно, одно и то же; или — петитомъ въ толкованіи значитъ: либо, т. е. разницу; однословы, въ красной печати, мѣстами отдѣлены этой же частицей, въ первомъ значеніи ея. *Петитъ косой* показываетъ мѣстность, гдѣ слово въ ходу (а иногда только гдѣ оно записано, слышно, хотя изъ этого не слѣдуетъ, чтобы оно было извѣстно и въ другихъ мѣстностяхъ, какъ яснѣе видно изъ прилагаемаго ниже обзора рус-

кихъ наречій и говоровъ), имъ же набраны примѣры предложенныхъ глаголовъ, при всякомъ простомъ глаголѣ, и, наконецъ, онъ встрѣчается въ прямомъ петитѣ, для отлики, какъ вообще употребляется искось.

Поперечный отдѣлъ (||) отдѣляетъ другое значеніе слова, за раздѣломъ симъ объясняемое; звѣздочка (*) показываетъ иноречіе, иносказательное, переносное, окольное значенье слова; вопросительный знакъ (?), если онъ не въ порядкѣ речи, сомнѣнье; онъ поставленъ у всѣхъ словъ, которыхъ правильность или даже самая бытность, въ томъ видѣ, какъ они написаны, сомнительны или гдѣ толкованье, объясненіе рождало недовѣрчивость. Скобки, кромѣ своего обычнаго значенья, включаютъ цѣлыя слова и даже речи, либо слоги и буквы, добавочныя либо замѣнительныя, какъ это довольно ясно изъ смысла речи; такъ напр, въ поговоркѣ: Пословица не мимо (не даромъ) молвится, вставка означаетъ, что замѣстъ не мимо иногда говорятъ: не даромъ; а въ словахъ: га(о)лдить, взра(о)щать, втерпеж(ь)ъ и пр., что говорятъ и пишутъ такъ и сякъ, что поставленное въ скобки можетъ замѣнить отвѣчающій ему слогъ или букву. Такъ какъ словарь мой предназначенъ для рускихъ, то въ этомъ дѣлѣ кажется не можетъ выйти недоумѣній.

Значенье удареній всякому извѣстно; въ немногихъ случаяхъ они опущены по ненадобности или по недосмотру, а съ намѣреньемъ — тамъ только, гдѣ ударе-ніе сомнительно или произвольно и по обычаю переносится туда и сюда. Два ударенія на одномъ словѣ означаютъ, что говорится двояко [1]).

---

1) Сѣверный и восточный великорускіе говоры всегда почти держатся одного ударенья (на первые и средніе слоги), а южный и западный другого (на средніе и послѣдній); Москва болѣе держится второго, а Питеръ нерѣдко своего, третьяго, нѣмецкаго. Такъ, слово *робить*, не только на Украйнѣ, но и на всемъ югѣ отъ Москвы, происносится *ро-*

Сокращенія приняты обычныя и понятныя, болѣе по граматикѣ: м. мужескій родъ, ж. женскій, ср. средній, об. общій; но общими же (об.), не по роду, а по смыслу, по значенью своему, отмѣчены отглагольныя имена короткаго рускаго (не славянскаго) окончанія, какъ напр., *ломъ* и *ломка*, *выборъ* и *выборка* и пр. Объяснимъ это примѣромъ: Отъ гл. *оговаривать*, *оговорить*, прямо выходятъ имена: *оговариванье*, *оговоренье*, *оговоръ* и *оговорка;* первое, по значенью своему, можно назвать *длительнымъ*, второе *окончательнымъ;* а два послѣднія *общими*, т. е. одинаково отвѣчающими тому и другому значенью, что въ словарѣ и показано при такихъ словахъ отмѣтками: дл. ок. об. Далѣе: ч. число, ед. единственное, мн. множественное, собр. собирательное: мкрг., однокр. многократное, однократное; прочія сокращенья, какъ: сщ. прл. гл. нар. прдл. со. прч. мѣст. и пр., означающія извѣстныя части речи, понять не трудно.

Губерніи также означены сокращенно: *ряз. мск. каз. тмб.* и пр., а иногда при нихъ и уѣздъ, отдѣленный не точкою, а черточкою, какъ: *кстр-кол. арх-шнк.* и пр. Въ случаѣ сомнѣнія насчетъ уѣзда, любой старый календарь, въ своей росписи городамъ, разрѣшитъ недоумѣнье. Нерѣдко мѣстность сло́ва, общая цѣлому краю, означена только страною свѣта, считая отъ Москвы: *сѣв.*, сѣверное наречіе или новгородское, въ своемъ общемъ, обширномъ смыслѣ; *юж.*, южное, рязанское, къ которому относится и речь всѣхъ сосѣднихъ губерній; *вост.*, восточное или владимірское, общее всему краю этому, не исключая и Сибири; *запд.* запад-

---

бить; а на сѣверѣ, гдѣ оно въ большомъ ходу, *рубить*. Сюда же относятся: *ворота* и *ворота́*, *далеко* и *далеко́*, *высоко* и *высоко́* и пр. Въ говорѣ новгородскомъ встрѣчаемъ мѣстами довольно странный, по нѣкоторымъ признакамъ старинный, переносъ ударенья на первый слогъ, противоположно польскому и наперекоръ общепринятому, какъ напр., *шво́рогъ*, *ни-о́дного*, *о́крестясь* и пр.

ное, смоленское, отъ Бѣлой-Руси, идущей полосою по ляшскимъ предѣламъ, до столкновенія съ Малою-Русью. Здѣсь названія: *сѣверное*, *восточное* и *западное* сполна отвѣчаютъ дѣлу, но *южное* не столь опредѣлительно, и даже иногда сбивчиво, относясь не къ рязанскому наречію, а къ малорускому, которое отзывается въ Курскѣ, Воронежѣ, Орлѣ и пр.

Слова церковныя и старинныя отмѣчены: стар. цкр.; а указанія на другіе языки: греч. лат. фрн. англ. нѣм. бѣлрс. малрс. татр. и пр.; тѣмъ же наборомъ сдѣланы, въ сокращеніи, указанія на науки, ремесла: физ. хим. матм. воен. морс. фабрч. горн. кузн. столр. и пр. Не менѣе понятны сокращенныя отмѣтки: пѣс., сказ., шутч., бран. и пр.

Кончая напутное слово свое этими сухими и скучными объясненіями, составитель словаря еще разъ благодаритъ отъ души всѣхъ любителей слова, доставившихъ ему запасы или замѣтки, и усердно проситъ всякаго сообщать ему и впредь, на пользу дѣла, пополненія къ словарю, замѣчанія и поправки, на сколько что кому доступно.

В. И. Даль.

Іюнь, 1862.

ОТВѢТЪ НА ПРИГОВОРЪ.

Этнографическое Отдѣленіе Рускаго Географическаго Общества, удостоивая *Толковый Словарь* мой Константиновской золотой медали, говоритъ по сему поводу [1]):

«Вполнѣ соглашаясь съ оцѣнкой, сдѣланной труду г. Даля гг. Срезневскимъ и Савваитовымъ, Отдѣленіе признало его заслуживающимъ Константиновскую медаль. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду рецензію на *Толковый Словарь* г. Пыпина, хотя и разсматривающаго его со стороны чисто филологической, гг. члены Отдѣленія почли долгомъ заявить и съ своей стороны, что было бы весьма желательно, чтобы такія слова (т. е. слова, не общеупотребительныя въ языкѣ и какъ бы вновь составленныя), какъ указанныя г. Пыпинымъ и подобныя имъ, были вносимы въ словарь не иначе, какъ съ оговоркою, *гдѣ именно и кѣмъ они сообщены составителю*, чрезъ что самое, по ихъ мнѣнію, устранится отъ этого важнаго и необходимаго для всѣхъ изданія возможное, въ противномъ случаѣ, нареканіе на г. Даля, что онъ помѣщаетъ въ словарь народнаго

---

[1]) Отчетъ Географ. Общ. за 1862 годъ, стран. 17.

языка слова и речи, противныя его духу, и слѣдовательно, повидимому, вымышленныя или по крайней мѣрѣ весьма сомнительнаго свойства».

Такъ какъ я уже много лѣтъ, за недосугомъ, ничего ни читаю, отдавъ всѣ силы свои, все время и глаза словарю, то я и не видалъ и не слышалъ даже ничего объ этомъ приговорѣ столь уважаемаго ученаго общества, ниже о разборѣ г. Пыпина; все это дошло до меня только нынѣ, черезъ пять лѣтъ, иначе я бы тогда же счелъ долгомъ объясниться. Мнѣ извѣстенъ былъ доселѣ одинъ только темный и безыменный намекъ, въ томъ же духѣ, сдѣланный однимъ изъ гг. академиковъ; я тогда же писалъ къ нему, просилъ прямыхъ указаній и объясненій, но просилъ безуспѣшно, объясненій ни моихъ, ни своихъ, повидимому, не желали; а такъ какъ намекъ былъ очень темный и могъ относиться даже и не ко мнѣ, то я и не могъ настаивать на объясненіи.

Требованье Отдѣленія, кажется, простое и правое: укажи, гдѣ ты взялъ слова эти, мы ихъ не знаемъ, не слыхали, и въ академическомъ словарѣ ихъ нѣтъ; но задача трудна и даже неисполнима. Предвидя такое требованіе, я говорилъ уже о немъ въ напутномъ словѣ своемъ къ словарю.

Если словарь набирается только изъ книгъ, то, конечно, на нихъ можно сослаться; будетъ побольше труда, ссылки займутъ много мѣста, но исполнить это можно. Если составляется словарь обработаннаго и вполнѣ устоявшагося языка, то въ этомъ указаніи почти нѣтъ надобности; составитель новаго французскаго или нѣмецкаго словаря едва ли найдетъ много такихъ словъ, которыхъ бы не было ни въ одномъ изъ вышедшихъ уже словарей; языкъ давно перепотрошенъ на всѣ лады, и каждое слово его перебрано и перещупано въ пальцахъ. А что дѣлать рускому

словарнику, который одинъ, всею душою, собралъ гораздо за 80 тысячъ словъ, которыхъ нѣтъ доселѣ ни въ одномъ словарѣ, откуда они вытѣснены условными, письменными реченьями, частью плохо придуманными, частью взятыми изъ помянутыхъ, готовыхъ нѣмецкихъ и французскихъ словарей? Скажутъ, и у 80-ти тысячъ словъ можно было сдѣлать отмѣтки; но, спрашиваю, на что и на кого ссылаться?—Этнографическое Отдѣленіе говоритъ: «вносить съ оговоркою, гдѣ именно и кѣмъ слова составителю сообщены». Академія могла бы это сдѣлать, при изданіи Областного Словаря, потому что ей сообщались слова за подписью собирателей—а я то, самъ собиратель то есть, подбиравшій крохи эти случайно и 40 лѣтъ сряду, на кого я сошлюсь? Или мнѣ выставить при каждомъ словѣ: *слышано въ городѣ Ирбитѣ, отъ купца Пряничникова*, или: *въ деревнѣ Поповой, Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, отъ крестьянки Макаровой?* Вѣдь краткое указанье на губернію, коли слово мѣстное, у меня есть; множество словъ, искаженныхъ Областнымъ Словаремъ, указаны либо исправлены мною; знакъ сомнѣнья выставленъ при каждомъ, подозрѣваемомъ мною словѣ—не знаю, что я могъ сдѣлать болѣе? Записывая чуть ли не съ 1819 года всякое новое для меня слово, гдѣ бы оно мнѣ ни попадалось, могъ ли я предвидѣть подобное требованье, и могъ ли его исполнить? Развѣ я ходилъ по слова́, какъ по грибы, набралъ кузовъ, принесъ домой, и, пожалуй, подписалъ: изъ такого-то бора? Кто занимался этимъ дѣломъ, тотъ понимаетъ, что на заказъ словъ не наберешь, а хватаешь ихъ налету, въ бесѣдѣ, когда они, безъ всякаго раздумья, бываютъ сказаны; люди, близкіе со мною, не разъ останавливали меня, среди жаркой бесѣды, вопросомъ: что вы записываете? А я записываю сказанное вами слово, котораго нѣтъ ни въ одномъ

словарѣ. Никто изъ собесѣдниковъ не можетъ вспомнить этого слова, никто ничего подобнаго не слышалъ, и даже самъ сказавшій его первый же и отрекается; а когда я затѣмъ покажу, что записалъ: *горонить*, *замолаживать* или *увпй* или что нибудь подобное, то оказывается, что одинъ не дослышалъ слова этого, другой спрашиваетъ, при семъ случаѣ, что оно значитъ, а третій дивится, чего тутъ записывать? слово обиходное, всякому извѣстное! Что же я отмѣчу, при такомъ словѣ—а ихъ тысячи—чье имя или свидѣтельство подъ нимъ выставлю? Имя этого собесѣдника? Но онъ никому изъ ученыхъ не извѣстенъ: Николаевыхъ и Ведерниковыхъ на Руси много, да, наконецъ, и онъ могъ придумать слово это, также какъ и я; воля ваша, опричь случаевъ, гдѣ слово относится къ весьма ограниченной мѣстности или къ какому нибудь ремеслу, промыслу, трудно дѣлать удостовѣренія или ручательства. Кромѣ нравственной поруки, другой нѣтъ; можно бы развѣ только пожелать, чтобы прежде подобнаго нареканія сами судьи ознакомились поближе съ живымъ, не книжнымъ языкомъ, и можетъ быть многія сомнѣнія тогда бы сами собой исчезли. Я говорю прямо и по совѣсти, что словарь мой не заслужилъ, на почвѣ этнографіи, той высшей награды, которой онъ былъ удостоенъ, это мое искреннее убѣжденье, потому что въ народописательномъ отношеніи въ немъ нѣтъ ничего полнаго, связнаго и цѣльнаго; но подобное заподóзрѣнье, въ общихъ словахъ—заподóзрѣнье ученымъ обществомъ, лишаетъ его въ глазахъ современниковъ даже и язычнаго достоинства; коли словарю нельзя вѣрить, коли онъ набитъ офенскими, т. е. придуманными словами, вмѣсто природныхъ, то какой же это словарь? Множество такихъ, офенскихъ, либо сочиненныхъ или искаженныхъ словъ и я не принялъ изъ академическаго Областного Словаря, большое число

ихъ исправилъ, или отмѣтилъ ихъ офенскими, или ставилъ при нихъ знакъ сомнѣнья—и затѣмъ, буду самъ придумывать свои слова?

Но я знаю, что потомство разсудитъ иначе, и назоветъ нареканіе это, печатно высказанное, напраслиной. Рускій языкъ станетъ современемъ болѣе доступнымъ для образованныхъ сословій; пишущіе люди сроднятся съ нимъ, и, конечно, не найдутъ въ словарѣ моемъ того, что имъ предсказали современники. Я, впрочемъ, никогда и нигдѣ не одобрялъ безусловно всего, безъ различія, что обязанъ былъ включить въ словарь: выборъ предоставленъ писателю.

Возьмемъ другой примѣръ: по живому составу нашего языка, или по свойству словообразованья его, каждый глаголъ самъ собою даетъ отъ себя цѣлое гнѣздо производныхъ, даетъ существительныя, прилагательныя, наречія и пр. Изъ этихъ словъ, какъ я указалъ примѣрами въ передовой статьѣ своей (Речь въ Общ. Любит. Словес.), и половины нѣтъ въ прочихъ словаряхъ; я старался пополнить пропуски эти— но на что я пошлюсь, если бы потребовали у меня отчета, откуда я взялъ такое-то слово? Я не могу указать ни на что, кромѣ самой природы, духа нашего языка, могу лишь сослаться на міръ, на всю Русь, но не знаю, было ли оно въ печати, не знаю, гдѣ и кѣмъ и когда говорилось. Коли есть глаголъ: *пособлять*, *пособить*, то есть и *посáбливать*, хотя бы его въ книгахъ нашихъ и не было, и есть: *посабливанье*, *пособлéнье*, *пособъ* и *пособка* и пр. На кого же я сошлюсь, что словà эти есть, что я ихъ не придумалъ? На руское ухо, больше нéкого.

Все это я писалъ, не видавъ разбора, на который Этнографическое Отдѣленье ссылается; разспросы мои, наконецъ, объяснили мнѣ, что разборъ этотъ никогда не былъ напечатанъ, и я съ великимъ трудомъ до-

былъ свѣденье о томъ, на какія именно слова моего словаря разборщикъ ссылается: онъ приводитъ ихъ всего только *три*, говоря: «гармонію онъ (Даль) переводитъ: *согласъ*, гимнастику—*ловкосиліе*, а автоматъ—*живуля*», и при послѣднемъ словѣ ставитъ два знака удивленья. Основываясь на этихъ трехъ словахъ, разборщикъ говоритъ: «рядомъ со словами общественными, словами областными, онъ (Даль) ставитъ *часто*, ничѣмъ ихъ не обозначая, слова своего сочиненья».

Если бы, до времени, открыто было въ словарѣ моемъ не болѣе этихъ трехъ словъ моего сочиненья, то не лишку ли сказано, что составитель дѣлаетъ это часто? Но первое изъ нихъ, *согласъ*, конечно, не моего сочиненья; можетъ быть оно не печаталось доселѣ, писалось однакоже, а еще чаще говорилось: *по общему согласу нашему*, пишутъ въ мірскихъ приговорахъ; согласіе или *согласъ*, у старообрядцевъ, кругъ, секта: *ихъ согласъ не беретъ*, говорится въ народѣ же нерѣдко, и потому это слово не мое изобрѣтенье; меня можно обвинить развѣ только въ томъ, что я его поставилъ, какъ толкованье, въ числѣ тринадцати другихъ словъ, что я предложилъ слово это въ такомъ значеньи, въ какомъ оно, можетъ быть, доселѣ не принималось; но посему-то рядомъ съ нимъ и поставлено, на выборъ, еще 12 другихъ словъ; кромѣ того, слова *согласъ*, въ значеніи *гармоніи*, въ красной строкѣ, на своемъ мѣстѣ, подъ буквою *с*, нѣтъ, а оно объяснено тамъ, какъ *согласіе и согласность*.

Второе слово, *живуля*, также сочинено не мною, оно есть въ народѣ, и на сей разъ я могу сослаться на загадку, какъ сдѣлано и въ словарѣ моемъ; или я самъ сочинилъ и загадку эту? Что же мнѣ отвѣчать на такое обвиненье? Я могу только просить обвинителя своего, подумать о томъ, что онъ дѣлаетъ, и при томъ напередъ подумать, а потомъ сказать. Жи-

вуля, въ народѣ, нѣчто полуживое, или, по движеньямъ своимъ, подобное живому: *Сидитъ живая живуличка на живомъ стуличкѣ, теребитъ живое мясцо* (младенецъ). Этого мало: слово это не только не выдумано мною, оно даже и въ самомъ значеніи своемъ, какъ автоматъ, взято изъ устъ народа: мужикъ разсказывалъ, что видѣлъ *живуль*, въ томъ числѣ и Наполеона; другой спросилъ, ходятъ ли они, и на отрицательный отвѣтъ, продолжалъ: такъ это не живули, а болваны; а я такъ видѣлъ живулю, куклу, четверти въ три, и бѣгаетъ она сама, одна, на кругахъ. Вотъ откуда я взялъ значенье этого слова, и за всѣмъ тѣмъ, при переводѣ его словомъ автоматъ, поставилъ еще вопросительный знакъ (см. *живой*).

Наконецъ, третій примѣръ, *ловкосиліе*, правда, слово моего сочиненья: но и его нѣтъ на своемъ мѣстѣ, подъ буквою *л*, а оно поставлено только, какъ объяснительное, при словѣ *гимнастика*, и при томъ также съ вопросительнымъ знакомъ. И такъ, изъ числа трехъ словъ или примѣровъ, на которыхъ основанъ крайне тяжкій приговоръ, *одно* слово можетъ служить къ обвиненію—но и это слово вставлено только ради объясненья, набрано тѣми же буквами, какъ всѣ толкованья, и при томъ съ вопросительнымъ знакомъ. Правда ли послѣ этого, что «онъ ставитъ часто, ничѣмъ ихъ не обозначая, слова своего собственнаго сочиненья?»

Утверждаю, что во всемъ словарѣ моемъ нѣтъ ни одного выдуманнаго мною слова, то есть нѣтъ въ красной строкѣ, какъ слово объясняемое; въ толкованьяхъ могутъ попадаться, хотя весьма рѣдко, слова, не бывшія доселѣ въ обиходѣ; спрашиваю еще разъ, не за себя, а за самое дѣло, можно ли послѣ сего такъ о немъ отозваться, какъ это случилось въ помянутомъ разборѣ? Вѣдь о такомъ трудѣ говорить на-махъ

нельзя; вѣдь найдутся же люди, не теперь, такъ современемъ, которые сами вникнутъ въ дѣло и разберутъ его по совѣсти! А покуда еще это не сдѣлано, я самъ знаю за словаремъ своимъ болѣе недостатковъ, чѣмъ кто либо, но порока, который добрые люди хотятъ навязать ему, въ немъ нѣтъ.

Если трудъ цѣлой жизни человѣка поносится однимъ легкомысленно кинутымъ словомъ, то на это и отвѣчать было бы нечего; но если слово это содержитъ въ себѣ прямое обвиненье, то на него отвѣчать должно, и отвѣчать, не ради личности своей, а ради дѣла. Чая въ противникѣ своемъ честнаго человѣка, я увѣренъ, что онъ за симъ сдѣлаетъ одно изъ двухъ: либо докажетъ, не однимъ, и даже не тремя примѣрами, что «Даль ставитъ часто, ничѣмъ ихъ не обозначая, слова своего сочиненья», либо объявитъ, что онъ ошибся, и что беретъ слово свое назадъ.

Москва. Январь, 1867.

В. И. Даль

О ПОВѢРЬЯХЪ, СУЕВѢРІЯХЪ

И

ПРЕДРАЗСУДКАХЪ РУССКАГО НАРОДА

ВСТУПЛЕНІЕ.

Шиллеръ сказалъ: „и въ дѣтской игрѣ кроется иногда глубокій смыслъ“,—а Шекспиръ: „и на небѣ и на землѣ есть еще много такого, чего мудрецы ваши не видывали и во снѣ“. Это можно примѣнить къ загадочному предмету, о коемъ мы хотимъ поговорить. Духъ сомнѣнія составляетъ свойство добросовѣстнаго изыскателя; но само по себѣ и безусловно, качество сіе безплодно и даже губительно. Если къ этому еще присоединится высокомѣрное презрѣніе къ предмету, нерѣдко служащее личиной невѣжества особеннаго рода,—то сомнѣніе, или невѣріе, очень часто бываетъ лицемѣрное. Большая часть тѣхъ, кои считаютъ долгомъ приличія гласно и презрительно насмѣхаться надо всѣми народными предразсудками, безъ разбора,—сами вѣрятъ имъ втихомолку, или, по крайней мѣрѣ, изъ предосторожности, на всякій случай, не выѣзжаютъ со двора въ понедѣльникъ и не здороваются черезъ порогъ.

Съ другой стороны, если и смотрѣть на повѣрья народа, вообще, какъ на суевѣріе, то они не менѣе того заслуживаютъ нашего вниманія, какъ значительная частица народной жизни; это путы, кои человѣкъ надѣлъ на себя—по своей ли винѣ, или по необходимости, но большому уму,

ВСТУПЛЕНІЕ.

Шиллеръ сказалъ: „и въ дѣтской игрѣ кроется иногда глубокій смыслъ“,—а Шекспиръ: „и на небѣ и на землѣ есть еще много такого, чего мудрецы ваши не видывали и во снѣ“. Это можно примѣнить къ загадочному предмету, о коемъ мы хотимъ поговорить. Духъ сомнѣнія составляетъ свойство добросовѣстнаго изыскателя; но само по себѣ и безусловно, качество сіе безплодно и даже губительно. Если къ этому еще присоединится высокомѣрное презрѣніе къ предмету, нерѣдко служащее личиной невѣжества особеннаго рода,—то сомнѣніе, или невѣріе, очень часто бываетъ лицемѣрное. Большая часть тѣхъ, кои считаютъ долгомъ приличія гласно и презрительно насмѣхаться надо всѣми народными предразсудками, безъ разбора,—сами вѣрятъ имъ втихомолку, или, по крайней мѣрѣ, изъ предосторожности, на всякій случай, не выѣзжаютъ со двора въ понедѣльникъ и не здороваются черезъ порогъ.

Съ другой стороны, если и смотрѣть на повѣрья народа, вообще, какъ на суевѣріе, то они не менѣе того заслуживаютъ нашего вниманія, какъ значительная частица народной жизни; это путы, кои человѣкъ надѣлъ на себя—по своей ли винѣ, или по необходимости, по большому ужу,

или по глупости,—но въ коихъ онъ долженъ жить и умереть, если не можетъ стряхнуть ихъ и быть свободнымъ. Но гдѣ и когда можно или должно сдѣлать то или другое,—этого нельзя опредѣлить, не разобравъ во всей подробности смысла, источника, значенія и силы каждаго повѣрья. И самому глупому и вредному суевѣрію нельзя противодѣйствовать, если не знаешь его и не знакомъ съ духомъ и съ бытомъ народа.

Повѣрьемъ называемъ мы вообще всякое укоренившееся въ народѣ мнѣніе, или понятіе, безъ разумнаго отчета въ основательности его. Изъ этого слѣдуетъ, что повѣрье можетъ быть истинное и ложное; въ послѣднемъ случаѣ оно называется, собственно *суевѣріемъ* или, по новѣйшему выраженію, *предразсудкомъ*. Между этими двумя словами разницы мало; предразсудокъ есть понятіе болѣе тѣсное и относится преимущественно къ предостерегательнымъ, суевѣрнымъ, правиламъ, что, какъ и когда дѣлать. Изъ этого усматривается, еще въ третьемъ значеніи, важность предмета, о коемъ мы говоримъ; онъ даетъ намъ полную картину жизни и быта извѣстнаго народа.

Не только у всѣхъ народовъ земного шара есть повѣрья и суевѣрія, но у многихъ они довольно схожи между собою, указывая на одинъ общій источникъ и начало, которое можетъ быть трехъ родовъ: или повѣрье, возникшее въ древности, до раздѣленія двухъ народовъ, сохранилось по преданію въ обоихъ; или, родившись у одного народа, распространилось и на другіе; или же, наконецъ, повѣрье, по свойству и отношеніямъ своимъ къ человѣку, возникло тутъ и тамъ независимо одно отъ другого. Въ этомъ отношеніи есть много ученыхъ указаній у г. Снегирева. Сочинитель настоящей статьи ограничился одними только повѣрьями русскаго народа, или даже почти исключительно тѣмъ, что ему слу-

чилось собрать среди народа; посему статья эта вовсе не есть полное изслѣдованіе этого предмета, а только небольшой сборникъ подручныхъ въ настоящее время запасовъ *).

Сѣверъ нашъ искони славится преимущественно большимъ числомъ и разнообразіемъ повѣрій и суевѣрій о кудесничествѣ разнаго рода. Едва ли большая часть этого не перешла къ намъ отъ чудскихъ племенъ. Кудесники и знахари сѣверной полосы отличаются также злобою своею, и всѣ разсказы о нихъ носятъ на себѣ этотъ отпечатокъ. На югѣ видимъ болѣе поэзіи, болѣе связныхъ, сказочныхъ и забавныхъ преданій и суевѣрій, въ коихъ злобные чернокнижники являются только какъ необходимая прикраса, для яркой противоположности. Нигдѣ не услышите вы столько о порчѣ, изуроченіи, какъ на Сѣверѣ нашемъ; нигдѣ нѣтъ столько затѣйливыхъ и забавныхъ разсказовъ, какъ на Югѣ.

Повѣрья мѣстныя, связанныя съ извѣстными урочищами, курганами, городами, селами, городищами, озерами и проч., не могли войти въ эту статью главнѣйше потому, что такое собраніе вышло бы нынѣ еще слишкомъ неполно и отрывочно. Если бы у насъ много лѣтъ сряду занимались повсемѣстно сборомъ этихъ преданій, тогда только можно бы попытаться составить изъ нихъ что нибудь цѣлое. Но преданія эти гибнутъ невозвратно; ихъ вытѣсняетъ суровая вещественность,—которая новыхъ замысловатыхъ преданій не рождаетъ.

---

1) Я съ намѣреніемъ не перечитывалъ теперь сочиненій ни г. Снегирева, ни г. Сахарова. Я даю только сборникъ, запасъ, какой случился. Праздничныхъ обрядовъ я мало касаюсь, потому что предметъ этотъ обработанъ г. Снегиревымъ; а повторенія того, что уже помѣщено въ *Сказаніяхъ* г. Сахарова, произошли случайно, изъ одного и того же источника. Я дополнилъ статью свою изъ одной только печатной книги: *Русскія суевѣрія* Чулкова, въ которой впрочемъ весьма не много русскаго.

Все на свѣтѣ легче осмѣять, чѣмъ основательно опровергнуть, иногда даже легче, нежели дать ему вѣру. Подробное, добросовѣстное разбирательство, сколько въ какомъ повѣрьѣ есть или могло быть нѣкогда смысла, на чѣмъ оно основано и какую ему теперь должно дать цѣну и гдѣ указать мѣсто—это не легко. Едва ли однако же можно допустить, чтобы повѣрье, пережившее тысячелѣтія и принятое милліонами людей за истину, было изобрѣтено и пущено на вѣтеръ, безъ всякаго смысла и толка. Коли есть повѣрья, рожденныя однимъ только праздным вымысломъ, то ихъ очень немного;—и даже у этихъ повѣрій есть, покрайней мѣрѣ, какой нибудь источникъ, напримѣръ: молодцеванье умниковъ или бойкихъ надъ смирными; стараніе поработить умы самымъ сильнымъ средствомъ—общественнымъ мнѣніемъ, противъ котораго слишкомъ трудно спорить.

У насъ есть повѣрья—остатокъ или памятникъ язычества; они держатся потому только, что привычка обращается въ природу, а отмѣна стараго обычая всегда и вездѣ встрѣчала сопротивленіе. Сюда же можно причислить всѣ повѣрья русскаго баснословія, которое, по всей вѣроятности, въ связи съ отдаленными временами язычества. Другія повѣрья придуманы случайно, для того, чтобы заставить малаго и глупаго, окольнымъ путемъ, дѣлать или не дѣлать того, чего отъ него прямымъ путемъ добиться было бы гораздо труднѣе. Застращавъ и поработивъ умы, можно заставить ихъ повиноваться, тогда какъ пространныя разсужденія и доказательства, ни малаго, ни глупаго, не убѣдятъ и, во всякомъ случаѣ, допускаютъ докучливыя опроверженія.

Повѣрья третьяго разряда, въ сущности своей, основаны на дѣлѣ, на опытахъ и замѣчаніяхъ; поэтому ихъ неправильно называютъ суевѣріямъ; они вѣрны и справедливы. составляютъ опытную мудрость народа, а потому знать ихъ

и сообразоваться съ ними полезно. Эти повѣрья безспорно должны быть всѣ объяснимы изъ общихъ законовъ природы: но нѣкоторыя представляются до времени странными и темными.

За симъ непосредственно слѣдуютъ повѣрья, основанныя также въ сущности своей на явленіяхъ естественныхъ, но обратившіяся въ нелѣпость по безсмысленному ихъ примѣненію къ частнымъ случаямъ.

Пятаго разряда повѣрья изображаютъ духъ времени, игру воображенія, иносказанія—словомъ, это народная поэзія, которая, будучи принята за наличную монету, обращается въ суевѣріе.

Къ шестому разряду, наконецъ, должно причесть—можетъ быть только до поры до времени—небольшое число такихъ повѣрій, въ коихъ мы не можемъ добиться никакого смысла. Или онъ былъ утраченъ по измѣнившимся житейскимъ обычаямъ, или вслѣдствіе искаженій самого повѣрья, или же мы не довольно изслѣдовали дѣло, или, наконецъ, можетъ быть въ немъ смыслу нѣтъ и не бывало. Но какъ всякая вещь требуетъ объясненія, то и должно замѣтить, что такія вздорныя, уродливыя повѣрья произвели на свѣтъ, какъ замѣчено выше, или умничанье, желаніе знать болѣе другихъ и указывать имъ, какъ и что дѣлать,—или пытливый, любознательный умъ простолюдина, доискивающійся причинъ непонятнаго ему явленія; эти же повѣрья нерѣдко служатъ извиненіемъ, оправданіемъ и утѣшеніемъ въ случаяхъ, гдѣ болѣе не къ чему прибѣгнуть. Съ другой стороны, можетъ быть, нѣкоторыя безсмысленныя повѣрья изобрѣтены были также и съ тою только цѣлью, чтобы, пользуясь легковѣріемъ другихъ, жить на чужой счетъ. Этого разряда повѣрья можно бы назвать мошенническими.

Само собою разумѣется, что разряды эти на дѣлѣ не

всегда можно такъ положительно разграничить; есть переходы, а многія повѣрья, безъ сомнѣнія, можно причислить и къ тому и къ другому разряду; опять иныя упомянуты у насъ, по связи своей съ другимъ повѣрьемъ, въ одномъ разрядѣ, тогда какъ они въ сущности принадлежатъ къ другому. Такъ, напримѣръ, всѣ лицедѣи нашего баснословія принадлежатъ и къ остаткамъ язычества, и къ разряду вымысловъ піитическихъ, и къ крайнему убѣжищу невѣжества, которое не менѣе, какъ и самое просвѣщеніе, хотя и другимъ путемъ, ищетъ объясненія непостижимому и причины непонятныхъ дѣйствій. Лица эти живутъ и держатся въ воображеніи народномъ частію потому, что въ быту простолюдина, основанномъ на трудахъ и усиліяхъ тѣлесныхъ, на жизни суровой,—мало пищи для духа; а какъ духъ этотъ не можетъ жить въ бездѣйствіи, хотя онъ и усыпленъ невѣжествомъ, то онъ и уносится, посредствомъ мечты и воображенія, за предѣлы здѣшняго міра. Не менѣе того пытливый разумъ, изыскивая и не находя причины различныхъ явленій, въ особенности бѣдствій и несчастій, также прибѣгаетъ къ помощи досужаго воображенія, олицетворяетъ силы природы въ каждомъ ихъ проявленіи, сваливаетъ все на эти лица, на коихъ нѣтъ ни суда, ни расправы,—и на душѣ какъ будто легче.

Вопросъ, откуда взялись баснословныя лица, о коихъ мы хотимъ теперь говорить—возникалъ и въ самомъ народѣ: это доказывается сказками объ этомъ предметѣ, придуманными тамъ же, гдѣ въ ходу эти повѣрья. Домовой, водяной, лѣшій, вѣдьма и проч. не представляютъ, собственно, нечистую силу; но по мнѣнію народа, созданы ею, или обращены изъ людей, за грѣхи или провинности. По мнѣнію иныхъ, падшіе ангелы, спрятавшіеся подъ траву *простръль*, поражены были громовою стрѣлою, которая пронзила стволъ

этой травы, употребляемой по этому поводу для залѣченія ранъ—и низвергла падшихъ духовъ на землю; здѣсь они разсыпались по лѣсамъ, полямъ и водамъ и населили ихъ. Всѣ подобныя сказки явнымъ образомъ изобретены были уже въ позднѣйшія времена; можетъ быть древнѣе ихъ мнѣніе, будто помянутыя лица созданы были нечистымъ для услугъ ему и для искушенія человѣка; но что домовой, напримѣръ, который вообще добродѣтельнѣе прочихъ, отложился отъ сатаны—или, какъ народъ выражается, отъ чорта отсталъ, а къ людямъ не пристадъ.

В. Даль.

I

ДОМОВОЙ.

Домовой, *домовикъ*, *дѣдушка*, *старикъ*, *постень* или *постынъ*, также *лизунъ*, когда живетъ въ подпольѣ съ мышами,—а въ Сибирѣ *сусѣдко*,—принимаетъ разные виды; но обыкновенно это плотный, не очень рослый мужичекъ, который ходитъ въ короткомъ смуромъ зипунѣ, а по праздникамъ и въ синемъ кафтанѣ съ алымъ поясомъ. Лѣтомъ также въ одной рубахѣ; но всегда босикомъ и безъ шапки, вѣроятно потому, что мороза не боится и при томъ всюду дома. У него порядочная сѣдая борода, волосы острижены въ скобку, но довольно косматы и частію застилаютъ лицо. Домовой весь оброслъ мягкимъ пушкомъ, даже подошвы и ладони; но лицо около глазъ и носа нагое. Косматыя подошвы выказываются иногда зимой, по слѣду, подлѣ конюшни; а что ладони у домового также въ шерсти, то это знаетъ всякій, кого дѣдушка гладилъ ночью по лицу: рука его шерститъ, а ногти длинные, холодные. Домовой по ночамъ иногда щиплется, отчего остаются синяки, которые, однако, обыкновенно не болятъ; онъ дѣлаетъ это тогда только, когда человѣкъ

спитъ глубокимъ сномъ. Это повѣрье весьма естественно объясняется тѣмъ, что люди иногда, въ работѣ или хозяйствѣ, незамѣтно зашибаются, забываютъ потомъ объ этомъ, и, увидѣвъ черезъ день или болѣе синякъ, удивляются ему и приписываютъ его домовому. Иные, впрочемъ, если могутъ опамятоваться, спрашиваютъ домового, когда онъ щиплется: любя или не любя? къ добру или къ худу? и удостоиваются отвѣта, а именно: домовой плачетъ или смѣется; гладитъ мохнатой рукой или продолжаетъ зло щипаться: выбранитъ или скажетъ ласковое слово. Но домовой говоритъ очень рѣдко; онъ гладитъ мохнатой рукой къ богатству, теплой къ добру вообще, холодной или шершавой, какъ щетка, къ худу. Иногда домовой просто толкаетъ ночью, будитъ, если хочетъ увѣдомить о чемъ хозяина, и на вопросъ: что добраго? предвѣщаетъ тѣми же знаками, добро или худо. Случается слышать, какъ люди хвалятся, что домовой погладилъ ихъ такой мягкой ручкой, какъ собольимъ мѣхомъ. Онъ вообще не злой человѣкъ, а больше причудливый проказникъ: кого полюбитъ или чей домъ полюбитъ, тому служитъ, ровно въ кабалу къ нему пошелъ; а ужъ кого не взлюбитъ, такъ выживетъ и, чего добраго, со свѣту сживетъ. Услуга его бываетъ такая, что онъ чиститъ, мететъ, скребетъ и прибираетъ по ночамъ въ домѣ, гдѣ что случится; особенно онъ охочь до лошадей: чиститъ ихъ скребницей, гладитъ, холитъ, заплетаетъ гривы и хвосты, подстригаетъ уши и щетки; иногда онъ сядетъ ночью на коня и задаетъ конецъ-другой по селу. Случается, что кучеръ или стремянный сердятся на домового, когда баринъ бранитъ ихъ за то, что лошадь ѣздой или побѣжкой испорчена; они увѣряютъ тогда, что домовой наѣздилъ такъ лошадь, и не хуже цыгана сбилъ рысь на иноходь или въ три ноги. Если же лошадь ему не полюбится, то онъ оби-

жаетъ ее: не даетъ ѣсть, ухватитъ за уши, да и мотаетъ голову; лошадь бьется всю ночь, топчетъ и храпитъ; онъ свиваетъ гриву въ колтунъ и, хоть день за день расчесывай, онъ ночью опять собьетъ хуже прежняго, лучше не тронь. Это повѣрье основано на томъ, что у лошади, особенно коли она на плохомъ корму и не въ холѣ, дѣйствительно иногда образуется колтунъ, который остригать опасно, а расчесать невозможно. Если домовой сядетъ на лошадь, которую не любитъ, то приведетъ ее къ утру всю въ мылѣ, и вскорѣ лошадь спадаетъ съ тѣла. Такая лошадь пришлась *не по двору*, и ее непремѣнно должно сбыть. Если же очень осерчаетъ, такъ перешибетъ у нея задъ, либо протащитъ ее, бѣдную, въ подворотню, вертитъ и мотаетъ ее въ стойлѣ, забьетъ подъ ясли, даже иногда закинетъ ее въ ясли кверху ногами. Нерѣдко онъ ставитъ ее и въ стойло занузданную, и иному барину самому удавалось это видѣть, если рано пойдетъ на конюшню, когда еще кучеръ, послѣ ночной погулки, не успѣлъ проспаться и опохмелиться. Ясно, что всѣ повѣрья эти принадлежатъ именно къ числу мошенническихъ и служатъ въ пользу кучеровъ. Такъ напр., кучеръ требовалъ однажды отъ барина, чтобы непремѣнно обмѣнять лошадь на другую, у знакомаго барышника, увѣряя, что эту лошадь держать нельзя, ее домовой не взлюбилъ и изведетъ. Когда же баринъ, несмотря на всѣ явные доводы и попытки кучера, не согласился, а кучеру не хотѣлось потерять обѣщанные могарычи, то лошадь точно, наконецъ, взбѣсилась вовсе, не вынесши мукъ домового, и околѣла. Кучеръ насыпалъ ей нѣсколько дроби въ ухо; а какъ у лошади ушной проходъ устроенъ такимъ изворотомъ, что дробь эта не можетъ высыпаться обратно, то бѣдное животное и должно было пасть жертвою злобы мнимаго домового. Домовой любитъ особенно

вороныхъ и сѣрыхъ лошадей, а чаще всего обижаетъ соловыхъ и буланыхъ.

Домовой вообще хозяйничаетъ исключительно по ночамъ; а гдѣ бываетъ днемъ, это неизвѣстно. Иногда онъ забавляется, какъ всякій знаетъ, вскочивъ сонному колѣнями на грудь и принявшись, ни съ того, ни съ сего, душить человѣка; у другихъ народовъ есть для этого припадка названіе альпъ, кошемаръ, а у насъ нѣтъ другого, какъ домовой душилъ. Онъ, впрочемъ, всегда отпускаетъ душу на покаяніе и никогда не душитъ на смерть. При этомъ домовой иногда бранится чисто по-русски, безъ зазрѣнія совѣсти; голосъ его грубый, суровый и глухой, какъ будто раздается вдругъ съ разныхъ сторонъ. Когда онъ душитъ, то отогнать его можно только такою же русскою бранью; кто можетъ въ это время произнести ее, того онъ сей же часъ покидаетъ, и это вѣрно: если въ семъ припадкѣ удушья сможешь заговорить, бранное или небранное, то всегда опомнишься и можешь встать. Иные и въ это время также спрашиваютъ: къ добру или къ худу? и дѣдушка завываетъ глухо: къ ху—у—ду! Вообще, онъ болѣе знается съ мужчинами, но иногда проказитъ и съ бабами, особенно если онѣ крикливы и безтолковы. Расхаживая по дому, онъ шаркаетъ, топаетъ, стучитъ, гремитъ, хлопаетъ дверьми, бросаетъ, чѣмъ попало, со страшнымъ стукомъ; но никогда не попадаетъ въ человѣка; онъ иногда подымаетъ гдѣ нибудь такую возню, что хоть бѣги безъ оглядки. Это бываетъ только ночью, въ подпольѣ, въ клѣти, сѣняхъ, чуланѣ, въ порожней половинѣ или на чердакѣ; иногда онъ стаскиваетъ и сваливаетъ ворохомъ все, что попадется. Передъ смертью хозяина, онъ садится иногда на его мѣсто, работаетъ его работу, надѣваетъ его шапку; поэтому, вообще, увидать домового въ шапкѣ—самый дурной знакъ. Перебираясь

въ новый домъ, должно, перекрестившись въ красномъ углѣ, оборотиться къ дверямъ и сказать: «хозяинъ домовой, пойдемъ со мной въ домъ». Коли ему полюбится житье, то станетъ жить смирно и ходить около лошадей; а нѣтъ, такъ станетъ проказить. Голоса его почти никогда не услышишь, развѣ выбранитъ кого нибудь, или заукаетъ на дворѣ, либо станетъ дразнить лошадей, заржавъ по-кониному. Слѣды проказъ его нерѣдко видны и днемъ: напримѣръ, посуда вся очутится за-ночь въ поганомъ ушатѣ, сковородники сняты съ древка и надѣты на рога ухвата, а утварь сидѣлая, столы, скамьи, стулья переломаны, либо свалены всѣ въ одну кучу. Замѣчательно, что домовой не любитъ зеркала; иные даже полагаютъ, что его можно выкурить этимъ средствомъ изъ такой комнаты, гдѣ онъ много проказитъ. Но онъ положительно не терпитъ сорокъ, даже мертвыхъ, почему и полезно подвѣшивать на конюшнѣ убитую сороку. Въ какихъ онъ сношеніяхъ съ козломъ, неизвѣстно; но козелъ на конюшнѣ также удаляетъ или задабриваетъ домового. Въ этомъ повѣрьѣ нѣтъ, однакоже, связи съ тѣмъ, что козелъ служитъ вѣдьмѣ; по крайней мѣрѣ никто не видалъ, чтобы домовой ѣздилъ на козлѣ. Иные объясняютъ повѣрье это такъ: лошади потѣютъ и болѣютъ, если въ конюшнѣ водится ласочка, которая въ свою очередь будто не любитъ козла и отъ него уходитъ.

Въ иныхъ мѣстахъ никто не произнесетъ имени домового, и отъ этого обычая не поминать или не называть того, чего боишься, какъ напр., лихорадку,— домовой получилъ столько иносказательныхъ кличекъ, а въ томъ числѣ почетное званіе дѣдушки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даютъ ему свойство оборотня и говорятъ, что онъ катится иногда комомъ снѣга, клочкомъ сѣна или бѣжитъ собакой.

Для робкихъ, домовой бываетъ всюду, гдѣ только ночью что нибудь скрипнетъ или стукнетъ; потому что и домовой, какъ всѣ духи, видѣнія и привидѣнія, ходить только въ ночи, и особенно передъ свѣтомъ; но, кажется, что домовой не стѣсняется первымъ крикомъ пѣтуха, какъ бо́льшая часть прочихъ духовъ и видѣній. Для недогадливыхъ и невѣждъ, домовой служитъ объясненіемъ разныхъ непонятныхъ явленій, оканчивая докучливые спросы и толки. А сколько разъ плуты пользовались и будутъ пользоваться покровительствомъ домового! Кучера, подъ именемъ его, катаются всю ночь напролетъ и загаиваютъ лошадей или воруютъ и продаютъ овесъ, увѣряя, что домовой замылилъ лошадь или не даетъ ей ѣсть; а чтобы выжить постылаго постояльца или сосѣда, плутоватый хозяинъ не разъ уже ночи три или четыре напролетъ возился на чердакѣ, въ сѣняхъ и конюшнѣ и достигалъ иногда цѣли своей. Нерѣдко, впрочемъ, и случайныя обстоятельства поддерживаютъ суевѣріе о домовомъ. Во время послѣдней польской войны, нашъ эскадронъ стоялъ въ извѣстномъ за́мкѣ, въ Пулавѣ, и домовой сталъ выживать незваныхъ постояльцевъ: въ продолженіе всей ночи, въ за́мкѣ, особенно въ комнатѣ, занятой нашими офицерами, подымался такой страшный стукъ, что нельзя было уснуть; а между тѣмъ самыя тщательныя разысканія ничего не могли открыть, нельзя было даже опредѣлить съ точностію, гдѣ, въ какомъ углѣ или мѣстѣ домовой возится, — хотя стукъ былъ слышенъ каждому. Плутоватый кастелянъ пожималъ плечами и увѣрялъ, что это всегда бываетъ въ отсутствіе хозяина, котораго домовой любитъ и уважаетъ, и при немъ ведетъ себя благочинно. Случайно открылось, однакоже, что домовой иногда и безъ хозяина успокаивался, и что это именно случалось тогда, когда лошади не ночевали на конюшнѣ. Сдѣлали нѣсколько

опытовъ, и дѣло объяснилось: конюшня была черезъ дворъ; не менѣе того, однакоже, въ одной изъ комнатъ замка пришлась какъ то акустическая точка, относительно этой конюшни, и топотъ лошадей раздавался въ ней такъ звучно, что казалось, будто стукъ этотъ выходитъ изъ подполья или изъ стѣнъ. Открытіе это кастеляну было очень не по вкусу.

Въ народѣ есть повѣрье о томъ, какъ и гдѣ домового можно увидѣть глазами, если непремѣнно захотѣть: должно выскать (скатать) такую свѣчу, которой бы стало, чтобы съ нею простоять въ страстную пятницу у страстей, а въ субботу и въ воскресенье у заутрени; тогда между заутрени и обѣдни, въ свѣтлое воскресенье, зажечь свѣчу эту и идти съ нею домой, прямо въ хлѣвъ или коровникъ: тамъ увидишь дѣдушку, который сидитъ, притаившись въ углу, и не смѣетъ тронуться съ мѣста. Тутъ можно съ нимъ и поговорить.

II

ЗНАХАРЬ И ЗНАХАРКА.

Знахарь и знахарка—есть нынѣ самое обыкновенное названіе для такихъ людей, кои слизываютъ отъ глазу, снимаютъ всякую порчу, угадываютъ о пропажахъ и проч. *Колдунъ*, *колдунья*, *вѣдунъ* и *вѣдунья* встрѣчаются рѣже, и должны уже непремѣнно знаться съ нечистой силой, тогда какъ знахарь, согласно повѣрью, можетъ ходить во страхѣ Божіемъ и прибѣгать къ помощи креста и молитвы. *Волхвъ* означаетъ то же, что колдунъ, но слово это въ народѣ не употребительно; даже о *колдунѣ* или колдуньѣ слышно уже болѣе въ сказкахъ; *кудесники* и *доки* мѣстами то же извѣстны, болѣе на сѣверѣ, и означаютъ почти тоже, что колдунъ. *Ворожея*, *ворожка* относится собственно къ гаданію разными способами, не заключаетъ въ себѣ условія чернокнижія, но и не исключаетъ его положительно, почему и говорится: я не колдунъ, да отгадчикъ, то есть, не знаясь съ бѣсомъ, умѣю отгадывать. Кромѣ общеизвѣстныхъ способовъ гаданія на картахъ, на кофейной гущѣ, на рукѣ, на воскѣ или на вылитомъ въ водѣ яйцѣ или топленомъ свинцѣ, на бобахъ — отчего родилась поговорка: бѣду на бобахъ

развести, — есть также гаданія по священнымъ книгамъ, суевѣріе, выходящее нынѣ уже изъ употребленія. Гадаютъ также, повѣсивъ на веревочку рѣшето и псалтырь, при чемъ то или другое должно перевернуться, если назовутъ имя виновнаго.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ кучеръ, подозрѣвавшій товарища своего, денщика, въ воровствѣ, потребовалъ, чтобы этотъ шелъ съ нимъ къ ворожеѣ, жившей у тріумфальныхъ воротъ, по Петергофской дорогѣ. Пришли, ворожея еще спала; кучеръ просидѣлъ съ денщикомъ за воротами около часу, потомъ пошелъ справиться, не пора ли? Говорятъ: можно. Онъ возвращается, зоветъ товарища — но его нѣтъ, и нѣтъ по сей день. Струсивъ ворожеи, при нечистой совѣсти, онъ бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти. Для такой же острастки кладутъ на столъ заряженное ружье и велятъ всѣмъ цѣловать его въ дуло, увѣряя, что оно вора убьетъ. Кто боится этого и виноватъ, тотъ признается, или, по крайности, откажется, подъ какимъ нибудь предлогомъ, отъ цѣлованія ружья.

Святочныя гаданья, представляющія болѣе игры — также нерѣдко принимаются въ прямомъ значеніи, и суевѣрные имъ вѣрятъ: строятъ изъ лучинъ надъ чашкой воды мостикъ и ставятъ его подъ кровать—суженый приснится и поведетъ по мосту; кладутъ гребень подъ подушку, суженый-ряженый почешется и оставитъ волосокъ; ставятъ два прибора, въ банѣ, дѣвушка садится о полуночи, и суженый является ужинать; ставятъ зеркало и двѣ свѣчи, дѣвушка сидитъ передъ нимъ и должна увидѣть суженаго; бросаютъ башмачекъ за ворота: куда ляжетъ носкомъ, туда идти дѣвушкѣ; кормятъ курицу счетнымъ зерномъ, насыпаютъ передъ каждымъ гостемъ овесъ; пускаютъ пѣтуха, и къ кому онъ подойдетъ, тому идти замужъ или жениться; накрываютъ приборы, по числу гостей

и подкладываютъ разныя вещи — что кому придется; дѣвушка выходитъ за вороты и спрашиваетъ имя перваго прохожаго — такъ будутъ звать жениха ея; подслушиваютъ подъ окнами — и изъ этого выводятъ заключенія; выливаютъ олово, свинецъ, воскъ и проч.

Гаданія гороскопическія, со времени познанія истинной планетой системы и теченія міровъ, сами собой потеряли всякую цѣну. Не отвергая связи между землею съ ея жителями и между планетами, луной и солнцемъ, невозможно, однакоже, допустить какую либо зависимость собственно судьбы или участи каждаго изъ людей отъ взаимнаго *стоянія* или *сосложенія* земли нашей и другихъ небесныхъ тѣлъ. Тутъ нельзя найти и тѣни смысла.

Обо всѣхъ поименованныхъ нами выше лицахъ, ворожеяхъ и колдунахъ, ходитъ столько чудесъ по бѣлу свѣту, что они всякому извѣстны. Если какая нибудь Ленорманъ могла дурачить въ нынѣшнемъ вѣкѣ весь Парижъ, въ теченіе десятковъ лѣтъ, и оставить послѣ себя огромное состояніе, то нѣтъ ничего мудренаго, что крестьяне наши, а иногда, можетъ быть, и какое либо иное сословіе, наклевываются на эту же удочку. Иногда обманъ чрезвычайно простъ, и не менѣе того для тѣхъ, до кого относится, навсегда остается загадкой. Офицеръ, будучи на съемкѣ, заступился за хозяина своего, у котораго ночью были украдены деньги. Весьма основательное подозрѣніе падало на Карпа, котораго, однакожъ, нельзя было уличить и заставить сознаться. Офицеръ собралъ мужиковъ въ одну избу, объявивъ имъ, что у него есть волшебная стрѣлка, которая во всякой толпѣ отыщетъ вора и прямо на него укажетъ. Заставивъ всѣхъ мужиковъ напередъ перекреститься, сложить шапки въ кучу и повернуться по солнцу, онъ разставилъ ихъ въ избѣ, какъ ему нужно было, каждаго порознь, вынулъ и

раскрылъ съ разными околичностями компасъ свой, развертѣлъ пальцемъ стрѣлку, и потомъ далъ ей свободу; со страхомъ и ожиданіемъ мужики глядѣли на волшебную стрѣлку, которая, къ безконечному изумленію ихъ, указала прямо на Карпа, поставленнаго, какъ само собою разумѣется, на сѣверъ. Карпъ едва не обмеръ, палъ въ ноги и повинился. Надобно, впрочемъ, сознаться, что, изъ посвятившихъ себя этому промыслу людей, попадаются люди необыкновенные по способностямъ своимъ, и что нѣкоторые, дѣйствуя иногда чисто наугадъ, по темному, безотчетному чутью или чувству, нерѣдко угадываютъ истину. Безспорно, что ложъ и обманъ гораздо чаще ими руководятъ; но сила воли, навыкъ обращать все вниманіе свое на одинъ предметъ, сосредоточивать напряженныя духовныя силы по одному направленію, можетъ быть и способность смекать, соображать и заключать мгновенно, безсознательно, какъ бы по вдохновенію — возвышаютъ людей этихъ временно надъ толпою и даютъ имъ средство угадывать и знать болѣе обыкновеннаго. Впрочемъ, не говоря здѣсь объ уловкахъ, коими хитрые знахари, ворожеи и другіе всезнайки пользуются, выспрашивая осторожно, окольными вопросами, о томъ, о чемъ нужно гадать, узнавая о томъ же черезъ лазутчиковъ своихъ или постороннихъ людей, — знахари всѣхъ наименованій иногда еще пользуются извѣстными имъ по преданію тайными средствами, снадобьями и зельями разнаго рода, и тѣмъ производятъ мнимыя чудеса. Примѣры этому встрѣтятся ниже, гдѣ, по случаю разныхъ тайныхъ повѣрьевъ, кой-что будетъ объяснено. Колдуны употребляютъ, такъ говорятъ, сушеное волчье сердце или медвѣжье мясо или сало, чтобы испортить поѣздъ молодыхъ, на свадьбахъ; лошади весьма естественно боятся этого духа, и потому ртачатся, не идутъ; тогда всѣ кланяются зна-

харю, дарятъ его, зовутъ на свадьбу, потчуютъ — и онъ исправляетъ бѣду, не знаю, какими средствами; но смѣшно и досадно видѣть, съ какою глупою важностію такой знахарь сидитъ въ подобномъ случаѣ, не ломая шапки, на первомъ мѣстѣ свадебнаго стола. Одного такого знахаря умный гость прекрасно наказалъ за наглость и безстыдство его. Поспоривъ съ нимъ, онъ вызвался, по предложенію знахаря, выпить ковшъ наговорной воды, и, исполнивъ это при всѣхъ, сказалъ: ну, теперь ты выпей моей водицы, изъ того же ковша и ведра. Знахарю нельзя было отказаться, такъ какъ онъ слишкомъ много напередъ того хвасталъ и хвалился, что ему никто ничего не можетъ сдѣлать. Гость зачерпнулъ въ ковшъ воды и, отошедши въ темный уголъ нашептывать, бросилъ въ ковшъ порядочную щепоть табаку. Несчастный знахарь провалялся въ самомъ жалкомъ положеніи всю ночь на соломѣ, къ общему удовольствію поѣзжанъ, и свадьба была отпразднована какъ нельзя лучше.

Удивительно, до какой степени слѣпая увѣренность морочитъ людей: народъ не только вѣритъ, что знахарь портитъ свадьбу, испортивъ жениха или изноровивъ лошадей такъ, что поѣздъ не можетъ тронуться съ мѣста, или даже оборотивъ всѣхъ поѣзжанъ въ собакъ или волковъ; но многіе разскажутъ вамъ, какъ очевидцы, добросовѣстно и въ полномъ убѣжденіи, случай, въ родѣ слѣдующаго:—Я ѣхалъ однажды съ работникомъ,—говорилъ зажиточный крестьянинъ, за которымъ кой-что водилось.—Мы случайно подъѣхали въ деревнѣ къ свадьбѣ, и онъ попросилъ меня остановиться, увѣряя, что тутъ долженъ быть недобрый человѣкъ, который хочетъ свадьбу испортить, а потому-де его надо наказать. Только что работникъ мой вошелъ въ избу, какъ оттуда вышелъ препоганый мужичишка и, подошедъ къ воротамъ, принялся грызть

зубами столбъ. Кровь льетъ изо рта, а онъ все грызетъ; наконецъ, работникъ мой вышелъ, а мужикъ взмолился ему; тогда тотъ, погрозившись на него пальцемъ, сказалъ: ну, на этотъ разъ ступай, Богъ съ тобой; да смотри, впередъ не шали. Мужикъ поклонился ему, утерся рукавомъ и пошелъ.—Въ Сибири какая то трава, прикрытъ или прикрышъ, избавляетъ молодыхъ отъ всякой порчи.

О знахаряхъ и колдунахъ говорится, что, не отказавъ никому своего ремесла, они мучатся, не могутъ умереть и даже встаютъ отъ этого послѣ смерти. Надо выкопать такого мертвеца, перевернуть его ничкомъ, подрѣзать пятки и вколотить между лопатками осиновый колъ. Если предавшійся чернокнижію не найдетъ во всякое время немедленно работы чертямъ, кои являются къ услугамъ его, то они его растерзаютъ. Не знаю, впрочемъ, справедливо ли, будто всегда предполагается у колдуна черная книга; кажется, дѣло дѣлается, по народному повѣрью, и безъ книги. Общую многимъ народамъ сказку, что кудесники иногда даютъ діавому расписку кровію своею, продавая ему душу, находимъ мы и въ Россіи, но болѣе на югѣ и на западѣ.

О колдунахъ народъ вѣритъ также, что они *отводятъ глаза*, т. е. напускаютъ такую мару или мороку, что никто не видитъ того, что есть, а всѣ видятъ то, чего вовсе нѣтъ. Напримѣръ: ѣдутъ мужики на торгъ и видятъ толпу, обступившую цыганъ, изъ которыхъ одинъ, какъ народъ увѣряетъ вновь прибывшихъ, пролѣзаетъ насквозь бревно, во всю длину его, такъ что бревно трещитъ, а онъ лѣзетъ! Вновь прибывшіе, на которыхъ не было напущено мары, стали смѣятся надъ толпой, увѣряя, что цыганъ лѣзетъ подлѣ бревна, а не сквозь него; тогда цыганъ, оборотившись къ нимъ, сказалъ: а вы чего не видали тутъ? Поглядите

лучше на возы свои, у васъ сѣно то горитъ! Мужики кинулись, сѣно, точно, горитъ; отхватили на скорую руку лошадей, перерѣзавъ упряжь, а толпа надъ ними во все горло хохочетъ; оглянулись опять—возы стоятъ, какъ стояли, и не думали горѣть.

Упомяну здѣсь еще о заговорѣ змѣй: мнѣ самому не удалось испытать этого на дѣлѣ, но увѣряютъ, что ясеневое дерево, кора, листъ и зола смиряютъ всякую змѣю, лишаютъ ее возможности кусаться и даже повергаютъ въ родъ оцѣпенѣнія. Ясеневая тросточка или платокъ, вымоченные въ отварѣ ясеневой коры или въ настоѣ золы, также вѣточка этого дерева, дѣйствуютъ, какъ говорятъ, на змѣю, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, и гадина подпадаетъ власти знахаря. Я вспомнилъ при этомъ, что читалъ подобное въ какомъ то путешествіи англичанина по Индіи: тамъ было именно сказано, что индіецъ касался змѣи вѣткою ясени.

Предоставляю на усмотрѣніе и убѣжденіе читателя, сколько во всѣхъ чудесахъ этихъ можно или нельзя объяснить, принявъ за извѣстнаго двигателя и дѣятеля ту таинственную силу, которую ученые называютъ животнымъ магнетизмомъ. Объ этомъ будемъ говорить по поводу сглаза.

III

КЛИКУШЕСТВО И ГАДАНЬЕ.

Нельзя не упомянуть здѣсь кстати мимоходомъ о *мірякѣ* и *кликушѣ*. Есть поговорка: просватать міряка за кликушу; это значитъ свести вмѣстѣ такую пару, которая другъ двуга стоитъ, такую ровню, гдѣ оба никуда не годятся. Кликуша извѣстна почти во всей Россіи, хотя теперь проказницы эти уже довольно рѣдки; это, по народному повѣрью, юродивыя, одержимыя бѣсомъ, кои, по старинному обычаю, показываютъ штуки свои преимущественно по воскресеньямъ, на погостѣ или паперти церковной. Онѣ мечутся, падаютъ, подкатываютъ очи подъ лобъ, кричатъ и вопятъ не своимъ голосомъ; увѣряютъ, что въ нихъ вошло сто бѣсовъ, кои гложутъ у нихъ животы, и проч. Болѣзнь эта пристаетъ отъ одной бабы къ другимъ, и гдѣ есть одна кликуша, тамъ вскорѣ показывается ихъ нѣсколько. Другими словами, онѣ другъ у друга перенимаютъ эти проказы, потому что имъ завидно смотрѣть на подобострастное участіе и сожалѣніе народа, окружающаго кликушу и нерѣдко снабжающаго ее изъ состраданія деньгами. Кликуша, большею частію, бываетъ какая-нибудь бездомная вдова,

разсорившаяся съ мужемъ дурного поведенія жена или промотавшаяся со стороны нищая. Есть глупыя кликуши, которыя только ревутъ и вопятъ до корчи и пѣны на устахъ; есть и болѣе ловкія, кои пророчествуютъ о гнѣвѣ Божіемъ и скоромъ преставленіи свѣта. Покуда на селѣ одна только кликуша—можно смолчать, потому что иногда это бываетъ баба въ падучей болѣзни; но коль скоро появится другая, или третья, то необходимо собрать ихъ всѣхъ вмѣстѣ въ субботу, передъ праздникомъ, и высѣчь розгами. Двукратный опытъ убѣдилъ меня въ отличномъ дѣйствіи этого средства: какъ рукой сыметъ. Средство это весьма не дурно, если бы даже это было родъ падучей болѣзни, которая такъ легко сообщается другимъ: одинъ изъ знаменитѣйшихъ врачей прошлаго вѣка прекратилъ этимъ же или подобнымъ зельемъ распространеніе падучей въ одномъ дѣвичьемъ пансіонѣ, гдѣ внезапно бо̀льшая часть ученицъ, одна подлѣ другой, впадали отъ испуга и переимчивости въ эту болѣзнь. Страхъ дѣйствуетъ въ такомъ случаѣ благодѣтельно на нервы и мозгъ.

Міякъ — почти то же между мужчинами, что въ бабахъ кликуша: это также одержимый бѣсомъ, который кричитъ, ломается, неистовствуетъ и обыкновенно объясняется голосомъ того или другого звѣря или вообще животнаго. Міяки въ особенности появляются въ Сибири, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, происходятъ отъ языческихъ шамановъ.

Повѣрья объ *огненныхъ зміяхъ*, почитаемыхъ злыми духами мужескаго пола, основаны, вѣроятно, на явленіи метеоровъ, сопровождаемомъ огнемъ и трескомъ. Въ особенности народъ полагаетъ, что змѣи эти летаютъ къ женщинамъ, съ коими дружатся и коротко знаются. Такія дѣвки или бабы обыкновенно худѣютъ, спадаютъ съ тѣла и почитаются нечистыми,

а иногда и вѣдьмами. Сказки объ этомъ сохранились у насъ издревле, и богатырь Тугаринъ Змѣевичъ и Краса Зилантовна [1]) суть исчадія такой четы, родившейся въ дикомъ воображеніи народа. Сказки объ огненныхъ зміяхъ разнаго рода, о зміяхъ семиглавыхъ, двѣнадцатиглавыхъ и проч., сохранились именно только какъ сказки, составляя или шутку, или преданье старины—все это было, да быльемъ поросло, а нынѣ такихъ чудесъ нѣтъ.

Ворожба и *гаданія*, *снотолкованія*, а затѣмъ и *заговоры*—принадлежатъ болѣе къ послѣднему изъ принятыхъ нами разрядовъ, т. е. къ такимъ повѣрьямъ, къ коимъ прибѣгаетъ въ отчаяніи бѣдствующій, чтобы найти хотя какую-нибудь мнимую отраду, чтобы успокоить себя надеждой. Это иногда можно сравнить съ мнимою помощью, подаваемою лежащему на смертномъ одрѣ, въ полномъ убѣжденіи, что помощь эта ни къ чему не послужитъ; а между тѣмъ, нельзя же оставаться при страдальцѣ въ бездѣйствіи, надобно, по крайней мѣрѣ, въ успокоеніе совѣсти своей и для удовлетворенія общаго требованія, дѣлать, что́ люди велятъ,—тогда хоть можно сказать впослѣдствіи: что только можно было придумать—все дѣлали. Иногда, впрочемъ, суевѣрія эти служатъ только шуткой, забавой и смѣшиваются съ играми и обрядами. Между тѣмъ ворожба, гаданья и заговоры до того близки къ житью-бытью колдуновъ, знахарей и вѣдьмъ, что здѣсь будетъ удобнѣе поговорить объ этомъ предметѣ.

Самая сбыточность или возможность ворожбы, гаданій и снотолкованій, основанныхъ не на обманѣ и суевѣріи, можетъ быть допущена только въ видѣ весьма рѣдкихъ исключеній, а именно: въ тѣхъ только чрезвычайныхъ, выходящихъ изъ ряду случаяхъ, гдѣ

---

[1]) Зилантъ—по-татарски змѣя.

мы должны признать временное возвышеніе души человѣческой надъ обыкновеннымъ, вседневнымъ міромъ, и гдѣ человѣкъ, самъ собою (болѣзненно) или искусственно (при магнетизированіи) входитъ въ особенное, малоизвѣстное намъ доселѣ магнетическое состояніе. Несмотря на безчисленное множество случаевъ и примѣровъ, гдѣ, при подробномъ разысканіи, или случайно былъ открытъ подлогъ, обманъ или ошибка—въ наше время уже нельзя отвергать вовсе чудесъ животнаго магнетизма; но вопросъ состоитъ въ томъ, до какой степени чудеса эти могутъ дѣяться, и гдѣ предѣлъ ихъ, за коимъ слѣдуетъ безконечная степь, скрытая подъ маревомъ сказочныхъ видѣній тысячи одной ночи? Осторожность обязываетъ насъ, не отрицая положительно всѣхъ чудесъ этихъ, вѣрить тому только, въ чемъ случай и опытъ насъ достаточно убѣдятъ; а сверхъ того, еще убѣждаться съ крайнею осмотрительностію, зная уже, что въ этомъ дѣлѣ бывало доселѣ несравненно болѣе ошибокъ, недоразумѣній, умышленныхъ и неумышленныхъ обмановъ, чѣмъ истины. Не худо, кажется, во всякомъ случаѣ разсудить также слѣдующее: если и допустить, что душа можетъ иногда находиться въ положеніи или состояніи ясновидѣнія, то и тогда она могла бы видѣть одно только прошедшее и настоящее,—но не будущее, котораго еще нѣтъ; другими словами, предположивъ, что душа наша иногда можетъ быть превыше *пространства*, никоимъ образомъ нельзя допустить, чтобы она могла быть также превыше *времени*, по крайней мѣрѣ, относительно будущаго. Тогда должно бы вѣрить въ судьбу, въ неотвратимый рокъ язычества и мусульманства. Тогда не было бы на свѣтѣ ни добра ни худа, ни добродѣтели, ни пороковъ, а все шло бы только впередъ установленнымъ порядкомъ. Этому я вѣрить не могу; я вѣрю

въ судьбу другого рода: въ неминуемыя, неизбѣжныя послѣдствія извѣстнаго сочетанія обстоятельствъ и дѣйствій; даны премудрые, вѣковѣчные законы природы, дана человѣку свободная воля и разсудокъ—все остальное есть судьба, образующаяся изъ послѣдствій дѣйствій того и другого. На такомъ только основаніи можно допустить ясновидѣніе—гдѣ оно несомнѣнно будетъ доказано на дѣлѣ. Перейдемъ теперь опять къ своему предмету.

Вообще, всякое рѣшеніе, посредствомъ ворожбы, заключаетъ въ себѣ: или простую ложь, сказанную на удачу; или ловкое изреченіе, по примѣру древнихъ оракуловъ, допускающее произвольное толкованіе; или такія свѣдѣнія по предложенному вопросу, коихъ никто не могъ предполагать въ ворожеѣ; или соображенія, догадку болѣе или менѣе основательную; или, наконецъ, безсознательное соображеніе и сочетаніе обстоятельствъ и условій, называемое ясновидѣніемъ. Но, повторяемъ, послѣднее всегда почти крайне сомнительно и едва ли можетъ быть наемно или продажно; сами даже ясновидящіе весьма нерѣдко бредятъ, какъ въ горячкѣ, и не могутъ отличить правды отъ лжи.

О снотолкованіяхъ должно сказать почти то же; предоставляемъ всякому судить, по собственному убѣжденію, о возможности предвѣщательныхъ сновъ, кои могутъ рождаться у соннаго ясновидящаго, какъ и наяву; обыкновенныя же грезы, какъ всякому извѣстно, бываютъ слѣдствіемъ думы, дѣйствій и бесѣды въ продолженіе дня или же происходятъ отъ причинъ физическихъ: отъ прилива крови или давленія на извѣстные части мозга, изъ коихъ каждая, безспорно, имѣетъ свое назначеніе. Связь эту и послѣдствія ея каждый самъ легко можетъ испытать: изучите немного черепословіе, дайте пріятелю покрѣпче заснуть и начните осторожно нажимать пальцемъ—хоть, напри-

мѣръ, органъ музыки; продолжайте, усиливая давленіе, до просыпа спящаго; тогда спросите его, что ему грезилось? и вы услышите, къ удивленію своему, что ему снилось что нибудь весьма близкое къ предмету этого органа. Это доказываетъ, что физическое вліяніе разнаго рода, зависящее отъ сотни случайныхъ обстоятельствъ, рождаетъ сонъ того или другого рода, измѣняемый и дополняемый настройствомъ души,—а мы ищемъ въ сихъ случайностяхъ будущую свою судьбу.

О кудесничествѣ, чарахъ, гаданіи разнаго рода,—сошлюсь на книгу Сахарова, не желая повторять однажды напечатанное.

IV

ЗАГОВОРЫ

Заговоры—которые у насъ обыкновенно совершаются съ молитвой, потому что народъ нашъ страшится чернокнижія,—хотя изрѣдка есть люди, коимъ невѣжество народа приписываетъ связи съ нечистымъ—заговоры составляютъ для меня самый загадочный предметъ, между всѣми повѣрьями и суевѣріями; я признаюсь, что неохотно приступаю теперь къ рѣчи о немъ, чувствуя напередъ недостаточность, неполноту свѣдѣній моихъ и убѣжденій. Всякому, кто займется подобнымъ изслѣдованіемъ на дѣлѣ, легко убѣдиться, что тутъ кроется не одинъ только обманъ, а еще что нибудь другое. Если самый способъ дѣйствія признать обманомъ, потому что убѣжденіе наше отказывается вѣрить тому, въ чемъ мы не видимъ ни малѣйшаго слѣда смысла—то все еще остается рѣшить, какія же именно невидимыя нами средства производятъ видимыя нами дѣйствія? Будемъ стараться, при всякомъ удобномъ случаѣ, разыскивать и разъяснять ихъ; по мѣрѣ этихъ разъясненій, мнимыя чудеса будутъ переходить изъ области заговоровъ въ область естественныхъ наукъ, и мы просвѣтимся. Уже этой

одной причины, кажется, достаточно для того, чтобы не пренебрегать, какъ обыкновенно дѣлаютъ, симъ предметомъ; жаль, что ученые испытатели природы, копаясь по цѣлымъ годамъ надъ каплею гнилого настоя и отыскивая въ ней микроскопическихъ наливняковъ, не посвятятъ средствъ и силъ своихъ сему, болѣе общему и важному, предмету, о коемъ они, не зная его вовсе, по одному только предубѣжденію относятся презрительно.

Заговоры, въ томъ видѣ, какъ они иногда съ большимъ трудомъ достаются въ наши руки, состоятъ въ нѣсколькихъ таинственныхъ по смыслу словахъ, коихъ образцы можно видѣть въ изданіи Г. Сахарова. Ниже приложено нѣсколько изъ мною собранныхъ, для примѣра. Въ нихъ то общее, что послѣ обычнаго вступленія, въ коемъ крестятся, благословляются, поминаютъ море-океанъ, бѣлъ-горючъ-камень алтырь и пр., слѣдуетъ первая половина заговора, состоящая изъ какого-то страннаго иносказанія или примѣра, взятаго, повидимому, весьма не кстати, изъ дальнихъ и невѣдомыхъ странъ; а затѣмъ уже заговорщикъ обращается собственно къ своему предмету или частному случаю, примѣняя первое, сколько можно, ко второму и оканчивая заклинаніе свое выраженіемъ: слово мое крѣпко, быть по моему, или аминь. Мы видимъ въ заговорахъ, вообще, невѣжественное смѣшеніе духовныхъ и мірскихъ—святыхъ и суевѣрныхъ понятій. Невѣжеству народа, простотѣ его, а не злонамѣренности, должно приписать такое суесвятство и кощунство. Таковы заговоры любовные, заговоры отъ укушенія змѣи или собаки, отъ поруба или кровотеченія, отъ ружья или пули, отъ огня или пожара и проч.—Есть еще особый родъ заговоровъ, соединяющихъ въ себѣ молитву и заклятіе; сюда, напр., принадлежитъ заговоръ *идучи на судъ*, гдѣ заговорщикъ

испрашиваетъ себѣ всѣхъ благъ, а на противниковъ своихъ и неправедныхъ судей накликаетъ всѣ возможныя бѣдствія. Я очень жалѣю, что этотъ замѣчательный образчикъ смѣси чернаго и бѣлаго, тьмы и свѣта, не можетъ быть здѣсь помѣщенъ, и что вообще нельзя отыскать о семъ предметѣ все то, что было бы необходимо, для нѣкотораго разъясненія его.

Собственно въ болтовнѣ заговора, конечно, не можетъ быть никакого смысла и значенія, какъ, повидимому, и самъ народъ утверждаетъ пословицами и поговорками своими: языкъ безъ костей—мелетъ; собака лаетъ, вѣтеръ носитъ; крикомъ изба не рубится; хоть чертомъ зови, да хлѣбомъ корми и проч. Это подтверждается еще и тѣмъ, что на одинъ и тотъ же случай есть множество различныхъ, но, по мнѣнію народа, равносильныхъ заговоровъ. Но народъ при всемъ томъ вѣритъ, что кто умѣетъ произнести заговоръ, какъ слѣдуетъ, не только языкомъ, но и душой, соблюдая при томъ всѣ установленные для сего, по таинственному преданію, пріемы и условія, тотъ успѣетъ въ своемъ дѣлѣ. Стало быть, народъ вѣритъ въ таинственную силу воли, въ дѣйствіе духа на духъ, на незримыя по себѣ и невѣдомыя силы природы, которыя, однакоже, обнаруживаются затѣмъ въ явленіяхъ вещественныхъ, доступныхъ нашимъ чувствамъ. Нельзя не сознаться, что это съ одной стороны свыше понятій нашихъ, можетъ быть даже противно тому, что мы привыкли называть здравымъ смысломъ,—но что это въ сущности есть то же самое явленіе, которое, нѣсколько въ иномъ видѣ, ученые наши прозвали животнымъ магнетизмомъ. Все это отнюдь не служитъ ни доказательствомъ, ни объясненіемъ, а, такъ сказать, однимъ только намекомъ и предостереженіемъ.

Передать силу заговора можно, по народному по-

всего этого множество особыхъ примѣтъ, по коимъ заключаютъ объ успѣхѣ предпринимаемаго заговора. Списокъ о чернокнижіи считаетъ 33 дня въ году, въ кои кудесники совершаютъ свои чары: января 1, 2, 4, 6, 11, 12, 19 и 20; февраля 11, 17, 28; марта 1, 4, 14, и 24; апрѣля 3, 17 и 18; мая 7 и 8; іюня 17; іюля 17 и 21; августа 20 и 21; сентября 10 и 18; октября 6; ноября 6 и 8; декабря 6, 11 и 18; понедѣльникъ и пятница, какъ извѣстно, считаются тяжелыми или черными днями, въ кои ничего не должно предпринимать, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, не должно и работать. Равноденственные дни также принадлежатъ кудесникамъ, и извѣстная воробьиная ночь на Украйнѣ посвящена вѣдьмамъ. Первая и послѣдняя четверть луны вообще почитаются временемъ удобнымъ для предпріятій всякаго рода, хозяйственныхъ

міру ходятъ, отбиваютъ отъ сна, отъ ѣды, сосутъ кровь, тянутъ жилы, какъ червь точутъ черную печень, пилами пилятъ желтыя кости и суставы? Здѣсь вамъ не житье жилище, не прохладище; ступайте вы въ болота, въ глубокія озера, за быстрыя рѣки и темны боры: тамъ для васъ кровати поставлены тесовыя, перины пуховыя, подушки пересныя; тамъ яства сахарныя, напитки медовые — тамъ будетъ вамъ житье-жилище, прохладище—по сей часъ, по сей день, слово мое, раба Божьяго N. крѣпко, крѣпко, крѣпко.

5. Отъ укушенія гада. Молитвъ ради Пречистыя твоея Матери благодатный свѣтъ міра, отступи отъ меня, нечестивый, змѣя злая, подколодная, гадина люта, снѣдающая людей и скотъ: яко комары отъ облаковъ растекаются, тако и ты опухоль злая разойдись, растянись, отъ раба Божьяго N. Всѣ святые и всѣ монастырскіе братья, иноки, отшельники, постники и сухоядцы, чудовные святые лики, станьте мнѣ на помощь, яко вдни, тако и въ нощи, во всякомъ мѣстѣ, рабу Божьему N. Аминь.

6. Украинскій заговоръ отъ-звиху (отъ вывиха), Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Гдесь-недесь на сынему мори лежыть камень билый, на билому камени кто-сь седыть, высижа, изъ жовтои кости цвиль выкликая; жовтая кость левовъ духъ; якъ у льву духъ не держится, то щобъ такъ у жовтои кости раба Божьяго N. звихъ не держався. Миколаю угоднику, скорый помощнику, мисяцу ясный, князю прекрасный, *стань мени* у помощь, у первый разъ, у третій разъ. Аминь.

и другихъ распоряженій — а полнолуніе и новолуніе временемъ менѣе къ тому пригоднымъ.

Большая часть заговоровъ начинаются словами: на морѣ на океанѣ — и во многихъ поминается бѣлъ-горючъ камень алатырь. На Руси есть городъ Алатырь—не менѣе того, однако-же, никто не объяснилъ доселѣ, какой это таинственный камень. Иные полагали, что это долженъ быть янтарь, но, кажется, это неосновательная догадка. Разъ только удалось мнѣ выпытать прямо изъ устъ крестьянина объясненіе, которое, впрочемъ, ровно ничего не объясняетъ: на Воздвиженье змѣи собираются въ кучу, въ ямы, пещеры, яры, на городищахъ, и тамъ-де является бѣлый, свѣтлый камень, который змѣи лижутъ, насыщаясь имъ, и излизываютъ весь; это и есть бѣлъ-горючъ-камень алатырь. Къ сказкѣ этой, вѣроятно, подало поводъ то, что змѣи залегаютъ и замираютъ на зиму, почему народъ и искалъ объясненія, чѣмъ онѣ въ это время питаются, и придумалъ камень алатырь; осенью же онѣ точно собираются для приплода въ кучи.

Есть много людей, правдивыхъ и притомъ нелегкомысленныхъ кои утверждаютъ самымъ положительнымъ образомъ, что испытали тѣмъ или инымъ способомъ дѣйствительность того или другого заговора; а потому, откинувъ на сей разъ всякое предубѣжденіе, постараемся розыскать, сколько и въ какой степени можетъ быть тутъ правды? Утверждаютъ, что заговоръ дѣйствуетъ только на вѣрующихъ: если пуститься на месмерическія или магнетическія объясненія, то можетъ быть это покажется менѣе дикимъ и невѣроятнымъ, чѣмъ оно съ перваго взгляда представляется; но мы вовсе не намѣрены писать разсужденіе о магнетизмѣ и потому удовольствуемся однимъ только намекомъ и указаніемъ на него.

Кто въ деревняхъ не знаетъ заговора отъ червей? У какого помѣщика нѣтъ на это извѣстнаго старика, который спасаетъ лѣтомъ и крестьянскую и господскую скотину отъ этого бича? Заговорщикъ идетъ въ поле, отыскиваетъ траву или кустъ мордвинникъ, или будакъ (carbuus cnicus, C. Benebictus), заходитъ къ нему такъ, чтобы тѣнь на него не пала, говоритъ: «ты трава, Богомъ создана, имя тебѣ мордвинникъ; выведи червей изъ пѣгой (сѣрой, бурой, черной) яловки или коровы такого-то. Коли выведешь, отпущу, а не выведешь, съ корнемъ изжену». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорятъ просто: «тогда тебѣ подняться, когда у гнѣдой кобылы такого-то черви изъ бока (уха, зада и проч.), вывалятся». Вмѣстѣ съ тѣмъ, привязываютъ верхушку будака ниткой къ колышку и втыкаютъ его въ землю, такъ, чтобы нагнуть стебель, но не переломить его; другіе же просто нагибаютъ стебель мордвинника, подтыкая его подъ стебли сосѣднихъ травъ такъ, чтобы онъ не могъ самъ собою высвободиться. Дѣло это вообще извѣстно подъ выраженіемъ: заламывать траву. На другой или третій день знахарь идетъ справляться, вывалились ли черви у скотины? а на утвердительный отвѣтъ, непремѣнно отыскиваетъ опять свой мордвинникъ и отпускаетъ его, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще съ особой поговоркой: «ты мнѣ отслужила, я тебѣ отслужу». Если этого не сдѣлать, то трава въ другой разъ не послушается; а если по какому либо случаю средство не поможетъ, то и не должно отпускать мордвинника, въ наказаніе за ослушаніе. Если червей мазали дегтемъ, скипидаромъ и проч., то ихъ, по увѣренію знахарей, уже заговаривать нельзя. Довольно замѣчательно, что убогій мужикъ, какъ мнѣ случилось видѣть, занимавшійся этимъ ремесломъ, взявшись съ успѣхомъ вывести червей изъ двухъ скотинъ, отказался отъ третьей потому, что

рану уже мазали дегтемъ, и ни за что не соглашался даже на попытку, хотя ему обѣщали значительное для него вознагражденіе.

Объ этомъ средствѣ я не смѣю сказать ничего положительнаго; нужно повторить сто разъ опытъ, съ наблюденіемъ всѣхъ возможныхъ предосторожностей, прежде чѣмъ можно себѣ позволить сказать гласно слово въ пользу такого дѣла, отъ котораго здравый смыслъ нашъ отказывается; скажу только, что я не могъ доселѣ открыть ни разу въ подобныхъ случаяхъ, чтобъ знахарь употреблялъ какое либо зелье или снадобье; а скотина нерѣдко ночевала у насъ подъ замкомъ. Объясненіе, будто знахари берутся за дѣло тогда только, когда, такъ называемые, черви—правильнѣе гусеницы—созрѣли, въ порѣ, и потому сами выползаютъ, вываливаются и ищутъ нужнаго имъ убѣжища, для принятія образа личинки, — объясненіе это никакъ не можетъ меня удовлетворить; знахари не разбираютъ поры, не спрашиваютъ давно ли черви завелись—чего, впрочемъ, и самъ хозяинъ обыкновенно въ точности не знаетъ; осматриваютъ скотину издали, однимъ только взглядомъ, или даже, спросивъ какой она масти, дѣлаютъ дѣло за глаза. Какая возможность тутъ разсчитать день въ день, когда черви должны сами собой вываливаться? Кромѣ того, всякій хозяинъ знаетъ по опыту, что если разъ черви завелись въ скотинѣ, то имъ уже нѣтъ перевода почти во все лѣто, потому что насѣкомыя, отъ яицъ которыхъ они разводятся, вѣроятно ихъ безпрестанно подновляютъ. Первые врачи Петербурга, не говоря о множествѣ другихъ свидѣтелей, не сомнѣваются въ томъ, что одна извѣстная дама, бывшая здѣсь нѣсколько лѣтъ тому, однимъ взглядомъ своимъ повергала дѣтей въ сильно-судорожное состояніе и творила надъ ними другія подобныя чудеса. Если это такъ, то, отложивъ

Кто въ деревняхъ не знаетъ заговора отъ червей? У какого помѣщика нѣтъ на это извѣстнаго старика, который спасаетъ лѣтомъ и крестьянскую и господскую скотину отъ этого бича? Заговорщикъ идетъ въ поле, отыскиваетъ траву или кустъ мордвинникъ, или будакъ (carbuus cnicus, C. Benebictus), заходитъ къ нему такъ, чтобы тѣнь на него не пала, говоритъ: «ты трава, Богомъ создана, имя тебѣ мордвинникъ; выведи червей изъ пѣгой (сѣрой, бурой, черной) яловки или коровы такого-то. Коли выведешь, отпущу, а не выведешь, съ корнемъ изжену». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорятъ просто: «тогда тебѣ подняться, когда у гнѣдой кобылы такого-то черви изъ бока (уха, зада и проч.), вывалятся». Вмѣстѣ съ тѣмъ, привязываютъ верхушку будака ниткой къ колышку и втыкаютъ его въ землю, такъ, чтобы нагнуть стебель, но не переломить его; другіе же просто нагибаютъ стебель мордвинника, подтыкая его подъ стебли сосѣднихъ травъ такъ, чтобы онъ не могъ самъ собою высвободиться. Дѣло это вообще извѣстно подъ выраженіемъ: заламывать траву. На другой или третій день знахарь идетъ справляться, вывалились ли черви у скотины? а на утвердительный отвѣтъ, непремѣнно отыскиваетъ опять свой мордвинникъ и отпускаетъ его, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще съ особой поговоркой: «ты мнѣ отслужила, я тебѣ отслужу». Если этого не сдѣлать, то трава въ другой разъ не послушается; а если по какому либо случаю средство не поможетъ, то и не должно отпускать мордвинника, въ наказаніе за ослушаніе. Если червей мазали дегтемъ, скипидаромъ и проч., то ихъ, по увѣренію знахарей, уже заговаривать нельзя. Довольно замѣчательно, что убогій мужикъ, какъ мнѣ случилось видѣть, занимавшійся этимъ ремесломъ, взявшись съ успѣхомъ вывести червей изъ двухъ скотинъ, отказался отъ третьей потому, что

рану уже мазали дегтемъ, и ни за что не соглашался даже на попытку, хотя ему обѣщали значительное для него вознагражденіе.

Объ этомъ средствѣ я не смѣю сказать ничего положительнаго; нужно повторить сто разъ опытъ, съ наблюденіемъ всѣхъ возможныхъ предосторожностей, прежде чѣмъ можно себѣ позволить сказать гласно слово въ пользу такого дѣла, отъ котораго здравый смыслъ нашъ отказывается; скажу только, что я не могъ доселѣ открыть ни разу въ подобныхъ случаяхъ, чтобъ знахарь употреблялъ какое либо зелье или снадобье; а скотина нерѣдко ночевала у насъ подъ замкомъ. Объясненіе, будто знахари берутся за дѣло тогда только, когда, такъ называемые, черви—правильнѣе гусеницы—созрѣли, въ порѣ, и потому сами выползаютъ, вываливаются и ищутъ нужнаго имъ убѣжища, для принятія образа личинки, — объясненіе это никакъ не можетъ меня удовлетворить; знахари не разбираютъ поры, не спрашиваютъ давно ли черви завелись—чего, впрочемъ, и самъ хозяинъ обыкновенно въ точности не знаетъ; осматриваютъ скотину издали, однимъ только взглядомъ, или даже, спросивъ какой она масти, дѣлаютъ дѣло за глаза. Какая возможность тутъ разсчитать день въ день, когда черви должны сами собой вываливаться? Кромѣ того, всякій хозяинъ знаетъ по опыту, что если разъ черви завелись въ скотинѣ, то имъ уже нѣтъ перевода почти во все лѣто, потому что насѣкомыя, отъ яицъ которыхъ они разводятся, вѣроятно ихъ безпрестанно подновляютъ. Первые врачи Петербурга, не говоря о множествѣ другихъ свидѣтелей, не сомнѣваются въ томъ, что одна извѣстная дама, бывшая здѣсь нѣсколько лѣтъ тому, однимъ взглядомъ своимъ повергала дѣтей въ сильно-судорожное состояніе и творила надъ ними другія подобныя чудеса. Если это такъ, то, отложивъ

всякое предубѣжденіе, всякій ложный стыдъ, я думаю, можно бы спросить: вправѣ ли мы отвергать положительно подобное вліяніе незримыхъ силъ природы человѣка на животное царство вообще? Осмѣять суевѣріе несравненно легче, нежели объяснить, или хотя нѣсколько обслѣдовать его; также легко присоединиться безотчетно къ общепринятому мнѣнію просвѣщенныхъ, несуевѣрныхъ людей, и объяснить все то, о чемъ мы говорили, вздоромъ. Но будетъ ли это услуга истинѣ? Повторяю, не могу и не смѣю говорить въ пользу этого темнаго дѣла — но и не смѣю отвергать его съ такою самоувѣренностію и положительностью, какъ обыкновенно водится между разумниками. Не вѣрю, но не рѣшусь сказать: это ложь.

Любовные заговоры бываютъ двоякіе: приворотъ милыхъ или желаемыхъ людей и изводъ постылыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣйствуетъ мщеніе или ревность. Тѣ и другіе заговоры бываютъ заглазные, голословные или же соединены съ нашептываніемъ на воду, которую даютъ пить или съ заговоромъ и другими дѣйствіями надъ волосами, отстриженными ногтями, частями одежды, или надъ слѣдомъ прикосновенной особы, т. е. надъ землею, взятою изъ-подъ ступни ея. Любжа вообще, т. е. изводное и приворотное зелье, безспорно принадлежитъ къ числу тѣхъ народныхъ врачебныхъ средствъ, кои надѣлали много зла; подъ этимъ предлогомъ не рѣдко отравляли людей, какъ мнѣ самому случалось видѣть. Большею частію даютъ въ этомъ случаѣ сильно возбуждающіе яды, коихъ послѣдствіями иногда удавалось воспользоваться, что и служило мнимымъ подтвержденіемъ таинственной силы заговора. Довольно извѣстное безтолковое средство привораживать къ себѣ женщину, заключается въ слѣдующемъ: нашедши пару совокупившихся лягушекъ, должно посадить ихъ въ коробку

или корзинку съ крышкой или буракъ, навертѣвъ въ него много дыръ; бросивъ или закопавъ это въ лѣсу, въ муравейникъ, бѣжать безъ оглядки — иначе попадешься чертямъ на расправу;—черезъ трои сутки найдешь въ коробкѣ однѣ кости и между ними какую-то вилочку и крючечекъ. Зацѣпивъ мимоходомъ женщину гдѣ нибудь крючечкомъ этимъ за платье и отпустивъ опять, заставишь ее страдать и вздыхать по себѣ; а если она уже надоѣстъ, то стоитъ только прикоснуться къ ней вилочкой, и она тебя забудетъ. Этотъ вымыселъ празднаго воображенія извѣстенъ у насъ почти повсемѣстно. Другой подобный состоитъ въ чарахъ надъ змѣей; третій—надъ сердцами двухъ бѣлыхъ голубей, и пр. Это подробнѣе описано въ книгѣ Сахарова. Вообще слово любжа означаетъ зелье, для извода постылыхъ людей, нелюбыхъ сердцу, и для приворота любыхъ, по коимъ сохнешь. Для составленія любжи копаютъ лютые коренья, также какъ и для клада, въ Ивановъ день 23 іюня.

Въ средніе вѣка творили въ Европѣ чары надъ поличіемъ того, кому желали зла, или надъ куклой, одѣтой по наружности такъ, какъ тотъ обыкновенно одѣвался. Замѣчательно, что у насъ на Руси сохранилось мѣстами что то подобное, изрѣдка проявляющееся, кажется, исключительно между раскольниками. Люди эти не разъ уже—и даже въ новѣйшее время—распускали въ народѣ слухи, что по деревнямъ ѣздитъ какой то фармасонъ, въ бѣлой круглой шляпѣ,—а бѣлая шляпа, какъ извѣстно, въ народѣ искони служитъ примѣтою фармасонства: — этотъ-де человѣкъ обращаетъ народъ въ свою вѣру, надѣляя всѣхъ деньгами; онъ списываетъ со всякаго, принявшаго вѣру его, поличіе и увозитъ картину съ собою, пропадая безъ вѣсти. Если же впослѣдствіи новый послѣдователь фармасонщины откинется и измѣнитъ, то бѣлая шляпа

стрѣляетъ въ поличіе отступника и этотъ немедленно умираетъ.

Возвратимся къ своему предмету, къ порчѣ любовной и любжѣ. Это повѣрье, кромѣ случаевъ, объясненныхъ выше, принадлежитъ не столько къ числу вымысловъ празднаго, сказочнаго воображенія, сколько къ попыткамъ объяснить непонятное, непостижимое и искать спасенія въ отчаяніи. Внезапный переворотъ, который сильная, необъяснимая для холоднаго разсудка, страсть производитъ въ молодомъ парнѣ или дѣвкѣ,— заставляетъ сторонникъ людей искать особенной причины такому явленію, и тутъ обыкновенно прибѣгаютъ къ объясненію посредствомъ чаръ и порчи. То, что мы называемъ любовью, простолюдинъ называетъ порчей, сухотой, которая должна быть напущена. А гдѣ необузданныя, грубыя страсти не могутъ найти удовлетворенія, тамъ онѣ также хотятъ, во что бы ни стало, достигнуть цѣли своей; люди бывалые знаютъ, что отговаривать и убѣждать тутъ нечего, разсудокъ утраченъ; легче дѣйствовать посредствомъ суевѣрія— да при томъ тѣмъ же путемъ корысть этихъ бывалыхъ людей находитъ удовлетвореніе. Но я попрошу также и въ этомъ случаѣ не упускать изъ виду—на всякій случай—дѣйствіе и вліяніе животнаго магнетизма, который, если хотите, также есть не иное что, какъ особенное названіе общаго нашего невѣжества. Настойчивость и сильная, непоколебимая воля и въ этомъ дѣлѣ, какъ во многихъ другихъ, несмотря на всѣ нравственныя препоны, достигали нерѣдко цѣли своей,—а спросите, чѣмъ? *Глазами*, иногда можетъ быть и рѣчами, а главное, именно силою своей воли и ея нравственнымъ вліяніемъ. Если же при этомъ были произносимы таинственныя заклинанія, то они, съ одной стороны, не будучи въ состояніи вредить дѣлу, съ другой чрезвычайно спорили его, давъ пре-

данному имъ суевѣру еще бо́льшую силу и ничѣмъ непоколебимую увѣренность. Безспорно, впрочемъ, что самая бо́льшая часть относящихся сюда разсказовъ основаны на жалкомъ суевѣріи отчаяннаго и растерзаннаго страстями сердца.

Парень влюбился однажды на смерть въ дѣвку, которая, по разсчетамъ родителей его, не была ему ровней. Малый былъ не глупый, а при томъ и послушный, привыкшій сызмала думать, что выборъ для него хозяйки зависитъ безусловно отъ его родителей, и что законъ не велитъ ему мѣшаться въ это дѣло; родители скажутъ ему: мы присудили сдѣлать то и то, а онъ, поклонившись въ ноги, долженъ отвѣчать только:—власть ваша.—Положеніе его становилось ему со дня на день несноснѣе; вся душа, всѣ мысли и чувства его оборотились вверхъ дномъ, и онъ самъ не могъ съ собою совладать. Онъ убѣждался разумными доводами, а можетъ быть болѣе еще строгимъ приказаніемъ родителей, но былъ не въ силахъ переломить свою страсть и бродилъ ночи напролетъ, заломивъ руки, не зная, что́ ему дѣлать. Мудрено ли, что онъ въ душѣ повѣрилъ, когда ему сказали, что дѣвка его испортила? Мудрено ли, что онъ Богъ вѣсть какъ обрадовался, когда обѣщали научить его, какъ снять эту порчу, которая-де приключилась отъ приворотнаго зелья или заговора, даннаго ему дѣвкой? Любовь, нѣсколько грубая, суровая, но тѣмъ болѣе неодолимая, и безъ того спорила въ немъ съ ненавистію, или по крайней мѣрѣ съ безотчетною досадою и местію; онъ подкрѣпился лишнимъ стаканомъ вина, по совѣту знающихъ и бывалыхъ людей, и сдѣлалъ внѣ себя, чему его научили: пошелъ и прибилъ больно бѣдную дѣвку своими руками.—Если побьешь ее хорошенько,—сказали ему,—то какъ рукой сыметъ.—И подлинно, какъ рукой сняло; парень хвалился на весь міръ, что онъ

сбылъ порчу и теперь здоровъ. Опытные душесловы наши легко объяснятъ себѣ эту задачу. Вотъ вамъ примѣръ—не магистическій, впрочемъ—какъ, повидимому, самое безсмысленное средство, не менѣе того иногда довольно надежно достигаетъ своей цѣли. И смѣшно и жалко. Не мудрено, впрочемъ, что народъ, склонный вообще къ суевѣріямъ и объясняющій все недоступное понятіямъ его посредствомъ своей демонологіи, состояніе влюбленнаго до безумія не можетъ объяснить себѣ иначе, какъ тѣмъ же необыкновеннымъ образомъ. Указаніе на это находимъ мы даже въ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ, напримѣръ, отчаянный любовникъ говоритъ своей возлюбленной, что она ему «раскинула печаль по плечамъ и пустила сухоту по животу!»

Вотъ примѣръ другого рода: молодой человѣкъ, безъ памяти влюбившійся въ дѣвушку, очень ясно понималъ разсудкомъ своимъ, что она ему, по причинамъ слишкомъ важнымъ, не можетъ быть четой—хотя и она сама, какъ казалось, безсознательно отвѣчала его склонности. Ему долго казалось, что въ безкорыстной страсти его нѣтъ ничего преступнаго, что онъ ничего не хочетъ, не желаетъ, а счастливъ и доволенъ однимъ этимъ чувствомъ. Но пора пришла, обстоятельства также—и съ одной стороны онъ содрогнулся, окинувъ мыслями объемъ и силу этой страсти и бездну, къ коей она вела,—съ другой, почиталъ вовсе несбыточнымъ, невозможнымъ, освободиться отъ нея. Тогда добрые люди, отъ коихъ онъ не могъ утаить своего положенія, видя, что онъ близокъ къ сумасбродству и гибели, сумѣли настроить разгоряченное воображеніе его на то, чтобы въ отчаяніи искать помощи въ таинствахъ чаръ:—встань на самой зарѣ, выдь, не умывшись, на восходъ солнца и въ чистомъ полѣ, натощакъ, умойся росою съ семи

травъ; дошедши до мельницы, спроси у мельника топоръ, сядь на бревно верхомъ, положи на него передъ собою щепку, проговори такой то заговоръ, глядя прямо передъ собой на эту щепку, и, поднявъ топоръ выше головы, при послѣднемъ словѣ: «и не быть ей въ умѣ-помыслѣ моемъ, на ретивомъ сердцѣ, въ буйной въ головушкѣ, какъ не сростись щепѣ перерубленной—аминь», ударь сильно топоромъ, со всего размаху, пересѣки щепку пополамъ, кинь топоръ влѣво отъ себя, а самъ бѣги безъ оглядки вправо, домой, и крестись дорогой—но не оглядывайся: станетъ легко.— Что же? Благородная рѣшимость молодого человѣка въ этомъ безтолковомъ средствѣ нашла сильную подпору: не вѣря никоимъ образомъ, при выходѣ изъ дому, чтобы стало силъ человѣческихъ на подавленіе этой страсти, хотя и былъ убѣжденъ, что долгъ и честь его требуютъ того—онъ возвратился отъ мельницы веселый, спокойный—на душѣ было легко:— вслѣдъ за тѣмъ онъ возвратилъ дѣвицѣ полученную отъ нея записку *не распечатанною*. Такъ сильно былъ убѣжденъ, что дѣло кончено, союзъ расторгнутъ—и съ этого дня объ этой несчастной любви не было болѣе рѣчи!

Сглазъ, притка или порча отъ сглазу, отъ глаза, недобрый глазъ—есть повѣрье довольно общее, не только между всѣми славянскими, но и весьма многими другими, древними и новыми народами. Мы ставимъ его сюда потому, что оно, по народному повѣрью, близко къ предыдущему. Уже одна всеобщность распространенія этого повѣрья должна бы, кажется, остановить всякое торопливое и довременное сужденіе о семъ предметѣ; хотя всякое образованное общество и считаетъ обязанностію издѣваться гласно надъ такимъ смѣшнымъ суевѣріемъ,—между тѣмъ какъ втайнѣ многіе искренно ему вѣрятъ, не отдавъ себѣ въ томъ

никакого отчета. Скажемъ же не обинуясь, что повѣрье о сглазѣ, безъ всякаго сомнѣнія, основано на истинѣ; но оно обратилось, отъ преувеличенія и злоупотребленій, въ докучную сказку, какъ солдатъ Яшка, Сашка сѣрая сермяжка или знаменитое повѣствованіе о постройкѣ костяного дома. Безспорно, есть изрѣдка люди, одаренные какою то темною, непостижимою для насъ силою и властью поражать прикосновеніемъ или даже однимъ взглядомъ своимъ другое, въ извѣстномъ отношеніи подчиненное, слабѣйшее существо, дѣйствовать на весь составъ его, на душу и тѣло, благотворнымъ или разрушительнымъ образомъ, или по крайней мѣрѣ обнаруживать на него временно явно какое либо дѣйствіе. Извѣстно, что ученые называли это животнымъ магнетизмомъ, месмеризмомъ, и старались объяснить намъ, невѣждамъ, такое необъяснимое явленіе различнымъ и весьма ученымъ образомъ; но, какъ очень трудно объяснить другому то, чего и самъ не понимаешь,—то конецъ концовъ былъ всегда одинъ и тотъ же, то есть, что мы видимъ въ природѣ цѣлый рядъ однообразныхъ, но до времени необъяснимыхъ явленій, которыя состоятъ въ сущности въ томъ, что животныя силы дѣйствуютъ не всегда отдѣльно въ каждомъ недѣлимомъ, но иногда также изъ одного животнаго или чрезъ одно животное на другое, въ особенности же черезъ человѣка. Ученые называютъ это магнетизмомъ, а народъ сглазомъ. Стало быть, и тутъ опять ученые разногласятъ съ народными повѣрьями только въ названіи, въ способѣ выраженія, а въ сущности дѣла они согласны. Какъ бы то ни было, но если только принять самое явленіе это за быль, а не за сказку, то и повѣрье о сглазѣ и порчѣ, въ сущности своей, основано не на вымыслѣ, а на вліяніи живой, или животной природы. Переходя, однакоже, затѣмъ собственно къ нашему предмету, мы безспорно

должны согласиться, что описанное явленіе примѣняется къ частнымъ случаямъ безъ всякаго толка и разбора, и отъ этого-то злоупотребленія оно обратилось въ нелѣпую сказку. Изо ста, а можетъ быть даже изъ тысячи случаевъ или примѣровъ, о коихъ каждая баба разскажетъ вамъ со всею подробностію, едва ли найдется одинъ, который болѣе или менѣе состоитъ въ связи съ этою таинственною силою природы; всѣ остальные были, вѣроятно, слѣдствіемъ совсѣмъ иныхъ причинъ, коихъ простолюдинъ не можетъ или не хочетъ доискаться; поэтому онъ, въ невѣжествѣ своемъ, сваливаетъ все сподрядъ, по удобству и сподручности, на сглазъ и порчу, который же кстати молчитъ и не отговаривается, а потому и виноватъ.

V

ВОДЯНОЙ.

Водяной, *водовикъ* или *водяникъ*, водяной дѣдушка, водяной чортъ, живетъ на большихъ рѣкахъ и озерахъ, болотахъ, въ тростникахъ и въ осокѣ, иногда плаваетъ на чурбанѣ или на корчагѣ; водится въ омутахъ и въ особенности подлѣ мельницъ. Это нагой старикъ, весь въ тинѣ, похожій обычаями своими на лѣшаго, но онъ не оброс шерстью, не такъ назойливъ и нерѣдко даже съ нимъ бранится. Онъ ныряетъ и можетъ жить въ водѣ по цѣлымъ днямъ, а на берегъ выходитъ только по ночамъ. Впрочемъ, водяной также не вездѣ у насъ извѣстенъ. Онъ живетъ съ русалками, даже почитается ихъ большакомъ, тогда какъ лѣшій всегда живетъ одиноко и кромѣ какого нибудь оборотня, никого изъ собратовъ своихъ около себя не терпитъ. О водяномъ трудно собрать подробныя свѣдѣнія; одинъ только мужикъ разсказывалъ мнѣ объ немъ, какъ очевидецъ,— другіе большею частію только знали, что есть гдѣ-то и водяные, но Богъ вѣсть гдѣ. Водяной довольно робкій старикъ, который смѣлъ только въ своемъ царствѣ, въ омутѣ, и тамъ, если осерчаетъ, хватаетъ купальщиковъ за ноги и топитъ ихъ, особенно такихъ, кото-

рые ходятъ купаться безъ креста, или же не въ указанное время, позднею осенью. Онъ любитъ сома и едва ли не ѣздитъ на немъ; онъ свиваетъ себѣ иногда изъ зеленой куги боярскую шапку, обвиваетъ также кугу и тину вокругъ пояса и пугаетъ скотину на водопоѣ. Если ему вздумается осѣдлать въ водѣ быка или корову, то она подъ нимъ подламывается и, увязнувъ, издыхаетъ. Въ тихую, лунную ночь, онъ иногда, забавляясь, хлопаетъ ладонью звучно по водѣ и гулъ слышенъ на плесу издалеча. Есть повѣрье, что если сѣсть у проруба на воловью кожу и очертиться вокругъ огаркомъ, то водяные, выскочивъ въ полночь изъ проруба, подхватываютъ кожу и носятъ сидящаго на ней, худа онъ загадаетъ. При возвращеніи на мѣсто, надо успѣть зачурать: чуръ меня! Однажды ребятишки купались подъ мельницей; когда они уже стали одѣваться, то кто-то вынырнулъ изъ-подъ воды, закричалъ: *скажите дома, что Кузька померъ*—и нырнулъ. Ребятишки пришли домой и повторили отцу въ избѣ слова эти: тогда вдругъ кто-то съ шумомъ и крикомъ: ай, ай, ай, соскочилъ съ печи и выбѣжалъ вонъ: это былъ домовой, а вѣсть пришла ему о комъ-то отъ водянаго. Есть также много разсказовъ о томъ, что водяной портитъ мельницы и разрываетъ плотины, а знахари выживаютъ его, высыпая по утреннимъ и вечернимъ зарямъ въ воду по мѣшку золы.

VI

МОРЯНЫ.

Моряны, огняны и вътряны есть у другихъ славянскихъ племенъ; но русскіе, кажется, ничего объ этомъ не знаютъ. Праздникъ Купала и другіе въ честь огня или воды, суть явно остатки язычества и не представляютъ нынѣ, впрочемъ, олицетворенія своего предмета. *Ладъ*, *Ярило*, *Чуръ*, *Авсень*, *Таусень* и проч. сохранились въ памяти народной почти въ однѣхъ только пѣсняхъ или поговоркахъ, какъ и дубыня, горыня, полканъ, пыжики и волоты, кащей безсмертный, змѣй горыничъ, Тугаринъ-Змѣевичъ, яга-баба, кои живутъ только еще въ сказкахъ, или изрѣдка помипаются въ древнихъ пѣсняхъ. Народъ почти болѣе объ нихъ не знаетъ. О бабѣ-ягѣ находимъ болѣе сказокъ, чѣмъ о прочихъ, помянутыхъ здѣсь лицахъ. Она ѣздитъ или летаетъ по воздуху въ ступѣ, пестомъ погоняетъ или подпираетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Вообще это созданіе злое, нѣсколько похоже на вѣдьму; баба-яга крадетъ дѣтей, даже ѣстъ ихъ, живетъ въ лѣсу, въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ и проч.

Кикимора также мало извѣстна въ народѣ и почти только по кличкѣ, развѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ

ее иногда смѣшиваютъ съ домовымъ; въ иныхъ мѣстахъ изъ нея даже сдѣлали пугало мужескаго пола, тогда какъ это дѣвки-невидимки, заговоренныя кудесниками и живущія въ домахъ, почти какъ домовые. Онѣ прядутъ, вслухъ проказятъ по ночамъ и нагоняютъ страхъ на людей. Есть повѣрье, что кикиморы—младенцы, умершіе некрещеными. Плотники присвоили себѣ очень ловко власть пускать кикиморъ въ домъ хозяина, который не уплатилъ денегъ за срубку дома.

Игоша — повѣрье, еще менѣе общее и притомъ весьма близкое къ кикиморамъ: уродецъ, безъ рукъ безъ ногъ, родился и умеръ некрещеннымъ; онъ, подъ названіемъ игоши, проживаетъ то тутъ, то тамъ и проказитъ, какъ кикиморы и домовые, особенно, если кто не хочетъ признать его, невидимку, за домовика, не кладетъ ему за столомъ ложки и ломтя, не выкинетъ ему изъ окна шапки или рукавицъ и проч.

Жердяй, отъ жерди — предлинный и претоненькій, шатается иногда ночью по улицамъ, заглядываетъ въ окна, грѣетъ руки въ трубѣ и пугаетъ людей. Это какой-то жалкій шатунъ, который осужденъ вѣкъ слоняться по свѣту безъ толку и должности. Объ немъ трудно допроситься смыслу; но едва ли повѣрье это не въ связи съ кащеемъ безсмертнымъ, котораго, можетъ быть, тутъ или тамъ пожаловали въ жердяи. Чтобы избавиться отъ всѣхъ этихъ нечистыхъ, народъ прибѣгаетъ къ посту и молитвѣ, къ богоявленной водѣ, къ свѣчкѣ, взятой въ пятницу со страстей, которою коптятъ крестъ на притолкѣ въ дверяхъ; полагаютъ также, вообще, что не должно ставить ворота на полночь, на сѣверъ, иначе всякая чертовщина выживетъ изъ дома,

VII

ОБОРОТЕНЬ.

Оборотень, — на Украйнѣ *вовкулака* — какой-то недобрый духъ, который мечется иногда человѣку подъ ноги, или поперегъ дороги, какъ предвѣстникъ бѣды. Отъ него крестятся и отплевываются. Онъ никогда не является иначе, какъ на лету, на бѣгу, и то мелькомъ, на одно мгновеніе, что едва только успѣешь его замѣтить; иногда съ кошачьимъ или другимъ крикомъ и воемъ, иногда же онъ молча подкатывается клубкомъ клочкомъ сѣна, комомъ снѣга, овчиной и проч. Оборотень перекидывается, измѣняя видъ свой, во что вздумаетъ, и для этого обыкновенно ударится напередъ объ земь; онъ перекидывается въ кошку, въ собаку, въ сову, пѣтуха, ежа, даже въ клубокъ нитокъ, въ кучу пакли и въ камень, въ копну сѣна и проч. Изрѣдка въ лѣсу встрѣчаешь его страшнымъ звѣремъ или чудовищемъ; но всегда только мелькомъ, потому онъ никогда не дастъ разсмотрѣть себя путемъ. Нерѣдко онъ мгновенно, въ глазахъ испуганнаго на смерть прохожаго, оборачивается нѣсколько разъ то въ то, то въ другое, исчезая подъ пнемъ или кустомъ, или на ровномъ мѣстѣ, на перекресткѣ. Днемъ очень рѣдко

удается его увидѣть, но уже въ сумерки онъ начинаетъ проказить и гуляетъ всю ночь напролетъ. Перекидываясь или пропадая внезапно вовсе, онъ, обыкновенно, мечется, словно камень изъ-за угла, со страннымъ крикомъ, мимо людей. Нѣкоторые увѣряютъ, что онъ-то есть коровья смерть, чума, и что онъ въ этомъ случаѣ самъ оборачивается въ корову, обыкновенно черную, которая гуляетъ со стадомъ, подъ видомъ приблуды или пришатавшейся, и напускаетъ порчу на скотъ. Есть также повѣрье, будто оборотень дитя, умершее некрещенымъ, или какой-то вѣроотступникъ, коего душа нигдѣ на томъ свѣтѣ не принимается, а здѣсь гуляетъ и проказитъ по неволѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на сѣверѣ, оборотня называютъ кикиморой; вѣдьмѣ и домовому иногда приписываютъ также свойства оборотня. Изъ всего этого видно, что если мужикъ видѣлъ что нибудь въ сумерки или ночью и самъ не знаетъ *что*,—то это безспорно былъ оборотень.

VIII

РУСАЛКА.

Русалка—также *чертовка*, или *шутовка*, или *водява*, что означаетъ почти тоже, потому что тутъ у мужиковъ говорится именно взамѣнъ недобраго слова чортъ. Русалка почти отовсюду вытѣснена людьми; а она любитъ пустыя и глухія воды. Нигдѣ почти не найдете вы теперь такого мѣста, гдѣ бы, съ вѣдома жителей, по-нынѣ водились русалки; или онѣ были тутъ когда-то и перевелись, или вамъ укажутъ, во всякомъ мѣстѣ, на другое—а тутъ-де нѣтъ ихъ. На Украйнѣ ихъ считаютъ дѣвочками, умершими безъ крещенія; въ другихъ мѣстахъ полагаютъ, что каждая утопленница можетъ обратиться въ русалку, если покойница была такова при жизни; или когда дѣвка утонула, купаясь безъ креста, причемъ полагаютъ, что ее утащилъ водяной; опять иные считаютъ русалокъ вовсе не людского поколѣнія, а нечистыми духами или даже просто навожденіемъ діавольскимъ. На югѣ у насъ русалка вообще не зла, а болѣе шаловлива; напротивъ великорусская русалка или шутовка, особенно же сѣверная, гдѣ она и называется не русалкой, а просто чертовкой, злая, опасная баба и страшная непріятельница

человѣческаго рода. При такомъ понятіи о нихъ, ихъ представляютъ иногда безобразными; но вообще русалки большею частію молоды, стройны, соблазнительно хороши: онѣ ходятъ нагія, или въ бѣлыхъ сорочкахъ, но безъ пояса, съ распущенными волосами, зелеными, какъ иные утверждаютъ; живутъ дружно, обществами, витаютъ подъ водой, но выходятъ и на берегъ; рѣзвяться, поютъ, шалятъ, хохочутъ, качаются на ближнихъ деревьяхъ, вьютъ плетеницы изъ цвѣтовъ и украшаются ими, и если залучатъ къ себѣ живого человѣка, котораго стараются заманить всѣми средствами, то щекочутъ его, для потѣхи своей, до смерти. Иные утверждаютъ, что у русалокъ между перстовъ есть перепонка какъ у гуся; другіе даже, что у нея, вмѣсто ногъ, раздвоенный рыбій хвостъ. Онѣ манятъ къ себѣ прохожаго, если онъ ночью подойдетъ къ нимъ—днемъ онѣ почти не выходятъ—иногда гоняются за нимъ, но далеко отъ берега рѣки или озера не отходятъ, потому что боятся обсохнуть. Если при русалкѣ есть гребень, то она можетъ затопить и сухое мѣсто: доколѣ она чешетъ мокрые волосы, дотолѣ съ нея все будетъ струиться вода; если же на русалкѣ и волосы обсохнутъ, то она умираетъ. Слѣды этихъ шаловливыхъ подружекъ остаются изрѣдка на мокромъ пескѣ; но это можно только видѣть, заставъ ихъ врасплохъ: въ противномъ случаѣ онѣ перерываютъ песокъ и заглаживаютъ слѣды свои. Гдѣ вѣрятъ въ водяного, тамъ считаютъ его атаманомъ русалокъ. Но онѣ, бѣдненькія, очень скучаютъ безъ мужчинъ и всѣ ихъ затѣи клонятся къ тому, чтобы залучить человѣка и защекотать его на смерть. Сказываютъ, что онѣ иногда отъ скуки перенимаютъ заночевавшее на водѣ стадо гусей и завертываютъ имъ на спинѣ, какъ шаловливые школьники, одно крыло за другое, такъ что птица не можетъ сама расправить крыльевъ; онѣ же, сидя въ омутахъ

женщинѣ выходить къ ней не должно: это вѣдьма, которая испортитъ, или даже выкрадетъ изъ утробы ребенка. Изъ этого слѣдуетъ, что вѣдьма перекидывается также въ сороку, и, можетъ быть, отъ этого сорока противна домовому, для чего и подвѣшивается въ конюшнѣ. Вѣдьмѣ, для проказъ ея, необходимы: ножъ, шалфей, рута, шкура, кровь и когти черной кошки, убитой на перекресткѣ, иногда также и трава тирличъ. Вѣдьма варитъ зелье ночью въ горшкѣ и, ухвативъ помело, уносится съ дымомъ въ трубу. Вѣдьма иногда крадетъ мѣсяцъ съ неба, если его неожиданно заволакиваетъ тучами или случится затмѣніе; она крадетъ дожди, унося ихъ въ мѣшкѣ или въ завязанномъ горшкѣ; крадетъ росу, посылаетъ градъ и бурю и проч. Есть на Украйнѣ преданіе, взятое, какъ говорятъ, изъ актовъ: злая и пьяная баба, поссорившись съ сосѣдкой, пришла въ судъ и объявила, что та украла росу. По справкѣ оказалось, что наканунѣ росы точно не было, и что обвиняемая должна быть вѣдьма. Ее сожгли. Проспавшись, баба пришла въ судъ каяться, что поклепала на сосѣдку, а судьи, услышавъ это, пожали плечами и ударили объ полы руками, сказавъ: отъ тоби разъ!

Вѣдьмѣ удается иногда осѣдлать человѣка, и онъ, увлекаемый чарами ея, везетъ ее на себѣ черезъ трубу и возитъ по свѣту до упаду. Есть и обратные примѣры, то есть, что осторожный и знающій человѣкъ выѣзжалъ на вѣдьмѣ, какъ мы видимъ изъ разсказовъ Гоголя. Все это приближаетъ вѣдьму къ разряду знахарокъ, ворожей и колдуновъ, давая ей иное значеніе, чѣмъ повѣрьями дано прочимъ баснословнымъ лицамъ. Вѣдьма есть олицетворенное понятіе о злой и мстительной старухѣ, и злыя бабы пользуются суевѣріемъ людей. Много было примѣровъ, что вмѣсто мнимой вѣдьмы ловили злую сосѣдку на томъ, какъ она пере-

вязываетъ вымя у коровы волоскомъ, или выходитъ ночью въ одной рубахѣ, безъ опояски, босикомъ, распустивъ косы, пугать, съ какимъ либо намѣреніемъ, суевѣрныхъ. Много страшнаго разсказываютъ о послѣднемъ смертномъ часѣ вѣдьмъ, и въ этомъ отношеніи, онѣ также сравниваются со знахарями и кудесниками: душа не можетъ разстаться съ тѣломъ, и знающіе люди принимаютъ тутъ различныя мѣры— вынимаютъ доску изъ потолка, раскрываютъ уголъ крыши. Есть также повѣрье, что вѣдьмы встаютъ и бродятъ послѣ смерти, какъ колдуны; что вѣдьму можно приковать къ мѣсту, притянувъ тѣнь ея гвоздемъ; что ее должно бить наотмашъ, т. е. отъ себя, оборотивъ ладонь, и, наконецъ, повѣрье смѣшиваетъ вѣдьмъ иногда съ упырями, извѣстными исключительно на Украйнѣ и у южныхъ славянъ, и говорятъ, что вѣдьмы также по смерти сосутъ кровь изъ людей или животныхъ и этимъ ихъ морятъ. Для этого съ ними поступаютъ также, какъ съ колдунами: перевертываютъ въ могилѣ пичкомъ и пробиваютъ насквозь осиновымъ коломъ между лопатокъ. Вѣдьму отчасти смѣшиваютъ также съ вовкулаками или оборотнями, разсказывая, что она иногда подкатывается подъ ноги клубкомъ, или перекидывается въ собаку, волка, свинью, сороку, даже въ копну сѣна. Вѣдьмы же и сами портятъ людей и дѣлаютъ изъ нихъ оборотней. Есть разсказы о томъ, что, снимая шкуру съ убитой волчицы или съ медвѣдицы, къ общему изумленію людей, находили не волчью тушу, а бабу въ сарафанѣ, или въ юпкѣ и запаскѣ. Если найти черную кошку, безъ единаго бѣлаго волоска, сварить ее и выбрать всѣ кости, то можно найти кость-невидимку, которая служитъ вѣдьмѣ: сядь противъ зеркала и клади сподрядъ всѣ косточки поперемѣнно въ ротъ; какъ попадешь на невидимку, такъ и самъ исчезнешь въ зеркалѣ. Иные велятъ вмѣсто

этого просто варить кости черной кошки по ночамъ, покуда всѣ истаятъ, а одна только невидимка останется.

Извѣстны неистовства, которыя въ прежнія времена происходили по случаю обвиненія какой либо бабы въ томъ, что она вѣдьма; это въ особенности случалось въ южной Руси. Нѣтъ той нелѣпицы, какую бы не придумывали люди, отъ злобы, глупости, съ отчаянья или съ хитрымъ умысломъ, для искорененія вѣдьмъ и для исправленія настроенныхъ ими бѣдъ. Встарину народъ вѣрилъ, что вѣдьмы, или другого рода колдуньи могутъ держать обиліе, т. е. заключать въ себѣ и хранить огромные запасы денегъ, жита и даже звѣрковъ, доставлявшихъ промышленникамъ богатый пушной товаръ; на Украйнѣ подобное суевѣріе встрѣчается иногда понынѣ, въ особенности же относительно дождей и урожая.

Трава чернобыльникъ, по народному повѣрью, противная вѣдьмамъ и охраняетъ отъ нихъ дворъ и домъ.

Общее и единогласное повѣрье утверждаетъ, что въ Москвѣ нѣтъ сорокъ. По этому поводу ходитъ много разныхъ преданій: говорятъ, что сорока выдала боярина Кучку, убитаго въ лѣсу на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Москва, и что сорока за это проклята была умирающимъ; другіе разсказываютъ, что митрополитъ св. Алексій запретилъ сорокамъ летать на Москву, потому именно, что подъ видомъ сорокъ залетали туда вѣдьмы; и, наконецъ, есть преданіе будто онѣ прокляты за то, что у одного благочестиваго мужа унесли съ окна послѣдній кусокъ сыра, которымъ онъ питался.

Таинственныя пѣсни вѣдьмъ, состоящія изъ вымышленныхъ, безсмысленныхъ словъ, находятся въ извѣстномъ изданіи г. Сахарова. На Украйнѣ же перехо-

дитъ по преданію счетъ, будто бы употребляемый вѣдьмами: одіонъ, другіанъ, тройчанъ, черичанъ, подонъ, лодонъ, сукманъ, дукманъ, левурда, дыкса; одино, попино, двикикиры, хайнамъ, дайнамъ, сповелось, сподалось, рыбчинъ, дыбчинъ, клекъ.

X

ПОРЧИ И ЗАГОВОРЫ.

Если мы затѣмъ, независимо отъ сказаннаго, разберемъ нѣкоторыя повѣрья о порчѣ и сглазѣ, то найдемъ, что они принадлежатъ вовсе къ иному разряду, и именно, къ повѣрьямъ, гдѣ, какъ объяснено было выше, полезный обычай усвоилъ себѣ силу закона, посредствомъ небольшого подлога. Напримѣръ: новорожденное дитя безъ всякаго сомнѣнья должно держать первое время въ теплѣ, кутать и сколько можно оберегать отъ простуды; существо это еще не окрѣпло; оно должно научиться дышать воздухомъ и вообще витать въ немъ. Но такой совѣтъ не всякимъ будетъ принятъ; ничего, авось и небось—у насъ великое дѣло. Что же придумали искони старики или старухи? Они рѣшили, что ребенка до шести недѣль нельзя выносить, ни показывать постороннему, иначе-де его тотчасъ сглазятъ. Это значитъ, другими словами: дайте новорожденному покой, не развертывайте, не раскрывайте, не тормошите и не таскайте его по комнатамъ, а накрывайте слегка совсѣмъ и съ головою. Вотъ другой подобный случай: не хвалите ребенка—сглазите. Неумѣстная похвала, изъ одной только вѣжли-

вости къ родителямъ, безспорно, балуетъ ребенка; чтобы хозяину разъ навсегда избавиться отъ нея, а съ другой стороны уволить отъ этого и гостя, не совсѣмъ глупо придумали настращать обѣ стороны сглазомъ.

Средства, употребляемыя знахарями отъ сглазу или порчи, относятся большею частію къ разряду тѣхъ повѣрьевъ, гдѣ человѣкъ придумываетъ что нибудь, лишь бы въ бѣдѣ не оставаться праздным и успокоить совѣсть свою поданіемъ мнимой помощи. Прикусить себѣ языкъ, показать кукишъ, сплевывать запросто или въ важныхъ случаяхъ, съ особыми обрядами, слизывать по три раза и сплевывать, нашептывать, прямо или съ воды, которою велятъ умываться или даютъ ее пить, надѣвать бѣлье на-изнанку, утаивать настоящее имя ребенка, называя его другимъ, подкуривать волосомъ, переливать воду на уголь и соль, отчитывать заговоръ и пр.,—во всемъ этомъ мы не можемъ найти никакого смысла, если не допустить тутъ, и то въ весьма рѣдкихъ и сомнительныхъ случаяхъ, дѣйствіе той же таинственной силы, которая могла произвести самую порчу. Вспомните, однако же, что безсмысленное, въ глазахъ просвѣщенныхъ сословій, нашептываніе на воду, которой долженъ испить недужный, въ сущности близко подходитъ къ магнетизированію воды, посредствомъ придыханія, чему большая часть ученыхъ и образованныхъ врачей вѣрятъ, приписывая такой водѣ различныя, а иногда и цѣлебныя, свойства.

Относительно порчи вообще, уроки, извода, изуроченья, притки—должно сказать, что простолюдинъ всякое необыкновенное для него явленіе надъ человѣкомъ, какъ напр., падучую болѣзнь, пляску св. Вита, параличи разныхъ родовъ, косноязычіе, дрожаніе членовъ, малоуміе, нѣмоту и пр., называетъ порчей или

X

ПОРЧИ И ЗАГОВОРЫ.

Если мы затѣмъ, независимо отъ сказаннаго, разберемъ нѣкоторыя повѣрья о порчѣ и сглазѣ, то найдемъ, что они принадлежатъ вовсе къ иному разряду, и именно, къ повѣрьямъ, гдѣ, какъ объяснено было выше, полезный обычай усвоилъ себѣ силу закона, посредствомъ небольшого подлога. Напримѣръ: новорожденное дитя безъ всякаго сомнѣнья должно держать первое время въ теплѣ, кутать и сколько можно оберегать отъ простуды; существо это еще не окрѣпло; оно должно научиться дышать воздухомъ и вообще витать въ немъ. Но такой совѣтъ не всякимъ будетъ принятъ; ничего, авось и небось—у насъ великое дѣло. Что же придумали искони старики или старухи? Они рѣшили, что ребенка до шести недѣль нельзя выносить, ни показывать постороннему, иначе-де его тотчасъ сглазятъ. Это значитъ, другими словами: дайте новорожденному покой, не развертывайте, не раскрывайте, не тормошите и не таскайте его по комнатамъ, а накрывайте слегка совсѣмъ и съ головою. Вотъ другой подобный случай: не хвалите ребенка—сглазите. Неумѣстная похвала, изъ одной только вѣжли-

вости къ родителямъ, безспорно, балуетъ ребенка; чтобы хозяину разъ навсегда избавиться отъ нея, а съ другой стороны уволить отъ этого и гостя, не совсѣмъ глупо придумали настращать обѣ стороны сглазомъ.

Средства, употребляемыя знахарями отъ сглазу или порчи, относятся большею частію къ разряду тѣхъ повѣрьевъ, гдѣ человѣкъ придумываетъ что нибудь, лишь бы въ бѣдѣ не оставаться празднымъ и успокоить совѣсть свою поданіемъ мнимой помощи. Прикусить себѣ языкъ, показать кукишъ, сплевывать запросто или въ важныхъ случаяхъ, съ особыми обрядами, слизывать по три раза и сплевывать, нашептывать, прямо или съ воды, которою велятъ умываться или даютъ ее пить, надѣвать бѣлье на-изнанку, утаивать настоящее имя ребенка, называя его другимъ, подкуривать волосомъ, переливать воду на уголь и соль, отчитывать заговоръ и пр.,—во всемъ этомъ мы не можемъ найти никакого смысла, если не допустить тутъ, и то въ весьма рѣдкихъ и сомнительныхъ случаяхъ, дѣйствіе той же таинственной силы, которая могла произвести самую порчу. Вспомните, однако же, что безсмысленное, въ глазахъ просвѣщенныхъ сословій, нашептываніе на воду, которой долженъ испить недужный, въ сущности близко подходитъ къ магнетизированію воды, посредствомъ придыханія, чему большая часть ученыхъ и образованныхъ врачей вѣрятъ, приписывая такой водѣ различныя, а иногда и цѣлебныя, свойства.

Относительно порчи вообще, уроки, извода, изуроченья, притки—должно сказать, что простолюдинъ всякое необыкновенное для него явленіе надъ человѣкомъ, какъ напр., падучую болѣзнь, пляску св. Вита, параличи разныхъ родовъ, косноязычіе, дрожаніе членовъ, малоуміе, нѣмоту и пр., называетъ порчей или

изуроченьемъ. Не зная причинъ такихъ припадковъ, не постигая ихъ и отыскивая, по природному побужденію, ключъ къ загадкѣ, народъ все это приписываетъ вліянію злыхъ духовъ или злыхъ людей. Но повѣрье, что въ человѣка заползаютъ иногда гадины, змѣи, лягушки, жабы—повѣрье это, какъ въ послѣднее время дознано вполнѣ положительными и нисколько несомнительными опытами, не есть суевѣріе, а основано на довольно рѣдкихъ, истинныхъ случаяхъ. Я имѣлъ случай наблюдать сходное съ этимъ явленіе: солдатъ проглотилъ двѣ или три піявки, напившись ночью изъ какой-то лужи, и эти животныя спокойно жили, вѣроятно, въ желудкѣ человѣка, нѣсколько недѣль, покуда ихъ не извели ложкою соли, и ихъ выкинуло рвотой. Нѣсколько лѣтъ тому, не говоря о множествѣ другихъ примѣровъ, въ Ораніенбаумскомъ госпиталѣ пользовали человѣка, наблюдая за нимъ строжайшимъ образомъ, и болѣзнь кончилась тѣмъ, что его, въ присутствіи постороннихъ свидѣтелей, вырвало змѣей, которая, вѣроятно, до сего дня сохраняется въ спиртѣ; весьма недавно въ Кіевской губерніи одинъ жидъ, напившись болотной воды, сталъ чувствовать различные припадки, впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; страшную боль въ животѣ, движеніе, царапанье въ желудкѣ и пр., а между тѣмъ животъ вздувало. Наконецъ, отъ постояннаго употребленія простокваши и скипидара, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ вышло рвотой 35 лягушекъ, разной величины и всѣхъ возрастовъ; свидѣтелей было при этомъ много, неоднократно, и между прочимъ самъ врачъ. Лягушки принадлежали къ одному обыкновенному виду, но отличались блѣдностью и нѣжностью кожи.

Заговоръ отъ крови, отъ поруба, или вѣрнѣе, отъ кровотеченія, по моему мнѣнію, объясняется всего проще тѣмъ, что почти всякое кровотеченіе изъ кро-

вяной (не боевой) жилы, изо всѣхъ подкожныхъ и вообще мелкихъ сосудовъ, останавливается черезъ нѣсколько времени самою природою, и что это именно дѣлается тогда, когда на рану ляжетъ кровяная печенка, а подъ нею клейкая пасока, которая, сгустившись, затянетъ всю поверхность раны. Опасно только кровотеченіе изъ разрѣзанныхъ крупныхъ боевыхъ сосудовъ, кои вообще лежатъ довольно глубоко, а потому рѣдко подвергаются такому насилію. Изъ нихъ алая кровь брызжетъ перемежающеюся струей, согласно съ ударами сердца. Кто не знаетъ этого во всей подробности, у кого нѣтъ въ этомъ дѣлѣ достаточной опытности и вѣрнаго взгляда—тотъ въ испугѣ готовъ вѣрить, что каждая рана угрожаетъ смертельнымъ кровотеченіемъ, а потому онъ и готовъ приписать чудесному средству обыкновенную и естественную остановку крови. На это можно только возразить, что многіе, свѣдущіе и опытные люди; хотя можетъ быть и негласно, утверждаютъ, будто они сами были свидѣтелями успѣшнаго заговора крови; но мы все-таки еще въ правѣ, вполнѣ довѣряя ихъ добросовѣстности, не довѣрять однако же ихъ опытности и вѣрности взгляда. Впрочемъ, если допустить, что глазъ, придыханіе, извѣстное движеніе рукъ или пальцевъ и сильная воли человѣка могутъ возмутить равновѣсіе или вообще направленіе жизненныхъ силъ другого, то не вижу, почему бы считать положительной сказкой примѣненіе магнетизма и къ этому частному случаю, т. е., къ кровотеченію? Я не утверждаю, чтобы это было такъ; я даже думаю, что нужно еще много добросовѣстныхъ и весьма затруднительныхъ розысканій на дѣлѣ, для рѣшенія этого вопроса; но я предостерегаю только отъ лжепросвѣщеннаго отрицанія всезнайки, которое всегда и во всякомъ случаѣ вредно. Не вѣрю, покуда меня не

убѣдятъ; но самую возможность отрицать не смѣю. Я съ крайнею недовѣрчивостью буду слѣдить за дѣйствіями знахаря, заговаривающаго кровь; но не менѣе того, буду наблюдать и розыскивать, полагая, что предметъ этотъ достоинъ вниманія и розысканія.

Есть также повѣрье, что при сильномъ теченіи изъ носу должно взять замкнутый висячій замокъ и дать крови капать сквозь душку: кровь должна остановиться. Это, вѣроятно, придумано, чтобы успокоить человѣка, дать ему болѣе терпѣнья, давъ забаву въ руку, и усадить спокойно на одно мѣсто. Другіе совѣтуютъ, вмѣсто того, взять въ каждую руку по ключу и по куску мѣлу и стиснуть кулаки; или подсунуть кусочекъ бумажки или дробинку подъ языкъ и проч. Кажется, все это придумано для того, чтобы не быть въ это время безъ дѣла и безъ совѣта, а подать хотя мнимую помощь; равно и для того, чтобы угомонить человѣка и успокоить его. При кровотеченіи изъ носу, дѣлаютъ также слѣдующее: рукою противной стороны, изъ которой ноздри идетъ кровь, достаютъ, подъ локоть другой руки, поднятой кверху, мочку уха; вскорѣ, какъ увѣряютъ, кровь останавливается. Само собою разумѣется, что всѣ средства эти тогда только могли бы быть признаны дѣльными, если бы они, при опасныхъ или продолжительныхъ кровотеченіяхъ, оказались дѣйствительными, въ чемъ, конечно нельзя не усомниться.

На заводахъ уральскихъ есть особый способъ заговаривать кровь, если во время работъ кто нибудь по неосторожности бываетъ сильно раненъ. Способъ этотъ относится до извѣстныхъ во всей Европѣ симпатическихъ средствъ, о коихъ частію будетъ говориться ниже, а частію уже говорилось выше. Если кто порубится или порѣжется сильно на работѣ, то на заводахъ есть для этого такъ называемая «тряпка»:

это простая бѣлая ветошка, напоенная растворами нашатыря; ее немедленно приносятъ, напояютъ кровью изъ раны и просушиваютъ исподволь у горна или печи, на огнѣ. Какъ тряпка высохнетъ, такъ, говорятъ, и кровь должна остановиться. При этомъ наблюдаютъ только, чтобы сушить тряпку *не круто*, чтобъ съ нея паръ не валилъ: иначе-де рана будетъ болѣть, разсорится.

По случаю этого страннообразнаго средства, нельзя не вспомнить повѣрья нашихъ предковъ, которое творило разныя чудеса и чары надъ человѣкомъ, посредствомъ крови его, волосъ или другихъ частей. На этомъ основано и у насъ повѣрье, особенно въ простонародіи, чтобы волосъ своихъ никогда и никому не давать и даже на память не посылать. Волосы эти, какъ говорятъ въ народѣ, могутъ-де попасться во всякія руки. Иные даже собираютъ во всю свою жизнь тщательно остриженные волосы и ногти, съ тѣмъ, чтобы ихъ взять съ собою въ гробъ, считая необходимымъ имѣть все принадлежащее къ тѣлу при себѣ; иначе потребуется въ томъ отчетъ. Суевѣрные раскольники дѣлаютъ это и съ другою, еще болѣе безсмысленною цѣлію, о коей будетъ говориться въ своемъ мѣстѣ. Врачи прежнихъ временъ предостерегали не ставить кровь, послѣ кровопусканія, на печку или на лежанку, утверждая, что тогда жаръ или воспаленіе въ больномъ усилится. Я, впрочемъ, и нынѣ зналъ образованнаго и опытнаго врача, который былъ того же мнѣнія и увѣрялъ, что дѣлалъ неоднократно опыты, которые его въ истинѣ этого дѣла вполнѣ убѣдили. По нынѣ извѣстнымъ и общепринятымъ законамъ природы, все это ни съ чѣмъ не вяжется и не можетъ быть допущено. Въ наше время кудесничество этого рода также извѣстно кой-гдѣ въ народѣ, и именно въ сѣверныхъ губерніяхъ: Архангельской,

Вологодской, Олонецкой, Пермской, Вятской; оно едва ли не перешло къ намъ отъ чуди, отъ финскихъ племенъ, кои сами въ теченіе вѣковъ обрусѣли. Тамъ безпрестанно слышишь о чудесахъ, о порчѣ, по злобѣ или мести, посредствомъ клока остриженныхъ волосъ или чаръ надъ поднятымъ съ земли слѣдомъ человѣка или надъ частицею крови его.

Близко къ тому повѣрье, или вѣрнѣе суевѣріе, заключается въ заломѣ или закрутѣ хлѣба на корню. Эту штуку злого знахаря, дѣлаемую изъ мести, не должно смѣшивать съ заломомъ травы, для заговора червей, о чемъ уже говорено было на своемъ мѣстѣ. Злой знахарь беретъ въ руку горсть стеблей хлѣбныхъ и, произнося заклятіе на хозяина этой нивы, ломаетъ хлѣбъ въ правую сторону, а закручиваетъ его въ лѣвую. Обыкновенно въ самомъ узлѣ залома находятъ немного золы, которая берется изъ печи того же хозяина; иногда кладутъ подъ закрутъ, кромѣ золы, также соль, землю съ кладбища, яичную скорлупу, распаренныя хлѣбныя зерна, уголь. Закрутъ можетъ быть разведенъ, по суевѣрію народа, только хорошимъ знахаремъ; въ противномъ случаѣ, хозяина нивы постигнетъ всякое бѣдствіе: домовины вымрутъ, домъ сгоритъ, скотъ падетъ и проч. Въ особенности опасно, по мнѣнію народа, сорвать или скосить закрутъ; если его недосмотрятъ во время и это сдѣлается, то бѣда не отвратима. Мнѣ самому случалось успокаивать мужика, на нивѣ коего сдѣланъ былъ закрутъ; я взялъ на себя развести его, увѣривъ испуганнаго мужика, что знаю это дѣло хорошо, а когда я вырвалъ весь кустикъ и зарылъ въ землю золу, уголь и соль, то все кончилось благополучно. Если некому развести закрута, то осторожные хозяева обжинаютъ его.

Заговоры отъ ружья, отъ орудія вообще не мо-

гутъ заключать въ себѣ никакаго смысла. У стрѣлковъ, ловцовъ, у охотниковъ есть, однакоже, какъ у всѣхъ промышленниковъ, особаго рода пріемы и повѣрья, кои довольно трудно изслѣдовать, потому что сущность ихъ обыкновенно скрывается подъ какимъ нибудь гаерствомъ. Травой Адамова голова окуриваютъ, въ Великій четвертокъ, силки и сѣти, коими ловятъ птицъ, и самое ружье окуриваютъ травою клюквы (или колюки), увѣряя, что оно тогда не боится заговора или порчи. Капканы вытираютъ дегтемъ или конскимъ навозомъ, съ разными наговорами— и если въ этомъ пошептываніи нельзя признать толкъ, то навозъ и деготь безспорно служатъ къ тому, чтобы звѣрь не причулъ человѣческаго духа. Не только простолюдины, но люди образованные разсказываютъ иногда, какъ очевидцы, престранныя вещи, близкія къ предмету настоящаго нашего разсужденія, напримѣръ: у одного грека-землепроходца, путешествовавшаго, по словамъ его, ко Св. мѣстамъ, была какая то ладонка, спасавшая отъ всякой пули. Надѣвъ на себя, онъ вызывалъ присутствующихъ офицеровъ стрѣлять по немъ; а когда никто на это не согласился, то онъ надѣлъ ладонку на лошадь, просилъ стрѣлять по ней и отвѣчалъ хозяину цѣну лошади. И на это не согласились, а избрали жертвою пѣтуха. Затѣмъ, пѣтуха привязали и сдѣлали по немъ, почти въ упоръ ружья, около десятка или болѣе выстрѣловъ дробью и пулей: пѣтухъ вскрикивалъ, подлеталъ, метался, но на немъ не было крови; онъ издохъ уже въ слѣдующую ночь, а, ощипавъ его, нашли, что онъ весь покрытъ синебагровыми рубцами.

Охотники и промышленники въ Сибири, въ особенности на выѣздахъ, боятся недоброй встрѣчи. Если кто, не пожелавъ охотнику добра, проговоритъ, встрѣтивъ его: ѣдетъ попъ, не стрѣлецъ — несетъ крестъ, не

ружье,—то уже никакой удачи на промыслѣ не будетъ. Поэтому тамъ всегда выѣзжаютъ тайкомъ, до свѣту, и прячутъ ружье. Самъ скажи о томъ, что ружье бываетъ съ чортикомъ; это значитъ, какъ станешь цѣлиться, такъ нечистый стоитъ прямо передъ тобой и держитъ утку за крылья, растопыривъ ихъ врозь; выстрѣлишь, убьешь—онъ броситъ и пойдетъ себѣ своимъ путемъ. Вообще заговоръ отъ ружья бываетъ различный; одинъ спасаетъ человѣка отъ всякаго оружія, другой портитъ извѣстное оружіе, лишаетъ только то или другое оружіе средства вредить, дѣлаетъ его негоднымъ. Въ числѣ множества разсказовъ объ этомъ предметѣ, находимъ между прочимъ также объясненіе, для чего заговоры эти такъ многословны; нѣкто заговорился отъ ружья, отъ пули свинцовой, мѣдной, желѣзной, чугунной, стальной, крылатой, пернатой—а отъ серебряной и золотой позабылъ, это узнали, да и убили его серебряной пулькой. Излишне кажется упоминать здѣсь, что заговоръ ружья или пистолета фигляровъ состоитъ въ томъ, что они искусно подмѣниваютъ оружіе, или вынимаютъ изъ него зарядъ. Есть также повѣрье, что отъ пули, облѣпленной воскомъ, никто заговориться не можетъ.

Заговоръ змѣй, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что сказано объ этомъ выше, если только справедливо, что сила ясеневаго дерева, листа, коры и золы дѣйствуетъ описаннымъ образомъ на змѣю. Если это такъ, то едвали это средство не можетъ служить намекомъ на рѣшеніе загадки, относительно нѣкоторыхъ другихъ; онѣ точно послушались его и прыгали со всѣхъ сторонъ въ миску. Но этотъ ларчикъ открывается очень просто и всякій можетъ сдѣлать тоже: чувствуя издали теплоту, блохи полагаютъ, что это должно быть животное, спѣшатъ со всѣхъ ногъ на него взобраться и попадаютъ въ просакъ. Это для нихъ хорошая ловушка.

Заговоръ и нашептываніе употребительны при вывихахъ, переломахъ и многихъ болѣзняхъ. Тутъ также доселѣ еще вовсе ничего не изслѣдовано, въ какихъ случаяхъ это только обманъ съ одной стороны, а легковѣрное воображеніе съ другой, и въ какихъ случаяхъ кроется что нибудь болѣе: т. е. дѣйствительное вліяніе физическихъ или животныхъ силъ. Это такое дѣло, которое уже явно смѣшивается съ народнымъ врачеваніемъ и потому только косвенно касается нашего предмета. Но весьма нерѣдко мы находимъ, подъ видомъ и названіемъ заговора отъ болѣзни, врачебныя средства, коимъ народъ охотнѣе вѣритъ подъ таинственной личиной заговора: напримѣръ, отъ криковъ младенцевъ, должно вытряхнуть изъ маковки всѣ зерна, налить туда теплой воды, взять ребенка, отнести его на чердакъ, подъ насѣстъ, гдѣ сидятъ куры, нашептать заговоръ, перевернуть ребенка черезъ голову, воротиться и дать выпить воду. Явно, что здѣсь ребенку дается легонькій сонный напитокъ; а чтобы онъ не перестоялся и не сдѣлался слишкомъ крѣпкимъ, то придумали опредѣлить время прогулкой на чердакъ, подъ насѣстъ и обратно. Собственно отъ вывиховъ и переломовъ конечно подобныя штуки представляютъ самую ненадежную помощь—и если съ заговоромъ не соединяется работа костоправа, что не рѣдко бываетъ—то нашептыванія эти приносятъ, конечно, много вреда, оставляя людей безъ помощи или устраняя всякое разумное пособіе.

Заговоры отъ *зубной боли* принадлежатъ къ числу весьма распространенныхъ и находятъ много заступниковъ, кои, по словамъ ихъ, столько разъ на себѣ испытали силу ихъ, что готовы положить за правду эту голову на плаху. Скажемъ то же, что о такъ называемыхъ симпатическихъ средствахъ вообще: если тутъ кроется что нибудь, то ученые наши объяснятъ это

современемъ, причисливъ сіи явленія къ животному магнетизму. Я бывалъ свидѣтелемъ тому, какъ заговоренная бумажка, или нашептываніе, или наложеніе руки на щеку мгновенно укрощали боль; но собственно на меня это не дѣйствовало и жестокая зубная боль продолжалась. Бабы говорятъ, что если кто разувается, всегда начиная съ лѣвой ноги, то у него никогда не будутъ болѣть зубы; цѣлый рядъ подобныхъ повѣрьевъ помѣщенъ нами ниже въ разрядъ шуточныхъ. Къ числу средствъ, кои даются отъ зубной боли съ наговорами, но помогаютъ иногда по естественнымъ причинамъ, принадлежитъ слѣдующее: положить на больной зубъ два обрубка круглаго корешка или прутикъ обыкновеннаго корня дикой земляники, и держать ихъ стиснувъ легонько зубы, чтобы палочки лежали одна на другой и не перекатывались. Усиліе это и однообразное напряженіе нерѣдко доставляютъ скорое облегченіе. Иные вѣрятъ что должно задушить крота двумя пальцами, или же вымазать пальцы кровью чернаго крота, чтобы пріобрѣсти силу исцѣлять зубную боль однимъ прикосновеніемъ руки. По опытамъ моимъ, это не подтвердилось.

Заговоры разнаго рода *на пчелъ*, относятся до, такъ называемаго, пчелинаго знахарства, изложеннаго довольно подробно у Сахарова. Но объ одномъ предметѣ можно бы написать цѣлую книгу, въ коей дѣльныя замѣчанія, основанныя на многолѣтнемъ опытѣ, но укутанныя въ таинственные и суевѣрные обряды, путались бы попеременно съ затѣйливыми или вовсе глупыми вымыслами празднаго воображенія. Есть, между прочимъ, повѣрье даже о томъ, что можно *дѣлать* пчелъ, наклавъ всякой всячины въ закупоренную бочку и поставивъ ее, съ извѣстными обрядами, на зиму въ омшеникъ.

Весьма близки, по значенію своему, къ заговорамъ,

а часто вовсе съ ними сливаются, и притомъ не облѣе ихъ изслѣдованы, такъ называемыя *симпатическія средства*. Сюда же принадлежатъ подвѣски, привѣски, подвязки, талисманы, амулеты, ладонки и проч. Суевѣріе объ особенномъ значеніи и силѣ каждаго изъ самоцвѣтныхъ камней перешло къ намъ съ Востока, изъ области поэзіи. Конечно, не можетъ настоять въ томъ никакого сомнѣнія, что большая часть повѣрій этого разряда также пусты и вздорны, какъ мнимое волшебное дѣйствіе самоцвѣтныхъ камней; но съ другой стороны, нельзя произнести приговоръ этотъ надъ всѣми, сюда относящимися, повѣрьями, хотя мы и не всегда находимъ удовлетворительное объясненіе загадки. Нѣкоторыя изъ сихъ средствъ только по странности своей и причудливому способу употребленія принадлежатъ, съ виду, къ симпатическимъ средствамъ, между тѣмъ какъ самое ихъ дѣйствіе основывается на давно извѣстныхъ законахъ природы. Такъ, напримѣръ, повязки на рукахъ и ногахъ, отъ лихорадки не только признаны дѣйствительными, но даже употребляются иногда врачами. Помощь ихъ основана, повидимому, на законахъ обращенія крови: повязки на рукахъ и ногахъ останавливаютъ возвратъ крови къ сердцу черезъ поверхностные кровеныя жилы (вены), и кровь не можетъ скопляться, во время озноба, во внутренностяхъ, отчего и происходитъ переломъ болѣзни. Для этого берется обыкновенно красная тесьма или гарусъ, коего девять нитокъ на шеѣ служатъ также предохраненіемъ для дѣтей отъ скарлатины и краснухи. Есть ли тутъ еще и своеродное дѣйствіе собственно краснаго гаруса, который преимущественно для сего употребляется, въ этомъ, конечно, должно усомниться. Я зналъ человѣка, который раздавалъ привѣски отъ лихорадки, нашептывая ихъ напередъ, и хотя онѣ мнѣ самому и нѣкоторымъ другимъ не помогали, но за то, подъ

личнымъ моимъ наблюденіемъ, много разъ немедленно прекращали болѣзнь, по крайней мѣрѣ, упорная лихорадка безъ всякихъ видимыхъ причинъ, съ того же дня, какъ таинственная ладонка была привѣшена, не возвращалась. Это былъ корень неизвѣстнаго растенія, указанный знахарю, по словамъ его, однимъ ссыльнымъ, которому онъ, на пути слѣдованія, оказалъ какую-то услугу. Замѣчательно было для меня вотъ что: испытавъ нѣсколько разъ силу этого корешка надъ больными и призадумавшись надъ нимъ по неволѣ, я могъ искать разрѣшенія загадки въ одномъ только воображеніи больныхъ. Итакъ, я взялъ другой, первый попавшійся мнѣ корешокъ, и сталъ его привѣшивать, выдавая за полученный отъ знахаря, къ лихорадочнымъ. Я повторилъ это, какъ нахожу въ запискахъ своихъ, на пяти разлиныхъ больныхъ, но безъ всякаго успѣха; всѣ они неохотно и безъ довѣренности дозволили повторить опытъ, привѣскою настоящаго корня; послѣ чего у двухъ изъ нихъ лихорадка немедленно отстала. Когда же у меня у самого была лихорадка, то мнѣ не помогла ни яичная пленка, ни привѣски, хотя я бралъ ихъ непосредственно отъ знахарей, исполняя строго всѣ ихъ предписанія. Привѣска отъ лихорадки нетопыри, лягушки и проч., вѣроятно, дѣйствуетъ наиболѣе посредствомъ настроеннаго воображенія, надобно одолѣть обычное отвращеніе отъ этихъ тварей, и нравственное волненіе также производитъ физическій переломъ. Привѣска написанныхъ на клочкѣ бумажки таинственныхъ словъ, или абракалабры, или пріемъ бумажки этой внутрь, въ видѣ пилюль, если только лихорадка испугается этого и покинетъ больного, по всей вѣроятности, также обнаруживаютъ силу свою посредствомъ воображенія, этого довольно могучаго рычага. Не иначе дѣйствуютъ, кажется окачиванія холодной водой черезъ оглоблю, или

въ лѣсу черезъ березку; привѣска птичьяго гнѣзда, бичевки, на которой удавлена собака; послѣдовательный пріемъ, прямо съ рѣки и на-тощакъ, нѣсколькихъ ложекъ воды, начиная въ первый день съ одной; также пріемъ замятой въ хлѣбномъ мякишѣ вши; впрочемъ насѣкомое это, какъ увѣряютъ, дѣйствуетъ врачебно и употребляется также для понужденія послѣда, послѣ родовъ. Варятъ также въ мочѣ больного три куриныя яйца, выносятъ ихъ, съ горшкомъ, въ муравейникъ, разбиваютъ и зарываютъ все вмѣстѣ. Когда муравьи уничтожатъ яйца, то лихорадка должна пропасть. Или больной долженъ проносить нѣсколько хлѣбныхъ зеренъ въ рукавицѣ, на голой ладони, во время приступа; потомъ сѣютъ ихъ, а когда взойдутъ, больной долженъ ихъ раздавить и растоптать. Завязываютъ въ лѣсу надъ головой больного два сучка березы, приговаривая: покинешь—отпущу, не покинешь—сама сгинешь. Пишутъ на бумажку абракалабра, извѣстнымъ треугольникомъ, или имя больного, молитву, или другія таинственныя слова и привѣшиваютъ къ больному; или остригаютъ волосы и ногти больного, просверливаютъ въ осинѣ дыру, затыкаютъ ее этимъ и заколачиваютъ камешкомъ; нечаянно, съ молитвой, окачиваютъ во время озноба водой, сажаютъ лягушку за пазуху и проч. Отъ судорогъ носятъ въ карманѣ мѣдный грошъ, кусочекъ сѣры и ржанаго хлѣба, или зашиваютъ въ подвязку сѣрый цвѣтъ.

XI

СИМПАТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА.

Отъ лихорадки народныхъ средствъ вообще чрезвычайно много; и это потому именно, что болѣзнь эта, поселяясь въ брюшной полости, исцѣляется противодѣйствіемъ на головной мозгъ. Зернистый перецъ, шубій клей, паутина, яичный бѣлокъ и тому подобныя снадобья не принадлежатъ, впрочемъ, вовсе къ средствамъ симпатическимъ и сила ихъ давно уже признана врачами. Болѣзни этой дано множество названій: лихоманка, трясучка, трясавица, комуха, кумаха; иногда ее ублажаютъ, величаютъ лихоманкой ивановной, чтобъ не обидѣлась, или боятся ее назвать; на Украйнѣ различаютъ 99 видовъ лихорадокъ, смотря по тому, отъ чего она прикинулась, называя ее *пидтынныця*, если она человѣка застала соннаго подъ тыномъ, на сырой землѣ; *веретенныця*, если баба допрялась до лихорадки: *гноевая*, если напала на спящаго на навозной кучѣ; *степовая*, если на переночевавшаго въ полѣ и проч. Есть и въ Россіи повѣрье, что лихорадокъ 9 крылатыхъ сестеръ, коихъ по временамъ нечистый спускаетъ съ цѣпей. Если одна изъ нихъ пролетомъ поцѣлуетъ человѣка, то или губы обмечетъ, или же на-

падетъ трясавица. Покидая одного больного, чтобы потрясти другого, сестры эти даютъ каждому временный покой. Иные мажутъ себѣ лицо сажей и переодѣваются въ чужое платье, чтобы лихорадка, воротившись, не узнала. Поэтому и скорый отъѣздъ въ другое мѣсто, какъ народъ толкуетъ, иногда спасаетъ отъ лихорадки; она потеряетъ человѣка и не найдетъ его. Отъ болѣзни этой, по мнѣнію народа, спасаетъ, между прочимъ, также восковой шарикъ, слѣпленный изъ 12-ти крошекъ воску, снятыхъ въ 12 разъ во время чтенія Страстей, отъ свѣчки, которая въ продолженіе службы зажигается, какъ извѣстно, 12 разъ. Отъ лихорадки же и вообще отъ злыхъ духовъ и порчи, выкапчиваютъ въ страстную пятницу крестъ на притолкѣ и надъ дверьми у входа, и притомъ свѣчой, принесенной съ Страстей. Но вотъ еще народное средство, которое я испыталъ разъ 30 и въ чрезвычайномъ дѣйствіи коего всякому легко убѣдиться, хотя и не такъ легко объяснить его и добиться до желаемаго смысла: передъ приступомъ лихорадки, за часъ или болѣе, обкладываютъ мизинецъ лѣвой руки, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ большой палецъ, внутренней пленой сыраго куринаго яйца; кожица эта вскорѣ прилипнетъ плотно и присыхаетъ, а чтобы уберечь ее, обматываютъ палецъ слегка тряпичкой. Отъ этого средства лихорадка, не всегда, но большею частію, покидаетъ недужнаго. Въ самое то время, когда бы ей слѣдовало быть, въ мизинцѣ появляется боль, иногда довольно жестокая, и начинаетъ стрѣлять вдоль локтя, иногда до самаго плеча. Вмѣсто вторичнаго приступа, бываетъ опять тоже, но только гораздо слабѣе, а за третьимъ разомъ все кончено. Замѣчу, что по опытамъ моимъ надъ самимъ собою и надъ другими: 1) плена эта не оказываетъ ни малѣйшаго дѣйствія надъ здоровыми; 2) иногда и у лихорадочныхъ, безъ явной

причины, бываетъ не дѣйствительна, и тогда ознобъ и жаръ идутъ своимъ порядкомъ и боли въ мизинцѣ нѣтъ: 3) или же дѣло принимаетъ обратный ходъ: мизинецъ рветъ и болитъ во время промежутковъ лихорадки, а приступы идутъ своимъ чередомъ, и притомъ боль на это время утихаетъ; 4) изрѣдка боль въ мизинцѣ, въ локтѣ и плечѣ бываетъ такъ сильна, что хворый не въ силахъ перенести ее и срываетъ плену; тогда боль исчезаетъ, а лихорадка вмѣсто того появляется; 5) также въ рѣдкихъ случаяхъ, по излеченіи симъ способомъ лихорадки, мизинецъ бываетъ покрытъ кровяницами и даже образуется нарывъ около ногтя, въ видѣ ногтоѣды. Я былъ однажды свидѣтелемъ случая, гдѣ весьма опытный и ученый врачъ приходилъ въ отчаяніе отъ недѣйствительности хинина и другихъ аптечныхъ средствъ противу злой лихорадки, грозившей ударомъ—а яичная пленка спасла больную! Бывшіе этому свидѣтелями врачи, безъ сомнѣнія, основательно утверждали, что средство это не есть симпатическое, а должно дѣйствовать иначе; но какъ именно и отъ чего, этого доселѣ никто не могъ мнѣ объяснить. Вотъ примѣръ такого явленія, взятаго изъ опытности простонародья, которое и не могло бы, кажется, заслуживать никакой вѣры; множество разумниковъ готовы при первомъ словѣ закричать: «вздоръ»; но я попрошу извѣдать дѣло на опытѣ, а потомъ судить и писать приговоръ! [1])

Народному повѣрью, что сердце лежитъ подъ грудной костью, подъ ложечкой—сердце болитъ, отвѣчаетъ

---

[1]) Кто бы повѣрилъ, что деревянная дощечка съ тремя магнитами на одномъ концѣ, свободно обращающаяся на иглѣ, поставленная въ комнатѣ и накрытая стекляннымъ колпакомъ, показываетъ, за полчаса впередъ, направленіе вѣтра! А между тѣмъ это вѣрно, открыто случайно и теперь занимаетъ всѣхъ ученыхъ.

по крайности и ученое, латинское названіе этого мѣста (sevobiculum cordis); а повѣрью, что душа сидитъ немного пониже, въ желудкѣ, соотвѣтствуетъ положеніе брюшныхъ нервныхъ узловъ, называемыхъ также брюшнымъ мозгомъ и сѣдалищемъ животной души. Кровь ходитъ, приступаетъ, говоритъ простолюдинъ; а ученый врачъ называетъ это конгестіями и оргасмомъ. Во всемъ этомъ есть смыслъ; мы иногда не понимаемъ народа, а онъ насъ; но рѣчи его не всегда такъ безсмысленны, какъ съ перваго взгляда кажутся.

У лекарокъ есть симпатическія средства *отъ бородавокъ:* разрѣзать яблоко ниткою, натереть бородавку обѣими половинками, сложить и связать ихъ тою же ниткою и закопать въ навозъ. Когда сгніетъ яблоко, тогда, говорятъ, пропадутъ и бородавки. Натираютъ также бородавки сырымъ мясомъ или свинымъ саломъ и закапываютъ его или отдаютъ собакѣ; дѣлаютъ на щепочкѣ столько зарубокъ, сколько у человѣка бородавокъ, прикоснувшись къ каждой соотвѣтствующею ей зарубкой; или вяжутъ на ниточкѣ, на алой шелковинкѣ, узелки, обмѣряя каждую бородавку вокругъ, и бросаютъ на дорогу; кто подниметъ щепку эту или шелковинку, на того перейдутъ бородавки. Во время убыли луны, поводятъ рукою по стѣнѣ, на которую падаетъ лунный свѣтъ, а потомъ поглаживаютъ бородавку тою же рукою. Это повторяется въ продолженіе цѣлой недѣли, и бородавка должна пропасть. Иные обводятъ пальцемъ сучокъ въ деревянной избѣ, куда падаетъ лунный свѣтъ, а потомъ водятъ по бородавкѣ. Обмываютъ также бородавку, три раза, дождевой водой, скопившейся въ лункѣ, ямкѣ большаго камня; иные смазываютъ бородавку пѣной или накипомъ отъ горящихъ сырыхъ сосновыхъ дровъ.

Отъ докучливаго *ячменя* есть множество симпатиче-

скихъ средствъ: уколоть ячмень зерномъ ячменя и отдать его курицѣ; обвести ячмень обручальнымъ кольцомъ и прочитать молитву; подавить ячмень кольцомъ, поцѣловать глазъ и сплюнуть; повѣсить иглу на ниткѣ передъ глазомъ и смотрѣть на нее. Довольно забавно видѣть въ домѣ барскомъ старуху, няню, у которой весь день болтается передъ глазомъ игла, привѣшенная къ головному платку. Отъ ячменя же, перво-или послѣдне-рожденный изъ братьевъ и сестеръ долженъ показать кукишъ больному глазу, но чтобы никого притомъ не было; иные совѣтуютъ говорить при этомъ: ячмень, ячмень, вотъ тебѣ кукишъ, что захочешь, то себѣ купишь; купи себѣ топорокъ, переселись поперекъ; приговаривая это трижды, провести по ячменю пальцемъ. Отъ *лишая* есть также много средствъ; наприм., взять поту съ окна, или слюней, обвести сучекъ въ бревнѣ избы, а потомъ лишай, и сказать: ни шире, ни далѣ, тутъ тебѣ и быть, на семъ мѣстѣ тебѣ и пропасть.

Отъ *желтухи*, берутъ въ руки живую щуку и глядятъ на нее, покуда она уснетъ. Отъ *курячей слѣпоты*, сидятъ надъ паромъ воловьей печени и ѣдятъ ее, и это средство было одобряемо нѣкоторыми врачами; но, испытавъ его много разъ, во время Турецкаго похода, я однакоже никогда не видалъ отъ него помощи. Отъ дѣтскаго недуга, *собачья старость*, вѣроятно, сухотка хребтоваго мозга, *перепекаютъ* ребенка, т. е. сажаютъ его на лопату и трижды всовываютъ на-скоро въ затопленную печь. Въ трудныхъ дѣтскихъ болѣзняхъ, гдѣ родители отчаяваются въ жизни ребенка, должно, по народному повѣрью, подать его нищей въ окно: если она приметъ его Христа ради, то онъ выздоровѣетъ. Это, конечно, поэтическое повѣрье, безъ всякаго другого значенья. Изгнаніе полунощника, или полунощницы, семью прутиками или сорочкою ребенка,

которую мѣряютъ взадъ и впередъ и на-крестъ ниткою, всучиваютъ между двухъ прядей ея и потомъ кладутъ подъ порогъ, чтобы народъ ее топталъ; леченіе переполоха выливкой,—все это должно почитать баснями, какъ и леченіе костоѣды, ногтоѣды и зубной боли вызовомъ, посредствомъ кипятка, на хлѣбный колосъ, какихъ-то волосатиковъ или червей; кладутъ по 3 пучка ржаныхъ колосьевъ по нѣскольку разъ на больное мѣсто и обливаютъ щелокомъ гречишной соломы. Откуда тутъ взяться волосамъ, или волосатикамъ, конхъ, по нашимъ понятіямъ, нѣтъ и быть не можетъ въ больныхъ членахъ—этого нельзя постигнуть. Все это или невинныя грезы, или необъясненныя доселѣ тайны, или, вѣроятнѣе, послѣднее убѣжище безпомощнаго отчаянья. Переполохъ (кажется, неправильно пишутъ: перепологъ), отъ переполошить, испугать, почитается слѣдствіемъ испуга ребенка, которому отъ переполоха надѣваютъ рубашонку задомъ напередъ. Переполохъ отъ собаки почитается не такъ опаснымъ, потому что она *вылаетъ* его сама же впослѣдствіи; но переполохъ отъ злого и молчаливаго гусака, кинувшагося на ребенка, почитается несравненно опаснѣе. Извѣстно, что укушеніе гусака бываетъ иногда ядовито и очень долго не подживаетъ. Если кто поперхнется или подавится, то совѣтуютъ класть ломоть хлѣба на темя, или тереть переносье указательнымъ пальцемъ правой руки. Утверждаютъ, что сверчки пропадаютъ, если въ комнатѣ повѣсить живаго рака за клешню, покуда онъ начнетъ портиться; что симъ же способомъ, повѣсивъ рака на деревѣ, можно согнать съ него всѣхъ гусеницъ; извѣстно, что самая близость сѣрныхъ ключей отнюдь не дозволяетъ разводить пчелъ; что газъ, употребляемый для освѣщенія комнатъ, хотя бы онъ, по хорошему устройству снарядовъ, не распространялъ ни малѣйшаго запаха, вредитъ однако же цвѣтамъ и вообще растеніямъ, кои

блекнутъ и листья съ нихъ обваливаются; что, сохраняя или перевозя въ бочкахъ и ящикахъ живыхъ раковъ, надобно остерегаться встрѣчи со свинымъ стадомъ; иначе раки внезапно всѣ засыпаютъ. Все это намеки такого рода, кои должны предостеречь насъ быть крайне осмотрительными въ приговорахъ своихъ. Но чтобы сверчки, тараканы, мыши ползли и бѣжали изъ дому *передъ пожаромъ*—этому конечно здравый разсудокъ отказывается дать вѣру. Или мыши и тараканы выбирались уже вслѣдствіе гари, т. е., ихъ выкурило, а черезъ сутки или болѣе пожаръ вспыхнулъ, или же злые люди когда нибудь воспользовались этимъ повѣрьемъ и сожгли домъ, изъ злобы, для грабежа, или просто для потѣхи, когда народъ замѣтилъ, что насѣкомыя выбираются изъ него и что быть худу. Говорятъ, если корова обнюхаетъ подойникъ, то молоко будетъ тягучее и легко сядется; чтобы исправить это, должно напоить изъ подойника быка. Соленые огурцы должно встряхнуть въ кадкѣ или боченкѣ, въ день Воздвиженія, тогда они лучше держатся; солить же ихъ на молодой мѣсяцъ, какъ и вообще объ эту только пору дѣлать всѣ заготовленія впрокъ. Объ этомъ обстоятельствѣ необходимо сказать нѣсколько словъ. Странно, что нѣкоторыя общеизвѣстныя истины упорно оспариваются или не признаются учеными нашими, тогда какъ господа ученые были бы обязаны наставлять народъ, указывать ему путь къ истинѣ и пользоваться для этого всѣми случайными открытіями, повѣряя ихъ на опытѣ и объясняя ихъ затѣмъ умозрѣніемъ, которое во всякомъ случаѣ тогда только строится не на вѣтеръ, когда ему неоспоримый опытъ служитъ основаніемъ. Всѣ хозяйки, хозяева и въ особенности мясники и солельщики въ цѣломъ свѣтѣ, въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Германіи, заготовляющіе солонину въ большомъ количествѣ для флотовъ, знаютъ очень хорошо, что

солонина, приготовленная во время полнолунія, никуда не годится и очень скоро портится. Это есть неоспоримая истина, которую всякій можетъ испытать на дѣлѣ; онъ будетъ наказанъ за невѣріе свое и выкинетъ вскорѣ весь запасъ. Какъ и почему, этого мы не знаемъ; но я не вижу, почему бы этому не быть, когда разнообразное вліяніе солнца, луны и другихъ небесныхъ тѣлъ на землю нашу и ея произведенія вообще давно признано, хотя доселѣ еще удовлетворительнымъ образомъ не объяснено. Скажемъ то же объ отношеніяхъ извѣстнаго женскаго періода къ разнымъ веществамъ, въ особенности же къ такимъ, кои находятся въ броженіи; между прочимъ, женщинѣ въ это время не должно подходить къ боченку, въ коемъ дѣлается уксусъ, иначе онъ испортится, не удастся. То же самое говорятъ и о хлѣбной квашнѣ. Увѣряютъ, что печеный хлѣбъ легко и скоро плѣсневѣетъ, въ то время, когда хлѣбъ на корню цвѣтетъ; что вино поэтому о ту пору легко портится и за нимъ нуженъ особый надзоръ; что объ эту же пору пятна краснаго вина, только не подкрашеннаго, гораздо легче вымываются изъ столоваго бѣлья, безъ употребленія къ тому особыхъ средствъ; что о ту пору, когда хлѣбъ цвѣтетъ, нельзя бѣлить холстовъ; словомъ, много есть въ народѣ и у хозяекъ нашихъ подобныхъ чудесъ на примѣтѣ, и я, не совѣтуя никому вѣрить всѣмъ имъ на слово, не думаю, однако же, чтобы было справедливо и благоразумно отвергать положительно все это, какъ нелѣпость, не удостовѣрившись въ томъ изъ многократнаго опыта.

Къ числу симпатическихъ привѣсокъ принадлежатъ, какъ упомянуто, ладанки, въ кои зашиваютъ, для охраненія отъ уроки, порчи, ладанъ и другія вещи и снадобья, иногда наговоренныя бумажки и проч. Туда же зашиваютъ такъ называемую природную сорочку мла-

денцевъ, родившихся въ рубашкѣ. Случайное обстоятельство это, заключающееся въ томъ, что плена или кожа яйца, по крѣпости своей, иногда не прорывается во время родовъ, а выходитъ цѣльная, содержа въ себѣ ребенка, почитается особеннымъ счастіемъ и предзнаменуетъ новорожденному всякаго рода благополучія. Смыслу въ этомъ конечно нѣтъ и быть не можетъ; не менѣе того, отъ этого повѣрья произошла и поговорка о счастливомъ человѣкѣ: онъ родился въ сорочкѣ.

XII

ПРИМѢТЫ.

Въ древней рукописной книгѣ «Иконопись», можетъ быть частію переведенной съ греческаго, или позаимствованной у грековъ, вставлены тутъ и тамъ, между описаніями постановки, положенія и одежды, любопытныя замѣтки о тайнахъ живописи, въ родѣ слѣдующихъ:

«Подзолотой пробѣлъ краски творить на яйцо, а яйцо бы свѣжее было, желтокъ съ бѣлкомъ вмѣстѣ сбить гораздо, да тутъ закинуть соли, ино краска некорчитца, на зубу крѣпка. И первое разбить, процѣдить сквозь платъ».

«Вначалѣ тереть мягко со олифою вохры, въ которой примѣшать шестую часть сурику. И истерши вложить въ сосудъ мѣдной и варить на огнѣ и прибавить малу часть скипидару, чтобъ раза 3 или 4 вскипало кверху, потомъ пропусти сквозь трепицы, чтобы не было сору, а какъ будетъ варитца, то хотя прибавить смолы еловой чистой пропускной».

«Трава на рѣкѣ на берегу ростетъ прямо въ воду. Цвѣтъ у нея желтъ, и цвѣтъ отъ нея отщипать да ссушить. Да камеди положить и ентарю прибавить да

стереть все вмѣсто и месить на пресномъ молокѣ. Пиши, что хошь, будетъ золото».

«Взять яйцо свѣжее отъ курицы молодушки и выпусти изъ него бѣлокъ чистой и положи въ желтокъ ртути и запечатать сѣрою еловою и положить подъ курицу, которая бъ по три цыпленка высиживала, и выпаря взять яйцо изъ подъ курицы и смѣшать спичкою чистою и будетъ яко золото и пиши на чемъ хочешь, перомъ или кистью».

Обратимся теперь ко второму разряду повѣрій, изобрѣтенныхъ первоначально для того, чтобы застращать человѣка, заставить малаго и глупаго, окольнымъ путемъ, дѣлать то, чего напрямикъ добиться отъ него было бы несравненно труднѣе. Эти повѣрья каждый мальчишка затверживаетъ съ тятей и мамой, повинуется имъ безотвѣтно и слѣдуетъ имъ безотчетно. Напримѣръ: не сорить, не ронять ни одной крошки хлѣба, иначе будетъ голодъ и неурожай; другими словами: хлѣбъ дорогъ, береги его и уважай его, какъ нужнѣйшій намъ Божій даръ. Если кто за обѣдомъ, не доѣвъ своего ломтя хлѣба, возьмется за другой, или отломитъ кусокъ отъ другого, то кто нибудь изъ близкихъ голодаетъ или будетъ терпѣть нужду. Это, какъ повѣрье, глупо; но какъ правило житейское, хорошо и полезно. Не мокать хлѣба въ сольницу, потому что крошки туда попадаютъ и соль, вещь покупная у мужика, засорится; не класть испеченный, особенно горячій хлѣбъ на горбушку, потому что она тогда легко отстаетъ и хлѣбъ въ промежуткѣ этомъ легко плѣсневѣетъ; кто ѣстъ хлѣбъ съ плѣсенью, будетъ хорошо плавать; другими словами: не прихотничайте, дѣти, ѣшьте сподрядъ хлѣбъ, каковъ ни есть. Скорлупу отъ выѣденныхъ яицъ должно давить на мелкія части, иначе, если она попадетъ на воду, то русалки построятъ себѣ изъ нея корабликъ и будутъ

плавать, на зло и смѣхъ крещенымъ людямъ; а если скорлупа останется на дворѣ и въ ней накопится дождевая вода, да сорока напьется, то у того, кто выкинулъ скорлупу, будетъ лихорадка. Сущность дѣла, вѣроятно, та, что скорлупа, выкинутая цѣликомъ, поважаетъ собакъ таскать яйца и даже учитъ куръ и утокъ наклевывать и выпивать ихъ. Кто, не разбирая постовъ, ѣстъ скоромное, у того будетъ рябая невѣста; почитая большимъ грѣхомъ не соблюдать постовъ, старики выдумали острастку эту для легкомысленныхъ ребятъ. Маленькимъ ребятишкамъ говорятъ также въ постъ, что молочко улетѣло на березку, и указываютъ на перваго веселенькаго воробья. Муха во щи залетѣла—счастье, придумано, конечно, для успокоенія брюзгливыхъ и прихотливыхъ. Ѣсть и читать въ одно и то же время не годится: память проглотишь; а врачи наши даютъ то же наставленіе, подкрѣпляя его только болѣе дѣльными доводами. Свистать въ комнатахъ почитается или грѣхомъ, или дурнымъ предзнаменованьемъ; вѣроятно потому, что въ жиломъ покоѣ, гдѣ люди есть, не всякому пріятенъ свистъ шалуна, который этимъ многимъ досаждаетъ; чтобы застращать его, говорятъ, что отъ этого домъ пустѣетъ. Повѣрье моряковъ, что въ тихую погоду можно насвистывать вѣтеръ, который отъ свиста мало по малу свѣжѣетъ, должно отнести къ тому, что въ безвѣтріе отъ скуки и нетерпѣнія морякамъ нечего дѣлать, и надо чѣмъ нибудь позабавиться. Порожней колыбели не качать, а то дитя жить не будетъ; этимъ унимаютъ старшихъ баловней, отъ которыхъ и безъ того въ тѣсной избѣ некуда дѣваться. Новорожденную должно купать въ бѣломъ бѣльѣ, чтобы была бѣла и нѣжна. Это не дурно придумано, для того, чтобы заставить неопрятную мать или мамку не мыть ребенка въ грязномъ бѣльѣ, отъ котораго и вода вся дѣлается

грязною, хотя многіе этого не понимаютъ. Черезъ порогъ не здороваться; поссоришься, либо дѣти нѣмыя будутъ. Невѣжливость здорованья черезъ порогъ, не давъ гостю войти, противна русскому хлѣбосольству, почему и придумали острастку. Не хорошо возвращаться, идучи отъ людей изъ дому, когда уже совсѣмъ собрался, одѣлся, простился и ушелъ, потому что это попустому тревожитъ хозяевъ; а если что забудешь и воротишься, то значитъ скоро опять свидѣться. Не заставляй пришивать пуговицы на себѣ, или зашивать платье, которое надѣто; пришьютъ тебѣ память. Это явно выдумка хозяекъ нашихъ, которымъ весьма неловко чинить платье на нетерпѣливомъ супругѣ, если онъ не хочетъ раздѣться и еще торопитъ. Кто свищетъ въ ключъ, занятіе не для всѣхъ слушателей пріятное, тотъ просвищетъ память, позабудетъ, гдѣ что положилъ. Кто, сидя, отъ бездѣлья ногами болтаетъ, тотъ чорта качаетъ; этимъ просто отучаютъ отъ дурной привычки. Ребенка до шести недѣль никому не показывать, т. е., не раскрывать и не выносить; ребенка до году не стричь, и притомъ стричь въ великій четвертокъ, разъ въ годъ! и многіе врачи совѣтуютъ то же, полагая, что стричь ребенка должно только на весну, а ни когда попало. Беременной не велятъ заготовлять бѣлья для младенца, а то онъ жить не будетъ [1]). Это значитъ: такъ какъ ей работать и шить тяжело, то ей обязаны помогать другія, а кто помогаетъ обшивать невѣсту, тотъ помолодѣетъ—и это придумано съ добрымъ разсчетомъ. Кто, выстригшись, кинетъ куда нибудь волоса, у того

---

1) Общее и повсемѣстное повѣрье, что встрѣчный предметъ, особенно непріятный, имѣетъ вліяніе на роды беременной женщины и даже на наружность ребенка, существуетъ также въ Россіи и притомъ во всѣхъ сословіяхъ

голова будетъ болѣть; должно собрать ихъ въ кучу, свертѣть и заткнуть подъ стрѣху или въ тынъ, подальше: это, при неопрятности крестьянъ нашихъ, не дурное правило; иначе, можетъ быть, по всей избѣ и по двору валялись бы кучи обстриженныхъ волосъ. Впрочемъ, о повѣрьяхъ касательно соотношеній разныхъ частицъ, взятыхъ отъ плоти нашей, къ живому тѣлу и объ основанныхъ на этомъ чарахъ,—было говорено выше. Коли домовой завьетъ у лошади по своему гриву, то не трогать ее, а то онъ разсердится и испортитъ лошадь: правда, космы въ гривѣ—это болѣзнь, родъ колтуна, и если ихъ остричь, то лошадь всегда почти захвораетъ. Порядочнымъ людямъ грѣшно купаться послѣ Ильина дня (20-го іюля); а послѣ Ивана постнаго (29-го августа) грѣшно уже всякому, даже и сорванцу, потому что въ концѣ іюля вода дрогнетъ, какъ говорится, и зацвѣтаетъ; а въ концѣ августа она холодна и ребятишки, набѣгавшись напередъ легко простужаются. Яблоки грѣшно ѣсть до Спаса, а орѣхи прежде Воздвиженья, это основано на томъ, что до сихъ сроковъ яблоки и орѣхи рѣдко вызрѣваютъ и что ребятишекъ трудно удержать отъ незрѣлаго, нездороваго лакомства, если не настращать ихъ и не увѣрить, что это грѣшно. Слово грѣшно, въ народномъ преданіи, отвѣчаетъ извѣстному *табу* островитянъ Южнаго океана и заключаетъ въ себѣ понятіе о строгомъ запрещеніи, не входя въ смыслъ, значеніе и причины его. Если кто бьетъ домашнихъ своихъ лучиной, какъ иногда привыкли дѣлать злыя старухи, тотъ самъ изсохнетъ какъ лучина; не дурно, если бы всѣ этому свято вѣрили. Кто въ большой праздникъ проспитъ заутреню, того купаютъ, бросаютъ съ размаху въ воду, или обливаютъ—обычай старинный, запрещенный даже особымъ указомъ 1721 года апрѣля 17-го. Вдова не должна быть въ церкви, когда вѣн-

чаютъ, потому что въ такое время вдова напоминаетъ молодымъ непріятное и тѣмъ нарушаетъ общее веселье. Ключей не класть куда попало на столъ, иначе выйдетъ ссора въ домѣ, а класть ихъ всегда на опредѣленное мѣсто, въ сторонѣ. Это повѣрье удивительно полезно и справедливо: какъ только хозяйка станетъ раскидывать ключи по столамъ, куда попало, то непремѣнно вслѣдъ затѣмъ станетъ искать ихъ, обвинять и подозрѣвать другихъ, и выйдетъ брань и ссора. Перебравшись на новое жилье, въ старомъ не покидать сору, тряпья, черепковъ и проч. Во-первыхъ, это де подастъ поводъ обвинять васъ въ колдовствѣ, а во-вторыхъ, и васъ можно надъ этимъ изурочить. Въ сущности же, полезное повѣрье это велитъ всякому, выбираясь изъ дому, выметать хоть сколько нибудь жилье, гдѣ доведется вслѣдъ затѣмъ жить другому. Корова съ подойникомъ продается, а лошадь съ недоуздкомъ: это должна быть выдумка дешевыхъ покупателей и хозяйственныхъ скопидомокъ, и дѣло вошло въ обычай; продавцу, взявъ деньги, можно придать къ скотинѣ такую бездѣлку, притомъ и необходимую при самой покупкѣ, а покупателю все годится какъ Осипу Хлестакова. Не должно спрашивать хозяйку, сколько у ней дойныхъ коровъ, сколько куръ несется, сколько насѣдокъ; это значитъ, кажется: не заботься о чужомъ хозяйствѣ. Съ кладбища, съ похоронъ, ни къ кому не заѣзжать: привезешь смерть въ домъ; или же, возвратившись, приложить ладони трижды къ печи: это не есть повѣрье простолюдина, а изобрѣтеніе нашихъ старушекъ, которыя боятся смерти и не любятъ объ ней вспоминать. Покойника должно какъ можно скорѣе снять съ постели и положить на столъ; душа его мучится за каждое перышко въ перинѣ и подушкѣ; это крайне дурное, безчеловѣчное повѣрье, которое причиною тому, что у насъ

весьма нерѣдко человѣка еще заживо стаскиваютъ съ постели и тормошатъ на всѣ лады, также придумано досужливыми вѣщуньями, коимъ вездѣ и до всего дѣло и которыя не могутъ дождаться часу, гдѣ до нихъ дойдетъ очередь распоряжаться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безсмысленная и наглая услужливость ихъ доходитъ до того, что онѣ стаскиваютъ умирающаго съ одра смерти и торопятся обмыть и одѣть его, покуда онъ еще не остылъ, можетъ быть, покуда онъ еще дышитъ. Первоначально всѣ обычаи, относящіеся къ этой торопливости, возникли, вѣроятно, отъ желанія кончить, какъ можно скорѣе, печальные обряды и дать осиротѣвшимъ покой; но это употребили во зло, самымъ непростительнымъ, безчеловѣчнымъ образомъ. Повѣрье, что у грѣшника ангелы душу сквозь ребра вынимаютъ, чтобы она только не досталась сатанѣ, принадлежитъ къ числу вымысловъ поэтическихъ и также къ числу суевѣрныхъ острастковъ; подробный разсказъ о томъ, какъ это дѣлается, можетъ быть удержитъ иного отъ дурного поступка.

Если гости уйдутъ домой, послѣ обѣда или ужина, прежде, чѣмъ скатерть снята со стола, то женихи откажутся отъ хозяйскихъ невѣстъ; у насъ говорятъ, вмѣсто этого, просто: невѣжливо бѣжать отъ стола, какъ отъ корыта, и это выходитъ на то же. Какое-то естественное приличіе требуетъ посидѣть, поблагодарить хозяйку, дать ей время управиться немного съ хозяйствомъ и не принимать такого вида, будто пришелъ съ тѣмъ только, чтобъ накушаться и уйти. Разбить посуду, стекло во время какого нибудь пира или празднества, свадьбы, крестинъ и пр.,—хорошая примѣта. Безъ сомнѣнія, это хорошее повѣрье сочинено для того, чтобы разбитая рюмка или стаканъ не нарушили спокойствія и удовольствія хозяйки, а съ тѣмъ вмѣстѣ не лишили бы гостей веселаго расположенія.

Кто змѣю убьетъ, тому прощается 40 грѣховъ. Это поощреніе, конечно, изобрѣтено бабами, которыя боятся змѣй. Кто 40 покойниковъ проводитъ, тому отпускается три тяжкіе грѣха—выдумка охотницъ до кутейныхъ пирушекъ. Не годится прощаться и уходить, если у хозяйки не допита чашка чаю, и точно, не годится, можно обождать, покуда она ее допьетъ. Бабѣ грѣшно рѣзать или колоть птицу, а четвероногое животное и подавно; это долженъ дѣлать мужчина. Въ этихъ повѣрьяхъ обычай, приличіе, взаимныя правила житейской вѣжливости соединяются въ суевѣріи; оно заставляетъ народъ исполнять то, что другими способами трудно было бы завести. Въ послѣднемъ по мѣрѣ мы видимъ отговорку или оправданіе женщинъ, коихъ чувство противится нанесенію смертнаго удара, или у коихъ рука не поднимается на утку или курицу.

Обратимся къ *третьему разряду* повѣрьевъ, къ такимъ, кои въ сущности своей основаны на опытѣ, на замѣчаніяхъ, но которыя при всемъ томъ къ каждому частному случаю примѣнены быть не могутъ, потому что въ нихъ есть только общій смыслъ. Сюда относятся замѣчанія о погодѣ, объ урожаѣ, или такъ называемый календарь земледѣльца. Зима безъ трехъ подзимковъ не живетъ; черезъ 6 недѣль послѣ перваго снѣга съ морозомъ, становится зима; въ день Благовѣщенія и Свѣтлаго Христова Воскресенія бываетъ одинаковая погода; въ день Алексѣя Божьяго человѣка, 17-го марта, разверзаются всѣ подземные источники; въ день Преполовенія, и въ день Казанской Богоматери, 22 октября, всегда идетъ дождь; въ день Иліи пророка всегда бываетъ громъ—а къ этому уже досужіе толкователи прибавляютъ: а если не будетъ грома, то въ этотъ годъ *кого нибудь* убьетъ грозою или зажжетъ домъ. Рѣки вскрываются, когда дня бываетъ 14 часовъ, это повѣрье со средней Волги, и тамъ оно под-

ходитъ довольно близко къ истинѣ. Если бѣлякъ-заяцъ рано бѣлѣетъ, и когда зайцы съ осени жирны, когда хомякъ таскаетъ рано большіе запасы, — то будетъ внезапная и холодная зима. Если пчелы рано закупориваются, то будетъ ранняя и строгая зима, и наоборотъ: когда онѣ заводятъ въ другой разъ дѣтку, то будетъ продолжительная и темная осень. Не знаю, до какой степени всѣ эти примѣты вѣрны, но нельзя утверждать, чтобы у животныхъ не было какого-то, для насъ вовсе непонятнаго, предчувствія относительно погоды. Извѣстно, напримѣръ, всякому, что скотина глухо мычитъ передъ дождемъ и бурей, дышитъ и роетъ землю; собака скучаетъ и ѣстъ траву; пѣтухи кричатъ взапуски съ лягушками; воробьи и утки купаются въ пыли, на сухой землѣ; галки съ крикомъ вздымаются высоко, роями; ласточка ширяетъ низко; на морѣ морская свинка играетъ, бурная птица является внезапно и скользитъ по волнамъ; на этомъ и основаны живые барометры; зеленая лягушка, піявица, рыба вьюнъ предвѣщаютъ довольно вѣрно погоду, если держать ихъ въ склянкѣ съ водою. Нерѣдко человѣкъ предчувствуетъ ведро и ненастье: мозоли болятъ, пальцы горятъ, ломота появляется въ раненыхъ или ушибенныхъ членахъ и проч. Есть люди, кои безотчетно, по какому-то темному, но вѣрному чувству, угадываютъ близость кошки, какъ бы она ни спряталась. Если солнце красно заходитъ, то на другой день будетъ вѣтренно; если пасолнца является, то это на морозъ. Передъ ненастьемъ, табакъ льнетъ къ крышѣ табакерки, какъ замѣчаютъ табачники; передъ ведромъ крышка ослабѣваетъ. Горничныя наши знаютъ, что послѣ дождя и передъ вѣтромъ подушки и перины дѣлаются, какъ онѣ говорятъ, легче, выше вздуваются. Такимъ образомъ, разсматривая собственно повѣрья, основанныя на правильныхъ замѣчаніяхъ, но не всегда

вѣрно примѣняемыя, мы невольно опять возвратились къ повѣрьямъ сочувственнымъ или симпатическимъ, какъ мы и впередъ оговорились, сказавъ, что всѣ принятые нами разряды незамѣтно другъ въ друга переходятъ. Если лучина трещитъ, когда горитъ, и мечетъ искры, то будетъ ненастье. Это довольно вѣрно: значитъ, лучина отсырѣла болѣе обыкновеннаго и воздухъ вообще сыръ. Если кошка спитъ, подвернувъ голову подъ брюхо, то это зимой на морозъ, а лѣтомъ къ ненастью. Сюда же принадлежатъ повѣрья и примѣты относительно ожидаемаго урожая, и между ними есть такія, кои достойны всякаго вниманія; напримѣръ, крестьянинъ замѣчаетъ, какъ колосъ зацвѣтаетъ: снизу, со средины, или сверху; чѣмъ ниже, тѣмъ дешевле будетъ хлѣбъ, а чѣмъ выше, тѣмъ дороже. Другими словами: здоровый и обильный колосъ всегда долженъ зацвѣтать снизу; тогда можно надѣяться на урожай, если градъ не побьетъ и червь не поѣстъ, и тогда хлѣбъ будетъ дешевъ; а чѣмъ выше колосъ зацвѣтаетъ, тѣмъ менѣе онъ дастъ, потому что плевелки ниже цвѣта всегда бываютъ пусты и не даютъ зерна, и, стало быть, тѣмъ дороже будетъ хлѣбъ. Зимняя опока на деревьяхъ обѣщаетъ, какъ говорятъ, хорошій урожай на хлѣбъ; урожай на орѣхи обѣщаетъ обильную жатву хлѣба на грядущій годъ, покрайней мѣрѣ замѣчено, что сильный урожай на орѣхи и на хлѣбъ никогда не бываетъ вмѣстѣ; что, кромѣ того, никогда не бываетъ большого урожая на орѣхи два года сряду; стало быть, при обиліи въ орѣхахъ, ихъ на слѣдующій годъ не будетъ, а, вѣроятно, будетъ урожай на хлѣбъ. Когда рябина сильно цвѣтетъ, то будетъ, говорятъ, урожай на овесъ; много ягодъ на рябинѣ предвѣщаетъ строгую зиму, можетъ быть, если предположить, что природа заготовляетъ на этотъ случай кормъ для птицы. Посему и заготовляютъ тогда рябинный квасъ, слабитель-

ный и прохладительный, предсказывая на зиму воспалительныя болѣзни, неразлучныя со строгою зимою. Если день Богоявленія (января 6) теплый, то хлѣбъ будетъ темный, т. е. густой; если ночь звѣздистая, то будетъ много ягодъ; а если, во время посѣва, у жуковъ подъ брюхомъ много яичекъ (вшей), то будетъ урожай; если они на переднихъ лапкахъ, то должно сѣять ранѣе, если на среднихъ, то позднѣе, а если на заднихъ, то еще позже. Послѣднія примѣты, вѣроятно, одна только шутка. На средокрестной недѣлѣ великаго поста, постъ преломляется пополамъ, пекутъ кресты, а ребятишекъ покрываютъ рѣшетомъ или кадкой и бьютъ сверху палкой, чтобъ слышали и помнили, какъ постъ переломился пополамъ. Судя по цѣнамъ въ день Ксеніи полузимницы или полухлѣбницы (янв. 24), заключаютъ объ урожаѣ и о цѣнахъ на хлѣбъ во весь предстоящій годъ. Съ этого дня остается ждать новаго хлѣба столько же времени, сколько ѣли старый. Февраль — широкія дороги — 4-го марта Герасима Гречевника. Въ день 40-ка мучениковъ, 9-го марта, прилетаютъ сороки и жаворонки, почему и пекутъ 40 жаворонковъ. Марта 17-го, Алексія Божьяго человѣка: Алексѣя съ горъ потоки, съ горъ вода, а рыба со стану, т. е., рыба трогается съ зимовья и трется подъ берегами. Марта 19-го Хрисанфа и Даріи; Даріи, желтыя проруби, замарай проруби; Марта 25-го, Благовѣщеніе, если морозъ, то будетъ много огурцовъ. Апрѣля 1-го, Маріи Египетской, зажги снѣга, или заиграй-овражки. Апрѣля 3-го ап. Иродіона: уставь или заставь соху, пора пахать подъ овесъ; когда заквакаютъ лягушки, то пора сѣять овесъ; когда появятся крылатые муравьи, сѣютъ хлѣбъ. Овесь сѣять хоть въ воду, да впору; а рожь, обожди часокъ, да посѣй въ песокъ. Въ великій четвертокъ морозъ, такъ и подъ кустомъ овесъ; а озимь въ засѣку не кладутъ, т. е. не вѣрь всходамъ съ осени. Снѣгу много, хлѣба

много, говоритъ народъ. Апрѣля 16-го, Ирины разрой берега. Апрѣля 25-го, Великомученика Георгія, выгоняютъ скотину. Если дождь, то въ этотъ годъ скотъ хорошо пойдетъ. Георгій везетъ корму въ торокахъ, а Никола (9 мая) возомъ. Мая 5-го, Ирины разсадницы: сѣютъ капусту. Это же время считается вѣтрянымъ и потому удобнымъ для паловъ, для выжиганія полей, потому что палъ, для безопасности, всегда пускается по вѣтру туда, гдѣ неопасно. Мая 13-го, муч. Гликеріи, Лукерья-комарница, появляются комары. Мая 14-го Исидора, садятъ огурцы. Мая 18-го, семи дѣвъ: сѣютъ первый ленъ. Мая 21-го Константина и Елены: ранній ленъ и поздняя пшеница. Мая 29-го, Ѳеодосіи волосяницы: рожь колосится. Мая 31-го, Еремія повѣсь-сѣтево: т. е., кончай посѣвъ. Іюня 13-го, Акулины гречушницы: сѣютъ гречу. 1-го іюля, Казанскія Богоматери, лучшій день для сбора касмахи или червца, который будто собирается изо всей окружности подъ одинъ кустъ; кто найдетъ его, найдетъ много вдругъ. Іюня 20, пророка Иліи: если дождь, то будетъ мало пожаровъ; всегда бываетъ громъ и гдѣ нибудь убиваетъ человѣка. Въ иныхъ мѣстахъ говорятъ еще, что въ этотъ день дана воля всѣмъ гадамъ и лютымъ звѣрямъ, а потому и нельзя выгонять скотину въ поле. Иные вѣрятъ также, что въ день Рождества Христова скотину не должно выпускать изъ хлѣвовъ. Въ Стефановъ день поятъ лошадей черезъ серебро. Августа 1-го, происхожденіе св. Древъ: первый Спасъ; можно ѣсть яблоки. Августа 13-го, Флора и Лавра, кончай посѣвъ ржи. Августа 23, св. Луппа, морозомъ овесъ лупитъ; первые утренники. Безъ воды зима не станетъ; дожди, потомъ слѣдуютъ подзимки, а тамъ морозы, которые раздѣляются на никольскіе, рождественскіе, крещенскіе, афанасьевскіе, стрѣтенскіе и, наконецъ, мартовскіе заморозки. Оттепели должны быть: михай-

ловскіе, 3-го ноября; введенскіе, 21-го ноября и проч. Августа 29-го, Іоанна Предтечи: не варятъ щей, потому что кочанъ капусты напоминаетъ усѣченную голову. Сентября 1-го, бабье лѣто, начало женскимъ сельскимъ работамъ; сентября 14-го, Воздвиженіе, кафтанъ съ шубой сдвинулся. Октября 22-го, Парасковіи-льняницы; пора мять ленъ. Ноября 26-го, Егорій съ мостомъ, а Никола съ гвоздемъ, декабря 6-го. О зимнемъ пути говорятъ: либо недѣли не доѣдешь до Благовѣщенья, либо недѣлю переѣдешь. Первый прочный, постоянный снѣгъ выпадаетъ ночью, а ценной сходитъ; это довольно вѣрно. 12-го декабря, солнце поворотилось на лѣто, а зима на морозъ. Если въ день Рождества Христова много инею, опоки на деревьяхъ, то будетъ урожай на хлѣбъ. Въ день Наума, 1-го декабря, въ Малороссіи отдаютъ дѣтей въ школу, полагая, что они тогда болѣе ума наберутся.

Въ южной Руси частью тѣ же, частью и другія повѣрья, о погодѣ, урожаѣ и проч., и въ особенности замѣчается игра словъ или созвучій, подающихъ поводъ къ повѣрью; напр., 23-го іюня, Іоанна Предтечи, смѣшиваютъ съ Крестителемъ и съ Купалою языческимъ и называютъ день Ивана-Купалы; Пантелеймона (27-го іюня) называютъ Палій и боятся въ этотъ день грозы; празднуютъ, мая 11, обновленіе Царяграда, иначе хлѣбъ выбьетъ градомъ; іюня 24, Бориса и Глѣба, называютъ *барышъ* день, и празднуютъ его для полученія во весь годъ барышей; если іюля 19, въ день Макрины, ясно, то осень будетъ сухая, а если *мокро*, тамъ ненастная. 24-го января, Ксеніи полухлѣбницы или полузимницы, замѣчаютъ цѣны на хлѣбъ: если поднялись, будетъ дорогъ, если нѣтъ, то наоборотъ. Февраля 2-го, въ день Срѣтенія Господня, лѣто встрѣчается съ зимою: коли снѣгъ мететъ черезъ

дорогу, то будетъ поздняя весна, а коли не мететъ, то ранняя, и проч.

Къ сему же и частью къ предъидущему разряду принадлежатъ и слѣдующія повѣрья, не относящіяся до календаря земледѣльца: если выкинетъ изъ трубы, то должно опустить въ нее живаго гуся: распустивъ въ испугѣ крылья, гусь, при этомъ паденіи, можетъ иногда погасить пламя. Извѣстныя пятнышки на лицѣ, въ родѣ веснушекъ, появляющіяся временно у женщинъ, называютъ *метежами*, и говорятъ, что внезапное появленіе ихъ есть вѣрный признакъ беременности. Въ этомъ повѣрьѣ есть истина; но она отнюдь не безусловна. Телятину ѣсть считаютъ грѣхомъ; вѣроятно, это произошло отъ хозяйскихъ разсчетовъ: во-первыхъ, деревенскія коровы перестаютъ доиться безъ телятъ; во-вторыхъ же, не разсчетъ съѣсть теленка, изъ котораго черезъ 2, 3 года выйдетъ полнорослая скотина. Кромѣ того, почитаютъ грѣхомъ ѣсть голубей, какъ священную птицу; не ѣдятъ зайцевъ и всѣхъ вообще слѣпорожденныхъ животныхъ и однокопытчатыхъ, т. е., съ нераздвоенными копытами, вѣроятно, на основаніи Ветхаго Завѣта. Угря не ѣдятъ, не признавая его рыбой; а какъ, по пословицѣ, въ полѣ и жукъ мясо, то разрѣшаютъ ѣсть угря, когда въ семи городахъ нельзя будетъ найти рыбы. Сома не ѣдятъ, потому что сомъ—чортовъ конь; рыба эта жирна, не вкусна и нездорова, кромѣ плеса, который идетъ въ пирогъ. Раковъ не вездѣ ѣдятъ; уральскіе казаки называютъ ихъ водяными сверчками и выкидываютъ изъ сѣтей. За то во многихъ мѣстахъ простолюдины не брезгаютъ грачами, галками и воронами; но сорокъ нигдѣ не ѣдятъ; по увѣренію бывалыхъ людей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи запекаютъ въ пироги полевыхъ мышей, подъ названіемъ *житничковъ*. Очень умно, если это дѣ-

лается; но я нигдѣ толкомъ не могъ о томъ допроситься.

Ямщикъ, если вы нанимаете его на протяжныхъ, ни за что не повезетъ барыню съ кошкой, увѣряя, что отъ кошки лошади худѣютъ; отъ табаку, напротивъ, по увѣренію извощиковъ, лошади добрѣютъ, и потому табакъ для нихъ кладь желанная. Извощики, съ коими рядились для отвоза изъ Ромна шерсти и табаку, за провозъ послѣдняго дѣлали маленькую уступку. Если вѣрить другому повѣрью, что чепракъ изъ барсовой кожи вреденъ для лошади, то можно допустить также однородное вліяніе кошки; я говорю только, что подобное дѣло сбыточно, хотя и не совсѣмъ вѣроятно. Такъ, напримѣръ, извѣстное вліяніе кошки на змѣю весьма замѣчательно: змѣя не боится самой злой собаки, напротивъ, самая злая и смѣлая собака сильно пугается змѣй; но лишь только подойдетъ къ ней кошка, какъ змѣя мгновенно свертывается въ клубокъ и, схоронивъ голову, лежитъ не смѣя дохнуть, не бѣжитъ, не защищается, и кошка смѣло ее грызетъ. Индюшки также заклевываютъ змѣй, преслѣдуя ихъ съ остервененіемъ; овцы пожираютъ ядовитыхъ тарантуловъ, отъ укушенія коихъ другія животныя умираютъ, по крайней мѣрѣ долго хвораютъ.

Суевѣріе, будто у скопы ядовитые когти, вѣроятно, вышло просто изъ того, что скопа довольно странная птица, соединяющая въ себѣ свойства хищныхъ и водяныхъ птицъ; она питается рыбой, хватая ее не клювомъ, а когтями.

Выше говорили мы объ остаткахъ язычества; христіанство вытѣснило ихъ изъ области вѣры, и они нашли пріютъ въ повѣрьяхъ или суевѣріяхъ.

Нельзя не отнести сюда всѣхъ суевѣрныхъ обрядовъ, соединенныхъ у простолюдиновъ съ обрядами

вѣры; ихъ много; всѣ пересчитать трудно. Обращаются, напримѣръ, въ извѣстныхъ случаяхъ, съ молитвою исключительно къ тому или другому св. угоднику, полагая, что тогда молитва будетъ лучше услышана; молятся отъ слѣпоты Казанской Богоматери; отъ глазныхъ болей—Минѣ Египтянину, Лаврентію Архидіакону, Логину сотнику; отъ болѣзней вообще,—Богородицѣ Всѣхъ Скорбящихъ; отъ головной боли—Іоанну Предтечѣ; отъ зубной боли—св. Антипію; отъ лихорадки—св. Марою, также Фотиніи или Василію Новому; отъ грыжи—Артемію; отъ безчадія—Роману чудотворцу, также св. Ипатію; отъ трудныхъ родовъ — Богородицѣ Ѳеодоровской или св. Екатеринѣ; если мужъ возненавидитъ жену—св. Гурію, Самону и Авивѣ; о согласіи супруговъ—св. Евангелистамъ; о здравіи младенцевъ—Богородицѣ Тихвинской, симеону Богопріимцу; отъ родимца—св. Никитѣ; отъ оспы,—Конону Саврійскому; о просвѣщеніи разума на грамоту—Козмѣ и Деміану; на иконное писаніе;—Іоанну Богослову; о сохраненіи отъ смерти безъ покаянія,—св. Палсію; объ изгнаніи лукавыхъ духовъ—св. Нифонту, или Марофу; о сохраненіи цѣломудрія—Мартиніану, Іоанну многострад., Моисею Угрину, Финаидѣ; отъ запоя—Бонифатію, также Моисею Мурину; отъ грозы—Богородицѣ Неополимой Купины, также Никитѣ Новгородскому; о ведренной погодѣ—св. Ильи; отъ потопа и бѣды на войнѣ и на морѣ—св. Николаю Чудотворцу; отъ скотскаго падежа—св. Флору и Лавру; о сохраненіи скота отъ звѣря—св. Георгію; онъ же защитникъ дѣвицъ и покровитель сельскихъ работъ; объ овцахъ,—св. Мамонту, или св. Анастасіи; о свиньяхъ,—св. Василію Великому; о пчелахъ—св. Зосимѣ и Савватію; о курахъ—св. Козмѣ и Деміану, или св. Сергію; о гусяхъ—св. муч. Никитѣ; о рыболовствѣ—св. Ап. Петру; о добромъ снѣ и грезахъ—де-

вяти мученикамъ; отъ вора и обидчика—Іоанну Воину; о обрѣтеніи покражи и бѣжавшихъ рабовъ—Ѳеодору Тирону; о укрощеніи гнѣва человѣка—Прор. Давиду; отъ очарованія—св. Кипріану и Устиніи,—и проч,

Многія изъ принадлежащихъ сюда повѣрьевъ до того тѣсно связаны съ народною поэзіею, что настоящій ихъ источникъ не всегда можетъ быть указанъ, особенно при малыхъ свѣдѣніяхъ нашихъ о до-христіанскомъ русскомъ мірѣ, въ существѣ своемъ также поэтическомъ. Сюда принадлежатъ обычаи, повѣрья и обряды въ различные праздники, столь подробно описанные г. Снегиревымъ. Напримѣръ, игры и обрядъ на Ивана Купала, колядованье на Рождество, щедрованье на Новый годъ, семикъ и проч. Сюда же принадлежитъ повѣрье, что въ пятницу грѣшно работать, а наши субботники, или русскіе жиды шабашатъ въ субботу, также обычай опахивать въ полночь деревню, впрягая дѣвокъ въ соху, чтобы избавиться отъ мора, отъ скотскаго падежа. Бабы и дѣвки ѣдутъ, верхомъ на помелахъ и лопатахъ и убиваютъ до смерти первую попавшуюся на встрѣчу живую тварь; это неистовыя вакханаліи, шабашъ вѣдьмъ, гдѣ въ прежнія времена нерѣдко случались убійства, для избавленія околодка отъ чумы. Вмѣсто того заливаютъ также въ одну ночь во всей деревнѣ огонь, а тамъ разносятъ по всѣмъ дворамъ древесный или живой огонь, добытый треніемъ; для него устраиваютъ родъ деревяннаго точила, которое послѣ хранятъ въ тайномъ мѣстѣ Этимъ же огнемъ поджигаютъ разложенное въ разныхъ мѣстахъ курево. Это средство извѣстно по всей южной и восточной границѣ Россіи, начиная съ Чернаго моря до Китая. Есть еще иное средство отъ падежа на скотъ: должно согнать съ вечера внезапно весь скотъ на одинъ дворъ и обставить его строго карауломъ. Съ разсвѣтомъ хозяева должны сами разбирать ско-

тину, каждый свою, выпуская ее осторожно по одной изъ ограды; останется одна корова лишняя, ничья: это-то и есть самая моровая, или коровья смерть, и ее должно взвалить на полѣницу и сжечь живьемъ. Эти повѣрья постепенно переходятъ къ поэтическимъ вымысламъ, въ коихъ видна игра воображенія, или духъ времени, или просто иносказаніе и народная поэзія, принимаемая нынѣ нерѣдко въ прямомъ, насущномъ смыслѣ за наличную монету. Напримѣръ: въ Благовѣщенье птица гнѣзда не вьетъ; если же она завьетъ гнѣздо или проспитъ заутреню, то у нея на время отымаются крылья и она дѣлается пѣшею. Къ послѣднему повѣрью, вѣроятно, подали поводъ подлини, птица, у коей правильныя перья вылиняли и которую тогда можно ловить руками. Въ день 40-ка мучениковъ, 9-го марта, когда пекутъ жаворонковъ, увѣряя, что они непремѣнно въ этотъ день прилетаютъ, говорятъ также, что сорока положила уже 40 палочекъ въ гнѣздо свое. Въ южной Россіи, ласточка есть представительница чистоты христіанской; воробей же, напротивъ, представитель жидовства. Къ повѣрью, что птица въ Благовѣщенье не вьетъ гнѣзда, присовокупляютъ: кромѣ окаяннаго воробья, который не знаетъ праздника. Въ день Благовѣщенья и въ Свѣтлое Воскресенье, между заутреней и ранней обѣдней, солнышко отъ радости играетъ, въ чемъ не трудно убѣдить кого угодно, заставивъ его смотрѣть прямо на солнце, оно заиграетъ въ глазахъ. Въ Петровъ день, 29-го іюня, солнце играетъ радугой на восходѣ, то выказывается, то опять прячется; въ ночь Іоанна Крестителя, на 6-е января, вода въ проруби играетъ и плещетъ. Если курица снесетъ яйцо въ Благовѣщеніе и его подсылить насѣдкѣ, то непремѣнно выйдетъ уродъ. Во все время между Рождествомъ и масленой, гдѣ цѣлый рядъ праздниковъ, грѣшно прясть. Если

дѣвка, или баба шьетъ, работаетъ въ заговѣнье, или по праздникамъ, то у нея будутъ заусеницы и ногтоѣдъ. Кто въ ночь родительской субботы, послѣ трехдневнаго поста, придетъ съ молитвой на погостъ, тотъ увидитъ тамъ тѣни тѣхъ, кому суждено умереть въ теченіе года. Повѣрье это принадлежитъ южной Россіи и Украйнѣ. Есть много преданій о томъ, что испытали и видѣли на томъ свѣтѣ обмиравшіе и очнувшіеся впослѣдствіи люди: страшные, для суевѣровъ, разсказы эти обыкновенно оканчиваются тѣмъ, что трехъ словъ нельзя сказать, нельзя выговорить; это было имъ запрещено и языкъ отымается при всякой къ тому попыткѣ; а въ этихъ-де трехъ словахъ и заключается все главное и существенное. На Украйнѣ, каждый человѣкъ, отговѣвъ, покупаетъ вязанку бубликовъ (баранковъ) и дѣлитъ ее со всѣми пріятелями, чтобы увидѣться съ ними на томъ свѣтѣ. При первомъ ударѣ колокола, во время благовѣста, мужикъ не перекрестится; за вторымъ перекрестится, за третьимъ поклонится. Коли звѣзда падаетъ, то это ангелъ за душой усопшаго полетѣлъ; а если успѣешь, не давъ угаснуть этой искоркѣ, пожелать чего нибудь, то оно исполнится; ангелы на этомъ перелетѣ никому ни въ чемъ не отказываютъ. Остригши ногти, собирать обрѣзки въ одно мѣсто; на томъ свѣтѣ придется по крутой горѣ лѣзть и ногти пригодятся. Это повѣрье принадлежитъ раскольникамъ. Для той же причины не велятъ бить кошекъ; онѣ тогда снабдятъ изъ дружбы своими когтями. Когда убираютъ подъ вѣнецъ невѣсту, то почетная, счастливая супруга должна ей вдѣть серьги; тогда молодая будетъ счастлива. Изстари водилось, что братъ невѣстинъ или другой мальчикъ долженъ въ продолженіе дѣвишника укладывать женіховы подарки, на дому у жениха, который привозитъ ихъ невѣстѣ; мальчикъ же долженъ обуть невѣсту подъ

вѣнецъ, подвязать ей подвязку и продать жениху косу ея; молодая, въ знакъ покорности, разуваетъ молодого, у котораго въ сапогахъ плеть и деньги; ударивъ жену слегка, онъ ее награждаетъ. У крестьянъ, новобрачныхъ укладываютъ не въ жилой избѣ, а въ пустой клѣти или другомъ мѣстѣ; стелютъ постель изъ сноповъ, и кладутъ именно 21 снопъ; дарятъ младенца на зубокъ, дарятъ и родильницу, подкладывая тайкомъ деньги подъ подушку. Во время вѣнца кто первый изъ новобрачныхъ ступитъ на подножіе, тотъ будетъ властвовать; у кого свѣча длиннѣе остается, или у чьихъ дружекъ, тотъ долѣе проживетъ; если вѣнецъ, для облегченія не надѣваютъ на голову невѣсты, то народъ считаетъ такой бракъ недѣйствительнымъ, незаконнымъ, и предсказываетъ бѣду; если же надъ головою уронятъ вѣнецъ, то и подавно. Молодыхъ иногда осыпаютъ деньгами, хмѣлемъ и хлѣбомъ; впрочемъ, большая часть сихъ и множество другихъ, сюда относящихся, обычаевъ не принадлежатъ собственно къ повѣрьямъ, а именно къ обычаямъ и къ числу празднествъ. Въ иныхъ мѣстахъ кладутъ подъ порогъ замокъ, въ то время, когда молодые идутъ къ вѣнцу, и лишь только они перешагнутъ порогъ, какъ вѣщія старухи берутъ замокъ, запираютъ его и хранятъ, а ключъ закидываютъ въ рѣку; отъ этого молодые будутъ жить хорошо. Если баба заспитъ младенца, то онъ, по народному повѣрью, дѣлается оборотнемъ, или по крайней мѣрѣ не будетъ принятъ въ число праведниковъ. Кромѣ того, мать должна идти на покаяніе и стоять 3 ночи въ церкви, очертившись кругомъ; въ первую ночь бѣсы будутъ только дразнить и казать ей младенца; во вторую будутъ его мучить и приглашать ее, чтобы она вышла изъ круга и взяла его; въ третью замучатъ его въ глазахъ матери до смерти, а сами исчезаютъ съ первыми пѣтухами, по-

кинувъ трупъ. Мать должна вынести все это; если же она перешагнетъ завѣтный кругъ, то сама сгинетъ, Встарину родители иногда скрывали крестное имя дитяти, его называя вовсе инымъ, въ увѣренности, что человѣка нельзя испортить, изурочить, не зная имени его. Есть изрѣдка также обычай, особенно когда дѣти не договѣчны, чтобы вслѣдъ за народившимся младенцемъ выйти на улицу, дать ребенку имя перваго встрѣчнаго человѣка и даже звать этого человѣка въ кумовья. Въ прощеный день (воскресенье, передъ чистымъ понедѣльникомъ) дарятъ другъ друга куличемъ, или огромнымъ пряникомъ (фигура), съ солдатиками или надолбами по краямъ и съ чашкой посединѣ; такой же пряникъ везутъ молодые, на другой день брака, къ родителямъ, которые имъ кладутъ деньги или подарки на пряникъ. Если смочитъ поѣздъ свадебный, то это счастье, какъ и вообще дождь означаетъ благодать, обиліе. Усопшихъ младенцевъ непремѣнно подпоясывать: во-первыхъ, для того, чтобы ихъ на томъ свѣтѣ по первому взгляду можно было распознать отъ татарчатъ и жиденятъ; во-вторыхъ, чтобы малюткамъ, гуляя по вертоградамъ небеснымъ, можно было собирать за пазуху виноградъ. Если ребенокъ умираетъ, то подать его нищенкѣ христа-ради въ окно; коли та, ничего не зная, приметъ его, помолится и посадитъ подъ избой, то будетъ живъ. Затмѣнія, какъ извѣстно, предзнаменуютъ, въ глазахъ народа, бѣдствія, чему вѣрили невѣжды почти во всѣ времена и во всѣхъ земляхъ. Явленія эти весьма приноравливались къ событіямъ настоящимъ, будущимъ или прошедшимъ и, по необычайности своей, всегда поражали умы народа, настроивали ихъ на ожиданіе чудесъ или бѣдствій.

У раскольниковъ есть много странныхъ повѣрьевъ, нерѣдко порожденія довольно дикаго, необузданнаго воображенія, кои иногда основаны на безграмотной

игрѣ словъ: кто пьетъ чай, отчаявается отъ Бога; кто пьетъ кофе, налагаетъ ковъ на Христа; хмель и табакъ произросли на могилѣ знаменитой блудницы,— хмель изъ головы, а табакъ изъ чрева. На этомъ основаніи вѣроятно хмель считается у нихъ благороднѣе табака, и многіе раскольники не чуждаются его, тогда какъ табака всѣ они не терпятъ, называя его смертельнымъ грѣхомъ. Раскольники въ особенности настоятельно требуютъ, чтобы остриженные ногти класть съ ними вмѣстѣ въ гробъ, и даже носятъ обрѣзки эти въ перстняхъ. Земля, по народному повѣрью, лежитъ на трехъ рыбахъ, китахъ, или даже на четырехъ; но одинъ изъ нихъ умеръ, отчего и послѣдовали потопъ и другіе перевороты; когда же перемрутъ они всѣ, то послѣдуетъ преставленіе свѣта. Между тѣмъ, когда киты эти, отлежавъ бока, начинаютъ оправляться да повертываться, то бываетъ трусъ, землетрясеніе. Иные, напротивъ того, утверждаютъ, что свѣтъ стоитъ на трехъ слонахъ. Прежде насъ жили на свѣтѣ *волоты*, великаны, а послѣ насъ будутъ *пыжики*, т. е. карлы. Народное повѣрье волотамъ назначаетъ мѣсто жительства въ вологодской сторонѣ; вѣроятно этому подало поводъ одно только сходство звуковъ. Народъ ожидаетъ преставленія свѣта непремѣнно въ одну изъ великихъ субботъ, передъ Троицей. Если по торной дорогѣ подымается столбовой вихорь, то это чортова свадьба, вѣдьма съ сатаной вѣнчается, или, по-крайней-мѣрѣ, возится; а потому, если кинуть въ вихорь этотъ ножъ, то онъ будетъ въ крови. Чума летаетъ уткой, а голова и хвостъ у нея змѣиные. Не садиться по 13-ти человѣкъ за столъ и не подавать другому соли; эти два повѣрья, какъ всякому извѣстно, напоминаютъ измѣну Іуды. Не дарить ни ножа, ни ножницъ, не принимать булавки, развѣ уколоть слегка подателя, или отдать грошъ, т. е. купить вещи эти. Взявъ отъ сосѣда прививку

плодовую, или отводокъ, также должно положить около дерева копѣечку, чтобы вѣтка хорошо принялась. Молодыхъ супруговъ сажаютъ на мохнатую шубу, въ ознаменованіе привольной жизни; велятъ также стричь ребенка на шубѣ: богатъ будетъ; когда ребенокъ впервые пойдетъ, то черкнуть ножемъ по землѣ между ногъ, что и называется перерѣзать путы. Если у ребенка долго зубы не рѣжутся, то проколоть черному пѣтуху гребешокъ, костянымъ или деревяннымъ гребнемъ, и кровью помазать десны. Это повѣрье, принадлежа отчасти къ разряду симпатическихъ средствъ, конечно, придумано для того, чтобы успокоить встревоженную мать, при такихъ обстоятельствахъ, гдѣ человѣческая помощь невозможна. Совѣтуютъ также надѣвать ребенку ожерелье изъ рачьихъ жерновинокъ, носить фіалковый корень и проч. Пожаръ отъ грозы заливать парнымъ молокомъ отъ черной коровы. Коли черная корова свечера впереди стада идетъ на село, то день будетъ ненастный, коли бѣлая, ясный. Коли корова перестанетъ доиться, то кто нибудь изъ счастливыхъ въ семьѣ, обыкновенно дѣвушка или ребенокъ, должны выкупить ее у хозяйки или у коровницы, за грошъ; корова называется съ того времени собственностью покупателя и будетъ опять доиться. Коли корова доится съ кровью, что, между прочимъ, случается-де оттого, когда, подъ брюхомъ у нея пролетитъ невзначай ласточка, то подоить ее сквозь обручальное колечко хозяйки; ласточка же пролетаетъ подъ коровой въ наказаніе за то, когда кто разоритъ у нея гнѣздо. Чтобы предупредить порчу свадьбы отъ недобраго кудесника, который-де не только сдѣлаетъ, что кони не пойдутъ со двора, но, пожалуй, оборотитъ и гостей и молодыхъ въ волковъ, всѣ гости и поѣзжане опоясываются, сверхъ рубахи, вязанымъ, а не плетенымъ, пояскомъ, въ которомъ тьма узелковъ. Кол-

дунъ ничего не можетъ сдѣлать, не развязавъ сперва всѣхъ узелковъ, или не снявъ съ человѣка такой поясокъ. Крестьяне разсказываютъ, что такіе оборотни, т.-е. волки, бывшіе когда-то свадебными гостями, попадаются; если подобнаго звѣря убьешь, то на немъ, къ крайнему удивленію всѣхъ крещеныхъ людей, найдешь подъ шкурой красную рубаху,—но только безъ опояски! Такъ дорого можно поплатиться иногда за небольшую оплошность! Есть повѣрье, что воронъ купаетъ иногда дѣтенышей своихъ въ великій четвертокъ, и приноситъ для этого воду въ гнѣздо свое въ выѣденномъ яйцѣ. Воронъ, ворона, грачъ, сычъ, сова, филинъ, пугачъ, иногда также сорока и кукушка, почитаются зловѣщими птицами, и притомъ не только у насъ, но почти повсюду. Если воронъ и филинъ кричатъ, сидя на кровлѣ, то въ домѣ быть покойнику. Ночныя птицы получили прозваніе зловѣщихъ, конечно, за дикій, непріятный крикъ, который, среди глухой ночи, иногда чрезвычайно непріятенъ; такъ наприм., пугачъ, большой лѣсной филинъ, завываетъ точно какъ человѣкъ, зовущій отчаянно на помощь; а иногда, какъ ребенокъ; иногда хохочетъ, стонетъ или ржетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что пугачу надобно принять на свой счетъ большую часть того, что разсказываютъ о лѣшемъ. Суевѣры носятъ при себѣ когти филина, чтобы отвратить отъ себя зло. Воронъ, ворона, сорока, грачъ, вѣроятно, попали въ этотъ разрядъ, какъ полухищныя, жадныя къ падали и до нестерпимости крикливыя, вѣщуньи. Иногда загадываютъ, сколько лѣтъ кому жить, и считаютъ, сколько разъ кукушка кукутнетъ. Отчего вообще птица, залетѣвшая нечаянно въ покои, особенно воробей, предзнаменуетъ бѣдствіе, смерть въ домѣ и проч., этого объяснить не умѣемъ; но птичка, залетѣвшая въ чистомъ полѣ прямо въ руки, а равно и гнѣздо, свитое гдѣ нибудь въ домѣ, бываетъ, какъ ду-

мають, къ добру. Не велятъ бранить пойманнаго сома, хотя это для рыбаковъ не находка, стращая тѣмъ, что водяной чортъ за такую брань отомститъ. Ласточку, голубя, пигалицу и синичку, по мнѣнію народа, бить грѣшно, за это бываетъ падежъ на скотъ. Есть еще повѣрье, что если собаки ночью воютъ, или когда онѣ роютъ норы, то будетъ въ домѣ покойникъ. Много разъ увѣряли тутъ и тамъ люди, что собаки, лошади или другая домашняя скотина предчувствовали, предугадывали смерть хозяина, и что животныя показывали это воемъ, мычаньемъ, ржаньемъ, ночнымъ топотомъ, необычайною пугливостью, страхомъ и проч. Тамъ, гдѣ подобное предчувствіе относится до внезапной, насильственной смерти, оно во всякомъ случаѣ необъяснимо, а потому уже слишкомъ невѣроятно; но нельзя оспаривать возможности того, чтобы какое либо животное не могло чувствовать, не знаю какимъ чутьемъ или чувствомъ, невидимой для насъ перемѣны, происшедшей съ такимъ человѣкомъ, который по состоянію своего здоровья не можетъ прожить болѣе извѣстнаго и весьма короткаго срока, который обреченъ уже тлѣнью, носитъ въ себѣ ничѣмъ неутолимый зародышъ смерти, и поэтому самому, можетъ быть, въ испаринѣ своей, или Богъ вѣсть какъ и гдѣ, представляетъ для нѣкотораго рода животныхъ нѣчто особенное и непріятное. Я не утверждаю всего этого, я только не отвергаю такую возможность. Опытные врачи, фельдшера, сидѣлки и хожалки видятъ, иногда по первому взгляду на больного, что его спасти нельзя; иные утверждаютъ даже, что слышутъ это чутьемъ, по испаринѣ; почему же другое существо, или животное, не можетъ видѣть или слышать то же самое, но только еще гораздо ранѣе, можетъ быть, наканунѣ, или даже нѣсколькими днями прежде насъ? Какъ объяснить себѣ чутье, которое безошибочно указываетъ

собакѣ, что на такомъ-то мѣстѣ пробѣжалъ заяцъ, при чемъ собака еще знаетъ, до какой степени слѣдъ этотъ свѣжъ, и что всего мудренѣе, въ какую сторону заяцъ пробѣжалъ, взадъ или впередъ?

Есть чисто-шуточныя повѣрья, или лучше сказать, просто шутки, въ кои однако же иные свято вѣрятъ; наприм., когда стоятъ жестокіе морозы, то должно свечера насчитать 12 лысыхъ, по-именно, назвавъ послѣднимъ самаго лысаго, у котораго голова какъ ладонь, отъ бровей до затылка: на немъ морозъ лопнетъ. Когда въ банѣ моютъ барченка, то приговариваютъ: шла баба изъ-за морья, несла кузовъ здоровья; тому, сему кусочекъ, тебѣ весь кузовочекъ; а когда окачиваютъ водой: съ гоголя (гуся) вода, съ тебя худоба; вода бъ книзу, а самъ бы ты кверху; сорокѣ бъ тонѣть, а тебѣ бы толстѣть, и проч. Дѣвицъ умываютъ *съ серебра*, чтобъ была дѣвушка бѣла и богата; это называется умыться водой, въ которую, при первой весенней грозѣ, брошена серебряная ложка. Чтобъ быть бѣлой и чистой, дѣвушки моются также первымъ снѣгомъ, съ кровли бани. Если все дѣвочки родятся, то въ этотъ годъ войны не будетъ; если ребенокъ напередъ станетъ говорить папа, а также если младенецъ родился съ косичкой, то вслѣдъ за нимъ родится сынъ; а если заговоритъ мама, то дочь. Сидѣть между двухъ сестеръ или братьевъ, значитъ вскорѣ жениться, или замужъ выйти. Правый глазъ чешется къ смѣху, лѣвый къ плачу. Правая ладонь чешется—отдавать деньги, лѣвая—получать; локоть чешется—на новомъ мѣстѣ спать; переносье чешется—о мертвомъ слышать; кто щекотливъ, тотъ ревнивъ; за первымъ вешнимъ громомъ выбѣжать умыться дождевой водой, съ золотымъ кольцомъ на пальцѣ, или ухватиться за карманъ, въ которомъ деньги, что дѣлаютъ также, увидавъ молодой мѣсяцъ, и сказать, при

деньгахъ!—богатъ будешь. Если зеркало поднять надъ головой, такъ, чтобъ въ немъ отразился молодой мѣсяцъ, то увидишь столько лунъ, сколько лунѣ дней. Эта шутка основана на томъ, что при такомъ косвенномъ отраженіи мѣсяцъ въ зеркалѣ точно двоитъ, и, пожалуй, иногда семеритъ. Если волосокъ изъ рѣсницъ вывалится, положить его за-пазуху,—будетъ подарокъ. У кого рѣдкіе зубы—не будетъ долго жить. Если забывшись ляжешь спать въ одномъ чулкѣ, то пріѣдетъ тотъ, кого ждешь. Если булавку на полу увидишь къ себѣ головкой, то это хорошо, а къ себѣ остріемъ, худо. Если брови свербятъ, будешь глядѣть на потныхъ лошадей, т. е., принимать гостя; выщербленныя деньги обѣщаютъ прибыль, и поэтому ихъ должно хранить въ кошелькѣ. Когда у дѣтей падаютъ зубы, то велятъ стать тыломъ къ печи, закинуть зубъ черезъ себя и сказать: мышка, мышка! на тебѣ костяной зубъ, а мнѣ дай желѣзный; или: на тебѣ репяной зубъ, а мнѣ костяной. Смѣшное и глупое повѣрье, что икота есть бесѣда души съ небомъ, вѣроятно, также было сначала неумѣстной шуткой; кому икается легко, того добромъ поминаютъ, а при тяжелой икотѣ, за глаза бранятъ. Когда лошадь дорогой распряжется, то что нибудь дома нездорово, либо жена измѣнила, если самъ хозяинъ въ дородѣ. Если мышь попортитъ часть свѣжаго товара, то купцы утѣшаются тѣмъ, что товаръ отъ этого скоро и хорошо съ рукъ пойдетъ. Если кто въ бесѣдѣ скреститъ незамѣтно ноги, нога на ногу, то отъ этого послѣдуетъ всеобщее молчаніе. Если кто плюнетъ себѣ на платье, то это означаетъ, что скоро будетъ обнова. Въ новый годъ должно надѣть обновку; тогда ихъ много будетъ въ теченіе года. Другіе толкуютъ, что плюнуть на себя, значитъ терпѣть напраслину. Кто ущемитъ платье въ дверяхъ выходя изъ дому, тому

скоро въ этотъ же домъ возвратиться. Если изъ вязанки дровъ вывалится полѣно, то будутъ гости. Кто поперхнется въ разговорѣ, тотъ хотѣлъ соврать; кто поперхнется первымъ глоткомъ, къ тому спѣшитъ обѣденный гость. Обнову предвѣщаетъ и то, когда собака, ставъ передъ кѣмъ, потянется. Если уши горятъ, то заглазно надъ тобой издѣваются; если въ ушахъ звенитъ, то загадываютъ что нибудь и спрашиваютъ: въ которомъ ухѣ? когда отгадаютъ, то загаданное сбудется. Если въ бесѣдѣ чихнешь, то это подкрѣпляетъ истину того, что говорится. Кромѣ того иные говорятъ, что чихнуть въ воскресенье, значитъ въ гостяхъ будешь; въ понедѣльникъ,—прибыль будетъ; во вторникъ—должники надоѣдятъ; въ среду,—станутъ хвалить; въ четвергъ,—будешь сердиться; въ пятокъ,—письма или нечаянная встрѣча; въ субботу,—о покойникѣ слышать. Если у женщины, при одѣваньи юпки, подолъ случайно загнется, то предсказываютъ ей роды. Если каша или пирогъ-баба подымется изъ горшка и наклонится въ печь, то къ добру; если же изъ печи, то къ худу. Если кузнечикъ куетъ въ домѣ, то иные увѣряютъ, что онъ выживаетъ изъ дому. Счастливый сынъ походитъ на мать, а счастливая дочь на отца. Самоваръ играетъ, гостей зазываетъ, кто мимо пойдетъ,—зайдетъ. Невзначай свѣчу погасить—нежданный гость. Булавочка изъ наряда молодой хранится подругами и обѣщаетъ счастье, а дѣвушкѣ скорое замужество. Свѣча грибкомъ нагорѣла—будетъ письмо, и съ той стороны, куда нависла. Если шутка эта не въ связи съ повѣрьями о вѣдьмѣ, то она просто придумана для потѣхи; но я зналъ помѣщицъ, кои читали Сю и Занда, а строго придерживались помела и кочерги. Кто не веселъ, съ утра брюзжитъ—всталъ лѣвой ногой съ постели. Кто утретъ лицо первымъ яичкомъ рябенькой курицы, у

того не будетъ веснушекъ. Руки горятъ—бить будешь; руки стынутъ—кто нибудь тебя злословитъ; если мужчина бѣлоручка, то невѣстѣ его не быть красавицей; нагорѣла свѣча—долгоносая невѣста; кошка умывается, сорока у порога скачетъ, самоваръ поетъ, полѣно дровъ изъ беремени повалится, нечаянно свѣчу погасить, все это значитъ: будутъ нежданные гости. Теплая или холодная лапа у кошки означаетъ добрыхъ или недобрыхъ гостей. Чулокъ или рубашку наизнанку надѣть, потерять подвязку, остегнуться пуговкой—пьянъ или битъ будешь. Не строить новаго дома подъ старость, не шить обновы, въ особенности бѣлья, иначе вскорѣ умрешь; эти повѣрья, можетъ быть, частью придуманы наслѣдниками, чтобы удержать стариковъ отъ безразсуднаго мотовства, а можетъ быть, возникли и оттого, что, затѣвая житейское, старику и старушкѣ поневолѣ приходитъ въ голову близкій конецъ ихъ, а это, для многихъ, воспоминаніе непріятное. Кромѣ того, весьма не рѣдко случается, что, затѣявъ подъ старость обшиваться и строиться, человѣкъ умираетъ, не покончивъ дѣла, и это въ такихъ случаяхъ служитъ подтвержденіемъ суевѣрью. Я зналъ въ Москвѣ старушку, богатую вельможу прошлаго вѣка; она уже лѣтъ 20 не шила на себя бѣлья, ни за что не соглашалась къ этому, считала всякаго, кто ей о томъ говоритъ, смертнымъ врагомъ своимъ, и ходила въ такомъ бѣльѣ, на которомъ, кромѣ подновляемыхъ по временамъ заплатокъ, не оставалось ровно ничего.

XIII

БАСНИ, ПРИТЧИ И СКАЗКИ

Поэтическія повѣрья переходятъ непосредственно въ басни, притчи или иносказанія; не менѣе того, по невѣжеству, иногда принимаются въ прямомъ смыслѣ, и многіе вѣрятъ слѣпо тому, что придумано было для одной забавы. Къ этому числу принадлежитъ: повѣрье о томъ, что медвѣди были нѣкогда людьми, къ чему, конечно, подала поводъ способность медвѣдя ходить на двухъ ногахъ и поступь его, всей плюсной, по-человѣчьи; люди эти жили въ лѣсу, ни съ кѣмъ не знались и были не хлѣбосольны, не гостепріимны. Однажды зашелъ къ нимъ какой то благочестивый старецъ, постникъ и сухоядецъ и, постучавшись тщетно сподрядъ у всѣхъ воротъ, прошелъ все село изъ края въ край, отрясъ прахъ съ ногъ своихъ и проклялъ недобрыхъ хозяевъ, велѣвъ имъ жить отнынѣ въ берлогахъ. Собака, по такой же сказкѣ, также была человѣкомъ; но обращена въ пса за обжорливость свою. Пчела просила себѣ смертоносное для человѣка жало; оно дано ей, но только съ обратнымъ условіемъ: оно смертоносно для нея же самой. Извѣстный древній мудрецъ, начальствовавшій всѣми животными, послалъ ворону,

которая случилась у него на вѣстяхъ, чтобы она привела лучшаго пѣвчаго: старику хотѣлось уснуть подъ сладкія пѣсни. Но онъ уснулъ, не дождавшись пѣсенъ, и проснулся въ испугѣ отъ страшнаго карканья: ворона привела ему цѣлое гнѣздо вороненковъ, извиняясь тѣмъ, что лучшихъ пѣвчихъ нельзя было сыскать во всей поднебесной. Есть даже нѣсколько длинныхъ и довольно складныхъ сказокъ, принадлежащихъ сюда же, какъ напр., сказка о Георгіи храбромъ и о волкѣ; Езопова басня о курѣ и лисѣ, которая извѣстна едва ли не у всѣхъ народовъ; равно и сказка о Лисѣ Патрикеевнѣ, которая морочитъ волка, медвѣдя и многихъ другихъ животныхъ, промышляя на ихъ счетъ. Эта замѣчательная сказка, отысканная въ древнихъ рукописяхъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, живетъ донынѣ въ преданіяхъ всѣхъ почти европейскихъ народовъ и пересказывается между прочимъ также у насъ, на Руси и на Украйнѣ, съ небольшими только отмѣнами противъ той, которую обработалъ Гете.

Есть повѣрье или разсказъ о томъ, что означаютъ видимыя на лунѣ пятна: туда посажены навсегда братоубіца и жертва его, въ томъ самомъ положеніи, какъ преступленіе было совершено: и воображеніе народа видитъ на лунѣ двухъ людей, изъ коихъ одинъ закалываетъ другого вилами. Другіе увѣряютъ, что это Каинъ и Авель.

О ласточкахъ говорятъ, что онѣ чириканьемъ своимъ предостерегали Спасителя отъ преслѣдователей Его, а воробьи предали Его, крича: *живъ*, *живъ*, за что у воробьевъ ноги связаны невидимыми путами, и птица эта не можетъ переступать, а только прыгать. Есть также преданіе, что ласточки крали у римлянъ гвозди, коими распинали Христа, а воробьи отыскивали ихъ и опять приносили. Поэтому ласточекъ, по народному мнѣнію, грѣшно бить или разорять ихъ гнѣзда.

О громѣ говорятъ, что это Илья пророкъ ѣздитъ по небу въ огненной колесницѣ, поражая стрѣлою діавола, а тотъ прячется за людей. Суевѣріе это подтверждается частью находимыми въ песчаныхъ мѣстахъ громовыми стрѣлами, похожими съ виду на минералъ, извѣстный подъ названіемъ *чортовъ пальецъ*. Дѣло въ томъ, что отъ удара молніи въ песокъ дѣйствительно онъ сплавляется въ видѣ сучковатыхъ сосулекъ. Стрѣлы эти, между прочимъ, окачиваются водой, коею поятъ больныхъ отъ колотья.

Зеркало, какъ дивная для простолюдина вещь, подало раскольникамъ поводъ къ особой сказкѣ: какой то пустынникъ, не устоявъ противу соблазна діавола, возмечталъ о себѣ столь нелѣпо, что вздумалъ свататься на какой-то царской дочери. Царевна, по дѣвичьимъ причудамъ, отвѣчала: если онъ достанетъ мнѣ ту вещь, которую по всему царству не могли найти, вещь, въ которую бы я могла видѣть себя чище, чѣмъ въ водѣ, то выйду за него. Пустынникъ пошелъ стараться и наткнулся путемъ на порожнюю избушку, въ которой чортъ отозвался ему, сказавъ, что попалъ въ рукомойникъ, запертъ и заговоренъ въ немъ какимъ то старикомъ, и что готовъ отслужить какую угодно службу тому, кто его выпуститъ. Порядившись съ нимъ на ту затѣйливую вещь, которую требовала царевна, пустынникъ снялъ деревянный крестъ, которымъ накрытъ былъ глиняный висячій рукомойникъ; чортъ выскочилъ, встряхнулся, сдѣлалъ и подалъ старику зеркало, которое этотъ отнесъ царевнѣ. По словамъ нѣкоторыхъ, онъ женился на ней, но былъ наказанъ тѣмъ, что видѣлъ всюду двойника своего, который не давалъ ему ни днемъ, ни ночью покоя и замучилъ его до смерти; а по словамъ другихъ, старикъ покаялся до свадьбы, смирился и ушелъ навсегда опять въ пустыню. По сей причинѣ у раскольниковъ и по-

нынѣ зеркало есть вещь запрещенная, созданная діаволомъ.

Въ мѣстахъ, гдѣ есть мамонтовыя кости, жители не знаютъ и не могутъ постигнуть, чтобы это были остатки допотопнаго животнаго; а потому и сложили повѣсть о подземномъ слонѣ, который живетъ и роется всегда подъ землей какъ кротъ, никогда не выходитъ наружу, а только по смерти своей случайно попадается, потому что земля изрыгаетъ кости его. Преданіе о волотахъ или великанахъ и о находимыхъ костяхъ ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, также основано на ископаемыхъ костяхъ различныхъ животныхъ.

Бѣда не по лѣсу ходитъ, по людямъ, а какъ пойдетъ бѣда, растворяй ворота, никогда-де одной бѣдой не кончится. Это повѣрье основано на случайностяхъ, служившихъ поводомъ къ изобрѣтенію его. Но есть кромѣ того поэтическое повѣрье въ *бѣдовиковъ*, несчастныхъ на всѣ руки, или *бѣдокуровъ;* къ чему бы такой человѣкъ ни прикоснулся, отъ этого ожидаютъ только худого; его жалѣютъ, его не хотятъ обидѣть, но всякъ самъ себѣ ближе, и бѣдняка не менѣе того выпроваживаютъ за порогъ, если онъ куда зайдетъ, не держатъ въ одной рабочей артели, не даютъ никуда приткнуться, даже не смѣютъ подать помощи, опасаясь вреда для себя и для другихъ. Жалкое заблужденіе это такъ упорно, что его иногда ничѣмъ нельзя побѣдить.

Привязанность къ прадѣдовскимъ обычаямъ, отъ коихъ такъ трудно отстать народу, и страсть рядиться и красоваться подавали въ купеческомъ сословіи нашемъ поводъ къ забавнымъ явленіямъ: такъ напр., купчиха, не устоявшая противу искушенія одѣваться заживо въ нѣмецкое платье, успокаивала совѣсть свою. завѣщаніемъ, чтобы ее похоронили въ русскомъ сарафанѣ.

Въ числѣ сказокъ о нечистомъ, находимъ также опредѣленіе различія между многими именованіями его: чортъ *смущаетъ*, бѣсъ *подстрекаетъ*, дьяволъ *нудитъ*, сатана *творитъ лживыя чудеса* для соблазна.

Есть сказка о блаженныхъ островахъ Макарійскихъ, гдѣ сытовыя рѣки, кисельные берега, или молочныя рѣки, медовые берега; дѣвка выйдетъ, однимъ концомъ коромысла ударитъ, готовый холстъ подыметъ; другимъ зачерпнетъ, нитки жемчугу вытянетъ; стоитъ тамъ и береза золотые сучья; и корова, на одномъ рогу баня, на другомъ котелъ; олень съ финиковымъ деревомъ на лбу, и птица сиринъ, иначе райская, перья непостижимой красоты, пѣніе обаятельное, ликъ человѣческій, и пр.

Повѣрье о неразмѣнномъ или неизводномъ рублѣ, который можно достать у нечистаго, продавъ ему на перекресткѣ въ полночь жаренаго въ перьяхъ гусака, разсказывается различнымъ образомъ и принадлежитъ къ тѣмъ же сказочнымъ вымысламъ, принимаемымъ тутъ и тамъ за наличную монету, и также распространено у различныхъ народовъ, напр., въ Германіи.

Въ числѣ, такъ называемыхъ, лубочныхъ картинъ, которыя нынѣ уже начинаютъ дѣлаться рѣдкостью, и безъ цензуры не печатаются, есть, кромѣ изображенія помянутаго сирина, извѣстная *космографія*, гдѣ расписаны всѣ баснословныя, сказочныя страны, люди съ песьими головами, блаженные острова Макарійскіе и много другихъ чудесъ. Объ этомъ листѣ была. помнится, когда то статья въ «Телеграфѣ». На другомъ листѣ находимъ мы изображеніе людей дивныхъ или дикихъ, найденныхъ Александромъ Македонскимъ внутри горъ Рифейскихъ: это люди одноногіе, трехрукіе, одноглазые, двуносые и пр. Всѣ они выходятъ навстрѣчу герою-побѣдителю, коему предшествуетъ пѣшій ратникъ въ полномъ вооруженіи.

Всѣмъ извѣстно довольно загадочное явленіе, что въ Москвѣ нѣтъ сорокъ; народное повѣрье изгнало ихъ за 40 верстъ изъ Москвы; но онѣ есть гораздо ближе, хотя, сколько мнѣ извѣстно, никто не видалъ, чтобы сорока залетала въ самую Москву. На это сложено нѣсколько поэтическихъ сказокъ; Москва основана на томъ мѣстѣ, гдѣ убитъ бояринъ Кучка; его предала сорока неумѣстнымъ сокотаньемъ своимъ, когда онъ спрятался подъ кустомъ; онъ ее проклялъ умирая, и сороки исчезли оттуда навсегда. Другіе говорятъ, что сорока унесла съ окна послѣдній кусокъ сыра у одного старца, угоднаго небесамъ; онъ ее проклялъ за это и изгналъ изъ округа.

Третьи сказываютъ, и это преданіе сохранилось въ народныхъ пѣсняхъ, что Маринка Мнишекъ, будучи вѣдьмой, перекинулась въ сороку, когда пришлось ей худо, и вылетѣла изъ окна терема своего; за это сорока была проклята въ то время и не смѣетъ явиться въ Москву.

Есть еще довольно сложное и старинное повѣрье о *василискѣ*, который родится изъ пѣтушьяго яйца. Замѣтивъ, что курица иногда сдуру силится запѣть пѣтухомъ, люди изъ этого заключили, что и пѣтухъ можетъ иногда прикинуться курицей и снести яичко. Это яйцо кругленькое, маленькое, называется *спорышокъ*, и въ сущности есть не иное что, какъ выносокъ куриный, т. е. уродливое яичко, какъ говорятъ, послѣднее, когда курица перестаетъ нестись. Народъ иногда утверждаетъ, не знаю по какимъ примѣтамъ, что это яйцо пѣтушье: что пѣтухамъ во сто лѣтъ разрѣшено снести одно только такое яйцо; а если дѣвка поноситъ его шесть недѣль подъ мышкой, то изъ него вылупится василискъ. Объ этомъ василискѣ есть множество разсказовъ: онъ дѣлается оборотнемъ, или соединяется съ злымъ человѣкомъ, съ колдуномъ,

и невидимо въ немъ живетъ; онъ вообще исполняетъ всѣ приказанія мачехи своей, выносившей его подъ мышкой, приноситъ ей золото, мститъ за нее тѣмъ, на кого она зла, даетъ ей разныя вѣсти и пр. Можетъ быть, повѣрье или сказка эта въ связи съ преданіями о сожительствѣ женщинъ съ нечистымъ духомъ, со зміями огненными, летучими и другого разбора. Вѣдьма, по мнѣнію нѣкоторыхъ, есть именно плодъ подобнаго супружества, а сказка о Тугаринѣ Змѣевичѣ и ей подобныя суть уродливыя порожденія разгула народнаго воображенія, настроеннаго на этотъ ладъ. Кирша Даниловъ разсказываетъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ, о рожденіи Волхва Всеславича, такими словами:

По саду саду, по зеленому, ходила, гуляла
Молода княжна Марѳа Всеславична:
Она съ камня скочила на лютаго на змѣя –
Обвивается лютый змѣй около чобота зеленъ-сафьянъ,
Около чулочка шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну...
А въ ту пору княжна поносъ понесла...
А и на небѣ просвѣтилъ ясенъ мѣсяцъ.
А въ Кіевѣ родился могучъ-богатырь,
Какъ бы молодой Волхвъ Всеславьевичъ:
Подрожала мать-сыра земля,
Стряслося словно царство индѣйское,
А и сине море всколебалося
Для ради рожденья богатырскаго...

У насъ осталось еще преданіе, въ поговоркѣ: *обвести мертвою рукою*. Суевѣрье говоритъ, что если соннаго обвести рукою мертвеца, то человѣкъ спитъ непробуднымъ, мертвымъ сномъ. На этомъ основаніи, воры нашивали съ собою руку мертвеца, и, вломившись тихонько въ избу, усыпляли этою рукою, по

убѣжденію своему, тѣхъ, кого хотѣли обокрасть. Къ сожалѣнію, даже и новѣйшее суевѣрное мошенничество прибѣгало изрѣдка къ этому средству, и воры разрывали для этого могилу.

Русскіе литейщики, собираясь отлить какую нибудь значительную вещь, напр., колоколъ, стараются отвлечь вниманіе праздной и докучливой толпы отъ своей работы какою нибудь новостью, выдумкой или вѣстью, которую молва пускаетъ по городу. Мастера увѣрены, что отливка отъ этого лучше удается, и въ колоколѣ не будетъ пузырей. Такимъ же точно образомъ тщательно скрываютъ день и часъ родовъ, отвлекая иногда вниманіе сосѣдей какими нибудь сказками и заставляя даже домашнихъ отлучиться на это время, подъ произвольно придуманными предлогами. Этотъ обычай впрочемъ полезенъ, потому что всякій лишній человѣкъ при подобномъ дѣлѣ помѣха. По той же причинѣ родильницъ уводятъ тайкомъ въ баню, чтобы избѣжать въ тѣсномъ домѣ помѣхъ и свидѣтелей; но топить въ это время баню и душить роженицу на полкѣ, въ страшномъ жарѣ, есть обычай невѣжественный и вредный

и невидимо въ немъ живетъ; онъ вообще исполняетъ всѣ приказанія мачехи своей, выносившей его подъ мышкой, приноситъ ей золото, мститъ за нее тѣмъ, на кого она зла, даетъ ей разныя вѣсти и пр. Можетъ быть, повѣрье или сказка эта въ связи съ преданіями о сожительствѣ женщинъ съ нечистымъ духомъ, со зміями огненными, летучими и другого разбора. Вѣдьма, по мнѣнію нѣкоторыхъ, есть именно плодъ подобнаго супружества, а сказка о Тугаринѣ Змѣевичѣ и ей подобныя суть уродливыя порожденія разгула народнаго воображенія, настроеннаго на этотъ ладъ. Кирша Даниловъ разсказываетъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ, о рожденіи Волхва Всеславича, такими словами:

По саду саду, по зеленому, ходила, гуляла
Молода княжна Марѳа Всеславична:
Она съ камня скочила на лютаго на змѣя –
Обвивается лютый змѣй около чобота зеленъ-сафьянъ,
Около чулочка шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну...
А въ ту пору княжна поносъ понесла...
А и на небѣ просвѣтилъ ясенъ мѣсяцъ.
А въ Кіевѣ родился могучъ-богатырь,
Какъ бы молодой Волхвъ Всеславьевичъ:
Подрожала мать-сыра земля,
Стряслося словно царство индѣйское,
А и сине море всколебалося
Для ради рожденья богатырскаго...

У насъ осталось еще преданіе, въ поговоркѣ: *обвести мертвою рукою*. Суевѣрье говоритъ, что если соннаго обвести рукою мертвеца, то человѣкъ спитъ непробуднымъ, мертвымъ сномъ. На этомъ основаніи, воры нашивали съ собою руку мертвеца, и, вломившись тихонько въ избу, усыпляли этою рукою, по

убѣжденію своему, тѣхъ, кого хотѣли обокрасть. Къ сожалѣнію, даже и новѣйшее суевѣрное мошенничество прибѣгало изрѣдка къ этому средству, и воры разрывали для этого могилу.

Русскіе литейщики, собираясь отлить какую нибудь значительную вещь, напр., колоколъ, стараются отвлечь вниманіе праздной и докучливой толпы отъ своей работы какою нибудь новостью, выдумкой или вѣстью, которую молва пускаетъ по городу. Мастера увѣрены, что отливка отъ этого лучше удается, и въ колоколѣ не будетъ пузырей. Такимъ же точно образомъ тщательно скрываютъ день и часъ родовъ, отвлекая иногда вниманіе сосѣдей какими нибудь сказками и заставляя даже домашнихъ отлучиться на это время, подъ произвольно придуманными предлогами. Этотъ обычай впрочемъ полезенъ, потому что всякій лишній человѣкъ при подобномъ дѣлѣ помѣха. По той же причинѣ родильницъ уводятъ тайкомъ въ баню, чтобы избѣжать въ тѣсномъ домѣ помѣхъ и свидѣтелей; но топить въ это время баню и душить роженицу на полкѣ, въ страшномъ жарѣ, есть обычай невѣжественный и вредный

XIV

ПРИВИДѢНІЯ

Всѣ повѣрья о привидѣніяхъ, мертвецахъ и вообще о взаимныхъ сношеніяхъ двухъ міровъ, видимаго и незримаго, вещественнаго и духовнаго, составляютъ смѣшанный рядъ преданій и разсказовъ, принадлежащихъ, можетъ быть, ко всѣмъ видамъ принятаго нами раздѣленія повѣрій. Эта статья до того обширна, что изъ нея можно бы составить десятки томовъ; постараемся объясниться на нѣсколькихъ страничкахъ.

Подъ словомъ *видѣніе* разумѣемъ мы такое явленіе, такой видимый предметъ, который предсталъ глазамъ нашимъ необыкновеннымъ, сверхъестественнымъ образомъ, т. е. необъяснимымъ, по извѣстнымъ намъ доселѣ законамъ природы. Подразумѣвается, что человѣкъ видитъ явившееся не во снѣ, а наяву; что сверхъ того, видѣніе это, по крайности, бо́льшею частью не вещественное, неосязаемо для рукъ, хотя и видимо для глазъ; словомъ, что оно занимаетъ какую то неопредѣленную средину между плотскимъ и безплотнымъ міромъ. Видѣнія эти бо́льшею частію основаны на явленіи тѣни или духа, какъ выражаются, т. е.

человѣка, уже отшедшаго въ вѣчность и снова принявшаго плотской, видимый образъ, и въ этомъ то смыслѣ видѣніе получаетъ болѣе точное, опредѣлительное названіе *привидѣнія*. Впрочемъ, есть и видѣнія другого рода, безконечно разнообразныя, какъ самое воображеніе человѣка.

Умъ, разумъ и разсудокъ нашъ рѣшительно противятся тому, чтобы допустить возможность или сбыточность видѣній. Частнаго, таинственнаго свидѣтельства небольшого числа людей слишкомъ недостаточно для изнасилованія нашего здраваго ума и для вынужденія изъ насъ вѣры, вопреки убѣжденію; мы слишкомъ хорошо знаемъ, что чувства наши и воображеніе несравненно легче и чаще подвергаются обману, чѣмъ здравый смыслъ нашъ и разсудокъ. Въ дѣлѣ такого рода, конечно, вѣрнѣе видѣть и не вѣрить, чѣмъ вѣрить не видавши. Мы не смѣемъ утверждать, чтобы душа наша ни подъ какими условіями не могла войти въ духовныя связи съ безплотнымъ міромъ, не смѣемъ потому, что у насъ нѣтъ къ тому достаточныхъ доказательствъ. Но спросимъ, могутъ ли сношенія эти сопровождаться признаками вещественными? Какимъ образомъ душа, коей бренная плоть несомнѣнно давно уже истлѣла, можетъ облечься снова въ ту же плоть, уничтоженную всевѣчными законами природы? А какимъ же образомъ плотское око наше можетъ принять впечатлѣніе отъ чего либо не вещественнаго, т. е. для него не существующаго? Если допустить даже, что душа можетъ быть приведена особыми обстоятельствами въ восторженное состояніе, въ коемъ дѣлается независимою отъ пяти чувствъ и превыше времени и пространства, что она въ ясновидѣніи своемъ созерцаетъ въ настоящемъ и прошедшее и будущее, то все-таки этимъ еще не будетъ разрѣшена загадка: какимъ образомъ являющійся намъ духъ можетъ вызвать

изъ праха истлѣвшую плоть свою или облечься въ ея подобіе?

Съ другой стороны, мы видимъ, что чувства наши безпрестанно подвергаются обманамъ. Напримѣръ: не слышимъ ли мы иногда внезапно звукъ, звонъ, свистъ, даже имя свое, между тѣмъ какъ все около насъ тихо, спокойно, и никто не звалъ насъ и не свисталъ? Не видимъ ли мы иногда подъ дрему, или впотьмахъ наяву, или забывшись и крѣпко задумавшись, такіе предметы, какихъ около насъ нѣтъ? Это происходитъ отъ двоякихъ причинъ: какая нибудь причина произвела волненіе, переворотъ въ крови нашей, отъ котораго послѣдовали на нервы зрѣнія или слуха впечатлѣнія, сходныя съ дѣйствіемъ зримаго предмета или слышимаго звука; тогда органъ слуха или зрѣнія передаетъ впечатлѣніе это въ общее чувствилище, и сіе послѣднее бываетъ обмануто. Въ этомъ случаѣ дѣйствіе основано на вещественной, плотской половинѣ нашего существа; но можетъ быть и противный случай: воображеніе съ такою живостью и убѣжденіемъ представитъ себѣ какой либо звукъ или предметъ, что впечатлѣнія идутъ обратнымъ порядкомъ изъ общаго чувствилища и до самыхъ орудій чувствъ, производятъ тамъ тѣ же перемѣны, какъ и явленія дѣйствительныя, и мы опять таки бываемъ обмануты.

Что сила воли и воображенія производитъ въ насъ вещественныя перемѣны, это доказать не мудрено, потому что мы видимъ это безпрестанно и на каждомъ шагу: вспомните только мнимо-больныхъ; кромѣ того, каждый изъ насъ въ состояніи силою воображенія значительно участить біеніе сердца, если настроитъ себя умышленно, вообразивъ живо радость, гнѣвъ, безпокойство и пр. Также легко играть зѣницей своей, расширяя и суживая ее по произволу, если, глядя на одинъ и тотъ же предметъ, воображать попеременно,

что напрягаешь зрѣніе для разсмотрѣнія въ подробности самаго близкаго предмета.

Безспорно, что воображеніе наше сильно участвуетъ во всѣхъ видѣніяхъ. Вотъ почему люди нервическіе, или не привыкшіе обуздывать своего воображенія болѣе дѣльнымъ направленіемъ, склонны къ видѣніямъ. Вотъ почему мракъ или полусвѣтъ, опутывая зрѣніе наше непрободаемыми тенетами, бываютъ всегдашними спутниками видѣній. Ночная тишина, гдѣ каждый малѣйшій шорохъ раздается иначе и громче, нежели днемъ; покой и сонъ, потемки, сумерки, одиночество, настроенное воображеніе, непріятное и непривычное положеніе человѣка, временно лишеннаго одного изъ главнѣйшихъ чувствъ своихъ, зрѣнія; наконецъ, слѣдующій за напряженіями тѣла и духа приливъ крови къ мозгу и къ самымъ орудіямъ зрѣнія, все это въ совокупности олицетворяетъ передъ нами безличное и неодушевленное, переноситъ картины воображенія въ окружающую насъ туманную существенность. Въ другихъ случаяхъ, мы обращаемъ грезы въ видѣнія; душа не распознаетъ, при живости впечатлѣнія, минувшаго отъ настоящаго, и также бываетъ обманута. Это въ особенности часто встрѣчается у дѣтей, прежде чѣмъ они научаются различать сонъ отъ дѣйствительности; а какъ и взрослые весьма часто въ томъ или другомъ отношеніи походятъ на дѣтей, то и они нерѣдко поддаются тому же обману.

Если видѣнія, привидѣнія, духи во плоти, тѣни, призраки, живые мертвецы и пр. возможны, то многіе изъ насъ дали бы дорого за то, чтобы увидѣть ихъ и созерцать спокойнымъ духомъ. Людей, кои постоянно видятъ разныя видѣнія или призраки, называютъ духовидцами. Есть особый рядъ видѣній, по сказанію очевидцевъ, это *двойники*, т. е., человѣкъ видитъ самого себя, и тутъ народное повѣрье наше о дом-

вомъ, который-де иногда одѣвается въ хозяйское платье, садится на его мѣсто и пр., совпадаетъ съ распространеннымъ по всей Европѣ, особенно сѣверной, повѣрьемъ о двойникѣ. Иногда видятъ его также другіе люди, но обыкновенно видишь его только самъ; для прочихъ онъ невидимка. Если двойника застанешь у себя въ комнатѣ, или вообще, если онъ предшествуетъ человѣку, идетъ напередъ, то это означаетъ близкую кончину; если же двойникъ идетъ слѣдомъ за хозяиномъ, то обыкновенно намѣренъ только предостеречь его. Есть люди, кои, по ихъ увѣренію, почти безпрестанно видятъ своего двойника, и уже къ этому привыкли. Этотъ непонятный для насъ обманъ чувствъ чаще встрѣчается между людьми среднихъ и высшихъ сословій, чѣмъ въ простомъ народѣ.

Загадочная вещь, въ царствѣ видѣній, это вещественные призраки, сопровождающіе, по увѣренію многихъ, такія явленія. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, трещины, кои старая, сухая деревянная утварь даетъ внезапно, въ предвѣщаніе бѣдствія, особенно смерти, или собственно въ то мгновеніе, когда является призракъ. Въ трещины эти, какъ въ предвѣщаніе бѣды, вѣрятъ почти всѣ народы, и легко было бы набрать цѣлые томы росказней о подобныхъ происшествіяхъ. Вѣроятнѣе всего, однакоже, что внезапная и неожиданная трещина, иногда среди тихой и спокойной ночи, подаетъ собственно поводъ къ тѣмъ разсказамъ, кои сочиняются безсознательно разгоряченнымъ воображеніемъ. Допустивъ возможность предчувствія въ животныхъ, въ томъ смыслѣ, какъ это было объяснено выше, мы, однакоже, до крайности затрудняемся найти какую либо связь между усыхающимъ отъ погоды стуломъ или шкапомъ и долготою дней его хозяина. Недавно еще я видѣлъ разительный примѣръ такой случайности: старинная мебель прошлыхъ вѣковъ, про-

стоявъ столько времени спокойно, внезапно и безъ всякой видимой причины, начала лопаться съ ужаснымъ трескомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, воздушныя перемѣны были причиной этому явленію, и если бы наблюдать за симъ внимательно, то вѣроятно это могло бы служить указаніями метеорологическими, имѣющими одну только общую и отдаленную связь съ долголѣтіемъ человѣческаго рода.

Я видѣлъ однажды милое, желанное видѣніе, которое не стану ближе описывать, видѣлъ очень ясно, и не менѣе того, не только теперь, но даже и въ то самое время очень хорошо понималъ, какъ это сталось, и не думалъ искать тутъ ничего сверхъестественнаго. Воображеніе до того живо представило себѣ знакомый ликъ, что безсознательно олицетворило его посредствомъ обратнаго дѣйствія на чувства, и очи узрѣли снаружи то, что изваялось на глубинѣ души...

Я еще два раза въ жизни своей видѣлъ замѣчательныя привидѣнія, и оба случая стоятъ того, чтобы ихъ пересказать. Они пояснятъ нѣсколько то, что сказалъ я объ этомъ предметѣ вообще, то есть, что должно всякую вещь десять разъ примѣрить и одинъ разъ отрѣзать!

Будучи еще студентомъ, я жилъ въ вышкѣ или чердакѣ, гдѣ печь стояла посреди комнаты, у проходившей тутъ изъ нижняго жилья трубы. Кровать моя была въ углу, насупротивъ двухъ небольшихъ оконъ, а у печки стоялъ полный остовъ человѣческій—такъ, что даже и въ темную ночь я могъ видѣть съ постели очеркъ этого остова, особенно противъ окна, на которомъ не было ни ставенъ, ни даже занавѣски. Просыпаюсь однажды за полночь, во время жестокой осенней бури; дождь и вѣтеръ хлещутъ въ окна, и вся кровля трещитъ; вѣтеръ, попавъ видно гдѣ нибудь въ глухой переулокъ, завываетъ по-волчьи. Темъ такая,

что окна едва только отличаются отъ глухой стѣны. Я сталъ прислушиваться, гдѣ завываетъ такъ жестоко вѣтеръ, въ трубѣ ли, или въ сѣняхъ, и услышалъ съ чрезвычайнымъ изумленіемъ совсѣмъ иное: бой маятника отъ стѣнныхъ часовъ, коихъ у меня не было и никогда не бывало. Прислушиваюсь, протираю глаза и уши, привстаю, одно и то же; кругомъ все темно, холодно, сыро, буря хлещетъ въ окно, а гдѣ то въ комнатѣ, по направленію къ печи, мѣрно ходитъ маятникъ. Одумавшись хорошенько и сообразивъ, я всталъ и началъ подходить на слухъ, медленно, шагъ за шагомъ, къ тому мѣсту, гдѣ ходитъ маятникъ. Въ продолженіе этого перепутья, короткаго по разстоянію, но долгаго, если не по времени, то по напряженію чувствъ, я еще положительнѣе убѣдился въ томъ, что слышу не во снѣ, а наяву, что маятникъ ходитъ мѣрно, звонко, ровно, хотя у меня стѣнныхъ часовъ нѣтъ. При едва только замѣтномъ сумеречномъ отливѣ противъ оконъ, ощупью и на слухъ, дошелъ я до самой печи и сталъ еще въ бо́льшемъ недоумѣніи, носомъ къ носу съ костякомъ своимъ, коего очеркъ мутно обозначался противъ бѣлой печи. Что тутъ дѣлать и какъ быть? Маятникъ явнымъ образомъ ходитъ въ скелетѣ; изъ него отдавались мѣрные удары, но движенія незамѣтно никакого. Ближе, ближе носомъ къ лицу его, чтобы разсмотрѣть впотьмахъ такое диво, какъ остовъ мой, съ кѣмъ я давно уже жилъ въ такой тѣсной дружбѣ, внезапно плюнулъ мнѣ въ лицо... Невольно отшатнувшись, я обтерся рукою и удостовѣрился, что все это было не воображеніе, а существенность: брызги, разлетѣвшіяся по лицу, были, точно, мокрыя. Этимъ слѣдовало бы кончить изслѣдованія, и я попросилъ бы васъ переувѣрить меня, что я ошибся, что все это было не то, и не такъ! Я стоялъ, все еще сложа руки передъ постояннымъ товарищемъ, пялилъ глаза и при-

слушивался къ мѣрнымъ ударамъ маятника, который однако же, вблизи стучалъ нѣсколько глуше; но подумавъ еще немного и не видя ни зги, я безотчетно протянулъ руку и погладилъ черепъ по лысинѣ: тогда я вздохнулъ и улыбнулся, все объяснилось. Въ кровлѣ и потолкѣ, подлѣ трубы или печи, сдѣлалась небольшая течь, капля по каплѣ, на лысую, костяную, пустую и звонкую голову моего нѣмого товарища!

Другой случай состоялъ въ слѣдующемъ:

Сидя вечеромъ въ кругу товарищей, я сказалъ, какъ пришлось къ слову, что робость и пугливость не одно и то же: первое можетъ быть основано на опасеніи, поселяемомъ въ насъ здравымъ разсудкомъ; второе, напротивъ, есть склонность къ страху безотчетному, а потому иногда и безразсудному; что, можетъ быть, я иногда робокъ, но не пугливъ, и не могу робѣть, страшиться, или опасаться чего нибудь, если опасеніе это не оправдывается моимъ разсудкомъ. «Ну, ты въ мертвецовъ вѣришь?» Вѣрю въ мертвыхъ. «А въ живыхъ?» Нѣтъ, не вѣрю. «Стало быть, и не боишься ихъ?» И не боюсь; впрочемъ, если бы я и вѣрилъ въ мертвецовъ по твоему, то и тогда еще не вижу, для чего ихъ бояться. «А пойдешь ли ты въ полночь на кладбище?» Пожалуй, пойду. «Нѣтъ, не пойдешь!» Нѣтъ, пойду! За споромъ дѣло стало, и рѣшено было, чтобы мнѣ идти, какъ пробьетъ полночь, одному на кладбище, отстрогнуть щепочку отъ креста и принести ее, и завтра всѣмъ вмѣстѣ идти и примѣрить щепочку, для повѣрки дѣла.

Ночь была темная, до кладбища версты двѣ, дорога подъ конецъ едва замѣтная; я сбился немного и не счелъ за нужное отыскивать торную дорогу, а пошелъ знакомымъ путемъ впереваль, по направленію, гдѣ противъ неба темнѣла едва замѣтно кладбищенская цер-

ковъ. Прихожу ко рву, окружающему кладбище, перескакиваю его; ножичекъ у меня въ рукахъ и я хочу уже отстрогнуть щепочку отъ перваго попатнувшагося въ сторону креста, но мнѣ показалось, что завтра осмѣютъ меня, скажутъ: радъ, что добрался, небось, не прошелъ дальше!—и я сталъ подвигаться ощупью впередъ, спотыкаясь между могилъ, ямъ, кустовъ, камней и разрушенныхъ памятниковъ. Въ это время, помню, родилось во мнѣ двоякое опасеніе, ускорившее, при такихъ обстоятельствахъ, біеніе сердца и дыханіе: первое, чтобы товарищи не вздумали подшутить надо мною и не сдѣлали какой нибудь глупости; второе, чтобы какой-нибудь сторожъ не принялъ меня за вора и не вздумалъ бы, выскочивъ внезапно съ боку, прежде всего поколотить меня порядкомъ, чтобы, можетъ быть, потомъ уже, за вторымъ пріемомъ, допросить, кто я и зачѣмъ пришелъ. Первое опасеніе устранилось однако же тѣмъ, что сидѣвшіе со мною товарищи не могли опередить меня на этомъ пути, а второе тѣмъ, что сторожа, конечно, теперь всѣ спятъ и мнѣ только не должно шумѣть. Во всякомъ случаѣ, я, скрѣпивъ сердце, далъ себѣ слово быть спокойнымъ, разсудительнымъ и хладнокровнымъ, не пугаться, что бы ни случилось. Глупое сердце продолжало стучать вслухъ, хотя, право, не знаю о чемъ и по что. Вдругъ я слышу подземный глухой стукъ, удара два, три сряду. Я остановился: черезъ нѣсколько секундъ повторилось тоже, потомъ еще разъ, а потомъ раздался слабый подземный стонъ или вздохъ. Все это, сколько я могъ заключить, полагаясь на слухъ свой, происходило въ самомъ близкомъ разстояніи отъ меня и притомъ именно «подъ землей.» Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія и нѣсколькихъ шаговъ моихъ впередъ, повторилось опять тоже; но подземные удары были звучнѣе и до того сильны, что мнѣ показалось, будто земля подо

мною дрогнула; стонъ, довольно внятный, исходилъ изъ земли и безспорно отъ мертвеца. Если бы я кончилъ похожденіе свое на этой точкѣ, то уже и этого было бы довольно, и я бы конечно понынѣ могъ бы вамъ только божиться по совѣсти, что все это точно святая истина и дѣйствительно такъ со мною случилось... но дѣло зашло еще дальше: я опять подвинулся нѣсколько шаговъ впередъ, по тому направленію, откуда звукъ до меня доходилъ, прислушивался и все подвигался ощупью впередъ. Внезапно стукъ этотъ очутился почти подо мною, у самыхъ ногъ; что-то охнуло, закапляло; земля вскрылась и разступилась; меня обдало, обсыпало землей, и мертвецъ въ бѣломъ саванѣ медленно потянулся изъ могилы, прямо передо мной, никакъ не далѣе двухъ шаговъ... Кончимъ на этомъ; примите отъ меня совѣстливое увѣреніе, что все это случилось точно такимъ образомъ, какъ я описываю, и скажите послѣ этого, есть ли привидѣнія и живые мертвецы, или ихъ нѣтъ?

Я остановился и глядѣлъ во всѣ глаза на мертвеца, у котораго въ рукахъ увидѣлъ я, не смотря на потемки, заступъ. Я не думалъ и не могъ бѣжать, а стоялъ, растерявшись и не зная, что именно дѣлать. Помню, что я хотѣлъ завести разговоръ съ покойникомъ, но по незнакомству съ нимъ не зналъ, съ чего начать, чтобы не сказать ему какой нибудь глупости. Къ счастью, онъ вывелъ меня изъ этого тягостнаго положенія, спросивъ самъ первый: «Кто такой ходитъ тутъ, зачѣмъ?» Эти слова возвратили мнѣ память и объяснили вдругъ все.—Да я, любезный, не попаду на дорогу, сбился, отъ берега, гдѣ и канавы не замѣтилъ, и не знаю куда выйти.—«А вотъ сюда ступайте, вотъ!» — Да ты что же тутъ дѣлаешь? «Извѣстно что, копаемъ могилу». — Для чего же ночью? «А когда же больше? Какъ съ вечера закажутъ, чтобы

къ утру готова была, такъ когда же копать ее, какъ не ночью?»

Вотъ все, что я по собственному опыту могу сказать объ этомъ предметѣ. Я бы могъ разсказать еще кучу подобныхъ приключеній, наприм., какъ одинъ офицеръ искрошилъ въ ночи саблей, вмѣсто привидѣнія, бѣлый канифасный халатъ свой, висѣвшій на гвоздѣ, на который надѣта была еще и шапка; какъ привидѣнія ходятъ за любовными приключеніями, или просто на какой нибудь промыселъ, пользуясь робостью хозяина; но все это извѣстно и притомъ, конечно, ничего не доказываетъ; надобно каждому предоставить вѣру въ собственное свое убѣжденіе, которое однако же тогда только можетъ имѣть мѣсто, когда оно основано на собственномъ, безошибочномъ опытѣ, и когда опытъ этотъ, какъ въ приведенныхъ мною случаяхъ, доведенъ до конца.

Недавно еще разсказывали мнѣ, поставивъ и свидѣтелей, слѣдующее: хозяинъ, прохаживаясь въ сумерки въ залѣ, услышалъ и увидѣлъ въ окно, что на дворъ прикатила карета четверней. Онъ заглянулъ въ гостиную и сказалъ женѣ: приготовься принять гостей: кто-то пріѣхалъ. Но какъ все оставалось попрежнему тихо и спокойно и никто не входилъ, то хозяинъ выглянулъ въ переднюю: покойная бабушка его стояла тамъ у дверей, но исчезла въ ту же минуту; полъ подъ нею треснулъ, а карета покатила со двора, по направленію къ кладбищу. Иные прибавляли еще къ этому, что посторонніе люди видѣли, какъ карета исчезла въ самой оградѣ погоста. Что прикажете сдѣлать изъ такого разсказа? Если бабушка могла воротиться съ того свѣта, то гдѣ и какъ успѣла она собрать всю упряжь свою, карету, лошадей и кучеровъ, которые, конечно не были ею взяты съ собою на тотъ свѣтъ? Не короче ли предположить, что добрый хо-

зяинъ, внукъ или сынъ, задумался о бабушкѣ, которой съ недавняго времени нестало въ домѣ, и что онъ увидѣлъ ее не плотскими глазами своими, а окомъ души?

О двойникахъ, предвѣщающихъ кончину, говорятъ почти всюду и во всѣхъ земляхъ. Извѣстно, что горнымъ шотландцамъ приписываютъ способность видѣть двойниковъ въ высшей степени. Если объяснить явленіе это языкомъ магнетизеровъ, то явленіе двойника значитъ, что душа наша получила возможность, какъ бы отдѣлившись отъ тѣла, созерцать его внѣ себя, со стороны. Это довольно темно, хотя и нѣсколько понятнѣе, чѣмъ явленіе покойниковъ.

Можетъ быть, нѣкоторые читатели слышали, что разсказываютъ многіе изъ современниковъ нашихъ, какъ очевидцы, о смерти довольно извѣстнаго въ кругу своемъ человѣка. Онъ былъ начальникъ учебнаго заведенія; дѣти, въ хорошій зимній день, кажется, въ сочельникъ передъ Рождествомъ, бѣгали по саду, гдѣ лежалъ глубокій снѣгъ и были расчищены только три дорожки, въ видѣ П. Нѣсколько молодыхъ людей сидѣли на скамьѣ и, увидавъ подходящаго къ нимъ со стороны зданія начальника, привстали; онъ прошелъ, но не успѣли они оглянуться, какъ увидѣли его вторично, идущаго тѣмъ же путемъ, по тому же направленію, тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ и точно въ такомъ же положеніи. Съ крайнимъ изумленіемъ они снова ему поклонились; онъ поздоровался съ ними и обошелъ кругомъ дорожекъ. Двойники такъ быстро прошли одинъ за другимъ, что не было никакой возможности допустить, будто старикъ сдѣлалъ кругъ и обошелъ вторично. Дѣти изумлялись и перешептывались весь день; что происходило въ душѣ старика, никому неизвѣстно; но онъ на другой же день въ какомъ-то припадкѣ лишилъ себя жизни. Случай этотъ весьма замѣчателенъ тѣмъ,

что нѣсколько посторонних свидѣтелей единогласно утверждаютъ сказанное нами и убѣждены въ томъ, что сами видѣли двойника. При такихъ обстоятельствахъ остается только пожать плечами и предоставить дѣло на совѣсть каждаго.

XV

КЛАДЫ

Сюда же, къ этому же разряду поэзіи народной и игры воображенія, принадлежитъ цѣлый рядъ сказокъ и повѣрьевъ о цвѣтѣ папоротника, который-де цвѣтетъ ночью на Ивановъ день. Этотъ небывалый цвѣтъ (папоротникъ тайниковое, безцвѣтное растеніе) почитается ключемъ колдовства и волшебной силы, въ особенности же для отысканія кладовъ: гдѣ только зацвѣтетъ папоротникъ въ полночь краснымъ огнемъ, тамъ лежитъ кладъ; а кто сорветъ цвѣтъ папоротника, тотъ добылъ ключъ для подъема всякаго клада, который безъ этого рѣдко кому дается.

Предметъ этотъ, о кладахъ, богатъ повѣрьями всякаго рода. Съ суевѣріями о кладахъ связывается и много сказокъ и преданій; у каждаго края свой герой или разбойникъ прежнихъ лѣтъ, коему приписываются всѣ находимые и искомые клады. Въ восточныхъ губерніяхъ клады принадлежатъ Пугачеву, на Волгѣ—Стенькѣ Разину, на Украйнѣ—Гаркушѣ, въ средней Россіи—Кудеяру и проч. Кладъ вообще не всякому дается; хозяинъ клада, по смерти своей, бродитъ тихо

вокругъ и бережетъ его строго и чутко: либо вовсе не найдешь, либо и найдешь, да не возьмешь, не дастся въ руки; не подымешь по тяжести; обмираешь, какъ тронешь, ровно кто тебѣ руки и ноги перебьетъ; кружишь на этомъ мѣстѣ и не выйдешь, ровно лѣшій обошелъ, поколѣ не положишь кладъ опять на мѣсто; или, если кладъ подъ землей, въ подвалѣ, глубокой ямѣ, то взявшій его не вылѣзетъ никакъ, передъ тобою земля смыкается, желѣзныя двери съ запорами затворяются; либо выскочитъ откуда ни возьмется невидимка, схватитъ и держитъ на мѣстѣ, покуда не выпустишь изъ рукъ клада; либо навалится на плечо ровно гора, такъ что и языка не повернуть; либо ноги подкосятся либо станутъ, упрутся, словно приросли къ землѣ; или, если и возьмешь кладъ и унесешь, то сколько ни носишь его домой, берешь золото, а принесешь черепки; или же, наконецъ, возьмешь, да и самъ не радъ: вся семья сподрядъ вымретъ. Все это отъ того, что кладъ кладется *со свинцомъ* или съ зарокомъ, что кладъ бываетъ всегда почти заповѣдный и дается тому только, кто исполнитъ зарокъ; избавляетъ же отъ этой обязанности только цвѣтъ папоротники или разрывъ—прыгунъ — скакунъ — плакунъ — или спрыгъ — трава, желѣзнякъ или кочедыжникъ; папоротнику и плакуну повинуются всѣ духи, а прыгунъ ломаетъ замки и запоры, побѣждая всякое препятствіе. Иногда кладъ бродитъ не только свѣчей, огонькомъ, но даже какимъ-нибудь животнымъ или человѣкомъ; если, догадавшись, ударить его наотмашь и сказать: аминь, аминь, разсыпься, то передъ тобою очутится кубышка съ деньгами. Во время выемки клада приключаются разныя страсти, и черти пугаютъ и терзаютъ искателя. Брать взаймы у клада иногда можно, если онъ дастъ, но къ сроку принеси, иначе постигнетъ бѣда большая. Можно также мѣнять деньги у клада и при этомъ даже

иногда обсчитывать его, положивъ то же число монетъ, меньшей цѣнности.

У насъ почти всюду есть много разсказовъ и преданій о кладахъ, а Саратовская губернія, гдѣ волжскія вольницы зарывали когда-то свои награбленныя богатства, едва ли не богаче прочихъ подобными воспоминаніями. Мы упомянули, что кладъ дается *со словцомъ* или *по завѣту*: это значитъ, что кто его зарываетъ, тотъ долженъ во все время причитывать вслухъ, какой зарокъ на него кладетъ: напр., семидневный постъ, а затѣмъ рыть голыми руками, на молодой мѣсяцъ, или на разрывъ-траву и проч. Одинъ человѣкъ зарывалъ кладъ, приговаривая: «на три головы молодецкихъ»; стало быть, кладъ не дастся никому, если не поклониться ему тремя головами молодецкими; а другой бродяга, сидя случайно тутъ же въ дуплѣ, подслушалъ его и переговаривалъ каждый разъ: «на три кола осиновыхъ». Кладъ слушается всегда послѣдняго заговора; по сему, когда хозяинъ ушелъ, а подсидѣвшій его вырубилъ три осиновые кола и поклонился ими кладу, то и взялъ его преспокойно. Есть также заговоры, во всемъ похожіе на прочіе заговоры, какъ для укладки клада, такъ и для развязки его.

Въ одномъ мѣстѣ Рязанской губерніи, гдѣ исконное повѣрье искало кладовъ, увѣряя, что цѣловальникъ рязанскій встрѣтилъ земляка въ Сибири, въ ссылкѣ, и узналъ отъ него тайну нѣсколькихъ кладовъ, получивъ и запись съ примѣтами, гдѣ они лежатъ, люди съ сѣдыми бородами разсказывали вотъ что: «Я рубилъ въ лѣсу жерди, привязавъ лошадь къ дереву; вдругъ вижу подъ деревомъ высыпанъ изъ земли и уже поросъ травой и мохомъ крестъ; я вспомнилъ, что это была одна изъ примѣтъ, и выхватилъ топоръ, чтобы натюкать на деревьяхъ зарубки; вдругъ какъ понесетъ

моя лошадь, сорвавшись, какъ загремитъ, я за ней, за ней, а она дальше, дальше, затихла и пропала; я воротился, а она стоитъ привязанная, гдѣ была, а мѣста того, гдѣ высыпанъ крестъ, не нашелъ, хоть сто разъ былъ опять въ лѣсу да искалъ нарочно». Другой разсказывалъ такъ: «И я по дрова ѣздилъ, да нашелъ на знакомомъ мѣстѣ, гдѣ сто разъ бывалъ и ничего не видѣлъ, погребъ: яма въ полчеловѣка, въ поясъ, а на днѣ устлана накатомъ, который уже поросъ травой и мхомъ, да кой-гдѣ доска прогнила, провалилась. Подумавъ немного и оглянувшись, да опознавшись еще разъ на мѣстѣ, я спустился въ яму; только что я было припалъ, да сталъ заглядывать въ провалы, какъ меня хватитъ кто то вдоль спины хворостиной, такъ я насилу выскочилъ да бѣжать, а онъ все за мной, до самой дороги! Я на другой день показывалъ хозяйкѣ своей синевицы на спинѣ».

Третьему рязанцу посчастливилось лучше: онъ безъ большихъ хлопотъ у себя дома подъ угломъ нашелъ съѣденный ржавчиной чугунчикъ, въ коемъ было съ пригоршню серебряныхъ монетъ Ихъ купилъ г. Надеждинъ, а описалъ г. Григорьевъ, въ Одессѣ; это были замѣчательныя арабскія монеты IX до XI вѣка.

Весьма нерѣдко кладъ служитъ защитою для скрытія важныхъ преступленій. Въ одной изъ подмосковныхъ губерній у помѣщика былъ довольно плохой, въ хозяйственномъ отношеніи, крестьянинъ, одинъ изъ тѣхъ, кому ничего не дается: хлѣбъ у него всегда хуже чѣмъ у прочихъ; коли волкъ зарѣжетъ телятъ, либо порветъ жеребенка, такъ вѣрно у него же; словомъ, и скотъ не держится, и счастья нѣтъ, и ничѣмъ не разживется. По этому поводу, помѣщикъ посадилъ его въ постоялый дворъ, или въ дворники, для поправки хозяйства. Впрочемъ, это былъ мужикъ смир-

ный, трезвый и худа никакого за нимъ не слыхать было.

Вскорѣ онъ, точно, поправился, и даже слишкомъ скоро. Онъ уплатилъ долги, купилъ скота, сталъ щеголять, наряжать жену въ шелкъ и проч. Помѣщику это показалось подозрительно, и послѣ строгихъ допросовъ, на основаніи разнесшихся слуховъ, дворникъ признался, что ему дался кладъ: «Я вышелъ ночью, услыхавъ проѣзжихъ извозчиковъ, и увидалъ за оврагомъ, по ту сторону ручья, въ лѣсу небольшой свѣтъ. Я спустился, подошелъ тихонько и вижу, что два человѣка съ фонаремъ дѣлятъ межъ собою кладъ. Увидавъ меня нечаянно, они было хотѣли бѣжать, послѣ хотѣли убить меня, а, наконецъ, подѣлились со мною, отсыпавъ мнѣ полную шапку цѣлковыхъ, съ тѣмъ, чтобы я никому ни слова не говорилъ». Все это, конечно, много походило на сказку, тѣмъ болѣе, что мужикъ сбивался и не могъ дать толкомъ отчетъ, когда заставили его показать на мѣстѣ, гдѣ именно вырытъ кладъ; но другихъ подозрѣній не было, молва увѣряла, что дворникъ разжился отъ клада, самъ онъ сознался въ томъ же, и дѣло было оставлено.

Къ осени баринъ хотѣлъ перестроить постоялый дворъ, который былъ плохъ и въ особенности тѣсенъ и неопрятенъ, но дворникъ подъ разными предлогами отговаривалъ барина, да и впередъ, когда объ этомъ заходила рѣчь, убѣждалъ его не трогать двора, каковъ онъ есть. «Что мнѣ,—говорилъ онъ,—въ госпо́дахъ: я господъ не люблю пускать; за ними только хлопотъ много, а выгоды нѣтъ никакой: стаканчикъ сливокъ возьмутъ, да разъ десять воды горячей поставить велятъ, да цѣлую половину и займутъ; я, благодаря Бога, разжился отъ извозчиковъ, которые берутъ овесъ да сѣно; а съ нихъ будетъ и этой избы; имъ гдѣ ни свалиться, только бы лошадь накормить».

Удерживая такими уловками барина отъ перестройки двора, мужикъ черезъ годъ или два умеръ. Весь околотокъ зналъ, что онъ разбогатѣлъ отъ клада, и во всякой деревнѣ разсказывали по-своему, какъ это случилось; но баринъ приступилъ къ перестройкѣ избы, и совсѣмъ неожиданно нашелъ кладъ другого рода: подъ печью, едва прикрытые землей, лежали два человѣческіе остова съ проломленными черепами.

ОТОЙДЕМЪ ДА ПОГЛЯДИМЪ,

ХОРОШО ЛИ МЫ СИДИМЪ?

Нельзя не признать нынѣ въ обществѣ нашемъ, сверху до низу и снизу доверху, какой-то усиленной духовной и нравственной дѣятельности, вѣрнѣе тревоги, заботы, надеждъ и опасеній за будущее, по вопросамъ, незадолго еще вовсе намъ чуждымъ, на кои мы глядѣли въ безучастномъ равнодушіи.

Всему своя пора, своя полоса: это общій законъ, и вещественнаго и духовнаго быта, тѣмъ болѣе, что первый есть лишь чувственное проявленіе второго.

Мы издавна привыкли состоять всѣмъ міромъ подъ опекой, и предавшись ей, заботились только о себѣ и о насущныхъ своихъ потребностяхъ. Каждый про себя, а Богъ да Государь про всѣхъ. Нынѣ, при необычныхъ переворотахъ нашего управленія, по всѣмъ частямъ, съ призывомъ всѣхъ сословій къ общей гражданской дѣятельности, проснулось, какъ будто на общее благо, что-то тревожное, не совсѣмъ ясное иногда шумное, но вообще недовольно сознательное.

Въ этомъ новомъ положеніи мы должны напередъ всего опознаться, освоится съ нимъ, добиться до ясныхъ понятій, до вѣрнаго сознанія своихъ надеждъ, заботъ, желаній и обязанностей, тогда только всѣ живыя силы наши могутъ устремиться на дѣятельную поддержку, сознаваемой нами цѣли. Не сознавая ясно, чего я хочу и что долженъ дѣлать, чѣмъ могу достигнуть желаемаго, я путемъ и толкомъ трудиться не могу.

Доколѣ начальство и правительство дѣлаетъ все, а гражданинъ ничего, дотолѣ онъ поневолѣ живетъ безъ-заботно: хорошо ему—слава Богу; худо—знать надо терпѣть! Но когда онъ самъ призывается къ дѣлу, когда онъ почуетъ въ себѣ и силу и волю, тогда въ немъ просыпается забота, тревога, въ немъ высказывается ропотъ, неудовольствіе, онъ ищетъ чего-то лучшаго; на плохое онъ плачется, видя причину ему въ другихъ, а на себя не поглядитъ; онъ видитъ только обиду свою, а въ корень и причину ея не входитъ. И вотъ въ чемъ весь вопросъ, все дѣло: коли передъ нами виноваты всѣ, одинъ передъ другимъ, такъ не виноваты ли мы и сами?

Это, согласитесь, вопросъ важный: я въ другихъ неволенъ, а въ себѣ воленъ; сознавая за собою вину или обязанность, я могу исправить или исполнить ее, и тѣмъ положить свою лепту, свою крупицу въ общее достояніе, а чѣмъ шире и глубже проникать будетъ сознаніе это въ быту нашемъ, тѣмъ богаче станетъ наша духовная сокровищница, тѣмъ покойнѣе и правѣе потечетъ вся наша жизнь.

Разумный и правдивый начальникъ нарочно отправился въ дальнюю волость, гдѣ усилились конокрадство и пьянство, а подати не уплачивались и недоимки расли. Собравъ сходку, онъ сильною рѣчью стыдилъ и корилъ людей, какъ дармоѣдовъ и тунеядовъ, объя-

снивъ, что безъ государственныхъ доходовъ не можетъ быть, ни управленія, ни государства, вразумляя, на сколько преступны подданные, не вносящіе своей доли тяги въ казну государства и тѣмъ налагающіе двойную тягу на братьевъ своихъ, потому что расходы правительства неминучи.

Съ трудомъ только передовые старики удержались отъ порыва, едва дали договорить начальнику, какъ жарко кинулись къ нему и стали рьяно отстаивать свое дѣло: «Батюшка ты нашъ, да мы рѣчей такихъ еще отродясь ни отъ кого не слыхивали—дорѣзалъ ты насъ, безъ ножа! Помилуй, не клади ты позора на наши головы, прикажи слово молвить; неужто мы окаянные и подлинно податей государевыхъ не снесемъ, неужто мы будемъ ему, батюшкѣ ослушники? Да ты погляди самъ, что дѣлается у насъ: вѣдь сборщикъ-ли, старшина-ли ни съ одной души податей безъ грѣха не выправитъ; ну, сорвалъ бы, да былъ бы дѣлу конецъ,—такъ нѣтъ, что дальше, то хуже, и запутаютъ совсѣмъ; чай, твоей милости вѣдомо, четверо такихъ нашихъ сидитъ въ тюрьмѣ, судятся, мало ли они оброку да подушныхъ растратили! Погляди, вѣдь ино въ волость принесешь подати самъ—либо принять некому, либо говоритъ: за тобой долго стояли они, поставь-ка еще штофикъ, да прибавь еще на казначея, въ городъ везти, такъ надо намъ проживаться; глядишь, наѣхалъ чиновникъ, застращаетъ всѣхъ, подавай; только что мужики станутъ сносить къ нему, а онъ самъ на мировую напрашивается: давайте говоритъ, по гривнѣ съ рубля, тамъ еще до конца года потерплю: мужикамъ повадно, рады этому, будто дѣло сдѣлали; а тутъ, не успѣешь оглянуться, опять другой наѣхалъ, покруче перваго—и опять тоже! Какъ тутъ быть? Какъ сочтешь, такъ иной подати-то давнымъ давно одними наборами оплатилъ, а по кни-

гамъ онѣ всѣ на немъ, всѣ въ недоимкѣ, вотъ оно ужъ и неподсилу!...

Начальникъ, немного озадаченный, собрался однако съ мыслями и спокойно остановилъ горячихъ отвѣтчиковъ: «Такъ что-же, и вы этимъ думаете оправдаться? Виноваты у васъ сборщики, старшины, чиновники, а сами вы правы? Нѣтъ, братцы, чужимъ грѣхомъ въ свое спасенье не вкупишься, вы напередъ поглядите сами на себя, вы-то каковы! Что вы, какъ добрымъ людямъ слѣдуетъ въ праздникъ Божій, идете въ церковь, помолиться, покаяться и попросить доброумія и благостыни? что вы живете трезво и честно, никого не обижаете, сами ни на чье добро не посягаете, грѣха боитесь, ходите по правдѣ? А старшинъ и сборщиковъ вы избираете по совѣсти, по присягѣ, не такихъ выбираете, чтобы сообща съ вами плутовали, и пили, и за вино держали руку того, либо другого, не такихъ, чтобы повадку давали ворамъ и конокрадамъ а за литки да могарычи поблажали неплательщикамъ и покрывали бы мошенниковъ? Нѣтъ, у васъ два кабака на селѣ, а церковь на горѣ; вы ославились въ околоткѣ не добрыми людьми,—ворами, а не вы, такъ братья, дѣти, внуки ваши, это все одно; вы старшинъ, избираете чуть не въ кабакѣ, такихъ, чтобъ и судъ и расправа стояли на винѣ; вы миромъ опиваете виноватаго, за вино кроете мошенниковъ, а трезвый и правдивый старшина вамъ не въ угоду; сказывайте, правду я говорю, или нѣтъ? Такъ что же вы послѣ этого жалуетесь на свое начальство, на растрату, на взятки, поборы и пропойства? Нежто такимъ людямъ Богъ пошлетъ добрыхъ и честныхъ начальниковъ? Никогда и не ждите этого, а казнитесь, сами на свое безпутство глядя!»

Вся сходка затихла, всѣ повѣсили головы; вздыхали, разводили руками, пожимали плечами: «правда,

правда, слышалось тутъ и тамъ, согрѣшили дьяки за наши грѣхи...»

Кажется, будто всѣ мы должны выслушать такую проповѣдь, войдти въ себя и одуматься. На кого мы должны сѣтовать, за неурядицы всякаго рода, на кого роптать, непрестанно встрѣчая не то, чего ждали, не то, что бы должно? На себя самихъ, сами на себя, какъ убѣдительно доказано было бѣднымъ плательщикомъ.

Обширный, но еще довольно грубый и дикій народъ, со всѣми добрыми и дурными свойствами природы, борющейся съ насущными нуждами, былъ внезапно вовлеченъ въ новый для него міръ, на уровень народовъ, выстрадавшихъ себѣ усвоенный имъ бытъ, народовъ, изъ коихъ каждый перебродилъ на свой ладъ и на своей закваскѣ. Вынужденный ровняться въ этомъ новомъ для него строю, онъ поневолѣ выступилъ на поприще въ одеждѣ общаго съ прочими покроя, въ пудрѣ и пукляхъ, онъ перенялъ и принялъ вскорѣ тотъ же видъ, осанку и выправку, перенялъ и затвердилъ все, что передать можно, но болѣе этого онъ за одинъ пріемъ сдѣлать не могъ; пороки и недостатки его не устранились, духовный и нравственный бытъ его не переродился, потому что на это дѣло ни мастера, ни лекала, а оно по командѣ не передается. Передовая часть народа, то есть та именно, которая вдвинута была въ этотъ новый міръ и новую жизнь, поневолѣ осталась до времени при одной внѣшности, исподволь обратившись въ олицетворенную ложь—простите мнѣ это смѣлое слово—потому что всякая искаженная внѣшность есть представитель лжи. Этито тысячи и были оцѣнены здравымъ смысломъ милліоновъ не по внѣшности своей, а по сущности; недовѣрчивость разрознила два сословія, косность и упорство отстаивали права свои съ одной стороны, нрав-

ственный перевѣсъ съ другой былъ утраченъ, на бѣду старинный обычай считать службу и мѣсто покормкой остался въ своей силѣ, не смотря на короткіе хвосты....

Соврем. Извѣстія.

СМЕРТЬ А. С. ПУШКИНА.

28 января 1837 г., во второмъ часу по полудни встрѣтилъ меня Башуцкій, едва я переступилъ порогъ его, роковымъ вопросомъ: «Слышали вы?» и на отвѣтъ мой: нѣтъ,—разсказалъ, что Пушкинъ наканунѣ смертельно раненъ.

У Пушкина нашелъ я уже толпу въ передней и въ залѣ; страхъ ожиданія пробѣгалъ по блѣднымъ лицамъ. Д-ръ Арендтъ и д-ръ Спасскій пожимали плечами. Я подошелъ къ болящему, онъ подалъ мнѣ руку, улыбнулся и сказалъ: «плохо, братъ!» Я приблизился къ одру смерти и не отходилъ отъ него до конца страшныхъ сутокъ. Въ первый разъ сказалъ онъ мнѣ «ты»,—я отвѣчалъ ему такъ же, и побратался съ нимъ уже не для здѣшняго міра.

Пушкинъ заставилъ всѣхъ присутствовавшихъ сдружиться со смертью, такъ спокойно онъ ожидалъ ее, такъ твердо былъ увѣренъ, что послѣдній часъ его ударилъ. Плетневъ говорилъ: «Глядя на Пушкина, я въ первый разъ не боюсь смерти». Больной положительно отвергалъ утѣшенія наши, и на слова мои: «Всѣ мы надѣемся, не отчаявайся и ты!» отвѣчалъ: «Нѣтъ, мнѣ здѣсь не житье; да, видно, уже такъ и надо...» Въ ночь на 29 онъ повторялъ нѣсколько разъ

подобное; спрашивалъ, напримѣръ, который часъ? и на отвѣтъ мой снова спрашивалъ отрывисто и съ разстановкою, «долго-ли мнѣ такъ мучиться? пожалуйста поскорѣе.» Почти всю ночь держалъ онъ меня за руку, по часту просилъ ложечку холодной воды, кусочекъ льду и всегда при этомъ управлялся своеручно—бралъ стаканъ самъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ снималъ и накладывалъ себѣ на животъ припарки, и всегда еще приговаривая: вотъ и хорошо и прекрасно! Собственно отъ боли страдалъ онъ, по словамъ его, не столько, какъ отъ чрезмѣрной тоски, что́ нужно приписать воспаленію брюшной полости, а можетъ быть еще болѣе воспаленію большихъ венозныхъ жилъ. «Ахъ, какая тоска!» восклицалъ онъ, когда припадокъ усиливался, — «сердце изнываетъ!». Тогда просилъ онъ поднять его, поворотить или поправить подушку — и, не давъ кончить того, останавливалъ обыкновенно словами: «ну, такъ, такъ, хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно, теперь очень хорошо!» Вообще былъ онъ, по крайней мѣрѣ въ обращеніи со мною, послушенъ и повадливъ, какъ ребенокъ, дѣлалъ все, о чемъ я его просилъ. «Кто у жены моей?» спросилъ онъ между прочимъ. Я отвѣчалъ: много людей принимаютъ въ тебѣ участіе,—зала и передняя полны. «Ну, спасибо,—отвѣчалъ онъ,—однакоже, поди, скажи женѣ, что все слава Богу, легко; а то ей тамъ, пожалуй, наговорятъ.»

Съ утра пульсъ былъ крайне малъ, слабъ, частъ, но съ полудня сталъ онъ подниматься, а къ 6-му часу ударялъ 120 въ минуту и сталъ полнѣе и тверже; въ тоже время началъ показываться небольшой, общій жаръ. Вслѣдствіе полученныхъ отъ д-ра Арендта наставленій, приставили мы съ д-ромъ Спасскимъ тотчасъ 25 піявокъ и послали за Арендтомъ. Онъ пріѣхалъ, одобрилъ распоряженіе наше. Больной нашъ твердою

рукою самъ ловилъ и припускалъ себѣ піявки и неохотно допускалъ насъ около себя копаться. Пульсъ сдѣлался ровнѣе, рѣже и гораздо мягче; я ухватился, какъ утопленникъ, за соломинку и, обманувъ и себя и друзей, робкимъ голосомъ возгласилъ надежду. Пушкинъ замѣтилъ, что я сталъ добрѣе, взялъ меня за руку и сказалъ: «Даль, скажи мнѣ правду, скоро ли я умру.»—Мы за тебя надѣемся еще, право, надѣемся!—Онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «Ну, спасибо.» По повидимому онъ однажды только и обольстился моею надеждою; ни прежде, ни послѣ этого онъ ей не вѣрилъ; спрашивалъ нетерпѣливо: а скоро ли конецъ, и прибавлялъ еще: пожалуйста поскорѣе! Я налилъ и поднесъ ему рюмку касторовaго масла; «что это?»—Выпей, это хорошо будетъ, хотя можетъ быть на вкусъ и дурно; «ну, давай,» выпилъ и сказалъ: «а, это касторовое масло?»—Оно; да развѣ ты его знаешь? «знаю, да зачѣмъ же оно плаваетъ по водѣ? сверху масло, внизу вода!»—Все равно, тамъ (въ желудкѣ) перемѣшается; «ну, хорошо, и то правда». Въ продолженіе долгой, томительной ночи, глядѣлъ я съ душевнымъ сокрушеніемъ на эту таинственную борьбу жизни и смерти,—и не могъ отбиться отъ трехъ словъ изъ Онѣгина, трехъ страшныхъ словъ, которыя неотвязчиво раздавались въ ушахъ, въ головѣ моей,—слова:

Ну, чтожъ?—Убитъ!

О! сколько силы и краснорѣчія въ трехъ словахъ этихъ! Они стоятъ знаменитаго Шекспировскаго рокового вопроса: быть или не быть. Ужасъ невольно обдавалъ меня съ головы до ногъ,—я сидѣлъ, не смѣя дохнуть—и думалъ: вотъ гдѣ надо изучать опытную мудрость, философію жизни, здѣсь, гдѣ душа рвется изъ тѣла, гдѣ живое, мыслящее совершаетъ страшный переходъ въ мертвое и безотвѣтное, чего не найдешь

ни въ толстыхъ книгахъ, ни на каѳедрѣ! Когда тоска и боль его одолѣвали, онъ крѣпился усильно, и на слова мои: терпѣть надо, любезный другъ, дѣлать нечего; но не стыдись боли своей: стонай, тебѣ будетъ легче, — отвѣчалъ отрывисто: «нѣтъ не надо; жена услышитъ и смѣшно же это, чтобы этотъ вздоръ меня пересилилъ!» Онъ продолжалъ попрежнему дышать часто и отрывисто; его тихій стонъ замолкалъ на время вовсе.

Пульсъ сталъ упадать и вскорѣ исчезъ вовсе, и руки начали стыть. Ударило два часа пополудни, 29 января,—и въ Пушкинѣ оставалось жизни только на три четверти часа. Бодрый духъ все еще сохранялъ могущество свое; изрѣдка только полудремота, забвенье на нѣсколько секундъ туманили мысли и душу. Тогда умирающій, нѣсколько разъ, подавалъ мнѣ руку, сжималъ и говорилъ: «Ну, подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше, ну, пойдемъ.» Опамятовавшись, сказалъ онъ мнѣ: «Мнѣ было пригрезилось, что я съ тобою лѣзу по этимъ книгамъ и полкамъ высоко—и голова закружилась.» Раза два присматривался онъ пристально на меня и спрашивалъ: «Кто это, ты?» — Я, другъ мой. — «Что это,—продолжалъ онъ, — я не могъ тебя узнать!» Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать мою руку и, потянувъ ее, сказалъ. «Ну, пойдемъ же, пожалуйста, да вмѣстѣ.»—Я подошелъ къ В. А. Ж. и гр. Віельгорскому и сказалъ: отходитъ! Пушкинъ отрылъ глаза и попросилъ моченой морошки; когда ее принесли, то онъ сказалъ внятно: «Позовите жену, пусть она меня покормитъ.» — Нат. Ник. опустилась на колѣни у изголовья умирающаго, поднесла ему ложечку, другую—и приникла лицомъ къ челу мужа. Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: «Ну, ничего, слава Богу, все хорошо.»

Друзья, ближніе молча окружили изголовье отхо-

дящаго; я, по просьбѣ его, взялъ его подъ-мышки и приподнялъ повыше. Онъ вдругъ будто проснулся, быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось, и онъ сказалъ: «Кончена жизнь!» Я не дослышалъ и спросилъ тихо: что кончено? «Жизнь кончена,» отвѣчалъ онъ внятно и положительно. «Тяжело дышать, давитъ»— были послѣднія слова его. Всемѣстное спокойствіе разлилось по всему тѣлу; руки остыли по самыя плечи, пальцы на ногахъ, ступни и колѣни также; отрывистое, частое дыханіе измѣнялось болѣе и болѣе въ медленное, тихое, протяжное, еще одинъ слабый, едва замѣтный вздохъ,—и пропасть необъятная, неизмѣримая раздѣлила живыхъ отъ мертваго. Онъ скончался такъ тихо, что предстоящіе не замѣтили смерти его.

При вскрытіи оказалось: чресельная часть правой половины раздроблена, часть крестцовой кости также; пуля затерялась около оконечности послѣдней. Кишки были воспалены, но не убиты гангреной; внутри брюшины до фунта запекшейся крови, вѣроятно, изъ бедренной или брыжеечныхъ венъ. Пуля вошла въ двухъ дюймахъ отъ верхней передней оконечности правой чресельной кости и прошла косвенно или дугою внутри большого таза сверху внизъ до крестцовой кости. Пушкинъ умеръ, вѣроятно, отъ воспаленія большихъ венъ, въ соединеніи съ воспаленіемъ кишокъ.

Изъ раны, при самомъ началѣ, послѣдовало сильное венозное кровотеченіе; вѣроятно, бедренная вена была перебита, судя по количеству крови на платьѣ, плащѣ и проч.; надобно полагать, что раненый потерялъ нѣсколько фунтовъ крови. Пульсъ соотвѣтствовалъ этому положенію больного. Итакъ, первое стараніе медиковъ было унять кровотеченіе. Опасались, чтобы раненый не изошелъ кровью. Холодныя, со льдомъ примочки на брюхо, холодительное питье и проч. вскорѣ отвратили опасеніе это, и 28-го утромъ, когда

боли усилились и показалась значительная опухоль живота, рѣшились поставить промывательное, что̀ съ трудомъ можно было исполнить. Пушкинъ не могъ лечь на бокъ, и чувствительность воспаленной проходной кишки отъ раздробленнаго крестца — обстоятельство въ то время еще неизвѣстное, была причиною жестокой боли и страданій послѣ промывательнаго. Пушкинъ былъ такъ раздраженъ духовно и тѣлесно, что въ это утро отказался вовсе отъ предлагаемыхъ пособій. Около полудня Д. Арендтъ далъ ему нѣсколько капель опія, что̀ Пушкинъ принялъ съ жадностью и успокоился. Передъ этимъ принималъ онъ уже extr hyoscyamie c. calomelano, безъ видимаго облегченія. Послѣ обѣда и во всю ночь давали попеременно aq laurocerosi и opium in pulv: c. calomel. Къ шести часамъ вечера, 28-го ч., болѣзнь приняла иной видъ: пульсъ поднялся значительно,—ударялъ около 120 и сдѣлался жостокъ; оконечности согрѣлись, общая теплота тѣла возвысилась, безпокойство усилилось; поставили 25 піявóкъ къ животу; лихорадка стихла, пульсъ сдѣлался ровнѣе, гораздо мягче, кожа обнаружила небольшую испарину. Это была минута надежды. Но уже съ полуночи и въ особенности къ утру общее изнеможеніе взяло верхъ; пульсъ упадалъ съ часу на часъ, къ полудню 29-го исчезъ вовсе; руки остыли, въ ногахъ сохранилась теплота долѣе,—больной изнывалъ тоскою, начиналъ иногда забываться, ослабѣвалъ, и лицо его измѣнилось. При подобныхъ обстоятельствахъ нѣтъ уже ни пособія, ни надежды. Можно было полагать, что омертвѣніе въ кишкахъ начало образоваться. Жизнь угасала видимо, свѣтильникъ дотлѣвалъ послѣднею искрой.

Вскрытіе трупа показало, что рана принадлежала къ безусловно-смертельнымъ. Раздробленія подвздошной, въ особенности крестцовой кости неисцѣлимы;

при такихъ обстоятельствахъ смерть могла послѣдовать: 1) отъ истеченія крови; 2) отъ воспаленія брюшныхъ внутренностей обще съ пораженіемъ необходимыхъ для жизни нервовъ и самой оконечности становой жилы (cauda equina); 3) самая медленная, томительная отъ всеобщаго изнуренія, при переходѣ пораженныхъ мѣстъ въ нагноеніе. Раненый нашъ перенесъ первое, и потому успѣлъ приготовиться къ смерти, проститься съ женою, дѣтьми и друзьями, и, благодаря Бога, не дожилъ до послѣдняго, чѣмъ избавилъ и себя и ближнихъ отъ напрасныхъ страданій.

В. И. Даль.

ПИСЬМА О ХИВИНСКОМЪ ПОХОДѢ

I

Рѣка Илекъ, въ Зауральской степи, 1839 г. Ноября 25-го.

Не ждали вы отъ меня письма, и всего менѣе, можетъ, думали вечеромъ 25-го Ноября, что я сижу почти на открытомъ воздухѣ, въ кошомной кибиткѣ, при маленькомъ огонькѣ, въ кругу шести добрыхъ товарищей, на морозѣ, и пишу къ вамъ. Мы вышли въ походъ, идемъ войной и грозою на Хиву, эту дерзкую и вѣроломную сосѣдку, какъ названа она была въ приказѣ по корпусу. Путь далекъ, 1500 верстъ, идемъ зимою, и третьяго дня было 29° морозу; весь отрядъ верхомъ, всѣ на коняхъ, вьюки на верблюдахъ, ихъ до 12 тысячъ. Метемъ бураномъ по степямъ и въ Генварѣ должны быть на мѣстѣ. А когда воротитесь?—спросите вы, по сродному вамъ добродушію и состраданію.—Знаемъ, когда вышли, а именно 17 Ноября, а воротившись скажемъ вамъ, когда воротились. Холоду мы не боимся; говоримъ это не изъ хвастовства, а по опыту; взгляните только на насъ, и вы убѣдитесь, что мы не хвастаемъ. Стеганные, на верблюжей шерсти, куртки и архалуки, платье разнаго

рода на лебяжьемъ пуху, верхнее платье изъ шкуръ молодыхъ жеребятъ, или оленьи, сибирскіе совики, киргизкіе дахи и ергаки; рукавицы и чулки козьяго пуху, изъ коего порядочные люди ткутъ, столь извѣстныя вамъ, кашемирскія шали,—словомъ, все запасено, припасено, и несчастные стужа, холодъ, морозъ,—словомъ, вся зима не знаетъ, съ котораго краю приступиться. Не удивляйтесь этимъ кривымъ строкамъ: сердце пишетъ прямо, но морозъ-снѣговичъ беретъ свое, шаршавитъ по своему, а онъ у насъ, какъ вивите, толмачемъ. Сидимъ на корточкахъ, въ теплыхъ кофточкахъ и совикахъ; писать не совсѣмъ ловко. Нужды нѣтъ: когда-нибудь на досугѣ разберете. Вы скажете: Ахъ, Боже мой, какія страсти! за 1500 верстъ, верхомъ, зимой—и прочее, и прочее. Ну, изволите видѣть, сыромъ въ маслѣ мы, конечно, не катаемся, равнымъ образомъ нельзя чтобы не было въ такомъ огромномъ отрядѣ безъ разныхъ безпорядковъ, недостатка, нужды—ну, придемъ домой и отдохнемъ; будемъ разсказывать ребятишкамъ своимъ и добрымъ пріятелямъ о похожденіяхъ своихъ и примѣчаніяхъ. Начинаютъ сейчасъ разливать чай, а у насъ сегодня дневка—позвольте мнѣ сперва *налиться водой*, какъ говорятъ моряки, а потомъ стану продолжать.

Пепелъ отъ пылающаго костра завалилъ до того писаніе мое, что у меня едва достало духу (т. е. Athem) отдуться отъ этой неумѣстной присыпки. Зорю пробили, все улеглось, потому что все устало, только часовые перекликаются вокругъ нашего стана, и верблюды изрѣдка протяжно рычатъ. Опишу вамъ, отъ нечего дѣлать, артель нашу, нашъ *кошъ*, какъ его технически называютъ. Насъ въ одной кибиткѣ,—по четыре шага во всѣ четыре стороны (размѣръ вѣренъ, но кибитка кругла)—насъ лежитъ, на одномъ и томъ же войлокѣ, семь человѣкъ. Былъ осьмой, акаде-

мистъ *Штернбергъ*, художникъ душой и тѣломъ, милый малый, о которомъ мы всѣ жалѣемъ; но онъ, присоединившись къ нашему походу волонтеромъ, побылъ съ нами только три дня, и, раздумавъ дѣло, еще во̀ время воротился. Онъ ѣдетъ въ Питеръ и потомъ, вѣроятно, въ Италію, гдѣ, говоритъ, нѣсколько теплѣе... Позвольте отогрѣть пальцы на огнѣ... Первый товарищъ нашъ и сожитель *Чихачевъ*, путешественникъ по званію и призванію, ein Reisender von Profession, молодецъ, красавецъ, говоритъ на всѣхъ языкахъ, какъ на своемъ, бывалъ въ Германіи и въ Испаніи, въ Алжирѣ, въ Мексикѣ, но не бывалъ еще въ Хивѣ и потому отправляется туда съ нами при сей *вѣрной оказіи*. Онъ говоритъ и распѣваетъ весь день персидскіе стихи и прозу съ муллой нашимъ и съ переводчикомъ и этимъ бѣситъ второго нашего товарища, естествоиспытателя *Лемана*. Докторъ *Мобицъ*, который только по временамъ пытается войти въ число избранныхъ и пріютится въ братскомъ и веселомъ теремѣ нашемъ, докторъ обыкновенно беретъ опять подъ мышку одинокую постель свою, состоящую изъ одной плохой кошомки или войлока, и отправляется въ одинокую кибитченку, гдѣ аптечная ступка съ пестикомъ обязаны принять на себя временно должность его товарища. Какъ быть, дѣло походное! Послѣдній товарищъ нашъ, такой же чиновникъ какъ и я, съ тѣмъ только различіемъ, что у него совикъ (самоѣдская оленья рубаха) изъ стараго, лѣтняго оленя, а у меня изъ лучшаго зимняго молодого сосунка, и еще подбитъ лисой! Не повѣрите, что за раздолье такой кафтанъ, или салопъ, что̀ ваши печи... Позвольте только правую руку отогрѣть, на лѣвой славная рукавица... Вотъ такъ... Пепелъ этотъ мнѣ очень надоѣдаетъ... Вообразите теперь палаточку, въ которой съ трудомъ только помѣщаются три человѣка, посадите туда или

натолкайте ее биткомъ семью человѣками, живыми, вотъ какъ мы съ вами, одѣньте эти семь человѣкъ самымъ причудливымъ образомъ, лапландцами, самоѣдами, алеутами, киргизами, полу-черкесами, полукалмыками, полу-башкирами, полу-все что́ угодно,— право всякаго роду и наряду найдется въ одеждѣ нашей по клочку...—вообразите все это, и вы видѣте насъ. Прислушайтесь, и вы услышите англійскій, испанскій, нѣмецкій и французкій языки, малороссійскія, персидскія и русскія пѣсни, татарскій говоръ, а подлѣ, въ двухъ шагахъ, рычатъ скучные и жалкіе верблюды. Загляните, и вы увидите на рѣшеткѣ кибитки черкесскую шашку, испанскій, толеданскій палашъ, казачью саблю, персидскій, индійскій, турецкій кинжалъ: увидите сотню предметовъ скомканныхъ какъ въ мѣшкѣ, которымъ, для васъ, нѣтъ названья, потому что вы ихъ не видывали и не знаете, хотя мы здѣсь не можемъ безъ нихъ обойтись. Положимъ, вы поймете, если я скажу, что тутъ стоитъ котелокъ, таганъ, баклашка, но что вамъ въ томъ, если я скажу, что тутъ навалены торсуки, сабы, треноги, курджуны [1]), и проч. А между тѣмъ это наше хозяйство.... Позвольте мнѣ теперь поворотиться на другой бокъ: у меня спереди Покровъ, а сзади Рождество, т. е. тутъ огонь, а тамъ морозъ... Хотите ли теперь взглянуть среди дня на караванъ нашъ? Вообразите снѣжную степь, по которой видимо-не-видимо, сколько глазъ займетъ во всѣ стороны, все верблюды съ огромными вьюками, гора горой, все вьюки и верблюды, а по сторонамъ прикрытіе: казаки, артиллерія и пѣхота... На этомъ словѣ вчера остановился. Сегодня, 26-е, въ воскресенье опять дневка; мы сошлись тутъ, всѣ четыре отряда вмѣстѣ, и теперь пойдемъ въ пол-

---

1) Переметная сума.

номъ составѣ, дружно и густо, чтобы никто не могъ обидѣть, чтобы быть сильнѣе всякой силы кромѣ Божьей, на которую душой и сердцемъ уповаемъ. Онъ выведетъ насъ отселѣ черезъ 7, 8 мѣсяцевъ, или скорѣе, коли Ему угодно, и мы заживемъ опять новой жизнью, вдвое оцѣнимъ домашній бытъ и домашнее благо свое.

II

5 Декабря 1839 Биштамакъ.

Сегодня 6 Дек., большой и благодатный праздникъ: мы справляемъ его на Биштамакѣ, верстахъ въ 270 отъ Оренбурга; слѣдовательно шестую долю пути своего кончили, прошли, и прошли благополучно. Скажу вамъ, милые мои, съ тѣмъ чтобы это осталось между нами, что у насъ нынѣ $31^1/_2$ градусовъ, и что порядочный морозецъ, какъ говорятъ уральцы, прохватываетъ ровно огнемъ. Впрочемъ, по совѣсти, мы еще ни разу не зябли, и въ цѣломъ отрядѣ нѣтъ ни одного человѣка съ ознобами, за исключеніемъ одного старика киргиза. Больныхъ, коихъ болѣзнь можно бы приписать походу, также нѣтъ; простудныя и другія случайныя болѣзни и нѣсколько вновь открывшихся хроническихъ. Сижу и пишу теперь въ кибиткѣ, въ общей нашей, такъ называемой, каютъ-компаніи, и пишу при 30° слишкомъ морозу, безъ перчатокъ, и руки ничуть не зябнутъ: у насъ желѣзная печь. Путемъ доселѣ всегда было сѣно и дрова. Сѣно покупали у Кайсаковъ, которые по Илеку удивительно много накосили сѣна; дрова мѣстами тальникъ и другой кустарникъ, а въ помощь ему и кизячекъ, коими насъ также иногда снабжали аулы. Впрочемъ, въ такую бѣду, какъ сегодня, горитъ все, даже свѣжій навозъ

изъ подъ верблюдовъ; этому въ городѣ трудно повѣрить. Посадилъ бы я еще прихотливаго жителя городского въ нашу кибитку, такого, которому дуетъ и несетъ изо всякаго угла и окна, и прихоти бы исчезли. Спасительное дѣло для насъ, что В. А. [1]) завелъ на свой счетъ общественную трапезу и большую кибитку, въ которой всегда огонекъ: безъ этого мы бы замерзали каждый по одиночкѣ въ своемъ углу, потому что невозможно на каждаго отдѣльно запастись дровами, и нельзя было бы даже ставить для каждаго по одиночкѣ чай. Кайсаки въ походахъ и поѣздкахъ своихъ всегда раздѣваются на ночь до нага: они увѣряютъ, что это гораздо теплѣе, если только хорошо завернуться и укрыться. Я доселѣ, въ продолженіи 19-ти ночей, только два раза не раздѣвался; я нахожу, что дѣйствительно раздѣвшись гораздо теплѣе, и сегодня, напр., при этой стужѣ, я спалъ въ мѣшкѣ своемъ, накрывшись тулупомъ и кошмой, какъ у Бога за пазухой. Конечно тамъ, гдѣ по ночамъ могутъ быть внезапныя тревоги, это не удобно: тамъ раздѣваться нельзя. Признаюсь, я никогда не думалъ, что, одѣвшись хорошо, можно до такой степени хорошо переносить такую стужу; я, увѣряю васъ, не зябъ еще ни разу. Ночью въ юллам (кибиткѣ нашей) никогда не горитъ огонь, а шесть человѣкъ грѣютъ другъ друга прекрасно. Вотъ вамъ цѣлая страница о холодѣ, о морозѣ, о теплѣ, объ огнѣ и прочее. Поговоримъ о другой, не менѣе важной, статьѣ: это обѣдъ, чай и проч. Мы выступаемъ каждый день съ разсвѣтомъ, иногда немножко прежде; становимся въ 2 часа, потому что дни коротки, а скотинѣ, и въ особенности верблюдамъ, которые ночью не ѣдятъ, надо покушать.

---

[1]) Эти буквы (здѣсь и вездѣ ниже) означаютъ (гр.) В. А. Перовскаго.

Такимъ образомъ, прошедши 15—25 верстъ, распускаемъ верблюдовъ и лошадей на тебеневку; верблюды наѣдаются въ $1^1/_2$, 2 часа, потомъ ихъ пригоняютъ и укладываютъ на кошмы, разчистивъ напередъ снѣгъ; кони остаются на всю ночь въ полѣ: лошадь не жуетъ жвачки и потому не можетъ наѣдаться въ такое короткое время. Между тѣмъ, какъ только пришли мы на мѣсто, раскидываютъ живо двѣ кибитки, генеральскую и вертепъ, какъ мы его называемъ, каютъ-компанію, или общественную: ставятъ самоваръ, наливаютъ чай и завариваютъ сбитень; мы грѣемся и пьемъ, между тѣмъ, часамъ къ семи или восьми, поспѣваетъ обѣдъ: щи, супъ и другое блюдо—каша или капуста, селянка, баранина, говядина, а иногда, какъ вчера и третьяго дня, жеребятинка, которая, мимоходомъ сказать, очень хороша, какъ самая лучшая, кормленная мягкая говядина. Пообѣдавши принимаемся опять за чай да за сбитень; у кого есть дѣло, бѣгаетъ, хлопочетъ по отряду и, прибѣжавши въ сборную нашу, похлопываетъ рукавицами и кричитъ: чаю, сбитню! Часовъ въ 8, а много въ 9, все залегло уже спать. Встаютъ въ 3 часа: весь лагерь просыпается, начинается крикъ, шумъ, бѣготня, кони ржутъ, верблюды рычатъ; это бываетъ вслѣдъ за генералъ-маршемъ, въ 3 часа; въ 6 барабанъ бьетъ сборъ, вьючатъ, сымаютъ кибитки и выходятъ, напившись разумѣется чаю, и нахлебавшись жиденькой кашицы. Такъ тянемъ мы день за день, время уходитъ,—и скоро, пролетятъ не только эти полгода, но и много другихъ полугодовъ и годовъ...

Надобно вамъ однако же разсказать плачевную и непріятную продѣлку; на дняхъ у насъ одного солдата разстрѣляли. Какъ быть! онъ ушелъ съ часовъ, покинувъ ружье, потомъ бѣжалъ, укралъ другое ружье, и пр. Время военное, опасное, пѣхота чрез-

мѣрно избалована, необходимо было показать примѣръ, для острастки. Къ счастію, такъ по крайней мѣрѣ я сужу по своимъ чувствамъ, казненный бѣднякъ былъ до того глупъ и тупъ, что, по видимому, вся ужасная церемонія эта, причащаніе и отпѣваніе за-живо, не сдѣлала на него никакого впечатленія;—а смерть всякая одинакова, и скорая смерть лучше медленной и томительной. Во всякомъ случаѣ нельзя было не наказать виноватаго тѣлесно, и такъ, что онъ бы можетъ быть на всегда былъ калѣкою, а можетъ-быть и умеръ бы; по этому—спокойной ему ночи и благодатнаго утра!

Маркитантъ нашъ, Зайчиковъ, или Деевъ взялъ съ собою пару добрыхъ собакъ, и мы уже затравили шесть лисицъ и волка. Для перемѣны и это забава. Леманъ очень прилежно ловитъ мышей. *Ханыковъ* спитъ отлично хорошо и занялъ постоянное мѣсто въ каютъ-компаніи противъ печки; одѣтъ онъ въ огромный, мохнатый совикъ свой и лѣтнюю легонькую шапочку на кожѣ: онъ не можетъ одѣвать тепло голову. Я постоянно одѣваюсь въ стеганную куртку и шаровары, или въ лебяжью, а сверху совикъ Штернберга и шапку, столь извѣстную, изъ бѣляка (тюленя), которая, помните?—надѣвается отъ маковки и по самыя плечи. Говоря о болѣзняхъ, забылъ я упомянуть, что у насъ было уже человѣкъ шесть больныхъ Сибирской язвой, не смотря на морозъ; человѣка два умерли. Страшная, непонятная болѣзнь, и странно, что она открылась теперь, въ такую жестокую стужу! Всѣ тѣ, которые пришли во́ время и можно было хорошо вырѣзать язву, остались живы.

Сейчасъ всѣ пошли на молебствіе, 10 часовъ утра, а я остался, потому что надобно еще написать кой какія бумаги... Сижу въ теплой кибиткѣ В. А., гдѣ стоитъ большая кухонная печь, и сижу тепло: въ

кибиткѣ этой теперь на полу 15°, на столѣ 4°, а на вышину головы 22°. В. А. теперь здоровъ; у него было разболѣлись глаза́, и, признаюсь, я за него бо-ялся: какая возможность пользовать ихъ при такихъ обстоятельствахъ? Теперь, отъ стужи внѣ и жару внутри кибитки, у него высыпало и обметало лицо, и вслѣдъ за тѣмъ глазамъ стало гораздо легче. Было у насъ нѣсколько человѣкъ больныхъ жабою, angina tonsilaris, по омеопатія, пріемъ белладоны, устраняла болѣзнь каждый разъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Сегодня у насъ походный обѣдъ великолѣпный—четыре кушанья, шампанское и проч.. Между тѣмъ все таки обѣдаемъ, какъ и прежде, стоя и по́ходя, въ деревянныхъ чашкахъ, кто гдѣ и какъ умудрится. Къ вечеру будетъ обильная либація и пуншація, по русски: благородная попойка, въ общемъ собраніи, за здравіе Царя, за котораго идемъ драться. Прошайте.

III

Декабря 8-го 1839 г. 12 верстъ отъ Бишпамака

Здравствуйте еще разъ. Пишу на скучной и невольной дневкѣ, послѣ жестокой стужи, которую всѣ мы перенесли удивительно хорошо, потому что, право, даже почти не зябли; принуждены были сегодня остановиться и простояли сложа руки цѣлый день: буранъ; мететъ такъ, что свѣту Божьяго не видно, и притомъ—22°, слѣдовательно идти невозможно; а я, стоя на колѣняхъ, какъ провинившійся школьникъ, пишу въ теплой кибиткѣ В. А. и могу писать не отогрѣвая рукъ, потому что висящій предо мною тепломѣръ показываетъ 3. Это уже такъ тепло, что изъ рукъ вонъ! Небо пасмурное, солнце плаваетъ въ

какомъ-то полупрозрачномъ сумракѣ, блѣдное, не окра-
шенное; кони стоятъ въ мерзлыхъ кожанныхъ попо-
нахъ какъ въ латахъ, повѣсили головы и ждутъ
овсеца, гривы сбиты въ ледяные сосульки, клочья
снѣгу покрываютъ хребетъ; верблюды лежатъ какъ
мертвые на подстилкахъ своихъ, одинъ подлѣ одного,
какъ тюки, какъ огромные связки или чемоданы, жу-
ютъ и пережевываютъ вчерашнее, а сегодня Богъ
дастъ! Нельзя было даже выгнать ихъ на тебеневку:
буранъ, того и гляди, загонитъ ихъ Богъ вѣсть куда,
да и ѣсть не станутъ, а столпятся въ кучу и пой-
дутъ по вѣтру. Все поле укрыто шатрами, запоро-
шенными бѣлымъ снѣгомъ; дымокъ вырывается тутъ
и тамъ изъ боковой щелки между кошмъ, и вихорь
уноситъ его и мгновенно развѣваетъ, какъ глотокъ
табачнаго дыма, пущенный на вѣтеръ. Тутъ и тамъ
подымаютъ верблюда со спокойнаго ложа его; мохна-
тый Кайсакъ взгромаживается самъ-другъ на четверо-
ногій горбъ этотъ и отправляется за кустарникомъ, за
бурьяномъ; верблюдъ жалобно рычитъ и просится въ
свою спаленку, т. е. на кошму; казаки и солдаты,
должностные, бѣгаютъ закутанные съ ногъ до головы,
мелькаютъ между кибитокъ и похлопываютъ махнуш-
ками своими, рука объ руку. Уралецъ глядитъ
молодцомъ, отвѣчаетъ, если спросите холодно ли,
«небольно морозно, ваше бл-діе, терпѣть можно».
Жалкій служивый линейныхъ баталіоновъ глядитъ, съ
позволенія сказать, бабой: наушники, налобникъ и на-
личникъ его обмерзли кругомъ цѣлою бахрамою сосу-
лекъ. Въ двухъ мѣстахъ въ эту минуту раздаются
пѣсни; вплоть у кибитки, гдѣ я пишу, поютъ штаб-
ные господа наши въ буфетѣ или каютъ-компаніи,
поютъ разладицей и каждый свое; а тамъ подальше,
человѣкъ двѣнадцать уральцевъ затягиваютъ согласно:
«Охъ, ты милый мой, милъ сердечный другъ». Вотъ

вамъ весь бытъ нашъ: пусть Штернбергъ, измѣнникъ, его нарисуетъ. Чтобы согрѣть маленько воображеніе ваше, скажу еще, что вчера прибыли на Биштамакъ къ намъ 50 дровней съ дровами изъ Орска, а сегодня часть дровянаго транспорта, посланнаго въ догонку изъ Илецка. Всего ихъ до 500 верблюдовъ; но караванъ подъ командой извѣстнаго грозненскаго батыря, Оренбургскаго войска хорунжаго Петрова. Это тотъ самый, который сидѣлъ недѣли двѣ на гауптвахтѣ за то, что неловко или неосторожно, какъ самъ онъ говоритъ, неосторожно снялъ съ лошади одного строптиваго киргизскаго старшину, сломивъ ему руку и ногу. Но караванъ, сказалъ я, сбился и заплутался ночью, когда его захватилъ буранъ, и пребываетъ сегодня по частямъ. На Биштамакѣ было сѣна довольно; здѣсь также, и мы уже запасаемся дней на 12—14, до Эмбскаго укрѣпленія. Невыгода наша, въ сравненіи съ купеческими караванами, велика: въ караванѣ всякій хозяинъ идетъ съ верблюдами своими, бережетъ ихъ, холитъ, разгребаетъ подъ ними снѣгъ, подстилаетъ имъ кошмы; всякій выходитъ какъ успѣлъ навьючить, не дожидаясь никого; а у насъ солдатъ говоритъ: чортъ дери верблюда, былъ бы живъ я! И, не смотря ни на какой присмотръ, верблюды иногда терпятъ безъ нужды горе, колѣютъ и гибнутъ. У насъ идутъ военнымъ порядкомъ: правая колонна, лѣвая колонна, въ срединѣ паркъ, артиллерія, штабъ, авангардъ, аріергардъ, который подбираетъ отсталыхъ, и все это должно сняться вдругъ, а вьючиться исподволь: верблюды лежатъ завьюченные часа по три и ожидаютъ неготовыхъ, а это тяжело. Сверхъ того, караваны мѣняютъ усталыхъ верблюдовъ на пути и размѣниваютъ ихъ на обратномъ слѣдованіи. Всего этого намъ нельзя дѣлать, и не смотря на все это, мы придемъ благополучно, сдѣлаемъ что приказано и воротимся къ

своимъ. Всякій изъ насъ убѣжденъ въ необходимости и въ пользѣ этой мѣры, что крайность заставила правительство наше поднять на этихъ воровъ копье и штыкъ; всякій идетъ охотно, не только по долгу, но и по убѣжденію.

Шесть часовъ. Бьютъ зорю. Снѣгъ хруститъ за кибиткой. Буранъ стихаетъ. Я выглянулъ за двери и велѣлъ ставить чай, и пожалѣлъ, что Штернберга нѣтъ съ нами. Лунный свѣтъ сверху, зарево огней снизу, а въ серединѣ лазоревая тьма. На землѣ кипитъ еще кровь наша, выше земли тьма, для насъ непроницаемая, еще выше свѣтъ, а какой, можно только иногда догадываться, когда душа безотчетно къ нему стремится и его пугается. Но какая это догадка? Догадка слѣпого о цвѣтѣ молока, по разсказу поводатаря, что оно походитъ цвѣтомъ на гуся, котораго слѣпой также знаетъ только ощупавъ руку поводатаря, согнутую клюкой для изображенія гуся!... Хозяйство мое не слишкомъ озабочиваетъ и безпокоитъ меня.... Вообще, слава Богу, все идетъ довольно дружно, живутъ большею частію по людски, а это, ей Богу, не бездѣлица. Мы сидимъ въ одномъ мѣшкѣ, и грызться, коситься и отплевываться тѣсно. Заканчиваю на сегодня, въ другой разъ болѣе; тѣсно, и генералъ *Молоствовъ* пришелъ, совѣстно занимать у него мѣсто, а я пишу на его кровати.

Продолжаю 9 Дек. Сидимъ вокругъ огонька. Чихачевъ разсказываетъ, какъ онъ близъ Квито, въ Коломбіи, долженъ былъ проходить каждый разъ черезъ экваторъ, чтобы спросить стаканъ воды, т. е. черезъ черту, которую Lacondamine [1]) провелъ. В. А. также вошелъ сей часъ и забавлялся долго, слушая громкіе споры веселой братіи, которая его не замѣчала. Бла-

---

1) Извѣстный ученый путешественникъ.

городный, душевно уважаемый мною Молоствовъ, который теперь командуетъ нашей колонной, сидитъ, насунувъ мягкую казачью шапку на брови, и дремлетъ; сейчасъ спѣлъ онъ намъ солдатскую пѣсню и затихъ: онъ сердечный усталъ, проработавъ весь день. Чихачевъ сдѣланъ попечителемъ госпиталя. Я, по крайней мѣрѣ, числюсь секретаремъ и гофмаршаломъ. Одинъ Ханыковъ благоденствуетъ въ бездѣйствіи, постоянно засѣдаетъ въ огромномъ совикѣ своемъ и въ лѣтней фураженкѣ передъ огонькомъ, на стулѣ, на первомъ мѣстѣ, и не встаетъ ни въ какомъ случаѣ съ мѣста, чтобы его не заняли, а зоветъ Курумбая, который въ цѣломъ отрядѣ вошелъ уже въ пословицу. Разговоръ идетъ объ акцизѣ, откупѣ, налогахъ, монополіи.

10-го Декабря. Сегодня вышли въ $^1/_2$ 5-го и пришли на мѣсто рано, въ $^1/_2$ 11-го, на рѣчку Таласъ-бай, которая течетъ омутами, пропадаетъ подъ землей и снова выходитъ. Это одинъ изъ пяти притоковъ р. Илека, который составляется у Биштамака пятью рѣчками. Бишъ-тамакъ значитъ *пять устьевъ*. Сегодня утромъ было болѣе 30°, теперь 28°; при всемъ томъ, слава Богу, мы не зябнемъ. Сижу теперь у желѣзной печи въ каютъ-кампаніи, пишу на стулѣ, стоя на колѣняхъ. До Эмбы осталось намъ 6—8 дней ходу, потомъ до Усть-Урта двѣ недѣли; по Теть-Урту столько же—и пришли! Надобно же надѣяться, что жестокіе морозы прекратятся, и погода установится потеплѣе. Я, откровенно говоря, самъ удивляюсь, что все это намъ такъ хорошо съ рукъ сходитъ и что мы живемъ припѣваючи при постоянной стужѣ въ 20—30 градусовъ. Ночь довольно тихая; бьютъ зорю—слышны только оклики часовыхъ и позывы того или другого къ корпусному командиру. Знаете ли что? Въ лагерѣ трудно иногда доискаться того или другого: этотъ полевой и подвижной таборъ становится каждый день

на новое мѣсто, улицъ и переулковъ нѣтъ, по этому заведено разъ навсегда, во всѣхъ походахъ, что начальникъ зоветъ подчиненнаго просто во весь голосъ изъ своей кибитки, и кричитъ: передавай! Въ одну минуту весь лагерь оглашается именемъ того, кого ищутъ, съ прибавленіемъ къ кому—и всякаго легко отыскать. Больныхъ у насъ многонько; все лихорадки и горячки, 3—4 озноба, не значительныхъ впрочемъ; поносы, нѣсколько возобновившихся хроническихъ болѣзней. Старикъ Молоствовъ захворалъ, говорятъ, что худо переноситъ сильную стужу; у В. А. глаза совсѣмъ поправились, слава Богу. Изъ насъ нѣтъ ни одного больного, только Иванинъ захворалъ, потому что хотѣлъ непремѣнно поставить на своемъ и вытерпѣть весь походъ въ одномъ тепломъ сюртукѣ и *холодной* шинели верблюжьяго сукна; я его много уговаривалъ, но онъ увѣрялъ, что ему тепло. Дѣлаютъ чай: еслибъ вы увидѣли этотъ сбродъ пестрыхъ, цвѣтныхъ, полосатыхъ, одноцвѣтныхъ и всякаго калибра халаты, куртки, шпенсеры, сюртуки, черкески, казакины, чекмени и чекменьки, увѣряю васъ, что это стоитъ кисти Штернберга, особенно если бы онъ не упустилъ разнообразные шапки, кушаки, пояса, платки, шали, косынки и пр. «Оселъ въ квадратѣ»—восклицаетъ въ эту минуту Ханыковъ—«что я не взялъ съ собою перины!» Надо вамъ сказать, что ему Курумбай стелетъ каждый день семь ковровъ, семнадцать кошмъ и полстей, подушки, тулупы, шубы, но ему, Сарданапальской душѣ, всего этого мало! Онъ и теперь, какъ обыкновенно, занимаетъ мѣсто предсѣдателя передъ топкой желѣзной печки и куритъ изъ черешневаго чубука своего талежникъ въ оглоблю. Да у Волженцова, молодого казака, который взятъ нами для съемки шкуръ и проч., у него сѣла на подбородокъ Сибирская язва; вырѣзали, присыпали во

время, и все прошло благополучно; онъ здоровъ. Доброй ночи.

21-го Дек. на Эмбѣ, въ укрѣпленіи нашемъ Аты-Якши, что́ значитъ по Русски: *доброе имя*. Ура! 500 вер. прошли; не успѣемъ оглянуться какъ пройдемъ и еще столько, да полстолько, да еще одну версту— и пришли. Зима жестокая; 16° у насъ ни почемъ, что́ называется тепло, если только нѣтъ вѣтра. Только два дня было у насъ 10° и въ полдень еще меньше, теперь снова наладилъ морозъ-свѣговичъ 16, 18, 20, 25. Благодаря Бога, все удивительно благополучно. всего не болѣе человѣкъ десяти познобили себѣ пальцы или персты на ногахъ; никто не замерзъ, и одинъ только отморозилъ ногу, да и то такъ, что, по всей вѣроятности, она еще будетъ цѣла. Вы заботитесь обо мнѣ: говоря по совѣсти, положивъ руку на сердце, я со времени выхода изъ Оренбурга не *зябъ*, не только не подвергался опасности отморозить руку или ногу. Многіе познобили себѣ носы, щеки, это правда, и у многихъ наростаетъ на лицѣ другая и третья шкура; но я невредимъ доселѣ, и приписываю это осторожности своей. Многіе чрезвычайно легко одѣты; увѣряютъ, что теплѣе одѣваться тяжело и пр. Я совсѣмъ съ этимъ не согласенъ; я одѣтъ очень тепло и притомъ легко сажусь на лошадь, двигаю руки и ноги безъ затрудненія. Не заботьтесь также объ утратѣ знаменитаго совика моего, которому нѣтъ подобнаго во всей поднебесной, или, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ отрядѣ. Совикъ Штернберга также довольно одолжителенъ, и лебяжья куртка, которую я еще покрылъ верблюжьимъ сукномъ и не спускаю съ плечъ, грѣетъ какъ печь. Вы все хотите подробностей, велите избѣгать общихъ мѣстъ и замѣчаній! Вотъ вамъ они, не скучайте, сами на нихъ напросились. Ханыковъ, получивъ имя Сарданапалъ-паши, съ минуты прибытія на-

шего на Эмбу, переселился въ укрѣпленіе къ астроному Васильеву, и мы его больше не видимъ. Сегодня несчастный Курумбай его потащилъ туда на плечахъ своихъ семисаженную кошму, ковры, подушки и всю спальную сбрую. Верблюдовъ угнали верстъ за 10 на тебеневку; поэтому Курумбай долженъ былъ взять на себя ихъ обязанность, а постель Ханыкова право составляетъ хорошій вьюкъ. Васильевъ опредѣлилъ широту и долготу Аты-Якши: $3^1/_2$ градуса южнѣе Оренбурга и $2^1/_{20}$ восточнѣе. Это стало быть широта винограда, кипариса и почти даже винныхъ ягодъ и оливки,—а у насъ снѣгъ завалилъ все, буранъ свищетъ, и трескучій морозъ погоняетъ рьяныхъ коней своихъ во всю ивановскую и собрался, кажется, гнать насъ до самаго нельзя. Боялись, что мало будетъ снѣгу: что впередъ Богъ дастъ, а именно на Устъ-уртѣ и здѣсь небесной манны этой въ волю. Она насъ питаетъ: уже много разъ ночевали мы безъ воды. Далѣе: Леманъ усердно распарываетъ мышей и въ Самоѣдской ермолкѣ своей много походитъ на папу Пія VII-го. Чихачевъ, какъ попечитель больницы, много хлопочетъ и до того заботится о лошадяхъ своихъ, что идетъ всегда $^3/_4$ перехода пѣшкомъ и не спитъ ночь, навѣдываясь по часту, хорошо ли ихъ кормятъ. Теперь мы опять у сѣна, а нѣсколько дней кони голодали и отрывали бѣдный кормъ подъ глубокимъ снѣгомъ. Сегодня считали и пересчитывали всѣхъ верблюдовъ, осматривали, много ли плохихъ, негодныхъ вовсе и хорошихъ: почти пятая часть оказываются негодными и должны быть выписаны въ инвалиды. Это досадно: подновить ихъ нечѣмъ! Далѣе: Мулла будетъ скоро разстриженъ, поступаетъ въ войско, съ чиномъ урядника я черезъ два-три дня произведенъ будетъ въ хорунжаго: честолюбіе морозитъ и убиваетъ насъ, а дивизіонъ 1-го казачьяго полка

портитъ кровь, взвариваетъ желчъ и заставляетъ говорить печенкой вмѣсто легкаго. Мулла ретивый и честный, надежный парень. Смѣшитъ онъ насъ, когда завернувшись вечеромъ въ огромную кошму свою, занимаетъ мѣсто за троихъ, и если кто начинаетъ ссориться съ нимъ и требовать, чтобы онъ легъ поубористѣе, поумѣстительнѣе, то кряхтитъ, стонетъ и притворяется больнымъ. За это ему столько достается, что онъ увѣряетъ и божится, что дѣлаетъ это во снѣ и самъ того не помнитъ. Мы, впрочемъ, раздѣлились на двѣ юлламы: шестерымъ тѣсно, нельзя разводить огня. Теперь мы стоимъ въ одной три, въ другой четыре человѣка, лежимъ просторно и разводимъ огонекъ. При томъ нѣкоторые изъ сотоварищей нашихъ негодовали на беззаботность другихъ, которые отнюдь не хотятъ похлопотать даже за себя и предоставляютъ это занятіе любителямъ. Мулла, Ивановъ, Чихачевъ и я въ одной юлламѣ, а въ двухъ шагахъ отъ насъ Леманъ, Ханыковъ и корнетъ Шоттъ, ординарецъ В. А. Впрочемъ, артель наша не раздѣлилась: кони, люди и верблюды остались подъ вѣденіемъ Иванова, а мулла произведенъ въ чай-баши, и разливаетъ въ кибитченкѣ нашей чай. Знаете ли, какъ хорошо посидѣть вокругъ огонька и пить чаекъ!

Въ укрѣпленіи гарнизонъ живетъ въ довольно опрятныхъ и удобныхъ землянкахъ, но воздухъ въ нихъ спертый, нездоровый и ничѣмъ не можетъ быть исправленъ. В. А. покупаетъ у здѣшнихъ Кайсаковъ нѣсколько кибитокъ съ тѣмъ, чтобы помѣстить въ нихъ часть больныхъ и здоровыхъ. Я также согласенъ, что въ кибиткахъ, съ огоньками, жить гораздо здоровѣе. Кайсаки всѣ кочуютъ спокойно на своихъ мѣстахъ, ничего не боятся, и доселѣ ихъ никто не тронулъ волоскомъ. Старый хрѣнъ Юсупъ Кулановъ явился съ просьбою, чтобы камышъ на зимовкѣ его, верстахъ

въ 8 отсюда, былъ пощаженъ. Вѣроятно просьбу его исполнятъ, хотя для насъ это очень неудобно.

Аты-Якши, на р. Эмбѣ, 23 Декабря.

Вчера мы было уговорились съ удалымъ уральскимъ есауломъ Назаровымъ (Максимомъ) ѣхать сегодня до свѣту на кабановъ, которыхъ здѣсь въ камышахъ много. Я всталъ сегодня часа за полтора до свѣта, вышелъ съ холода на холодъ, потому что въ юлламѣ нашей также не было еще огня,—снѣгъ сильно захрустѣлъ подъ ногами, дыханіе мгновенно мерзло на длинныхъ усахъ и на бородѣ: я не брился уже болѣе мѣсяца, со дня выступленія изъ Оренбурга. Окинувъ взглядомъ воротникъ тулупа, подъ которымъ провелъ ночь, я встрѣтилъ нѣсколько длинныхъ сосулекъ: видно холодно. Подошедши съ фонаремъ къ термометру Чихачева, висящему постоянно подъ часами, у кибитки В. А., я узналъ, что и сегодня опять 26°. Воздухъ тихъ, небо ясно, звѣзды сверкаютъ. Подумавъ хорошенько, разсудилъ, что лучше остаться дома, особенно еще послѣ бани, или лучше выразиться по польски: *мовни*, потому что я съ Ивановымъ вымылся вчера вечеромъ у Зайчикова въ землянкѣ. И такъ я пошелъ въ юлламу Назарова, который занимался разливкою чая, и объявилъ, что я на сегодня отщепенецъ. Ханыковъ, который, на все время нашего здѣсь пребыванія, перебрался въ укрѣпленіе къ Васильеву, снарядился однакоже и поѣхалъ на кабановъ. Онъ былъ замѣчательно уродливъ въ огромномъ, толстомъ совикѣ своемъ, съ ружьемъ (въ чехлѣ) за плечами, особенно, когда сердился въ это время и подбиралъ пули и пат-

роны по калибру. Я совѣтовалъ ему дружески оставить воинственныя, предпріимчивыя затѣи свои и ѣхать просто зрителемъ, потому что кабанъ иногда не любитъ шутить, а, испуганная выстрѣломъ и нападеніемъ кабана, лошадь не рѣдко скидываетъ подобныхъ ѣздоковъ. Онъ однакоже пребылъ твердъ и не поколебимъ; пошли ему Господь на этотъ разъ побольше равновѣсія. Напившись чаю, вышелъ я взглянуть на восходящее солнышко, мутное, блѣдное, сонное, и увидѣлъ вмѣсто одного солнца три. При нынѣшней стужѣ мы уже частенько видѣли эти побочные облики Аполлона, но ни разу еще обликъ не былъ такъ хорошъ, какъ сегодня. Рѣшительно нельзя было сказать, которое изъ трехъ видимыхъ свѣтилъ настоящее солнце; можно было только догадаться, что это, какъ обыкновенно, среднее. Я забылъ сказать, что передъ самымъ восходомъ, надъ солнцемъ поднялся высокій столпъ яркаго свѣта, потомъ уже явились три солнца, потомъ вскорѣ начали тускнѣть, два изъ нихъ приняли радужные цвѣта и растянулись нѣсколько по вертикалу, края ихъ заплыли, и ярче разгорѣвшееся солнце разогнало остатки своего подобія. День ясный, тихій, почти теплый—а 26°! Въ землянкахъ укрѣпленія 8°—10° тепла, а между тѣмъ тамъ жарко и душно; дыханіе видно, какъ въ холодной комнатѣ, а намъ, окостенѣвшимъ уже на морозѣ, жарко. Свѣтлыя искры льются по воздуху, переливая фіалковые, радужные цвѣта; блескъ снѣга на землѣ невыносимъ безъ наглазниковъ, и больнымъ, которыхъ въ одномъ нашемъ, т. е. 4-мъ отрядѣ, болѣе 70 человѣкъ, не хорошо: тутъ никакое лѣкарство не помогаетъ, коли самъ не подымешься. Болѣзни большею частію простудныя; въ укрѣпленіи, напротивъ, до сотни человѣкъ горячешныхъ, цынготныхъ и проч. Землянки ихъ хороши, но землянка всегда землянка: будь она

опрятна и свѣтла, все она подъ землей! Вотъ почему, кажется, очень хорошо дѣлаютъ, что хотятъ вывести большую часть гарнизона въ кибитки. Вѣрьте мнѣ, въ кибиткѣ и при 30° хорошо и тепло, былъ бы только днемъ огонекъ, хоть маленькій, чтобы можно погрѣться глазами и воображеніемъ,—и былъ бы на ночь хорошій тулупъ до кошма. И такъ, морозу мы не боимся, не шутя; пишу это при 26°, въ такое время, когда впродолженіи мѣсяца, два только раза термометръ показывалъ менѣе 10°, шесть разъ болѣе 28-ми, двѣнадцать дней бодѣе 20-ти. Мы простоимъ здѣсь съ недѣлю или болѣе; можетъ статься, морозы спадутъ Это было бы желательно для нижнихъ чиновъ, которые не могутъ раскладывать бивачныхъ костровъ, а иногда съ нуждою только сварятъ свою кашицу. Ихъ кормятъ очень хорошо, теперь даютъ по цѣлому фунту мяса въ день. Здѣсь вблизи кочуютъ Назаровцы (Чиклинцы) и начинаютъ уже садиться на зимовье. Отрядъ нашъ проходилъ мѣстами вплоть мимо ауловъ ихъ, и къ чести отряда должно сказать, что никто не тронулъ Кайсаковъ пальцемъ, не смѣлъ взять волоска, или клока шерсти, не говоря уже о баранѣ. Я не думалъ, что все это обойдется и можетъ обойтись такъ чинно. Извѣстный батырь—въ старые годы наѣздникъ и воръ—Юсупъ Кулановъ получилъ вчера хорошіе подарки, между прочимъ синій кафтанъ, двуствольное ружье и золотой перстень съ арабскою надписью. Старикъ, лѣтъ 80, былъ очень доволенъ и обѣщалъ стараться о пополненіи недостающихъ верблюдовъ, лошадей и рогатаго скота. Для этого черезъ недѣлю будетъ у насъ туй, т. е. пиръ, на который должны собраться всѣ ближніе Назоровцы и вести съ собою скотъ, что у кого лишнее есть, и за каждую голову будутъ платиться деньги.

Написавъ это, я отправился въ столицу нашу, въ

укрѣпленіе, самъ не зная, за чѣмъ и къ кому, такъ прогуляться. Вдругъ входитъ Ханыковъ, мерзлый, отчаянный; онъ воротился съ неудачной охоты, и говоритъ: «идите скорѣе въ лагерь, васъ ищутъ: гонцы прибыли съ Акъ-Булака (со втораго укрѣпленія) съ извѣстіемъ, что тамъ дерутся съ Хивинцами»... Вотъ разсказъ посланныхъ: 13-го Декабря отправлены были отселѣ 130 человѣкъ пѣхоты и сотня казаковъ въ Акъ-Булакъ, что-бы привести оттолѣ всѣхъ больныхъ, до сотни. Команда эта, ничего не чая, остановилась для послѣдняго ночлега 18 Дек. верстъ за 10 недоходя укрѣпленія, и ночью вдругъ Хивинцы съ крикомъ и визгомъ напали, кинувшись напередъ всего на лошадей. Лошади были стреножены, но до 30 треногъ лопнуло, и кони шарахнулись безъ удержу; 40 верблюдовъ поскакали за ними вслѣдъ. Между тѣмъ отрядецъ справился, собралъ остальныхъ лошадей и верблюдовъ, окружилъ себя заваломъ изъ телегъ и вьюковъ и благополучно выдержалъ $1^1/_2$ дневную осаду 2-хъ до 3-хъ тысячъ Туркменъ, Каракалпаковъ и Хивинцевъ. Казаки и солдаты отстрѣливались славно, кидались нѣсколько разъ изъ засады своей на непріятеля, который, наконецъ, принужденъ былъ удалиться. Съ нашей стороны убиты: три солдата и два казака; ранено 11. У Хивинцевъ потеря не извѣстна, потому что они утаскивали убитыхъ и раненыхъ съ собою; но сами посланные, бывшіе вожаками при отрядѣ, видѣли 8 человѣкъ, свалившихся съ лошадей. Трое убиты были такъ близко, что тѣла ихъ Хивинцы не успѣли выхватить и покинули. На одномъ изъ посланныхъ была завоеванная сабля, которыхъ взято 5. Прибывъ за тѣмъ благополучно въ укрѣпленіе, молодцы наши услышали здѣсь, что тотъ же Хивинскій отрядъ осаждалъ его три дня, но не могши нанести ему никакого вреда и потерявъ нѣсколько человѣкъ отъ гра-

натъ и картечи, прошелъ мимо, вѣроятно для развѣдокъ;—и на этомъ-то розыскѣ встрѣтилъ конвой, посланный для больныхъ. Вся слава разбойниковъ и трусовъ состоитъ въ томъ, что они звѣрски замучили и разрѣзали по частямъ одного Кайсака, посланнаго, охотой, съ увѣщательными грамотами къ Хивинскому народу, къ Каракалпакамъ и проч., дабы, по возможности, предупредить напрасное кровопролитіе. Прибывшіе сюда гонцы нашли остатки тѣла его на дорогѣ, верстъ не болѣе какъ въ 5—6 отъ самаго укрѣпленія. Это озлобило вообще всѣхъ Кайсаковъ до того, что они называютъ Хивинцевъ кяфырями, не мусульманами и клянутся въ мести. Тѣмъ вѣрнѣе будутъ они намъ служить, тѣмъ менѣе можно ожидать побѣговъ, хотя, правду сказать, и теперь изъ отряда нашего бѣжало Кайсаковъ 3 или 4 человѣка, и только изъ числа высланныхъ за нами Бай-Мохамедомъ, при 350 верблюдахъ, прибывшихъ вовсе отдѣльно и по себѣ, бѣжало 12 человѣкъ Кайсаковъ. И такъ, первая побѣда надъ непріятелемъ одержана, а главное—Хивинцы вышли изъ гнѣзда своего и должны теперь драться. Пора спать: до завтраго. Двое Кайсаковъ прибывшихъ съ этою вѣстію вызвались для опасной посылки, а другихъ охотниковъ не было. Это тѣ же самые, которые были отсюда посланы вожаками съ командой, ушедшей въ Акъ-Булакъ за больными. Одинъ изъ нихъ человѣкъ бывалый, видѣлъ войну между Кайсаками, видѣлъ войну Хивинцевъ съ Персіанами, съ Бухарцами,—но эдакой войны, говоритъ, какъ бой 200 человѣкъ, этой горсти, за тюками и телѣгами, не видалъ. Онъ не можетъ надивиться хладнокровію солдатъ нашихъ, которые почти двои сутки отстрѣливались, пѣли при этомъ пѣсни, какъ именно Кайсаки замѣчаютъ въ разсказѣ своемъ, даже курили трубки. У Хивинцевъ были два трубача, огромныя,

саженныя трубы съ широкимъ раструбомъ; трубачи эти сзывали правовѣрное воинство на бой; всѣ около нихъ собирались, но, какъ трубачамъ нельзя было подъѣзжать близко къ заваламъ нашимъ, потому что-де стрѣляли оттуда, то и наѣздники вмѣстѣ съ трубачами давали тылъ. Причина весьма удовлетворительная: у трубача, какъ у всякаго другого молодца того же калибра, лобъ не за каменной стѣной. Очень хвалятъ поручика Ерофѣева, командира роты, за хладнокровіе и распорядительность его. Онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что въ первый разъ попалъ въ огонь и войны не видалъ. Солдатъ было съ нимъ, какъ я узналъ теперь вѣрнѣе, 170 челов., а казаковъ сотня, изъ коихъ 40 верхами, а лошади изъ подъ остальныхъ были заложены въ сани и телѣги, подъ больныхъ. Все это прекрасно. Остаются только неодолимыя хлопоты съ больными, этою вѣчною мукою всѣхъ военныхъ отрядовъ: за ними сто разъ болѣе хлопотъ, чѣмъ за убитыми. У насъ, въ 4-й колоннѣ, ихъ уже до 90 человѣкъ.

У насъ идетъ повѣрка и пересмотръ верблюдовъ: ихъ должно бы быть 10 т.; но выходитъ менѣе, такъ что, за выключкой негодныхъ, едва наберется 8 т. Запаснаго продовольствія въ Хиву нельзя будетъ взять болѣе чѣмъ на мѣсяцъ; прежде не разсчитывали на тамошнія средства вовсе, а теперь надобно будетъ оглянуться тамъ, нѣтъ ли гдѣ хлѣбца, или обратить часть верблюдовъ опять на Эмбу, для подвоза. Впрочемъ, у насъ есть еще порядочный запасъ въ Новоалександровѣ, это ближе, и туда можно будетъ послать съ мѣста: туда всего отъ Хивы двѣ недѣли ходу. Солдатъ кормятъ очень хорошо, даютъ имъ теперь по полному фунту мяса на день; не смотря на это, они болѣютъ. Сначала выступленія В. А. былъ очень озабоченъ неисправностію цѣпи нашей; не умѣли

опрашивать проходящихъ, пропускали безъ отзыва, засыпали на часахъ, кутались въ кошмы отъ бурановъ; поэтому всѣ наличные при штабѣ офицеры стали обходить (ночью) цѣпь и повѣрять часовыхъ. Нынѣ дошли до того, что можемъ быть спокойны; часовые стоятъ хорошо и понимаютъ обязанность свою. В. А. вчера ночью хотѣлъ проѣхать насильно черезъ цѣпь; часовой уставилъ ему штыкъ въ грудь и побожился, что заколетъ, если не остановится на мѣстѣ до прихода ефрейтора, котораго звалъ отчаяннымъ голосомъ. Мы также боялись частыхъ побѣговъ Кайсаковъ съ верблюдами, но доселѣ было только два или много три случая, остальные служатъ хорошо и стали даже сами (т. е. не верблюды а Кайсаки) вьючить ихъ къ крайнему облегченію войска. Бай-Мохамедъ прислалъ 380 верблюдовъ, изъ числа этого ушло дорогою 42 верблюда, т. е. 12 человѣкъ съ ними бѣжали. Удивительно, что доселѣ нѣтъ здѣсь самого Бай-Мохамеда, ему срокомъ назначено было 15-е число, и онъ хотѣлъ прибыть съ 400 Кайсаковъ.

Насчитать ли вамъ, хотя ради небольшого самохвальства, всѣ неудобства нашего необыкновеннаго похода? Начинаю тѣмъ, что еслибы идти намъ по утвержденнымъ и установленнымъ на этотъ предметъ общимъ постановленіемъ, то мы бы доселѣ не дошли далѣе Илецкой Защиты. Напримѣръ: предписывается посылать квартиргеровъ, занимать биваки всегда по близости селеній, разводить бивачные огни, стоять на мѣстѣ, ждать, если морозъ превышаетъ 15°. Хороши бы мы были! Долго бы намъ пришлось дожидаться пятнадцати градусовъ, и дожидаться, поколѣ выростутъ на пути лѣса и выстроятся селенія! Мы идемъ глубокимъ снѣгомъ, цѣликомъ, безъ дороги,—и это тяжело; верблюды безпрестанно развьючиваются, за ними хлопотъ много, и много остановки; нѣсколько

верблюдовъ пристаютъ вовсе, на каждомъ переходѣ,—надобно скакать по отряду, искать порожняго верблюда, чтобы не покинуть вьюка; а между тѣмъ Кайсаки рѣжутъ отслужившаго горбуна и дѣлятъ между собою мясо. Разсчитывали, что на верблюда могутъ садиться поперемѣнно по два солдата, оно справедливо, и верблюдъ несетъ двухъ человѣкъ легко; но оказывается, что жесткая сума солдатская занимаетъ много мѣста и сверхъ того набиваетъ верблюду задній горбъ, а верблюдъ со сбитымъ горбомъ идетъ только подъ ножъ. Число верблюдовъ сравнительно съ числомъ войскъ, очень велико; верблюдъ, избалованное животное, которое требуетъ—не корма, не воды, а присмотра. Не хорошо навьючить, не выровнять тюки, пустить веревку черезъ горбъ—значитъ лишиться верблюда: онъ уже не служака и изъ счету вонъ; каждый день надобно разгребать снѣгъ на томъ мѣстѣ, гдѣ верблюды укладываются и даже, гдѣ только можно, срывать землю, до талой земли—работы много. Надобно также подстилать подъ скотину эту кошмы или камышъ; а солдаты гораздо охотнѣе укрываются кошмами сами и жгутъ камышъ, и верблюды болѣютъ и дохнутъ.

В. А. уѣхалъ въ укрѣпленіе, отъ котораго мы въ полуверстѣ,—заботится о больныхъ; папа Пій VII-й поймалъ Menonites Tamaricina и очень доволенъ; онъ ходитъ по сугробамъ снѣга въ мѣховыхъ сапогахъ, нагольномъ тулупѣ и самоѣдской скуфьѣ, закрываясь локтемъ отъ жестокаго бурана. Сарданапалъ-царевичъ возвратился съ охоты благополучно и очень удачно, т. е. къ счастію не видалъ кабана и остался цѣлъ и невредимъ. Ивановъ варитъ пельмени, разъ по семи на день и ѣстъ, увѣряя, что это грѣетъ. Мулла, нынѣ чиновникъ, урядникъ, взялъ у меня ружье, послышавъ о близости Хивинцевъ, и пригоняетъ пули.

Сабли онъ не снимаетъ съ себя даже ночью, потому что теперь онъ военный человѣкъ. Чихачевъ таки дохолодился на морозѣ до того, что его вчера маленько встряхнуло; нынѣ онъ здоровъ. Бодиско стоитъ отъ насъ саженяхъ во ста, за штабомъ, въ обозѣ; мы видимъ его только за обѣдомъ, да изрѣдка навѣщаемъ; ему вчера выдернули зубъ, который его нѣсколько дней сильно мучилъ.

Я помянулъ пельмени: скажите пожалуста тому, до кого это можетъ касаться, что пельмени наши никуда не годятся; въ Оренбургѣ, какъ вы, чай, помните, была оттепель; заботливый поваръ нашъ пересыпалъ ихъ въ это время мукой, чтобы не слиплись всѣ въ одинъ пельмень; теперь, какъ сварятъ ихъ, гочно клейстеръ, мука сваренная въ водѣ. Между тѣмъ ѣдимъ ихъ очень прилежно, потому что французскій самоучитель, М-г l'Appetit, даетъ намъ полезные уроки. Вчера вся честная піющая оратія возстала на меня дружнымъ и шумливымъ оплотомъ, за то что я не умѣю достать вина для нихъ, которое замерзло въ боченкѣ. Я просилъ наставленія, какъ это сдѣлать,—потому что боченокъ на морозѣ не отойдетъ, а рубить его не приходится; водяныя части вина, разумѣется, замерзли напередъ, а послѣ уже спиртовыя, и потому надобно бы оттопить все. Велегласное совѣщаніе кончилось тѣмъ, что нельзя ничего сдѣлать, и трое ретивыхъ спорщиковъ, которые хвалились, что распорядились бы гораздо лучше, если бы дѣло было поручено имъ, замолчали. Имъ однакоже очень прискорбно, что мы завтра первый праздникъ, будемъ безъ вина. И такъ сегодня сочельникъ; походная церковь наша поставлена въ укрѣпленіи; зеленая кровля шатромъ виднѣется издали. Въ Оренбургѣ храмикъ нашъ исчезалъ среди высокихъ зданій,—здѣсь, между курныхъ и дымныхъ кибитокъ, между рыхлыхъ зем-

лянокъ, занесенныхъ сугробами снѣга, между будками, сшитыми на живую нитку изъ лубковъ и рогожъ, походная церковь составляетъ самое великолѣпное зданіе. Тридцать два заряда приготовлены; колоколъ сзываетъ на всенощную—здѣсь, конечно, отъ созданія міра впервые раздается звонъ христіанскаго колокола. Для сочельника вѣтеръ стихъ; погода прекрасная, мы ходимъ въ однихъ курткахъ и сертучкахъ—и не можемъ надивиться, что термометръ докладываетъ намъ о 14 градусахъ. Это, право, оптическій обманъ. Земля нырнула уже въ глубокую тьму, вокругъ поднимаются искристые столбы туманнаго свѣта; это огни наши; вблизи на всѣхъ кибиткахъ, по своду кровли, широкія огненныя прорѣхи, изъ которыхъ вылетаетъ дымъ, паръ, и тутъ и тамъ искры; часовые опять затянули уже круговую зѣвоту свою, верблюды угнаны на далекое пастбище, и потому унылыхъ пѣній ихъ не слыхать. Все тихо;—«солдатъ стой, убью—солдатъ стой, что отрылъ?» раздается тутъ и тамъ—и благодать Господня почіетъ на христолюбивомъ воинствѣ.

Командиръ колоннъ перемѣняется по случаю назначенія Толмачева командующимъ пѣхотой, Ціолковскаго кавалеріей, Кузьминскаго артиллеріей. Первой колонной командуетъ полковникъ Бизяновъ, славный, почтенный старецъ и знакомецъ мой, уралецъ, ходившій еще при Павлѣ I въ аломъ кафтанѣ и синей шапкѣ, воевавшій еще съ Суворовымъ—и первая колонна идетъ впередъ, чуть ли не на второй день праздника. Счастливый и завидный путь!

V

27 Дек. Четыре колонны наши пойдутъ отсюда эшелонами, съ тѣмъ, чтобы 1-я колонна приняла въ одномъ или двухъ переходахъ отъ Акъ-Булака вы-

сланныхъ оттуда, подъ прикрытіемъ Чижева, больныхъ, передала ихъ за переходъ во 2-ю, тамъ въ 3-ю, 4-ю, и такимъ образомъ будутъ они доставлены благополучно сюда, и мы не лишимся конвоя своего, который въ иномъ случаѣ долженъ бы проводить больныхъ и съ ними остаться. Чихачевъ еще открылъ, что термометръ его вралъ на $1^1/_4{}^0$, именно показывалъ меньше, потому что висѣлъ на кибиткѣ В. А., въ которой бывало до 20° и болѣе тепла. Стало быть 6-го Дек. у насъ было до 34° мороза, что и согласно съ наблюденіемъ въ другихъ колоннахъ. Странная болѣзнь появляется здѣсь изрѣдка; скажите мнѣ, что это такое? Начинается прямо безпамятствомъ и сумашествіемъ, между тѣмъ какъ по всему нельзя предполагать тутъ воспаленія мозга; человѣкъ до пяти заболѣвали, и двое умерли.

Отъ Оренбурга шли мы все въ гору, вверхъ по Илéку; перешли Сыртъ, т. е. раздѣленіе водъ, возвышеніе Буссагá, которое на картахъ изображаютъ огромными, небывалыми горами; тамъ спустились внизъ по Эмбѣ и теперь пойдемъ низменною степью до самаго Чинта. До Эмбы земля довольно плодоносна: растетъ ковыль; а гдѣ ковыль, тамъ можетъ расти и хлѣбъ; отселѣ далѣе почва илистая, песчаная, солонцеватая, глинистая, словомъ, дно морское: растутъ одни тонкія солянки и мелкотравчатая полынь, да мѣстами бурьянъ и помочка, словомъ земля голодная, лѣтомъ почти непроходимая. По Илеку сидѣли аулы Ташинцевъ; здѣсь Чиклинцы, и именно Назаровцы; это народъ довольно дикій, многіе изъ нихъ не видали отъ роду Русскихъ;—между тѣмъ аулы ихъ сидятъ спокойно кругомъ, не уходятъ, потому что зимою имъ бѣжать нельзя, и приводятъ даже скотъ на продажу; имъ велѣно поставить намъ сколько можно верблюдовъ и лошадей. Нѣсколько ауловъ вѣденія Кулъ-Джани не

дали вовсе верблюдовъ, когда собирали ихъ для экспедиціи и платили найму по 10 руб. серебр. за каждый. Этимъ молодцамъ задана теперь задача—поставить двѣ сотни горбуновъ. По случаю ссоры Назаровцевъ съ Хивинцами никакихъ вѣстей о войскѣ ихъ нѣтъ; не знаемъ что и какъ будетъ, а надѣемся встрѣтить ихъ.

28 Дек. Кто скажетъ намъ, какіе это Хивинцы съ нами дрались? Передовой ли отрядъ, или просто команда Менембая (Джангиза), которая вышла встрѣчать караванъ и сорвать съ него что можетъ, и вздумала прислужиться хану нападеніемъ на Акъ-Булакъ? Статься можетъ, что мы ихъ и не удивимъ больше, и знаменитою вылазкою двѣнадцати солдатъ и 4-хъ грозненскихъ казаковъ кровопролитіе кончится! По человѣчеству—прекрасно; но, соображая цѣль многотрудной и дорогой экспедиціи нашей, дурно. Если все обойдется по христіански, чинно, смирно, тихо—тогда не узнаютъ страха, и нельзя поручиться, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ Хива не сдѣлалась опять тѣмъ же вертепомъ. Если, напротивъ, придется побить ихъ путемъ, разбить какой-нибудь глиняный валъ или стѣну ядрами или подорвать его миной, поднять на штыкъ ихнее ополченіе, размести, какъ говорится, пополъ хвостомъ конскимъ, тогда бы помнили Русскихъ долго. Первая угроза имъ легла бы смерчемъ на безпутное ханство, и каждое требованіе было бы свято исполняемо.

Вчера В. А. въ первый разъ приказалъ сдѣлать нѣсколько ночныхъ сигналовъ; колонны въ сборѣ, и потому всѣ могли наблюдать ихъ хорошо. Впрочемъ, никогда употребленіе этого средства на сухомъ пути не можетъ сдѣлаться до такой степени общимъ, какъ на морѣ [1]): тамъ ничего не мѣшаетъ наблюдать огни,

[1]) Передъ назначеніемъ въ Оренбургъ гр. Перовскій служилъ нѣкоторое время въ морскомъ министерствѣ, П. Б.

тамъ часовой закричитъ: сигналы—и вахтенный, не сходя съ мѣста направляетъ глаза или трубу въ ту сторону, гдѣ флагманъ; здѣсь иному придется бѣжать съ версту, покуда найдетъ того, кому надо наблюдать, и этому опять искать чистаго мѣста, откуда сигналы видны.

Мы обстрѣливаемъ коней своихъ: мои, мухортый и карій, ничего не боятся, словно знали, что подъ такого богатыря пойдутъ. Для охоты это очень пріятно. Леманъ вчера ѣздилъ верстъ за десять, видѣлъ горы, морскихъ ракушекъ и животныхъ, далъ нѣсколько промаховъ изъ ружья и щедро наградилъ казаковъ, которые убили ему пятокъ куропатокъ и два жаворонка. Онъ тѣшился ими. Чихачевъ, выбривши и вымывши всю прислугу нашу, сжегъ рукавъ совика, обрѣзалъ огромные бахилы и работалъ потомъ съ астрономомъ Васильевымъ. Онъ, Чихачевъ, постоянный метеорологъ нашъ, беретъ высоты, наблюдаетъ барометръ, термометръ и даже баро-термометръ: машинка, по которой черезъ кипяченіе перегонной воды узнается возвышеніе мѣста отъ поверхности моря, потому что вода, какъ извѣстно, кипитъ при различной температурѣ, смотря по возвышенію мѣста или тяжести воздушнаго надъ нею столба. Мнѣ поручено строить койки, о которыхъ я говорилъ, и это занятіе право больше идетъ ко мнѣ, чѣмъ быть очень неисправнымъ буфетчикомъ. Но, что всего лучше, у насъ теперь прекрасныхъ, сухихъ, березовыхъ щепъ вдоволь: въ юлламѣ пылаетъ неугасимый огонь, и весталка наша, знаменитый Бай-сенъ Чихачева, не можетъ нахвалиться щедротами Аллаха. У Бай-сена этого рожа право самая неблагопристойная, разсудка нѣтъ, кажется, ни на волосъ, а между тѣмъ онъ пасетъ прекрасно верблюдовъ, день и ночь караулитъ лошадей и стóитъ намъ теперь дороже трехъ исправныхъ день-

щиковъ. Мы позвали вчера вечеромъ моего Саната въ юлламу, сѣли вокругъ огня, затопили чайникъ, произвели Муллу-Нура въ чай-баши и заставили Саната разсказывать сказку, услышавъ случайно, что онъ большой мастеръ этого дѣла. Что-же вы думаете? Право мы изумились; ждали какого-нибудь вздору, а Санатъ мой высыпалъ намъ цѣлую поэму о Чуръ-батырѣ, Ногайцѣ, въ презамысловатыхъ стихахъ, съ безконечнымъ ожерельемъ прибаутокъ, съ риѳмами, съ пѣснями, съ припѣвами, складно, ладно и причудливо. Это большая рѣдкость между Кайсаками; у нихъ, обыкновенно, не найдете въ народной поэзіи воспоминаній былевыхъ, а пѣснопѣвцы слагаютъ стишки свои, по четыре въ строфѣ, на обумъ, помня немногіе изъ нихъ на изусть. Чуръ-батырь непремѣнно будетъ переписанъ, отъ слова до слова, и переведенъ на русскій языкъ. Я далеко не все понималъ, но удивился необыкновенному сходству духа этой сказки и самого разсказа съ русскими богатырскими сказками. Что такое народная поэзія? Откуда берется это безотчетное стремленіе нѣсколькихъ поколѣній къ одному призраку, и какимъ образомъ, наконецъ, то, что́ думали и чувствовали впродолженіи десятковъ или сотенъ лѣтъ цѣлые народы, племена и поколѣнія, оживаетъ въ словѣ, воплощается въ словѣ одного, и снова развивается въ толпѣ и дѣлается общимъ достояніемъ народа? Это загадка. Сто устъ глаголятъ одними устами—это хоръ древнихъ Грековъ, и значеніе хора ихъ можетъ понять только тотъ, кто способенъ постигнуть душою, что́ такое народная, созданная народомъ, поэма: это дума вслухъ цѣлаго народа, цѣлыхъ поколѣній народа. Для меня, это первый залогъ нашего безсмертія. Говорятъ: гласъ народа—гласъ Божій; что же сказать о гласѣ цѣлаго поколѣнія? Этотъ залогъ долженъ найти свой отголосокъ, онъ не замретъ въ

простотѣ и силѣ своей, а отголоска ему въ этомъ мірѣ нѣтъ. Такъ-то мы читаемъ въ каждой книгѣ не то что написано, а то, что можемъ понять и постигнуть, что тронетъ и займетъ насъ; такъ-то народныя преданія для иныхъ—бабьи сплетни, для инаго совсѣмъ иное.

Такъ коловратно все на свѣтѣ! Но болѣе трехъ часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я кончилъ эту страницу письма, и погода измѣнилась, сдѣлалось гораздо теплѣе, вѣтеръ затихъ; а у насъ въ отрядѣ двухъ Кайсаковъ разстрѣляли. Ночью бѣжало шесть человѣкъ въ 18-ю верблюдами, а потомъ всѣ верблюдчики въ колоннѣ Толмачева объявили, что далѣе идти не намѣрены, а хотятъ воротиться. Причины раздумья ихъ были очень просты: верблюды-де у насъ плохи, устанутъ, не дойдутъ, непріятель впереди, время опасное—такъ зачѣмъ мы туда пойдемъ? В. А. выѣхалъ къ нимъ тотчасъ самъ, велѣлъ ихъ собрать и окружить карауломъ, человѣкъ до 200. За тѣмъ Ивановъ растолковалъ имъ, что мы всѣ идемъ не по своей волѣ, а по волѣ Государевой, что всякій, кто теперь смѣетъ сказать: «я не иду далѣе»—ослушникъ и преступникъ и долженъ быть строго наказанъ; что Кайсаковъ у насъ кормятъ хорошо, даютъ имъ мяса и крупъ болѣе чѣмъ солдату; что непріятеля имъ бояться не для чего, какъ могутъ заключить изъ первой стычки нашей съ ними: тамъ Кайсаки лежали, по распоряженію офицера, за пулями, а солдаты и казаки отстрѣливались; солдаты же и казаки ранены и убиты, а Киргизы всѣ цѣлы и пр. За тѣмъ спросили всю толпу, кто понялъ рѣчь эту, образумился и хочетъ идти, и кто нѣтъ. Нѣкоторые увидали, что мимо ихъ прошли рабочіе солдаты съ лопатами и кирками, а другіе съ ружьями за ними, и спѣшили бѣгомъ перебраться на правую сторону; другіе послѣдовали ихъ

примѣру, а семь человѣкъ, и въ томъ числѣ знаменитый ораторъ, который кричалъ за всѣхъ, что мы-де не пойдемъ, перешли на лѣвую сторону. Послѣднихъ тотчасъ же окружили казаки съ пиками, и В. А. указалъ на одного изъ нихъ (кажется, на перваго встрѣчнаго, на кого упала рука). Его вывели, раздѣли, завязали глаза, и залпъ раздался. Вслѣдъ за тѣмъ та же судьба постигла другого, осталные пять взвыли о милосердіи и отдавали души свои въ поруки, что готовы идти на край свѣта. В. А. сказалъ имъ, что прощаетъ ихъ во уваженіе просьбы султана-правителя Бай-Мохамеда, который присутствовалъ тутъ же, и образумѣвшіеся глупыши, бѣгомъ, кувыркомъ и прыжкомъ, пробрались между лошадьми и пиками на правую сторону, къ праведнымъ. Примѣръ этотъ необходимъ. Подкрѣпи только Господь здоровье В. А. [1]) и душевную силу его! Онъ иногда бываетъ очень разстроенъ отъ безпрестанныхъ непріятностей и трудовъ, отъ заботъ, которыя нельзя устранить и не всегда можно увѣнчать успѣхомъ.

VI

1-го Генв. 1840. Съ новымъ годомъ! День славный; вчера и сегодня градусовъ 10—15, тепло; снѣгъ не идетъ, вѣтра нѣтъ. Снѣгъ однакоже ужасно глубокъ: Богъ вѣсть, какъ протащимся съ орудіями, больными и ящиками. Дай Богъ, чтобы мы могли сдѣлать по 10 верстъ въ день. Вѣроятно выступимъ дня черезъ три. Вчера опять ушло у насъ четыре Кайсака, Семиродца, это всего выходитъ 24 человѣка; поймать ни одного не удалось доселѣ; хоть бы разстрѣлять какого-

[1]) Сравни Р. Арх. 1865: Записки гр. Перовскаго.

нибудь бѣглеца, такъ бы, можетъ быть, стали трусить. В. А. сегодня очень разстроенъ, не спалъ всю ночь и много безпокоится. Я все говорю алахъ-керимъ, Богъ милостивъ, и Русскій Богъ великъ; дойдемъ хорошо, сдѣлаемъ дѣло и воротимся благополучно. Мы доселѣ сдѣлали нѣсколько менѣе 500 верстъ въ 32 дня, а отсюда пойдемъ еще вдвое медленнѣе. Бизяновъ, который выступилъ четвертаго дня съ своей колонной, проходилъ первые два дня по пяти и по семи верстъ. Пѣхота пашетъ по колѣна въ снѣгу. Всѣ Кайсаки говорятъ, что отъ роду такого снѣгу здѣсь не запомнятъ; обыкновенно по сю сторону Сырта Буссага, который раздѣляетъ вершины Илека и Эмбы, зима бываетъ несравненно мягче и снѣгу бываетъ гораздо менѣе, чѣмъ у васъ; теперь на оборотъ. Вы ждете снѣгу, а мы отрываемся лопатами. Наша колонна шла въ походѣ такимъ порядкомъ: лѣвый флангъ верблюдовъ въ десять рядовъ или нитокъ; впереди, для порядку, по одному казаку на каждый рядъ, а иногда и на каждые два ряда. Правая колонна или флангъ также; въ срединѣ паркъ, за нею штабъ, за нимъ лодки, церковь, аріергардъ; впереди парка артиллерія, впереди ея авангардъ 1-го полка. Нельзя, впрочемъ, не признаться, что иногда, особенно въ началѣ, было много путаницы, и долго не могли привыкнуть останавливаться тѣмъ же порядкомъ и выступать также. Теперь всякій знаетъ свое мѣсто; кибитка корпуснаго командира становится въ самоей срединѣ за паркомъ и выдвигается впередъ; за нею каютъ-кампанія и кухня; по обѣ стороны: влѣво стоятъ дежурный штабъ-офицеръ, дежурство и прочее, вправо мы. Теперь прибыли къ намъ въ палатку еще два генерала: командующій пѣхотой Толмачевъ; и кавалеріей Циолковскій. Они, кажется, станутъ на правомъ флангѣ, подлѣ дежурства. Скажу вамъ еще частное и собственное мнѣніе мое: мы весною воротиться не

можемъ. Дай Богъ, чтобы я ошибался. Во всякомъ случаѣ обратный путь будетъ по моему безъ всякаго сравненія легче и удобнѣе; мы можемъ идти порознь, разными дорогами и малыми частями. Мнѣ кажется, что мы, вопреки всякому разсчету, отвѣдаемъ Хивинскихъ дынь, а можетъ быть и винограду. Вы видите, что я говорю откровенно, что думаю; поэтому и вѣрьте, что я вообще отъ васъ ничего не скрываю; В. А. позволилъ писать мнѣ *все*, и письма эти почти тоже, что дневникъ мой.

4-го Генв. Довольно холодно: 22°, но ясный, солнечный день. Изготовилъ до 150 коекъ для больныхъ, которыхъ будутъ подвѣшивать на верблюдовъ; пересмотрѣлъ стклянки и банки по должности дворецкаго— все полопалось, вино, трюфли, морсъ, прощай! Даже портвейнъ и мадера высадили въ боченкахъ дно. Говорятъ, если правда, что у Ціолковскаго все цѣло: вотъ что значитъ хозяинъ, и вотъ какая разница въ хозяйствѣ хозяина и бурлака. Впрочемъ, все у насъ было обшито кошмами: не знаю, въ чемъ сила. В. А. уѣхалъ вчера еще въ укрѣпленіе къ Геку, и пишетъ письма; Никифоровъ и Ханыковъ живутъ тамъ постоянно, Артюховъ являлся туда ежедневно, чтобы поѣсть свѣжаго хлѣба и напиться квасу; я въ теченіе двухъ недѣль навѣдывался туда, по дѣлу, раза два-три. Муллу произвели заурядъ въ хорунжіи, онъ ходитъ съ темлякомъ; Чихачевъ вздумалъ чистоплотничать сегодня, вытереться спиртомъ, да хотѣлъ погрѣть огромное полотенце съ простынею, обмакнувши его въ спиртъ — огонъ вспыхнулъ, и мы едва не сожгли юлламу свою, насилу выкинули тряпку въ снѣгъ.

5-го Генв. На дняхъ отданъ приказъ, что-бы всѣ офицеры покидали здѣсь въ укрѣпленіи всѣ излишнія тяжести, все, безъ чего только можно обойтись, потому иначе, быть можетъ, принуждены будутъ по недо-

статку верблюдовъ кинуть добро свое путемъ на распутье. Почему же и не такъ? Въ Турціи гевальдигеры жгли, по приказанію главнокомандующаго, всякую лишноту, т. е. всякую повозку, когда строго велѣно было всѣмъ идти на вьюкахъ, но не могли истребить всего обоза: много телѣгъ перешло за Балканъ и—виноватъ—въ томъ числѣ и наша. Дѣвать вещей своихъ мнѣ было некуда, и чѣмъ жечь ихъ самому, я рѣшился тогда предоставить дѣло это судьбѣ и оберъ-гевальдигеру. Кто изъ нихъ былъ милостивѣе, не знаю; но мы съ Зейдлицемъ сохранили телѣгу свою. Здѣсь иное дѣло; мы поднялись съ мѣста на вьюкахъ, всѣ знали что лишняго брать нельзя, и всѣ мы знали, кромѣ того, что насъ будутъ кормить готовымъ. У меня бросать нечего; на шт.-офицера полагалось при выступленіи два верблюда, а я занялъ своими вещами одного. Но тулупъ, таганъ, котелокъ, ведро, топоръ, лопата, чайникъ, треноги, арканъ и всякая, неисчислимая, но необходимая дрянь накопляется и—смотришь—выходитъ тотъ же вьюкъ. Тутъ еще овса выдадутъ вдругъ на нѣсколько сутокъ, да сухарей людямъ, да наберешь сѣнца, да дровецъ—и бѣдный верблюдъ кряхтитъ и рычитъ подъ ношей, а убавить нечего. Удивительно, какъ дрянь эта накопляется въ походѣ, и какъ она необходима. Напримѣръ, у человѣка излишняя кошомка, дрянная, изодранная, но она грѣетъ, если ею укроешься въ 25° мороза, и грѣетъ, если ее подстилать подъ себя; и кто рѣшится ее кинуть? Вотъ какъ пойдемъ, завоевавши ханство, домой, тогда облегчимся: тулуповъ и теплыхъ сапогъ не надо, кинемъ ихъ; овса лошадямъ не нужно, сѣна не нужно, муки верблюдамъ не нужно, дровъ таскать не нужно, ни теплыхъ постелей и покрывалъ, и прочее и прочее.

6-го Генв. Погрузили крестъ въ Эмбу, освятили басурманскія воды, палили изъ пушекъ. Священникъ

нашъ молодой вдовецъ, лѣтъ двадцати не съ большимъ, благочестивый, доброжелательный и всѣми уважаемый. Онъ стоялъ въ бѣлой, какъ снѣгъ, ризѣ, на бѣломъ снѣгу, и солнце генварьское ярко играло на золотыхъ галунахъ. День ясный и теплый, 10°. На дняхъ, генер. Молоствовъ стрѣлялъ въ цѣль, Уральцы изъ винтовокъ своихъ били также не совсѣмъ плохо: на 100 и 150 шаговъ. Скоро и я буду походить на Уральца: я не брился со дня выступленія изъ Оренбурга и не намѣренъ бриться до возвращенія: на походѣ, да еще зимой, заниматься этимъ скучно. Скоро напишу вамъ, къ какому разряду изъ всѣхъ бородъ принадлежитъ борода моя: клиномъ ли она, лопатой ли, вѣникомъ, вѣеромъ или хохолкомъ. Верблюды наши худѣютъ—перенеси Богъ; но иначе и быть не можетъ; зимняя тебеневка можетъ по нуждѣ поддерживать скотину, кой-какъ, но откормиться на ней скотина не можетъ. При выступленіи отсюда, верблюды по необходимости будутъ сутки полторы не ѣвши; они ходятъ верстъ за 20; ближе нѣтъ кормовъ; ихъ пригонятъ сюда съ утра, здѣсь они переночуютъ, на другой день навьюченные должны они еще сдѣлать хоть небольшой переходъ и удовольствоваться потомъ неимовѣрно-тощимъ кормомъ, потому что снѣгъ завалилъ все. Лошадямъ идетъ по 5 ф. сѣна, и по 4 и 5 гарнцевъ овса. Этого довольно. Я не ковалъ лошадей своихъ вовсе и очень этимъ доволенъ: снѣгъ не набивается подъ копыта, и лошади, непривычной къ ковкѣ, легче. О Хивинцахъ никакого слуху: словно сгинули. Тяжело будетъ намъ пройти еще верстъ 200, т. е. до Усть-Урта; тамъ, поднявшись, найдемъ много дровъ, найдемъ и корму для верблюдовъ и, вѣроятно, поменѣе снѣгу. Бывалые люди увѣряютъ, что мы ни подъ какимъ видомъ не найдемъ въ Хивѣ, въ цѣломъ ханствѣ, достаточное для себя продовольствіе, а что необходимо

будетъ требовать подвозу изъ Бухары. Я тоже такъ думаю, и думаю, что изъ Бухары, если *просить* объ этомъ не застѣнчиво, могутъ доставить довольно. Каракалпаки могутъ снабдить насъ говядиной, а Тукмены верблюдами. Мы придемъ въ Хиву къ веснѣ; вѣроятно хозяевамъ не много удастся посѣять, и гости еще менѣе того пожнутъ. Пора не земледѣльческая, година брани. Я говорилъ уже вамъ, что на дняхъ попытались сдѣлать нѣсколько ночныхъ сигналовъ огнями, по условленному порядку. Такъ какъ это случилось въ первый разъ, то В. А. послалъ увѣдомить о томъ всѣхъ начальниковъ, чтобы они не прозѣвали ракеты. На другой день одинъ подалъ мнѣніе свое, что было бы необходимо имѣть какой-нибудь сигналъ, означающій: «больше сигналовъ въ эту ночь не будетъ», чтобы избавить людей отъ труда караулить ихъ. Это очень походитъ на извѣстный анекдотъ о какомъ-то городничемъ или губернаторѣ, который отдалъ приказъ, чтобы пожарныя трубы всегда были запряжены за полчаса до пожара.

8-го Генв. Скука начинаетъ одолѣвать насъ: все еще стоимъ на мѣстѣ; стоимъ еще оттого, что намъ, для уничтоженія укрѣпленія при Акъ-Булакѣ, надобно поднять оттуда все и въ особенности больныхъ и препроводить ихъ безопасно сюда, на Эмбу; и будутъ передавать, по пересылкѣ, одинъ отрядъ другому, и потому надобно разсчесть время такъ, чтобы каждый выступилъ въ пору. Между тѣмъ непомѣрно глубокіе снѣга замедляютъ ходъ; Чижевъ пришелъ въ Акъ-Булакъ вѣроятно только 3-го или 4-го. Скажу вамъ правду, В. А. заботами, безсонницей и тьмою хлопотъ и затрудненій, а пуще всего именно заботами о будущемъ, очень разстроенъ. Тутъ, кажется, немножко не правы тѣ, которые старались убѣждать его всегда, что затрудненій и препятствій быть не можетъ. и что

весь походъ этотъ будетъ прогулкой. Нѣтъ, я не велика спица въ колесницѣ, и не мнѣ бы объ этомъ судить, но я всегда былъ вовсе противнаго мнѣнія и доселѣ все еще удивляюсь, какъ все идетъ хорошо, и какъ мало встрѣчаемъ мы препятствій. Развѣ доселѣ подобный походъ не считался почти несбыточнымъ? Развѣ не одно только крайнее предусмотрѣніе и необыкновенные средства и способы могли дать возможность предпринять его? Развѣ кто-нибудь изъ насъ не зналъ, что мы должны пройти болѣе десятой доли четверти круга земного по буранамъ, необитаемымъ пустынямъ, покрытымъ снѣгомъ, ограничиваясь собственными средствами и не ожидая ни отъ кого почти никакой помощи? Развѣ не знаемъ и не видали мы, какъ люди голодаютъ, болѣютъ, гибнутъ, какъ постигаетъ всякая военная невзгода войска, среди земель европейскихъ, гдѣ, казалось бы, есть всѣ средства избѣгнуть всякой подобной бѣды? А между тѣмъ настоящій походъ не можетъ равняться ни съ какимъ другимъ походомъ: это иное дѣло. Стало быть, мы все это знали, на все это готовились и не должны удивляться теперь ничему. Говорятъ: да теперь, можетъ быть, всѣ верблюды падутъ, мы останемся безъ подъемныхъ средствъ, у насъ выйдетъ продовольствіе, мы его всего беремъ на шесть недѣль; въ Хивѣ мы его не найдемъ, люди всѣ переболѣютъ, и прочее, и прочее. Отвѣчаю опять тоже: все это можно и должно было предвидѣть; противъ всего этого взяты заблаговременно всѣ возможныя мѣры, — а чего предупредить нельзя, то во власти Господней. Насъ можетъ поглотить и землетрясеніе; но вѣроятно ли это, хоть сколько-нибудь? Нѣтъ. Такъ и то; трудностей будетъ много, но мы ихъ, дастъ Богъ, одолѣемъ. Верблюды не могутъ никогда пасть вдругъ; потеряемъ въ теченіи пути треть, ну половину—и дойдемъ на остальныхъ; оставимъ часть

людей и сложимъ часть продовольствія, котораго не въ силахъ поднять, пойдемъ дальще и сдѣлаемъ свое. А чтобы можно было кончить все это и воротиться весною въ Оренбургъ—этому я никогда не вѣрилъ, и молчалъ, чтобы не быть зловѣщимъ пѣтухомъ. У насъ здѣсь о сю пору надѣятся и самъ В. А. не вѣритъ, чтобы мы не воротились весной—а я остаюсь при своемъ. Надо приготовить продовольствія, которое можемъ получить только изъ Бухары—чему также не хотятъ вѣрить; надобно достать верблюдовъ у Туркменъ и Кайсаковъ (у Каракалпаковъ ихъ нѣтъ), а на нашихъ верблюдахъ мы воротиться не можемъ: весной скотина тоща, особенно послѣ зимняго похода. Надобно кончить политическія дѣла, не только въ Хивѣ, но вѣроятно и съ Туркменами—словомъ, это не игрушка. Но все это, я увѣренъ, сдѣлается, только на это нужно время. Еслибы я былъ здѣсь нуженъ, или въ особенности полезенъ—я бы не жалѣлъ о томъ, что покинулъ престарѣлую мать и малолѣтнихъ дѣтенышей; а какъ я считаю себя почти излишнимъ, потому что каждый грамотный человѣкъ могъ бы написать 12 или 15 номеровъ бумагъ, которыя у меня о сю пору вышли, то по одному только этому иногда невольно вздыхаю по своимъ. Вотъ почему я отнюдь не хотѣлъ быть въ числѣ *охотниковъ*, хотя и пошелъ охотно, когда сказано было: иди. Личная привязанность и благодарность моя за много добра заставляли меня почти желать, что-бы я при назначеніи этомъ не былъ обойденъ; а увѣренность, что во мнѣ не можетъ быть никакой нужды, побуждала отвѣчать на вопросъ: хотите ли идти?—Какъ прикажете, какъ угодно.

Посланные впередъ для развѣдокъ Кайсаки привезли отъ Бизянова, изъ передового отряда, хорошія вѣсти: глубокій снѣгъ лежитъ только на четыре перехода отселѣ, а тамъ его меньше, и тебеневка изрядная.

Кузминскій, слѣдующій за Бизяновымъ, вопіетъ еще отчаяннымъ гласомъ, но вѣроятно и онъ вскорѣ выберется изъ сугробовъ и оправится. Здѣсь всѣ бросили излишнюю поклажу свою; все укрѣпленіе завалено. Мнѣ остается только бросить ящики, которые вѣсятъ до 3-хъ пудовъ и переложить бѣлье и платье въ мѣшокъ—поклажи лишней нѣтъ. Иные оставляютъ здѣсь даже бѣлье, берутъ съ собою дюжину и даже менѣе рубахъ—на это я не рѣшаюсь; кинуть, такъ кину на дорогѣ, гдѣ придетъ раздорожица, а бѣлья здѣсь не брошу. Судьба хранила меня доселѣ отъ всякихъ плотоядныхъ набѣговъ шестиногой пѣхоты, но у многихъ изъ товарищей моихъ большой и указательный персты правой руки исправляли должность удочки и таскали по вечерамъ бѣлорыбицу изъ подъ воротника рубахи... Я увѣренъ, по опыту, что никогда и ни въ одномъ походѣ русскій солдатъ не ѣлъ такъ хорошо и сытно, какъ нынѣ здѣсь; между тѣмъ имъ все мало. Ѣдятъ какъ акулы, а работаютъ какъ мухи; они походятъ на какихъ-то институтокъ, не видавшихъ отроду ничего и не умѣющихъ заботиться ни о чемъ. Все имъ въ диковину; вѣрите ли, не умѣютъ разложить огня и сварить каши, не умѣютъ сладить съ камышемъ и кизякомъ, не умѣютъ зарѣзать коровы, заколоть барана. Кто ихъ нянчилъ и лелѣялъ, кто качалъ ихъ и прибаюкивалъ? Уральцы молодцы; ихъ суютъ всюду, и всюду они успѣваютъ, и вездѣ ими довольны. Отборные Башкиры Ціолковскаго также молодцы; дивизіонъ 1-го полка воюетъ съ Кайсаками, отбиваетъ въ отряд верблюдовъ, гдѣ можетъ, и говоритъ, что покажет себя въ дѣлѣ. Впрочемъ, маіоръ Давыдовскій, команд дующій имъ, прекрасный, благородный, заботливый человѣкъ; жаль только, что онъ самохваловъ не оставилъ въ Уфѣ.—Уральцы не съѣдаютъ казенной дачи, а линейные баталіоны, стоя 3 недѣли здѣсь на мѣстѣ,

не могутъ утолить голода никакими средствами; что же будетъ, когда пойдемъ на половинной дачѣ? Впрочемъ, надобно сказать правду, отъ безпорядку при раздачѣ и по другимъ причинамъ, всякое стараніе, всякая забота главнаго начальника дѣйствуетъ не рѣдко въ превратномъ смыслѣ или видѣ, и никакой глазъ не можетъ усмотрѣть тутъ за порядкомъ во всѣхъ частностяхъ.

Завтра, 10-го, идемъ непременно. В. А. остается еще здѣсь на нѣсколько дней и догонитъ насъ; колонна Гека также еще остается. Морозы опять поправились; дня три все по 25°, но въ полдень солнце удивительно грѣетъ. Спасибо, нѣтъ вѣтру. Только бы до Устъ-Урта, какихъ-нибудь 250 верстъ, а тамъ не боимся ничего. Да, если бъ послушали меня глупаго, говоривала нянька Соломонида, были бы разумны; *зимою* надобно было идти на Гурьевъ или Сарайчикъ; только весной или осенью эта дорога предпочтительна. Modry liach poscodzie. Слава Богу, добрыя вѣсти отъ Бизянова, изъ передовой колоны, развеселили нѣсколько и В. А; въ самомъ дѣлѣ, не бездѣлица вести на свой отвѣтъ столько народу!

Вечеромъ. Былъ въ укрѣпленіи, въ этой Капуѣ, и наглядѣлся всякой всячины. Примите къ свѣдѣнію, что при этой массѣ движущихся силъ, никогда не можетъ дѣло обойтись безъ всякихъ безпорядковъ, сколько начальникъ ни хлопочи, хоть онъ разорвись. Тутъ не только виноваты виноватые, но иногда и не виноватые; виноватъ случай и сплетеніе обстоятельствъ, напримѣръ: при новомъ разсчетѣ верблюдовъ кой-кого забыли вовсе. Тутъ съ большимъ ожесточеніемъ и настойчивостію требуютъ изъ укрѣпленія въ отрядъ 30 пудовъ сала, комендантъ плачетъ и отдаетъ послѣдніе 25 пудовъ; вѣшаютъ его, казакъ отмораживаетъ себѣ при этомъ палецъ, и лишь только сало это, взятое почти съ бою, привозится въ колонну, какъ уже воз-

вращается назадъ, потому что въ колоннѣ отыскалось 100 пудовъ сала, о которыхъ по видимому позабыли. Не одно сало, впрочемъ, и сухожильное мясо съ костями отыскивается иногда такимъ же образомъ: въ какомъ-то невѣдомомъ углу укрѣпленія, въ темной землянкѣ, нашлись сегодня 22 человѣка слабыхъ 1-го баталіона, о которыхъ также историческихъ, статистическихъ и географическихъ свѣдѣній не отыскалось. Кто жъ васъ продовольствовалъ? спросилъ я. — Да мы посылали каждый день человѣкъ трехъ, которые по крѣпче, и имъ отпускали, по маленьку, всего... — Жаль что въ отрядѣ недостаетъ многихъ лицъ и мѣстъ, къ которымъ привыкли на походѣ всегда по разнымъ дѣламъ обращаться, зная уже, гдѣ и у кого чего искать. Нѣтъ начальника штаба, оберъ-квартирмейстера, оберъ-провіантмейстера и многихъ другихъ. Кромѣ того — позвольте сказать между нами правду—кромѣ немногихъ, людей нѣтъ...

11-го. Вчера, поздненько, сдѣлано было окончательное распоряженіе о непремѣнномъ выступленіи. У укрѣпленія осталось много сѣна; можно бы было прокормить ночью верблюдовъ и выступить сегодня въ порядкѣ, но сборъ пробили въ часъ и вскорѣ начали выступать. Всего приходилось пройти намъ до ночлегу версты двѣ, но давно уже смеркалось, какъ отъ безпорядку и излишняго порядка (то и другое одинаково неудобно) сотни вьюковъ и верблюдовъ лежали еще на мѣстѣ и сотни валялись растянувшись на цѣломъ пути. Такимъ образомъ мы нынѣ повѣряемъ и считаемъ верблюдовъ и держимъ ихъ—со времени пригона съ пастбища—двое сутокъ тощакомъ. Если *такъ* будемъ идти, то не дойдемъ; въ этой печальной истинѣ я вчера только, съ сокрушеннымъ сердцемъ, долженъ былъ убѣдиться. Но въ этомъ случаѣ погубятъ насъ не морозы, не снѣга, не трудность пути, а погубятъ двѣ

крайности: одна лежитъ по одну сторону, другая по другую сторону порядка, этой души всякаго дѣла. Надобно во всемъ этомъ винить случай, трудность и новизну дѣла, трудность управленія частями и цѣлымъ и сотни неустраняемыхъ помѣхъ. Довели, напримѣръ, главнаго начальника до того, что онъ хочетъ кинуть все, весь обозъ свой и, по собственнымъ словамъ его, записаться въ солдатскую артель: такой недостатокъ, говорятъ, въ верблюдахъ; а между тѣмъ вдругъ оказываются ихъ сотни лишнихъ подъ юлламами и разною дрянью возчиковъ-Кайсаковъ. Ну, полно объ этомъ; много будете знать, скоро состарѣетесь... Поговоримъ о другомъ. Папа Пій VII-й вздумалъ угостить Эверсмана и другихъ сопутниковъ кофеемъ и сказалъ своимъ языкомъ казаку: тамъ слышь, лежитъ въ бутылкѣ кофе, сдѣлай. Казакъ сварилъ кофе, принесъ его, гости стали наливать, положили и сахару, прибавили сливокъ—вкусъ, говорятъ, довольно странный и совсѣмъ не кофейный; нюхаютъ, прихлебываютъ, наконецъ, приказываютъ принести бутылку, и оказывается, что казакъ сварилъ кофе изъ сухой ваксы...

Да, безначаліе худо, а многоначаліе мало лучше. Это то же многоженство. В. А. остался еще на время въ укрѣпленіи. Начальники колоннъ были при выступленіи: Ціолковскій, Кузминскій, Толмачевъ и Мансуровъ; на мѣсто послѣдняго поступилъ давно уже Молоствовъ; къ Кузминскому въ колонну отправился, еще съ Эмбы, генер. Толмачевъ. У насъ въ колоннѣ междуцарствіе. Ушли колонны: Бизянова и Кузьминскаго, и за нами выступаетъ Геке. Снѣгъ глубокъ, почти по колѣни, кормы покрыты, а верблюдъ кормится только тѣмъ, что сверхъ снѣгу; онъ не можетъ разгребать снѣгъ мягкими перстами своими и пяткой, какъ лошадь копытомъ. Я нѣсколько разъ говорилъ, еще во время стоянки нашей на Эмбѣ, что по

нынѣшнему состоянію верблюдовъ необходимо уменьшить вьюки; теперь, кажется, опытъ заставитъ приступить къ пересыпкѣ провіанта для уменьшенія тяжести. Не дай только Богъ оттепели — тогда бѣда; морозы снова пріударятъ, и снѣга покроются черепомъ: вся скотина пропала; ноги верблюдамъ подрѣжетъ, а корму нѣтъ тогда вовсе. Теперь идемъ рядами, нитками, рядовъ въ пять, глубокими тропинками, протоптанными передовыми верблюдами; какъ верблюдъ оступится въ глубокій снѣгъ, съ жесткой тропы, такъ и полетитъ и уже рѣдко встаетъ. Вьюки пригнанные здѣсь, въ укрѣпленіи, сдѣланы дурно, не впору, ни по сѣдлу, ни по верблюду, сваливаются, душатъ верблюда: очень естественно, этотъ родъ вьюченья съ кляпами, очень хорошъ, если пригнать тщательно каждый вьюкъ отдѣльно; въ противномъ случаѣ не годится, а гораздо лучше вьючить по киргизски, съ завязкой. Объ этомъ докладывалъ я, когда только узналъ, что дѣлаются въ укрѣпленіи вьюки; дѣло кончилось бесѣдою, а теперь бѣда. О Хивинцахъ ни слуху, ни духу. Лошади всѣ въ отличномъ тѣлѣ, какъ были выкормлены въ Оренбургѣ. Вынеси, Господь, насъ на Усть-Уртъ; тамъ дойдемъ, дастъ Богъ; снѣга не могутъ быть тамъ глубоки, какъ здѣсь. По сю пору офицеры у насъ всѣ здоровы, что будетъ впередъ!

Въ укрѣпленіи жгли мы, и гарнизонъ частію, башкирскія телѣги, ихъ остались тутъ тысячи; а если бъ вы видѣли, сколько тутъ брошено желѣза, шинъ, рваней, право страхъ сказать: вся степь, или вѣрнѣе, весь лагерь заваленъ. Вчера, 13-го, послѣдовалъ приказъ о назначеніи Ціолковскаго командующимъ колонной вмѣсто захворавшаго Молоствова. Сегодня опять считали верблюдовъ; дневка; такъ считали, никакъ, сыновъ Израилевыхъ въ пустынѣ. Кули, благодаря Бога, пересыпаютъ. Вчера я было совсѣмъ

разклепался, сегодня мнѣ хорошо, только поясница болитъ; но это болѣзнь на походѣ скучная, да не опасная. Вчера сидѣли мы всѣ пятеро въ юлламѣ своей вкругъ огонька, и Л. насъ ужасно насмѣшилъ и распотѣшилъ. Въ чайникѣ нашемъ была водка; выливши ее, мы положили въ него снѣгу, чтобы выполоскать, и поставили на огонь. Л., ничего этого не зная, взвылъ по верблюжьи и зарычалъ львомъ, когда голубое пламя внутри чайника стало пробѣгать по снѣгу. Мы съ своей стороны отвѣчали преспокойно, что это не диво и что здѣшній снѣгъ всегда горитъ. Ist es möglich? Wäre es möglich? Das wäre doch des Teufels—словомъ, у нашего ученаго умъ за разумъ зашелъ; онъ началъ доказывать, что въ снѣгу могутъ находиться горючія частицы щелока, и тому подобное, выскочилъ сломя голову изъ юлламы, ухватилъ, какъ вдохновенно-бѣснующійся, комъ снѣгу и поднесъ его къ огню, но снѣгъ не загорался; рѣшено было, въ общемъ собраніи, что снѣгомъ топить нельзя, а надо запасаться дровами. Смѣшной случай этотъ напомнилъ мнѣ другой, подобный анекдотъ, видѣнный и слышанный мною у старика Паррота; онъ показывалъ намъ какой-то физическій опытъ и указалъ всѣмъ намъ на желѣзную трубочку, изъ которой вода должна ударить; началъ качать; качаетъ, качаетъ—воздухъ шипитъ, а воды ни капли. Старикъ обошелъ насосъ со всѣхъ сторонъ, осмотрѣлъ его, удивлялся, но счелъ, наконецъ, обязанностію объяснить, ожидающимъ развязки, ученикамъ причину неожиданнаго явленія, и прочелъ очень ученое слово о барометрическихъ, термометрическихъ и игрометрическихъ вліяніяхъ на насосы. Не успѣлъ однакоже кончить его, когда рябой и кривой прислужникъ его, знаменитый Кристьянъ, перебилъ его преспокойно, замѣтивъ, что вода еще не налита. На дневкѣ сегодня поиграли мы съ Коваленскимъ и Сафоновымъ немного

въ шахматы, но они оба слабеньки. Между тѣмъ другіе поднесли Л. баранью башку, увѣряя его, что это голова дикаго осла, найденная на древнемъ полѣ сраженія. Хорунжій Мулла-Нуръ, между тѣмъ, препоясывалъ чресла свои мечемъ-кладенцомъ, чтобы явиться къ новому начальнику, отцу и командиру своему.

VII

18-го Генв. На вчерашнемъ переходѣ встрѣтили мы больныхъ нашихъ съ Акъ-Булака. У меня сильно болитъ поясница, и я не могу еще сѣсть верхомъ, и лежалъ въ койкѣ на верблюдѣ; поэтому я не могъ самъ видѣть больныхъ, но, говорятъ, было страшно. Изъ Акъ-Булака отправлено ихъ 232 человѣка, а на дорогѣ въ шесть дней, умерло изъ нихъ 46. Все цынга. Разумѣется, что тѣ, которые скончались дорогою, не долго прожили бы и въ цынготныхъ землянкахъ своихъ, въ Акъ-Булакѣ; а кто вынесетъ переходъ этотъ, можетъ надѣяться выздоровѣть. На Эмбѣ имъ будетъ лучше: они будутъ жить въ кибиткахъ. Дай Богъ скорѣе дотащиться. На Устъ Уртѣ—бывало столь страшномъ—мы отдохнемъ. Не можетъ же быть, чтобы тамъ былъ такой снѣгъ. Здѣсь верблюдовъ посылаютъ на тебеневку съ лопатами, расчищаютъ напередъ снѣгъ. Коваленскій, о которомъ у васъ разнеслись какіе-то нелѣпые слухи, ждетъ насъ въ Акъ-Булакѣ, но, говорятъ, самъ боленъ. Моей болѣзни не пугайтесь; она мнѣ крайне надоѣдаетъ, это правда, но извѣстный Drachenschuss, столь страшный по прозванію, какъ сами вы знаете, никогда не бываетъ опасенъ. — У насъ появилась дойная верблюдица, молоко очень хорошо, густо какъ сливки и солоно.

22-го. Прошли знаменитыя горы Бакыръ и Али;

до Акъ-Булака осталось намъ не болѣе 45 верстъ. Что за пустынный печальный край! Здѣсь лѣтомъ одно только сухое море. Мысль цѣпенѣетъ, когда глазъ обнимаетъ на безконечное пространство сухую, чахлую, безводную и безплодную почву. А зимой! Въ продолженіе двѣнадцати дней, съ самаго выступленія съ Эмбы, мы два только раза могли напоить лошадей; одинъ разъ въ дурномъ, соленогорькомъ озерѣ и вчера, у подошвы горы Али изъ родника, бѣднаго, но прѣснаго, хотя и напитаннаго гипсомъ. Верблюдовъ водятъ пасти съ лопатами, разгребаютъ для нихъ снѣгъ; но силъ человѣческихъ не достаетъ на то, чтобы разгрести достаточное для нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ пространство; снѣгъ глубокъ, жестокъ, смерзъ и окрѣпъ, и притомъ спросите, что подъ снѣгомъ этимъ? — обвѣтрившійся мергель, гипсъ, сѣрая вакка, желѣзистая, разсыпная, и еще солоноватый илъ; черноземy ни зерна. Ковыль (stipa) по сю сторону Эмбы появляется только изрѣдка на сопкахъ пригорковъ, а въ полѣ горькія полыни, бѣдныя, мелкотравчатыя, да уродливыя солянки, разсѣянныя тутъ и тамъ нещедрою рукою, не могутъ покрыть собою ни одного фута земли. Это край, который лежитъ въ пустѣ цѣлыя столѣтія, вѣроятно тысячелѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ обнажился отъ морскихъ волнъ. Кочевой ордынецъ раннею весною торопливо и боязливо прогоняетъ по этимъ мѣстамъ тощіе стада и табуны свои, поспѣшая на Эмбу, въ Барсуки или въ Каракумъ, и считаетъ сыпучіе пески отраднымъ убѣжищемъ въ сравненіи съ этой могилой... О Хивинцахъ ничего положительнаго не слышно; говорятъ, будто они выжидаютъ насъ у Каратамака, у Девлетъ-Гирея. Я этому не вѣрю; они не могутъ держаться столько времени на одномъ мѣстѣ, не могутъ запастись продовольствіемъ. Говорятъ, у Акъ-Булака появляются по высотамъ кон-

ники и высматриваютъ что̀ дѣлается; это можетъ быть. Для этого непріятель могъ оставить по дорогѣ полсотни двуконныхъ наѣзниковъ. Конечно, надобно быть болѣе нежели скотомъ, чтобы не сдѣлать даже и этого; и журавли, и гуси, и олень ставятъ сторожей по высотамъ, чтобы не поддаться расплоху. Десять дней уже, какъ мы разлучены съ В. А.; сегодня онъ долженъ прибыть къ намъ, слава Богу. Онъ обрадуется: мы идемъ довольно хорошо, кидаемъ — въ одной нашей колоннѣ— ежедневно отъ 8 до 20 верблюдовъ, это правда; но, благодаря Бога, подвигаемся впередъ. Весь путь усѣянъ падшими подъ ношей своей животными двухъ передовыхъ колоннъ. Въ Акъ-Булакѣ есть сѣно; изъ Акъ-Булака близко, не съ большимъ 400 верстъ, до спуска съ Усть-Ирта, и на этотъ путь намъ достаточно половины верблюдовъ, съ которыми вышли. Сей часъ закричали, что В. А. ѣдетъ; молодцы наши глядѣли въ зрительныя трубы и увидали, какъ онъ спускался съ горы. Кругомъ въ лагерѣ казаки и солдаты запѣли пѣсни. Онъ выѣхалъ изъ укрѣпленія съ Бай-Мохамедомъ, надѣясь нагнать насъ дня въ два; между тѣмъ мы ушли благополучно впередъ, и онъ былъ нѣсколько дней въ крайней нуждѣ: кромѣ черныхъ сухарей не было ничего. Вчера мы послали ему на встрѣчу мяса, вина и нѣсколько полѣнъ дровъ. О себѣ онъ всегда подумаетъ послѣ всѣхъ!...

28 Акъ-Булакъ. Какая огромная, неимовѣрная разница въ теплѣ, съ вѣтромъ или безъ вѣтру на свѣтѣ жить! Три дня жили мы здѣсь, по 19°, 20°, 22°, морозу и сильный NO вѣтеръ, безъ вьюги, нельзя было вынести этого холоду, и никакой огонь не спасалъ, продувало всѣ шубы и всѣ кибитки. Сегодня тѣже 19°, но ясно, тихо—и мы ходимъ въ однѣхъ курточкахъ, и маленькій огонекъ, на который искололи нѣсколько опорожнившихся яшиковъ, грѣетъ какъ нельзя лучше.

10-го мы, наконецъ, вышли изъ Аты-Якши, между тѣмъ какъ Бизяновъ съ колонной своей выступилъ 2-го а Геке послѣ насъ, кажется 16-го. Переходъ былъ труденъ: какихъ нибудь 170 верстъ или меньше, мы насилу прошли въ 15 дней и прибыли сюда 25-го. Всѣ колонны шли также медленно...

На полпути отъ Эмбы прошли мы препорядочную гору Бакыръ—мѣдь, по Русски, потому что тутъ есть и мѣдная руда. За тѣмъ протащились съ большимъ трудомъ чрезъ гору Али, въ снѣгу по колѣна. Орудія опять поставлены на колёса: на саняхъ тяжеле, потому что въ такомъ непомѣрномъ снѣгу они орутъ, какъ плугъ, а колеса идутъ накатомъ, и передъ ними не накопляются горы снѣгу. 12-ти фунтовыя идутъ въ 8 лошадей, и не рѣдко люди помогаютъ. Въ ящикахъ идутъ верблюды и лошади; но вообще верблюдъ везетъ хорошо только по ровному, не топкому мѣсту. Одну крымскую арбу оставили мы на Эмбѣ (Аты-Якши), другую изрубили дорогою на дрова; верблюды стали, а въ саняхъ идутъ изрядно, если сани легки. Погрѣлись мы около арбы этой и жгли рѣдкій и здѣсь небывалый лѣсъ, какъ простую чилигу: яворъ, грабъ, букъ, кизылъ, караичъ. Первыя три недѣли мы, по глупости своей и по избытку совѣсти, жили безъ огня, безъ всякаго удобства; нынѣ все это измѣнилось къ лучшему: мы воруемъ дрова и уголь не хуже всякаго. Взгляните, напримѣръ, въ эту минуту въ юлламу нашу; на дворѣ еще свѣтлый день, а у насъ темная ночь, все кругомъ закутано и закрыто, ни щелки, ни дырочки; по срединѣ лежитъ желѣзная шина: это чувалъ нашъ или каминъ; среди шины тлѣетъ изрядная кучка угольевъ, рядомъ лежитъ вязанка сухихъ дровецъ, изъ окрашенныхъ ящиковъ и номерованныхъ бирокъ, которыми хотѣли было отмѣчать верблюдовъ; но скоты эти всѣ захотѣли быть рядовыми, безъ отличія, и

хозяева ихъ, будучи того же мнѣнія, оборвали съ нихъ въ первые два перехода всѣ знаки безпорочной службы...

Я писалъ вамъ, что укрѣпленіе на Эмбѣ довольно благовидно, землянокъ много, и они довольно опрятны; кровли и будки лубочныя, есть магазины, амуничники. Акбулацкое совсѣмъ въ другомъ вкусѣ: большой бастіонированный редутъ разгороженъ валомъ и рвомъ и $^3/_4$ его покинуты; землянки бѣдныя, по стѣнамъ цвѣтетъ селитра и магнезія; половина ихъ разломана уже по недостатку дровъ и сожжена; словомъ, не грѣхъ покинуть укрѣпленіе это... Между тѣмъ дунулъ и потянулъ ночной вѣтерокъ отъ NO; это произвело небольшое разстройство въ угодьѣ и раздольѣ нашемъ Юлламейка вдругъ остыла, и термометръ, показывавшій прежде на ящикѣ моемъ 7°, стоитъ на—3°. Покинувъ писаніе, напились мы въ буфетѣ чаю и наслушались жаркихъ преній, споровъ о родствѣ, и свойствѣ, и происхожденіи знаменитѣйшихъ вельможъ нашихъ и столбовыхъ, столичныхъ дворянъ и гвардейскихъ разсказовъ объ актрисахъ. Сказать ли вамъ, между нами, чтобы я сдѣлалъ теперь на мѣстѣ нашего старшаго? Намъ дорогъ каждый кусокъ хлѣба и каждый верблюдъ, который можетъ поднять какую-нибудь ношу; больныхъ, какъ излишнюю тягость на этомъ трудномъ походѣ, отправляютъ обратно; съ ними-то вмѣстѣ, я отправилъ бы и всякую иную лишноту. Пересчитайте хорошенько, и вы согласитесь, что ея довольно; тогда бы много штабъ-и оберъ-офицерскихъ и деньщичьихъ пайковъ пошли бы на строевыхъ, много верблюдовъ подъ сухари и крупу, облегчилось бы и сердце начальника также: заботою меньше. Мысль эта, можетъ быть, нѣсколько себялюбива, потому что я и себя считаю въ числѣ этой лишноты; но право, я говорю болѣе изъ любви къ пользѣ общей. Теперь слово о другомъ: нѣ-

сколько нижнихъ чиновъ (изъ пѣхоты) умерли почти скоропостижно; ихъ схватываетъ подъ ложкой, дыханіе съ минуты на минуту болѣе затрудняется, иногда еще присоединяются корчи и—аминь. Apoplexia pulmonum? Кровопусканія временно облегчаютъ. Впрочемъ, я только видѣлъ ихъ мимоходомъ—пользуютъ другіе. Но я, волей и неволей, очень плачевнымъ образомъ попалъ во врачи. В. А. пріѣхалъ съ Эмбы очень нездоровый. Загадочная болѣзнь его возобновилась [1]). Что тутъ дѣлать, на походѣ, когда и на мѣстѣ ничего не помогало?

VIII

3-го Февр. В. А. не уѣдетъ прежде чѣмъ не успокоится на счетъ общаго отправленія. Тутъ по крайней мѣрѣ у насъ есть хлѣбъ, и есть кой-какія средства и пособія въ рукахъ; напереди—одна гибель. У насъ теперь падаетъ до 150 и не менѣе 100 верблюдовъ въ сутки; это на мѣстѣ, безъ работы, что же было бы на походѣ? Долго мы обманывали сами себя, никто не смѣлъ думать, не только говорить, о возвратѣ; я записалъ однакоже, самою мелкою и нечеткою рукой, въ записной книжкѣ своей, 10-го Генваря: въ первый разъ сомнѣваюсь положительно въ нашемъ успѣхѣ; верблюды такъ плохи, что не дойдешь. В. А. сильно колебался сомнѣвался, допрашивалъ всѣхъ, допытывалъ всякаго; всѣ полагали, что идти надобно, что возвратиться никакъ и ни въ какомъ случаѣ нельзя, если бы даже положить головы; эту справедливость надобно отдать, по крайней мѣрѣ, большей части офицеровъ—и на этомъ

---

[1]) Болѣзнь легкихъ, слѣдствіе тяжкихъ физическихъ лишеній и ранъ, и отчаянная тоска. Гр. Перовскій и умеръ отъ этой болѣзни. Слич. Р. Арх. 1865, Изд. 2-е, стр. 1081.

основаніи отвѣчали всегда только увѣреніями и убѣжденіями: даже тѣ, которые сами были увѣрены въ невозможности, говорили безотчетно противное. Наконецъ, когда дѣло дошло до того, что надобно было двигаться впередъ, когда сосчитали верблюдовъ, сочли убыль и разочли, что надобно поднять, тогда горестная истина обнажилась и несбыточность заняла мѣсто надежды. Съ Эмбы пало у насъ 2000 верблюдовъ; скажу вамъ, не отвѣчая за истину этого, что говорятъ сами Кайсаки: до 1000 верблюдицъ, между прочимъ, ожеребились на походѣ, и естественно, что они уже изъ счету вонъ. Эти верблюдицы, равно и много плохихъ верблюдовъ, говорятъ Кайсаки, были подмѣнены послѣ того, какъ вы ихъ изволили осматривать; это, говорятъ они, случилось почти совсѣми верблюдами, которые съ наемщиками, а не съ хозяевами. Впрочемъ, повторяю, и лучшіе верблюды не выдержали, и къ веснѣ, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ еще слабѣть и худѣть до новаго подножнаго корма... — Убитые у Акъ-Булака Хивинцы доказываютъ собою, что сборы у нихъ были большіе; во 1-хъ, это не Кайсаки, а Хивинцы, Туркмены и Каракалпаки—ихъ отличаютъ по одеждѣ и въ особенности по шапкамъ; во 2-хъ, всѣ были одѣты необыкновенно тепло, на всякомъ по шести и семи халатовъ, рубаха или нижній стеганный халатъ, стеганные наушники и портянки. Наѣздники, дѣйствительно сидѣли на аргамакахъ, изъ нихъ также одинъ остался на полѣ битвы. Больныхъ у насъ—въ особенности въ укрѣпленіяхъ — много; всего до 600 челов. Изъ 1500 казаковъ, включая туда и артиллерію и дивизіонъ 1-го полка, которые совсѣмъ не казаки, убыло больными и умершими около 60; а изъ 2750 чел. пѣхоты слишкомъ 600. Люди 1-го полка также очень болѣютъ и увеличиваютъ въ кавалеріи число больныхъ. Уральцевъ, кромѣ пяти, шести человѣкъ съ отморо-

женными перстами и съ ознобами, больныхъ нѣтъ. Доселѣ замерзъ у насъ одинъ только солдатъ, и то здѣсь, на Акбулакѣ, ушедши въ буранъ за дровами. Я удивляюсь еще, какъ народъ такъ хорошо переноситъ стужу эту и недостатокъ топлива; у насъ сегодня, 3-го Февр., опять 29°, и уже около двухъ недѣль все 22 и 24. Дровъ нѣтъ. Сожгли лодки, сожгли канаты, которые горятъ превосходно; пѣхота словно не живая; вѣрите ли, что солдата нашего надобно не только одѣть и обуть, но и завернуть, окутать и застегнуть; надобно научить его, какъ въ походѣ варятъ на камышѣ кашу, какъ ставятъ котелки въ одинъ рядъ и отгребаютъ золу и прочее. Не смотря на все это, надобно сказать правду: даже и пѣхота наша повѣсила носъ, когда объявили приказъ о томъ, чтобы поворотить оглобли; казаки просились убѣдительно, чтобы ихъ пустить однихъ, и старикъ Бизяновъ даже самъ увлекся неумѣстнымъ пыломъ этимъ и хотѣлъ кончить походъ двумя полками Уральцевъ; только убѣдившись, что верблюды наши не донесутъ до Хивы продовольствія даже и для двухъ полковъ и что вся остальная часть отряда была бы не въ состояніи дойти до Эмбы, еслибы отобрать всѣхъ лучшихъ верблюдовъ, онъ увидѣлъ несбыточность своихъ предположеній и вспомнилъ атамана Нечая и думнаго дьяка его, котораго, какъ извѣстно, повѣсили на Дьяковыхъ горахъ, противъ Рубежнаго, за то, что онъ не хотѣлъ идти на Хиву, а впослѣдствіи отрядъ погибъ тамъ до послѣдняго человѣка, на обратномъ пути. Теперь тоже: дойти двумъ полкамъ можно—но назадъ какъ? Набѣгъ можно сдѣлать за три, четыре перехода отъ операціонной точки своей, но не за полторы тысячи. Чихачевъ у насъ одинъ изъ полезнѣйшихъ людей въ отрядѣ; онъ взялъ на себя самую тяжелую, въ военное время, и самую неблагодарную часть: попечительство о больныхъ. Онъ

возится съ ними день и ночь, не ѣстъ, не спитъ, и успѣлъ многихъ накормить, которые безъ него вѣроятно остались бы голодны, и обогрѣть такихъ, которые бы замерзли. Намъ жаловаться не на что; въ сравненіи съ рядовыми, мы знаемъ всѣ трудности похода своего только по наслышкѣ. Бай-Мохамедъ, когда требовали что-бы онъ сказалъ положительно мнѣніе свое о верблюдахъ нашихъ, по прибытіи на Акъ-Булакъ, отвѣчалъ: «надежнаго на весь путь верблюда я не видалъ ни одного.» Къ этому онъ прибавилъ, что въ такую жестокую зиму, верблюды дохнутъ сами по себѣ, на мѣстѣ, безъ работы, не только на походѣ и подъ вьюкомъ. Мы покидаемъ на Акъ-Булакѣ болѣе 1000 четвертей, частію и розданныя, кому было угодно, не въ зачетъ. Еслибы у насъ не было на Эмбѣ продовольствія, а въ Оренбургѣ помощи, то не знаю, какъ бы мы дошли домой; кажется не дошли бы вовсе. Я во всю жизнь свою, сколько помню, видѣлъ только разъ или два побочныя солнца, которыя всегда предвѣщаютъ жестокія стужи; нынѣ явленіе это было во всю зиму такъ обыкновенно, что подъ конецъ не обращало на себя почти никакого вниманія. Нѣсколько разъ, при самомъ восходѣ солнца, являлось въ одну секунду три солнца на горизонтѣ.

14-го Февр. Въ Дебатахъ (Journal des Debats) и другихъ газетахъ, которыя до насъ доходятъ, пишутъ всякую всячину. Общаго только то, во всѣхъ разсужденіяхъ этихъ, что называютъ отрядишко нашъ *арміею*, не вѣрятъ, чтобы онъ состоялъ только изъ 20-т. человѣкъ; говорятъ, что резервная армія идетъ еще сзади и что вся степь сѣла на коня, чтобы сдѣлать вмѣстѣ съ нами набѣгъ на среднюю Азію. Газетчики не догадываются вовсе, что у насъ всего на все, съ деньщиками, съ фурлейтами, не было полныхъ *пяти* тысячъ челов.; что весь Оренбургскій корпусъ, хотя

и называется корпусомъ, по составу своему отвѣчаетъ только одной слабой армейской дивизіи; что вся помощь, которую, въ крайнемъ случаѣ, можно бы еще получить съ линіи въ пѣхотѣ, состоитъ, по *вѣрнѣйшимъ* разсчетамъ, изо *ста* человѣкъ, и то съ тѣмъ, чтобы замѣнить еще нѣсколько карауловъ Башкирами и прикомандировать часть инвалидовъ въ баталіоны...

Какъ различны обнаруживающіяся на разныхъ лицахъ впечатлѣнія, отъ неудачи настоящаго Хивинскаго похода! Насъ всѣхъ можно, въ этомъ отношеніи, подвести подъ три главные разряда. Одни горюютъ, понимая всю важность неудачи при нынѣшнихъ политическихъ отношеніяхъ: ударъ на Хиву въ самомъ дѣлѣ былъ бы теперь, когда Англичане заняли Кабулъ, очень во время и у мѣста; намъ бы придало дѣло это много вѣсу, въ Азіи и въ Европѣ. Другіе — человѣка два, не болѣе, — соболѣзнуютъ, собственно, по привязанности своей къ главному начальнику, о немъ; также о необыкновенныхъ условіяхъ края, о потерѣ людей, а нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что все предпріятіе это, считая и Башкировъ, возившихъ лѣтомъ продовольствіе, будутъ стоить почти 1000 человѣкъ. Третьи, наконецъ,—и этотъ разрядъ самый обильный,—не могутъ скрыть негодованія своего на счетъ обманутой надежды своей—не надежды увидѣть Россію первенствующею въ Средней Азіи державою, какъ политическое положеніе и достоинство ея требуютъ, не надежды увидѣть смѣлый и славный ударъ благополучно исполненнымъ— а надежды на чинъ и крестъ. «Чортъ меня понесъ, зачѣмъ я пошелъ!»—эти восклицанія можете услышать частенько; потомъ разсужденія, что, не смотря на неудачу, труды и лишенія были у насъ тѣ же, что это-де заслуживаетъ уваженія, и что вообще весьма несправедливо принято у насъ награждать за одну удачу, хотя бы трудовъ было не много, а оставлять

безъ вниманія неудачныя предпріятія, хотя бы они были труднѣе кампаніи 12-го года.

20-го Февраля 1840. Сидимъ на Эмбѣ и надѣемся, со дня на день, увидѣть весну; между тѣмъ вчера и сегодня—25°. Я сдѣлалъ сегодня разсчетъ, взялъ среднее состояніе тепла во время экпедиціи Берха, и нынѣшнею зимою. У Берха за 79 дней (16 Дек. по 4 Март.) среднее $15^1/_2°$; у насъ, за 94 дня, съ 19 Ноября по 20-е Февр., круглымъ числомъ приходится почти по 19° на день. Какъ у Берха, такъ и у насъ, бралъ я изъ ежедневныхъ наблюденій только одно, самое большее число. Слишкомъ три мѣсяца сряду, по 19° кругомъ на день!! Вчера начали мы праздновать масляницу: блины, по недостатку здѣсь сковороды, пеклись на жестяныхъ тарелочкахъ, собственно по моему изобрѣтенію и предложенію, и мы выслушали при этомъ всѣ подробности родословной тарелокъ этихъ и узнали, какъ это сказано было намъ утвердительно и подтвердительно, что тарелки англійской жести, настоящей англійской, двойной. Почтенный сожитель нашъ Молоствовъ вчера отправился въ колонну: онъ идетъ на линію, вмѣстѣ съ прочими отпущенниками. Чихачевъ не захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, и отказался. Ему конечно все равно, гдѣ зимовать и лѣтовать. Путнику по *званію* съ чужбины домой ѣхать не за чѣмъ...

5—6 дней провели мы въ укрѣпленіи тепло и, можно сказать, пріятно. Много было шутокъ и смѣху; В. А. спокоенъ и иногда довольно веселъ... Не по моему вкусу только то, что мы ложимся не прежде часу, а спимъ по *неволѣ* долго послѣ обѣда. По неволѣ, говорю, чтобы не мѣшать другимъ; ляжешь, лежишь часа два, три тихохонько и уснешь. Превратная жизнь эта непремѣнно разстраиваетъ здоровье; сидѣть за полночь обращается въ привычку; человѣкъ уже не можетъ

заснуть ранѣе, тревожное веселье, готовность сидѣть и любезничать ночью, является у насъ на счетъ утренняго здоровья, и мы встаемъ въ десятомъ часу съ тяжелой головой и тусклыми очами; человѣкъ дѣлается, послѣ ночного отдыха, смутнымъ, невеселымъ; и только къ ночи состояніе его дѣлается опять сноснымъ, чувства его въ своей тарелкѣ, и онъ здоровъ. Это состояніе обманчивое, лживое, разстроенное; человѣкъ здоровый душой и тѣломъ чувствуетъ себя утромъ, послѣ законнаго отдыха, въ естественно веселомъ расположеніи и въ силахъ. Ночное здоровье есть только слѣдствіе превратной жизни нашей и большинства духовной жизни, перевѣса ея надъ тѣлесною. А этого быть не должно: одно равновѣсіе спасительно.

Вчера, до поздней ночи, шла рѣчь о плачевныхъ опытахъ нашихъ при неудачномъ предпріятіи и о томъ, кто, какъ, чѣмъ и на сколько отъ этого поумнѣлъ. Всѣ видѣли огромное затрудненіе пройти съ войскомъ 1500 верстъ по безпріютному пространству и нести непомѣрное количество продовольствія съ собою. Хотѣли избѣгнуть большей части неудобствъ, пустивъ войска впередъ, а продовольственные караваны отдѣльно. Изъ этого однакоже возникаетъ то же самое затрудненіе, еще въ бо̀льшей степени: для конвоя и для навьючки необходимо тогда отряжать новыя силы а для нихъ также свое продовольствіе, свои обозы и караваны. Говорили также, что отрядъ должно пустить, для облегченія хода и добывки фуража, не одною, а двумя различными дорогами—на Сарайчикъ и на Сыръ. Кажется, при этомъ не разсчитали, что тогда необходимо дѣлать два склада, одинъ вовсе отдѣльно отъ другого, особыми средствами, и что все это будетъ стоить двухъ экспедицій вмѣсто одной. Я думаю такъ: главнѣйшія затрудненія: 1. снабженіе отряда продовольствіемъ и 2. разный маршъ, передвиженіе войска

въ отдаленный край. Все остальное, какъ-то: охраненіе каравана, побѣда надъ непріятелемъ, и прочее, все это обстоятельства второстепенныя, потому что представляютъ несравненно менѣе затрудненій. Основываясь на помянутыхъ двухъ главнѣйшихъ началахъ, должно ограничиться возможно меньшимъ количествомъ войскъ, а слѣдовательно ни подъ какимъ видомъ не увеличивать числа его, помнить, что каждый человѣкъ требуетъ, для шестинедѣльнаго продовольствія здороваго, сильнаго верблюда; и второе, устроить все такъ, чтобы не стоять по двѣ и по три недѣли на одномъ мѣстѣ, а идти ходко, спѣшно, до самаго мѣста, не строить дорогою колоннъ, которыя очень красивы въ чертежной, на бумажкѣ, но неисполнимы на дѣлѣ, замедляютъ до неимовѣрности ходъ, изнуряютъ людей и верблюдовъ и не ведутъ ни къ чему; а, наконецъ, коли найдутся способы доставить все необходимое въ Сарайчикъ, то привести и все войско туда; оно выиграетъ этимъ путемъ—предполагая что пойдутъ зимою (а это необходимо, для воды) верстъ 200 или 300 степной дороги, хоть и пройдетъ столько же лишней въ своемъ краю. Но 300 вер., выигранныя въ первомъ случаѣ, дороже 400 домашнихъ. Если же 3-т. человѣчъ здоровые прибудутъ въ ханство съ продовольствіемъ на шесть недѣль, то дѣло наше выиграно, и зная непріятеля и всѣ обстоятельства, нельзя опасаться неудачи. Возраженій можно сдѣлать много; отвѣчаю на все это, что нѣтъ войны безъ *авось*, и здѣсь оно также занимаетъ свое обычное мѣсто; но соображаясь со всѣми данными, ограничиваясь возможнымъ и истиннымъ, придерживаясь не *сѣрой* теоріи, не зеленыхъ предположеній и умозрѣній, а опыта, надобно, при новомъ предпріятіи признать основными началами: 1, какъ можно менѣе людей; 2, ускорить ходъ, идти во всѣ лопатки, покуда верблюды держатся, зная, что они

отъ отдыха зимой не поправляются, а худѣютъ; 3, уменьшить по возможности то пространство, которое должно пройти съ продовольствіемъ на плечахъ; 4, уменьшить (и это относится уже къ 1-му пункту), уменьшить или уничтожить вовсе сословіе гг. бездѣльниковъ, т. е. всѣхъ, которые безъ вреда отряду могутъ быть оставлены, оставить дома, а лучше дать имъ крестъ за доброе сидѣнье на мѣстѣ. Кромѣ неудобствъ матеріальныхъ, происходящихъ отъ присутствія этой лишноты, есть еще вредъ нравственный, и онъ опаснѣе перваго. Еще важнѣйшее правило на будущее время, выведенное, къ несчастію, также изъ опыта: помнить день и ночь, что верблюдъ не деревянная кобылка, которой нѣтъ износу ни изводу, а тоже живое созданіе, хоть и скотина. Несчастный предразсудокъ, бѣдственное мнѣніе, что верблюду ничего не значитъ пробыть сутки или двои безъ пищи, надѣлалъ намъ много вреда. Верблюдъ, индюшка, животное кволое, нѣжное, любитъ тепло, гибнетъ отъ стужи; онъ выручитъ изъ бѣды и пробудетъ три, четыре дня безъ пищи тамъ, гдѣ настоитъ дѣйствительная крайность, если его беречь и холить и кормить напередъ и удержать въ тѣлѣ до этой критической минуты... Очень знаю всѣ неимовѣрныя трудности присмотрѣть надлежащимъ образомъ за такимъ огромнымъ количествомъ скота, и еще на походѣ, гдѣ всякій, по неволѣ, заботится о себѣ, старается отогрѣться, наѣсться и отдохнуть; но тѣмъ менѣе можно пренебрегать этимъ, тѣмъ болѣе должно стараться за скотомъ смотрѣть хозяйскимъ, а не казеннымъ глазомъ. Къ несчастію намъ теперь, когда мы въ дѣйствительной крайности, нельзя уже беречь верблюдовъ, а остается почти только доканать ихъ въ конецъ. Перевозка продовольствія, доставка топлива, все это прогулка въ оба конца верстъ въ 40, 50, 60—двои сутки усиленнаго перехода, безъ

всякаго корма, потому что его близъ укрѣпленія нѣтъ ни зерна, ни былинки, это свалитъ съ ногъ здороваго и заморитъ сытаго, а тощаго уложитъ на дорожкѣ и свернетъ ему, на послѣдушкѣ, голову подъ крыло. Нынѣшній походъ сталъ казнѣ съ небольшимъ $1^1/_2$ милліона; а если оцѣнить все, что сдѣлано мѣстными средствами на деньги, то нельзя изворотиться 15-ю милліонами. Одни верблюды, которыхъ по доброй волѣ *нельзя* купить за деньги, одни верблюды по оцѣнкѣ стоятъ полтора милліона; а доставка продовольствія Башкирами, если бы произведена была наймомъ, должна стать шесть милліоновъ; но и тутъ опять нѣтъ сомнѣнія, что деньгами сдѣлать этого нельзя; нѣтъ возможности отправить изъ Оренбурга 12-т. наемныхъ телѣгъ, если ихъ не выписать изъ Русскихъ губерній, и тогда они обойдутся еще вдвое дороже: я клалъ по 500 р. на ямщика...

IX

21-го. Празднуемъ масляницу блинами, и блины ѣдимъ съ яйцами, съ лукомъ, съ масломъ, съ свѣжей икрой. Впродолженіе недѣли, что стоимъ теперь на Эмбѣ, въ землянкѣ нашей ночь и день не слыхать почти другого слова, какъ разсчеты четвертей, гарнцевъ, пудовъ и фунтовъ. В. А. перечитываетъ между тѣмъ, лежа подлѣ, Пугачева и Арабески, единственныя книги, которыя кто-то завезъ на Аты-Яшки. У меня взято книгъ съ пятокъ, которыя могутъ быть перечитаны по нѣскольку разъ, напр., Шекспиръ, Фаустъ; но и чтеніе надоѣдаетъ, недостаетъ терпѣнія: какое-то безотчетное безпокойство отвлекаетъ мысли и иногда, схвативши ружье, съ особеннымъ удовольствіемъ бѣжишь пострѣлять черныхъ жаворонковъ и подорожниковъ, которыхъ вкругъ укрѣпленія множе-

ство. Разсчеты эти вслухъ, впродолженіе цѣлаго дня, наводятъ въ тѣсной землянкѣ тоску. Въ десятый разъ разсчитали сейчасъ, что у насъ продовольствія станетъ мѣсяца на три — очень утѣшительно; хоть бы его не было вовсе, такъ поскорѣе бы ушли!

Кто-то замѣтилъ сегодня въ разговорѣ, что у многихъ казаковъ на лицѣ перемѣнилась третья и четвертая шкура; В. А. на это замѣтилъ: «да, удивительно; всѣ мы, не смотря на безпримѣрные, жестокіе морозы, возвращаемся съ *носомъ*»... Завтра ѣдемъ съ В. А. въ отрядъ, верстъ за 30, провожать отправляющійся во свояси дивизіонъ; тамъ опять воротимся, и тогда уже предположено заняться по вечерамъ пятьюдесятью двумя разбойниками. Прибѣжище конечно жалкое, но дѣлать нечего; гарницы, четверики и четверти хуже и несноснѣе картъ... Разсчетъ за 101 день нашего похода, даетъ равно 18° холода на день. Морозы все продолжаются 26°, 18°, 16°, а между тѣмъ соки во всѣхъ кустарникахъ уже ударили изъ корней въ стволы и сучья; дрова наши такъ сыры, что почти не горятъ, одинъ только дымъ и паръ; на дняхъ поймали тушканчика, который видно проснулся не по погодѣ, а по числамъ, надѣялся встрѣтить въ концѣ Февраля весну. Леманъ нашелъ уже 3-хъ, 4-хъ живыхъ жуковъ; словомъ, по всему весна, еслибы только не морозъ, не снѣгъ по колѣно, да не буранъ, который теперь ежедневно разыгрывается и бушуетъ съ ужасной силой. Я сегодня также сдѣлалъ разсчетъ больныхъ и умершихъ; вотъ что выходитъ: пѣхоты выступило изъ Оренбурга: 2,928 челов., казаковъ Уральскихъ 1,204; дивизіонъ 1-го полка 219 чел.; Башкировъ и Оренбург. казаковъ, пополамъ, 345 чел., конныхъ артиллер. (казаковъ) 141, гарниз. артилл. 112 Больныхъ было 1,308; выздоров. 909; отправлено въ Оренб. и Защиту 56; умерло 139, состоитъ 304. Въ укрѣпленіи былъ

кромѣ того свой гарнизонъ, были обозы Башкировъ и свои госпитали; въ Эмбенскомъ, пѣхоты переболѣло 830 чел. (слѣдов. каждый обратился по нѣскольку разъ въ госпиталѣ), умерло 154; умерло еще разной команды частію переданной изъ отряда—всего: состояло 1,450; выздоров. 750; умерло 247. Поэтому въ отрядѣ изъ пѣхоты, болѣлъ второй человѣкъ, изъ дивизіона 1-го полка второй, изъ Башкировъ 10-й, изъ Уральскихъ казаковъ 52-й!! Объ Оренбургскихъ казакахъ нельзя сдѣлать вѣрнаго разсчета, потому что они же были и въ укрѣпленіи, и свѣдѣнія перемѣшаны; но болѣлъ, видно, около 10-го. Умерло: въ пѣхотѣ 24-й изъ здоровыхъ, въ дивизіи 24-й, въ Башкирахъ, всего 170 челов., умершихъ нѣтъ; у Уральцевъ умеръ двухъсотый! Если къ этому еще пояснить, что 170 Башкировъ были выбраны молодые, здоровые ребята изъ лучшихъ кантоновъ, что даже пѣхота была пересортирована въ Оренбургѣ и много слабыхъ и ненадежныхъ оставлено, а что Уральцевъ, напротивъ, выставили сюда поскребышей, безъ всякаго разбора, стараго и малаго, потому что у нихъ уже 3 полка ушли на службу, кромѣ команды въ Москвѣ, линейцевъ, и пр. пр.: то нельзя не удивиться этой необыкновенной породѣ, которая выростаетъ среди тяжкихъ трудовъ своего промысла и свыкается заранѣе съ тугой, съ голодомъ и холодомъ. Да, храбрѣйшая сторона нашего несчастнаго похода (или горемычнаго лучше сказать, потому что горе мыкали всѣ, а бѣды не видали), храбрѣйшая часть, это бодрый духъ и пѣсни Уральцевъ во всякое время, во всякую погоду въ 20 и въ 32 градуса, въ ведро и въ ненастье, въ буранъ, который заноситъ снѣгомъ горло и глотку. Посмотрѣли бъ вы, какъ они проводили масляницу; было 16° и сильный буранъ; а у нихъ съ утра до ночи пѣсни и весь день, воскресенье, шла по лагерю такая гульба, будто дома,

подъ качелями. Трое сѣли на одну лошадь, одинъ задомъ, одинъ передомъ, одинъ бокомъ, объѣхали съ пѣснями лагерь и прощались съ масляной, раскланиваясь всѣ во всѣ стороны. Потомъ явился медвѣдь въ поводатаремъ: тотъ плясалъ, а этотъ приговаривалъ и лупилъ его хворостиной по бокамъ, такъ что и медвѣдь обругался, наконецъ, вслухъ по Русски. Тамъ возили другъ друга въ саняхъ, съ пѣснями, и воображали, что катаются, наряжались, боролись, и раздѣвались для этого до рубахи. Передъ пьянымъ было у нихъ положено сымать шапку, и тверезый долженъ ему говорить: ваше благородіе... Ждемъ, не дождемся, будетъ ли, нѣтъ ли нынѣ весна? Жучки оживаютъ, тушканчики просыпаются, овцы—по словамъ Кайсаковъ—дней черезъ 10 должны ягниться, а сегодня 18°, снѣгъ лежитъ въ аршинъ, крѣпокъ, жестокъ, рѣки промерзли до дна, рыба во льду окаменѣла. Уральцы предсказываютъ, что зима будетъ стоять здѣсь до 25-го марта; у нихъ на это свои примѣты; пасха поздняя, февральское свѣтило (луна), свѣтитъ въ Мартѣ и пр.; но обстоятельство заслуживающее вниманіе: они говорятъ, когда рога луны круты, непремѣнно строгая и поздняя зима. Крутыми рогами называютъ они обращенные нѣсколько вверхъ; нынѣ было полное лунное затмѣніе; луна, если я не ошибаюсь, была въ узлѣ, и, кажется, рога ея именно тогда и должны быть обращены къ верху, потому что она восходитъ по орбитѣ своей вверхъ. Можетъ быть, дѣйствительно при такомъ положеніи луны, зима всегда строгая, надобно бы справиться за нѣсколько лѣтъ назадъ. Такимъ образомъ нерѣдко народное повѣрье основано на какомъ-нибудь смыслѣ, хотя и кажется съ перваго взгляда суевѣріемъ, безсмыслицею. Если невѣжественная чернь неистовствуетъ безсмысленно какъ звѣрь, разъяренный всякимъ сопротивленіемъ и препоною, если толпа, повторяя слѣпо и

глухо восклицанія глашатаевъ, которые кричатъ для того только, чтобы ихъ слышали, требуетъ безсмыслицы, то я не вѣрю поговоркѣ: гласъ народа—гласъ Божій; а держусь тогда другой: мужикъ уменъ, да міръ дуракъ. Тоже сказалъ, помнится, гдѣ-то Шиллеръ: Einzeln lsr jeder der Herrn leidlich gescheiat und vernunftig; sind ist beisammen, gleich wird auch ein Dumkopf daraus! Но я вѣрю преданіямъ, повѣрьямъ, обычаямъ, иногда и суевѣрьямъ; я вѣрю имъ столько, что не рѣшусь осмѣять ни одного, не изслѣдовавши его, не дошедши, по крайнему разумѣнію своему, до начала и корня, до смысла и значенія его. Не вѣрьте, если вамъ кто скажетъ, что въ народныхъ бредняхъ нѣтъ смысла и значенія; по крайней мѣрѣ изо ста повѣрьевъ найдется, на первый случай, не болѣе пяти, шести, въ которыхъ мы не въ состояніи добиться до смыслу, да и тутъ еще спрашивается, гдѣ вина: искажено ли повѣрье временемъ и случаемъ, такъ что его нельзя узнать въ лицо, основано ли на утраченныхъ обычаяхъ и забытыхъ обстоятельствахъ, или просто мы слишкомъ удалены отъ понятій того сословія, которое держится повѣрья. Всѣ другія заключаютъ въ себѣ толкъ, иносказательный, или прямой; даже обычай не класть хлѣба на круглую корку—грѣшно, означаетъ, другими словами, вѣроятно, вотъ что: положи свѣжій хлѣбъ на круглую корку, то она отстанетъ, а потомъ плѣсень вскорѣ сядетъ и угнѣздится между мякишемъ и коркой. Объ этомъ предметѣ шелъ у насъ (В. А. NN и я) намедни предлинный разговоръ и бесѣда. Съ отбытіемъ Молоствова, В. А. взялъ насъ обоихъ къ себѣ въ кибитку и какъ онъ поздно ложится, то есть время побесѣдовать вечеркомъ, когда воображеніе разыгрывается и охотно беретъ верхъ надъ сухимъ и холоднымъ разсудкомъ. Мы рѣшили между прочимъ, что сонъ самая загадочная вещь въ природѣ человѣка, а бдѣніе, бо-

дрость души во время сна, непостижима; но все это вы знаете также, какъ и мы, и ждете, вѣроятно, отъ меня не метафизическихъ разсужденій съ береговъ пустынной Эмбы, а дѣла. Скажу жъ вамъ, что Бай-Мохамедъ на дняхъ отправляется съ тремя сотнями Уральцевъ и горнымъ единорогомъ собирать верблюдовъ, потому что мы сидимъ на мели, подняться не чемъ, едва смогли перетаскать изъ укрѣпленія большую часть продовольствія въ отрядъ, и то большею частію на казачьихъ лошадяхъ, да переморили при этомъ послѣднихъ верблюдовъ, на разстояніи 30 верстъ. Уджрайцы и нѣкоторыя другія племена къ счастію не дали верблюдовъ, когда былъ общій сборъ; теперь есть придирка, и ихъ отберутъ, если только захватятъ, какъ надѣемся, на зимовьяхъ. У насъ едва осталось 700 годныхъ верблюдовъ, да и тѣ, вѣроятно, скоро откажутся, хотя и оставлены, по необходимости, при отрядѣ, для подвозки дровъ; остальные, все инвалиды на голо, отосланы на дальнія пастбища, въ надеждѣ, что нѣкоторые изъ нихъ поправятся къ веснѣ. Много верблюдовъ отморозили себѣ лапы; многихъ обули въ кеньги и полусапожки, но врядъ ли это поможетъ: уже поздно. По прибытіи нашемъ въ Оренбургъ, вы увидѣте у Житкова въ альбомѣ, какими мы уродами здѣсь ходимъ... Разсчетъ мой относительно смертности въ пѣхотѣ не вѣренъ; гарнизоны обоихъ укрѣпленій состояли въ числѣ 2930 человѣкъ пѣхоты, а всего умершихъ до 400, слѣд., умеръ почти *седьмой* изъ здоровыхъ, въ 3 мѣсяца, а изъ Уральцевъ двухсотый...

1 Марта 1840. Градусовъ не много, 8; но сильный буранъ. Третьяго дня добрый, почтенный священникъ нашъ поѣхалъ, по зову, изъ отряда въ укрѣпленіе, вдвоемъ съ казакомъ. Ихъ также захватилъ на дорогѣ буранъ, они сбились съ пути и принуждены были ночевать въ чистомъ полѣ, между сугробами. Утромъ

пріѣхалъ онъ, бѣднякъ, и насилу здѣсь отогрѣлся. Верблюды наши, послѣ послѣднихъ бурановъ отказались вовсе; ихъ я думаю всего на все не осталось одной тысячи; да и тѣ не походятъ на живыхъ. Для перевозки изъ укрѣпленія осталась одна надежда,—на казачьихъ лошадей. В. А. говоритъ, что можно раздѣлить верблюдовъ нашихъ (вмѣсто того, что дѣлили ихъ доселѣ на *годныхъ* и *негодныхъ*) на такихъ, которые околѣваютъ по собственному усмотрѣнію и на свободѣ, и такихъ, которые околѣваютъ на службѣ государству. Я думаю можно раздѣлить ихъ просто на дохлыхъ и на издыхающихъ.

X

8 Марта 1840. На Эмбѣ.

Всѣ письма Оренбургскія доказываютъ, что и тамъ даже не понимаютъ, какъ должно, настоящаго нашего положенія. Что же послѣ этого можно ожидать отъ Петербурга? Хвалятъ насъ за то, что мы воротились, что благоразуміе взяло верхъ надъ славолюбіемъ и другими страстишками. Я былъ свидѣтелемъ и знаю, чего стоила неудача эта тому, въ чью руку была положена и власть и отвѣтственность; но тутъ нельзя было не покориться необходимости. Выбору не было, противъ математической невозможности идти нельзя; а коли можно было сосчитать по пальцамъ, что даже и наличное число верблюдовъ не подыметъ необходимѣйшаго продовольствія для пути, не говоря уже о неминуемой убыли ихъ во время самаго похода, когда, поднявшись въ обратный путь на Эмбу, бросили до 3000 четвертей и множество другихъ тяжестей: лодки, канаты, гвозди, кожи, соль, сало, кошмы и пр.: то дѣло было, кажется, довольно очевидно. Хвалить за

рѣшимость, за самоотверженіе, значитъ въ этомъ случаѣ допускать еще какую-нибудь возможность идти впередъ, а ея не было... Утромъ и вечеромъ не менѣе 13°—18°, а 4 Марта солнышко опять взошло самъ-третей; вскорѣ изъ побочныхъ солнцевъ образовались радужныя дуги и стояли почти до полудня. Мы стоимъ въ оврагѣ, на берегу Темира, закрыты, по видимому, отъ всѣхъ бурановъ, но окаянный поддувала не щадитъ насъ и здѣсь; на дняхъ были сильные, докучливые бураны. Изъ укрѣпленія почти все перевезено, послѣднихъ верблюдовъ переморили, досталось и лошадямъ, а между тѣмъ перевозка эта была необходима. Бай-Мохамедъ ушелъ съ тремя сотнями за верблюдами, къ Уджрайцамъ; сотъ шесть ожидаемъ отъ васъ да, коли Богъ милостивъ, то около тысячи останется живыхъ изъ нашихъ десяти тысячъ; тогда мы можемъ весною подняться и дней въ 20 дойдемъ до Оренбурга, или, по крайней мѣрѣ, до Илецкой. Дни тогда будутъ подлиннѣе и кормъ хорошій...

Этимъ оканчиваются письма. Весна не по нашему быстро наступила; верблюды прибыли; отрядъ снялся по частямъ, поднявъ лишь путевые харчи и покинувъ все лишнее невольнымъ хозяевамъ своимъ, Киргизамъ; вся степь ярко зеленѣла избыткомъ корма, лишь мѣстами бѣлѣлись песчаныя прогалины. Вода стояла еще всюду въ ложбинахъ, попадалась и дичь и рыба. Уцѣлѣвшіе радостно встрѣтились съ семьями и друзьями своими, а принесшіе въ себѣ неисцѣлимую немочь цынги, отправились помирать по больницамъ...

В. Даль.

О РУССКИХЪ ПОСЛОВИЦАХЪ

Пословица — коротенькая притча; сама же она говоритъ, что «Голая рѣчь не пословица». Это сужденіе, приговоръ, поученіе, высказанное обинякомъ и пущенное въ оборотъ, подъ чеканомъ народности. Пословица—обинякъ, съ приложеніемъ къ дѣлу, понятый и принятый всѣми. Но «Одна рѣчь не пословица»: какъ всякая притча, полная пословица состоитъ изъ двухъ частей: изъ обиняка, картины, общаго сужденія, и изъ приложенія, толкованія, поученія; нерѣдко, однакоже, вторая часть опускается, предоставляется смѣтливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь отъ поговорки. Вотъ примѣры полныхъ пословицъ: «Во времени пождать, у Бога есть что подать»; «Всякая рыба хороша, коли на уду пошла»; «Лазилъ чортъ за облаками, да оборвался»; «Нѣтъ въ тебѣ, такъ не ищи на селѣ» и пр.

При такомъ понятіи о пословицѣ, мы должны согласиться, что она не сочиняется, а вынуждается силою обстоятельствъ, какъ крикъ или возгласъ, невольно сорвавшійся съ души; это цѣлыя изреченія, сбитыя въ одинъ комъ, въ одно междометье. Сборникъ же пословицъ — сводъ народной, опытной премудрости и суемудрія; это стоны и вздохи, плачъ и рыданія, ра-

дость и веселіе, горе и утѣшеніе въ лицахъ; это цвѣтъ народнаго ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебникъ, никѣмъ не судимый. «Что не болитъ, то и не плачетъ»; что не дошло до народа, не касалось житья-бытья его, то не шевелило ни ума, ни сердца его, и того въ пословицахъ нѣтъ; что впуталось, добромъ либо лихомъ, въ бытъ его, то найдете и въ пословицѣ. А чтобы распознать это и дойти до вѣрныхъ посему заключеній о бытѣ народномъ, нуженъ не цвѣтникъ пословицъ, не выборка того, что намъ нравно, а полный сборникъ, хотя бы цѣлая *четверть* его, какъ помянуто выше, и не приходилась по нашему вкусу. «Вкраснѣ и всякъ насъ полюбитъ, а полюби-ка вчернѣ!»

«Отъ пословицы нѣтъ взносу», «ее обжаловать нельзя», приговоръ ея неотразимъ; всѣ крайности сходятся, и потому «На пословицу, что на дурака, и суда нѣтъ»; «Отъ пословицы не уйдешь», «Пословица ведется, какъ изба вѣникомъ метется»; «И на твою честь пословица есть», «И на нашу спесь пословица есть»; но «Пень не околица, а глупая рѣчь не пословица», да и «Не всякая пословица при всякомъ молвится»: «Иная пословица не для Ивана Петровича». Кто ее сочинилъ—не вѣдомо никому; но всѣ ее знаютъ и ей покоряются. Это сочиненіе и достояніе общее, какъ и самая радость и горе, какъ выстраданная цѣлымъ поколѣніемъ опытная мудрость, высказавшаяся такимъ приговоромъ. Сочиненная же тогда только становится пословицею, когда пошла въ ходъ, принята и усвоена всѣми.

Дѣленіе пословицъ на *древнія* и *новыя*, на *общія* и *частныя*, *общія* же и *мѣстныя*, на *историческія*, *политическія*, *юридическія* и пр., примѣнимо только къ небольшому числу, на выборъ, да и можетъ быть толково только при особой цѣли разработки. Но и тутъ

не обережешься натяжки, всѣ народныя пословицы сложились въ быту житейскомъ, и примѣненіе ихъ крайне разнообразно. Дѣлить на разряды можно ихъ по смыслу иносказанія, о чемъ болѣе поговоримъ ниже.

Пословичнымъ изреченіемъ назовемъ такое, которое вошло, въ видѣ пословицы, въ бесѣду нашу, хотя и не заключаетъ въ себѣ никакой притчи, иносказанія, обиняка; напримѣръ, два изреченія: *Твори Богъ волю свою* и *Суди Богъ волю свою:* это не пословицы и не поговорки, а пословичныя рѣчи, изреченія. Вѣрной и рѣзкой границы и здѣсь протянуть нельзя; въ строгомъ же смыслѣ, въ разрядъ этотъ перешло бы много пословицъ.

Поговорка, по народному же опредѣленію, цвѣточекъ, а пословица ягодка; и это вѣрно. Поговорка — окольное выраженіе, переносная рѣчь, простое иносказаніе, обинякъ, способъ выраженія—но безъ притчи, безъ сужденія, заключенія, примѣненія; это одна первая половина пословицы. Поговорка замѣняетъ только прямую рѣчь окольною, не договариваетъ, иногда и не называетъ вещи, но условно, весьма ясно намекаетъ. Она не говоритъ: *онъ пьянъ;* а скажетъ: «У него въ глазахъ двоится, онъ навеселѣ, языкъ лыка не вяжетъ, онъ не свиснетъ, онъ закатилъ за̀ воротъ, онъ по одной половицѣ не пройдетъ, онъ мыслете пишетъ» и пр. Вмѣсто: *онъ глупъ*, она говоритъ: «У него не всѣ дома, одной клепки нѣтъ, онъ на цвѣту прибитъ, трехъ не перечтетъ; подъ носомъ взошло, а въ головѣ и не посѣяно» и пр. Замѣстъ, *ровни, дружки*, говоритъ она: «Одного поля ягода, одного сукна епанча, одной руки пальцы» и пр. Выражая, напримѣръ, общее понятіе одиночества, поговорка различаетъ состояніе это, по всѣмъ его отношеніямъ: «Одинъ, какъ верста въ полѣ; одинъ, какъ маковъ цвѣтъ; одинъ, какъ золо̀тъ перстень; одинъ, какъ перстъ; одинъ, какъ

порохъ въ глазу; одинъ, какъ бухалень (какъ выпь на болотѣ), какъ медвѣдь въ берлогѣ» и пр. Посему поговорка иногда весьма близка къ пословицѣ: стоитъ прибавить лишь одно словечко, или сдѣлать перестановку, и изъ поговорки вышла пословица. «Онъ сваливаетъ съ больной головы на здоровую», «Онъ чужими руками жаръ загребаетъ», поговорки; та и другая говоритъ только, что это самотникъ, который заботится о себѣ, не щадя другихъ. Но скажите: «Чужими руками жаръ загребать легко»; «Сваливать съ больной головы на здоровую не накладно»; «Одного сукна епанча не рознится»; «Одной руки пальцы, и кость одна» и пр., и все это будутъ пословицы, заключая въ себѣ полную притчу.

Приговорка или *пустоговорка*, которую также иногда зовутъ поговоркой, это изреченіе, иногда одно слово, часто повторяемое, приговариваемое, безъ большого толку и значенія, а по мѣстной или личной привычкѣ: *говоритъ, взялъ, вземши; оченно хорошо это самое дѣло; тово-воно какъ-оно.* Въ сказкахъ, такихъ условныхъ приговорокъ много: «Скоро сказка сказуется, не скоро дѣло дѣлается»; «Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли»; «За тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ» и пр. Какъ простыя, такъ и сказочныя пустоговорки иногда обращаются въ пословицу, заключая въ себѣ условный смыслъ; напр.: «Я бы и тово, да, вишь, жена-то не тово; ну, ужъ и я растово»; о пустомъ, грозномъ начальникѣ: «Проскакалъ выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго»; о строгости и непотачкѣ кому: «Онъ тише воды, ниже травы сталъ» и пр. Съ другого конца, переходя въ наборъ складныхъ словъ, приговорки сливаются съ прибаутками.

Присловье весьма близко къ прозвищу, но относится не къ лицу, а къ цѣлой мѣстности, коей жителей

дразнятъ, бранятъ, или чествуютъ, приложеннымъ къ нимъ, присловьемъ. Оно иногда состоитъ въ одномъ только словѣ: «Рязанцы, синебрюхіе»; «Ярославцы, бѣлотельцы»; «Вятичи, слѣпороды»; иногда же въ цѣломъ изреченіи, прибауткѣ, прибасенкѣ: «Пензане свою ворону въ Москвѣ узнали»; «Ты чей, молодечъ? Зубчевскій купечъ. А гдѣ былъ? Въ Москвѣ, по міру ходилъ». Послѣднее присловье уже весьма близко къ пословицѣ, а другимъ придано и вовсе пословичное значеніе: «Чухломскій рукосуй: рукавицы за поясомъ, а другихъ ищетъ». Присловье: «Бѣжечане и колокольню рожкомъ подбили», встряхивая объ нее мимоходомъ табакъ, иногда употребляется въ томъ же значеніи, какъ: «Капля камень долбитъ».

Скороговорка, чистоговорка слагается для упражненія въ скоромъ и чистомъ произношеніи, почему въ ней сталкиваются звуки, затрудняющіе быстрый говоръ; но многія чистобайки заключаютъ въ себѣ также пословицу: «Нашего пономаря не перепономаривать стать»,—человѣка не передѣлаешь; «Рапортовалъ, да не дорапортовалъ, а сталъ дорапортовывать, зарапортовался»,—все невпопадъ, неудачно; «Стоитъ попъ на копнѣ, колпакъ на попѣ, копна подъ попомъ, попъ подъ колпакомъ», т. е., все одно и то же.

Загадки всякому извѣстны; допустивъ все остальное, казалось, не слѣдовало исключать изъ этого сборника и ихъ, потому что это такія же короткія изреченія, то довольно пошлыя и ничтожныя, то замысловатыя, со своеобычнымъ взглядомъ на вещи. Но и загадки иногда переходятъ отъ пословицы, становясь и тѣмъ, и другимъ: «Ничего не болитъ, а все стонетъ»; пословично, говорится это о ханжѣ и попрашайкѣ; а какъ загадка, это *свинья*. «Хорошая жена метла, и худая жена метла»; одна мететъ въ домъ, копитъ, другая изъ дому, мотаетъ. «Кабы у цыгана напереди,

что у мужика назади, такъ съ нимъ бы и ладовъ не было»; *умъ*. «Иная вода стоитъ крови»; *слеза*.

Прибаутка, пустобайка не совсѣмъ ясно или одинаково опредѣляется; самое названіе, пустобайка, показываетъ, что она можетъ быть иногда и то же, что пустоговорка, а объ острякѣ своего рода говорятъ, что онъ знаетъ много прибаутокъ. Иные называютъ такъ цѣлый рядъ поговорокъ и приговорокъ, сложенныхъ складно, безъ большого смысла; сюда относятся ямскія прибаутки, также сбитенщиковъ, коихъ теперь уже не стало, пирожниковъ и пр. Эти прибаутки также нерѣдко переходятъ въ пословицы: «По всѣмъ по тремъ, коренной не тронь, а кромѣ коренной, нѣтъ ни одной»; «Лошади чужія, кнутъ не свой—погоняй, не стой»; «Ѣшь пироги, а хлѣбъ впередъ береги»; «Поливай, кубышка, не жалѣй хозяйскаго добришка» и пр. Прибауткою же называютъ сказочныя прикрасы: «Не по днямъ, по часамъ растетъ, какъ пшеничное тѣсто на опарѣ киснетъ»; «Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, полымя изъ ноздрей, хвостомъ слѣдъ устилаетъ, долы, рѣки промежъ ногъ пускаетъ» и пр. И эта болтовня принимаетъ иногда пословичное значеніе, если примѣняется къ какому-либо извѣстному случаю. Прибаутками, байками, присказками называютъ и поговорки и пословицы, вовсе непонятныя, если не знаешь прибаски, отъ которой онѣ вышли; и эти-то прибаутки никакъ нельзя отдѣлить отъ пословицъ. Иныя понятны по себѣ: «Титъ, пойдемъ молотить! Брюхо болитъ Титъ, поди кисель ѣсть! А гдѣ моя большая ложка?» «Кто укралъ пирожокъ? Не я. А кому дать еще? Мнѣ». Жена, а жена, любишь ли меня? Аль не любишь? Да. Что, да? Ничего.» Другія требуютъ объясненій: «Хорошо-то медъ съ калачемъ»; къ этому прибавляютъ: «А ты ѣдалъ? Нѣтъ, не ѣдалъ, да лѣтось братъ въ городѣ былъ, такъ видѣлъ, какъ люди ѣдятъ.» «Знаешь толкъ

какъ слѣпой въ молокѣ»: вожакъ покинулъ на время слѣпого; гдѣ былъ? Да вотъ молока похлебалъ. А что такое молоко? Бѣлое, да сладкое. А какое такое бѣлое? Какъ гусь. А какой же гусь? Вожакъ согнулъ локоть и кисть клюкою, и далъ ему пощупать: вотъ какой. А, знаю; и по этому слѣпой понялъ, какое бываетъ молоко. Сюда же относятся: «Такъ то такъ, да вонъ то какъ»; «Слава Богу, лапоть поспѣлъ»; «Еще одинъ казакъ остался»; «Радуга ушатъ воды выпила»; «Попалъ, какъ чортъ въ рукомойникъ» и пр. Къ прибауткамъ же можно причесть и поговорки, иногда пословичныя, съ обоюднымъ смысломъ, игру словъ: «Я въ лѣсъ (влѣзъ), и онъ въ лѣсъ; я за вязъ (завязъ), и онъ за вязъ.»

Пословичныя поговорки о примѣтахъ, повѣрьяхъ, житейскія и хозяйскія правила, одѣтыя, для памяти, въ такую же одежду, куда входитъ и народный мѣсяцесловъ, гдѣ каждому, чѣмъ нибудь замѣчательному въ быту народномъ, дню дано свое названіе и приложены разныя поговорки, правила, изреченія—все это, насколько удалось мнѣ собрать, также вошло въ сборникъ. Божба, проклятія, пожеланія, привѣты, высказанныя въ видѣ поговорокъ, отчасти включены сюда же, но ихъ набралось не много, какъ вообще нѣкоторые разряды у меня очень не полны, и вся надежда на будущихъ собирателей. Русскія застольныя, заздравныя пожеланія, что нынѣ тосты, частію старинныя, частію извѣстныя и понынѣ въ купеческомъ кругу, по заглушьямъ, очень хороши, но и ихъ у меня набралось немного, а желательно бы собрать и сохранить ихъ побольше.

Въ пословицѣ можно различать одежду внутреннюю и внѣшнюю; первая относится къ риторикѣ, вторая до граматики и просодіи. Граматика не только могла бы и должна бы многому научиться у пословицъ,

должна бы быть по нимъ, во многихъ частяхъ своихъ, вновь переверстана. Частое непониманіе нами пословицы основанно именно на незнаніи языка, тѣхъ простыхъ, сильныхъ и краткихъ оборотовъ речи, которые исподволь утрачиваются и вытѣсняются изъ письменнаго языка, чтобы сблизить его, для бо̀льшей сподручности переводовъ, съ языками западными. Кто бы взялся разсмотрѣть пословицы и поговорки въ этомъ отношеніи, тотъ написалъ бы претолстую и препоную книгу.

Пословица бо̀льшею частію является въ мѣрномъ или складномъ видѣ: рѣдко правильнымъ метрическимъ стихомъ, то есть со счетомъ долгихъ и короткихъ слоговъ, потому что такой размѣръ народному языку вообще чуждъ; еще рѣже, и кажется только случайно, найдется размѣръ силабическій, т. е. простой счетъ слоговъ, дѣло, намъ вовсе чужое; но весьма часто въ русскомъ размѣрѣ, въ тоническомъ, какъ пѣсенномъ, съ извѣстнымъ числомъ протяжныхъ удареній въ стихѣ, такъ и сказочномъ, съ риѳмою или краснымъ складомъ.

Богдановичъ, перекладывавшій пословицы, по тогдашнимъ понятіямъ, въ приличные стихи, то есть, искажавшій ихъ такъ, что онѣ становились никуда негодными, переложилъ, однако, съ пятокъ, изъ числа одной тысячи, такъ удачно, что онѣ могутъ идти заурядъ съ народными; наприм.: «Не безчести въ загоняхъ добра молодца: загоняешь и волка, такъ будетъ овца.» Но, кажется, что онъ только составилъ кстати одну пословицу изъ двухъ готовыхъ; по крайней мѣрѣ вторая половина говорится точно въ этомъ видѣ, въ правильномъ метрическомъ размѣрѣ ⏑⏑—двухъ короткихъ и одного долгаго слога; этотъ размѣръ гораздо свойственнѣе языку нашему, чѣмъ чистые ямбы и хореи, потому что онъ обилуетъ короткими слогами. Есть даже очень много пословицъ, въ размѣрѣ, еще

болѣе богатомъ короткими слогами; не утверждаю, чтобы тутъ былъ умыселъ, чтобы пословицы сознательно составлены были по довольно сложному метрическому размѣру; но чуткое и памятливое на пѣвучесть, складъ, удареніе и созвучіе ухо вылило ихъ въ этомъ пѣвучемъ видѣ и безсознательно соблюло правильную и точную мѣру. Упоминаю объ этомъ потому, какъ сейчасъ сказалъ, что языку нашему эти размѣры гораздо сподручнѣе, между тѣмъ какъ поэты небрегутъ такою особенностію языка, и ямбы съ хореями, всѣми натяжками и неправдами, остаются у насъ господствующими размѣрами. Говорю: съ натяжками и неправдами, потому что даже у первыхъ поэтовъ нашихъ натяжки эти попадаются сплошь и рядомъ, да онѣ и неизбѣжны на языкѣ, въ которомъ короткій слогъ весьма рѣдко чередуется съ долгимъ чрезъ одинъ.

Возьмемъ два-три примѣра: Богъ не поберегъ, вдоль и поперекъ; по три короткихъ, межъ двухъ долгихъ, а размѣръ хорошъ. Рано встала, да мало напряла; по долгому съ короткимъ на концахъ, а двѣ среднія стопы—долгій съ двумя короткими. Хоть вдвое, хоть втрое, не споро худое; по одному долгому, межъ двухъ короткихъ. Всякая небылица въ три года пригодится; На всякаго мірянина по семи жидовинъ; въ этихъ двухъ пословицахъ, въ сущности тоническихъ, метрическій счетъ однако показываетъ вотъ какія особенности: первая начинается долгимъ, вторая коротким словомъ; въ обѣихъ по четыре стопы: одинъ долгій съ однимъ короткимъ, долгій съ двумя, съ тремя и съ четырьмя короткими. Въ слѣдующей, замѣчательная, весьма складная смѣсь анапеста и дактиля; одинъ только короткій слогъ, во второмъ стихѣ, будто

лишній; но онъ на мѣстѣ, а пропущенъ въ первомъ стихѣ весьма кстати; тутъ, какъ бы по неволѣ изумясь, сдѣлаешь разстановку:

Сбилъ, сколотилъ — вотъ колесо;
Сѣлъ да поѣхалъ — ахъ, хорошо!
Оглянулся назадъ —
Одно спицы лежатъ!

Это сложено удивительно складно: внезапный переходъ, на третьемъ стихѣ, къ двумъ краткимъ, когда готовишься на долгій слогъ, какъ нельзя лучше выражаетъ изумленіе того, кто оглянулся. Нельзя также не согласиться, что во всѣхъ размѣрахъ этихъ невримѣръ болѣе свободы и раздолья, чѣмъ въ тяжкихъ, однообразныхъ путахъ безсмѣннаго ямба или хорея.

Риѳма или простое созвучіе не всегда бываютъ въ концѣ стиха или каждой изъ двухъ частей пословицы, какъ напр.: «Много лихости, мало милости»; «Ни то, ни се кипѣло, да и то пригорѣло»; «Взвыла да пошла изъ кармана мошна» и пр., а иногда и на другихъ словахъ, среди стиха, но всегда на такихъ, кои требуютъ отлики, ударенія, вниманія:

«И скаталъ было и сгладилъ, да все врозь расползлось».
«Отъ сумы, да отъ тюрьмы никто не отрекайся».
«Видалъ, какъ мужикъ медъ ѣдалъ — онъ мнѣ не далъ».

Бываетъ и по нѣсколько риѳмъ сряду:

«Самъ тощъ, какъ хвостъ, и живетъ тоненько, да по маленьку»;
«Я за кочанъ—меня по плечамъ. Я за вилокъ—меня за високъ»:
«Сало было, стало мыло»;
«Рушай варено, слушай говорено»;

въ двухъ послѣднихъ, что ни слово, то рѳма.

«Уйдемъ всѣмъ дворомъ, опричь хоромъ, а домъ подопремъ коломъ»;

шесть одинаковыхъ рѳмъ. Есть созвучія цѣлаго слова, и полныя рѳмы въ два и три слога: «Ему — про Тараса, а онъ: полтораста»; «Не подъ дождемъ, подождемъ». Но бо́льшая часть пословицъ безъ краснаго склада и безъ правильнаго, однороднаго размѣра; ладъ или мѣра въ нихъ, однако, есть, какъ во всякой складной, короткой рѣчи, и ладъ этотъ даетъ ей пѣвучесть и силу.

Игра словъ, по обоюдности ихъ значенія, не совсѣмъ въ нашемъ вкусѣ, но мѣстами попадается: «Для почину, выпить по чину»; «Спать долго, жить съ долгомъ»; «Тутъ прутъ, а тамъ жгутъ»; прутъ—напираютъ, и розга; *жгутъ*—палятъ огнемъ и витень, плеть. «Что будетъ, то будетъ; а еще и то будетъ, что и насъ не будетъ». «Обѣдалъ бы, да не объѣдалъ бы». «Пригоденъ лукъ и къ бою и ко щамъ», и пр.

Къ внѣшней одеждѣ пословицъ надо отнести и личныя имена. Они бо́льшею частію взяты наудачу, либо для рѳмы, созвучія, мѣры; таковы, напр., пословицы, въ коихъ поминаются: *Мартынъ и алтынъ*, *Иванъ и болванъ*, *Григорій и горе*, *Петракъ и батракъ*, *Мокей и лакей* и пр. Можетъ быть нѣкоторыя имена и взяты начально съ извѣстныхъ въ самомъ тѣсномъ кругу лицъ, а пословицы сдѣлалися общими; нерѣдко также имена эти попадали изъ сказокъ, разсказовъ, гдѣ люди извѣстныхъ свойствъ обычно носятъ одно и то же имя, за которымъ, и въ пословицахъ, осталось то же самое значеніе: *Иванушка* и *Емеля* дурачки; *Ѳомка и Сергѣй* воры, плуты; *Кузька* горемыка; *Марко* богачъ. Отъ этихъ понятій сложились и особыя выраженія: объемелить кого, обмануть, одурачить простачка; *обсе-*

режить, поддѣть ловко, хитро; ѳомкою, на языкѣ мошенниковъ, зовется большое долото или одноручный ломъ, для взлома замковъ; *подкузмить кого*, поддѣть, обмануть, обидѣть и пр.

Во внутренней одеждѣ, въ пословицахъ нашихъ можно найти образцы всѣхъ прикрасъ риторики, всѣ способы окольнаго выраженія. Не знаю, стоитъ ли на этомъ останавливаться, но приведу попавшіеся подъ руку примѣры: *Метафора*: онъ себѣ залилъ за шкуру сала. Его голыми руками не возьмешь. На него надо ежовыя рукавицы. *Алегорія*: Угорѣла барыня въ нетопленой горницѣ. Хорошо пахать на печи, да заворачивать круто. *Ипербола*: У каменнаго попа ни желѣзной просвиры. У него каждая копѣйка алтыннымъ гвоздемъ прибита. *Метонимія*: Сытое брюхо къ ученью тупо. Зеленый сѣдому не указъ. *Синекдоха*: Семеро топоровъ вмѣстѣ лежатъ, а двѣ прялки врозь. Чѣмъ бы салу рычать, анъ телега скрыпитъ. *Ироніа:* Исплошила зима сватью въ лѣтнемъ платьѣ. Жаль дѣвки—потеряли (а сгубили) парня. *Противоположность:* Бóложный столъ—тощій карманъ. Дальше положишь, ближе возьмешь. *Извращеніе:* Не нó хорошу милъ, а пó милу хорошъ. Надъ грѣхомъ старосты нѣтъ, а живетъ грѣхъ и надъ старостой. *Двусмысліе:* Иная вода стóитъ крови (слезы). Смертью люди живутъ (гробовщики). *Олицетвореніе:* Авоська веревку вьетъ. Небоська петлю закидываетъ. Весна говоритъ: уклочу; осень говоритъ: а вотъ я еще погляжу. *Условность:* Либо коня добраго держи, либо кнутъ. Либо кланяться (просить), либо чваниться. *Опущеніе*, недоговорка: Матушка рожь кормитъ всѣхъ дураковъ сплошь, а пшеничка (кормитъ дураковъ)—по выбору. Отъ старыхъ дураковъ молодымъ (дуракамъ) житья нѣтъ.

О НАРЕЧІЯХЪ

ВЕЛИКОРУСКАГО ЯЗЫКА

Самый оглавокъ этотъ показываетъ, что здѣсь не будетъ речи о языкѣ малорускомъ; бѣлорусское же наречіе нѣкоторыми причисляется къ великорускому языку, другими также отдѣляется. Переходъ къ нему, впрочемъ, постепенный и граматика почти одна и та же, великорусская, съ наклонностію къ польской.

Всякъ изъ насъ и нехотя замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ говорятъ *па-масковски*, свысока, т. е. акаютъ, а въ другихъ, напротивъ, низкимъ говоромъ, владимірскимъ, на *о*, или окаютъ. Говоръ на *о* долженъ быть весьма древній; имена Труваруса, Ингваръ передѣланы были искони въ Труворъ, Игорь. Это различіе извѣстно всякому, и оно самое существеное, хотя и далеко недостаточно для распредѣленія всѣхъ наречій [1]).

---

[1]) Сквернословная брань усвоена поголовно южнымъ племенемъ наречіемъ акающимъ, высокимъ (Рязань, Тула, Орелъ, Курскъ, Воронежъ, Тамбовъ и проч.), а въ окающемъ, низкомъ, слышна только какъ изъятіе.

И. И. Надеждинъ отличаетъ напередъ два главныя наречія: *понтійское* и *балтійское*, по водораздѣлу, южное и сѣверное, или *мало-* и *бѣлорускоe*. Первымъ говорили несторовскіе: угличи, тиверцы, дулѣбы, суличи, сѣверяне, поляне, горяне; вторымъ говорили, въ предѣлахъ бывшаго Литовскаго княжества: Бѣлая и Черная Русь (Ковно, Гродно, Минскъ, Могилевъ, Витебскъ, часть Вильны и Чернигова, Смоленскъ, часть Пскова); это несторовскіе древляне, дряговичи, полочане, кривичи, вятичи, радимичи. Рѣки Припеть и Сожь (а Десна?) раздѣляютъ эти два колѣна, отъ которыхъ, при сліяніи съ чудскими племенами, далѣе на востокъ, образовался великорускій языкъ, раздѣлившійся на два наречія, по *аканью* и *оканью*.

На *о* говорятъ: въ древнемъ Новгородѣ, въ удѣлѣ Долгоруковичей, т. е. въ Суздалѣ, Ростовѣ, Твери, Бѣлозерѣ, Галичѣ-сѣв., Вел.-Устюгѣ, Костромѣ, Нижнемъ. На *а:* въ Рязани, а потомъ по Окѣ, составляющей взаимные предѣлы этихъ наречій, на Нижнюю Волгу.

Примѣты этихъ наречій: Въ говорѣ на *о*, буква *г* произносится твердо или густо, какъ латинское g; третье лицо глаголовъ кончаютъ на *ъ* и никогда не откидываютъ *т;* онъ хóдитъ, любитъ; *ч* иногда походитъ на *ц; ѣ* иногда звучитъ какъ *и*.

Въ говорѣ на *а:* буква *г* произносится какъ придыханіе (латинское h), третье лицо глаголовъ кончаютъ на *ь:* онъ хóдить, любить, даже любеть; а гдѣ ударенье на *е*, тамъ иногда *т* вовсе откидывается: онъ идё, везё, берё, буква *ч* произносится чисто, но вмѣсто *щ* иногда *шт*.

Замѣчанія эти дѣльны, но не всѣ вѣрны, и противу нѣкоторыхъ положеній нельзя не сдѣлать кой-какихъ замѣчаній Если великорускій языкъ произошелъ отъ сліянія мало- и бѣлорускаго, и при этомъ

говоры на *а* и *о* скрестились — первый прошелъ отъ запада черезъ Москву на югъ, второй съ юга на сѣверо-востокъ — то, по-крайности, нѣтъ никакихъ письменныхъ памятниковъ, которые бы дали намъ право предполагать, во время Нестора, присутствіе малорусовъ въ означенныхъ предѣлахъ. Напротивъ, исторія этому противоречитъ. Раздѣленіе великорускаго языка только на два наречія недостаточно. Утверждая, что рязанское наречіе приближается къ малорускому, а новгородское къ бѣлорускому, сочинителю слѣдовало развить ближе мысль свою, потому-что принятые имъ же самимъ главные признаки противоречатъ этому сходству: бѣлоруское и рязанское наречія, напротивъ, сходствуютъ между собою, по аканью, а малоруское и новгородское между собой — по оканью. Предполагаемое сочинителемъ стороннее вліяніе на малорускій языкъ Кавказа, и даже мѣстностей еще болѣе отдаленныхъ, не объяснено и остается темнымъ. Сѣверное и восточное наречія (новгородское и владимірское) дотого спутаны, что одинъ изъ важнѣйшихъ отличительныхъ признаковъ перваго, *и* вмѣсто *ѣ*, повидимому, приписанъ обоимъ; напротивъ, *ц* вмѣсто *ч* можно слышать и въ говорѣ на *а*, напримѣръ, въ Нижнеломовскѣ и около Касимова. Въ новгородскомъ наречіи (на *о*) также иногда откидывается *т* въ третьемъ лицѣ глаголовъ, и говорятъ именно: онъ лю́би, и лю́бя, онъ хо́ди и проч.

И. П. Сахаровъ («Сказанія», т. I) принимаетъ четыре великорускія наречія: новгородское, московское, суздальское и владимірское; но въ другомъ мѣстѣ, въ оглавленіи будущаго содержанія третьяго тома, онъ ставитъ на мѣсто владимірскаго заволжское, а затѣмъ дѣлитъ: 1) московское — на московское, тульское, рязанское, калужское, тверское и владимірское; 2) новгородское—на новгородское, архангельское, онежское;

3) суздальское—на суздальское, ярославское, костромское, галицкое, муромское; 4) заволжское — на вологодское, пермское, устюжское, сибирское и офенское.

Я долженъ сознаться передъ И. П. Сахаровымъ, что такого дѣленія наречій вовсе не понимаю; не знаю и не вижу, что̀ могъ имѣть въ виду такой знатокъ народности руской, какъ онъ, принимая подобное раздѣленіе. По какимъ признакамъ можно владимірское и рязанское наречія соединить въ одно, и притомъ московское? Во всей Росіи нѣтъ двухъ болѣе противоположныхъ наречій, какъ именно владимірское и рязанское; если ихъ соединить подъ общими признаками, то дѣло кончено, и у насъ нѣтъ никакихъ наречій. Вообще, во всемъ раздѣленіи этомъ разнородное совокуплено, однородное разнесено врознь. Думаю, что̀ И. П. шелъ по какимъ-нибудь произвольнымъ признакамъ, которыхъ до времени намъ не объясняетъ, хотя М. А. Максимовичъ и вызывалъ его на это и всѣ любители народности приняли бы съ признательностію объясненіе такой загадки. А можно ли офенскій языкъ ставить на ряду съ другими, въ видѣ поднаречія? Вѣдь это языкъ искуственый, вымышленный исподволь для плутовскихъ совѣщаній торгашей, а не наречіе: тогда надо также признать за наречія языки: бывшихъ волжскихъ разбойниковъ, конскихъ барышниковъ, конокрадовъ и коноваловъ, петербургскихъ и московскихъ мазуриковъ и жуликовъ (воровъ), наконецъ, и кяхтинскій торговый языкъ и говоръ школьниковъ по херамъ, и проч.

М. А. Максимовичъ («Начатки Русск. Фил.» 1848) устраняетъ языкъ южно-рускій, дѣлитъ сѣверный на велико- и бѣлоруское наречія, а великоруское (или сѣверно-руское) основательно на четыре наречія: сѣверо-восточное, гдѣ окаютъ, 1) верхне-руское или новгородское, 2) нижне-руское или суздальское, южное,

гдѣ акаютъ: 3) средне-русское или рязанское, и 4) московское, сдѣлавшееся общимъ или образцовымъ.

Почти все, что́ М. А. Максимовичъ говоритъ объ этомъ распредѣленіи наречій, вѣрно: онъ владѣетъ завидною способностью схватывать по немногимъ даннымъ отличительные признаки наречій и подводить ихъ подъ граматическія правила; у меня данныхъ много, есть замѣтки и образцы наречій почти всѣхъ уѣздовъ, не только каждой губерніи, я рѣдко затрудняюсь узнать, по говору, родину крестьянина, не только по четыремъ главнымъ наречіямъ, но и нѣсколько ближе или точнѣе, но я не сумѣю привести примѣтъ этихъ подъ общія граматическія правила.

1) Въ верхне-рускомъ, говоритъ М. А., господствуетъ новгородское, о́кающее, принимающее *ѣ* за тонкое *и* (какъ въ малорускомъ) и опускающее въ третьемъ лицѣ глаголовъ окончаніе на *т;* онъ возьме́, хо́ди, люби (вопреки Надеждину).

2) Нижне-руское, или суздальское, окаетъ, не ставитъ *и* вмѣсто *ѣ*, не обращаетъ окончанія родительнаго падежа *аго, его* въ *аво, ево* (?).

3) Средне-руское наречіе, продолжаетъ М. А., обращаетъ *о* безъ ударенія въ дебелое *а*, а букву *г* въ латинское h, какъ и въ бѣло- и малорускомъ *ґ* остается мягкимъ, не произносится какъ *ф;* въ глаг. 3 л. вмѣсто *тъ* ставитъ *ть;* вмѣсто прибавочной частицы *ся*, употребляетъ *си;* вмѣсто *о*, въ глаголахъ, *ы* (мыю, крыю), но недзекаетъ, чѣмъ отличается отъ наречія бѣлорусовъ.

4) Московское наречіе обращаетъ *о* безъ ударенія въ легкое *а*.

Здѣсь должно сдѣлать слѣдующія замѣчанія: 1) Въ новгородскомъ наречіи опущеніе *тъ* въ 3 л. глаголовъ не только не есть общее правило, но довольно рѣдкое, хотя и весьма замѣчательное исключеніе. 2) Въ

суздальскомъ наречіи, вообще въ окончаніи прилагательныхъ, буква *г* произносится какъ *в*; напротивъ, *г* произносятъ какъ оно пишется также въ видѣ изъятія, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣвернаго, новгородскаго говора (о чемъ будетъ говориться ниже); но признакъ этотъ, относимый М. А Максимовичемъ къ суздальскому наречію, принадлежитъ собственно южному, рязанскому.

Противъ самаго распредѣленія этого можно только замѣтить, что здѣсь недостаетъ наречій: смоленскаго, сибирскаго, новоросійскаго, донского; что названія верхне-, средне- и нижнеруское сбивчивы и не совсѣмъ удобны. Впрочемъ, сибирское поименовано въ поднаречіяхъ, и, можетъ-быть, это правильнѣе.

Обращаюсь къ изложенію своего взгляда на великорускія наречія, который, впрочемъ, только дополняетъ болѣе или менѣе положенія П. И. Надеждина и М. А. Максимовича.

Огромность пространства, на которомъ говорятъ рускимъ языкомъ, однообразіе его и постепенность оттѣнковъ въ наречіяхъ къ предѣламъ государства, заставили было меня нѣкогда подозрѣвать въ дѣлѣ этомъ какой-либо общій законъ, а именно: въ восточныхъ языкахъ господствуютъ гортанные звуки, гласныя *а*, *о*, *у* не такъ рѣзко одна отъ другой отличаются и нерѣдко обращаются въ полугласныя; въ западныхъ находимъ полнозвучіе гласныхъ, есть придыханіе (h), есть иногда и носовые звуки, жесткость согласныхъ смягчается; на сѣверѣ много жесткихъ и сиплыхъ согласныхъ буквъ, много растянутыхъ двугласныхъ (гласныхъ сложныхъ); къ сему, казалось мнѣ, можно примѣнить и говоръ разныхъ концовъ Росіи; но это была мечта. Въ этомъ отношеніи можно только развѣ допустить, что пензенское и вятское *уо*, вмѣсто *о*, должно быть чудского происхожденія; что тутъ и

тамъ осталось въ оборотѣ нѣсколько словъ, принадлежащихъ языку обрусѣвшаго племени; что по западной границѣ нашей, сосѣдніе языки остались не вовсе безъ вліянія на рускій; всѣ остальные оттѣнки выработались, отъ неизвѣстныхъ причинъ, дома; вѣроятно, это въ связи съ обрусѣніемъ разныхъ чудскихъ племенъ, составлявшихъ самую значительную часть населенія Россіи; но оговоримся и тутъ: вслушиваясь въ языки этихъ народовъ, напримѣръ, въ корельскій, мордовскій, чувашскій, и прислушиваясь къ искаженному рускому говору тѣхъ изъ нихъ, кои еще не вовсе обрусѣли, не находишь никакой связи между симъ обстоятельствомъ и мѣстнымъ рускимъ наречіемъ. Такъ, напримѣръ, у чувашъ нѣтъ буквъ: б, г, д, ж, з, ц, а вмѣсто ихъ: п, х, т, ш, с, ч; также вм. ѳ, ф, у нихъ хв, х; но *хбтны*, *тóпры*, *шивбй*, *сола́*, *чарь*, *Хвéдоръ*, *Хилúпъ* (годный, добрый, живой, зола, царь, Ѳедоръ, Филипъ) говорятъ только плохо знающіе по руски, обрусѣвшіе же отстаютъ вовсе отъ этого произношенія, вполнѣ принимая мѣстный говоръ, въ которомъ нѣтъ и слѣдовъ чувашскаго. Поблизости татаръ, калмыковъ, болгаръ, грековъ, армянъ и другихъ инородцевъ, даже около нѣмецкихъ переселенцевъ, рускіе переняли отъ нихъ нѣсколько словъ или оборотовъ; но это вліяніе довольно ничтожно. Молдаване говорятъ: *понеси лошадей; вилы распоролись*; *канатъ улопався;* и тверскіе корелы *ломаютъ веревку* и *гнутъ дышло*; сосѣдніе съ башкирами и киргизами русаки бесѣдуютъ съ ними на какомъ-то условномъ языкѣ, гдѣ слышишь: *баранчукъ*, (ребенокъ), *марушка*, *марджа* (марья, руская баба), *кургашъ* и *курпячъ* (ягня), *мазарки* (могила), *маханъ* (конина), *шарáбара* (хламъ), *калтá* (сума) и пр., хотя часть этихъ словъ и не татарскія а калмыцкія. Залѣскій край, на востокъ отъ Москвы, безспорно весь населенъ былъ разною чудью; Владиміръ Залѣскій,

какъ Переяславъ, Стародубъ-на-Клязмѣ, Галичъ, Звенигородъ,—всѣ названія эти перенесены съ юга, при основаніи на занятыхъ мѣстахъ новыхъ городовъ; это могло бы послужить поводомъ для приписанія восточнаго наречія вліянію чуди; но самое близкое къ нему, по говору, сѣверное, и также о́кающее, жило искони, а на югъ отъ Москвы, акающія наречія также образовались при обрусѣніи чудскихъ же, племенъ. На чемъ основано это столь существенное различіе? Почему сѣверовосточная обрусѣлая чудь *о́каетъ*, и весь край этотъ строитъ губы кувшиномъ, а весь югозападъ (и отчасти юговостокъ) *а́каетъ*, почему населеніе это и зовутъ зѣворотымъ и полоро́тымъ?

Въ мѣстахъ, гдѣ половина мужского населенія постоянно бываетъ въ заработкахъ на чужбинѣ, народный говоръ постепенно сглаживается и поддерживается почти только бабами. Нѣкоторыя измѣненія въ говорѣ вводятся и обыкомъ или модой: напримѣръ, шепелянье уралокъ, шиканье самарокъ, вычурное произношенье ржевокъ. Само собой, что переселенія надолго, если не навсегда, покидаютъ сильные слѣды сторонняго наречія; въ мѣстностяхъ, напримѣръ, гдѣ цокаютъ или чвакаютъ, нерѣдко находимъ въ одномъ и томъ же селеніи людей безъ этой особенности въ говорѣ, и иногда нельзя доискаться причины такой странности, ихъ называютъ старожилами: но будьте увѣрены, что въ такой семьѣ говоръ этотъ ведется и держится женскимъ колѣномъ, по которому она въ свойствѣ съ чужбиной.

Образованность и просвѣщеніе сглаживаютъ постепенно различіе наречій, проходя повсюду съ уровнемъ своимъ, языкомъ письменнымъ; но это подаетъ много повода къ недоразумѣніямъ и невольнымъ злоупотребленіямъ: вотъ происхожденіе наречія *галантерейнаго*, говора лакеевъ и сидѣльцевъ.

Построеніе городовъ, гдѣ сосредоточивается дѣятельность народа, то около набродиаго и отчасти граматнаго населенія среднихъ сословій, то около людей, воскормленныхъ остріемъ пера, повитыхъ въ гербовомъ листѣ, измѣняетъ нѣсколько и выравниваетъ мѣстный говоръ, образуя въ то же время особенное наречіе, извѣстное подъ названіемъ *приказнаго*.

По всему этому очевидно, что мы здѣсь будемъ говорить почти только о языкѣ или наречіяхъ простого народа, который, по косности своей, всегда и вездѣ удерживаетъ болѣе коренного и самобытнаго, а по невѣжеству въ дѣлѣ ученаго языковѣденія, не умничаетъ, не искажаетъ языка, какъ мы, у которыхъ въ этомъ отношеніи умъ за разумъ зашелъ и природное чутье утрачено. Отъ этого составляемыя народомъ безсознательно реченія мѣтки, вѣрны и правильны; составляемыя же нами, напротивъ, вялы, пошлы и ошибочны.

Трудно рѣшить положительно, что называется языкомъ, что наречіемъ, а что говоромъ. Наречіемъ называютъ, обычно, языкъ не довольно самостоятельный, и притомъ столь близкій къ другому, что, не нуждаясь ни въ своей особенной граматикѣ, ниже въ словарѣ, можетъ быть хорошо понимаемъ тѣмъ, кто знаетъ первый. Называютъ также наречіемъ, болѣе въ политическомъ смыслѣ, областной, мѣстный говоръ небольшой страны, также языкъ мѣстный, искаженный, какъ полагаютъ, отшатнувшійся отъ коренного языка, родившійся отъ смѣси двухъ и болѣе языковъ. Вообще языкъ, которымъ говоритъ большинство, а тѣмъ болѣе сословіе образованное, языкъ письменный, принимается за образцовый, а всѣ уклоненія его за наречія. Спорить противу общаго закона господства просвѣщенія нельзя; но господство того либо другого наречія надъ прочими—дѣло случайное, и всѣ они равно искажены

и равно правильны. Возьми у насъ въ былое время Новгородъ, Псковъ или Суздаль перевѣсъ надъ Москвою, и нынѣшній московскій языкъ слылъ бы мѣстнымъ наречіемъ. Поэтому не было бы повода почитать московское наречіе болѣе чистымъ и правильнымъ, чѣмъ мало-или бѣлорусское, если бы это наречіе не обратилось въ языкъ правительства, письменности и просвѣщенія.

За самостоятельный, по развитію и обращенію, языкъ должно признать тотъ, у котораго есть своя граматика и письменность; за наречіе—незначительное уклоненіе отъ него, безъ своей граматики и письменности; говоръ—еще менѣе значительное уклоненіе, относящееся болѣе къ особенностямъ произношенія и напѣву, по пословицѣ: что городъ,—то норовъ, что деревня,—то обычай, что дворъ,—то говоръ.

Выраженія: *молвь* и *речь* могутъ служить для обозначенія поднаречій: *молвь* отвѣчаетъ болѣе подчиненному понятію наречія, а *речь* ближе относится къ говору.

Человѣкъ не можетъ писать одинаково хорошо или ровно на двухъ языкахъ: на это оконченной и ограничерной природы его недостанетъ. Нѣтъ мысли, нѣтъ думы, нѣтъ понятія безъ словъ, плотская природа наша не даетъ духовному началу въ насъ никакой власти безъ словесной речи. А на какомъ языкѣ я мыслю, на томъ только я и могу писать; иначе это будетъ не подлинникъ, а переводъ. Вотъ почему всѣ мы дурно пишемъ по-руски: способности наши смолоду угнетены изученіемъ иностранныхъ языковъ; насъ заставляютъ говорить на нихъ отъ колыбели; бы читаемъ болѣе книгъ иностранныхъ—за что, конечно, пенять на насъ нельзя, но такимъ образомъ, отставъ отъ одного берега и не приставъ къ другому, мы незамѣтно пригнетаемъ умственныя способности свои и дѣлаемся тупѣе, не

будучи въ силахъ ни ясно выразиться, ни ясно мыслить.

Обращаюсь теперь къ самому распредѣленію наречій.

На распутіи промежъ Ростова, Новагорода, Твери, Владиміра, Суздаля, Рязани, Курска, Смоленска и другихъ городовъ, на рѣчкѣ, носившей чудское названіе «мягкой воды«, основалась Москва, на два-девяносто верстъ отъ ближайшихъ къ ней древнихъ столицъ, и она же соединила ихъ подъ свою державу. На этомъ общемъ распутіи столкнулись наречія или говоры четырехъ странъ, и тутъ образовался свой говоръ, принятый нынѣ какъ образцовый, хотя даже и москвичи не остались безъ присловія: «Съ Масквы, съ пасáда, съ авашнóва ряда», потому что речь ихъ болѣе приближается къ *áканью*.

1. И такъ, первымъ наречіемъ великорускимъ будетъ у насъ *московское*, самое малое по занимаемой имъ мѣстности, самое обширное по распространенію своему на всю Русь. Московскимъ наречіемъ говоритъ самая небольшая часть народа, почти только въ стѣнахъ Москвы; но это языкъ письменный и правительственный, и языкъ высшаго, а отчасти и средняго сословія, языкъ всѣхъ образованныхъ рускихъ, московскаго дворянства и купечества. И въ этомъ наречіи слышатся иногда неправильности, въ родѣ: *онъ былъ ушедши, мы были пріѣхавши*; но такъ какъ обороты эти не могли зайти туда съ языковъ иноземныхъ, развѣ съ татарскаго, на которомъ есть нѣчто похожее, то, можетъ быть, и слѣдовало бы исправить не московское наречіе по граматикѣ Н. И. Греча, а наоборотъ, Греча граматику по московскому говору. Не шутя, граматическая неправильность эта въ общемъ ходу по всей Руси, почему же не признать ее правильною?

Если подняться на золотыя маковки Бѣлокаменной,

то можно окинуть глазомъ пространство во всѣ четыре стороны, гдѣ уже говорятъ иначе. Видно, тутъ, на распутіи, столкнулись всѣ наречія и говоры наши, и изъ нихъ выработалось новое, которое, по закону господства духа надъ плотію, усвоило себѣ никѣмъ не оспариваемое первенство.

Въ Москвѣ говорятъ *свысока*, *высокою речью*, то-есть любятъ гласный звукъ *а* и замѣняютъ имъ звукъ *о*, коли на немъ нѣтъ ударенія. *Говорятъ: харашо, гаварить, талкавать*, но это аканье бываетъ умѣренное, иногда *а* слышится почти только полугласное; оно составляетъ средину между двумя говорами, которые рѣзко и до приторности придерживаются двумъ крайностямъ: речи на *а* и на *о*. Только не многіе московки разстанавливаютъ слоги, въ плавной, важной, пѣвучей речи своей, и произносятъ московское *а* протяжнѣе, полновѣснѣе: бо̀льшею же частію письменный знакъ *о*, безъ ударенья, сымается на нѣтъ подъ звукъ *а:* прошу простить мнѣ это плотницкое выраженье. *Чадо, чудо* слышится и въ самой Москвѣ почти какъ *чядо, чюдо;* прочіе звуки чисты и отчетисты; буква *г* произносится не очень круто, въ нѣкоторыхъ словахъ съ легкимъ придыханьемъ; есть разница въ произношеніи словъ: *гробъ* или *голубь*, и *богатый*, *Господи* (grob, hospodi). По этому поводу въ одной лѣтописи говорится, что: «появишася нѣцыи философы, наченшіе пѣти *Осподи* вмѣсто *Господи*»; эти философы, очевидно, были пѣвчіе съ юга. Далѣе: окончанія *аго, ого, яго, его* измѣняются въ *аво, ева;* вообще въ бесѣдѣ примѣшиваютъ менѣе иноземныхъ словъ, чѣмъ въ другой столицѣ нашей, охотно и безъ натяжки употребляютъ коренныя русскія слова и нерѣдко даютъ речи хорошій русскій оборотъ.

Въ Московской губерніи говорятъ различно: въ *Клинѣ*—по-новгородски; въ *Можайскѣ*—почти по-смоленски (хвилинъ, целовѣкъ, уфостье); въ *Коломнѣ*—по

рязански; въ *Богородскѣ*—по-суздальски. Во многихъ мѣстахъ Московскаго уѣзда можно слышать: *ндравъ, лицомъ, огнёвъ;* также *ручникъ и вечерница*, вмѣсто утиральника и посидѣлокъ.

Отъ Москвы на сѣверъ господствуетъ наречіе *новгородское;* на югъ — *рязанское;* на востокъ — *владимірское;* на западъ — *смоленское.* Объяснимъ это ближе, принявъ тотъ порядокъ для наречій этихъ, который удобнѣе.

2) Отъ Москвы на востокъ, въ самомъ близкомъ разстояніи, замѣтна уже наклонность производить звукъ *о* всюду, гдѣ онъ есть на письмѣ: около Владиміра ôканье достигаетъ уже высшей степени; тамъ, для полногласія, вставляютъ *о* во многія слова: Володиміръ, волòга (влага), бóлого (благо) и прочее; сверхъ того, даже самое *а*, безъ ударенья, нерѣдко обращается въ *о:* стоканъ, холатъ, озóмъ, тороканъ, Огрофена, Просковья, Ондрей. Этотъ говоръ идетъ далѣе на востокъ чрезъ всю Росію, не исключая и Сибири, хотя въ разныхъ мѣстностяхъ подверженъ частнымъ измѣненіямъ, но вообще нигдѣ, кромѣ развѣ Костромы и Вятки, не достигаетъ такой крайности, какъ во Владимірѣ. Во Владимірской и Ярославской ôканье это уже впрочемъ много смягчилось тѣмъ, что бóльшая часть мужского населенія промышляетъ внѣ родины своей; въ Костромской, мѣстами, весьма замѣтна примѣсь или вліяніе новгородскаго говора; но на Вяткѣ онъ невыносимо грубъ.

3) Отъ Москвы на западъ *высокій* говоръ или аканье постепенно усиливается и, принимая еще нѣсколько другихъ особенностей, переходитъ въ наречіе бѣлоруское, которое вовсе не терпитъ звука *о*, замѣняя его, безъ ударенія, звукомъ *а;* съ удареніемъ же—звукомъ *у* или *уы*.

Это западное бѣлоруское отвращеніе отъ звука *о* и

насильственное обращеніе его въ *а*, равно какъ и противное сему, на востокѣ, поражаетъ ухо наше непріятно, особенно противно первое.

4) Отъ Москвы на сѣверъ языкъ принимаетъ говоръ новгородскій, который очень близокъ ко владимірскому, и, хотя въ различныхъ мѣстностяхъ выказываетъ свои особенности, не менѣе того едва ли представляетъ общій всему краю отличительный признакъ. Вѣрнѣйшая примѣта, коли слышится *и* вмѣсто *ѣ*, какъ на Украйнѣ: *хлибъ*, *сино*, *бида* но это встрѣчаемъ не вездѣ. Что въ промежуточной Твери господствуетъ смѣшеніе наречій, объ этомъ было уже упомянуто выше.

5) На югъ отъ Москвы разливается наречіе рязанское, которое, отличаясь отъ западнаго или смоленскаго гораздо положительнѣе, чѣмъ сѣверное отъ восточнаго, раздробляется почти по губерніямъ на говоры. Въ рязанскомъ наречіи акаютъ, замѣняя даже *е*, *ѣ* буквами *а*, *я*, напримѣръ: *табѣ*; *яму;* но и съ удареніемъ слышно; сверхъ того, произносятъ окончанія *аго*, *яго* какъ оно пишется, не вставляя *в* вмѣсто *г*.

6) Отъ этихъ наречій отличается нѣсколько сибирское, смѣшанное, часто перестанавливающее ударенія, но вообще окающее, и

7) Новоруское, смѣсь велико-и малорускаго. Сюда же можно причислить и говоръ донской, или, пожалуй, назвать его осьмымъ.

Изъ этого видно, что главныхъ раздѣленій только два: *высокій и низкій*, или *акающій* и *окающій*, или *сѣверный* и *южный* (отъ Москвы) говоры, изъ которыхъ каждый дѣлится на два (сѣврн. и востч. *окающіе*, южн. и запд. *акающіе*), въ которыхъ есть еще подраздѣленія.

Вотъ семь наречій рускихъ, или же, за исключеніемъ московскаго, какъ письменнаго, а сибирскаго и новорускаго, какъ болѣе смѣшанныхъ, только четыре,

по четыремъ странамъ свѣта отъ Москвы; съ ними, а равно съ видами ихъ, необходимо познакомиться каждому, кто занимается собираньемъ простонародныхъ словъ, или вообще изучаетъ языкъ нашъ отъ корня, а не отъ скороспѣлыхъ ягодокъ съ червоточиной [1]).

[1]) Подробный разборъ семи наречій, имѣющій спеціальный, научно-лингвистическій интересъ, помѣщенъ Далемъ въ видѣ предисловія къ «Словарю великорускаго языка».

ПОЛТОРА СЛОВА
О РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ

Всему на свѣтѣ своя пора̀, своя череда, потому что безъ череды, безъ ряду и уряду, не было бы ни то́лку, ни порядку и не стоялъ бы свѣтъ. Самъ человѣкъ растетъ, крѣпнетъ, либо хилѣетъ тѣломъ и душой со дня на день, съ часу на часъ, а на одномъ мѣстѣ, въ одной порѣ, не стоитъ. Есть правда, такая пора, что человѣкъ, сложившись, окрѣпнувъ и побривши лѣтъ пять-шесть бороду, пошелъ, какъ говорится, лѣтъ на десятокъ въ одной шкурѣ ходить—но и это, по общимъ законамъ природы, только видимая, т. е. обманчивая стоянка; какъ и солнце около полудни почти останавливается, и всякая вещь и дѣло, достигнувъ крайней высоты своей, держится, покачиваясь, на одномъ мѣстѣ, а потомъ опускается внизъ, потому что ему вѣкъ стоять нельзя и подняться выше также нельзя. У мальчишки на умѣ одно, у парня—коль и самое слово это показываетъ, происходя или отъ *пары* или отъ поры,—другое, у зрѣлаго мужа третіе, а какъ сокъ жизни, который ударилъ было отъ избытка во всѣ концы, поворотитъ опять къ сердцу, да волосъ поблекнетъ какъ осенній листъ,

тогда думается опять иное. Мало того: каждый годъ въ каждомъ возрастѣ приноситъ свое, а каждый день въ году, каждый часъ дня свою малую долю, которая незамѣтно клонится къ тому, чему пришла пора и чередъ. Все дѣлается исподволь.

И цѣлое общество, братство людское, міръ, живетъ также полюдски: растетъ, зрѣетъ, спѣетъ, крѣпнетъ, старѣется, вянетъ—да только не навсегда; оно не умираетъ; оно живетъ, какъ весь Божій міръ, въ которомъ есть весна, лѣто, осень, зима—а тамъ опять весна. Что будетъ, когда зима уплыветъ, а весна не придетъ—этого мы покуда не знаемъ. Но весна на весну, а осень на осень походитъ, да не приходится; близкое, подобное, сходное есть на свѣтѣ, а равнымъ равнаго нѣтъ. И свѣтское бытописаніе показываетъ намъ то-же: есть какой-то чередной кругооборотъ во всемъ, но есть всегда и разница. Давно сказано, что все подобное расходится, а всѣ крайности сходятся; всякое сходство основано на различіи, а всякое различіе на сходствѣ.

Все это, какъ оно относится до бытія и жизни вообще, приноровить и примѣнить можно также и ко всякой частной вѣтви бытія и жизни, ко всякому знанію, наукѣ, искусству, художеству порознь; вездѣ и всюду проявляется и господствуетъ духъ времени, годины. Онъ ли отъ людей, люди ли отъ него зарождались—рѣшай кто хочетъ и сможетъ, но дѣло всегда было такъ. Возьмите любое зданіе, науку, искусство, художество, не исключая даже и отвлеченной науки о числахъ, слѣдите ходъ ея, и вы повсюду признаете клеймо современности. Люди ссорятся, спорятъ, одинъ тянетъ въ одну сторону, другой въ другую, третій въ третью; казалось бы общаго нѣтъ между ними ничего, а пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и вы, оглянувшись, увидите, что человѣкъ не ушелъ отъ

вѣка, что люди, умствованія, изысканія, произведенія ихъ носятъ на себѣ слѣдъ или клеймо духа извѣстнаго участка времени. Выскочки рѣдки: иной, правда, развѣ отстанетъ на полвѣка, а уйти далече впередъ удавалось очень не многимъ. Такіе люди стоятъ одиноко и показываютъ, предвѣщаютъ намъ собою направленіе грядущаго поколѣнія. Это ясновидящіе, въ которыхъ, какъ вы знаете, не всѣ вѣрятъ, которыхъ не многіе понимаютъ. Ихъ поймутъ, когда настанетъ тому пора.

Обращаясь за тѣмъ къ Словесности, къ Словесности Русской, и Русской, намъ современной, Словесности, замѣчаемъ, что нашла теперь полоса, гдѣ всѣ писатели, такъ ли, иначе ли, стремятся посильно къ *народности*. Для насъ это еще полоса новая, свѣжая, въ нашей словесности этого не бывало, да и быть не могло; потому что мы считаемъ словесность свою только съ того времени, когда она снова зародилась и поднялась на́ ноги отъ сѣмени и зачатка иноземнаго: русское сѣмя еще не взошло. Общее темное влеченіе это, направленіе наставшей годины, выказывается то такъ, то иначе, иногда, можетъ быть, и невпопадъ, не кстати, иногда неудачно, сбивается туда-сюда — но что нужды? оно видимо и невольно обладаетъ пишущею братіею, даже читающимъ сонмищемъ; и что-нибудь изъ этого выйдетъ. Можетъ быть мы нынѣ надоѣдимъ народностію своею, какая-нибудь другая школа смѣнитъ насъ, кинувшись на другую крайность, но какъ всѣ крайности сходятся, то и эта, вѣрьте, навернетъ въ свое время опять на тоже, очередь насъ не минуетъ, придетъ опять весна и лѣто и осень, придетъ опять и полоса Словесности Русской, которая составитъ продолженіе нынѣшней, и найдутся люди, которые родятся и образуются подъ вліяніемъ и при спопутности другихъ и болѣе счастливыхъ об-

стоятельствъ, нежели мы, и попытки ихъ будутъ удачнѣе. Они подчинятъ себѣ силою могучей воли, правдивостію твердаго пути своего и богатствомъ родныхъ мыслей умы современниковъ, увлекутъ за собою убѣдительнымъ для сердца и ума краснорѣчіемъ, и довольныхъ и недовольныхъ, приверженцевъ и противниковъ, заступниковъ и наступателей, покровителей и недоброжелателей, останутся же одни только завистники, почтенное сословіе, которое всегда и вездѣ ершится противъ даровитости. Увлечетъ, говорю, неминуемо, потому что правда, истина неистощима, неутомима, и въ общей силѣ, въ борьбѣ народной и междоусобной, выходитъ, наконецъ, побѣдительницею.

Народность эту понимать можно въ двоякомъ смыслѣ: народность или ближе родимость языка собственно—не однихъ словъ, а духа—и родимость сущности, содержанія, мысли предмета, свойскость языка и свойскость ума и сердца.

Въ былое время переводчики романовъ и повѣстей перекладываютъ бывало тѣ только слова на русскій языкъ, которыя сами хорошо понимаютъ; а остальную, иногда бо́льшую половину, переписываютъ почти отъ буквы до буквы русской граматой. Потомъ уже считали обязанностію перекладывать иностранные романы на русскіе нравы, то есть замѣнять французскія имена и прозванія русскими; и сдѣлавъ это, были увѣрены, что сдѣлали дѣло. Вы думаете время то ушло отъ насъ далеко? О, нѣтъ, вы найдете образчики того и другого даже и нынѣ. Это запоздалые, отсталые, которые переводятъ заднимъ числомъ, давноминувшими годами, или это Русскіе Нѣмцы, Русскіе по прозванію, не Русскіе по образованію и языку, которымъ вдругъ вздумается, на скорую руку, угодить вкусу народности.

Явились и словянисты; но труды ихъ, какъ неумѣстная натяжка, остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Рядомъ съ ними шли такіе, которые писали по-русски, а думали по-нѣмецки, по-французски; это выходило иногда очень мягко, нѣжно, плавно, но, правду сказать, вяло, безцвѣтно, плосковато. Начали пробиваться тутъ и тамъ русскія искорки; стали на нихъ въ потемкахъ оглядываться—иныхъ задѣвало это за живое, да какъ будто во снѣ; не могли, кажется, спохватиться и доискаться въ чемъ сила. Стали докучать намъ день за день строгимъ наказомъ писать по-русски, писали сами Богъ вѣсть по-каковски, ругали наповалъ Французовъ, и ихъ же обирали до нитки—читатели сложили очки, положили ихъ на столъ и подумали: нѣтъ, это не то; что-то дальше будетъ: а если кричать: пишите по-русски, пишите по-русски, пишите какъ говорятъ въ гостиныхъ, а самому браниться, какъ иногда, можетъ быть, случается только въ передникъ—такъ отъ этого еще до русскаго языка какъ до Царь-града.

Время это, какъ видѣте, уже близко къ намъ. Тутъ же нашлись люди не этимъ чета, люди, которымъ можно сказать спасибо да исполать; но и они, не во гнѣвъ будь сказано, только что раззадорили насъ, подстроили подъ ладъ и вкусъ родного, и мы ждемъ, можетъ статься, отъ нихъ же, не будетъ ли чего настоящаго. «Горе отъ ума» выскочка; оно ушло впередъ отъ современниковъ и показываетъ, чего можно ожидать отъ потомства. Пусть называютъ его чѣмъ хотятъ; въ изящныхъ произведеніяхъ нѣтъ ни 14-го, ни 8-го, ни 5-го класса, а всѣ равны, всѣ братья; драма не старше сатиры или сатира басни, и превосходное въ родѣ своемъ становится всегда и вездѣ не въ хвостъ, а въ голову. Нельзя согласиться съ тѣми, которые прикидываютъ «Горе отъ ума» на

одинъ аршинъ съ другими сомненными произведеніями.—«Горе отъ ума» стоитъ само по себѣ, одно, на своемъ мѣстѣ первымъ, и указчика ему нѣтъ. Тоже самое должно сказать о басняхъ Крылова; пахнетъ русскимъ духомъ иногда у Пушкина, Языкова; а также въ Свѣтославичѣ, Кощеѣ, мѣстами въ Клятвѣ при гробѣ Господнемъ; нельзя упустить тутъ и Рудаго Панька, хотя и самое прозваніе его показываетъ, что онъ только братъ Русскому, но не Русскій. Кромѣ этого найдете вы много попытокъ въ родномъ и народномъ, и всѣ почти современные писатели, всякій по своему, иные даже безсознательно, русѣютъ, или стараются, увлечены будучи общимъ направленіемъ, обрусѣть. Въ перечнѣ этомъ мы никого не хотѣли обнести, а упомянули только, для примѣра, о тѣхъ, кто первый на память попалъ.

Но вся Россія ушла впередъ отъ своего вѣка, выступила исполинскимъ шагомъ, усвоила себѣ сразу то, надъ чѣмъ другіе народы бились съ вѣку на вѣкъ;—она однако-же не надорвется, потому что Государство оживаетъ снова въ каждомъ поколѣніи. Между тѣмъ, ей нуженъ былъ раздоръ: Государство, цѣлое и огромнѣйшее Государство, преобразовалось вдругъ, силою и волей великаго, мощнаго повелителя, который шагнулъ самъ впередъ за цѣлый вѣкъ отъ вѣка своего, вынесъ за собою на могучихъ раменахъ своихъ цѣлое царство свое. Государство преобразовалось не изъ себя, не отъ себя, а захватило на готовѣ вдругъ и въ одинъ день все, что было припасено, пріобрѣтено тяжкимъ опытомъ, очищено въ горнилѣ искуса другими народами; надо все это усвоить, пріурочить, взрастить... а прививная вѣтка лучшей садовой яблони на лѣсной рѣзани дастъ вамъ плоды не въ первый годъ. Нынѣшнія занятія наши, дѣла и поступки, обычаи, нравы, образъ мыслей, взаимное обращеніе и отношеніе, все то не

переработалось броженіемъ изъ началъ русскаго духа, а пришло къ намъ просто цѣликомъ изъ-за моря; мы этимъ можетъ статься 300 лѣтъ жизни выиграли, но дѣло на томъ еще не окончено. Нельзя никакой силой уничтожить и снести съ лица земли все то, что цѣлыя тысячелѣтія было роднымъ и народнымъ: когда два начала эти, родимое и прививное, другъ съ другомъ обойдутся, взаимно усвоятся, видимое противорѣчіе изгладится, когда изъ нихъ выйдетъ одно, тогда у насъ будетъ все свое и все согласно, созвучно. И вотъ почему и въ Словесности нашей еще и быть не можетъ народности, родимости, свойскости, ни въ рѣчи, ни въ сущности ея. На разныхъ обществахъ и сословіяхъ нашихъ нѣтъ еще своего лица; въ богатомъ и обильномъ языкѣ нашемъ выраженія не обусловлены, обороты не приспособлены къ новой думѣ и мыслямъ, свой языкъ по нимъ не выработанъ, чужой и частію принятой не приходится, русская рѣчь въ нихъ какъ не въ своихъ сапогахъ. Русскій въ новомъ быту своемъ еще не устоялся. Схватите мнѣ однимъ словечкомъ сколько-нибудь удачно нравъ разныхъ европейскихъ народовъ; вы сей-часъ готовы отвѣчать: Нѣмецъ разсудителенъ, Англичанинъ чудакъ, Французъ легохонекъ, Итальянецъ мстителенъ и прочее,— а скажите мнѣ, что такое Русскій? И если вы кой-какъ, съ натяжкой, придумаете, что такое Русскій въ синемъ кафтанѣ, въ алой рубахѣ, съ бородой, и скажете: онъ хлѣбосолъ, или онъ смышленъ, переимчивъ что-ли, то попрошу васъ сказать, что такое Русскій нынѣшняго покроя, съ бритой бородой, во фракѣ или въ вицъ-мундирѣ? На каждомъ человѣкѣ, безъ сомнѣнія, свое лицо есть, но на цѣломъ поколѣніи, на обществѣ, его еще нѣтъ; а между тѣмъ оно должно быть и со временемъ будетъ. Самый бытъ нашъ—еще смѣсь быта вселенной, а языкъ почти то-же,

и по словамъ и по оборотамъ, и нынѣ еще нѣтъ никакой возможности писать такимъ русскимъ языкомъ, какъ бы казалось писать должно. Нынѣ еще легко промолвиться и оступиться, попасть вмѣсто родного въ простонародное, потому что средины, которой мы ищемъ, еще нѣтъ; а есть одни только крайности: языкъ высшаго сословія—полурусскій, языкъ низшаго сословія,—простонародный. У насъ нѣтъ и средняго сословія, оно только-что учреждается, основывается и со временемъ отъ этого благодатнаго правительственнаго учрежденія можно и должно ожидать много, и много для самостоятельности русской во всѣхъ направленіяхъ.

Покуда вся сила, все богатство и раскошь родного языка нашего не развернутся, покуда не разольется онъ свободно, самостоятельно, безъ путъ, безъ пригона по образцамъ инороднымъ, не можетъ быть у насъ написано ничего такого, какъ произвели древніе, а потомъ и другіе народы, каждый свое время, въ свою пору. Люди, какъ Шекспиръ, Шиллеръ, Сервантесъ, Гете, родятся вѣками; каждый народъ считаетъ ихъ у себя по одному, по два; они родятся, спѣютъ, образуются, подъ особенно благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, при спопутности всѣхъ стихій ихъ бытія, къ коимъ принадлежитъ и полное, самостоятельное развитіе языка: тамъ, гдѣ этого нѣтъ, гдѣ нѣтъ стихій бытія ихъ, нѣтъ и быть не можетъ еще ни Шекспира, ни Гете, и вотъ почему ихъ нѣтъ у насъ. Вотъ сколько важна обработка языка!

И такъ родная словесность, безъ которой не можетъ быть и самобытнаго писателя, въ высшемъ значеніи слова, требуетъ родного духа и родного языка. Первый появится, когда все русское сдѣлается намъ доступнымъ, сдѣлается своимъ, роднымъ; тутъ необходимо полное и совершенное знаніе русскаго ума и

русскаго сердца; знаніе русскаго—не одного простонароднаго—быта, духовнаго и тѣлеснаго. Для второго, для языка, надобно знать основательно всѣ русскія слова и выраженія, надобно знать русскій языкъ гораздо короче и лучше всѣхъ другихъ; надобно мыслить, думать по-русски, тогда и обороты и складъ языка будетъ русскій. Надобно подобрать и обусловить русскія слова, надобно привыкнуть къ русскому складу. Этого всего, покуда, у насъ нѣтъ; никто, сколько бы онъ не понатужился, не достигнетъ этого въ наше время: на это никого не станетъ; мы можемъ только подготовлять все это для будущаго поколѣнія. Но, если мы не станемъ заботиться теперь, каждый по силамъ своимъ, объ этой подготовкѣ, то сыновьямъ и внукамъ нашимъ придется за это приняться, и мы будемъ виноваты застою, которой теперь уже замѣтенъ въ нашей словесности. Поколѣ мы не постигнемъ умомъ и сердцемъ истины этой, языкъ русскій останется для насъ недотрогой: мы будемъ писать, какъ пишемъ нынѣ, думая, гдѣ не хватаетъ русскаго, на другомъ языкѣ, и стараясь передать это въ жалкомъ, слабомъ и безцвѣтномъ переводѣ, въ которомъ теряется, для большей ясности—мы всегда предполагаемъ, что и читатель знаетъ два, три языка— теряется и самый складъ русской рѣчи, теряется даже иногда и смыслъ.

Но гдѣ же намъ учиться по-русски? Изъ книгъ не научиться, потому что онѣ писаны не по-русски; въ гостиныхъ и салонахъ вашихъ—подавно; гдѣ же учиться? Если въ книгахъ и въ высшемъ обществѣ не найдемъ чего ищемъ, то остается одна только кладь или кладъ—родникъ или рудникъ—но онъ за то не исчерпанъ. Это живой языкъ русскій, какъ онъ живетъ по нынѣ въ народѣ. Источникъ одинъ, языкъ простонародный, а важныя вспомогательныя средства:

старинные рукописи, и всѣ живыя и мертвыя славянскія нарѣчія. Русскія выраженія и русскій складъ языка остались только въ народѣ; въ образованномъ обществѣ и на письмѣ, языкъ нашъ измололся уже до пошлой и безцвѣтной рѣчи, которую можно перекладывать, отъ слова до слова, на любой европейскій языкъ. Болѣе половины русскихъ словъ забыты, изгнаны, замѣнены и замѣняются еще каждодневно, иностранными; а обороты, русскій складъ переиначенъ по такимъ языкамъ, которые въ сущности своей слишкомъ удалены отъ нашего, а этотъ не гнется въ заморскую дугу, и мы его ломаемъ. Это и называется обработать языкъ, какъ медвѣдь въ лѣсу дуги гнетъ: гнетъ онъ не паритъ, переломитъ не тужитъ. Если хотите примѣровъ — возьмите любой нынѣшній журналъ, чѣмъ толще, чѣмъ лучше—загляните въ любую статью, и потрудитесь пообсудить любыя пять, шесть строкъ между двухъ точекъ. Тутъ, черезъ разъ, глаголы оканчиваются на *овать* и *проваться*, тутъ половина существительныхъ оканчивается на *измъ* и *ивность*, и все это напечатано русскими буквами, а сложено право по-чухонски. Когда-то Нѣмцы писали такъ, помѣшавшись на латыни; образованные Турки и нынѣ пишутъ также, считая низкимъ и непристойнымъ употреблять какое-нибудь родное слово, за исключеніемъ вспомогательныхъ глаголовъ; остальное все ученое, арабское и персидское. Они также увѣряютъ, что это иначе быть не можетъ и не должно. И этимъ-то языкомъ мы привыкли писать и говорить. Тѣмъ, которые отъ души того же мнѣнія, какъ и Турки, пожелаемъ много успѣховъ, и раскланяемся съ ними; а тѣмъ, которые сколько-нибудь понимаютъ дѣло и скажутъ только: да гдѣ же взять словъ и оборотовъ для новыхъ понятій ума, для новыхъ ощущеній сердца, которыхъ не было въ насъ прежде, какъ нѣтъ и нынѣ

въ Киргизахъ и Шапсугахъ? Этимъ мы отвѣтимъ: возмитесь за рукописи наши, прислушайтесь къ говору простого народа, который остался почти тѣмъ же, чѣмъ былъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Прислушайтесь ко всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, украинскому, чешскому, болгарскому, черногорскому, иногда даже и къ польскому—надъ которымъ впрочемъ вліяніе западныхъ языковъ всего замѣтнѣе—и вы, право, найдете чего и не чаяли: бездну словъ и оборотовъ краткихъ, сильныхъ, вразумительныхъ и гораздо болѣе свойственныхъ языку нашему, чѣмъ полуобрусѣвшіе—на бѣду нашу—слова и обороты всѣхъ земель нашего материка. Нельзя дать всему этому вдругъ право гражданства и, подавно, нельзя сдѣлать это одному человѣку; но вотъ почему и нельзя у насъ еще писать по-русски, и вотъ почему всѣмъ, соединенными силами, должно стараться достигнуть этой цѣли. Если вы найдете въ народѣ не много выраженій для отвлеченныхъ понятій, то не забудьте, что большая часть прямыхъ и насущныхъ выраженій можетъ быть примѣнена къ употребленію въ переносномъ смыслѣ, и что изученіе это дастъ вамъ, во всякомъ случаѣ, понятіе о томъ, куда и къ чему намъ стремиться, чего искать, какимъ образомъ составлять и переиначивать слова, чтобы они выходили русскими, чтобы шли въ русскую рѣчь, не обижали русскаго уха, высказывали то, что мы хотимъ выразить, и не портили бы русскій складъ рѣчи. Оно сроднитъ насъ съ духомъ языка, дастъ вникнуть въ причудливыя, прихотливыя свойства его, и дастъ средства образовать мало по малу языкъ, сообразный съ современными потребностями. Народъ нашъ не говоритъ какимъ-нибудь искаженнымъ, изломаннымъ нарѣчіемъ, какъ народъ во Франціи и Германіи; нашъ крестьянинъ говоритъ чистымъ хорошимъ языкомъ, въ кото-

ромъ остается только замѣнить нѣсколько грубое произношеніе или говоръ, тѣмъ, какое употребительно въ образованномъ кругѣ, какое, такъ сказать, согласно съ понятіемъ нашего уха о благозвучномъ и пріятномъ произношеніи. Въ народномъ языкѣ не достаетъ многихъ для насъ необходимыхъ словъ, потому что тамъ нѣтъ и многихъ понятій; но никто не заставляетъ насъ принять, взамѣну нынѣшняго, простонародный языкъ, а рѣчь идетъ только о необходимости воспользоваться имъ, пріобрѣсти его, пріобщить, очистивъ и обработавъ, къ нынѣшнему языку, съ тѣмъ, чтобы не переиначивать слога и склада его (фразеологіи, стилистики) по иноземному: не идти наперекоръ языку, какъ мы нынѣ дѣлаемъ, а идти съ нимъ братски, рука въ руку, быть не только учителемъ его, но и ученикомъ. Я знаю также, что богатство словъ не составляетъ еще богатства языка: гибкость, плавность, выразительность и вразумительность, разнообразіе; наконецъ, удобное согласованіе живого слова съ понятіями умственнаго языка, вотъ что необходимо; но богатство выраженій есть уже по себѣ хорошій запасъ для богатства и роскоши языка, а вникнувъ въ сущность нашего языка, постигнувъ и усвоивъ себѣ духъ его, мы, право, найдемъ и остальное. Если мы упорно захотимъ ломать всѣ отвлеченныя существительныя въ окончаніе на *ость* и *вость*—окончаніе, которое въ народномъ языкѣ довольно рѣдко, употребляется только кстати и чаще замѣняется короткими и болѣе выразительными словами;—если будемъ склеивать кой-какъ при каждомъ удобномъ случаѣ по два слова вмѣстѣ, чего языкъ нашъ не терпитъ, а образуетъ всякое новое слово изъ одного только, главнаго понятія; если заморскимъ словомъ будемъ наваривать долгіе русскіе хвосты, если изъ лѣни, по привычкѣ и предубѣжденію, будемъ довольствоваться

готовыми выраженіями цѣлой Европы, то не поставимъ ли сами себя добровольно на одну доску съ перекладывателями романовъ на русскіе нравы? Повѣрьте и подстерегите сами себя на дѣлѣ: если вамъ не дается какое-нибудь русское слово или оборотъ, куда вы напередъ пойдете искать его мысленно, въ русскій ли языкъ, или во французскій и нѣмецкій? Конечно въ послѣдніе, вамъ это легче и сподручнѣе, и, правду сказать, вы знаете, что васъ даже большею частію скорѣе поймутъ; писать сколько-нибудь по-русски, это будетъ не всякому понятно, а притомъ дико, грубо, однимъ словомъ, это квасной патріотизмъ. Нѣтъ; бороду можно и брить и не брить, рубаху можно носить и такъ и эдакъ, можно надѣть и кафтанъ и фракъ; это, пожалуй, все одно, человѣкъ останется тѣмъ же; но передѣлать, переплавить складъ языка по другому образцу, не лишивъ его въ тоже время сока изъ корня, нельзя. Языкъ погибнетъ, утратится все то, что давало ему право называться отдѣльнымъ, самостоятельнымъ языкомъ, и мы, какъ давно уже было замѣчено, будемъ знать русскія слова, но не русскій языкъ, будемъ говорить русскими словами по-французски, по-нѣмецки. Кто согласенъ на подмѣнъ этотъ, тотъ иди впередъ и не оглядывайся, а кто призадумается, воротись назадъ, да начинай учиться съизнова.

Отъ чего у насъ почти безъ изъятія, не ученые, не словесники говорятъ гораздо лучше, чѣмъ пишутъ? и это слѣдствіе того-же: съ письмомъ или письменностію у насъ связано понятіе о какомъ-то высшемъ слогѣ, а высшій слогъ этотъ отличается отъ разговорнаго тѣмъ, что онъ пересыпанъ иностранными, изломанными словами, взамѣнъ русскихъ, и что понятія выражаются не русскимъ складомъ.

Языкъ съ несвойственнымъ ему складомъ и обо-

ротами до того затрудняетъ пишущаго, что люди ученые, образованные искажаютъ его постепенно все болѣе и болѣе, стараясь, для ясности въ изложеніи, приблизиться сколько можно къ языкамъ западнымъ; людей же менѣе основательнаго образованія, письменный слогъ нашъ сбиваетъ вовсе съ толка; они борятся съ трудностями языка, и, наконецъ, пускаясь поневолѣ на скоропись, теряютъ изъ ума и изъ виду природную логику свою, здравый смыслъ; изъ человѣка довольно умнаго на дѣлѣ, на письмѣ выходитъ, будете здоровы, дурень. Это случается довольно часто.

Подражать легче, чѣмъ творить; чтобы хорошо писать по-русски, почти надобно самому творить; вотъ почему мы подражаемъ, то своимъ полу-русскимъ писателямъ, то начисто иностранцамъ, которые и безъ того уже у насъ болѣе въ памяти, потому что мы ихъ болѣе читаемъ. Такимъ образомъ всѣ особенности русскаго языка, отличительныя свойства и преимущества словосочиненія и склада его, теряются на письмѣ все болѣе и болѣе, изглаживаются; языкъ приводится въ уровень, и подъ одну стрижку съ западными языками. Онъ слабъ и тяжелъ въ несвойственныхъ ему оборотахъ; а свойственные ему и собственно ему принадлежащіе изгоняются и забываются. Ихъ можно найти тамъ только, гдѣ языкъ не измѣнился,— въ народѣ; ими должно дорожить, искать ихъ и вводить снова въ письмо, чтобы пошлое и слабое замѣнить свѣжимъ, яснымъ, живымъ и сильнымъ.

Слова наши и такъ уже многосложны и длинноваты, а ихъ, какъ на смѣхъ, еще растягиваютъ, особливо въ послѣднее время. Пишутъ безъ всякой нужды: красивость вмѣсто красота, усовершенствованіе, руководствуемый, дѣйствованіе, чувствованія, семейственный—вмѣсто: усовершеніе, руководимый, дѣйствіе, чувства, семейный. Если же принять и то и

другое слово, то надобно ихъ различать и не употреблять безъ разбору то и другое. Мы не гонимъ общей анаѳемой всѣ иностранныя слова изъ русскаго языка, мы больше стоимъ за русскій складъ и оборотъ рѣчи, но къ чему вставлять въ каждую строчку: моральный, оригинальный, натура, артистъ, гротъ, прессъ, гирлянда, пьедесталъ, и сотни другихъ подобныхъ, когда безъ малѣйшей натяжки можно сказать то же самое по-русски? Развѣ: нравственный, подлинный, природа, художникъ, пещера, гнѣтъ, плетеница, подножье или стояло, хуже? Ни сколько, но дурная привычка ходить за русскими словами во французскій и нѣмецкій словарь, дѣлаетъ много зла. Мы очень не рѣдко видимъ, что писатели вставляютъ самымъ страннымъ образомъ французское слово, явно противъ воли и желанія своего, только потому, что не могли въ скорости найти русскаго, или даже не знали его—неужели и это хорошо и извинительно? Въ доказательство этого, находите вы у писателей, стоящихъ на ряду лучшихъ, иногда дѣтское незнаніе не только языка, но и словъ: *Труба* вмѣсто хобота, *кости* вмѣсто скулъ, *деревянные балки* вмѣсто брусьевъ—если всѣ четыре горбыля сняты—или запросто бревенъ, и прочая; это взято мимоходомъ у писателей, которые въ силѣ и славѣ; а русскіе обороты въ родѣ слѣдующихъ: «благодарны вашей мудрости, только просили бы однакожъ ее избавить насъ отъ ея мудреныхъ уставовъ»... «онъ довелъ ее до такого совершенства, что послѣдователямъ его не было возможности превзойти, а ежели который успѣвалъ только приблизиться, заслуживалъ славу, что однако же случалось очень рѣдко»... «мы обойдемъ мимо, стоящій на право отъ него дворецъ»... «съ каждымъ днемъ слышно о новомъ бѣдствіи»... «не дѣлайте шума»—«виною всего наша ограниченность, послѣ

ротами до того затрудняетъ пишущаго, что люди ученые, образованные искажаютъ его постепенно все болѣе и болѣе, стараясь, для ясности въ изложеніи, приблизиться сколько можно къ языкамъ западнымъ; людей же менѣе основательнаго образованія, письменный слогъ нашъ сбиваетъ вовсе съ толка; они борятся съ трудностями языка, и, наконецъ, пускаясь поневолѣ на скоропись, теряютъ изъ ума и изъ виду природную логику свою, здравый смыслъ; изъ человѣка довольно умнаго на дѣлѣ, на письмѣ выходитъ, будете здоровы, дурень. Это случается довольно часто.

Подражать легче, чѣмъ творить; чтобы хорошо писать по-русски, почти надобно самому творить; вотъ почему мы подражаемъ, то своимъ полу-русскимъ писателямъ, то начисто иностранцамъ, которые и безъ того уже у насъ болѣе въ памяти, потому что мы ихъ болѣе читаемъ. Такимъ образомъ всѣ особенности русскаго языка, отличительныя свойства и преимущества словосочиненія и склада его, теряются на письмѣ все болѣе и болѣе, изглаживаются; языкъ приводится въ уровень, и подъ одну стрижку съ западными языками. Онъ слабъ и тяжелъ въ несвойственныхъ ему оборотахъ; а свойственные ему и собственно ему принадлежащіе изгоняются и забываются. Ихъ можно найти тамъ только, гдѣ языкъ не измѣнился,— въ народѣ; ими должно дорожить, искать ихъ и вводить снова въ письмо, чтобы пошлое и слабое замѣнить свѣжимъ, яснымъ, живымъ и сильнымъ.

Слова наши и такъ уже многосложны и длиноваты, а ихъ, какъ на смѣхъ, еще растягиваютъ, особливо въ послѣднее время. Пишутъ безъ всякой нужды: красивость вмѣсто красота, усовершенствованіе, руководствуемый, дѣйствованіе, чувствованія, семейственный—вмѣсто: усовершеніе, руководимый, дѣйствіе, чувства, семейный. Если же принять и то и

другое слово, то надобно ихъ различать и не употреблять безъ разбору то и другое. Мы не гонимъ общей анаѳемой всѣ иностранныя слова изъ русскаго языка, мы больше стоимъ за русскій складъ и оборотъ рѣчи, но къ чему вставлять въ каждую строчку: моральный, оригинальный, натура, артистъ, гротъ, прессъ, гирлянда, пьедесталъ, и сотни другихъ подобныхъ, когда безъ малѣйшей натяжки можно сказать то же самое по-русски? Развѣ: нравственный, подлинный, природа, художникъ, пещера, гнѣтъ, плетеница, подножье или стояло, хуже? Ни сколько, но дурная привычка ходить за русскими словами во французскій и нѣмецкій словарь, дѣлаетъ много зла. Мы очень не рѣдко видимъ, что писатели вставляютъ самымъ страннымъ образомъ французское слово, явно противъ воли и желанія своего, только потому, что не могли въ скорости найти русскаго, или даже не знали его—неужели и это хорошо и извинительно? Въ доказательство этого, находите вы у писателей, стоящихъ на ряду лучшихъ, иногда дѣтское незнаніе не только языка, но и словъ: *Труба* вмѣсто хоботъ, *кости* вмѣсто скулъ, *деревянные балки* вмѣсто брусьевъ—если всѣ четыре горбыля сняты—или запросто бревенъ, и прочая; это взято мимоходомъ у писателей, которые въ силѣ и славѣ; а русскіе обороты въ родѣ слѣдующихъ: «благодарны вашей мудрости, только просили бы однакожъ ее избавить насъ отъ ея мудреныхъ уставовъ»... «онъ довелъ ее до такого совершенства, что послѣдователямъ его не было возможности превзойти, а ежели который успѣвалъ только приблизиться, заслуживалъ славу, что однако же случалось очень рѣдко»... «мы обойдемъ мимо, стоящій на право отъ него дворецъ»... «съ каждымъ днемъ слышно о новомъ бѣдствіи»... «не дѣлайте шума»—«виною всего наша ограниченность, послѣ

чего идеалъ становится недостижимымъ»... «но за то ощущенія, поселяемыя этой картиной, сильнѣе, нежели отъ прочихъ»... такіе русскіе обороты у насъ ни почемъ, и, право, у насъ нѣтъ писателя, который не напечаталъ бы что-нибудь подобное. Иначе и быть не можетъ; причины тому объяснены выше. Не хочется называть никого изъ живыхъ, потому что у меня нѣтъ намѣренія указывать на чье-либо лицо, я говорю объ общей участи всѣхъ пишущихъ, но повторяю, нѣтъ писателя, который бы не грѣшилъ—и много, тяжко—противъ родного языка. Самъ Пушкинъ говоритъ въ прозѣ иногда такъ: «обѣ онѣ должны были выдти въ садъ черезъ заднее крыльцо, за садомъ найти готовыя сани, садиться въ нихъ и ѣхать—онъ помнилъ разстояніе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкой—право было-бъ жаль, если бы его стройнаго стана никогда не стягивалъ военный мундиръ». Это только для примѣра, но такихъ примѣровъ много и у всѣхъ. Все это не по-русски, такъ точно какъ и: «имѣетъ репутацію» вмѣсто: слыветъ, славится; но горе наше, что и *разстояніе существующее*, и *репутація* и *не дѣлайте шума*, и все это подходитъ къ переводу отъ слова до слова съ того языка, на которомъ намъ по обработанности его иногда легче думать, чѣмъ на русскомъ. «Граціозная позиція, реформа, кадаверъ, скомпрометировать, персона, раса, заинтересовать, оригинальныя скиццы, помистифировать, колоссальная, репутація, раставрація, культура, цивилизація»—все это я выписываю сподрядъ изъ первой попавшейся мнѣ въ руки печатной книги; она вышла года два тому, и на нее, говорятъ, нѣсколько тысячь подписчиковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вышло *печатное* недоумѣніе о значеніи русскаго счета: полпята, полшеста, полдесята; едва не поспорили, что такое полтора и полтораста. Не очень давно

предложили, за рѣдкость, русское слово вмѣсто французскаго *панданъ*, а именно: *ровня*; другіе поправились—извините меня—изъ кулька въ рогожку, замѣтивъ, что ровня не то, а можно-де сказать вмѣсто того: соотвѣтствіе, соотвѣтственность. Кто изъ Русскихъ не вздохнетъ о такихъ пересудахъ? а между тѣмъ есть два слова, изъ коихъ одно выражаетъ французское pendant, а другое нѣмецкое Gegenstück: дружка и противень; есть еще выраженіе: подъ стать, масть, пару. Богатствомъ и разнообразіемъ видовъ глаголовъ нашихъ, мы пользоваться не умѣемъ; отъ глагола красть, напр., образуются: украсть, покрасть, разкрасть, выкрасть, обокрасть, перекрасть (три значенія), накрасть и пр.; этого въ другихъ языкахъ нѣтъ; а между тѣмъ оно много способствуетъ къ краткости рѣчи и даетъ ей болѣе опредѣлительности. Существительными отвлеченными мы соримъ ни въ ладъ ни въ мѣру, ставимъ ихъ всюду, гдѣ имъ быть приходится по французскому или нѣмецкому обороту, а гдѣ русскій обойдется безъ нихъ и выразится лучше и короче. Мы кромѣ того привыкли къ какому-нибудь одному существительному отъ каждаго корня, и на немъ всегда и выѣзжаемъ—и чѣмъ длиннѣе оно, тѣмъ лучше—а другіе въ благородную рѣчь не допускаются, напр., *Могущество* пишется не только тамъ, гдѣ слову этому быть слѣдуетъ, но и тамъ, гдѣ бы должно говорить: мочь, могуша, мощь и проч., и скорѣе рѣшимся сказать могущественность и мощность, чѣмъ допустить въ благородную рѣчь одно изъ помянутыхъ, болѣе короткихъ и ясныхъ словъ. Нарѣчія и подходящія къ нимъ выраженія, которыми языкъ нашъ такъ богатъ, и которыя такъ удобно замѣняютъ околичныя поясненія, рѣдко приходятъ намъ во время на память, потому что ихъ въ другихъ языкахъ мало. Уторопь, вприпоръ, вназерку, пить быч-

чего идеалъ становится недостижимымъ»... «но за то ощущенія, поселяемыя этой картиной, сильнѣе, нежели отъ прочихъ»... такіе русскіе обороты у насъ ни почемъ, и, право, у насъ нѣтъ писателя, который не напечаталъ бы что-нибудь подобное. Иначе и быть не можетъ; причины тому объяснены выше. Не хочется называть никого изъ живыхъ, потому что у меня нѣтъ намѣренія указывать на чье-либо лицо, я говорю объ общей участи всѣхъ пишущихъ, но повторяю, нѣтъ писателя, который бы не грѣшилъ—и много, тяжко—противъ родного языка. Самъ Пушкинъ говоритъ въ прозѣ иногда такъ: «обѣ онѣ должны были выдти въ садъ черезъ заднее крыльцо, за садомъ найти готовыя сани, садиться въ нихъ и ѣхать—онъ помнилъ разстояніе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкой—право было-бъ жаль, если бы его стройнаго стана никогда не стягивалъ военный мундиръ». Это только для примѣра, но такихъ примѣровъ много и у всѣхъ. Все это не по-русски, такъ точно какъ и: «имѣетъ репутацію» вмѣсто: слыветъ, славится; но горе наше, что и *разстояніе существующее*, и *репутація* и *не дѣлайте шума*, и все это подходитъ къ переводу отъ слова до слова съ того языка, на которомъ намъ по обработанности его иногда легче думать, чѣмъ на русскомъ. «Граціозная позиція, реформа, кадаверъ, скомпрометировать, персона, раса, заинтересовать, оригинальныя скиццы, помистифировать, колоссальная, репутація, раставрація, культура, цивилизація»—все это я выписываю сподрядъ изъ первой попавшейся мнѣ въ руки печатной книги; она вышла года два тому, и на нее, говорятъ, нѣсколько тысячъ подписчиковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вышло *печатное* недоумѣніе о значеніи русскаго счета: полпята, полшеста, полдесята; едва не поспорили, что такое полтора и полтораста. Не очень давно

предложили, за рѣдкость, русское слово вмѣсто французскаго *пандань*, а именно: *ровня*; другіе поправились—извините меня—изъ кулька въ рогожку, замѣтивъ, что ровня не то, а можно-де сказать вмѣсто того: соотвѣтствіе, соотвѣтственность. Кто изъ Русскихъ не вздохнетъ о такихъ пересудахъ? а между тѣмъ есть два слова, изъ коихъ одно выражаетъ французское pendant, а другое нѣмецкое Gegenstück: дружка и противень; есть еще выраженіе: подъ стать, масть, пару. Богатствомъ и разнообразіемъ видовъ глаголовъ нашихъ, мы пользоваться не умѣемъ; отъ глагола красть, напр., образуются: украсть, покрасть, разкрасть, выкрасть, обокрасть, перекрасть (три значенія), накрасть и пр.; этого въ другихъ языкахъ нѣтъ; а между тѣмъ оно много способствуетъ къ краткости рѣчи и даетъ ей болѣе опредѣлительности. Существительными отвлеченными мы сорим ни въ ладъ ни въ мѣру, ставимъ ихъ всюду, гдѣ имъ быть приходится по французскому или нѣмецкому обороту, а гдѣ русскій обойдется безъ нихъ и выразится лучше и короче. Мы кромѣ того привыкли къ какому-нибудь одному существительному отъ каждаго корня, и на немъ всегда и выѣзжаемъ—и чѣмъ длиннѣе оно, тѣмъ лучше—а другіе въ благородную рѣчь не допускаются, напр., *Могущество* пишется не только тамъ, гдѣ слову этому быть слѣдуетъ, но и тамъ, гдѣ бы должно говорить: мочь, могуша, мощь и проч., и скорѣе рѣшимся сказать могущественность и мощность, чѣмъ допустить въ благородную рѣчь одно изъ помянутыхъ, болѣе короткихъ и ясныхъ словъ. Нарѣчія и подходящія къ нимъ выраженія, которыми языкъ нашъ такъ богатъ, и которыя такъ удобно замѣняютъ околичныя поясненія, рѣдко приходятъ намъ во время на память, потому что ихъ въ другихъ языкахъ мало. Уторопь, вприпоръ, вназерку, пить быч-

комъ, пить вприпадку, сидѣть на слуху, по̀ходя, взахлестъ, зубцомъ, (вмѣсто чего часто читаемъ зигзагомъ), въ уровень, вразрѣзъ, наполы, въ закрой, вобрѣзъ, ничкомъ, навзничь, и прочее. Вообще, потрудитесь только поискать и узнать ихъ, и вы найдете почти для каждаго иностраннаго слова нѣсколько русскихъ, хотя очень часто ни одно изъ нихъ не будетъ вполнѣ соотвѣтствовать всѣмъ значеніямъ перваго; въ этомъ случаѣ ихъ надо будетъ употреблять съ разборчивостію, гдѣ одно, гдѣ другое; но вмѣсто этого просто ихъ не употребляютъ, вовсе не приняли, не обусловили ихъ значеніе, не привыкли видѣть въ печати. И чѣмъ же мы занимаемся, если вздумаемъ пуститься на розыски и поправки языка? Придираемся къ тому, къ сему—вотъ я невзначай и попалъ на роковое словечко!—а больше ни къ чему; разверните любое повременное изданіе, гляньте на любой разборъ, если тамъ дѣло коснется языка, и вы, право, найдете одно только мелочное и высокопарное крохоборство, ничтожное козырство въ игрѣ, которая истинно не сто̀итъ сальнаго огарка, а, глядишь, критикъ писалъ при стеариновыхъ свѣчахъ. Еще слово: много ли изъ такъ называемыхъ писателей нашихъ—не говорю уже просто изъ образованнаго общества—знаютъ, понимаютъ, чуютъ русскимъ ухомъ своимъ, русское произношеніе и удареніе словъ? и въ этомъ встрѣчаемъ мы такую же и опредѣлительность, какъ и въ постройкѣ рѣчи, въ разстановкѣ словъ, въ самомъ выборѣ ихъ и въ оборотѣ, слогѣ, складѣ или способѣ выраженія.

Возьмемъ близкій къ дѣлу примѣръ: вамъ была бы дана задача, изложить начала, основанія, на коихъ должна бы основываться обработка языка, какихънибудь островитянъ Тихаго Океана; предполагается преобразовать, перевоспитать дикарей; дать имъ гра-

моту, понятія образованныя и приспособить къ этому всему ихъ младенческій лепетъ, едва достаточный для выраженія насущныхъ потребностей жизни, а въ духовномъ смыслѣ, едва объясняющій самое простое отвлеченное понятіе. Чѣмъ бы вы начали? Неужели бы вы, не потрудившись познакомиться съ особенностями этого языка, со свойствомъ его, образомъ выраженія и духомъ, предположили-бъ, безъ дальнихъ околичностей, выбрать изъ европейскихъ словарей всѣ недостающія слова, примѣнить, во избѣжаніе всѣхъ лишнихъ трудовъ и хлопотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и нашъ, готовый и намъ знакомый способъ выраженія и оборотовъ, а о сущности языка болѣе не заботиться? Кажется, такое дѣйствіе можно бы только оправдать однимъ обстоятельствомъ: если бы велѣно было не только составить предположеніе о преобразованіи языка, а исполнить это и на самомъ дѣлѣ въ трои сутки. Во всякомъ иномъ случаѣ, конечно, слѣдовало бы приступить первоначально къ изученію языка, грубаго, дикаго, бѣднаго, необработаннаго, каковъ онъ ни есть, и воспользовавшись уже всѣмъ наличнымъ запасомъ и, главное, изучивъ духъ, свойства и потребности языка, строить на этомъ основаніи далѣе. То же самое предстоитъ теперь намъ; мы языка своего не знаемъ—это право можно вымолвить, не бравъ грѣха на душу—а что еще хуже, и не хотимъ его узнать. И намъ, какъ предположенному нами преобразователю, должно начать съ низшей ступени, изучить языкъ народный, а отъ него уже идти далѣе.

Одинъ изъ глубокихъ мыслителей Германіи, говоря о философіи исторіи, о значеніи человѣчества, сказалъ: «Не человѣкъ, не народъ составляетъ человѣчество, а всѣ народы земли вмѣстѣ. Каждый народъ по себѣ одностороненъ, онъ усвоиваетъ общую задачу частно, относя ее къ личности своей. Чѣмъ менѣе народъ въ

состояніи это сдѣлать, чѣмъ менѣе въ немъ народности, тѣмъ онъ ничтожнѣе, тѣмъ менѣе приблизится къ рѣшенію этой всеобщей задачи; онъ растеряется въ общностяхъ, не сосредоточитъ силъ своихъ въ себѣ и въ народности своей». Неужели могутъ не согласиться, что слово это идетъ равносильно ко всей духовной жизни народа и къ словесности его?

Содержаніе статьи этой было душевнымъ, внутреннимъ убѣжденіемъ писателя ея въ продолженіе многихъ лѣтъ, съ той поры, какъ голова и сердце, мысль и чувство, потянувшись, выросли изъ свивальника и стали чуждаться дѣтской колыбели. Всему своя пора, своя череда. И вотъ съ чего взялись русскія сказки, за которыя и похвалили и побранили писателя, погладили по головѣ и просили садиться, между тѣмъ какъ другіе просили его ходить и жаловать только на задній дворъ. Но цѣли, намѣренія его не понялъ никто. Можетъ быть онъ самъ этому виноватъ, и почему-нибудь понять его было трудно. Не сказки по себѣ были ему важны, а русское слово, которое у насъ въ такомъ загонѣ, что ему нельзя было показаться въ люди безъ особаго предлога и повода—и сказка послужила предлогомъ. Писатель задалъ себѣ задачу, познакомить земляковъ своихъ сколько-нибудь съ народнымъ языкомъ, съ говоромъ, которому открывался такой вольный разгулъ и широкій просторъ въ народной сказкѣ. Если-бы тотъ же самый писатель вздумалъ когда-нибудь издать собраніе русскихъ сказокъ, то, конечно, написалъ бы ихъ гораздо проще и незатѣйливѣе. Я бы желалъ, чтобы кто-нибудь изъ благомыслящихъ людей, не искавшій въ помянутыхъ сказкахъ того, о чемъ здѣсь говорится, прочелъ ихъ теперь съ особеннымъ вниманіемъ на языкъ, на духъ и складъ рѣчи и на самыя слова. Можетъ быть это былъ бы и не совсѣмъ напрасный трудъ. Но здѣсь

опять необходима оговорка, чтобы не выворотили на нашемъ братѣ тулупъ наизнанку, изъ Луки сдѣлали Акулу—сказочникъ никогда не ставитъ сказки свои впримѣръ слога и языка, не говорилъ и не говоритъ, что такъ именно должно писать по-русски — нѣтъ; онъ хотѣлъ только, на первый случай, показать небольшой образчикъ—и право не съ хозоваго конца—образчикъ *запасовъ*, о которыхъ мы мало или вовсе не заботились, между тѣмъ какъ, рано или поздно, безъ нихъ не обойтись: или—не быть тому, чему не бывать, чему быть не суждено.

Возгласами и разглагольствованіями дѣло не спорится; крикомъ изба не рубится. Мы уже видѣли, много ли выходитъ толку изъ пустопорожнихъ воплей: пишите по-русски, пишите по-русски—это пустозвонъ и пустоцвѣтъ. Но столковаться, объясниться иногда можно и должно. Поводъ къ этой статейкѣ подалъ разговоръ съ однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ и заслуженныхъ писателей нашихъ, которому однакоже не менѣе того переданное здѣсь показалось-было сначала довольно страннымъ; между тѣмъ, подъ конецъ довольно продолжительной вечерней бесѣды, думное чело его просвѣтилось, доступное всему изящному и истинному, сердце перешло вполнѣ на сторону убѣждающаго, и нѣсколько разъ повторенное: «напишите-ка это, напишите это, выйдетъ хорошая, дѣльная статья»—подало поводъ къ изложенію мыслей этихъ на бумагѣ. Прошло два, три года, писатель постоянно остался тѣхъ же мыслей, и прочитавъ статейку свою и поисправивъ ее, передаетъ печати. Ему случилось говорить послѣ того со многими изъ словесниковъ нашихъ объ этомъ предметѣ, и онъ находилъ вообще наклонность понять и оцѣнить истину, которую отстаивалъ. Трудно въ самомъ дѣлѣ спорить противъ такой истины, на которую всегда почти улика

налицо: улика спорщика, что и онъ, какъ и всѣ мы грѣшные, не знаетъ своего языка. Нельзя здѣсь распространяться до такой степени, какъ въ дружескомъ разговорѣ, да и на печати нѣтъ бесѣды, т. е. взаимности разговора, а то-бы можно вѣроятно убѣдить на этомъ же основаніи и читателей нашихъ—въ чемъ напередъ и просимъ прощенія. Спросите кого-нибудь, для примѣра, что такое по-русски: *опознать*, *опознаться* и *обознаться*, и для чего онъ, если знаетъ вполнѣ значеніе этихъ незамѣняемыхъ словъ, несмотря на это замѣняетъ ихъ другими, хилыми, хворыми, околесными и неумѣстными или иностранными? Вмѣсто перваго мы говоримъ и пишемъ некстати *узнать*, тогда какъ *опознать* заключаетъ въ себѣ непремѣнное понятіе объ утайкѣ кѣмъ-либо того, что я нашелъ или узналъ; опознать можно краденую лошадь, бродягу, шатающагося подъ именемъ Ивана непомнящаго, опознать можно въ разъѣздѣ непріятеля, если онъ чѣмъ-нибудь неосторожно *скажется*. *Опознаться* еще менѣе извѣстно и принято; Русскіе, которымъ мнѣ случалось задавать его для разгадки, не рѣдко смѣшивали слово это съ глаголомъ *обознаться*, который означаетъ совсѣмъ другое; *опознаться* можно только замѣнить дурнымъ и насмѣшливымъ латино-французко-нѣмецкимъ *оріентироваться*; выбирайте любое. Опознаться на мѣстѣ, на новой мѣстности, на старой знакомой дорогѣ, съ которой я сбился. Слово это также точно можно употреблять и въ смыслѣ переносномъ: опознаться на поприщѣ естественныхъ наукъ, опознаться въ кругу новѣйшей философіи. *Обознаться* слово простое, болѣе извѣстное, но то же не замѣняемое; оно выражаетъ не только, что я не узналъ кого-нибудь, но что я еще и принялъ его за другого. Говорится также: я обознался въ этомъ человѣкѣ, т. е. ошибся, считалъ его умнымъ, а вышелъ дуракъ, или наоборотъ.

Статейка эта не словарь; я взялъ два, три примѣра, и могъ бы сейчасъ насчитать ихъ двѣсти и триста. Въ Словарѣ Рейфа—трудѣ неимовѣрномъ для одного человѣка, и еще иностранца, который *не говоритъ* по русски!! въ I-мъ томѣ словаря Рейфа, я не дочелся, при поверхностномъ пересмотрѣ его, какихънибудь 300 словъ, иныхъ не было вовсе, другія не были надлежащимъ образомъ переведены и объяснены. А между тѣмъ Россійской Академіи, при новомъ изданіи предположеннаго ею словаря, нельзя не руководствоваться этимъ словаремъ заморскаго и заѣзжаго Нѣмца. Сидя на одномъ мѣстѣ, въ столицѣ, нельзя выучиться по-русски, а сидя въ Петербургѣ и подавно. Это вещь невозможная. Писателямъ нашимъ необходимо провѣтриваться отъ времени до времени въ губерніяхъ, и прислушиваться чутко направо и налѣво.

Эта рѣчь и примѣры шли собственно къ словамъ и о словахъ, а складъ или слогъ слова у насъ также запущенъ и варварски искаженъ. Я опять возьму одинъ только примѣръ, а именно тотъ самый, который, будучи тогда въ казачьемъ городѣ, въ Уральскѣ, представилъ въ разговорѣ извѣстнѣйшему изъ нынѣшнихъ нашихъ стихотворцевъ. Я бы, напримѣръ, написалъ: «Казакъ осѣдлалъ лошадь какъ можно поспѣшнѣе, взялъ товарища своего, у котораго не было верховой лошади, къ себѣ на крупъ, и слѣдовалъ за непріятелемъ, имѣя его всегда въ виду, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ на него напасть». Спрашивается, годится ли это, хорошо ли написано? Свидѣтельствуюсь тѣми, которымъ я показывалъ и этотъ примѣръ, въ числѣ многихъ другихъ, всѣ говорили: хорошо; живетъ, похерить нечего. Ну, а я бы написалъ вмѣсто того вотъ какъ: «казакъ сѣдлалъ уторопь, посадилъ безконнаго товарища на забедры и

слѣдилъ непріятеля въ назерку, чтобы при спопутности на него ударить.—Сравните и рѣшите, что лучше и какъ бы должно писать и говорить. Если вы скажете—въ чемъ почти не сомнѣваюсь—оно, конечно, такъ лучше, да къ этому мы не привыкли, то соглашусь съ вами отъ души, потому что вы подтверждаете этимъ все, что говорилось въ статьѣ этой, и стало быть во всемъ со мною согласны. Если же скажете: такъ можно говорить только съ казаками и о близкихъ къ нимъ предметахъ, то соглашусь на первую половину возраженія, которая въ сущности то же, что и: «оно хорошо да мы къ этому не привыкли»; а вторая часть возраженія мнѣніе ошибочное, основанное на истинѣ перваго—на томъ, что мы къ этому не привыкли, и обыкновенно такъ не пишемъ и не говоримъ.

Въ заключеніе разскажу еще идущій къ дѣлу случай. Я навѣстилъ во время послѣдней поѣздки въ Петербургъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ нашихъ преподавателей философіи, человѣка мыслящаго, котораго а знаю и уважаю давно. Онъ занимался въ то время изложеніемъ душесловія, на русскомъ языкѣ, и выбиралъ слова и выраженія, для замѣненія техническихъ словъ другихъ языковъ, съ большою осмотрительностью, совѣтуясь объ этомъ со многими. Зашла рѣчь о томъ, что соотвѣтствуетъ французскому: vaison et esprit, нѣмецкому: Vernunft und Verstand? На русскомъ есть два выраженія: умъ и разумъ, но чѣмъ руководствоваться для безошибочнаго опредѣленія, которое изъ нихъ чему соотвѣтствуетъ? мы собрали тотчасъ всѣ пословицы, поговорки, изрѣченія, въ коихъ рѣчь идетъ объ умѣ или разумѣ; оказалось, что всѣ они съ чрезвычайною точностію, тонкою разборчивостію опредѣляютъ значеніе этихъ двухъ словъ. Вотъ вамъ изрѣченія эти:

1. Умъ за разумъ зашелъ. 2. Ума много, да разума нѣтъ. 4. Уменъ, да не разуменъ. 6. Умъ хорошо, два лучше. 7. Безъ ума голова шебала. 14. Сто головъ, сто умовъ. 17. Борода выросла, ума не вынесла. 18. Борода съ ворота, а ума съ прикалитокъ нѣту. 19. Борода съ возъ, а ума съ накопыльникъ не будетъ. 21. Разумъ не велитъ, ума не спрашивайся. 24. Умъ разуму не указъ. 25. Умъ разумомъ крѣпокъ, красенъ. 26. Умъ разуму подспорье. 29. Умъ за разумомъ не ходитъ. 12. Это не умъ а умишко. 22. Умъ безъ разума бѣда. 27. Умъ дойдетъ до безумья, а разумъ до разумья. 3. Ума палата (а не разума). 5. *Умница*—образованный человѣкъ, съ умомъ, *разумница*—ученый и даровитый. 8. У него на это станетъ, или не станетъ ума. 9. Разумомъ раскинуть, разсудить. 10. Уменъ и разуменъ: умѣю пѣть, плясать, чеботарить; разумѣю что говорятъ, татарскій языкъ—смѣкаю, смышляю; разумѣть, что говорятъ, и умѣть отвѣтить. 11. Разпорядится умно, поступить разумно. 13. Умы, множ. есть, разумы нѣтъ. 15. Съ ума сошелъ, спятилъ, а съ разума сойти нельзя. 16. Безумный—сумашедшій; неразумный—глупый, дуракъ. 20. Межеумникъ, т. е. ни то ни се. 23. У дитяти разумъ, у собаки умъ, умное дитя, которое не шалитъ; разумное, если оно все смыслитъ, понимаетъ. 28. Горе отъ ума, а отъ разума не бываетъ. 30. Разумъ, какъ разудалый, распрекрасный, показываетъ превосходную степень.

За тѣмъ—полно; кто захочетъ и сможетъ понять добро и благо и истину—тотъ пойметъ; кто не доросъ до этого русскимъ сердцемъ, а живетъ у насъ на чужомъ пиру съ похмѣлья, тотъ точай по своему, поколѣ Господь грѣхамъ нашимъ терпитъ, и шей по золотой землѣ лыками.

НЕДОВѢСОКЪ КЪ СТАТЬѢ

ПОЛТОРА СЛОВА О РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ

Прислушиваясь къ суду и мнѣніямъ по поводу статейки о русскомъ языкѣ, сочинителю ея показалось, что надобно дѣло то еще немного пояснить и поразобрать; можетъ быть, по обоюдной винѣ, вышли кой-какія недоумѣнія, сомнѣнія, и чуть-ли не кривотолки. Спасибо добрымъ и благомыслящимъ людямъ, которые судили и рядили о статьѣ этой съ участіемъ, принимали дѣло къ сердцу, говорили на-распашку и по убѣжденію; насильно милъ не будешь, противъ вѣры, вѣры не имется, вопреки убѣжденія согласиться нельзя. Потолковать однако, если дѣло того стóитъ, и можно и должно; авось либо тутъ, либо тамъ, искорка правды найдется—въ потемкахъ и то ладно; авось люди раздуютъ ее, разложатъ огонекъ, и погрѣются и засвѣтятъ свѣчу.

Вотъ что случилось намъ слышать по поводу этой статьи:

1-е. Статья написана слишкомъ самоувѣренно и рѣзко; сочинитель вдался въ крайность; не много ли онъ беретъ на себя, увѣряя насъ всѣхъ въ глаза́, что мы не знаемъ по-русски?

2-е. Правда, что языкъ нашъ искаженъ, что искажается со дня на день болѣе, но изучать должно его изъ древнихъ и старинныхъ книгъ и лѣтописей; простонародный языкъ можетъ только служить иногда вспомогательнымъ средствомъ.

3-е. Не должно вовсе изучать простонароднаго языка: онъ грубъ, не обработанъ, а притомъ и состоитъ еще *весь* изъ областныхъ нарѣчій, которыя могутъ только развѣ служить порчею образованнаго языка.

4-е. Нельзя и не должно изгонять принятыхъ однажды иноземныхъ словъ: безъ нихъ намъ не обойтись: иначе должно сослать ихъ въ ссылку поголовно, и тогда не станетъ у насъ ни *кушака*, ни *шандала*, ни *лошади*. Нельзя и не должно вводить слова народныя, потому что никто насъ не будетъ понимать.

5-е. Грубый и необразованный языкъ всегда долженъ совершенствоваться по образцамъ языковъ, достигшихъ уже высшей степени образованія; по этому и самый складъ и слогъ нашъ должны переработаться по слогу и складу иноземному.

6-е. Языкъ долженъ, вмѣстѣ съ общимъ образованіемъ, идти впередъ, а не назадъ; что сдѣлано доселѣ—все хорошо, все благо, все это совершенствуетъ языкъ; продолжайте, но вспять не ходите: переработать языкъ по образцу языка простонароднаго, значитъ воротиться назадъ.

7-е. Языкъ не математика; намъ нечего заботиться о совершенствованіи его: это дѣлается само собою. Языкъ всегда развивается соразмѣрно потребностямъ вѣка и образованности; и такъ, какъ бы ни пошло дѣло,—не наша забота, мы не въ силахъ измѣнить тутъ ни волоска.

Напередъ всего, попрошу искренно доброхотнаго читателя не гнѣваться; слово сказано было къ добру, а не къ худу; коли рѣчь моя показалась вамъ зазорною,

коли я, можетъ статься, не сумѣлъ выразиться посходнѣе, такъ примите къ сердцу сущность, смыслъ, а не ковычку; обсудите прямую мѣту статейки моей и сердце у васъ отляжетъ. Разберемъ не горячась, что я сказалъ и сдѣлалъ. Я сталъ съ хвоста въ одну со всѣми шеренгу и на спросъ общей нашей родины: «А каково, дѣтки, у васъ даръ небесный, словесная рѣчь живетъ?» я отвѣчалъ за всѣхъ—можетъ быть и выскочкой:—«Виноваты, матушка, косноязычны маленько».—«Какъ такъ»?—«Да вотъ какъ дѣло сталось: ушли мы-было впередъ, да и поотстали; голова одна, рѹки, ноги однѣ, подошла крутая пора, что нельзя было не догонять сосѣдей; такъ мы отъ своего шестка поотшатнулись и стало дѹма маленько нездорово: за одинъ разъ и тутъ и тамъ не управились. Дай только срокъ, изворотимся: пойдетъ у насъ и этотъ даръ твой изъ родного сока и корня; былъ бы лутошникъ, будетъ и липнякъ—а ужь нашего уходу за нимъ станетъ, будетъ онъ у насъ заповѣднымъ, рубки въ немъ не будетъ, и заглохнуть ему не дадимъ, а будетъ одна только подчистка, да уборка».

Что же, дѣло сказалъ я, или нѣтъ? Вы говорите: «можетъ статься и дѣло, да у тебя не тотъ порядокъ лѣсного хозяйства въ головѣ; ты хочешь дождаться лѣса, отъ своихъ, доморощенныхъ сѣмянъ, да отъ корневыхъ порослей! эта долга пѣсня, да и не стѹитъ хлопотъ; и лѣсъ нашъ не годится супротивъ другого; бери готовый, хоть и чужой, что нужды? бери да сажай, благо даютъ».

Но на такой отвѣтъ надобно показать тѣмъ изъ пріятелей-супротивниковъ нашихъ, которые стало-быть проштыкнулись, что мы еще покуда не сбиты съ кону, а въ сѣдлѣ, въ полномъ ратномъ облаченіи своемъ, и что даже полоса наша безъ единой зазубрины.

Рѣзко написалась статья наша потому, вѣроятно,

что въ ней большая правда, о которой не мы поговорку по свѣту пустили; а можетъ быть и потому еще, что писателю хотѣлось отвести душу на прямикъ, что объѣзжать околицами, да изъясняться обиняками, показалось тутъ вовсе не кстати. Впрочемъ, ни однимъ словомъ не хотѣлъ онъ указать на кого бы то ни было, а стригъ всѣхъ,—и себя въ томъ числѣ—подъ одну гребенку. Рѣчь шла не о томъ, кто получше и кто похуже пишетъ, а о томъ, что языкъ, каковъ онъ ни есть промежъ насъ, не годится. Мѣрило наше умственное, языкъ и слогъ русскій, о коихъ мы говорили, можно только предугадывать, искать по убѣжденію, но нельзя указывать на него въ примѣръ и образецъ однимъ и въ поношеніе другимъ, потому что этого языка и слога еще нѣтъ. Спрашиваю, кому же можетъ быть обидно, что онъ не умѣетъ писать такимъ языкомъ, котораго еще нѣтъ на свѣтѣ? Даже и создать отъ себя его не можетъ никто, потому что языкъ есть вѣковой трудъ цѣлаго поколѣнія, иначе изобрѣтателю пришлось бы разговаривать едва ли не съ самимъ собою; только общими силами, общимъ стараніемъ и единодушнымъ стремленіемъ къ признанной всѣми цѣли, изученіемъ и приноровкой своеобычій языка къ письму нашему, можно со временемъ достигнуть того, что у насъ будетъ самостоятельный, могучій и вполнѣ обработанный языкъ.

Во всякомъ новомъ дѣлѣ крайности неизбѣжны; станется, что и тутъ было не безъ того. Но изъ крайности той можетъ выйти современемъ что-нибудь путное, изъ посредственности же никогда и ничего не выйдетъ. Стужа обращаетъ воду въ ледъ, жаръ перегоняетъ ее парами—а лѣтняя водица ни тепла, ни холодна и не даетъ вамъ ни самородныхъ ледяныхъ мостовъ, ни изумительныхъ пароходовъ: только посторонняя сила, весло и парусъ, могутъ васъ подвинуть

съ мѣста. Нуль—всегда нуль и въ математикѣ, и на тепломѣрѣ, и въ словесности.

Я смотрю на языкъ простонародный, какъ на главный запасъ, и назвалъ старинныя книги и рукописи средствами вспомогательными; а мнѣ говорятъ: нѣтъ, наоборотъ, письменный языкъ предковъ нашихъ долженъ быть для насъ главнымъ самоучителемъ, а языкъ простонародный развѣ только вспомогательнымъ источникомъ. Стало быть и моя правда, и ваша правда; кто гдѣ больше найдетъ, тотъ тамъ и больше возьметъ, для того тотъ или другой рудникъ будетъ богаче. Одного на все не станетъ, разработывай всякъ золотоносный пластъ, гдѣ, ударивъ шурфъ, нашелъ его; больше будетъ тамъ, гдѣ кто больше найдетъ.

Но другіе говорятъ вотъ что: мужицкаго языка перенимать не должно; это порча, да притомъ онъ и весь состоитъ изъ областныхъ нарѣчій.

Въ своемъ дѣлѣ мудрено быть судьей, а изъ насъ каждый отстаиваетъ свое. Мудрено иногда столковаться съ хорошимъ, умнымъ человѣкомъ, да о дѣлѣ для него непонятномъ или малодоступномъ. Я смолоду затвердилъ, что риторика учитъ насъ писать краснорѣчиво; чтобы понять, что риторика хвастаетъ и никого и никогда этому не выучила, мнѣ надобно усвоить себѣ новыя понятія, взглянуть на предметъ совсѣмъ съ иной точки, чѣмъ я привыкъ смотрѣть доселѣ. Я зубы съѣлъ и посѣдѣлъ надъ врачебнымъ искусствомъ школьнаго начала; чтобы убѣдиться въ не менѣе, или болѣе истинныхъ ганемановскихъ началахъ, мнѣ нужно много опыта и много размышленія. Живучи вѣкъ въ столицѣ, и особенно въ сѣверной столицѣ нашей, нельзя, не возможно познакомиться коротко съ простонароднымъ языкомъ; тѣмъ менѣе можно его себѣ усвоить и положительно объ немъ судить. Все что для насъ ново, о чемъ мы никогда не думали, не

помышляли, все это для насъ и дико и странно. Кто не опознался еще на какомъ-либо поприщѣ, тому, и при благомъ стремленіи, темно всюду, гдѣ нѣтъ ни солнца, ни свѣчи. Товаръ безъ почину—недотрога, говорятъ наши купцы; и вотъ почему имъ дорогъ починъ. И такъ, кто никогда самъ собою не убѣждался въ необходимости изучать языкъ народный, тому статья наша поневолѣ покажется квасным патріотизмомъ, безпутной натяжкой. Но, господа, я берусь изобличить и поймать съ поличнымъ большую часть изъ видимыхъ супротивниковъ нашихъ, въ томъ, что они слѣдовали иногда—хотя и безсознательно—тѣмъ началамъ, о коихъ мы заговорили вслухъ и гласно; безсознательно принимали они тутъ и тамъ выраженіе или оборотъ простонародный, не давъ себѣ въ этомъ, можетъ быть, положительнаго отчета. Вотъ вамъ лучшее доказательство, что въ статьѣ нашей есть смыслъ; и наоборотъ, разобравъ хорошенько, съ отстраненіемъ всякаго себялюбія, не-русскія слова и обороты свои, вы поневолѣ добросовѣстно признаетесь, что обмолвились, что то или другое выражено не хорошо, хотя мы на первый случай самъ-другъ или самъ-третей не всегда можетъ, быть, пріищемъ вскорѣ что-нибудь получше.

Перенимать простонароднаго языка, замѣнять имъ безусловно нынѣшній письмовный языкъ нашъ не должно; этого сочинитель статьи *полтора-слова* никогда и нигдѣ не говорилъ, и просилъ даже, не выворачивать на-изнанку *луки*, не дѣлать изъ него акулы. *Изучать* надо намъ народный языкъ, спознаться черезъ него съ духомъ родного слова, и принимать или перенимать съ толкомъ, съ чувствомъ, съ растановкой. Освоившись съ упрямымъ и самобытнымъ духомъ родного слова, мы облагородимъ, обусловимъ и перенесемъ на родную, но болѣе тучную и воздѣланную почву, все то, что стоитъ пересадки, да пріурочимъ цвѣтокъ свой къ по-

годѣ и непогодѣ подъ открытымъ небомъ, а не къ теплицѣ. Изъ этого же слѣдуетъ, какъ и гдѣ мы будемъ пользоваться областными и мѣстными нарѣчіями; мы услышимъ чуткимъ ухомъ всякую разладицу съ духомъ звучнаго родного языка и устранимъ ее, какъ порчу; мы, наоборотъ, станемъ поживляться всѣмъ, въ чемъ найдемъ созвучіе, что идетъ подъ-стать и масть что можетъ обогатить языкъ словомъ или оборотомъ, или замѣнить несвойственный языку оборотъ и слово, хотя бы оно и было уже принято большинствомъ. Такимъ только путемъ слѣземъ мы исподволь съ ходуль, на которыя взбираемся нынѣ каждый разъ, когда беремся за перо. Удареніе, столь шаткое и знаменательное въ языкѣ нашемъ, должны мы изучать въ говорѣ народномъ, хотя и его также не станемъ принимать безусловно. Пушкинъ часто пользовался въ стихахъ народнымъ удареніемъ, вопреки общепринятому въ языкѣ письмовномъ. Наконецъ, самое произношеніе, говоръ черни, перенимать никогда почти не станемъ, а останемся при томъ, къ чему привыкло образованное ухо. Принявъ областное слово, мы будемъ произносить его по-своему, такъ точно, какъ и всякое иноземное слово, коли оно разъ принято у насъ, должно выговаривать русской глоткой, переиначивая его такъ, чтобы русскій человѣкъ, который говоритъ на одномъ только природномъ языкѣ своемъ, могъ и написать и произнести слово это четко и чисто. На этомъ послѣднемъ, установленномъ самою природою правилѣ, основано образованіе всѣхъ безъ изъятія производныхъ языковъ.

На Вяткѣ и въ Перми говорятъ *талы* вмѣсто глаза, *силки* вмѣсто цыплята, *подъковаться* вмѣсто потрунить надъ кѣмъ, посмѣяться; въ Сибири *чего* вмѣсто что, *чей вы*, *чьи вы*, вмѣсто кто вы или какъ васъ зовутъ, *шары* вмѣсто глаза, *буторъ* вмѣсто пожитки, скарбъ;

Уральцы очередную лошадь называютъ *рѣзвою*, а перевязь и подсумокъ *штатами*, *крестами;* говорятъ: *сулякй*, *наймовать*, вмѣсто суй, толкай и нанимать; въ Астрахани услышите: *восейка*, *шевриа*, *шабры* или *шабренки*—бѣднята, севрюга, сосѣди; въ Оренбургѣ: *шарабара*, *ишакъ*, *тулаемъ*, *конфетчикъ*—пожитки, оселъ, гуртомъ или оптомъ и лавочникъ,—услышите также, въ образованномъ кругѣ, *подойдите ко мнѣ*, *я вамъ что-нибудь* (т. е. что-то) *покажу*; въ Тулѣ говорятъ: *харагодъ*, *харагодить*, т. е. хороводъ, хороводить, и вмѣсто пѣть, *играть* пѣсню; въ Олонецкой: *лопоть*, платье или одежда, а *бажоный*, милый; въ Суздали: *прочапить*, *сдобляться*—пролить, собираться; въ Новгородѣ, грибы *блицы*; во Псковѣ и въ Костромѣ, услышите *зятевья*, *братевья*, *братевьевъ* [1]); вотъ областныя, мѣстныя выраженія, которыя могли бы испортить языкъ нашъ, а потому всего этого мы перенимать не станемъ. Но тамъ же, въ Сибири, въ Олонцѣ, на Дону, на Уралѣ, на Украйнѣ—словомъ всюду, гдѣ только живутъ русскіе люди, вы услышите множество превосходныхъ, незамѣняемыхъ выраженій, которыя должны быть приняты въ письменный языкъ нашъ; это скажетъ вамъ русское ухо и русское чувство. *Заимка*, *хуторъ*, лучше нежели употребительное у насъ ферма; *марево*—лучше миража, а *путевникъ* лучше маршрута; *поличіе*, *подобень*, покрайней-мѣрѣ нисколько не хуже портрета; даже *окрутникъ* и *окрутница* можно бы употребить вмѣсто маски, тѣмъ болѣе, что маскою называемъ мы и самую *личину* и переряженаго. Вы услышите въ народѣ, что паутина, летающая осенью по лѣсамъ и полямъ, называется *тенетникомъ;* пушистый иней на деревьяхъ: *опбкой*; ручка или дужка на

---

[1]) Можете даже услышать и прочитать у насъ на вывѣскахъ: *овошенная* лавка, *ренсковой* погребъ и пр.

ведрѣ или корзинѣ: *перевеслома*, а звено ограды *прясломъ*; вмѣсто: остатки разложеннаго огня, вы, не опасаясь порчи языка, можете сказать *огнище*, что уже, по самому окончанію своему—пепелище, городище—указываетъ на остатки чего-то былого [1]); можете даже сказать: птица летитъ въ отлетъ *побудкой*, собака ищетъ *побудкой*—отъ побуждать, побужденіе—вмѣсто инстинктомъ, или какъ пишутъ у насъ нынѣ охотно: инстинктивно. Отъ такой переимчивости языкъ нашъ, право, не потерпитъ порчи, а, напротивъ, выработается изъ своего сока и корня. Чѣмъ писать или говорить: я попалъ изъ ружья слишкомъ высоко, или слишкомъ низко—намъ позволятъ, надѣюсь, сказать просто: *я обвѣсилъ, обнизилъ;* а какимъ словомъ вы замѣните, напримѣръ, простонародное слово: *осунуться?* Вы, конечно, согласитесь, что оборваться, поскользнуться, значитъ совсѣмъ не то, и вынуждены будете обойти окольной дорогой версты или строчки въ три, объяснивъ, что осунуться—въ прямомъ и переносномъ смыслѣ,—значитъ: ступивъ неосторожно на сыпучую почву по окраинѣ яра, обрушиться въ него, вмѣстѣ съ осыпавшеюся землею. Такъ, напр., неосторожный всезнайка, пустившись очертя голову судить и рядить на поприщѣ, ему не довольно знакомомъ, легко можетъ осунуться и юркнуть подъ яръ съ высокопарною галиматьею своею, къ общему увеселенію случайныхъ зрителей. *Накрыть, исплошить* непріятеля, спать *будко*, дремать *чутко*, рублемъ *простъ* буду (ставлю рубль заклада), овражки *заиграли* (снѣгъ таетъ, вода пошла оврагами)—и сотни другихъ подобныхъ выраженій и оборотовъ, могутъ казаться дикими, грубыми, однимъ словомъ неумѣстными въ письменности, только для нашего отчу-

---

[1]) Тоже окончаніе въ словахъ: топорище, кнутовище, показываетъ на часть цѣлаго, на принадлежность.

жденнаго отъ ро́дины уха, только тому, кому доступенъ лишь насыпной, искусственный верхній слой родной почвы, между тѣмъ какъ нѣдра ея поневолѣ остались для него на-вѣкъ не доступны.

Въ разговорѣ со мною по этому предмету, благомыслящіе люди, сознаваясь въ порчѣ нашего языка, оправдывались: журналисты тѣмъ, что пишутъ торопливо и на-срокъ, а сочинители книгъ тѣмъ, что у насъ къ другому языку не привыкли и даже не легко бы его поняли. Не ясное ли это обвиненіе, вмѣсто предположеннаго оправданія? Почему же мы, при спѣшномъ письмѣ, не можемъ писать по-русски, почему же у насъ второпяхъ всегда выходитъ не русскій оборотъ, составленный наполовину изъ иноземныхъ словъ? Раавѣ такъ легче и скорѣе писать? Да, легче и скорѣе, потому что намъ родной языкъ чуждъ и мы, безъ усильныхъ потугъ, не родимъ русской рѣчи и съ нею не справимся. Другое оправданіе не лучше перваго, хотя въ сущности и не менѣе справедливо; насъ не поймутъ—правда; но кто же тутъ виноватъ, позвольте спросить, писатель, или читатель? Кто пріучилъ насъ къ этой искусственной, не родной намъ рѣчи, кто далъ намъ ту дурную падчерицу, для которой русское сердце навсегда останется только невольной мачихой? Читатель тутъ лицо чисто страдательное. Умѣйте пріучить его, и онъ привыкнетъ еще гораздо скорѣе къ хорошему, чистому и сильному родному языку, чѣмъ привыкъ къ дурному, искаженному.

Но что же мы дѣлаемъ, за-мѣсто того, чтобы изучать языкъ и писать по-русски? Мы пишемъ: *пора цвѣтенія, свѣтящійся червячекъ* (т. е. свѣтлякъ), *и однакожь, мертвенный, исчезнутіе*, и пр.; о рубрикѣ, персонажахъ, ателье, консеквенціи, эрудиціи, консепціи и подобныхъ диковинкахъ уже и говорить нечего, мы

вводимъ ихъ съ какимъ-то особеннымъ тщаніемъ, для обогащенія языка. Не хочу называть никого, хотя это и стѣсняетъ меня, потому что было бы очень кстати сдѣлать разборъ языку и слогу болѣе извѣстныхъ у насъ писателей, но, воля ваша, въ вымышленномъ языкѣ Афеновъ нашихъ гораздо болѣе русскаго, чѣмъ во многихъ русскихъ книгахъ; тамъ переиначеннымъ и вымышленнымъ словамъ данъ чисто русскій складъ, русская осанка и посадка, а рѣчь слѣпо слѣдуетъ прихотливому и неуловимому доселѣ для насъ своеобычаю нашего языка; мы не понимаемъ смысла, но слышимъ русскій го́воръ, русскую рѣчь; она не обижаетъ нашего у́ха и сочетаніе словъ ея, даже образованіе каждаго сло́ва, согласно съ духомъ языка; нашъ книжный языкъ, напротивъ того, деретъ и шерститъ какъ ворсильная щетка, тутъ русскаго, право, иногда не болѣе того, какъ что изъ милости подаетъ наборщикъ, т. е. одни буквы. Но этого мало; вы скажете: гоняться за словами, это крохоборство; слова̀ всѣ пригодны, всѣ обогащаютъ языкъ, лишь бы они, по свойству его, могли быть приняты и усвоены. Сущность языка—внутреннее достояніе и достоинство его—это свойство языка для сочетанія словъ, для образованія рѣчи, слогъ и складъ. Загляните-жь въ любую книгу и разберите повнимательнѣе слогъ и складъ рѣчи; мы, къ несчастію, привыкли къ этой тарабарщинѣ и читая по-верхамъ, пропускаемъ всѣ грѣхи мимо ушей; сверхъ того, у насъ есть нѣсколько писателей, которые ведутъ рѣчь свою искусно, сглаживаютъ и скрадываютъ удачно всѣ недостатки этого языка, слогъ у нихъ сладкій, рѣчь плавная, увлекательная, которая не споритъ ни съ одной изъ написанныхъ доселѣ грамматикъ;—ихъ можно поставить въ примѣръ большинству писателей, которые ломаютъ безбожно русское слово; но нельзя указать ни на одну статью, не только ни на одну

книгу, какъ на образецъ родного языка, потому что родного еще никто себѣ не усвоилъ. Всѣ мы говоримъ, или, по крайней мѣрѣ, пишемъ: *онъ имѣетъ много времени, каждый изъ верхнихъ переднихъ зубовъ этого животнаго имѣетъ желобокъ*; тогда какъ эта неумѣстная вставка вспомогательнаго глагола противна языку нашему и не ведетъ ни къ чему: ни пути отъ нея, ни проку. У него много времени, онъ богатъ временемъ, у него много досуга, свободнаго часа, или просто: онъ досуженъ (не досужливъ)—верхніе рѣзцы объ одной бороздкѣ, на верхнихъ рѣзцахъ по одной бороздкѣ—это, кажется, для Русскаго и яснѣе и милѣе. *Работа эта не превосходила силъ его и притомъ согласовалась болѣе или менѣе съ наклонностями его;* это значитъ: работа посильная, и не постылая, не докучливая, не противная. *Жизнь наша коротка, а бѣдствій встрѣчаемъ много*; по-русски: вѣку мало, горя много—и прочее. Кто возметъ на себя трудъ, разобрать на этомъ основаніи любую книгу, тотъ убѣдится, что языкъ нашъ не въ барышахъ отъ преобразованія, бывшаго неминуемымъ слѣдствіемъ иноземнаго на него вліянія, хотя, повторяю, никто изъ насъ не въ состояніи замѣнить нынѣ же все дурное хорошимъ, все длинное короткимъ, все околичное и темное прямымъ и яснымъ, а пошлое и вялое выразительнымъ и сильнымъ.

И такъ, полагая послѣ этого, что одно только недоразумѣніе могло заставить кого-нибудь утверждать: народнаго языка изучать не должно или не нужно, перейдемъ къ слѣдующему за тѣмъ возраженію: нельзя изгонять принятыхъ иноземныхъ словъ и нельзя замѣнять ихъ русскими; потому, что или русскихъ словъ нѣтъ, или ихъ никто не пойметъ.

Если мы станемъ вводить пригодныя русскія слова исподволь, у мѣста, гдѣ они ясны по самому смы-

слу, то насъ не только поймутъ, но станутъ даже у насъ перенимать. Это можно бы доказать множествомъ примѣровъ: сколько введено уже русскихъ словъ на нашей памяти, начиная съ Карамзина? Переимчивость даже слишкомъ велика у русскаго народа, и мы встрѣчаемъ въ письменномъ обиходѣ много дурныхъ словъ, пущенныхъ въ-ходъ взамѣну болѣе звучныхъ и выразительныхъ, которыя, вѣроятно, сочинителямъ первыхъ были неизвѣстны. Изъ этого и видно, что опасеніе: насъ не поймутъ—едвали основательно, и относится во всякомъ случаѣ болѣе къ писателю, чѣмъ къ читателю. Почему же мы, коли у насъ не хватаетъ сподручнаго русскаго сло́ва, ни на минуту не призадумаемся выхватить его изъ любого языка и напечатать, безъ дальнихъ околичностей, русскими буквами? Развѣ мы подлинно убѣждены, что всѣ читатели наши должны знать всѣ европейскіе языки и догадаться, откуда слово это взято и что оно значитъ? Развѣ мы въ самомъ дѣлѣ убѣждены, что большинство читателей пойметъ вновь вводимое иноземное слово лучше и яснѣе русскаго, коли оно найдется? Нѣтъ, воля ваша, тутъ опять-таки вина падаетъ на писателя; ему иноземное слово знакомѣе русскаго, онъ привыкъ соединять съ нимъ болѣе положительное, ясное понятіе, и вотъ почему онъ его и предпочитаетъ. Чтобы не было русскихъ словъ, для замѣненія иноземныхъ—на это безусловно согласиться нельзя, да и не дошли мы еще далеко до того, чтобы употреблять послѣднія въ одной только необходимости, а вставляемъ ихъ всюду, предоставляя наборщику переводъ. Мы часто не доискиваемся сло́ва, которое отвѣчало бы иностранному во всѣхъ его многоразличныхъ значеніяхъ, это такъ; но въ данномъ случаѣ, почти всегда можно передать его, или прямымъ переводомъ, вполнѣ сохранивъ смыслъ, или же другимъ оборотомъ рѣчи, замѣнивъ, по свой-

ству языка, существительное глаголомъ, нарѣчіемъ или прилагательнымъ. Случай этотъ встрѣчается часто, но мы изрѣдка только попадаемъ на родную колею; переводчики ищутъ большею частію именно *слова*, а не смысла, и передаютъ намъ иностранныхъ писателей вяло, пошло, безцвѣтно, потому что переводятъ не свойственнымъ языку нашему слогомъ. Возмите для примѣра переводъ, англійскаго романа: *Путеводитель въ пустынѣ*. Я указываю на него потому только, что онъ у меня случился подъ-рукой, что мнѣ необходимъ примѣръ и что переводъ этотъ не хуже большей части другихъ переводовъ. Потрудитесь прочитать любую страницу и замѣтить, сколько найдется на ней вопіющихъ грѣховъ противу родного слова? Столько, что рѣшительно не знаешь съ чего начать и чѣмъ кончить, а потому и остается только указать на нерусское заглавіе романа, которое не обольщая насъ тщетной надеждой, показываетъ уже, какъ вывѣска, чего намъ ожидать отъ самого перевода. *Путеводитель въ пустынѣ*—прочитавъ это заглавіе, принадлежащее, кажется, къ высокому слогу граматы нашей, подумаешь, что какой-нибудь добрый духъ, ангелъ-хранитель, если не звѣзда-путеводительница, оберегаетъ героя во время диковинныхъ приключеній; но чтобы путеводитель въ пустынѣ былъ за-просто: *степной вожакъ*—догадаться трудно, и смыслъ заглавія не отвѣчаетъ ни подлиннику, ни содержанію книги. Такой путеводитель называется у насъ *вожакомъ*, а такая пустыня *степью*, хотя бы на ней и были мѣстами горы и лѣса. Спрашиваемъ, отчего же простое, ясное заглавіе, которое всякій русскій человѣкъ понялъ бы какъ нельзя лучше, преобразовалось въ этомъ случаѣ въ вычурное, напыщенное, которое пойметъ только знакомый уже съ подлинникомъ, или съ высокимъ слогомъ (т. е. языкомъ) русскимъ? Оттого, вопервыхъ,

что мы умышленно избѣга́емъ народнаго сло́ва, какъ не принятаго въ высокородное общество, и оттого, вовторыхъ, что мы и не заботимся узнать коренное, русское выраженіе для предмета или понятія, а довольствуемся *образованнымъ* языкомъ своимъ, дополняя его по-нуждѣ, кто словами своего сочиненія, а кто иноземными. Искренно просимъ переводчика не оскорбляться нашей замѣткой;—необходимость примѣра заставила насъ указать на книжку, чего мы по возможности избѣга́емъ [1]).

Изгонять принятыя слова́, конечно, дѣло щекотливое и за это мы не беремся; мы даже, помнится, оговорились и въ первой статьѣ на этотъ счетъ, сказавъ: «мы не гонимъ общей анаѳемой всѣхъ иноземныхъ словъ изъ русской рѣчи». Я думаю, что дурное изгонится само собою, будетъ забыто, если мы только найдемъ чѣмъ его замѣнить, если разберемъ и обусловимъ напередъ свои домашніе запасы. Все что попало въ эту окрошку, въ нынѣшній граматный языкъ нашъ, несъѣдомое или неудобосваримое для русскаго желу́дка, то не пойдетъ въ кровь и мясо, а выкинется и забудется. Но для этого все-таки необходи́мо, напередъ всего, заботиться о томъ, чтобы у насъ былъ заготовленъ достаточный запасъ своей, здоровой пищи. Личностей нѣтъ у меня ни съ однимъ принятымъ словомъ; но читатели и писатели, надѣюсь, согласятся, что между словами: *сапогъ*, *кушакъ*, *журналъ*—и какими нибудь *газо́нами*, *кадаверами*, *каверна́ми*, есть разница; не менѣе того послѣднія диковинки встрѣчаются нынѣ у навязчивыхъ самоучителей нашихъ. Пусть же отъ

---

[1]) Читая послѣ этого въ Москвитянинѣ хорошо переведенную статью: *Колпичизна*, мы и тутъ встрѣтили обмолвку, которая относится къ этому-жь разряду: *лежать крестомъ*, объяснено: пасть *навзничь*—тогда какъ *навзничь* значитъ пасть на затылокъ, а лицомъ напередъ—*ничкомъ*.

нихъ добрѣетъ и тучнѣетъ самъ хозяинъ-сочинитель; гостей-читателей отъ такого блюда, ину-пору, съ души скинетъ. Принимать и вводить подобныя слова́—въ этомъ нѣтъ человѣческаго смысла, и объяснить это можно только тѣмъ, что люди пишутъ иногда самонадѣянно, на чуждомъ для нихъ языкѣ.

Но важнѣе словъ, которыя могутъ еще иногда быть признаны удачно и пріурочены къ нашей почвѣ, важнѣе словъ складъ рѣчи, слогъ и обороты: это связано до того тѣсно со своенравною грамматикою языка, что въ не русскомъ оборотѣ рѣчи, у сло́ва нашего не только отымаются ру́ки и но́ги, а отымается языкъ: онъ коснѣетъ и нѣмѣетъ. Духъ языка́ требуетъ, для ясности, точности, краткости и силы, глагола или нарѣчія; а мы, привыкнувъ видѣть на этомъ мѣстѣ въ другихъ языкахъ существительное, ставимъ существительное, ломаемъ остальное по силамъ своимъ и разуму, не заботясь о томъ, что изъ этого выйдетъ. Если, напримѣръ, насъ заставляютъ читать: *при возникновеніи литературы*, то неужели еще полагаютъ вдобавокъ увѣрить насъ, что это по-русски, или что нельзя было обойтись безъ этого безподобнаго оборота, по недостатку на языкѣ нашемъ словъ, для поясненія самобытныхъ мыслей писателя? Если мы станемъ изучать языкъ свой тамъ, гдѣ онъ стоитъ еще на своемъ корню́, не подкошенный, и живетъ на своемъ соку́, гдѣ не могъ быть вывороченъ на-изнанку и изуроченъ, то набьемъ руку и ухо, найдемъ для всякой мысли свой оборотъ, свои слова́ или, по крайней мѣрѣ, не удалимся отъ своеобычій, отъ самобытности и духа языка, а станемъ избѣга́ть слабой стороны его и пользоваться превосходствами и преимуществами его. Если же мы станемъ чуждаться этого источника, то, необходимо, будемъ увлекаться все дальше и дальше отъ самостоятельной русской рѣчи, обратимъ ее мало по малу,

въ пошлую болтовню, которая усвоитъ себѣ всѣ плоскости и общія мѣста болтовни иноземной, но ни силы, ни красоты, ни другихъ достоинствъ чужихъ языковъ мы не переймемъ. Если мы будемъ чуждаться своего источника, то родной струи не напьемся, хотя она и бѣжитъ у насъ подъ ногами.

Дальше: языкъ — говорятъ — долженъ обработываться по языкамъ болѣе образованнымъ, утонченнымъ; обратиться нынѣ къ языку народному, значило бы пятиться назадъ.

Нѣтъ спора, что общая задача для всѣхъ словесниковъ, говоря собственно о языкѣ, состоитъ въ выработкѣ его для точнаго выраженія всѣхъ оттѣнковъ людскихъ чувствъ и мыслей, будь они подлинныя или переводныя. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы намъ дозволено было коверкать свой языкъ по слогу и складу языковъ иноземныхъ, и еще менѣе допустить можно, чтобы такое ремесленное понятіе и работа принесли какую-нибудь пользу. Мы сей-часъ только говорили о томъ, что черезъ такую неумѣстную переимчивость языкъ нашъ усвоилъ бы себѣ всѣ грѣхи и недостатки другихъ языковъ, но никогда не воспользовался бы ихъ красотами и достоинствами, потому что это общая и неминуемая участь всѣхъ подражателей, и что истинная красота и достоинство языка не можетъ быть нажитымъ добромъ, а должны заключаться въ коренныхъ его свойствахъ. Отъ насъ требуютъ и ожидаютъ не того, чтобы мы перетянули рѣчь свою на чужомъ болванѣ, а чтобы мы удержали ее на природномъ ея пути, дали ей просторъ и раздолье въ своемъ, коренномъ руслѣ. Пиши такъ, какъ написалъ бы на твоемъ мѣстѣ даровитый иностранецъ, если бы онъ былъ Русскій, но не ходи за нимъ гуськомъ, ступня въ ступню, а протори свой путь, пройдись по немъ своей походкой, не ломайся на чужой ладъ, пройдись, какъ про-

шелъ бы образецъ твой, будь онъ не только на твоемъ мѣстѣ, а въ твоемъ тѣлѣ. Нѣмецъ говоритъ: это не хорошо выглядитъ; Французъ: это удивляющее дѣло; Англичанинъ: каждый человѣкъ ничего не знаетъ—это хорошо для него; Русскій скажетъ: это ни на что не похоже, это больно неказисто, очень невзрачно; удивительное, дивное дѣло; никто ничего не смыслитъ, ни одинъ человѣкъ аза въ глаза не знаетъ; это никуда ни къ чему не годится, никуда не годно, не гоже. Примѣры эти, конечно, очень не замысловаты; но они покрайней мѣрѣ, ясно показываютъ, о чемъ у насъ идетъ рѣчь, чего мы добиваемся, и по простотѣ и ясности своей не могутъ, кажется, подпасть пересудамъ и кривотолкамъ. Наберите самыхъ хитрыхъ и замысловатыхъ оборотовъ, по какимъ угодно прямымъ и переносимъ, насущнымъ и отвлеченнымъ понятіямъ, и вы, конечно, найдете тоже. И такъ, намъ надобно добиваться того, чтобы высказать ясно, отчетисто и звучно, все то, что другіе могутъ вымолвить на своемъ языкѣ; но высказать такъ, какъ оно должно отозваться въ русскомъ умѣ и сердцѣ, сорваться съ русскаго языка. Послѣ этого объясненія, нельзя уже, кажется, сказать, чтобы тотъ, кто держится изложенныхъ начáлъ, пятился назадъ; онъ только старается твердо помнить зады, и, шагая впередъ, постоянно на нихъ опирается. Скачкáми на-удачу, вправо и влѣво, можно нахватать много посторонняго, да торной дорóги не проложишь, а съ коренного пути того и гляди собьешься.

Остается еще странное мнѣніе—хоть оно и было высказано заслуженными людьми—что намъ вовсе нечего заботиться о родномъ словѣ своемъ: оно-де живетъ міровою жизнію своею, спѣетъ и зрѣетъ вѣками или годами, какъ судьба порядитъ, и выработается въ свое время, къ сроку, какъ ему быть суждено, въ какую бъ сторону мы не порывались.

Мнѣніе это заключаетъ въ себѣ что-то роковое и, слѣдовательно, довольно горестное; дѣлай что хочешь, трудись сколько силъ есть, а все тщетно, все ни къ чему, судьба всѣхъ насъ увлекаетъ. Если принять возраженіе буквально въ этомъ смыслѣ, то надо передать споръ нашъ—едва ли не въ богословіе или, по-крайней мѣрѣ, въ область философіи, а на этомъ полѣ мы напередъ кладемъ ружье: не по силамъ встрѣча. Но если мнѣ скажутъ: не роковая судьба, въ смыслѣ мусульманскомъ, а собственно міровая жизнь рѣшаетъ участь языка, т. е. дѣла, событія, обстоятельства, никѣмъ напередъ не разгаданныя и безъ умысла уготовленныя, даютъ всему въ мірѣ—и слову и словесности нашей — направленіе, цвѣтъ, масть, ладъ и строй, то я спрошу уже посмѣлѣе: а кто же придаетъ этому общему потоку извѣстное направленіе, кто обусловливаетъ, хотя большею частію и безсознательно, общее стремленіе это, если не люди? Слѣдовательно люди, мысли ихъ, дѣла и покушенія, если они дружны, не могутъ остаться безъ вліянія на будущность вообще, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на судьбу родного слóва. Мы, помнится, начали первую статью свою объ этомъ предметѣ, едва ли не слишкомъ длиннымъ вступленіемъ: о міровой и вѣковой жизни народовъ, наукъ, искусствъ, всѣхъ знаній среди человѣчества; мы вѣруемъ въ эту міровую жизнь, но не въ смыслѣ восточной роковой судьбы—будетъ что будетъ—а полагаемъ, что самая жизнь эта и движеніе, въ ту или другую сторону, обусловливаются стремленіемъ и направленіемъ большинства; и, признавая въ каждомъ изъ насъ свободную волю, допускаемъ не только вліяніе каждаго изъ сотрудниковъ по той или другой части на цѣлое, но убѣждены даже, что ходъ и направленіе цѣлаго, или міровая жизнь эта, составлена и срощена изъ безконечныхъ отрывковъ частныхъ усилій и направленій.

Да какъ же оно и можетъ быть иначе? Если каждый гражданинъ, одушевленный общею мыслью, внесетъ свою лепту, свой шелегъ и пенязь, то соберется огромная казна; если каждый писатель будетъ изучать родной языкъ свой и держаться стихійныхъ его основаній, тогда, наконецъ, и слово наше необходимо должно выработаться въ этомъ же духѣ, изъ стихійныхъ началъ своихъ, и читатели и писатели поневолѣ будутъ уже слѣдовать проложеннымъ путемъ. Спрашиваемъ еще: долженъ ли писатель изучать прилежно языкъ свой, или же онъ можетъ, полагаясь на міровую жизнь языка, писать какъ угодно — чтобы не сказать какъ ни попало — въ твердой увѣренности, что, несмотря на малограмотность его, писателя, родное слово выработается и образуется, коли угодно Аллаху, по-своему, наперекоръ всѣмъ безграмотнымъ попыткамъ вѣрующихъ въ фатализмъ грамотѣевъ? Доселѣ, кажется, всѣ соглашались въ томъ, что первое дѣло для писателя— изучать языкъ свой; соглашались, никакъ, и въ томъ также, что письменный языкъ образуется писателями; попрекали нерѣдко тому или другому, что онъ, изловчившись много писать и много печатать, пріучаетъ насъ къ своему дурному языку и слогу, и портитъ языкъ русскій. Если все это справедливо, въ чемъ, кажется, едва ли можно поспорить, то нельзя и не согласиться, что степень знанія писателями языка, самый образъ изученія его и усвоеніе тѣхъ или другихъ началъ непремѣнно должны обнаруживать сильное вліяніе на живой языкъ нашъ, и въ особенности на языкъ письмовный.

Но игра не стóитъ свѣчъ, говорятъ другіе, все ровно такъ ли, иначе ли мы писать станемъ, въ этомъ нѣтъ никакой важности, лишь бы слово наше не отставало отъ общаго образованія, шло въ ногу съ нимъ и выражало вполнѣ то, чего требуетъ современная

духовная жизнь. Но въ томъ-то и дѣло, господа, что языкъ не пойдетъ въ ногу съ умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ, не будетъ отвѣчать современнымъ потребностямъ, если не дадутъ ему выработаться изъ своего сока и корня, перебродить на своихъ дрожжахъ; пошлость, вялость и околичность искусственной рѣчи нашей происходятъ собственно отъ того, что мы покидаемъ родной, свойственный языку нашему способъ выраженія, и перетягиваемъ рѣчь свою по новому болвану, съ котораго сымаемъ ее не рѣдко Тришкинымъ кафтаномъ. Всѣ мы знаемъ, что русская рѣчь длиннѣе едва ли не всякой иной; переводъ на нашъ языкъ занимаетъ всегда гораздо болѣе мѣста, чѣмъ подлинникъ, даже переводъ со словянскихъ же нарѣчій; всѣ мы нерѣдко на это жалуемся, видимъ что это дурно, что это разноситъ, разсыропливаетъ и прозу и стихи; но всѣ мы усердно стараемся растянуть русскую рѣчь еще шире и длиннѣе, отъ незнанія языка своего, отъ ломки его по несроднымъ ему образцамъ. Способъ выраженія, складъ рѣчи даютъ каждому рѣченію полуторный противу должнаго объемъ, да, сверхъ того, еще и самыя слова нерѣдко выходятъ изъ печи нашей огромныя, многосложныя, будто набранныя для какой-нибудь скороговорки. Спрашиваю, найдется ли кто-нибудь между нами, кто бы вздумалъ отстаивать такой соръ и мусоръ, какъ благопріобрѣтенное богатство языка? Глядите: вотъ вамъ цѣлыя груды взятыхъ напрокатъ иноязычныхъ глаголовъ, которые не лезутъ въ кузовъ нашъ безъ надѣлокъ, безъ долговязыхъ, приварныхъ хвостовъ, могущихъ уже по себѣ стать подъ мѣрку и потягаться съ самыми длинными иноязычными словами; вотъ цѣлый поѣздъ нашихъ доморощенныхъ существительныхъ, передѣланныхъ своими трудами изъ природныхъ и настоящихъ русскихъ словъ, съ навѣской какихъ-то

дикобразныхъ хоботовъ; а вотъ, наконецъ, и западная сила наша, запасецъ громоздкихъ, выкованныхъ склепкой и сваркой составныхъ словъ, коими долгомъ считаемъ гордиться по мѣрѣ силъ своихъ, потому что они, какъ мы полагаемъ, русскія—и сверхъ того еще собственнаго нашего издѣлія. Дайте этимъ господамъ пожалуйста монополію, чтобы никто не смѣлъ покорыстоваться этими словами, кромѣ самого сочинителя ихъ: это будетъ полезно не только собственно для господъ изобрѣтателей, но и для насъ и для потомковъ нашихъ. Почему же и не склепывать по 2 и 3 сло́ва въ одно? Вѣдь на греческомъ языкѣ легко связываются каждыя два, три сло́ва, на латинскомъ почти также; и Нѣмцы говорятъ: Schlafmütze, Fingerhut, Handschuh; и Французы также: bâteau á vapeur, fer á repasser—или тѣ и другіе принимаютъ сложное латинское, греческое слово. Но у кого есть ползолотника русской сметки, тому невольно придетъ на умъ, что народъ русскій говоритъ: *перчатка, напе́рстокъ, игольникъ;* говоритъ: *слизнякъ* а не слизоживотное, *нутрякъ, нутровой*—а не внутренностный, или-*ое* животное; что есть для избѣжанія сложныхъ, неуклюжихъ словъ окончанія на: ахъ, яхъ, ухъ, юхъ, ыхъ, ихъ, анъ, инъ, онъ, унъ, атка, итка, ецъ, ица—словомъ, тьма окончаній, да кромѣ того еще придаточные предлоги, и что по этому самому и надобно образовать слова́ изъ одного только главнаго понятія о предметѣ посредствомъ этихъ окончаній и, если угодно, предлоговъ; тутъ столько средствъ, столько богатства, столько разныхъ оттѣнковъ, что русскій человѣкъ въ карманъ за словомъ не полѣзетъ; да намъто оно не дается, потому что мы не съ того конца за дѣло беремся, нѣтъ у насъ на то ни ухватки, ни снаровки. Отъ *молока*, напримѣръ, народъ составилъ: молочникъ, молочница, молочная (комната), молоканъ, молочай, моло́ки—и можно бы, безъ всякой натяжки,

образовать: молочнякъ, молочатка, молочанъ, молочецъ и пр. Отъ глагола *ступать*, или, по крайней мѣрѣ, отъ одного съ нимъ нача́ла, образовались: поступь, ступень, ступня, ступка, ступа, ступица, стопа; далѣе: студить, студень, остуда, стужа, студенецъ, простуда; огонь, огневикъ, огнянка, огневка, огниво, огнище, огнищанинъ и пр. Вотъ взятые на-обумъ, на выдержку примѣры, изъ коихъ видно, какъ русскій изворачивается однимъ словомъ, давая ему чрезъ окончаніе и предлоги различное значеніе, тамъ, гдѣ Французъ и Нѣмецъ складываютъ новое понятіе изъ двухъ или трехъ словъ, соединяя два или болѣе понятія въ одно. Мы слѣпо и безразсудно подражаемъ этому, на-перекоръ своему языку, а потому и сами виною постепенной порчѣ его.

Спрашиваемъ нелицепріимнаго читателя, можно ли послѣ всего этого говорить, что языкъ выработается самъ собою, что это не наша забота? Если я пущу въ ходъ какое-нибудь *внутренностное исчезнутіе слизожи-вотнаго*, которое, переходя изъ рукъ въ руки, переживетъ, можетъ быть, цѣлое поколѣніе, то не мнѣ ли подобаетъ вся честь и заслуга этого изобрѣтенія, не на мнѣ ли ляжетъ и отвѣтственность? Если я, завладѣвъ покупкой или передачей какимъ-нибудь повременнымъ изданіемъ, съумѣю поддержать его—ужь конечно не чистотою языка, а другими средствами,—и добуду на него довольно читателей, пріучу ихъ исподволь къ *газону*, *кадаверу*, *каверна* и еще сверхъ того къ тарабарскому складу рѣчи, если молодые читатели мои и сотрудники подрастутъ и въ письмѣ ихъ отзовутся тѣ же нача́ла, на которыхъ они выросли,—обвинять въ такомъ случаѣ судьбу, рокъ, сваливая съ плечъ своихъ весь грѣхъ, значитъ разыграть въ лицахъ басенку о дервишѣ и дьяволѣ, который съ любопытствомъ подсматривалъ какъ пекутъ яйца на свѣчѣ.

между тѣмъ какъ на него же хотѣли свалить всю вину такого соблазна.

Нѣтъ; или убѣжденіе во мнѣ такъ сильно, что не видишь вашего свѣта среди своихъ потемковъ, или я правъ, я бы могъ—да можетъ быть и слѣдовало бы—указать на нѣсколькихъ отборныхъ, въ отношеніи языка, писателей нашихъ, а потомъ выписать изъ нихъ нѣсколько примѣровъ тому, *какъ* у насъ иногда и лучшіе, благонамѣренные и свѣдушіе люди переиначиваютъ, по привычкѣ, русскую рѣчь на чужой ладъ; но не желая называть никого, чтобы не вдаваться въ личности, коихъ искони бѣгаю, ограничиваюсь этими общими замѣчаніями и необходимыми только примѣрами. У меня на-сердцѣ лежитъ *дѣло*, а не доброхотство къ одному и нападки на другого; сверхъ того, читатели наши слишкомъ пріучены вспоминать по-неволѣ часто пословицу: рука руку моетъ, и не довѣряютъ, по справедливости, взаимнымъ похваламъ друзей и пріятелей. Вотъ другая причина, почему я не назвалъ никого изъ близкихъ мнѣ, хотя они и могли бы служить образцомъ для большинства. Вѣрное, неподкупное чувство мыслящаго и смышленнаго читателя перечтетъ ихъ по пальцамъ безъ моей указки, тѣмъ болѣе, что всѣ почти они приходятся мнѣ старшими братьями, и расправы чинить надъ ними мнѣ не къ-лицу. Лѣтъ больше двадцати у меня на умѣ постоянно одно, я свыкся и обжился съ этою мыслью, мнѣ она своя; иному она, можетъ статься, еще дика и несподручна. Какъ бы то ни было, а я желалъ пути и добра, принявшись за статью свою, и теперь еще твердо надѣюсь, что найдутся люди, которые откликнутся русскимъ *исполать* и *Богъ на-помочь*! а мнѣ только того и надо, тогда зернышко ужь не пропадетъ, пашня наша не заглохнетъ.

Еще словечко на прощанье: мнѣ было сказано, меж-

ду прочимъ, по поводу статьи моей: «да ты же самъ какъ пишешь? И у тебя попадается не русская, или дурно сложенная рѣчь». Прямиковое слово это меня было немного озадачило; развѣ я когда-нибудь и кому-нибудь хвалился, что пишу образцовымъ языкомъ, что достигъ того, чего, какъ видно, кажется, изъ статьи моей, никто, по моему мнѣнію, не достигъ? Это выказало бы какую-то несвойственную мнѣ самонадѣянность и неумѣстно самодовольное о себѣ самомъ мнѣніе. Никогда у меня этого не было на умѣ; но думаю и увѣренъ въ томъ, что если мы не будемъ оберегать взаимно другъ друга, подсказывать и поправлять коли кто обмолвится или ошибется, то не будемъ поучаться и исправляться въ сродныхъ каждому изъ насъ недостаткахъ. Я убѣжденъ, что изучать языкъ нашъ должно такимъ родомъ, такимъ путемъ, какъ я за него взялся; но въ успѣхахъ своихъ не зазнавался, а знаю, напротивъ того, положительно, что грѣшу вопреки воли и намѣренія своего нерѣдко, потому что родился и живу подъ тѣми же обстоятельствами и отношеніями какъ и другіе. *Доброй воли на доброе дѣло* подайте—и я тутъ первый, этимъ похвалюсь, коли къ тому рѣчь пошла; а что дальше будетъ—пусть разсудятъ внуки наши, когда станутъ умнѣе насъ.

ИСКАЖЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА

Полемическія письма къ М. П. Погодину объ иностранныхъ словахъ *)

ГРАМАТА ПЕРВАЯ

Давно уже накипѣло у меня на сердцѣ какое-то болѣзненное негодованье на искаженіе письменнаго нашего языка. Иные какъ бы сумыслу небрегутъ этимъ, будто дѣломъ не стоющимъ вниманія, и съ людьми такихъ убѣжденій нашему брату толковать нечего; это люди передовые, ушедшіе отъ насъ такъ далеко, что давно уже выскочили за русскіе предѣлы и стали міровыми гражданами. Другая, какъ полагаемъ, большая половина готова пристать — на словахъ—къ нашему негодованію, на дѣлѣ же, не шевельнетъ для этого мизинцемъ. Какъ велось такъ и поведется. Вѣкъ идетъ на парахъ да по телеграфамъ, досужно ли тутъ и кстати ли призадумываться надъ словами, надъ оборотами рѣчи—сошло бы съ рукъ, съ ногъ и собаки

*) Письма эти впервые были напечатаны въ газетѣ «Русскій», издававшійся М. П. Погодинымъ, въ 1868 г. Тамъ же помѣщены и отвѣты Погодина.

стащатъ! Изрѣдка попадаются и правщики, со рвеніемъ не по разуму, очевидно въ сущности добро желательные, но незрѣлые; такъ, недавно кто-то сдѣлалъ строгій выговоръ *Современнымъ Извѣстіямъ* за то, что онѣ пишутъ не *взносъ* а *вносъ*. Не мѣшало бы напередъ собразить, что *взносъ*, какъ *вознесеніе*, *восходъ*, означаетъ движеніе кверху, а *вносъ*, *внесеніе*, *входъ*, простое движеніе впередъ, до условнаго мѣста.

Газета Русскій обѣщала принимать и печатать замѣтки мои по сему дѣлу, не исправляя погрѣшностей моего правописанія (какъ привыкли дѣлать всѣ повременныя изданія наши), хотя и не ручается за поправки наборщика, коего убѣжденія въ этомъ дѣлѣ также не безъ вѣсу: такъ, напримѣръ, одинъ такой правщикъ, перемѣнивъ одну только букву, напечаталъ когда-то въ заголовкѣ газеты, вмѣсто Сѣверная пчела Скверная пчела, вопреки волѣ и убѣжденію издателей.

Коли Русскій радушно принимаетъ замѣтки наши, такъ начнемъ же съ него самого и поправимъ на немъ шлыкъ. Поглядѣть на самого себя, а тамъ и на другихъ, это всегда хорошо. А почему, землячекъ, ты пишешься *Русскій*, а не просто *Рускій?* Если тебя и смущаютъ слова: *Россія*, *россійскій* Екатерининскихъ временъ, то, во-первыхъ, самое слово это высокопарное сочиненіе любителей высокаго слова, взамѣнъ *Руси* и рускаго; во-вторыхъ, сдвоеная буква с забрела и въ слово Россія изъ нѣмцевъ, гдѣ нѣтъ нашего з, гдѣ за него отвѣчаетъ одинокое с (s), а сдвоенное за наше *эсъ* или *слово*. Да тверже того, какъ мы произносимъ эту согласную, ее и выговорить нельзя, хоть наставь ихъ десять сряду; придется только сипѣть гусакомъ. Отъ *вѣсъ*, вѣскій; отъ *трясти*, тряскій; отъ *Русь*—рускій; отъ *Прусія*—прускій; отъ Кавказ(с)ъ — кавкаскій; сдвоеніе согласныхъ нашихъ, это пріемъ западный пополняющій недостатокъ писменныхъ знаковъ, въ

чемъ мы не нуждаемся, или нуждаемся рѣдко, потому что наша азбука полнѣе. Не достаетъ у насъ только звука придыханія (h), который рано или поздно придется прибавить, а замѣнять его буквами *г* и *х* не удобно.

Почти также безтолково сдваивается буква н, и это дѣлаетъ не одинъ Русскій, а всѣ рускіе, даже сама Россійская Академія. Покойный Н. И. Гречь, шутившій иногда очень складно, увѣрялъ въ былыя времена, будто бы была вывѣска: Въ хотъ вакадемію; притча эта, по переложеніи въ прямой, насущный смыслъ, говоритъ, что даже между учеными нашими руская грамота не устоялась, а еще шатка, и противъ этого спорить нельзя. Изъ правописи Акадмчс. Словаря нельзя вывести никакого заключенія, какъ писать прилагательныя и причастія стрдт., черезъ одинокое, или сдвоенное н? мы читаемъ такъ: водворенный, веденный, и въ тоже время: волоченый, вощеный; чему слѣдовать? Я думаю, что правило дается произношеньемъ, если только оно не искажено привычкою къ писменому языку и высокому слогу; но изо ста случаевъ болѣе девяносто такихъ, гдѣ мы сдваиваемъ н напрасно; есть даже иногда разница въ значеніи слова, по тому глядя, какъ оно написано; возмемъ хоть помянутое нами сейчасъ реченіе: писменое сообщенье, сдѣланое на писмѣ, писмомъ, а писменный человѣкъ, добрѣ граматный, знающій писмо. Думаю даже, что должно писать истина, истиный, искреній и пр., хотя граматеи и произносятъ иногда слова эти ударяя на сдвоеное н; но попытайтесь не дѣлать этого, и можетъ быть вы со мною согласитесь. Словъ: вседе́нный, обыденный или обыде́нный и пр. нельзя писать черезъ одно н, это слышитъ всякое руское ухо; но: внушеный, веденый, водвореный и пр. остаются при одномъ. Съ нихъ этого будетъ.

Кстати, землякъ (обращаюсь къ Русскому), ты пишешь: обыденный, придавая слову этому ошибочное значенье, а объ этомъ надо тѣмъ болѣе пожалѣть, что такъ недавно стали дѣлать многіе, желая порусить и, вѣроятно, соблазнившись съ заглавіемъ книги, въ которомъ люди ученые, наставники наши, поставили *обыденный* въ томъ же ошибочномъ значеніи. Обыденной или обыденный значитъ: однодневный, суточный, что сталось объ одинъ день, объ одну ночь. Обыденныя церкви строились всѣмъ міромъ, по обѣту, въ однѣ сутки; обыденная нетличка или обыденка, это эфемера, насѣкомое, которое живетъ въ своемъ видѣ всего-на-все однѣ сутки, или немного болѣе; но вы хотите сказать: что дѣлается ежедень, что и какъ идетъ день по-дню—а это не обыденный, это обиходный, ежедневный, бытовой, всегдашній. Воля ваша, а такъ картавить не хорошо, даже указывая другъ на друга. Примѣръ не образецъ.

И еще, кстати, слово объ ошибочно введеномъ въ обиходъ словѣ: Русскій, какъ и прочіе нерускіе, говоритъ: причалить къ берегу и отчалить отъ берега, въ смыслѣ пристать и отвалить. Хоть ты и Русскій, а стало быть на судоходныхъ рѣкахъ нашихъ не бывалъ, Волги матушки не знаешь: чалить—это вязать, навязывать, привязывать; началить веревку, снасть, шесть наставить, навязать; причалъ — веревка, которою что привязано, которою лодка взята за кабу, за колъ *причалить* и *отчалить*—привязать и отвязать; къ пристани, къ берегу пристаютъ, а отъ берега отваливаютъ.

Читаю въ № 19 Русскаго: характеръ, продукты, редакція, ораторъ, интересъ, серьезный, коллекція, дуализмъ, федерализмъ, кореспондентъ (или корреспондентъ, потому что нѣмцы такъ пишутъ), революція, фермеръ, центръ, территорія, результатъ, матеріальный, агитація, реформа... Да, по всему видно, это долженъ быть чисто рускій.

ГРАМАТА ВТОРАЯ.

И такъ мы сошлись съ Вами, многоуважаемый Михайла Петровичъ: мы оба негодуемъ на искаженіе родного языка разными способами, между прочимъ и наводненіемъ чужихъ словъ; разница во взглядѣ нашемъ только та, что вы хотите выкинуть слова эти изъ словаря, а я желалъ бы сознательнаго, разумнаго и единодушнаго отреченія всѣхъ или большинства писателей нашихъ отъ смѣшенія французскаго съ нижегородскимъ, желалъ бы уврачеванія этой проказы на дѣлѣ. Какія же были бы добрыя послѣдствія, если бы я, озлобясь на *гармонировать* и *инициативу*, выкинулъ всѣ имъ подобныя украсы изъ своего словаря? Ихъ бы тамъ не было, это правда, но, конечно, онѣ остались бы и процвѣтали по прежнему въ печати. А что, напротивъ, могло бы статься, когда слова эти, съ рускимъ переводомъ попали въ словарь? Я думаю сбыточно, что иной, пробѣгая ихъ, рѣшился пустить въ ходъ руское слово, вмѣсто чужого, написавъ *согласоваться* или *отвѣчать* и *починъ*, замѣсто гармонировать и инициатива. Какое изъ этихъ двухъ слѣдствій вы почитаете болѣе полезнымъ? Но вы бы желали видѣть чужесловы эти въ особомъ приложеніи къ словарю— значитъ вы желаете два словаря; не знаю, удобнѣе ли, подручнѣе ли бы это было, но, во всякомъ случаѣ, я за это не брался, особаго словаря чужесловамъ составлять не затѣвалъ, на это у меня не стало и досуга.

Я напечаталъ то, что у меня въ запасахъ накопилось, сознавая неполноту и несоразмѣрность ихъ, но предпочелъ дать то, что было, не откладывая дѣла, которое другіе послѣ меня исправятъ и дополнятъ. И такъ, я безъ вины виноватъ, что собралъ слишкомъ мало чужеслововъ въ словарѣ своемъ, но едва-ли сдѣ-

лалъ бы лучше, если бы выкинулъ и тѣ кои туда попали. А сдѣлать это было бы не мудрено. Все это объяснилъ я подробно въ «напутномъ словѣ» къ словарю, прибавивъ еще: «послѣ сего понятно, для чего выраженія рускія, при объясненіи ихъ, толкуются также наоборотъ болѣе или менѣе принятыми чужесловами; не для того, конечно, чтобы свое слово замѣнить чужимъ, а, напротивъ, чтобы указать или напомнить, какимъ рускимъ словомъ можетъ быть замѣнено иноземное, нерѣдко читателю (прибавлю: и даже писателю) болѣе знакомое, чѣмъ свое родное»,

За что Н. И. Гречь, получивъ отъ меня первый листъ словаря, похвалилъ меня, за то вы меня корите; кого слушаться? На слово: *аборигенъ* приложено у меня одинадцать рускихъ переводовъ—разсудите, пользу ли можно ожидать отъ этого или вредъ? А что такихъ словъ много, особено на букву А, это уже не моя вина, а ваша и всѣхъ вообще писателей, даже вина рускаго языка, въ которомъ нѣтъ коренныхъ словъ на эту букву.

Посудите сами: Академія приняла, не знаю по какому мѣрилу, часть обиходныхъ чужеслововъ, а другую, большую, выкинула, вѣроятно надѣясь вѣсомъ и вліяніемъ своимъ истребить ихъ и въ обиходѣ; на сколько же она въ этомъ успѣла? Ни-на-волосъ; вѣдь это тотъ же пріемъ, за который хватаются въ отчаяніи наши ученые врачи, утверждающіе съ презрѣніемъ, что гомеопатіи нѣтъ; что жъ ея и не стало послѣ этого? Не признавать дѣла, отрекаться отъ него (поруски игнорировать), можно, кому любо, но толсто наросло у того на шеѣ гордыни, спеси и строптивости, кто морочитъ себя увѣреностью, будто того и нѣтъ, чего мы не признаемъ, не хотимъ. Такимъ пріемомъ лишь самъ себя одурачишь; а пользы отъ него не будетъ. Скрывать и таить зло, облыжно отъ него отрекаясь, это,

какъ вы знаете, мы давно умѣемъ, но, кажется, настала пора, когда дурная замашка эта выходитъ изъ обычая; мы начинаемъ сознавать зло, гдѣ оно есть, изобличать его гласно и искоренять. Такъ и тутъ: словарникъ не узаконитель, а рабъ языка; что есть, то онъ обязанъ собрать, и не можетъ выкидывать того, что ему не нравится.

Словари не помѣха этому дѣлу, а подспорье; но одни словари, безъ убѣжденія и твердой рѣшимости писателей, также равно ничего не сдѣлаютъ. Прямой и вѣрный путь одинъ: послѣдовать вашему примѣру и изгонять всѣми силами эту нечистоту, еслибы даже иногда и не совсѣмъ удачно; тутъ важно сознаніе, рѣшимость, общее убѣжденье, а поправки и поправщики и найдутся. Ставте въ скобкахъ, какъ вы и дѣлаете, чужое слово, хоть бы это былъ газонъ, потому-де что травка, дернъ, мурава, печорье и пр. всё это не то и не годится, ставте его въ скобки, а какое знаете руское—въ строку и вы этимъ заручитесь передъ міромъ въ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ своихъ, а за вами, дастъ Богъ, пойдутъ другіе, дѣло войдетъ въ обычай и цѣль будетъ достигнута. Если бы только всѣ писатели наши пришли къ этому убѣжденью, то чрезъ годъ всякое чужое слово стало бы у насъ кидаться въ глаза или въ уши и мы съ вами выиграли бы тяжбу свою! Вы говорите, что и сами не терпите порчи языка и уже, 20 лѣтъ тому, ратовали за изгнаніе чужого: это я знаю, но вы и эти 20 лѣтъ всё-таки писали, какъ всѣ другіе пишутъ, съ примѣсью всякой всячины.

«Ты ладно говоришь»,—сказалъ однажды весма честный и добродѣтельный раскольникъ проповѣднику, —«а вотъ я погляжу, какъ дѣлать-то станешь!» Да и не корю я васъ, Михайла Петровичъ я говорю только что и какъ есть, оправдываясь самъ передъ вами, и

напомню, что я въ предшедшей статьѣ своей обращался даже не къ вамъ лично, а къ Русскому, который въ грѣхахъ (такого рода), какъ въ репьяхъ. Вы видѣли, я набралъ до 20-ти чужихъ словъ и по моему всѣ онѣ некстати, изъ одного листка Русскаго! Правда, если сунуться въ другія срочныя изданія, то истинно голова пойдетъ кругомъ... Москва, которая, чаятельно, также считаетъ себя рускимъ, въ одной небольшой статейкѣ четыре раза повторяетъ: элаборатъ! что жъ это за чудище такое, этотъ элаборатъ? Просто записка или докладъ венгерскаго сейма! И каждый листокъ этой руской газеты, Москвы, донельзя наполненъ такими безобразными наростами, убѣждающими насъ въ томъ, что издатели его, гонители запада, нисколько не сознаютъ надобности избавить языкъ нашъ отъ этой западной порчи; тысячи людей читаютъ это, привыкаютъ къ такому языку, убѣждаются въ необходимости удержать его—и онъ живетъ себѣ и процвѣтаетъ! Весма уважаемый наставникъ рускаго языка пишетъ граматику, можетъ быть слишкомъ ученую и недоступную какъ учебникъ, но доказывающую любовь къ предмету и много знанія—и что же? Самое вступленіе, предисловіе къ этой книжкѣ переполнено отъ начала и до конца чужесловами; чего же послѣ этого ждать отъ учениковъ? Умозрительное, отвлеченое изученіе ими рускаго языка, искажаемаго такимъ образомъ въ глазахъ ихъ на дѣлѣ, въ приложеніи, не научитъ ихъ хорошо и чисто писать по-руски, не поселитъ въ нихъ убѣжденія, въ необходимости отстать вовсе отъ дурной привычки говорить на своемъ языкѣ чужими словами, а, напротивъ, поведетъ именно по этой колеѣ. Я никого не желаю затрогивать, никому не хотѣлъ бы сказать непріятнаго слова, но вѣдь что есть, то и есть, смолчавъ, ничего не передѣлаешь и не исправишь. Если учитель печатно вызываетъ собратовъ

своихъ на образованіе коллегіи учителей, то въ немъ, конечно, можно предполагать учителя латынскаго или иного языка, но едва ли рускаго.

Пойдемъ далѣе, по вашему *отвѣту*. Вы говорите: «газета не вся пишется мною», да я васъ, Михайла Петровичъ, ровно ни въ чемъ и не винилъ, я бесѣдовалъ съ Русскимъ, а онъ весь кѣмъ-нибудь да пишется!

«Образовательное окончаніе прилагательныхъ *скій*, а не́ *кій*, а потому надо писать *русскій*». Не думаю; окончаніе это бываетъ и *скій* и *кій* (го́ркій, вм. горючій, паркій и пр.), а гдѣ уже есть на концѣ буква *с*, тамъ ее сдванвать не для чего. И встарь писали рускій, и понынѣ на всѣхъ славянскихъ наречіяхъ также.

Точно тоже должно сказать и объ окончаніи на *ный*; если корень оканчивается на *н* то сдвоеніе въ прилагательномъ необходимо. Да почему же такъ? Не вижу и этой необходимости; впрочемъ, обычно сдваиваютъ и во всѣхъ причастіяхъ страдательныхъ, вѣроятно принимая за корень третье лицо: *водворенъ*, *надѣленъ*, *снабженъ*, и пр. а въ прилагательныхъ, не только пишутъ *каменный*, отъ камень, но и деревянный отъ дерево! «Въ правописаніи я держусь не произношенія, какъ вы, а словопроизводства.» И я также, какъ можете замѣтить изъ словаря, но не пишу наперекоръ произношенью и не ставлю ненужныхъ, лишнихъ буквъ, кои, ради производства, могутъ подразумѣваться. И вы и всѣ дѣлаютъ тоже, хотя не въ равной степени. Посмотрите на безпорядокъ правописанія со слитными предлогами *из*, *без*; надобно же принять одно общее правило, коли не мое, такъ иное, а не покидать этого на произволъ каждаго. Сотрудникъ вашъ затрудняется перевести слова: компетентный, патентованый, привилегированый. Первое перевести не трудно, оно есть и въ моемъ словарѣ вмѣсто *за-*

конный судья, какъ вы предлагаете, я говорю, *полноправный*, полагая что это вполнѣ отвѣчаетъ компетентному. Остальныя два слова также есть въ словарѣ, но, правда, болѣе объяснены, чѣмъ переведены. Причина этому та, что слова принятыя правительствомъ или узаконеніями извести трудно, языка Свода законовъ не передѣлаешь. Чужія слова, вошедшія въ уставы новаго суда, надолго, а быть можетъ и на всегда останутся у насъ, и въ этомъ мы не виноваты. Что небыло надобности въ нихъ, еслибы захотѣли говорить по-руски, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, да дѣло, какъ и при сотвореніи міра, обошлось безъ нашихъ совѣтовъ.

Кончаю добросовѣстнымъ увѣреньемъ, что и не думалъ винить по этому дѣлу личность вашу, я толковалъ съ Русскимъ, начавъ по приличію съ него, и притомъ въ полномъ убѣжденіи, что онъ приметъ замѣтки мои благодушно; нѣтъ пользы бесѣдовать съ тѣми, кои не хотятъ писать иначе. Хорошо бить того, кто плачетъ, а учить, кто слушается.

Пробѣжавъ написаную мною наскоро статейку, я вижу, что стало быть могли бы ею обидѣться или принять ее непріязнено и Москва и учитель, о коемъ я говорилъ. Сознавая, однакоже, въ себѣ самомъ глубокое отвращеніе отъ всякаго оскорбительнаго слова, я спрашиваю васъ и всѣхъ добрыхъ людей: что же мнѣ дѣлать и какъ мнѣ быть? Могу ли я говорить о руской граматѣ, о писмѣ и печати, объ искаженіи языка, не ссылаясь на примѣры, не указывая на печатное? А коль скоро я сдѣлаю это, то затрону личность; или мнѣ искать примѣровъ этихъ у однихъ лишь покойниковъ, безыменщиковъ и подыменщиковъ? Но въ этомъ дѣлѣ, что бы намъ, наконецъ, наумиться, важно

взглянуть на вожаковъ и наставниковъ своихъ, какъ они пишутъ, вѣдь толпа валитъ зря за ними! Пусть же они сами отзовутся и отвѣтятъ мнѣ и всѣмъ русскимъ: либо они не сознаютъ, что пишутъ дурно, что искажаютъ языкъ и въ этомъ случаѣ я передъ ними умолкаю—либо, сознавая это, они не могутъ или не хотятъ исправиться; почему же? А не могутъ по заматерѣлой дурной привычкѣ; не хотятъ по небреженію, говоря: это все равно, или просто по упорству, не желая сознаться въ грѣхахъ своихъ. А что лучше коснѣть или сознавшись исправиться? Пусть же и этотъ вопросъ рѣшатъ они сами, и тогда, пусть судятъ, какъ совѣсть попуститъ, о обличителѣ.

Вы опять таки, и за вторую статейку мою, непремѣнно хотите обижаться, какъ говорите, напраслиною, взводимою мною на Васъ, и продолжаете: «я огорчаюсь, удивляюсь и спрашиваю: укажите мнѣ такія мои статьи!» Речь идетъ о томъ, что я сказалъ: Вы 20 лѣтъ тому уже ратовали противу порчи языка чужесловами, но 20 лѣтъ послѣ того писали, какъ и всѣ другіе пишутъ.

Не корю я Васъ лично, навыборъ, ни даже наравнѣ съ прочими, но исключить вовсе не могу; къ слову пришлось молвить и объ Васъ, скажу даже, и объ Васъ, доказывая общность этой заразы; но Вы требуете доказательствъ, и я долженъ ихъ представить. Я невольно взглянулъ на начало отвѣта Вашего и вторично прочиталъ: «титулъ русскаго словаря...» потомъ порылся въ книгахъ ища какую-либо книжку вашего сочиненья, и мнѣ попалась: «норманскій періодъ», т. е. норманская пора или отдѣлъ рускаго быта, или бытописанія или дѣписи; расвернувъ книжку эту наудачу (стр. 183), я опять наткнулся на заголовокъ: *паралель русской исторіи* и пр., а далѣе, при бѣгломъ взглядѣ, выписалъ слова: *классы народа* (еще сдвоеное с!) *сцена*,

генеалогическій, аристократія, революція, ингредіенты (!), характеристическій, характеръ, элементы, моменты, эпоха, пропорція, система рѣкъ, формы происшествій и пр. У меня нѣтъ подъ рукой иной книги Вашей, но, я полагаю, что и этого довольно. Думаю, что можно было сказать, безъ ущерба смыслу: заглавіе; сравненіе; сословія, состоянія; явленіе, происшествіе, случай, картина; родословный; вельможи, знать, высшее сословіе; мятежъ, смута, возмущенье; составныя части, составъ; свойство, нравъ, видъ, образъ; очертательный; начала, стихіи, основы; пора (по смыслу глядя); время, пора, срокъ; содержаніе, отношеніе, количество; связь рѣкъ, общій водоемъ; видъ, родъ, образъ и пр. Тамъ же есть и другія слова, кои передать сразу ясно и понятно труднѣе, потому что никто этого доселѣ не дѣлалъ: *физическій*—природный; *климатъ*—погодье; *пропаганда*—совращенье, обращенье; *феодальный*—голдовый; *васалъ*—гòлдъ и пр. Не настаиваю на всѣхъ этихъ выраженіяхъ, есть и другія, ищите, сноравливайте и выбирайте, смотря по смыслу, какой придается чужому слову; нѣтъ ничего безтолковѣе требованья, чтобы передавать каждое чужое слово однимъ рускимъ словомъ, которое бы отвѣчало всѣмъ значеніямъ перваго; если слово *серіозный* переводится по-руски 15-ю или болѣе словами, по разуму его глядя, то это не бѣдность, а богатство нашего языка и дичиться тутъ непочто. Вы задаете мнѣ шутя, для перевода слово: pince-nez. Это одно изъ тѣхъ выраженій, которыя внесены къ намъ вмѣстѣ съ предметомъ, дотолѣ неизвѣстнымъ, новымъ, почему и не могло быть ему названья какъ небыло его, до этого замѣчательнаго изобрѣтенія, и на французскомъ; стало быть намъ должно либо принять чужое названье, либо также придумать свое, а готоваго быть не можетъ. Но чужое содержитъ въ себѣ носовой звукъ, который

можно бы у насъ только приблизительно выразить покойнымъ *юсомъ*, а въ произношеніи онъ исчезъ безъ слѣда; судите сами, годно ли послѣ этого для насъ такое слово? его, ни написать, ни вымолвить! Придумать свое не мудрено, но у насъ это не въ обычаѣ, его будутъ чуждаться, даже осмѣивать; мы всѣ хотимъ показать что знаемъ по-французски и произносимъ очень чисто. Вещь эту, можно бы назвать: щипкй, носохватка, щипоноска, клещовка, жемочки, или просто очёчки и пр., но, повторяю, все это будетъ *не то*, потому что никто доселѣ вещи этой такъ не зывалъ и что всякій, у кого она сидитъ на носу, охотнѣе говоритъ по-французски, чѣмъ по-руски.

Нельзя не сказать спасиба Московскимъ Вѣдомостямъ, въ коихъ главныя статьи пишутся свободнымъ и хорошимъ языкомъ; онѣ пустили въ ходъ много рускихъ словъ и оборотовъ речи, изгоняя этимъ чужой наплывъ Частица *де*, которую онѣ снова усвоили нашему языку, доказываетъ вѣрное руское чутье ихъ; ни на одномъ западномъ языкѣ нѣтъ такой ясной и краткой помѣты, для вводныхъ речей, а граматеи наши хотѣли было вовсе сгубить ее!

Въ комъ нѣтъ убѣжденія въ надобности очищать языкъ и изгонять искаженія его, кто не сознаетъ за собою этого долга, кто, будучи писателемъ, не задается этою задачею—тотъ былъ на вѣку своемъ легкомысленымъ пособникомъ худому дѣлу, а чѣмъ долѣе равнодушіе и неряшество это будутъ господствовать, тѣмъ тяжеле будетъ противу рожна прати.

В. И. Даль.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТАГО ТОМА

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТАГО ТОМА

	стр.
Похожденія Христіана Христіановича Віольдамура и его Аршета.	1
Напутное слово.	240
Отвѣтъ на приговоръ.	280
О повѣрьяхъ, суевѣріяхъ и предразсудкахъ русскаго народа:	
Вступленіе	291
I Домовой	299
II Знахарь и знахарка	306
III Кликушество и гаданье	313
IV Заговоры	319
V Водяной.	336
VI Моряны	338
VII Оборотень	340
VIII Русалка.	342
IX Вѣдьма	345
X Порчи и заговоры.	350
XI Симпатическія средства	364
XII Примѣты	373
XIII Басни, притчи и сказки	402
XIV Привидѣнія	410
XV Клады	423

	стр.
Отойдемъ да поглядимъ, хорошо ли мы сидимъ	429
Смерть А. С. Пушкина	435
Письма о хивинскомъ походѣ	442
О русскихъ пословицахъ	510
О наречіяхъ великорускаго языка	522
Полтора слова о русскомъ языкѣ	537
Недовѣсокъ къ статьѣ. «Полтора слова о русскомъ языкѣ»	562
Искаженіе русскаго языка	587

891.73
D121
V.10

891.15
D131
V.10

духовная жизнь. Но въ томъ-то и дѣло, господа, что языкъ не пойдетъ въ ногу съ умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ, не будетъ отвѣчать современнымъ потребностямъ, если не дадутъ ему выработаться изъ своего сока и корня, перебродить на своихъ дрожжахъ; пошлость, вялость и околичность искусственной рѣчи нашей происходятъ собственно отъ того, что мы покидаемъ родной, свойственный языку нашему способъ выраженія, и перетягиваемъ рѣчь свою по новому болвану, съ котораго сымаемъ ее не рѣдко Тришкинымъ кафтаномъ. Всѣ мы знаемъ, что русская рѣчь длиннѣе едва ли не всякой иной; переводъ на нашъ языкъ занимаетъ всегда гораздо болѣе мѣста, чѣмъ подлинникъ, даже переводъ со словянскихъ же нарѣчій; всѣ мы нерѣдко на это жалуемся, видимъ что это дурно, что это разноситъ, разсыропливаетъ и прозу и стихи; но всѣ мы усердно стараемся растянуть русскую рѣчь еще шире и длиннѣе, отъ незнанія языка своего, отъ ломки его по несроднымъ ему образцамъ. Способъ выраженія, складъ рѣчи даютъ каждому рѣченію полуторный противу должнаго объемъ, да, сверхъ того, еще и самыя слова нерѣдко выходятъ изъ печи нашей огромныя, многосложныя, будто набранныя для какой-нибудь скороговорки. Спрашиваю, найдется ли кто-нибудь между нами, кто бы вздумалъ отстаивать такой соръ и мусоръ, какъ благопріобрѣтенное богатство языка? Глядите: вотъ вамъ цѣлыя груды взятыхъ напрокатъ иноязычныхъ глаголовъ, которые не лезутъ въ кузовъ нашъ безъ надѣлокъ, безъ долговязыхъ, приварныхъ хвостовъ, могущихъ уже по себѣ стать подъ мѣрку и потягаться съ самыми длинными иноязычными словами; вотъ цѣлый поѣздъ нашихъ доморощенныхъ существительныхъ, передѣланныхъ своими трудами изъ природныхъ и настоящихъ русскихъ словъ, съ навѣской какихъ-то